

37283

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.

1890.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). <i>Продолженіе</i>	1
II. ПОУМНѢЛЪ. (Повѣсть).— П. Д. Боборыкина	14
III. НАШЕ СЕРДЦЕ. Романъ Гюи де-Мопассана. Часть III, гл. I—III. <i>Окончаніе</i> .— Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	52
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. И. Пальмина	89
V. ПАВЛОВСКІЕ ОЧЕРКИ. <i>Продолженіе</i> .—В. Г. Короленко	90
VI. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть III. <i>Окончаніе</i>	117
VII. ВАЖНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ПАПСТВА. <i>Продолженіе</i> .—М. С. Корелина	1
VIII. НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ОСВѢЩЕНІЯ СТАРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.—С. Я. Капустина	24
IX. Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ-ЗАЮНЧКОВСКАЯ. (В. Крестовскій-псевдонимъ).—В. И. Семевскаго	49
X. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. С. ТИХОНРОВОА. (Библиографическій очеркъ).—Д. Д. Язымова	90
XI. ИЗЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА. <i>Продолженіе</i> .—В. М. Р.	103
XII. ВЪ ЖИЛОМЪ МУЗЕѢ. (Воспоминанія о поѣздкахъ въ Толедо).—Вас. И. Немировича-Данченко	122
XIII. ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ. <i>Окончаніе</i> .—М. А. Протопопова	150
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Ученіе о государственномъ вмѣшателствѣ въ науки гражданского права.—М. И. Бруна	177

37283

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1890.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

100-101345
100-101345

Москва. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

AP50
R875
v. 11:10
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). <i>Продолженіе</i>	1
II. ПОУМНЪЛЪ. (Повѣсть).— П. Д. Боборыкина	14
III. НАШЕ СЕРДЦЕ. Романъ Гюи де-Мопассана. Часть III, гл. I—III. <i>Окончаніе</i> . Переводъ съ французскаго М. Н. Р.	52
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.— Л. И. Пальмина	89
V. ПАВЛОВСКІЕ ОЧЕРКИ. <i>Продолженіе</i> .— В. Г. Короленко	90
VI. БЕЗЪ ДОГМАТА. Современный романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть III. <i>Окончаніе</i>	117
VII. ВАЖНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ПАПСТВА. <i>Продолженіе</i> .— М. С. Корелина	1
VIII. НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ОСВѢЩЕНІЯ СТАРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.— С. Я. Капустина	24
IX. Н. Д. ХВОЦИНСКАЯ-ЗАЮНЧКОВСКАЯ. (В. Крестовскій-псевдонимъ).— В. И. Семевскаго	49
X. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. С. ТИХОНРАВОВА. (Библиографическій очеркъ).— Д. Д. Языкова	90
XI. ИЗЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА. <i>Продолженіе</i> .— В. М. Р.	103
XII. ВЪ ЖИЛОМЪ МУЗЕѢ. (Воспоминанія о поѣздкахъ въ Толедо).— Вас. И. Немировича-Данченко	122
XIII. ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ. <i>Продолженіе</i> .— М. А. Протопопова	150
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Ученіе о государственномъ вмѣшателствѣ въ наукѣ гражданскаго права.— М. И. Бруна	177

852204

	Стр.
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Гольцева	203
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.— Н. В. Шелгунова	211
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сельское хозяйство и протекціонизмъ.—Министерство земледѣлія.—Переселенческое дѣло.—Первыя извѣстія о земскихъ начальникахъ.—Признаніе правъ женщинъ-врачей.—Аптекарскій вопросъ.—Электротехническій институтъ.—Почтовые сберегательныя кассы.—О денежныхъ переводахъ черезъ почту и нѣкоторыхъ порядкахъ.—Сибирская дорога	232
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Сестры Саморучковы</i> , драматическій этюдъ въ 3 картинахъ; <i>Старая сказка</i> , ком. въ 4 дѣйствіяхъ П. П. Гнѣдича; <i>Симфонія</i> , ком. въ 5 дѣйствіяхъ Модеста Чайковскаго.—Ан.	256
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и мемуары.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Языковѣдѣніе.—Естествознаніе.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь.	455

Изъ переписки недавнихъ дѣятелей *).

(Матеріалы для исторіи русскаго общества).

Берлинъ, 8 іюля н. с. (1844).

Сейчасъ получили твое письмо, ерго—и прочли. Думаю, что-жь дѣлать послѣ этого? По-настоящему слѣдовало бы пропустить въ глотку бутылку-другую Моэта, отъ того, что онъ моетъ душу и, слѣд., располагаетъ и еще симпатичнѣе. Но болѣзни мѣшаютъ. Сат. лежитъ съ подрѣзанными жилками и читаетъ Шафарика на двухъ неизвѣстныхъ ему языкахъ (нѣмец. и чешскомъ). Что-жь дѣлать? Читать Гегеля. Да ужь нельзя; теперь просто читать не хочется. Вотъ я взялъ листъ бумаги, да и сталъ писать къ тебѣ. А о чемъ—не знаю. Твое письмо погрузило меня въ какое-то неопредѣленное чувство или смѣсь разныхъ чувствъ. 1-е—симпатическое стремленіе къ тебѣ, 2-е—жажда комизма, произведенная твоею выходкой о растопырившей ноги собагѣ, 3-е—раздумье, навеянное остаткомъ изорваннаго письма—и мало ли что? Всего яснѣе досада: отчего же я не попаду въ Покровское къ 26 августа? А вотъ не попаду. Къ 26 Сатинъ едва будетъ ходить на желѣзныхъ подошвахъ. Прежде сентября не попадемъ въ Питеръ. Стало, къ октябрю въ Москву—и то, какъ Богъ дастъ. Досадно. Буча обстоятельствъ, до меня касающихся, свяжетъ меня на нѣкоторое время. Случайности!—скажешь ты.—Но побѣда надъ случайностью не есть отстраненіе себя отъ ней, а въ ней нахожденіе себя тѣмъ же спокойнымъ духовнымъ существомъ, сохраняющимъ въ несимпатичной жизни глубокую симпатію съ самимъ собою, съ міромъ своего чувства, сознанія и поступковъ. Вотъ чего бы хотѣлось достигнуть. Покоя духа среди переходящихъ волненій, этого спокойнаго управленія парусомъ черезъ бурныя волны,—вотъ бы чего хо-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

тѣлось достигнуть; вопреки моей великой способности затеряться и гибнуть въ разныхъ даже извнѣ налетающихъ смутахъ, а ужъ во внутреннихъ броженіяхъ и подавно. Твое сравненіе меня съ Магдалиной очень мило, и я желалъ бы его, но, къ сожалѣнію, утратилъ способность ваяться. Утратилъ способность любви, хочется, чтобъ любящая сила внутренняя была дѣломъ, проявлялась бы дѣятельно, а не расплывалась бы въ неопредѣленной грусти, которая есть фондъ безвыходнаго раскаянія. Если и есть чувство раскаянія, то оно стало только стремленіемъ снять съ себя нечистое, да и къ чорту его, а не пребывать въ наслажденіи своего гореванья о томъ, что поступилъ бы не такъ. Напрасно ты думаешь, что я увлекусь абстрактнымъ нѣмецкимъ примиреніемъ. Не увлекусь имъ, другъ мой, потому что оно за абстрактною формулой скрытое равнодушіе. Сила любви, сталкиваясь съ такимъ примиреніемъ, должна обратиться въ силу ненависти, въ отрицаніе всего равнодушнаго. Отъ этого ты и не можешь читать школы никакой стороны. Я напередъ взялъ біографію Гегеля Розенкранца—и предисловіе, очень умно написанное, такъ вотъ и царапаетъ душу; тутъ можешь даже найти упрекъ Фейербаха за то, что онъ требуетъ отъ человѣка сердца. Упрекъ этотъ со стороны школы очень естественъ; всякая живая симпатія (т.-е. сердце) внѣ формализма. Ихъ примиреніе то же, что $+ - = 0$. Вердеръ, котораго я очень рѣдко вижу, ибо онъ неуловимъ, кажется, примирился въ разумности человѣческаго развитія. Психологическій процессъ въ этомъ примиреніи очень забавенъ. Развитіе—де разумно. Стало, о чемъ же беспокоиться? Оно и пойдетъ себѣ своею дорогой. И вотъ душа очень егваulich наслаждается величественнымъ ходомъ этого развитія. А на днѣ происходитъ—не то, что не сознанный, а боящійся, стыдящійся признаться—процессъ. «Ну, такъ я отстраняюсь, развитіе и иди само по себѣ, а я работаю про себя!» Къ чорту это формальное примиреніе лицемѣрящаго себялюбія! Есть другое примиреніе, Герценъ! Я его только предчувствую или чувствую болѣе, чѣмъ уяснилъ себѣ, а потому выскажу его, насколько могу себѣ уяснить, т.-е. выскажу очень плохо, но все же слушай: это примиреніе есть проиженіе себя истиной. Истина въ чувствѣ есть любовь, истина въ мысли—разумность. И то, и другое должно проникнуть нравственный міръ человѣка, т.-е. міръ поступковъ. Проникнуться истиной значить быть всегда въ чувствѣ, мысли и поступкѣ ей адекватнымъ; это просто примиреніе съ самимъ собою, т.-е. примиреніе себя, какъ единичнаго, съ собою, какъ духомъ всеобщимъ. Это значить внутренно стать выше случайностей, т.-е.

сохранить себя адекватнымъ среди измѣняемостей. Тогда ты въ каждомъ моментѣ найдешь себя цѣлымъ, вѣчнымъ и гордо уничтожишь въ своей необъятной цѣлости всю ограниченность момента. Ты будешь самъ этотъ perfectassord, въ которомъ разрѣшаются всѣ диссонансы. Жизнь твоя вытечетъ изъ полноты духа и, переливаясь черезъ всѣ противорѣчія, ограниченія, случайности, будетъ непрерывное пребываніе этой полноты въ себѣ среди разнзвучныхъ моментовъ. Такъ изъ perfectassord'a вытекаютъ всѣ диссонансы и возвращаются въ perfectassord, сохраняя всегда присутствіе гармоніи. Примиреніе только это внутреннее примиреніе; а если ты думаешь, что я ищу примиренія со всякою мерзкою дѣйствительностью, то ты просто обижаешь меня. Потому что такое примиреніе есть униженіе, гдѣ соглашаешься признать чѣмъ-то дѣйствительнымъ, непреложнымъ только ограниченный моментъ и или боишься отрицать его, или лицежришь; такое примиреніе—или слабость, или подлость, или, если оно является какъ равнодушное вѣрованіе въ лучшее,—внутренняя апатія, что есть sui ipsius gepegis подлость. Я сказалъ тебѣ, что это состояніе для меня только предчувствіе, и не совралъ, потому что до него еще предстоитъ длинный феноменологическій путь, трудная внутренняя работа, цѣлый рядъ скорбныхъ отрицаній собственныхъ, отчасти романтическихъ призраковъ. А послѣ... послѣ жизнь должна быть созданіе, да,—художественное произведеніе, какъ ты выразился, т.-е. свободное развитіе истины человѣческой природы въ личной дѣятельности. Но, притомъ, несмотря на то, что слѣдуетъ отогнать романтическіе призраки, позволь сохранить въ душѣ романтизмъ и защитить его передъ тобой. Что-жь ты это выругался, назвавши насъ романтиками? Какъ бы не такъ, братъ! Романтизмъ есть святыня чувства и, ergo, весьма глубокий человѣчный элементъ, котораго я убивать въ себѣ не намѣренъ. Если мы вышли изъ романтизма, то еще не значить, чтобъ мы его въ себѣ уничтожили, и романтизмъ, какъ человѣческий элементъ, въ насъ остался и останется. Das Aufhaben ist zugleich Aufbewahren. Да и позволь мнѣ оставить себѣ поэтическую прелесть воспоминанія, которое есть романтическій взглядъ назадъ и, слѣдств., опять ставить насъ въ сферу романтизма. И не убьешь ты его; это одинъ изъ вѣчныхъ элементовъ духа и необходимъ для того, чтобы человѣкъ былъ цѣлостъ, а не односторонность. И позволь мнѣ въ этомъ романтическомъ мірѣ воспоминанія отыскать твою маленькую комнату въ старомъ домѣ, тихо свести тебя туда, да подойти съ тобой къ окну, да взглянуть на знакомую свѣтленькую звѣздочку. Что-жь? У тебя развѣ не пробьется теплая

задушевная слеза, у тебя, потолстѣвшаго Герцена, такая же задушевная слеза, какъ у худенькаго Герцена?... А что-жь мы тогда были? Чисто романтики. Мы тогда были въ моментѣ женственности. Ушли мы съ тѣхъ поръ дальше въ своемъ развитіи,—не спору. Но не отринемъ мы того міра, а примемъ его къ сердцу. Das Aufhaben ist zugleich Aufbewahren. И, вспомнивъ прежнее, душа опять настроится также романтически и женственно. И если бы намъ удалось встрѣтиться въ Покровскомъ, въ желтую осень, въ печальномъ туманѣ,—Герценъ, Герценъ! сколько бы чистыхъ, живыхъ и юношескихъ чувствъ повторилось бы въ насъ и съ тою же полнотою, съ тою же задушевностью, какъ и тогда... Бѣ чорту диссертацию! Какъ мнѣ захотѣлось сидѣть съ тобой въ деревнѣ и послушать далекую русскую пѣсню... Нѣтъ, братъ, оставь мнѣ романтическій міръ, онъ слишкомъ человѣчески хорошъ, чтобы помянуть его лихою. Вотъ ты, Наташа, станешь разливать намъ чай на балконѣ. Мегсі, я выпью изъ учтивости къ тебѣ, да и дерну Александра за полу насчетъ бургонскаго. Онъ человѣкъ сметливый, пойметъ разомъ. Вотъ тутъ-то мы и будемъ разговаривать о заморскихъ чудесахъ. Жаль только, сестра, что чудесъ-то нѣтъ на свѣтѣ. Что для души тайна, то въ явленіи переводится на чудо; а чѣмъ дальше живемъ, чѣмъ дальше ѣдимъ, тѣмъ меньше для души тайнъ—и тѣмъ меньше чудесъ на свѣтѣ. Говорятъ, что жирафъ—чудо, да я ее не видѣлъ, а то, что видѣлъ и вижу, такъ просто, что даже скучно. Но когда я буду съ вами, мои милые, тогда мы найдемъ чудо. Душа опять отыщетъ въ себѣ тайну или, лучше, таинство симпатіи и любви, и минуты, которыя мы проведемъ вмѣстѣ, будутъ чудомъ. Дай-ка ручку, Наташа! Такъ Сашка находить, что Баронъ потому и не профессоръ, что не читаетъ, а ругается?... Это насъ такъ размѣшило сегодня, что мы разъ 30 вспоминали объ этомъ. И смѣялись. А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ-то не смѣшно, что Баронъ ругается. Языкъ ругается, когда въ душѣ мучить. Это руганіе—страшно. Онъ, онъ, мой неподобный Баронъ... Съ чего онъ взялъ на годъ отъ васъ уѣхать? Вотъ я его привезу, насильно привезу. А отчего-жь профессоръ in spe все in spe? Вѣрно, диссертацию не написалъ *). А все-жь лучше ему оставаться in spe. Вѣдь, вотъ Степанъ Петровичъ не in spe, потому что на него вся надежда потеряна, хотя онъ съ тобой и цѣловался **). Что-жь

*) Грановскій представилъ докторскую диссертацию въ окт. 1844 г. и защищалъ 21 февр. 1845 г.

**) Ст. П. Шевиревъ, профессоръ и редакторъ *Москвитянина* (вм. съ Погодинимъ). На обѣдѣ, данномъ Грановскому, на которомъ со стороны обоихъ кружковъ,—

профессоръ in sre сдѣлаетъ изъ своей селезенки? Надѣюсь, что она придетъ въ порядокъ къ моему прїѣзду, и мы, о мой симпатичнѣйшій Грановскій, встрѣтимся безъ заднихъ мыслей о болѣзняхъ, предосторожностяхъ etc... А то, братъ, по слабости человѣческой, т.-е. отъ застѣнчивости трезвой головы, душа не такъ развернется: я буду молчать, а ты только, по обыкновенію, растворишь ротъ на подобіе каркающаго грача, да и только. Нѣтъ, друзья, мнѣ кажется, что мы такъ хорошо встрѣтимся, что каждый эту минуту запишемъ себѣ на память и Грановск. эту записочку положить себѣ въ бюро возлѣ гадательныхъ картъ, на одной изъ которыхъ написано: любовь наилучшая. Прощайте пока. Буду съ Сат. читать Фауста, не тебя, самозванца, Иванычъ, а поэтическаго, того самаго, который въ Лейпцигѣ вылетѣлъ на бочкѣ въ окно изъ погреба, гдѣ я пилъ рейнвейнъ съ мистической памяти княземъ Одоевскимъ. Ну! до свиданія. Завтра кое-о-чемъ серьезно напишу.

Примѣчаніе. Сейчасъ рѣшено, что когда Сатинъ будетъ ходить въ желѣзномъ сапогѣ, то онъ будетъ Ritter Nicolaus von Tambau mit den eisernen Fuss., а я, когда совсѣмъ здоровъ буду, буду—Ritter Nicolaus von Pensovia mit dem eisernen Sih... Нѣтъ! Pensovia мнѣ не нравится, буду Ritter Nicolaus von Beloomuth или Weis s-sunft *). Впрочемъ, я бы теперь оказался таковымъ рыцаремъ, да только *muth* у меня не хватаетъ.

9 июля. Былъ намѣренъ поговорить еще кое-о-чемъ серьезно и не измѣнилъ этого намѣренія. Дѣло вотъ въ чемъ, Герценъ! Прошлявшись два года или, лучше, три года (а, можетъ быть, и больше) безъ толку, разорванный внутренно и вращаясь въ разорванномъ образѣ жизни, я утомился бесполезнымъ броженіемъ и много рефлексировалъ. Съ этою рефлексировкой явилась потребность разумной жизни, потребность *знать* заговорила сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и мое невѣжество стало для меня убійственнымъ. Я теперь учусь, другъ мой, учусь пристально, страстно. Последнее меня пугаетъ, потому что боюсь, чтобы страстное не было только вспышкой; но не думаю: кажется, на этотъ разъ потребность стала

„западнаго“ и „восточнаго“,—былъ избранъ предсѣдателемъ Юр. Самаринъ, присутствовалъ и Шевиревъ. „Пиръ былъ удаченъ,—рассказываетъ Герценъ,—въ концѣ его гостей, не только единодушныхъ, но вшитыхъ, мы обнялись [по-русски съ славянами. И. В. Кирѣевскій просилъ меня объ одномъ, чтобы я вставилъ въ моей фамиліи [ы вмѣсто е и черезъ это сдѣлалъ бы ее больше русской для уха. Но Шевиревъ и этого не требовалъ, напротивъ, обнималъ меня, повторялъ своимъ воргано: [донъ и съ е хорошъ, онъ и съ е русскій“. Съ обѣихъ сторонъ примиреніе было откровенно и безъ заднихъ мыслей, что, разумѣется, не помѣшало черезъ недѣлю разойтись еще далѣе“.

*) Переводъ имени села Бѣломута, родоваго имѣнія Огарева.

слишкомъ глубока, чтобы быть только напризомъ, а не дѣйствительною потребностью. Послѣ долгой рефлексировки, которой процессъ рассказывать слишкомъ долго, я сталъ работать по плану. Скажу только планъ, и ты самъ догадаешься, какъ онъ могъ придти въ голову. Планъ этотъ—прочестъ феноменологию и логику*), и, вмѣстѣ съ тѣмъ, читать исторію**). Теперь я сижу за феноменологіей и тружусь надъ древнимъ міромъ. Ты называлъ великимъ орудіемъ логику, съ чѣмъ я отнюдь не спору; но ты напрасно не называлъ также и феноменологию. Эти двѣ книги—части одного и того же творенія. Замѣть, что все развитіе исторіи феноменологическое. Это убѣжденіе заставляетъ меня не раздѣлять изученія феноменологии и исторіи. Какъ мнѣ хорошо пока въ этомъ трудѣ! Сколько новаго открывается для меня! Какъ постепенно мнѣ уясняется жизнь человѣчества! Трудность не страшитъ меня, лѣни я не чувствую. Чувствую только, что я выхожу изъ тумана, изъ хаоса въ міръ стройнаго порядка и, вмѣстѣ, чувствую, что выхожу изъ ребячества въ зрѣлость. Эта зрѣлость, которой я еще недавно боялся, какъ чего-то убивающаго юность и свѣжесть души, эта эпоха зрѣлости для меня представляется дѣйствительно возрастомъ мужества—чудесное названіе! Нѣтъ! Жизнь ничего не разрушила, но приводитъ броженіе въ порядокъ; разбросанныя, разбѣгавшіяся силы души концентрируются и становятся дѣйствительными силами. Да, это возрастъ мужества! Надежда не погибла въ сердцѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, переходитъ въ голову и становится дѣятельностью; кончается феноменологическое развитіе и начинается логическое. Вотъ что долженъ значить возрастъ мужества. Я вхожу въ него съ благоговѣніемъ. Развитіе исторіи феноменологическое, сказалъ я. Логика теперь еще книга, которой жизнь впереди. Но не хочу говорить о томъ, что мнѣ больше и больше уясняетъ трудъ, и предоставляю это до свиданія; тогда наболтаемся. Перечитывая еще отрывокъ изъ разорваннаго письма, не могу не поговорить еще о случайности. Что-жь мнѣ дѣлать, если случайность меня не оскорбляетъ? Я не могу враждовать съ міромъ внѣшнимъ, съ природой. Случай—отдѣльные слова въ книгѣ судьбы, т.-е. во внѣшней необходимости; я съ ними также мало вражду, какъ съ мыслью, что я умру когда-нибудь, что дерево сгниетъ или что кто-нибудь его срубитъ etc... Случай можетъ навести на меня только глубокую печаль, если касается близкихъ сердцу, или раздумье, но не вражду. Жаль, что дѣвушка въ 18 лѣтъ умереть отъ простуды,

*) Гегеля.

***) Исторію философіи его же.

слеза канетъ на ея могилу, долго душа не опомнится отъ удара и на цѣлую жизнь надѣнетъ трауръ и будетъ любить могилу и выростить надъ ней цвѣтокъ, и задумается; но какъ враждовать съ этимъ? Какъ враждовать съ тѣмъ, что внѣ міра человѣческаго, внѣ возможности борьбы и побѣды? Тутъ только резигнація, тутъ диссонансъ разрѣшается въ мольный аккордъ. Вражда тамъ, гдѣ есть мѣсто для борьбы. Вражда только можетъ быть въ мірѣ человѣческомъ. Я вражду, когда въ человѣческой жизни моментъ, обреченный на прохожденіе, хочетъ поставить себя истиннымъ, себя-любивое стать выше любви. О! тутъ вражда и вражда непримиримая—и резигнаціи нѣтъ мѣста. Диссонансъ, который не хочетъ разрѣшиться, а все длится и длится, становится фальшивою нотой и слухъ мой не можетъ стерпѣть его, потому что я знаю, что тутъ слѣдуетъ быть *perfectaccord'u*. Брейслеръ оскорбляется скверною музыкой, и въ душѣ его пробуждается гнѣвъ артиста. Такъ я могу въ себѣ враждовать съ порокомъ и биться съ нимъ auf Leben und Tod. Вражда только въ мірѣ человѣческомъ. А полное счастье, Герцень! полное счастье внутри себя, въ этомъ примиреніи съ самимъ собою, о которомъ я говорилъ. Полное счастье сознательно внимать великой симфоніи жизни и отчетливо и отъ полноты души разыгрывать въ ней свою партію, какъ бы грустно ни тревожили слышимые звуки. А когда знаешь, что не ты одинъ слушаешь и выполняешь, что и другой возлѣ тебя дѣлаетъ то же и мигаетъ тебѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ звуки сочетались всего сильнѣе, когда ты знаешь симпатическое сочувствіе, тогда счастье полно—и обнимемся, другъ мой, и перестанемъ на этотъ разъ говорить объ этомъ. Передамъ листъ Сатину и послѣ припишу, если вздумается.

(Рукою Сатина):

12 июля. Пять дней, какъ мнѣ сдѣлали первую операцію (дней черезъ 10 предстоитъ другая), выдержалъ ее молодцомъ: только два раза врякнулъ, но до сихъ поръ лихорадка и безпокойство во всемъ тѣлѣ: все хочется ругаться, а ругаться не съ кѣмъ: Огаревъ, si non sans *taches* est sans *gergoches*, никакъ не придерешься къ нему. Пришлось ругать *случай*, о которомъ ты и Ог. написали такія длинныя диссертаціи,—случай, который хотя и измѣняется, и проходящъ (какъ мудро замѣчаетъ Ог.), но который на этотъ разъ нѣсколько измѣняетъ своей натурѣ, т.-е. слишкомъ долго не измѣняется и не проходитъ. Удалась ли операція? Самъ Богъ этого еще не знаетъ, извѣстно только, что леченіе мое продолится около двухъ мѣсяцевъ, да еще потомъ хотять послать на во-

ды... Вотъ къ 26-то ужъ никакъ не поспѣешь. Ну, скажи, пожалуйста, какъ же тутъ не ругаться? Да чортъ знаетъ, попадешь ли и въ октябрѣ въ Россію, пожалуй, такой случай случится, что не дерзнешь ѣхать глубокою осенью... Вотъ тутъ и разсуждай о случаѣ... Конечно, случай не вытолкнетъ изъ колеи, принятой сознательно, но, все-таки, натолкаетъ боли порядкомъ. Эти толчки не убьютъ потребности и вѣры во внутреннее успокоеніе, вѣры въ святое примиреніе съ самимъ собою; но для этого недостаточно труда и внутреннихъ усилій; нѣтъ! движенія и исканія духа хотятъ еще другой точки опоры: живаго, симпатическаго сочувствія... Оттого-то такъ хочется къ вамъ, друзья! Свиданіе симпатическихъ людей послѣ долгой разлуки—эпоха въ жизни, и не для одного только сердца, а для всего человѣка, для всего духовнаго существа его. Несмотря на мой романтизмъ (за обвиненіе въ которомъ спасибо Александру!), я давно пересталъ вѣрить въ исключительно сердечную симпатію; не сердце мое, а весь я хочу любви и симпатіи. И такъ, я не увижусь съ вами прежде октября или ноября; Ог. можетъ, долженъ будетъ ѣхать въ Рос. прежде меня,—я позавидую ему, но отпущу съ искреннею радостью за него и воспользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы ругнуть хорошенько все неудобный случай. Ог. трудится очень, я—насколько хватаетъ силы и средства, но, все-таки, берлинская жизнь поможетъ сдѣлать хоть нѣсколько шаговъ впередъ; при свиданіи сфера дѣятельности можетъ опредѣлиться еще болѣе; дѣла много и силы, и вѣра есть. Вчера получилъ письма отъ Фролова и Галахова; первый тоже рвется на родину, а пока собирается въ Далмацію, посмотрѣть хоть на далматскихъ славянъ. Второй еще новичокъ, передъ отъѣздомъ въ Италію хочетъ погулять по Рейну и Бельгіи. Кстати, Грановскій, я имѣю къ тебѣ отъ Фролова связку писемъ Станкевича, имѣлъ таковую же и къ Невѣрову*), но отдалъ ее ему, когда онъ, дней десять тому, пріѣхалъ, кажется, въ Барсбадъ лечить свой единственный глазъ. Еще, Грановскій, скажу тебѣ, что Ог. ходилъ въ 12 № Friedrichstrasse, но знакомыхъ твоихъ тамъ не нашелъ. Боткинъ въ Неаполѣ, давно отъ него нѣтъ извѣстій, отъ Сазонова изъ Парижа тоже. Ну, милые мои! такъ вотъ вы какъ: у одного ростетъ селезенка, другой самъ ростетъ горизонтально, третій оттого и не профессоръ, что не читаетъ, а ругается... Любопытная вещь была бы взглянуть на васъ! А ты, милый другъ, Наташа, ты безпокоишься, что намъ

*) Як. П. Невѣровъ—другъ Станкевича и Грановскаго; см. его воспоминанія въ Рус. Старинѣ 1883 г., ноябрь, стр. 417 и слѣд.

будеть холодно въ Покровскомъ... Добрая сестра! А меня такъ то беспокоить, что намъ не будетъ тамъ холодно, т. е. что мы не будемъ тамъ вмѣстѣ! Разцѣлуй за меня милѣйшаго Сашку и моего незнакомца и тѣзку *). Надо тебѣ еще дочку Наташу, такъ вотъ мы и повторились бы всѣ въ твоихъ дѣтяхъ. Прощайте, друзья мои. Горячо обнимаю васъ всѣхъ. Отъ Барона имѣлъ извѣстія, но, по обыкновенію, самократчайшія; извѣщайте хоть вы о немъ. Что же за сплавъ литературной дряни затѣваете вы **)? Прощайте! От. пошелъ слушать *Донъ-Жуана*.

Берлинъ, 22 августа н. с. (1844 г.).

Письмо, которое я писалъ къ тебѣ давнымъ-давно, давнымъ-давно лежитъ у Сат. въ ящикѣ и нейдетъ на почту. Warum?... должно быть, дожидается этой приписки, которая объяснить тебѣ многія и многія обстоятельства, разлучающія насъ еще на нѣкоторое время, на долгое время, потому что жизнь безъ васъ, мои милые, долга. Но эти обстоятельства не суть съ моей стороны ни подчиненіе der Naturgewalt, ни подчиненіе сердечнымъ воспоминаніямъ, но сознательный поступокъ и потому нисколько не опасны для моей будущности; за это можете поручиться и мой ученый другъ Сат. Призываю его поруку не ради оправданія себя передъ вами, но ради успокоенія васъ насчетъ меня. Дѣло въ томъ, другъ мой, что Магіе здѣсь, въ Берлинѣ, и я скоро буду отцомъ. Этимъ происшествіемъ я займусь спокойно и съ участіемъ. Съ участіемъ благословлю моего ребенка и его существованіе никогда не останется для меня чуждымъ. Но себя я не отдамъ никакому чужому произволу, въ этомъ можете быть увѣрены. Dixi! Я слишкомъ навсегда отдѣлался отъ Naturgewalt, привычки и малодушной нѣжности сердца. Я желалъ бы воспитать въ себѣ иную нѣжность, болѣе свѣтлую и глубокую, которой начало было бы des Menschen Liebe и которая отсюда обуславливала бы всѣ мои поступки. Отъ одной Naturgewalt не могу отдѣлаться—этой нѣкоего рода младенческой дикости, той, которая заставляла меня скакать съ тобой на тройкѣ въ дождь, а здѣсь пробавляется другими матеріалами. Когда эта потребность долго не удовлетворяется, я начинаю скучать, а потому еще не имѣю довольно силы, чтобъ отдѣлаться отъ всѣхъ сихъ броженій и предаюсь имъ со всевозможною безпечностью. Вотъ тебѣ исповѣдь моей настоящей жизни. Для иной лучшей сферы я остаюсь

*) Сынъ Герценныхъ, Николай, глухонѣмой, впоследствии утонувшій въ Средиземномъ морѣ, вмѣстѣ съ бабкой, родился 30 декабря 1848 г.

***) Вѣроятно, эта пріятельская выходка относится къ предполагавшемуся журналу подъ редакціей Грановскаго; о немъ будутъ упоминанія и дальше.

живъ и дѣтеленъ. Работаю. Стиховъ не пишу или пишу мало и плохо. Читаю. Прочелъ логику, философ. исторіи, читаю исторію философій. Тржусь мысленно надъ отношеніемъ феноменологіи къ логикѣ; это отношеніе должно дать важные результаты. Логика привела меня къ двумъ заключеніямъ: 1) (это принадлежит Вердеру) логика воспроизводитъ дѣйствительность, а не создаетъ ее, т.-е. естественное развитие des Nichts для сознанія, для идеи есть логическое развитіе; 2) въ логикѣ совершенно раскрытіе идеи, а не развитіе. Замѣть эти два слова, принадлежація собственно русскому языку; раскрытіе — это die Entwicklung in sich, это настроеніе идеи, какъ она есть ihrer Natur nach — и тутъ логика есть воспроизведеніе дѣйствительности въ идеѣ. Развитіе, это — die Entwicklung aus sich, это das bildende Leben der Idee, это цѣлый новый міръ, свободное самопостроеніе идеи въ дѣйствительности, die freie Verwirklichung der Idee. На первомъ, т.-е. на раскрытіи, остановилась философія. То же въ феноменологіи, которой приложеніе есть исторія человѣчества, въ духѣ, въ исторіи совершилось раскрытіе, котораго вѣнецъ логика. А отнынѣ міръ развитія и мы, по словамъ твоей статьи, стоимъ на рубежѣ двухъ міровъ. Я остаюсь въ Берлинѣ до декабря. Два мѣсяца, т.-е. октябрь и ноябрь, посвящу на слушаніе лекцій химіи, анатоміи, физиологіи и займусь энциклопедіей. Для меня существуетъ только одна наука, это — исторія, которая распадается на двѣ части: исторію природы и исторію человѣчества. Между натурфилософіей и феноменологіей духа, какъ вѣнецъ одной и начало другой, — ergo, какъ связь обѣихъ, — стоитъ антропологія. Это-то я и хочу для себя разработать. Тутъ же лежитъ объясненіе важной задачи, на которую въ философій исторіи мало обращено вниманія, — отношеніе мужчины и женщины. Еще слѣдуетъ разработать нѣчто, что еще темно представляется уму: это — одинаковость процесса идеи на разныхъ степеняхъ ея раскрытія, ergo — и развитія. Такимъ образомъ, саго міо, я занимаюсь и продолжаю заниматься. Это мнѣ не мѣшаетъ часто бѣситься, т.-е. бѣсноваться. Что же касается того, что держитъ меня въ Берлинѣ, т.-е. жизнь будущаго ребенка, это, право, для меня серьезно и также нисколько не стѣсняетъ меня. Жаль только, что долго съ вами не увижусь, carissimi, хотя чувствую въ этомъ не только потребность, но и нужду, необходимость. Но что дѣлать? Фактъ требуетъ съ этой стороны пожертвованія, и я его дѣлаю охотно и сознательно. Напиши мнѣ о займѣ, о которомъ ты говорилъ, если можно. Постараюсь мѣсяца черезъ два прислать статьи и стиховъ.

Гран. все въ деревнѣ, какъ мнѣ сказывалъ Milhauzen. Потому и не пишу къ нему особо, хотя бы стоило хоть разругать его за то, что мало пишетъ. Къ Барону стану писать надняхъ. Фроловъ въ Венеціи. Ему тамъ лучше, чѣмъ въ Пизѣ. Но надо бы дать ему немного болѣе возможности двигаться, и его благородное самопожертвованіе въ пользу чудеснаго существа хотя и не даетъ мѣста возраженію, но заставляетъ скорбѣть о немъ, потому что желаніе его ведетъ его за этотъ кругъ его домашней жизни, и онъ страдаетъ физически и хандрить. Но едва ли можно измѣнить это положеніе. А сколько силъ въ этомъ человѣкѣ, друзья мои! Я не вѣрю, чтобъ онъ пропалъ даромъ. Milh. славный человѣкъ. Я его, какъ Мефистофель Фауста, водилъ zu den Müttern, и das Schauern, des Menschen besten Theil, было намъ очень пріятно. Вотъ что, caro mio, я никакъ не могу отдѣлаться отъ пристрастія къ Walpurgisnacht. Впрочемъ, это спасительно.

За симъ прощай, братъ! Прощай, сестра! Пишите скорѣе. Обнимаю васъ и дѣтей. Будьте счастливы и вспоминайте о насъ. Пишите, пишите! Ну, Богъ съ вами! Seyd gesegnet.

Галаховъ на Рейнѣ и болѣетъ ногами; говорятъ, будто это подагра. Если правда, то это черезъ-чуръ глупо. Жду отъ него извѣстій.

(Рукою Сатина):

Ог. предлагаетъ мое свидѣтельство; я думаю, въ этомъ случаѣ оно не лишне: я знаю, обстоятельство, удерживающее Ог. въ Берлинѣ, сильно встревожить васъ; но слова Ог. и мои да успокоятъ васъ и вѣра въ друзей да уничтожитъ въ васъ всѣ опасенія! Вѣдь, вещи сами по себѣ ни дурны, ни хороши (говорить Гамлетъ), а то, какъ мы на нихъ смотримъ. Ergo... и проч.

Наконецъ, мнѣ сдѣлали и другую операцію, но леченіе мое протянется, по крайней мѣрѣ, до ноября, такъ что, вѣроятно, мы вмѣстѣ оставимъ Берлинъ. Куда поѣду отсюда, еще не знаю; но едва ли рѣшусь зимой возвращаться въ Россію; вѣроятно, еще разъ проведу зиму въ Парижѣ или протаскаюсь по Славоніи, весной возьму еще курсы водъ и лѣтомъ ужъ непременно въ Россію; ежели же буду довольно здоровъ, то возвращусь и нынѣшнею зимой. Увидимъ!

Отъ В. П. имѣлъ письмо изъ Рима; онъ уже начиналъ случать Италией и рвался въ практическій Парижъ, гдѣ теперь и долженъ быть: тревожное состояніе его души не прекращается и сильно измѣнило его.

Прощайте, друзья мои! Писать не хочется. Проклятыя болѣзни утомили меня, и утомленіе приводитъ иногда въ состояніе почти

апатическое: только и думаешь о томъ, какъ бы поскорѣе раздѣлаться съ этою дрянью. Посылаю вамъ стихи на смерть Е. Б. *). Онъ умеръ въ Неаполѣ въ первыхъ числахъ іюля, и смерть его была намъ чувствительна. Въ Парижѣ мы сблизились съ нимъ и полюбили его всею душой; онъ имѣлъ много плановъ и умеръ, завѣщая намъ привести ихъ въ исполненіе. Ежели понравятся стихи, перешлите ихъ Барону.

Прощайте, друзья! Обнимаю васъ всѣхъ, включая и малютокъ. Пишите скорѣй! Да и Барону преподайте. Скучно долго не слышать объ васъ, хотя и знаешь à peu près, какъ течетъ ваша жизнь.

Памяти Е. Баратынскаго.

Въ его груди любила и томилась
 Прекрасная душа
 И ко всему прекрасному стремилась,
 Поезіей дыша;
 Святой огонь подъ холодной сѣдиною
 Онъ гордо уберегъ,
 Не оскудѣлъ, хоть и страдалъ душой
 Среди жизненныхъ тревогъ;
 На жизнь смотрѣлъ хоть грустно онъ, но смѣло,
 И все впередъ спѣшилъ;
 Онъ жаждалъ дѣла, онъ насъ сзывалъ на дѣло
 И вѣрилъ въ Бога силъ!
 О, сколько разъ съ горячимъ рукожатьемъ,
 Съ слезою на глазахъ,
 Онъ намъ твердилъ: впередъ, молодые братья,
 Предъ истиной все прахъ!
 О, сколько разъ, онъ, старецъ вѣчно юный,
 Нашъ кругъ одушевлялъ,
 Дрожали въ насъ души живыя струны,
 Согласный хоръ звучалъ
 И дружно мы, напѣя наши чаши,
 Ихъ осушали вновь
 За все, что есть святаго въ жизни нашей,
 За правду, за любовь!
 Онъ избралъ насъ, и старецъ, умирая,
 Друзья, намъ завѣщалъ,
 Чтобы по немъ, какъ тризну совершая,
 Въ борьбѣ нашъ духъ мужалъ.

Верный, 28 (16) іюля.

*) Евгенія Баратынскаго, умершаго въ 1844 г.

Въ этому письму Огарева, а особенно къ началу «приписки» отъ 22 августа, относится замѣтка въ *Дневникъ* Герцена 28 авг. (ст. ст.): «Письмо изъ Берлина. Семейныя дѣла Огарева никакъ не распутываются. Чтò за фатумъ надъ нимъ?» Извѣстiе о прибытiи въ Берлинъ жены Огарева Герценъ, очевидно, получилъ и отъ другихъ лицъ. 10 октября 1844 онъ писалъ въ Петербургъ: «Марья Львовна скоро подарить Огареву наследника, привезеннаго изъ Италiи и le bon sang премiей за такое усердiе признаеть его и, вѣроятно, отдасть имѣнiе. Для чего это?... Всякая вѣсть о немъ глубоко меня огорчаетъ и разстраиваетъ. Да когда же предѣль этимъ гнустностямъ ихъ семейной жизни?» (*Анненковъ*: «Идеалисты тридцатыхъ годовъ». *Вѣстн. Евр.* 1883, апр., стр. 534).

(Продолженiе слѣдуетъ).

ПОУМНЪЛЪ.

(Повѣсть).

I.

На Рыбной улицѣ, тамъ, гдѣ перекрестокъ поднимается немного на изволокъ, противъ церкви Алексѣя Митрополита, протянулся деревянный одноэтажный домъ и по улицѣ, и по Зыбину переулку, идущему подъ гору, къ кузницамъ и къ задамъ запущеннаго, когда-то роскошнаго барскаго сада князей Токмачъ-Пересвѣтовыхъ.

Домъ выграшенъ въ сизо-розоватую краску, еще часто попадающуюся въ губернскихъ городахъ. Красили его уже давно и кое-гдѣ, вдоль стѣнъ, краска отколупилась и старое побурѣлое дерево выглядывало наружу. Оконъ тѣснилось много, штукъ до десяти, вдоль уличнаго фаса, все съ зелеными ставнями и лѣпными украшениями фризовъ на старо-дворянскій манеръ.

Подъѣздъ былъ, однако, придѣланъ уже позднѣе, когда пошла мода на подъѣзды съ улицы, — прежнее крыльцо съ длиннымъ вырѣзаннымъ навѣсомъ помѣщалось на дворѣ, съ переулка.

Снѣжокъ покручивалъ по перекрестку часу въ четвертомъ послѣ обѣда. Только что ударили къ вечернѣ. Тутъ же, на перекресткѣ, стояло нѣсколько извозчиковъ: двое мѣстныхъ лихачей, на рѣзныхъ санкахъ, съ толстогрудыми битюгами, безъ полостей, сами нарядно одѣтые, и «Ванька» въ кафтанѣ изъ мужицкой дерюги. Его пошеви, низенькія, лубочныя, покрывалъ коврикъ изъ суконныхъ покровокъ, внутри лежало сѣнцо.

Вздоковъ не видать что-то еще было ни откуда, ни со стороны площади, гдѣ стоялъ судъ, ни отъ спуска по переулку, гдѣ издали бѣлѣли полныя инея липы и клены барскаго запущеннаго сада.

Ванька поднялъ высойй воротникъ своего кафтана, надѣтаго поверхъ полушубка, и морщился отъ снѣга, попадавшаго ему на

щеку. Тѣ двое лихачей съ нимъ не знали, и когда онъ тутъ остановился, только переглянулись между собою на особый ладъ: «вотъ, молъ, пожаловала ворона на первую въ городѣ биржу».

Одинъ — толстый, затянутый кушакомъ съ наборомъ изъ серебра съ чернью, въ котиковой шапкѣ, — перевелъ голубыми жемами и выговорилъ тономъ зажиточнаго мѣщанина, знающаго хорошихъ господъ:

— Александръ Ильичъ изъ правленія покатить, поди, вскорѣ?

— Не раньше, какъ въ исходѣ четвертаго.

Другой извоцигъ смотрѣлъ еще очень молодымъ парнемъ. Бурчавый и веснучатый, онъ ушелъ головой въ триковый ваточный картузь; изъ-подъ стоячаго воротника синяго кафтана выглядывала розовая рубашка. Шарфа онъ не носилъ.

— Да онъ и завсегда сидитъ по правилу, а седни у нихъ день особенный, суббота, больше народу бываетъ.

— Это точно, — подтвердилъ толстый лихачъ.

Они помолчали. Слышно было только похрапываніе одной лошади — сѣрой въ яблокахъ, норовившей достать языкомъ свою товарку, бурую... Лошади были въ дружбѣ, хотя и стояли на разныхъ дворахъ.

— Балуйся! — далъ на нее окрикъ молодой парень. — Меринъ несуразный!

И онъ ударилъ возжей по широкому крупу своего сѣраго.

Опять они помолчали. Толстый глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояло зданіе присутственныхъ мѣстъ. Къ вечернѣ отблаговѣстили. Съ послѣднимъ ударомъ онъ вдругъ почему-то перекрестился, приподнял котиковую шапку и показалъ свой черепъ, совсѣмъ лысый, бѣлый, съ маленькою прядью темныхъ волосъ напереди, черепъ умнаго плута дворника, круглый и съ выпуклостями лобной кости. Отъ него пошелъ сейчасъ жѣ легкій паръ.

— Господи; Иисусе Христе! — чуть слышно выговорилъ лихачъ.

Молодой парень покосился на него и спросилъ:

— Папирсочки не соблаговолите, Ефимъ Ивановичъ?

Онъ говорилъ толстому «вы», а тотъ ему «ты».

— Нешто я курю?... Ишь, что выдумалъ! — брезгливо и съ усмѣшкой сказалъ Ефимъ.

— Ужли на старую вѣру повернули?

— Мелй еще!

Ванька въ мужицкомъ кафтанѣ началъ прислушиваться къ ихъ разговору. Его пошевни стояли поодаль отъ саней молодаго парня. На эту биржу заѣхалъ онъ покормить лошадь и уже подвизалъ ей

торбу... Онъ замѣчалъ, что лихачи на него косятся, и уѣхалъ бы, да надо было дать лошаденгѣ пожевать овсеца.

Извозничалъ онъ въ губернскомъ городѣ первую зиму, былъ изъ сосѣдняго уѣзда, городскіе порядки еще мало зналъ и выручен у него не спорились. Только на чугунку да съ чугунки приводилось довести путевого сѣдока, а такъ, по городу, цѣлыми часами никого или за самую нищенскую цѣну. Особенно барыни! Тѣ и на вокзалъ норовятъ за гривенникъ доѣхать; да гривенникъ еще ничего, а то восемь, семь копѣекъ.

Вотъ сейчасъ онъ конецъ сдѣлалъ, порядочный кончикъ, за четыре копѣйки. Тоже въ салопѣ, старушка.

• Идетъ да кричить:

— Ванька, хочешь двѣ семитки?

Онъ было совѣстить ее началъ. Она идетъ себѣ, палочкой постукиваетъ по тротуару. И онъ за ней по улицѣ плетется.

Посадилъ!

Мужикъ онъ тихій, не молодой, подслѣповатый немножко и хворый. Кабы не выдалась осень такая—сына утнали, да другого женить пришлось, да неурожай льну — ихъ главный промыселъ, онъ бы не поѣхалъ въ городъ... Думалъ: «прокормлюсь, подать привезу».

Но рубля въ день онъ не наколачивалъ. Не то, что тѣ двое лихачей. Каждый изъ нихъ либо два съ полтиной, либо три и три съ четвертакомъ привезетъ. Толстый-то самъ хозяйствуетъ, а молодой—работникъ, такъ тотъ изъ выручки себѣ откинетъ не меньше двухъ двугривенныхъ.

Положеніе такое: двадцать копѣекъ конецъ по городу, на чугунку—тридцать, съ багажомъ—сорокъ. Такъ ему, Ваньгѣ, никто этой «такціи» не дастъ; а чуть замкнется—на смѣхъ поднимаютъ.

— Ну, ты, гузефдъ желтоглазый, туда же—такція!

Богда и при городовомъ на вокзалѣ—и городской смѣется.

А тѣ двое за таксу не двинутся. На нихъ все такіе господа ѣздятъ, безъ ряда. И всегда выше таксы отвалаятъ.

Такъ перебиралъ про себя деревенскій, поглядывая больше на обоихъ лихачей, чѣмъ на прохожихъ. Ему было тутъ жутко, да и зябнуть онъ началъ въ плоховатомъ полушубкѣ и старыхъ, невысокихъ валенкахъ.

И толстый извозчикъ, Ефимъ, думалъ почти въ томъ же родѣ. Стоялъ и онъ безъ дѣла больше часу и спрашивалъ себя: прога-

далъ онъ или нѣтъ тѣмъ, что отъ гостиницы отъѣхалъ?... По утрамъ, послѣ чугунки, онъ тамъ стоялъ. Гришка—молодой парень—тоже. У нихъ у обоихъ одинъ и тотъ же кругъ ѣзды, только Ефимъ выбиралъ народъ постепеннѣе.

Отъ гостиницы онъ уѣхалъ потому, что ничего стоящаго тамъ не было. И тамъ простоялъ зря. Время тугое. Проѣздъ средний, больше мелкій купецъ. Помѣщики съѣзжаться начнутъ позднѣе, недѣли черезъ три. Къ святкамъ подойдутъ и выборы.

Ефимъ ѣздитъ около тридцати лѣтъ и вся жизнь губернскаго города уложила у него въ головѣ, и знаетъ онъ ее такъ, какъ никакому полицейскому не знать.

Вотъ длинный розовый домъ. Паренькомъ помнить онъ его съ-рымъ и въѣзжали въ ворота, къ крыльцу съ навѣсомъ. Предводителей онъ былъ. Такъ изъ рода въ родъ. Сначала отецъ, потомъ сынъ. Жили широко, приемы, вечера, игра большая. И все расплодилось... Отъ фамилии званія нѣтъ, въ уѣздѣ гдѣ-то никакъ одна дочь замужемъ. Домъ продали... Много годовъ жилъ пароходчикъ, изъ разночинцевъ какой-то, въ гору шелъ, заводъ желѣзный завелъ, потомъ перебрался въ столицу. Въ розовомъ домѣ послѣ него контора была. Да и весь городъ къ тому времени изъ помѣщичьяго сталъ на дѣловой купеческій ладъ: конторы пошли, банки, склады. Однако, отъ этого ѣзды хорошей не прибавилось. Господь мало. Еслибъ не судейскіе, да не инженеры—не съ кѣмъ и рассчитывать на хорошую выручку. Ну, налетитъ изъ Москвы адвокатъ, тароватый, особливо коли охотникъ до теплыхъ мѣстъ... Такъ для этого есть вонъ «лодыри», вродѣ Гришки... И каждый разъ, когда Гришка ему рассказываетъ, гдѣ онъ съ заѣзжимъ сѣдокомъ побывалъ, Ефимъ непременно скажетъ:

— Охальники!... Какъ есть охальники!

Все пошалося. И губернатора-то не признаешь, не будь онъ генералъ: такъ себѣ старикъ, живетъ одинъ, лошадей держать пару, плохонькихъ, часто извощика беретъ... Его губернаторъ зоветъ по имени-отчеству.

Вообще, господь настоящихъ, съ вотчинами, коренныхъ—одинъ, другой, да и обчелся.

Ефимъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ розовомъ домѣ опять живетъ баринъ какъ слѣдуетъ, уже третій годъ, хотя и этотъ баринъ занимается не дворянскимъ дѣломъ, не предводителемъ служить, а въ правленіи частнаго общества.

Про него-то они сейчасъ и говорили съ Гришкой.

II.

— Ефимъ Иванычъ!—окликнулъ Гришка.—Вотъ и Гаяринъ катить изъ правленія.

— Кто?—переспросилъ Ефимъ, смотрѣвшій въ другую сторону.

— Александръ Ильичъ Гаяринъ, говорю, на вороной... Лошадка-то рѣзвая, съ побѣжкой. Чьего она будетъ завода?

— Должно быть, собственнаго.

— А нешто у нихъ свой заводъ?

— Заводъ, въ жениной вотчинѣ, въ дальней округѣ, тамъ луга...

— Сама-то изъ богатенькихъ... какъ бишь ее?...

— Антонина Сергѣевна... Извѣстно, изъ богатенькихъ... Не бѣдище его... И рода княжескаго... Мать-то ея, Елена Павловна... Я и ту помню...

— Тѣхъ вонъ?... Пересвѣтовыхъ?

Гришка указалъ глазами по направленію къ Зыбину переулку, откуда, изъ-подъ изволога, виднѣлась верхушка большого сада.

— Извѣстно... Князь-то приходится ей дядей, только врядъ ли роднымъ.

Ванька съ самаго начала этого разговора сталъ прислушиваться; чего лихачи не замѣчали.

Лошадка его поѣла. Онъ снялъ торбу и пододвинулся къ Гришкѣ.

— Вы про какѡва барина баете?—спросилъ онъ жиденъкимъ, чисто-крестьянскимъ теноркомъ.

Гришка не сразу ему отвѣтилъ и сначала переглянулся съ Ефимомъ.

— Ты чего гонопишь?

— Про барина, молъ, какѡва?...

Сани съ полостью, на ворономъ рысакѣ, уже поровнялись съ дальнимъ угломъ розоваго дома. Въ саняхъ видна была фигура барина, въ ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ-бойрѣкѣ.

— А тебѣ что?—спросилъ черезъ Гришку Ефимъ и повелъ, на особый манеръ, своими толстыми властными губами.

— Про Гаярина баяли!... Коли это Александръ Ильичъ... то мы его довольно знаемъ... Мы завьяловскіе... барыни... супруги ихъ, значить... Отъ папеньки вотчина досталась. И ее знаемъ... Еще когда маленькая была... по лѣтамъ-то у насъ больше жила... Вотъ мнѣ про кого!...

— Ишь ты!—насмѣшливо выговорилъ Гришка и сталъ глядѣть вбокъ на Ваньку.—А ты, дяденька, намъ отрапортуй: правда ли, что Александръ Ильичъ, какъ еще молоденькій былъ, чѣмъ тамъ ни-на-есть проштрафился въ Питерѣ, и какъ, ровно слышали мы, подь присмотромъ жилъ у себя въ вотчинѣ?... Еще передь тѣмъ, какъ ему жениться...

Мужичокъ не сразу отвѣтилъ.

Сани уже подкатили къ подъѣзду и баринъ въ ильковой шубѣ быстро поднялся на крыльцо, обернулся лицомъ къ кучеру, что-то сказалъ ему и позвонилъ.

— Онъ, онъ и есть,—выговорилъ Ванька, прищурившись вдаль.—Немного и постарѣлъ-то...

— Такъ какъ же, дяденька,—разспрашивалъ Гришка,—враги это все или такое съ нимъ истинно попритчилось?

Ефимъ тихо улыбался, повернувъ голову въ ихъ сторону, но самъ въ разговоръ не вступалъ. И онъ слыхалъ кое-что въ такомъ родѣ про Гаярина, но не любилъ зря болтать.

— Это точно,—выговорилъ Ванька и забавно тряхнулъ головой... Въ немъ видѣнъ былъ большой добрякъ и онъ только смотрѣлъ «михрюткой», а въ его подслѣповатыхъ глазахъ проглядывала смекалка и даже юморъ.

— Надо такъ сказать, это вѣрно,—продолжалъ онъ уже гораздо посвободнѣе.—Вотчина-то дальняя, его, значить, собственная, по-близости отъ нашей... Красный Плесь прозывается... Приѣхалъ онъ въ тѣ поры младъ-младшенекъ... баяли, за мѣсто наказанія его туда отправили изъ Питера. И спервоначалу чудилъ, паря...

— А что?—смѣшливо спрашивалъ Гришка.

— Да по-мужицки одѣваться учалъ, и какъ слѣдуетъ—рубаха, портки... Чуть сѣнокось, али жнитво—ремешекъ на голову вздѣнетъ и пошелъ самъ косой отмахивать. Однакожь, и въ этомъ его ограничили... Потому присмотръ былъ строгій.

— Вотъ оно что,—какъ бы про себя вымолвилъ Ефимъ, не проронившій ни слова.

— Строгій...—протянулъ Ванька,—то и дѣло исправникъ наѣзжалъ.

— Значить, и до мужиковъ былъ хорошъ?

— Извѣстное дѣло, паря, коли самъ такимъ манеромъ...

— Ну, теперь, любезный другъ, косить не пойдетъ въ ремешекъ,—выговорилъ въ полголоса Ефимъ и поглядѣлъ на одно изъ оконъ розоваго дома.

— Извоцигъ! — сзади изъ переулка раздался крикъ и такъ внезапно, что даже Ефимъ вздрогнулъ.

Оба лихача вразъ ударили возжами и погатили въ перебивку на зовъ.

Ванька такъ и остался съ недоконченнымъ рассказомъ про барина, жившаго въ розовомъ домѣ.

Баринъ нашелъ въ передней, кромѣ двоихъ лакеевъ во фракахъ при бѣлыхъ галстукахъ, еще какого-то малаго, вродѣ посыланнаго или артельщика.

Пока одинъ человекъ снималъ съ него легкую, очень дорогую ильковую шубку, другой доложилъ тономъ дрессированнаго лакея, что нынче рѣдкость, особенно въ провинціи:

— Изъ правленія съ депешей, Александръ Ильичъ... Сейчасъ принесли.

— Послѣ меня принесли? — спросилъ баринъ и, не снимая шапки, поглядѣлъ на адресъ телеграммы и вскрылъ ее тутъ же.

На его лицѣ, блѣдномъ, очень тонкомъ, съ красиво подстриженою черною бородой, раздѣленною на двѣ пряди, и въ темно-сѣрыхъ острыхъ глазахъ не выразилось ничего: ни досады, ни безпокойства. Только на бѣломъ, высокомъ, но сдавленномъ лбу, гдѣ плоскіе, лоснящіеся волосы лежали еще густою прядью, чуть замѣтно обозначилась одна линія, надъ самымъ носомъ, брѣвнымъ, нѣсколько хрящеватымъ, поредистымъ. Усы онъ поднималъ надъ волосами бороды и концы ихъ немного торчали.

— Хорошо, скажи тамъ, что я вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Слушаю-съ, — выговорилъ артельщикъ и поклонился быстрымъ наклономъ головы, характернымъ жестомъ мѣстныхъ мѣщанъ и купцовъ.

Въ дверяхъ залы Александръ Ильичъ остановился, поглядѣлъ вбокъ и назадъ и спросилъ:

— Антонина Сергѣевна у себя?

— У себя-съ, — отвѣтили разомъ оба лакея.

— Никого нѣтъ на той половинѣ?

— Никого нѣтъ-съ.

Онъ прошелъ изъ залы, какія еще сохранились въ губернскихъ городахъ, сейчасъ же налѣво, въ дверку, спустился двѣ ступеньки и черезъ темный корридорчикъ попалъ въ свое отдѣленіе — двѣ обширныхъ комнаты, ниже остальной части дома, выходившія окнами въ садъ.

Прежде, когда домъ принадлежалъ Порфирьевымъ, бывшимъ

изъ рода въ родъ предводителями, цѣлыхъ семь или восемь трехлѣтій, это были «дѣтскія».

И къ нимъ вели ступеньки въ ту и другую комнату. Первую Александръ Ильичъ отдѣлалъ себѣ подъ кабинетъ. По нѣкоторымъ подробностямъ можно было распознать покой стариннаго помѣщичьяго дома: по косякамъ оконъ и дверей, по притолкамъ и потолкамъ и по тому, какъ стоятъ печи. Въ кабинетѣ уже недавно устроили каминъ изъ темнаго сѣвернаго мрамора; въ спальнѣ—угловой, съ четырьмя окнами—печь, въ изразцахъ, занимала добрую четверть всего пространства. Тамъ нарочно было мало мебели, для воздуха, обои свѣтлыя, на окнахъ короткія драпировки, по полу натянута зеленое сукно, кровать желѣзная, узкая, съ байковымъ одѣяломъ, на стѣнѣ собраніе ружей, два шкафа, кушетка, обширный умывальный столъ съ педалью и туалетный со множествомъ разныхъ щетокъ и щеточекъ. По стѣнамъ—гравюры, старинныя, англійскія, съ кирпичнымъ оттѣнкомъ краски, перевезенныя сюда изъ усадьбы, какъ и всѣ почти остальные вещи.

Кабинетъ смотрѣлъ уже совсѣмъ по-новому: тяжелыя гардины, мебель, крытая шагреновою кожей, съ большими монограммами на спинкахъ, книжный шкафъ рѣзнаго дуба, обширное бюро, курильный столикъ, много книгъ и альбомовъ на отдѣльномъ столѣ, лампы, бронза, двѣ-три масляныя картины съ рефлекторами и въ углу—токарный станокъ.

Вся эта комната была устлана восточными коврами и въ ней звукъ шаговъ совершенно пропадалъ. Запахъ дорогихъ сигаръ и какихъ-то тонкихъ духовъ, доходившій изъ спальни, куда вела стеклянная низкая дверь, подходилъ къ убранству этого не очень высокаго, но помѣстительнаго покоя, драпированнаго, по-заграничному, темно-краснымъ сукномъ.

Въ кабинетѣ Гаяринъ подошелъ къ бюро, выдвинуть одинъ изъ ящиковъ и положилъ въ него депешу. На письменномъ столѣ и по всей комнатѣ замѣчался порядокъ, рѣдко бывающій у самыхъ аккуратныхъ русскихъ. Каждая вещь лежала и стояла на своемъ мѣстѣ, но безъ жесткости и педантизма, какъ будто даже съ нѣкоторою небрежностью; но надъ всѣмъ былъ неизмѣнный надзоръ острыхъ, темно-сѣрыхъ глазъ хозяина.

Неслышными шагами прошелъ онъ въ спальню. Передъ обѣдомъ, онъ, по-аглицки, мѣнялъ туалетъ и одѣвался одинъ, безъ прислуги.

III.

На другомъ концѣ дома, въ угловой комнатѣ—по-старинному «диванная»—раздѣленной пополамъ перегородкой съ драпировками, у маленькаго письменнаго столика сидѣла и дописывала письмо, въ полутемнотѣ, не зажигая свѣчи, жена Александра Ильича Гаярина, Антонина Сергѣевна.

Въ ея будуарѣ, за перегородкой, помѣщалась постель, все смотрѣло скромно и немножко суховато: старинная мебель, бѣлаго дерева, перевезенная также изъ родовой усадьбы, обитая ситцемъ съ крупными разводами, занавѣски изъ такого же ситца, люстра той же эпохи, бѣлая съ позолотой, деревянная, въ видѣ лебедя, обои и шкафчикъ съ книгами, экранъ и портреты, больше фотографіи, по стѣнамъ и на письменномъ бюро. Никакихъ ненужностей и никакой склонности къ новому жанру превращать свои комнаты не то въ музеи, не то въ аукціонныя залы.

Между отдѣлкой этой бывшей диванной и личностью женщины чувствовалось соотношеніе. Ни въ ней, ни на ней не было ничего ненужнаго, съ претензіей, крикливаго... Наружность Антонины Сергѣевны, въ зимнихъ сумеркахъ, выходила полутонами. Пепельные волосы уже сѣдѣли; но казались какъ бы напудренными, очень просто, совсѣмъ не по модѣ, зачесанные за уши, съ маленькою косой, прикрытою чернымъ кружевомъ. Никакихъ золотыхъ вещей, ни серегъ, ни браслетъ; худенькій, узкій въ плечахъ корсажъ свѣтло-сѣраго, хорошо сшитаго платья, со стоячимъ воротничкомъ; ростъ средній, худыя, тонкія руки и на правой рукѣ одно только обручальное кольцо.

Голову она—по близорукости—низко наклоняла надъ листкомъ бумаги и водила стальнымъ перомъ быстро-быстро. Щеки ея, къ верху, подъ вѣками, слегка покраснѣли. Обыкновенное лицо было безкровное, желтоватое, съ чертами утомленія, вдоль носа, которому вырѣзь ноздрей, неправильный, но своеобразный, придавалъ несомнѣнную плѣнительность. Промежутокъ между носомъ и верхней губой удлиненный, съ рѣзкимъ желобкомъ, и когда она говорила, эта особенность усиливала выраженіе большихъ, совсѣмъ темныхъ глазъ, очень молодыхъ по игрѣ и цвѣту. Зубы не успѣли еще пожелтѣть—небольшіе и блестящіе, бѣлизны цѣльнаго молока.

Отъ всей фигуры этой почти сорокалѣтней женщины—ей пошелъ уже тридцать восьмой—отдѣлялся неуловимый запахъ необычайной чистоплотности, рѣдкой даже у нашихъ свѣтскихъ женщинъ, и что-то нетронутое, цѣломудренное и дѣйствительно скром-

ное проявляли ея жесты, обороты головы, движеніе пишущей руки и поза, въ какой она сидѣла.

Письмо было дописано. Она его не стала перечитывать, ей не хотѣлось еще звонить, чтобы зажгли лампу, не хотѣлось и зажигать свѣчей на своемъ столѣ; она любила эти зимніе сумерки въ ясные дни, съ полосой ярко-пурпурнаго заката, видной изъ ея оконъ, въ сторону переулка, позади извозничьей биржи.

Она заклеила конвертъ и выпрямилась, не глядя на то, что написала, поставила адресъ и пошла по комнатѣ.

Въ простѣнгѣ висѣло узкое зеркало въ рамѣ, обитой тѣмъ же ситцемъ. Она мелькомъ взглянула въ него, не нужно ли ей причесаться, прилично ли все на головѣ.

Если «прилично», больше ей не нужно. Она не любила и не желала «рядиться» ни для себя, ни для другихъ. Одѣвалась она хорошо, выписывала свои туалеты изъ Москвы, кое-что дѣлала здѣсь. Но заказы ея сводились къ тремъ зимнимъ и тремъ лѣтнимъ платьямъ низмѣнно. На балы она не ѣздила.

Для пріемовъ—къ обѣду и вечеру—она любила свѣтло-сѣрый туалетъ, бывшій на ней и сегодня.

По звонку и шагамъ черезъ залу, она подумала о мужѣ. Онъ прошелъ къ себѣ и переодѣвался. Можетъ быть, онъ найдетъ, что она слишкомъ просто одѣта.

Ничего! Платье отъ Шумской и носить она его всего съ прошлаго поста... Но ей представилось—когда она отошла отъ зеркала—блѣдное, красивое и значительное лицо ея мужа и его темно-сѣрые глаза съ извѣстнымъ ей выраженіемъ внутренняго контроля.

Подъ этимъ взглядомъ она постоянно чувствуетъ себя неловко. До сихъ поръ, по прошествіи шестнадцати лѣтъ замужства, еще не умерло въ ней чувство влюбленности.

Она не хочетъ и въ такихъ пустякахъ противорѣчить тому, что онъ считаетъ приличнымъ, обязательнымъ для жены такого человѣка, какъ онъ.

«Il faut se devoir à sa position»,—приходить ей на умъ его фраза.

Прежде онъ подобныхъ фразъ не употреблялъ, тамъ, въ деревнѣ, въ первые годы ихъ супружества.

Будетъ обѣдать губернаторъ. Онъ простой старикъ, умный, безъ всякихъ претензій. Кто еще обѣдаетъ, она не знаетъ. Александръ Ильичъ вскользь сказалъ ей:

— У насъ сегодня гости, къ обѣду.

Распоряжается столомъ онъ, а не она, заказываетъ, и даже

любить это, повару Василю, ихъ деревенскому, и отдасть приказанія старшему лакею, Левонтию, исправляющему должность дворецкаго.

Отъ всѣхъ этихъ заботъ она не отказывалась, но мужъ давно уже началъ заниматься и домовымъ хозяйствомъ, еще въ деревнѣ. Она стала болѣзненна, послѣ того какъ сама выкормила дѣтей, и сына Сережу, и дочь Лили. Вести хозяйство было ей иногда въ тягость. Онъ это замѣтилъ и устранилъ ее.

Теперь, въ городѣ, съ того времени, какъ она осталась безъ дѣтей, досугу у ней очень много... Она рада была бы войти въ хозяйство, но такъ уже заведено, а Александръ Ильичъ не любитъ, чтобы мѣнялось то, что разъ заведено. Съ этою чертой его характера, и не съ нею одной, бороться трудно, да она и не желаетъ.

Въ немъ, съ годами, развилась особаго рода уклончивость, онъ избѣгаетъ всякаго повода къ столкновеніямъ съ нею, даже въ путешествіяхъ... А хозяйство всегда даетъ къ этому поводъ... Все идетъ въ домъ по часамъ, безъ малѣйшей зацѣпки, во всемъ чувствуется его властная рука, его умъ, забота, тактъ, выборъ.

Въ домъ она точно почетная жилица или начальница какого-нибудь важнаго учрежденія, которая не входитъ въ мелочи хозяйства... И досугъ начинаетъ тяготить ее. Ее тянетъ въ Петербургъ, къ дѣтямъ. Въ концѣ зимы она поѣдетъ, но раньше Александру Ильичу это не понравится. Онъ говоритъ, что дѣтей надо оставлять однихъ, въ ихъ заведеніяхъ, одного въ лицей, другую въ институтъ, не волновать ихъ постоянными свиданіями, иначе они не научатся никогда «стоять на своихъ ногахъ».

Прежде, когда они были еще маленькія, и рѣчи никогда не заходило о томъ, чтобы отдать ихъ въ привилегированныя заведенія, особенно сына въ лицей, въ тотъ лицей, гдѣ отецъ самъ учился и откуда вынесъ самое недружелюбное отношеніе къ такимъ «мѣстамъ систематической порчи»,—такъ онъ тогда выражался... И объ институтахъ онъ не иначе говорилъ, какъ съ насмѣшкой.

А когда подошелъ имъ возрастъ «готовиться», явились на очередь и «лицей», и «институтъ». Она, впервые, сильно протестовала и не отстояла своего протеста. Это желаніе отца было первымъ признакомъ того, что прежній Гаяринъ, тотъ человѣкъ, въ котораго она увѣровала дѣвушкой, чьею женой стала послѣ тяжелой борьбы, уже покачнулся.

Внутри она близка къ убѣжденію, что это такъ; но ничего не можетъ схватить рѣзкаго, крупнаго, такого, чтобы нельзя уже было ему не сознаться...

Въ чемъ?

Вотъ этого-то слова она сама и не произноситъ... Ей жутко, хоть она и готова становиться на его мѣсто, желаетъ выгораживать его передъ собою, передъ тою Антониною Сергѣевной, на судъ которой онъ когда-то любилъ отдавать свои мысли, чувства, упованія, поступки.

И въ дѣлѣ воспитанія дѣтей вышло такъ, что онъ, не прибѣгая къ спорамъ и окрикамъ, безъ грубаго противорѣчія съ тѣмъ, что говорилъ когда-то вслухъ, приводилъ при ней разныя соображенія и дѣлалъ это исподоволь, долго, цѣлый годъ.

Вышло такъ, что Сережа попалъ въ подготовительное училище, а Лили въ тотъ же годъ отвезена была въ Смольный, — разумѣется, въ дворянское отдѣленіе, а не въ Елизаветинское.

Сейчасъ она писала о дѣтяхъ кузинѣ, княгинѣ Мухоморовой, лучшему своему другу. Сестра ея живетъ тоже въ Петербургѣ, но съ ней она никогда не была дружна. Она даже не очень любитъ, чтобы Сережа ходилъ къ теткѣ по воскресеньямъ на цѣлый день.

Но и въ кузинѣ, въ томъ, какъ она живетъ, каковъ у ней кругъ знакомыхъ, что читаетъ, во всемъ этомъ уже больше двухъ лѣтъ замѣчаетъ она перемѣну, хотя и не совсѣмъ въ такомъ же родѣ, какъ въ своемъ мужѣ.

И эти думы все чаще и чаще захватываютъ ее по нѣскольку разъ на дню.

Вотъ и теперь она такъ задумалась посрединой комнаты, что даже съ удивленіемъ увидала, какъ сгустились сумерки.

Она сама зажгла свѣчи на письменномъ столѣ и позвонила.

Все-таки, лучше было узнать, на сколько приборовъ накрываютъ, — обѣдали они въ залѣ, — и спросить у Александра Ильича, можно ли ей остаться въ томъ же платьѣ? Она узнаетъ и то, кончилъ ли онъ переодѣваться. Бъ нему она не входитъ въ спальню, когда онъ занимается своимъ туалетомъ, да и въ кабинетѣ не любитъ ему мѣшать неожиданнымъ приходомъ.

Прежде это было иначе, совсѣмъ иначе.

IV.

Туалетъ Александра Ильича Гаярина подходилъ къ концу. Онъ охотно надѣлъ бы сегодня фракъ, но въ губернскомъ городѣ это можетъ показаться ненужною претензіей. Губернаторъ — человекъ, не любящій никакой парадности — явится, навѣрное, въ сюртукѣ съ погонами, а не въ эполетахъ. Другой гость — прїѣзжій,

правда, много жившій и въ Петербургѣ, и за границей, но знаетъ губернскіе порядки и во фракѣ не явится.

Англійскій обычай—обязательность параднаго туалета для мужчинъ и женщинъ—считаетъ онъ и красивымъ, и самымъ порядочнымъ. Надо же поднимать чѣмъ-нибудь будничныи строй жизни, особенно въ Россіи, въ провинціи, гдѣ все за послѣдніи двадцать лѣтъ такъ опустилось, впало въ таковую распушенность, дошло до полного отсутствія всякаго декорума, при грубомъ франтовствѣ разночинцевъ.

Въ спальнѣ, сидя уже одѣтымъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, Александръ Ильичъ медленно расчесывалъ бороду, раздѣляя ее на двѣ большія пряди. Даже и при такихъ занятіяхъ онъ не могъ не думать... Фатовства въ немъ не было. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ красивое лицо мужчины съ тонкимъ профилемъ, еще молодое, способное произвести впечатлѣніе не на одну женщину...

Но о женщинахъ онъ всего меньше думалъ. Если его потянуло изъ деревни, то ужъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы искать здѣсь нетрудной интриги съ какою-нибудь мѣстною дамой... Имѣть въ числѣ знакомыхъ тонко воспитанную женщину для «чашки чая» по вечерамъ было бы пріятно; но такая «чашка чая» что-то не представлялась. Довольствоваться кое-чѣмъ онъ не хотѣлъ. Это значило бы искать связи, показывать, что ему скучно дома, что онъ удовлетворяется первою попавшеюся губернской барынькой, что онъ вульгарный развратникъ.

Отъ всего этого онъ далеко, и ему не трудно будетъ сохранить свою теперешнюю репутацію чловѣка чистаго по этой части. Онъ отлично видитъ, что здѣсь, во всемъ городѣ, нѣтъ мужчины интереснѣе его, значительнѣе, съ большими правами на всякаго рода успѣхи. За нимъ уже волочились, да и теперь двѣ три «*gommeuses du cru*»—такъ онъ ихъ называетъ про себя—готовы были бы сойтись съ нимъ.

Бъ чему?

Свое чувство къ женѣ Александръ Ильичъ уже давно не разбираетъ. Онъ не можетъ не видѣть, что Антонина Сергѣевна еще не остыла. Для нея онъ все еще тотъ же властитель ея думъ, за которымъ она пошла безъ колебаній, съумѣла отстоять свой выборъ.

Тогда она привлекла его милымъ, неправильнымъ лицомъ, лаской глазъ, задумчивостью своего теплаго голоса и еще больше трогательнымъ преклоненіемъ передъ его личностью, передъ всѣмъ, что было въ немъ и что исходило отъ него. Ни тогда, ни теперь онъ не хотѣлъ заглянуть поглубже въ душу этой женщины и рас-

познать: полно, одно ли влеченіе къ блестящему мужчинѣ рѣшило ея судьбу, а не другое что, не то, *чѣмъ* онъ былъ въ ту пору? Въ головѣ, а не въ сердцѣ Гаярина смутно всплывать этотъ вопросъ сталъ уже гораздо позднѣе, здѣсь, когда ему надо было во многомъ если не передѣлывать Антонину Сергѣевну, то доводить ее до согласія.

И во всемъ онъ до сихъ поръ успѣвалъ.

Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь у нихъ доходило до крупнаго спора, до сцены, до размолвки. Да онъ и не позволилъ бы себѣ дѣйствовать круто, выказывать право на авторитетъ мужа. Это хорошо для невоспитанныхъ и неумныхъ людей.

Его совѣсть не давала и не даетъ ему поводовъ смущаться и укорять себя.

Въ немъ происходитъ естественный ходъ развитія сильной и своеобразной личности, который на философскомъ языкѣ называется «эволюціей».

Недаромъ Гербертъ Спенсеръ былъ когда-то его любимымъ мыслителемъ. И онъ можетъ не безъ гордости сказать, что хорошо его штудировалъ даже въ подлинникѣ. Теперь у него нѣтъ столько времени, чтобы перечитывать, съ карандашомъ въ рукахъ и книжкой замѣтокъ, своихъ любимыхъ авторовъ, какъ бывало въ деревнѣ, лѣтъ пятнадцать назадъ; но ему кажется, что именно въ книгахъ этого британца онъ и нашелъ бы объясненіе и оправданіе всему, что исподоволь стало проситься наружу и отводить его все больше и больше отъ прежней программы жизни.

Антонина Сергѣевна осталась, — онъ это видитъ слишкомъ ясно, — все тою же экзальтированной барышней, изъ семьи, набитой чванствомъ. Дочь барыни, которая до сихъ поръ на визитныхъ карточкахъ неизмѣнно ставитъ во второй строкѣ «рожденная княжна Токмачъ-Пересвѣтова», — кроткая, сдержанная, «нутряная» дѣвушка носила въ себѣ, до встрѣчи съ нимъ, запретный плодъ великодушныхъ, «красныхъ», по тогдашнему, идей, порываній и сочувствій. И года, дѣти, напоръ и потравы жизни не настолькоъ ее придавили, чтобы голова перестала возбуждаться на прежнія темы, именно голова, а не сердце; такъ онъ разсуждалъ уже давно, хотя вслухъ и въ особенности въ рѣзкой формѣ еще никогда не говорилъ ей, и съ глазу на глазъ.

Разумѣется, голова! У сердца есть всегда довольно пищи. Она мать, она членъ общества, жена почетной особы въ городѣ, можетъ выбирать себѣ какую угодно отрасль благотворительности. Дѣтей, правда, уже нѣтъ при ней и за ихъ отдачу въ заведеніе стоялъ онъ;

но это временно; да, вдобавокъ, она къ нимъ ѣздитъ, ихъ берутъ на зимнія и лѣтнія вакаціи. Какъ женщина передовыхъ идей, — Александръ Ильичъ слово «передовой» произносилъ про себя съ легкою усмѣшкой, — она должна же понимать, что любовь къ дѣтямъ для себя есть не «альтруизмъ», а чистѣйшее себялюбіе, что дѣтей только испортишь, держа при себѣ слишкомъ долго, подъ давленіемъ черезъ-чуръ высокой температуры материнскихъ заботъ, страховъ, волненій и пристрастій.

Кажется, она все это и уразумѣла, наконецъ... По крайней мѣрѣ, она уже не возвращается съ нѣкотораго времени къ этой чувствительной темѣ.

Да, онъ развивался и развивается; а она — все на томъ же концѣ шестидесятихъ годовъ. Когда онъ думаетъ съ прибавкою мѣткихъ французскихъ фразъ, онъ называетъ это: «*enkylosée dans les idées d'il y a vingt-ans*».

Иначе и быть не можетъ. Мужчина — сила активная. Женщина — сила воспринимающая, пассивно-пластическая. Какою ее замѣсятъ, такою она и остается всю жизнь: святошей, тщеславною бабенкой, чванною дворянкой, нигилисткой, простою самкой.

На этомъ законѣ природы Александръ Ильичъ все крѣпче и крѣпче утверждался, и какъ разъ въ ту минуту, когда его бѣлая, немного сухая рука провела въ послѣдній разъ серебряною щеткой по волосамъ, мозгъ его далъ заключительный аккордъ его неторопливымъ мыслямъ.

Онъ зналъ впередъ, что Антонина Сергѣевна выйдетъ къ гостямъ одѣтой не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Но это она измѣнить — не нынче, такъ завтра, съ новою переменной его положенія. Объ этой переменной онъ не мечталъ, какъ мелкій честолюбецъ. Предстоящіе выборы непременно принесутъ съ собою очередной вопросъ о самомъ достойномъ кандидатѣ въ губернскіе предводители.

Самый достойный, конечно, онъ. Надъ нимъ уже не тяготѣетъ прежняя опека. Выборъ его въ первые мѣстные сановники по словесному представительству будетъ означать, что онъ теперь совсѣмъ чистъ въ мнѣніи высшихъ сферъ.

И все это сдѣлалось исподволь, безъ скачковъ, безъ всякихъ интригъ, безъ ухаживаній, безъ которыхъ не обходится никто, кому хочется прочистить себѣ дорогу къ серьезной власти.

Фата онъ въ себѣ не чувствуетъ и по части своего нравственнаго превосходства. Это слишкомъ очевидно. Ни въ уѣздахъ, — онъ знаетъ прекрасно весь личный составъ дворянъ, — ни въ горо-

дѣ нѣтъ ни чиновника, ни дѣльца, ни помѣщика, который самъ бы не сказалъ во всеуслышаніе:

— Александръ Ильичъ Гаяринъ у насъ первый номеръ!

О злоязычїи, клеветѣ и диффамациі онъ никогда не думалъ, а теперь способенъ менѣе, чѣмъ когда-либо, смущаться ими. Онъ выработалъ себѣ такой тонъ со всѣми, что у него не было, съ тѣхъ поръ, какъ онъ переѣхалъ изъ деревни — не то, что «исторїи», а даже простаго недоразумѣнія. Да и въ деревнѣ было то же самое.

Гаяринъ всталъ, отряхнулся, прошелъ въ кабинетъ, позвонилъ два раза и, остановясь у окна, приложилъ указательный палецъ къ правой брови: онъ соображалъ, приказать ли дворецкому подать послѣ супа марсалы, или особенной, привезенной еще изъ деревни, очень сухой мадеры: «dix ans de bouteille».

V.

Въ гостиной, огромной, жесткой и неудобной комнатѣ, освѣщенной ярче, чѣмъ это дѣлается въ провинціи въ «порядочныхъ» домахъ, сидѣлъ уже гость, когда Александръ Ильичъ отдавалъ приказаніе насчетъ вина.

Лакей, исправлявшій должность дворецкаго, доложилъ ему, что прїѣхалъ губернаторъ и прошелъ къ барынѣ.

Около дивана, гдѣ на углу, въ молодой и неловкой позѣ, присѣла хозяйка, весь ушелъ въ кресло средняго роста старичокъ, въ плохо сшитомъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, немного сутулый, совсѣмъ сѣдой. Онъ запустилъ бороду и голова его не имѣла въ себѣ ничего военнаго, лысая, съ морщинистымъ черепомъ умнаго человѣка, много имѣвшаго, на своемъ вѣку, болѣзней, заботъ и огорченій. Голубые, потерявшіе блескъ глаза, съ раздраженными вѣками, грустно улыбались сквозь порѣдѣлыя рѣсницы. Тонкій носъ книзу темнѣлъ, губъ не видно было изъ-подъ усовъ. Кожа на щекахъ лежала продольными складками, отъ худобы.

Онъ не носилъ ни шпоръ, ни штрипокъ и ноги перекрутилъ, сидя вбокъ, съ лицомъ, обращеннымъ больше въ уголъ, чѣмъ къ хозяйкѣ дома.

— Начинаютъ полегоньку съѣзжаться, — продолжалъ онъ разговоръ о близости выборовъ. У него не было переднихъ зубовъ; онъ ихъ не вставлялъ и давно получилъ старческій выговоръ.

— Вы любите, генераль, когда городъ немного оживляется!

— Еще бы!... А то даже на вашей, самой бойкой улицѣ, отъ

зданія присутственныхъ мѣстъ до острога, простымъ глазомъ можно сосчитать всѣхъ пѣшеходовъ и сѣдоковъ.

Онъ тихо засмѣялся и повелъ нервно правымъ плечомъ, — у него это было родъ тига.

— А театра такъ и не будетъ?

— Такъ и не будетъ, — отвѣтилъ онъ на ея вопросъ почти уныло.

Его обижало за городъ, что не можетъ здѣсь установиться постоянного театра, да и скучалъ онъ, живя одинъ безъ семьи, по вечерамъ. Въ карты игралъ онъ только отъ скуки, читать по вечерамъ ему было запрещено. Бумаги читалъ ему правитель канцеляріи.

— И къ выборамъ не будетъ?

Антонина Сергѣевна разспрашивала объ этомъ, чтобы доставить ему удовольствіе. У ней совсѣмъ не было привычки къ зрѣлищамъ.

— Предлагало какое-то сосіетѣ, — они такъ нынче величаютъ свои товарищества, — да, кажется, дрянцо какое-то... Обѣщали гастролеровъ, будто бы и Ермолову, и еще кого-то на нѣсколько спектаклей получать... Но субсидію запросили сразу. А нашъ лордъ-мэръ и обыватели на это очень крѣпюнки... Въ театрѣ полы разпатались давно, да и крыша кое-гдѣ течетъ... Ужь, право, и не знаю, — кончилъ онъ съ усмѣшкой, — чѣмъ миѣ по вечерамъ развлекать господъ дворянъ?

Глаза свои онъ перевелъ тутъ же на лицо хозяйки дома, и въ нихъ что-то мелькнуло. Онъ подумалъ о ея мужѣ, о томъ, пойдетъ ли Александръ Ильичъ въ предводители.

«Конечно, пойдетъ», — рѣшилъ онъ уже не въ первый разъ. Онъ считалъ Гаярину не на мѣстѣ. Ему извѣстно было его прошлое, онъ чувствовалъ въ немъ человека, который осторожно и ловко пробирается вверхъ. Положеніе директора частнаго общества временное. Обыкновеннымъ дѣльцомъ Гаяринъ не будетъ.

Съ Антониной Сергѣевной губернаторъ еще никогда не заводилъ разговора о карьерѣ ея мужа. Его удерживало сложное чувство. Въ немъ притаилась горечь неудачника. Въ супружеской жизни онъ былъ очень несчастенъ. На мѣстѣ его забыли, больше пятнадцати лѣтъ даже чиномъ не побаловали. А онъ начиналъ блистательно, какъ офицеръ генеральнаго штаба, былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ attaché одного изъ посольствъ. Въ лицѣ Гаярина передъ нимъ вставала личность, созданная для успѣховъ въ теперешнее время, онъ ему не завидовалъ, но и не преклонялся передъ такими людьми. Себя считалъ онъ болѣе достойнымъ настоящаго уваженія.

Насколько можно было на административномъ посту, онъ старался быть вѣрнымъ тому, что считалъ, еще молодымъ человѣкомъ, «просвѣщеннымъ» и «гуманнымъ», полезнымъ для своего отечества.

Въ женѣ Гаярина онъ распознавалъ нѣчто родственное себѣ; но его удерживала деликатность узнать ея взгляды на карьеру мужа.

Съ другой стороны, онъ былъ бы радъ скоротать свой вѣкъ, имѣя около себя такой предводительскій домъ, какъ Гаяринъ, находилъ Александра Ильича самымъ виднымъ и дѣльнымъ кандидатомъ, мечталъ о томъ, что онъ въ предводительствѣ найдетъ друга, способнаго оцѣнить его житейскія испытанія, усладить тяжесть одинокой старости.

Отъ женщинъ, въ смыслѣ корыстнаго ухаживанья, даже и въ подчиненныхъ сферахъ, генералъ Варыгинъ давно уже отказался: «сложилъ оружіе», — говаривалъ онъ.

— Выборы у насъ будутъ интересныя, — сказалъ губернаторъ и повелъ на особый ладъ усами.

Антонина Сергѣевна не поняла его намека и поглядѣла на него вопросительно, безъ всякой задней мысли.

О томъ, что мужъ ея пробирается въ предводители, она еще ни разу не подумала, какъ о близкомъ фактѣ. Съ ней онъ уже давно не мечталъ вслухъ, не сообщалъ ей своихъ плановъ, избѣгалъ всякихъ разговоровъ о личныхъ интересахъ.

— Сословіе желаютъ поднять, — продолжалъ старикъ и передернулъ правымъ плечомъ. — Что-жь, хорошее дѣло, если только въ прокъ пойдетъ.

И въ глазахъ, отуманенныхъ годами и горечью жизни, проползла струйка ироніи.

— Надежда плохая! — сказала Антонина Сергѣевна.

У ней на этотъ счетъ взгляды давно установились. Она не любила громко обличать и разносить; но на свое сословіе она была точно такихъ взглядовъ, какъ ея мужъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ жилъ въ деревнѣ подъ присмотромъ.

— Какъ бы капиталы новаго банка не пошли туда же, куда и блаженной памяти выкупныя свидѣтельства.

Она усмѣхнулась и ея улыбка ясно говорила: «можно ли въ этомъ сомнѣваться?»

Этого умнаго и простаго старика, забытаго на губернаторскомъ посту, она считала «своимъ» человѣкомъ, которому только его должность не позволяетъ высказываться посильнѣе. И не столько должность, сколько другое время. Лѣтъ пятнадцать-двадцать передъ тѣмъ онъ, навѣрное, былъ менѣе сдержанъ. Ему Антонина Сергѣ-

евна прощала. Онъ весь свой вѣкъ служилъ, старался быть честнымъ, оставался вѣренъ нѣкоторымъ идеямъ общественной правды. Чего же больше требовать отъ него? Было бы печальнѣе, еслибъ онъ либеральничалъ на словахъ, а на дѣлѣ былъ ретроградъ и черствый честолюбецъ или тайный измѣнникъ своей присягѣ.

Ея мужъ смотритъ на него сверху внизъ, считаетъ его «запаснымъ», не разъ уже проговаривался, что на такомъ мѣстѣ, какъ постъ начальника губерніи, надо иначе держать себя, имѣть другой тонъ, больше «иниціативы» и «авторитета».

Эти фразы странно звучали для нея въ устахъ Александра Ильича. Правда, онъ выходилъ у него легко и ловко, встать, и съ неувловимымъ двойственнымъ отгѣнкомъ. Такъ могъ говорить и радикально мыслящій человѣкъ.

— Мѣсто предводителя никогда у насъ не пустовало, — замѣтилъ губернаторъ и опять кинулъ на нее боковой взглядъ. — А теперь вотъ второй годъ пустуетъ.

— Охотники найдутся, — вымолвила она и почувствовала, что онъ намекаетъ на мужа.

— Александру Ильичу, можетъ быть, хочется, — потише сказала онъ, — чтобы ему шарики на тарелкѣ поднесли, какъ въ доброе старое время?

— Александру Ильичу? — переспросила она и начала краснѣть, — ей стало вдругъ очень неловко.

Она хотѣла бы возразить: «Помилуйте, съ какой стати пойдетъ онъ въ предводителя даже и теперь, когда хотять поднимать сословіе?» Но ея всегдашняя честность не позволила ей такого протеста. Ручаться за него она уже не могла, и это ее смутило и опечалило.

Старичокъ послѣ своей фразы сидѣлъ все въ той же перекошенной позѣ и ему казалось забавнымъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль онъ будетъ посылать ей мужу официальные пакеты съ надписью: «Его превосходительству господину губернскому предводителю дворянства», и увидитъ его въ соборѣ, въ табельные дни, въ бѣлыхъ панталонахъ съ галуномъ.

Давно ли онъ, какъ начальникъ губерніи, долженъ былъ давать свѣдѣнія о помѣщикѣ такого-то уѣзда, владѣльцѣ такого-то имѣнія, проживавшемъ въ своей усадьбѣ подъ надзоромъ?... Ему вспомнилось обычное полумшутливое выраженіе правителя канцеляріи, называющаго этотъ отдѣлъ свѣдѣній, отбираемыхъ отъ уѣзднаго начальства, «кондуитъ».

И въ эту минуту въ дверяхъ гостиной онъ увидалъ стройную,

еще очень молодую фигуру Александра Ильича, затянутую въ сюртукъ, съ его темною расчесанною бородой, въ высокихъ модныхъ воротничкахъ, съ тихой, значительною улыбкой сжатаго энергичнаго рта.

Антонина Сергѣевна быстро взглянула на мужа, еще не освободившись отъ своего смущенія, и ее пронизала мысль:

«Да, онъ мѣтитъ въ предводители и скрываетъ это отъ меня!»

— Какъ поживаете, генералъ?—раздался отъ двери ласково-почтительный вопросъ и двѣ руки протянулись, на ходу, къ гостю.

VI.

Въ началѣ восьмага пили кофе и курили въ будуарѣ хозяйки.

Бромѣ губернатора, былъ тутъ и другой гость, нѣсколько опоздавшій къ обѣду, нѣкто Ахлѣстинъ, Степанъ Алексѣичъ, чиновомъ отставной гвардіи штабъ-ротмистръ, холостякъ лѣтъ подь пятьдесятъ. Плотно стриженная, еще не сѣдая голова его давала ему видъ очень нестарога челоувѣка—и маленькая бородка, и короткая жакетка, и свѣтлый атласный галстукъ. Онъ одѣвался по-заграничному. Въ Россіи жилъ онъ только по лѣтамъ; на этотъ разъ запоздалъ и хотѣлъ остаться на выборы. Онъ уже больше двадцати лѣтъ проживалъ на югѣ Европы, не служилъ, не искалъ службы и досуги свои употреблялъ на то, что сочинялъ проекты по вопросамъ русскаго государственнаго хозяйства и управленія, задѣвалъ и общія соціальныя темы, печаталъ брошюры по-французски и по-русски, разсылалъ ихъ всѣмъ «власть имѣющимъ», на Западѣ и въ Россіи. Его считали вездѣ чудакомъ; иные думали, что подо всѣмъ этимъ таится нѣчто другое, чего, въ сущности, не было... Онъ никого не дурачилъ.

И теперь, за кофеемъ, Ахлѣстинъ, немного запинаясь въ рѣчи, высокимъ голосомъ, съ манерой говорить москвича, на которую житье за границей не повліяло нисколько, рассказывалъ про то, какимъ онъ особамъ разослалъ послѣднюю свою брошюру: *О возможныхъ судьбахъ Европы въ виду грядущихъ соціальныхъ переворотовъ и неизбежныхъ войнъ.*

— На Западѣ двое мнѣ, какъ порядочные люди, отвѣтили... настоящими письмами, — весело крикнулъ онъ. — Остальные... благодарили.

— А сколько вы разослали экземпляровъ? — спросилъ губернаторъ.

— Да ужь, ей - Богу, не помню... Въ одной Россіи штукъ триста. Такъ по адресъ-календарю и валялъ!

— И, разумѣется, у насъ всё промолчали?

— То-есть — pardon, Антонина Сергѣевна! — хоть бы плюнулъ кто.

— Ну, а эти двое европейцевъ?—возбужденно допрашивала старичокъ.

Хозяинъ дома сидѣлъ поодаль и неопредѣленно улыбался.

— Покойникъ Бигонсфильдъ и донъ-Педро.

— Императоръ Бразиліи?

— Онъ самый.

— За то какова парочка!

— Да! Дизраэли даже удивилъ меня. «Совершенно, — пишетъ, — согласенъ съ вашимъ взглядомъ». А я насчетъ Индіи предлагаю примирительную систему. «Всѣмъ великимъ націямъ, говорю я, будетъ достаточно дѣла въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ призваны господствовать».

Хозяинъ продолжалъ молчать и отхлебывать изъ маленькой плоской чашки черной, очень крѣпкой кофе. Въ глазахъ его мелькала улыбка. Онъ слушалъ гостя и думалъ полуиронически, полусерьезно о томъ, какую роль играютъ у насъ проекты и докладныя записки тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ всякій «чинушъ» норовитъ отличиться, бьетъ тревогу, доказываетъ неминуемую гибель общества, если не послушаютъ его.

Худоцавая, своеобразная фигура Ахлѣстина выдѣлялась передъ нимъ на фонѣ кресла, обитаго свѣтлою старинною матеріей. Онъ часто двигалъ свободною правою рукою; лицо его смѣялось, а въ глазахъ была какая-то смѣсь мечтательности и юмора съ чисто-русскимъ оттѣнкомъ.

«Мнѣ, молъ, все равно; я не бьюсь ни изъ чиновъ, ни изъ окладовъ... Пускай на меня свысока смотрятъ всѣ власть имѣющіе».

И онъ тотчасъ же прибавилъ, точно возражая кому-нибудь изъ присутствующихъ:

— Я ни къ какой гучкѣ не принадлежу!... Одни считаютъ меня ретроградомъ, чуть не ярымъ крѣпостникомъ, другіе—тайнымъ нигилистомъ... Кто-то даже Катилиной обозвалъ... хе, хе, хе! Смѣхъ у него былъ высокій, дѣтскій.

Губернаторъ тихо разсмѣялся вслѣдъ за нимъ.

— Ей-Богу! Всѣ личину носятъ и тянутъ только въ свою сторону, а я такъ разсуждаю: пусть въ моихъ немудрыхъ писаніяхъ много вздору; но если есть хоть крупица дѣла на пользу общую, и этою крупицей воспользуется кто-нибудь власть имѣющій, боль-

ше я ничего и не желаю. Надо понять, я стою за поднятіе того сословія, въ которомъ родился, только затѣмъ, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы народъ не несъ лишнихъ тягостей, не пропился и не избаловался бы въ лоскъ.

— Трудно, — выговорилъ губернаторъ, какъ бы думая про себя, — очень трудно, — протяжно повторилъ онъ, — влѣзть въ кожу мужика, въ то, что онъ долженъ выбить изъ земли сохой или заступомъ.

Его добрые, затуманенные глаза обратились къ Антонинѣ Сергѣевнѣ; она встрепенулась и быстро кивнула ему головой.

Изъ троихъ собесѣдниковъ ему больше всего она вѣрила, къ нему была ближе душой. Мужа она совсѣмъ не чувствовала, сегодня, въ этомъ разговорѣ, и давно уже не слыхала, чтобы онъ высказался прямо, смѣло, какъ прежде... Его блуждающая улыбка и уклончивая молчаливость смущали и печалили ее.

Во взглядѣ старичка она прочла признаніе человѣка съ сердцемъ, которому долгая губернаторская служба дала отличное знаніе того, какъ выбиваются, по уѣздамъ, годами накопившіяся недоимки. Она вспомнила, что разъ, въ этомъ же будуарѣ, онъ сильно повелъ правымъ плечомъ и у него вырвалось восклицаніе:

— Вотъ на это и клади всю душу! Выбивай недоимки! И съ каждымъ годомъ все хуже и хуже!

Даже Ахлѣстинъ, — она считала его, все-таки, защитникомъ словенныхъ взглядовъ, — казался ей искреннѣе и цѣльнѣе Александра Ильича. Она не могла отличить въ немъ привычки къ извѣстнаго рода диллетантству отъ убѣжденности человѣка, имѣющаго свои взгляды, способнаго вдумываться въ судьбы всего человѣчества и своей родины. Брошюръ его она не читала.

— Да почему же вы думаете, генераль, — вдругъ еще веселѣе заговорилъ Ахлѣстинъ, — что я не проходилъ черезъ настоящую мужицкую работу?... И очень!... Позвольте вамъ рассказать одинъ такой экспериментъ. Давненько это было. Я уже вышелъ въ отставку и гостилъ у тетки, въ деревнѣ... Знаете, тогдашней модой насчетъ хожденія въ народъ я не зашибался.

Эту фразу онъ сказалъ просто, между прочимъ, но Антонину Сергѣевну кольнуло и она не могла не взглянуть въ сторону мужа. Тотъ сидѣлъ съ неподвижнымъ лицомъ и съ тою же усмѣшкой на тонкихъ губахъ.

«Онъ даже забылъ про это, — съ горечью подумала она, — или уже привыкъ носить маску?»

— Нѣтъ, не зашибался, — повторилъ раскшачикъ. — А съ му-

жичками ладилъ, ничего. Ну, и времени много было свободнаго... У тетки копали прудъ. И плотину надо было соорудить здоровую... А, главное, копать... Пришли землекопы... Артель человекъ въ восемь-десять. Я съ ними въ знакомство вступилъ... «Тары-бары... Хорошъ табачокъ»... Хожу, посматриваю, какъ они дѣйствуютъ... И, знаете, на третій, кажется, день разобрала меня охота... Отчего мнѣ не поработать?... Только чтобы до конца довести вмѣстѣ съ ними...

— И выдержали?—съ живостью спросилъ губернаторъ.

— И выдержалъ! Пиджакъ и штіблеты съ себя снималъ, даже волосы ремешкомъ пристегнулъ... Вставалъ съ пѣтухами, ѣлъ съ рабочими изъ одной чашки,—еще постъ Петровскій пришелся,—хлѣбъ, лукъ, каша съ коноплянымъ масломъ, тюря... Отлично!... И повѣрите, когда, къ концу первой недѣли, перестало въ поясницѣ ныть и руки я достаточно намозолилъ,—такое, я вамъ скажу, душевное настроеніе... Никогда въ жизни ничего подобнаго не испытывалъ! Ей-Богу!... Это что-то совсѣмъ особенное... Одна забота, одна мысль—вотъ этотъ пластъ земли уничтожить, а потомъ другой, а потомъ третій... И верхъ благосполучія—все выкопать, плотину утрамбовать въ наилучшемъ видѣ и воды напустить!...

— Такъ ужъ это помѣщичье чувство!—перебилъ губернаторъ.

— Ни Боже мой!... Я все забывалъ: кто я, гдѣ живу... что баринъ я, гвардіи штабъ-ротмистръ, племянникъ помѣщницы... Мало того, всякія дѣла тамъ, въ Европѣ!... Въ то время Испанія въ ходу была... Королева Изабелла, генералъ Примъ, кортесы, потомъ претенденты на престолъ... Все это вдругъ показалось мнѣ такою пустяковиной! Работа!... Одна работа!... Вотъ какая притча!

— И вы увѣрены, что и землекопы такъ же чувствовали?—не сдавался губернаторъ.

— Непремѣнно! Нельзя иначе чувствовать, когда работа держитъ васъ въ своихъ клещахъ!... Лучшаго душевнаго настроенія нѣтъ и быть не можетъ!

— Однако, вы въ немъ не остались?

— Это уже другой вопросъ, ваше превосходительство! Всякому свое... Что вы, Александръ Ильичъ, на это скажете?

— А скажу то, что надо черезъ это пройти; но не затѣмъ, чтобы забывать обо всемъ другомъ...

«О чемъ?»—стремительно спросила про себя Антонина Сергѣевна и сдержала желаніе посмотреть на мужа.

Ахлѣстинъ началъ уже прощаться, торопливо, точно онъ опоздалъ куда. Его удерживали. Онъ объявилъ, что долженъ въ Москву, съ вечернимъ поѣздомъ, и, уходя, въ дверяхъ, сдѣлалъ дурачливую мину и сказалъ:

— Все корректура донимаетъ. Пріятелямъ нельзя поручить, — наврутъ!

Хозяинъ пошелъ его провожать. Губернаторъ перешелъ со своего кресла на диванъ, поближе къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

VII.

Александръ Ильичъ вернулся очень быстро, въ дверяхъ остановился немного и оглянулъ и гостя, и жену.

— Уѣхалъ?—спросилъ его губернаторъ и вытянулъ ноги.— Господинъ реформаторъ?

Слово «реформаторъ» произнесъ онъ съ замѣтною улыбкой.

— Да, реформаторъ,—повторилъ Гаяринъ и сѣлъ опять на свое мѣсто, въ той же позѣ, съ тѣмъ же лицомъ, и взялъ опять со столика недопитую чашку.

— Этакіе-то не опасны,—продолжалъ губернаторъ и повелъ слегка плечомъ,—по крайней мѣрѣ, ничего не хотятъ истреблять и ни подо что тайно не подкапываются!... Разсылаютъ свои писанія во всѣ концы свѣта.

— Какъ сказать?—заговорилъ, наконецъ, Гаяринъ и выпрямился.—Эта игра въ спасители челоѣчества только подрываетъ кредитъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ бы вложить свою лепту въ общее дѣло.

Эту фразу произнесъ онъ съ остановками, ища словъ, чего съ нимъ не бывало никогда. Точно будто ему не хотѣлось ни въ какомъ смыслѣ высказываться въ присутствіи своей жены.

Антонина Сергѣевна такъ это и поняла и продолжала сидѣть въ неловкой позѣ, съ опущенными глазами. Она съ радостью взяла бы папиросу и закурила; но мужъ ея, съ нѣкоторыхъ поръ, не любитъ, чтобы она курила, особенно при гостяхъ.

— Эхъ, Александръ Ильичъ, кто у насъ читаетъ?... Вѣдь, онъ самъ же сейчасъ говорилъ, что ему ни единая душа не отвѣтила, изъ трехсотъ челоѣкъ, которые значатся въ адресъ-календарѣ.

— Что-жь, онъ, все-таки, живетъ для идеи и вѣренъ себѣ,—съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ сказала Антонина Сергѣевна и повернула голову въ сторону мужа.

Она не могла сдержать въ себѣ начала какой-то, совсѣмъ новой тревоги, потребности проявить, вотъ сейчасъ, свою личность, заставить мужа бросить уклончивый тонъ и начать высказываться откровеннѣе... Минута казалась ей самою подходящей. Губернаторъ поможетъ ей въ этомъ—направленіемъ разговора.

— Такихъ реформаторовъ,—продолжалъ старичокъ,—я бы не промѣнялъ на тѣхъ господъ, которые проживаютъ у меня на попеченіи.

Онъ оглянулся на Антонину Сергѣевну. Намекъ его она тотчасъ же поняла.

Въ городѣ находилось нѣсколько человекъ, присланныхъ на житье. Одни попали прямо изъ столицы, другіе изъ дальнихъ губерній, двое изъ-за Урала. Ими Антонина Сергѣевна интересовалась постоянно. Между ними было два писателя-беллетриста и сотрудникъ толстыхъ журналовъ по философскимъ вопросамъ Ихменевъ. Онъ былъ вхожъ въ ихъ домъ или, лучше, она съ нимъ познакомилась и принимала у себя... Александръ Ильичъ позднѣе узналъ объ этомъ отъ нея, но самъ не пожелалъ поближе сойтись съ Ихменевымъ. Она помнитъ и чуть примѣтную гримасу, съ которой онъ сказалъ ей:

— Смотри, Нина, эти господа непременно будутъ просить о чемъ-нибудь нелегальномъ и вшутають въ исторіи...

И тотчасъ же удалился, оставивъ ее подъ впечатлѣніемъ этой фразы.

— Развѣ они подводятъ васъ... подъ непріятности?—спросила Антонина Сергѣевна и легкая дрожь прошла у ней внутри, хотя въ комнатѣ было не меньше пятнадцати градусовъ.

Она чего-то ждала и на что-то спрашивалась.

— Подводить-съ,—выговорилъ съ полукомическимъ вздохомъ старикъ и опять принялъ свою изломанную позу.—Бажется, я врутымъ надзоромъ никогда не отличался...

Александръ Ильичъ сдѣлалъ кивокъ головой, въ знакъ согласія.

— Прежде и намъ было поудобнѣе... И насъ меньше беспокоили... да и народъ другой былъ... А нашъ городъ, хотя онъ и къ центру имперіи принадлежитъ, сдѣлали дурную привычку, тамъ,—онъ повелъ рукой,—избирать мѣстомъ болѣе легкаго изгнанія, вродѣ какого-то чистилища... Прежде каждаго изъ этихъ господъ опредѣлить было не такъ трудно... А теперь, Богъ его знаетъ, что у него тамъ, подъ его долгою гривой, въ мозгу шевелится. Проживаетъ-то онъ на моемъ попеченіи за одно, а, можетъ, высиживаетъ въ

себѣ совсѣмъ другое... и, вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ житьемъ въ городѣ, откуда ему разрѣшается и въ Москву съѣздить иной разъ, и въ Петербургъ, онъ продолжаетъ сношенія съ самымъ, уже что ни-на-есть, нелегальнымъ народомъ, и въ Россіи, и за границей. А губернатору нахлобучка, да нахлобучка!... Хе, хе!

Все это было выговорено шутя: ни стариковской горечи, ни чиновничьей строгости не слышалось въ тонѣ. Антонина Сергѣевна схватила взглядъ мужа. Его острые глаза отливали стальнымъ блескомъ, точно говорили:

«Самъ ты, старичокъ, виноватъ... Слишкомъ долго любилъ драпироваться въ либерализмъ, читалъ запрещенныя книжки, потакалъ всякимъ, явно-нелегальнымъ попущеніямъ, заигрывалъ со всѣмъ этимъ народомъ, ждалъ отъ нихъ выдачи себѣ похвального листа за гражданскія чувства. Вотъ теперь и кусай локти».

Она прочла все это въ его красивыхъ глазахъ, съ отблескомъ стали, въ которыхъ, когда-то, видѣла другой огонь—порываній и сочувствій, отошедшихъ куда-то въ глухую темь.

— Удивляюсь,—началъ вдругъ Александръ Ильичъ и поставилъ чашку на столикъ,—удивляюсь я одному: какъ у этихъ господъ нѣтъ профессиональной честности! А, вѣдь, это,—подчеркнулъ онъ,—превратилось какъ бы въ профессію... Я иду на-проломъ, умышляю противъ извѣстнаго порядка вещей, сознательно призываю на себя неизбѣжное возмездіе, неизбѣжное,—повторилъ онъ съ оттяжкой,—въ каждомъ правильно организованномъ государствѣ, и потомъ возмущаюсь послѣдствіями моихъ дѣяній, хитрю, пускаюсь на мелкіе обманы, не хочу отбыть срока своего наказанія, какъ порядочный человѣкъ, понимающій смыслъ народной поговорки: люби кататься, люби и саночки возить!

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но оборвалъ свою рѣчь. Антонина Сергѣевна быстро взглянула на него, и, должно быть, этотъ взглядъ помѣшалъ ему докончить.

Нервная дрожь не проходила въ ней. Она сама чувствовала, что должна быть блѣдна. Ей захотѣлось возразить, сразу поставить что-то ребромъ.

Но губернаторъ всталъ и пошелъ въ другой конецъ комнаты за фуражкой.

— Это вѣрно, профессиональной честности не хватаетъ! — выговорилъ онъ. — Интересная тема, Антонина Сергѣевна, не правда ли? И ваше мнѣніе желательно бы выслушать, да я уже засидѣлся... У меня сегодня комиссія... и скучнѣйшая. Что дѣ-

латы!... Какъ это по-латыни? *Caveant consules*? Такъ, кажется, Александръ Ильичъ? На своемъ посту все надо быть.

Онъ подошелъ къ хозяйкѣ и взялъ ея руку.

— Позвольте?— спросилъ онъ тономъ военнаго.— Вашъ супругъ пока еще вольный гражданинъ. Днемъ посидитъ тамъ, въ правленіи, а вечеромъ... не знаетъ никакихъ комитетовъ, и комиссій, и подписыванія исходящихъ. Дайте срокъ! Мы и его впряжемъ.

Антонина Сергѣевна спросила его глазами:

«Во что впряжете?»

— И вы у насъ будете скоро штатскою генеральшей... Вѣдь, вы съ мужемъ вашимъ занимаете историческій домъ... Здѣсь испоконъ вѣгу жили губернскіе предводители. Много было тутъ пропито и проѣдено, проиграно въ карты... Плясъ былъ большой... и всякое дворянское благодущіе. Пора немножко и стариной тряхнуть... И вамъ пора, Антонина Сергѣевна, принять надъ нами власть. Вы у насъ первая дама въ городѣ, недостаетъ только официального титула.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ей руку и молодцовато повернулся въ сторону мужа.

Александръ Ильичъ стоялъ ближе къ ней. На его лицѣ она ничего не прочла, но вся фигура его говорила:

«Да, мнѣ пора въ губернскіе предводители. Я это знаю, и мнѣ должны поднести шары на блюдѣ».

— Такъ ли?—спросилъ его, уходя, губернаторъ.

— Я не судья!—отвѣтилъ Гаяринъ и съ жестомъ почтительной ласки слегка взялъ старика за плечо и пошелъ съ нимъ въ гостиную.

«Не судья...—повторила мысленно Антонина Сергѣевна, вся охваченная возрастающимъ чувствомъ, которому она должна была дать ходъ,—не судья... въ своемъ дѣлѣ? Всѣ этого хотятъ! Значить, ты все самъ подготовилъ и ждешь первой ступени туда, гдѣ въ тебѣ умретъ прежній Гаяринъ!»

VIII.

Въ передней Александръ Ильичъ сказалъ еще нѣсколько лестныхъ словъ гостю и, на прощанье, посовѣтовалъ поднять воротникъ шинели.

— Вѣтеръ рѣзкій, берегитесь, генераль.

Ему сначала не захотѣлось возвращаться къ женѣ. Онъ не желалъ проводить вечеръ дома, съ глазу на глазъ, или одному, у себя

въ кабинетѣ, за первую попавшеюся книжкой. Давно Александръ Ильичъ не читалъ женѣ вслухъ, какъ бывало въ деревнѣ, длинными осенними и зимними вечерами, когда онъ усиленно развивалъ ее, въ первые годы ихъ брачной жизни. Читалъ онъ ей на четырехъ языкахъ, и на всѣхъ одинаково хорошо. У него была даже страстишка къ красивому чтенію и одно время онъ считалъ себя декламаторомъ. Тогда прочитывались цѣлые томы Спенсера, Мишле, популярныхъ нѣмецкихъ сочиненій по естествознанію, *Misérables* Гюго, англійскіе радикальные журналы, всего чаще *Fortnightly Review*, книги Джона Морлея, Ренана, Бине и соціальныхъ писателей сороковыхъ годовъ, романы Джоржа Эллиота и Ямбы Барбье... Все тогда шло въ прокъ...

Теперь охоты нѣтъ, а если бы онъ что и прочелъ ей, то не изъ прежнихъ авторовъ и не съ тою цѣлью.

Лучше онъ поѣдетъ сегодня въ клубъ... Начинаютъ съѣзжаться дворяне. Надо почаще показываться. Можетъ быть, онъ сыграетъ роббера три съ кѣмъ-нибудь изъ уѣздныхъ предводителей. И губернаторъ изъ своей комиссіи, навѣрное, заѣдетъ въ клубъ, съѣсть, по своей привычкѣ, порцію холодной ветчины и немножко повинтить, а то такъ просто посидѣтъ около играющихъ.

Въ клубъ надо поѣхать!... Но это еще успеется. Онъ подавилъ въ себѣ малодушное, на его взглядъ, нежеланіе вернуться къ женѣ и пошелъ болѣе рѣшительнымъ шагомъ черезъ гостиную.

Разговоръ о господахъ, находящихся, какъ выражался губернаторъ, на его «попеченіи», подсказалъ ему рѣшеніе дать Антонинѣ Сергѣевнѣ добрый совѣтъ уклониться отъ дальнѣйшаго знакомства «съ господиномъ Ихменьевымъ»; выговорилъ онъ про себя и съ особымъ движеніемъ своего красиваго рта. Лучше сдѣлать это сейчасъ, а не откладывать на завтра.

— Morgen, Morgen, nur nicht Heute, sagen alle faule Leute, — произнесъ онъ въ полголоса, проходя черезъ опустѣвшую гостиную.

Видъ этой комнаты показался ему до-нельзя тусклымъ и бѣднымъ. Надо ее заново отдѣлать. И, вообще, оживить эти просторныя барскія хоромы, сдѣлать домъ открытымъ. Это будетъ необходимо съ перемѣной положенія. Да и пора прекратить теперешній странный образъ жизни... Точно они какіе-то поднадзорные... или люди опаснаго образа мыслей, не желающіе сближаться съ родомъ.

Все это идетъ отъ Антонины Сергѣевны. Она не любитъ, въ сущности, ни женскаго, ни мужскаго общества. До сихъ поръ она, точно у себя въ усадьбѣ, читаетъ книги, пишетъ безконечныя

письма, мечтаетъ Богъ знаетъ о чемъ, не хочетъ заняться своимъ туалетомъ, играть въ городѣ роль, отвѣчающую положенію мужа.

Впервые Гаяринъ испытывалъ особое раздраженіе противъ жены, не похожее на эту сдержанную уклончивость, съ которой онъ велъ съ ней постоянную борьбу, передѣлывалъ ее на новый ладъ.

— Нина, ты здѣсь? — окликнулъ онъ въ будуаръ изъ-за портьеры.

— Здѣсь, — отвѣтила она изъ-за перегородки, куда ушла переимѣнить туалетъ, надѣтъ свой любимый фланелевый капотикъ полосками.

— Et la femme de chambre est là? —

— Je suis seule.

Въ отвѣтъ жены Александру Ильичу послышалось нѣчто новое. Не было неизмѣнной прибавки «mon ami» или «мой другъ», безъ которой она никогда не обращалась къ нему.

Это его поставило на-сторожѣ, но не измѣнило его рѣшенія — поговорить съ женой на щекотливую тему.

— Ты легла?

— Нѣтъ, я сейчасъ переодѣнусь.

И это ему не очень-то нравилось. Можетъ кто-нибудь прѣхать невзначай, а хозяйка дома въ халатѣ. Никогда — такъ ему казалось теперь — не поощрялъ онъ ее къ этой русско-деревенской распушенности. Она опрятно себя держитъ; но никакой заботы объ изяществѣ, о красивыхъ деталяхъ туалета, преувеличенная склонность къ своего рода мундиру скромности и радикализма.

Слово «радикализмъ» онъ очень отчетливо произнесъ про себя и взглядъ его со стальнымъ отблескомъ остановился на портьерѣ перегородки. Даже и это ему не нравилось, что жена его спала въ той же комнатѣ, гдѣ и сидѣла цѣлые дни, гдѣ и принимала иногда гостей.

Да, она въ своемъ фланелевомъ халатикѣ, который старилъ ее на десять лѣтъ, и даже сняла кружево съ головы. Отъ этого сѣдина гораздо больше стала серебриться и на вискахъ, и на темени.

Бъ своей женѣ онъ, какъ мужчина, началъ незамѣтно охлаждать въ послѣднія пять лѣтъ, но никогда не разбиралъ своего чувства къ ней, не возмущался, не жаловался ни самому себѣ, ни въ дружеской бесѣдѣ. Да у него и не было друга... Онъ принималъ это какъ неизбѣжность «эволюціи» супружеской связи, и свою честность, то, что не обзавелся любовницей, считалъ онъ высшимъ доказательствомъ уваженія къ женщинѣ, отъ нея не требовалъ ни-

какихъ порывовъ и желалъ подтянуть ее въ туалетъ вовсе не за тѣмъ, чтобы подогрѣвать свое чувство къ ней.

Всего сильнѣе избѣгалъ онъ поводовъ къ «восторженности» — тоже новое для него слово въ оцѣнкѣ характера Антонины Сергѣевны и ихъ взаимныхъ отношеній. Слѣдовало бы и сегодня отклонить опасность щекотливаго разговора, но онъ надѣялся выйти изъ него безъ всякаго «психическаго осложненія».

— Tu as à me parler? — спросила Антонина Сергѣевна все еще изъ-за перегородки и опять какъ бы не своимъ тономъ.

По-французски она не любила говорить съ глазу на глазъ и вообще неохотно вела разговоръ на этомъ языкѣ, между тѣмъ какъ Александръ Ильичъ, съ переѣзда въ городъ, сталъ приобрѣтать привычку, которую двадцать лѣтъ назадъ считалъ «негѣбною» и даже «постыдною».

— Oui, chérie.

Слово «chérie» было выговорено имъ сладковато, болѣе тонкимъ голосомъ. Этотъ звукъ дѣйствовалъ на нее съ нѣкоторыхъ поръ, точно кто проводитъ при ней ногтемъ по глянцевитой бумагѣ.

— Сейчас! — откликнулась она уже по-русски.

Онъ сѣлъ къ столику и вбокъ взглянулъ на нѣсколько писемъ, лежавшихъ тутъ адресами вверхъ. Зрѣніе у него было превосходное и онъ схватилъ глазами адресъ кухни Антонины Сергѣевны, княгини Мухоморовой.

«Измянія, — подумалъ онъ, — и кисло-сладкія сѣтованія на что-то».

Вслѣдъ затѣмъ онъ поправилъ сюртукъ и выпрямился. Къ объясненію онъ приготовился вполне.

Онъ не сразу замѣтилъ, что она стоитъ позади въ портьерѣ перегородки, управляетъ воротникъ ночной кофты, обшитой кружевомъ, въ фланелевомъ полосатомъ халатикѣ, и смотритъ возбужденно, съ блуждающею, немного жалобною улыбкой и давно небывалымъ острымъ блескомъ въ ея добрыхъ, мечтательныхъ глазахъ.

Никогда она еще такъ не глядѣла на него, на эту умную, красивую голову, съ лоснящимися волосами и слегка рѣдѣющею маковкой, на стройную, очень молодую фигуру, на значительный тонкій профиль барскаго лица, и не влюбленными глазами глядѣла она.

Въ первый разъ заползло въ ея душу настоящее чувство тяжелой неловкости, назойливой, властной потребности убѣдиться: тотъ ли это человекъ, за которымъ она кинулась изъ родительскаго до-

ма, какъ за героемъ, за праведникомъ, передъ которымъ стояла на колѣняхъ долгіе годы, или ей его подмѣнили, и между ними уже стѣна, если не хуже, если не оврагъ, обсыпавшійся незамѣтно и перешедшій въ глубокую пропасть?

Припомнилось все ея собственное поведеніе за послѣдніе три-четыре года, когда она изъ влюбленности къ нему, по ослѣпленію и дряблости натуры, поддавалась ему во всемъ, дѣлалась добровольно участницей въ его ренегатствѣ.

«Да, ренегатствѣ», — шептали беззвучно ея губы еще до его прихода, когда она за перегородкой у постели застегивала вздрагивающими пальцами пуговицы своего пеньюара.

И въ эту минуту въ ея взглядѣ сидѣлъ страшный вопросъ: того ли человѣка найдетъ она въ своемъ красавцѣ-герое, въ Александрѣ Ильичѣ Гаяринѣ, пострадавшемъ за свои убѣжденія и симпатіи, или кандидата въ губернскіе предводители, честолюбца, карьериста, готоваго завтра же надѣть ливрею и красоваться въ ней?

Александръ Ильичъ, оправляя свой шитый у француза сюртукъ, никакъ не предчувствовалъ, что его жена готовить ему такой вопросъ... Онъ уже былъ заранѣе убѣжденъ, что его дипломатіи хватить на то, чтобы не дать Антонинѣ Сергѣевнѣ и повода протестовать или возмущаться.

— Это ты? — спросилъ онъ ее, не поворачивая головы и даже глазъ.

— Это я, — вздрагивающимъ звукомъ отвѣтила она.

IX.

Онъ тогда быстро повернулъ къ ней голову и прошелся взглядомъ по всей ея фигурѣ, какъ будто что-то неладное почуялось ему.

— Tu as la migraine? — спросилъ онъ ее больше тономъ безпокойства, чѣмъ заботы.

— Я совершенно здорова, — сказала отрывисто Антонина Сергѣевна.

Мужъ ея сейчасъ догадался, что она не желаетъ говорить по-французски. Въ такихъ пустягахъ можно было уступить ей. Но уклоняться отъ темы разговора онъ не хотѣлъ.

Пора ей быть съ нимъ солидарной и понять, что пришло время жить настоящими интересами, а не фрондировать бесплодно, портить себѣ все замашками какихъ-то заговорщиковъ, «кажущихъ кукишъ въ карманѣ».

— Если ты утомлена, я оставляю разговоръ до другаго раза.

— Я нисколько не утомлена.

Ея голосъ и отрывочность тона показывали, что она не можетъ овладѣть собою и только не знаетъ, съ чего ей начать, какъ выразить ея чувство.

— Видишь, мой другъ, я хотѣлъ тебя предупредить... Мнѣ пришло это на мысль по поводу нашей бесѣды... о тѣхъ господахъ, которые живутъ здѣсь подъ надворомъ... Еъ выборамъ начнутъ сѣзжаться... бывать у насъ. Ты понимаешь, вдругъ одинъ изъ этихъ господъ пожалуетъ къ тебѣ... Напримѣръ, этотъ... философъ... Я ничего не говорилъ тебѣ до сихъ поръ, но, право, лучше бы было воздержаться.

Она не дала ему докончить, сѣла у своего письменнаго столика, но очень близко къ нему, подалась къ нему всѣмъ своимъ сухощавымъ тѣломъ, вытянула руки и оперлась ладонями въ колѣна.

— Александръ...—заговорила она, и приступъ нервности зазвучалъ въ ея голосѣ. Ея дыханіе, горячее и порывистое, доходило до его лица. Зрачки были расширены.—Александръ, я прошу тебя не продолжать въ этомъ направленіи. Я и безъ того настрадаюсь сегодня, видя, какъ ты позволяешь себѣ, не стыдишься,—она съ трудомъ находила нужныя ей слова,—не стыдишься говорить такія вещи, которыя тебя возмущали бы десять лѣтъ тому назадъ... И это подтверждаетъ то, что я начинаю чувствовать... Такъ нельзя, такъ нельзя!—вдругъ оборвала она на рѣзкой нотѣ, схватила себя обѣими худыми руками за голову и откинулась на спинку низкаго кресла.

Александръ Ильичъ молчалъ. Что-жь ему отвѣчать на ея тираду, и въ такой неожиданной и неумѣстной формѣ?

Выходка жены была выраженіемъ чего-то накопившагося. Онъ не могъ не думать о томъ, что могло происходить въ послѣдніе годы въ душѣ Антонины Сергѣевны. Но сознаніе своего превосходства и постепенность сдѣлокъ съ своимъ я не давали ему предчувствія такого взрыва.

Онъ не узнавалъ ея. Откуда этотъ взглядъ, возбужденность жестовъ и тона? «Восторженность» ея проявлялась прежде иначе, сантиментально, мечтательно, въ разныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, въ фразахъ, которымъ онъ же ее научилъ, въ привычкѣ обо всемъ говорить «съ направленіемъ». Но тутъ зазвучало нѣчто иное. И, все-таки, онъ не хотѣлъ сейчасъ же отвести ударъ, а ждалъ, къ чему она придетъ.

— Ты меня точно не понимаешь,—еще возбужденнѣе спросила

она, — или ты хочешь свести все, какъ это сказать, на нѣтъ, замолчать то, что я вижу въ тебѣ?

— Съ какой стати, мой другъ, затѣваешь ты подобное объясненіе? — выговорилъ онъ, наконецъ. — Точно мы не живемъ вмѣстѣ, не видимся каждый день. Если я мѣняюсь, то на твоихъ глазахъ. И странно было бы требовать отъ меня все тѣхъ же увлеченій, какія извинительны были въ мальчикѣ. Да и что за эззамены между мужемъ и женой, привывшими уважать другъ друга?

— Въ томъ-то и дѣло, Александръ Ильичъ, — перешла она на вы, — что я боюсь потерять къ вамъ уваженіе. Боюсь! Оно виситъ на волоскѣ.

— Нина! это слишкомъ. Ты будешь раскаиваться въ твоихъ словахъ.

Онъ всталъ и выпрямился во весь ростъ. Щеки поблѣднѣли и лобъ раздѣлила пополамъ складка, обыкновенно незамѣтная.

— На волосокъ!... — повторила Антонина Сергѣевна и тоже поднялась. — Я давно хотѣла, казать тебѣ, какъ ты предаешь все твоё прошедшее, сожигаешь твои корабли...

— Пожалуйста, безъ шаблонныхъ фразъ!

— Оставьте меня говорить такъ, какъ я хочу! — крикнула она и заходила между перегородкой и письменнымъ столикомъ. — Я сама каюсь во всемъ томъ, что я уступила вамъ. Вы умѣли опутывать вашу діалектикой, вы отняли у меня дѣтей, отдали ихъ Богъ знаетъ куда, сдѣлали меня сообщницей или, по крайней мѣрѣ, потакательницей въ устройствѣ своей карьеры. Да, прежній Гаяринъ умеръ. Его нѣтъ, я вижу. Черезъ три недѣли вы попадете въ предводители. Это вамъ нужно для дальнѣйшихъ комбинацій.

У ней вырвался истерическій смѣхъ. Онъ все блѣднѣлъ и стальной взглядъ красивыхъ глазъ темнѣлъ замѣтно.

— Я не могу вести разговоръ въ такомъ тонѣ; и я не узнаю тебя, Нина, — глухо сказалъ онъ.

— Не смѣйте говорить мнѣ ты! Я не жена вамъ, не подруга! Вы должны были сейчасъ же сознать всю правду моихъ словъ и сказать мнѣ, если въ васъ теплится хоть капля прежнихъ убѣжденій: «Да, Нина, я падаю, поддержи меня!» А что я вижу? Вы и теперь хотите обращаться со мной точно съ сумасшедшей. Господи!

Она опустила на диванчикъ и закрыла руками лицо. Но плакать она не могла: ее душило. Когда она готовилась къ этому объясненію, въ ней была надежда на то, что она ошибается, что ея Александръ вовсе не ренегатъ, что онъ только на опасномъ пути и не достаточно слѣдитъ за собою.

А тутъ съ первыхъ его словъ она почувствовала безповоротно, что прежній Гаяринъ дѣйствительно умеръ. И вдругъ ей стало тошно, пусто, точно она въ гробу лежитъ, живымъ еще покойникомъ, засыпаннымъ землей.

Порывисто подбѣжала она къ нему.

— Ну, скажите, что я клевету на васъ, скажите!... Съ чѣмъ вы сами пришли ко мнѣ сейчасъ? Отдать въ мягкой формѣ приказъ, чтобы я отказала отъ дома Ихменьеву? Вы отлично знаете, что онъ не опасенъ, что онъ пострадалъ изъ-за самаго пустяка, что занимается онъ не политикой, а своими книжками. Но вы кандидатъ въ губернскіе сановники! Въ вашемъ домѣ такихъ господъ не должны встрѣчать. Вотъ что! Вы сами не могли бы выбрать лучшаго доказательства того, во что вы обращаетесь теперь!...

— Нина! я не позволю никому относиться такъ ко мнѣ и мотивамъ моего поведенія.

— Мотивамъ!—подхватила она и близко, близко пододвинулась къ нему, съ лицомъ, искаженнымъ натискомъ страстной горечи и негодованія.—Такъ я вамъ объявляю, что я вижу ваши мотивы насквозь. И презираю ихъ,—слышите?—отъ глубины души моей презираю! И буду принимать кого мнѣ угодно. Довольно рабствовать передъ вашею личностью. Я здѣсь, въ этомъ домѣ, такая же хозяйка, какъ и вы.

— Вы этого не сдѣлаете!—властно выговорилъ онъ.

— Вы увидите.

— Тогда я попрошу васъ выбрать для этого такіе часы, когда ни меня, ни моихъ гостей не будетъ. И разъ навсегда: если вамъ угодно, Антонина Сергѣевна, подвергать меня моральному допросу, вы будете это дѣлать про себя. Вы остались со старыми идеями во всей ихъ ограниченной нетерпимости. Я живу и умственно расту, и куда я иду, вы могли бы это лучше уразумѣть, да недостаетъ, видно, многого въ вашей душевной организаціи.

Облако застлало ей глаза. Она рванулась къ нему, подняла обѣ руки и, съ подергиваньемъ въ углахъ рта, кинула ему прямо въ лицо:

— Отступникъ!... Ренегатъ!... Бездушный лицемеръ!

Александру Ильичу показалось, что она хочетъ нанести ему болѣе тяжкое оскорбленіе. Онъ схватилъ ее правую руку своею твердою, дѣшкою рукой, отвелъ и этимъ жестомъ оттолкнулъ отъ себя.

— Стыдитесь! Вы съ ума сошли; вы недостойны того, чтобы я говорилъ съ вами.

Онъ круто повернулся и вышелъ въ гостиную, не ускоряя шага. И ему сдѣлалось неловко отъ мысли, что ихъ сцена на русскомъ языкѣ могла дойти до людей въ передней. Стыдно стало и за себя, до боли въ вискахъ, какъ могъ онъ допустить такую дикую выходку? Помириться съ нею онъ не въ состояніи. До сихъ поръ онъ былъ глава и главой долженъ остаться. Но простаго подчиненія мало, надо довести эту женщину, закусившую удила, и до признанія своей громадной вины.

Антонина Сергѣевна лежала на постели и сквозь душившія ее слезы повторяла:

— Кончилось, кончилось, все кончилось... Возврата нѣтъ!

Х.

Второй часъ ночи. На Рыбной улицѣ повѣваетъ только метель, поднявшаяся къ полуночи. Ни «Ваньки», ни пѣшехода. Въ будкѣ давно погасъ огонь. Отъ дома дворянскаго клуба, стоящаго на площади, въ той же сторонѣ, гдѣ и окружный судъ, проѣдутъ изрѣдка сани, везутъ кого-нибудь домой послѣ пушки въ винтъ. Фонари керосиновые и довольно рѣдкіе мельгаютъ сквозь снѣжную крупу, густо посыпающую крыши, дорогу, длинные заборы.

За перегородкой своего будуара, на кровати, но въ томъ же фланелевомъ капотикѣ, лежала Антонина Сергѣевна. На письменномъ столѣ горѣла лампа.

Она лежала такъ уже больше трехъ часовъ.

Душевная острая боль и трепетъ всего внутренняго существа смѣнились теперь изумленіемъ. Какъ могла она, Антонина Сергѣевна Гагарина, допустить себя до такой неистовой выходки, чуть не съ кулаками броситься на любимаго человѣка, на мужа, оставшагося ей вѣрнымъ? Въ этомъ она не сомнѣвалась.

Она, постоянно развивавшая въ себѣ начала терпимости и широкаго пониманія всего человѣческаго, даже порока и преступленія?... Вѣдь, если онъ и не прежній ея Александръ, блестящій лицеистъ, жившій одно время въ общеніи съ простымъ народомъ, опальный помѣщикъ, заподозрѣнный, хотя и несправедливо, въ замыслахъ противъ «существующаго порядка вещей», то, вѣдь, онъ не преступникъ, не парія, не подлая душа! И подсудимымъ позволяють держать защитительныя рѣчи, не кричатъ на нихъ, не оскорбляютъ ихъ.

А она! Нѣсколько разъ она закрывала руками лицо, охваченная стыдомъ.

И подь этимъ чувствомъ сидѣло нѣчто болѣе глубокое и властное. Она любила его. Въ ней не могла сразу умереть ни подруга, молившаяся на него столько лѣтъ, ни мать *его* дѣтей.

Уйти! Жить одной!... Гдѣ, съ кѣмъ?... Она ни на минуту не остановилась на этомъ серьезно, даже въ первые полчаса по его уходѣ, когда ее всю трясло отъ негодованія и страстной потребности обличить его, показать ему, во что онъ превращается.

Да, она имѣетъ право отстаивать свою личность... Постыдно было бы рабски преклонять передъ нимъ шею, когда онъ сказалъ: «Ты такого-то господина не будешь принимать», или отвѣчать, какъ жрѣцственная: «Слушаю, Александръ Ильичъ, какъ вамъ угодно».

Постыдно трусить, поддѣлываться подь то, что теперь въ почетѣ, и отказывать отъ дому такому бозобидному человѣку, какъ этотъ Ихменевъ, хворому, оторванному отъ всего, чѣмъ онъ жилъ, щекотливому, какъ всѣ люди въ ненормальныхъ условіяхъ.

Нѣтъ, она должна отстоять свои права. Но развѣ она не могла это сдѣлать иначе? Безъ крика, безъ приподнятыхъ кулаковъ, безъ громовыхъ приговоровъ, безъ оскорбительныхъ обличеній?...

Впервые испугалась она своей природы, не возлюбила женщину въ ея способности на преувеличеніе всего: чувствъ, идей, требованій, подозрѣній...

И почему она, съ тѣхъ поръ какъ въ мужѣ ея начала происходить его «эволюція», — она знала это слово Александра Ильича, — не предостерегала его исподоволь, умно, съ тактомъ, не будила въ немъ, умѣло и настойчиво, тѣхъ идеаловъ, которыми онъ жилъ, несомнѣнно, и не одинъ годъ, а всю свою молодость? Потому, что она платила дань чувственности, мужчина преобладалъ надъ нею, боязнь потерять его, лишиться навсегда его ласкъ удерживала ее.

И теперь тотъ же инстинктъ говорить въ ней, и съ нимъ надо бороться, помнить, что время страсти прошло, что у ней сѣдые волосы, что мужъ только снисходитъ къ ея женской слабости, а любви въ немъ къ женщинѣ уже нѣтъ, и не огорчаться этимъ.

И прежде чѣмъ ставить на карту супружескую судьбу свою, вмѣстѣ съ будущностью дѣтей, вотъ такими взрывами необузданной нервности, надо было больше проникать въ душу Александра Ильича, заручиться фактами, стать на его мѣсто, убѣдиться, что въ немъ дѣйствуетъ: пошлое ли честолюбіе, суетное стремленіе къ расшитому мундиру, или же потребность въ дѣлѣ, во вліяніи, хандра, овладѣвшая человекомъ сильнымъ, способнымъ на какую угодно видную роль?...

Она должна была сознаться, что никогда не думала въ этомъ

именно направлени, а только огорчалась, недоумѣвала, или затаивала въ себѣ наплывы недовольства и недоумѣній.

Въ гостиной бронзовые часы на мраморномъ консоли пробилъ половину.

Это была половина втораго. Антонина Сергѣевна приподнялась, спустила ноги, встала и перешла въ будуаръ.

Спать она не могла. Въ которомъ бы часу онъ ни вернулся, она пойдетъ къ нему, и какъ бы онъ ни принялъ ее, она должна ему сказать, что виновата, что ея выходка недостойна ея.

Чѣмъ ближе подходила эта минута, тѣмъ трепетнѣе дѣлалось ея желаніе прильнуть къ нему, вызвать въ немъ чувство пониманія того, что подготовило въ ней взрывъ. Кто знаетъ? Быть можетъ, это заново сблизитъ ихъ, и онъ покажетъ ей опять глубину своей души, и они опять будутъ какъ одно существо... Кто знаетъ?...

Звонокъ въ передней заставилъ ее вздрогнуть, — она ходила взадъ и впередъ, — и оправить свой туалетъ. Дверь отворили не сразу, должно быть, дежурный человекъ задремалъ. Но ее удержало стыдливое чувство, она не пошла обликнуть его.

Вотъ его шаги, мягкіе, въ калошахъ, и потомъ въ сапогахъ, по залу, до двери въ корридорчикъ и кабинетъ... Онъ раздѣвается всегда одинъ, и шаги лакея послышались позднѣе, когда тотъ пришелъ убрать стѣнную лампу.

И все замолкло. Она не могла дольше ждать и, быстрыми, легкими шагами, перешла обѣ большія комнаты.

На порогъ его кабинета она остановилась, постучаться не посмѣла и тихо отворила дверь, думая, что онъ уже въ спальнѣ.

Александръ Ильичъ, совсѣмъ еще одѣтый, стоялъ у стола и клалъ на него бумажникъ. Только одна свѣча была зажжена, въ широкомъ подсвѣчникѣ, подъ бронзовымъ щиткомъ. Бовверъ глушилъ ея шаги; но онъ быстро обернулся и даже чуть замѣтно вздрогнулъ.

— Это вы?—спросилъ онъ спокойно и безстрастно.

Она подошла къ нему, взяла за обѣ руки, принала головой къ его плечу и неудержимо заплакала. Все ея существо отдавалось, противъ ея воли, этому человеку. Быть брошенной имъ сейчасъ было страшнѣе всего...

— Прости!—прерывающимся воплемъ вырвалось у нея.

Не отрывая отъ нея рукъ, онъ посадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ.

Ей слышался его ровный голосъ, слова человека, который не можетъ иначе отнестись къ ней, какъ съ чувствомъ недостижимаго превосходства. Она проситъ пощады, онъ ее даетъ; но предваряетъ

ее, что еще такая же «безумная выходка» — и онъ навсегда огра-
дить свою личность.

Полегоньку она перестала плакать.

— Да, — выговорила она съ усиленіемъ, — ты меня жалѣешь,
только, не больше, а я...

Она хотѣла сказать: «безъ тебя жить не могу», но не сказала
этого; даже удивилась, почему эти слова не вышли наружу.

— Ты меня любишь? Но любовь разная бываетъ, Нина. По-
старайся получше понять твоего мужа и доказывать, что его лич-
ность для тебя предметъ уваженія, а не дикихъ обличеній.

Онъ помолчалъ и, не переменяя позы, добавилъ:

— Я повторяю то же, что сказалъ тебѣ тамъ. Если тебѣ угод-
но принимать господъ Ихменевыхъ, пускай они будутъ твои
гости. Даже и въ эпоху моихъ крайнихъ увлеченій я не очень-то
льнулъ къ такимъ полукомическимъ мученикамъ, въ которыхъ,
правда, мало опаснаго, да и героическаго еще меньше... А теперь...
пора спать. Поздно...

Она подставила ему свой горячій лобъ и онъ прикоснулся къ
нему концомъ своихъ усовъ. Это прикосновеніе дало ей почувство-
вать, что ничего не сдѣлано... Душа этого человѣка не раскрылась
передъ нею... Ея любовь не согрѣла его до возможности горячихъ
измѣній.

Онъ великодушно простилъ ее, какъ провинившуюся дѣвочку,
и только.

— Прощай, — выговорила она подавленнымъ звукомъ.

Въ темномъ корридорѣ она остановилась и оцупью нашла сту-
пени и дверь въ залу; она не хотѣла возвращаться и беспокоить его
просьбой посвѣтить ей.

Она прошла темными большими комнатами на свѣтъ отъ лампы
въ ея будуарѣ и засвѣжѣвшій воздухъ старыхъ предводительскихъ
хоромъ далъ ей физическое ощущеніе дрожи.

Тутъ черезъ недѣлю будутъ обѣды и приемы... Тутъ же будутъ
пить здоровье новаго предводителя и за столомъ говорить разныя
нынѣшнія слова, обладающія ея запахомъ чего-то тупо-хищнаго и
злорадно-самодовольнаго. И представителемъ всѣхъ этихъ воскрес-
шихъ замашекъ и поползновеній будетъ Александръ Ильичъ Га-
ринъ, первая голова въ губерніи, которому давно уже простили его
крестьянскую рубаху и ремешекъ вокругъ головы и всѣ идеи, про-
званныя, со временъ Фамусова, «завиральными».

Еле дотащилась она до постели.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШЕ СЕРДЦЕ *).

Романъ Гюи де-Мопассана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Великолѣпное утро освѣщало городъ. Мариоль съ дорожнымъ мѣшкомъ и двумя чемоданами сѣлъ въ фіакръ, стоявшій у его подъѣзда. Еще ночью онъ приказалъ слугѣ приготовить бѣлье и все необходимое для продолжительнаго отсутствія и уѣхалъ, оставивши на первое время такой адресъ: «Фонтенебло, до востребованія». Онъ никого не бралъ съ собою, не желая видѣть ни одного лица, напоминающаго ему Парижъ, ни слышать голоса, слышаннаго имъ, когда его томили нѣкоторыя думы. Онъ крикнулъ кучеру: «На Лионскій вокзалъ!» Фіакръ тронулся въ путь. Мариоль пришелъ на память его другой отъѣздъ—въ Монъ-Сенъ-Мишель, прошедшимъ лѣтомъ. Тому будетъ годъ черезъ три мѣсяца. Чтобы забыть объ этомъ, онъ сталъ смотрѣть на улицу.

Фіакръ повернулъ на проѣздъ Елисейскихъ полей, залитой яркимъ весеннимъ солнцемъ. Молодые листья, распутившіеся уже подъ вліяніемъ предшествовавшаго тепла и едва задержанные въ развитіи двумя днями холода и гололедицы, быстро развертывались и, казалось, лили ароматъ свѣжей зелени, полной сока, готоваго разлиться по новымъ побѣгамъ. Это было такое всеоживляющее утро, когда чувствуется, что вотъ-вотъ сейчасъ, въ одинъ день, въ садахъ и на проѣздахъ, по всему Парижу, зацвѣтутъ каштаны, точно сразу зажженные люстры. Земля возрождалась для весеннихъ ликованій, и даже улицы съ ихъ асфальтовыми тротуарами глухо вздрагивали подъ напоромъ корней.

*) Русская Мысль, кн. IX.

Маріоль, сидя въ фіакрѣ, думалъ: «Наконецъ-то я отдохну хоть немного, успокоюсь, глядя, какъ наступаетъ весна въ пустынномъ еще лѣсу».

Переѣздъ показался ему долгимъ. Онъ былъ утомленъ до изнеможенія этими нѣсколькими бессонными часами одинокаго горя, какъ будто провелъ десять ночей у постели умирающаго. Приѣхавши въ городъ Фонтенебло, онъ отправился къ нотаріусу узнать, не отдается ли внаймы какая-нибудь меблированная дачка поблизости лѣса. Ему предложили такихъ нѣсколько. Больше другихъ ему понравилась фотографія домика, только что покинутаго двумя молодыми людьми, мужчиной и женщиной, которые почти всю зиму прожили въ селеніи Монтиньи. Нотаріусъ, хотя и серьезный человѣкъ, не могъ скрыть улыбки; въ раннемъ переѣздѣ на дачу ему почудилась любовная исторія. Онъ спросилъ:

— Вы одни?

— Совершенно одинъ.

— Даже безъ прислуги?

— Даже безъ прислуги. Своихъ слугъ я оставилъ въ Парижѣ, возьму кого-нибудь изъ здѣшнихъ. Я приѣхалъ сюда работать въ полномъ одиночествѣ.

— О, въ это время года здѣсь настоящая пустыня.

Черезъ нѣсколько минутъ открытое ландо увозило Маріоля и его чемоданы по направленію къ Монтиньи.

Лѣсъ просыпался. Большія деревья были едва опушены какъ бы легкою дымкой листвы, тогда какъ у ихъ подножій уже зеленѣли кустарники. Однѣ только сверкающія серебристыми вѣтвями раннія березы стояли въ своемъ лѣтнемъ уборѣ; а на громадныхъ дубахъ лишь кое-гдѣ проступали чуть замѣтныя пятна трепещущей зелени. Буковые деревья, нѣсколько ранѣе раскрывающія свои остроконечныя почки, сбрасывали съ себя послѣдніе засохшіе листья, уцѣлѣвшіе отъ прошлаго года.

По сторонамъ дороги частою щеткой сверкала молодая трава, переполненная свѣжимъ сокомъ и еще не прикрытая непроницаемою тѣнью густой листвы высокихъ деревьевъ. Ароматъ обновленныхъ лѣсовъ и луговъ, уже замѣченный Маріолемъ на проѣздѣ Елисейскихъ полей, охватилъ его широкими волнами растительной жизни, воскресающей подъ первыми благотворными лучами солнца. Онъ дышалъ полною грудью, какъ только что вырвавшійся изъ тюрьмы, съ чувствомъ человѣка, едва освобожденнаго отъ сковывавшихъ его цѣпей, вытянулъ обѣ руки и положилъ ихъ на заграины ландо, свѣсивши пальцы надъ колесами.

Хорошо было дышать на просторѣ чистымъ, вольнымъ воздухомъ; но какъ много надо вдохнуть его, какъ долго, долго надо имъ упиваться, чтобы хоть немного облегчить страданія, чтобы почувствовать, наконецъ, что его живительныя струи доходятъ до раскрытой раны сердца и успокаиваютъ его боли!

Миновали Марлотъ, и кучеръ указалъ только что открытый *Отель Коро*, оригинальность котораго очень хвалили. Далѣе дорога шла большою равниной, тамъ и сямъ поросшею лѣсомъ и окаймленною холмами, видными на горизонтѣ. Потомъ въѣхали въ длинную улицу селенія, бѣлую, ослѣпительную, застроенную двумя безконечными рядами маленькихъ домиковъ, крытыхъ черепицей. Кое-гдѣ изъ-за стѣнъ видѣлись огромныя сирени, осыпанныя цвѣтами. Улица тянулась узкою долиной, спускавшеюся чуть замѣтнымъ уклономъ къ маленькой рѣчущѣ. Увидавши ее, Мариоль пришелъ въ восторгъ. Свѣтлая, быстрая и прихотливо извилистая рѣчонка съ одной стороны плескалась у самыхъ домовъ и садовыхъ стѣнъ, а съ другой—бѣжала вдоль красивыхъ луговъ, на которыхъ небольшія деревья сверкали едва вырвавшимися изъ почекъ листьями.

Мариоль тотчасъ же разыскалъ указанную ему дачу и былъ ею очарованъ. Это былъ старый домъ, реставрированный однимъ живописцемъ, прожившимъ здѣсь лѣтъ пять; потомъ художникъ уѣхалъ и сталъ отдавать его внаймы. Домъ былъ расположенъ на самомъ берегу и отдѣленъ отъ рѣки небольшимъ садикомъ, кончавшимся лужайкой, обсаженной липами. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка падала съ порога, фута въ два вышиной, и бурливо струилась, обѣгая лужайку. Изъ оконъ дома видѣнъ былъ просторъ зарѣчныхъ луговъ.

«Здѣсь я живу»,—подумалъ Мариоль.

Съ нотариусомъ онъ обо всемъ уже договорился на случай, если домъ ему понравится; утвердительный отвѣтъ былъ отправленъ съ кучеромъ. Надо было устроиться въ новомъ жилищѣ, и это сдѣлалось очень быстро, такъ какъ секретарь мэрїа тотчасъ же рекомендовалъ двухъ женщинъ, одну для приготовления кушанья, другую для уборки комнатъ и стирки бѣлья.

Нижній этажъ дома былъ занятъ гостиною, столовою, кухней и двумя маленькими комнатами; во второмъ этажѣ было двѣ прекрасныя большія комнаты, изъ которыхъ одна служила художнику мастерскою. Все это было отдѣлано съ любовью, какъ устриваются люди, увлекшіеся мѣстностью и квартирой. Въ настоящее время все убранство комнатъ нѣсколько полиняло, поразстроилось, имѣло сиротливый и запущенный видъ жилища, покинутого хозяиномъ. Тѣмъ не менѣе, чувствовалось, что жильцы только что вы-

или изъ дома, повсюду замѣтенъ еще былъ легкій запахъ вербены. Мариоль подумалъ: «Баково, вербеной пахнетъ,—духи простые... Жившая до меня здѣсь женщина, должно быть, не изъ причудливыхъ... Счастливецъ мой предшественникъ!»

День прошелъ незамѣтно въ хлопотахъ, наступалъ вечеръ. Мариоль сѣлъ у открытаго окна, упивался влажностью воздуха и ароматомъ сырой травы и смотрѣлъ на длинныя тѣни, раскинутыя по лугу заходящимъ солнцемъ. Обѣ служанки разговаривали, готовя обѣдъ, и ихъ деревенскіе голоса смутно доносились по лѣстницѣ, тогда какъ черезъ открытое окно слышны были мычаніе коровъ, лай собакъ, крики людей, загоняющихъ скотину или переговаривающихся другъ съ другомъ черезъ рѣчку.

Все это сулило покой и отдыхъ. Мариоль въ тысячный разъ съ утра задавалъ себѣ вопросы: «Что-то она подумала, получивши письмо?... Что предприметь теперь?...» А потомъ: «Что она дѣлаетъ теперь?»

Онъ взглянулъ на часы,—было половина седьмаго.—«Вернулась домой, принимаетъ». —И ему съ поразительною отчетливостью представился ея салонъ и сама она разговаривающею съ княжною Мальтенъ, съ г-жею де-Фреминъ, съ Массивалемъ и графомъ Бернгаузомъ.

Сердце его дрогнуло отъ какой-то странной досады. Ему вдругъ захотѣлось быть тамъ. Въ этотъ именно часъ онъ почти ежедневно приходилъ къ ней. И онъ почувствовалъ томящее недовольство,—не сожалѣніе, такъ какъ рѣшеніе его было непоколебимо,—а своего рода физическое недомоганіе, подобное тому, какое испытываетъ больной при невозможности сдѣлать себѣ впрыскиваніе морфія въ обычное время. Онъ не видалъ уже ни луговъ, ни солнца, готоваго скрыться за холмами на горизонтѣ. Онъ видѣлъ только ее, окруженную обожателями, поглощенную свѣтскими заботами, украсившими его счастье.

— Лучше не думать объ этомъ!—сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ всталъ, спустился внизъ и дошелъ до лужайки у воды. Отъ пѣнящагося порога начиналъ подниматься туманъ надъ рѣкой. Ощущеніе холода, охватившее и безъ того застывшее сердце, заставило его вернуться назадъ. Въ столовой былъ накрытъ столъ. Мариоль наскоро поѣлъ, потомъ, не находя себѣ дѣла и чувствуя, какъ во всемъ его тѣлѣ и въ душѣ все разрастается чувство только что испытаннаго имъ недовольства, легъ въ постель и закрылъ глаза, пытаясь уснуть. Напрасныя старанія: его мысль видѣла ее, терзалась, не могла оторваться отъ этой женщины.

Чьею любовницей она станетъ теперь? Графа Бернгауза, разумѣется! Такой-то именно и нуженъ этой показной женщицѣ, — человекъ видный, изящный, самъ показной. Онъ ей нравился, такъ какъ она, будучи любовницей другаго, пускала въ ходъ всё свои штуки, чтобы завлечь его. Подъ наплывомъ такихъ грызущихъ сердце думъ, дремота брала свое и уносила сознание куда-то, гдѣ непрерывно появлялись все они же, этотъ молодой человекъ и она. Настоящаго сна не было и всю ночь Марию представлялось, будто они бродятъ тутъ, вокругъ него, дразнятъ и насмѣхаются, исчезаютъ, чтобы дать ему заснуть, наконецъ, и, едва онъ успѣетъ забыться, возвращаются опять и будятъ его, вызывая острые припадки ревности.

На разсвѣтѣ онъ всталъ съ постели и ушелъ въ лѣсъ съ толстою палкой въ рукахъ, забытою прежнимъ постояльцемъ. Возшедшее солнце ярко освѣщало, сквозь почти совсѣмъ еще голыя вѣтви дубовъ, зеленѣющую мѣстами траву, пестрый коверъ опавшей листвы и краснѣющаго вереска, спаленнаго зимними морозами. По тропинкѣ, точно прыгающіе огоньки, порхали желтые мотыльки.

Справа отъ дороги показался холмъ, почти гора, покрытая со-снами и голубоватыми скалистыми обрывами. Марию неторопливо поднялся на вершину и сѣлъ на большой камень. Ноги отказывались идти дальше, подкашивались отъ слабости, сердце сильно билось, все тѣло было точно разбито какою-то непостижимой усталостью. Такой упадокъ силъ не былъ слѣдствіемъ утомленія, — онъ зналъ это, онъ понималъ, что происходитъ это все отъ нея же, отъ его любви, удручающей его, какъ непосильная ноша, и онъ прошепталъ: «Какое мученье! Чѣмъ она меня такъ привязываетъ къ себѣ, — меня, бравшаго у жизни всегда лишь то, что слѣдовало взять для наслажденій безъ страданій?»

И онъ болѣзненно настроенною мыслью, до высшей степени возбужденною страхомъ, что не легко будетъ, пожалуй, избавиться отъ такихъ мученій, обратился на самого себя, сталъ разбирать свою душу, углубляться въ ея сокровенные тайники, стараясь лучше распознать себя, понять и уяснить себѣ причины этого мучительнаго недуга. Онъ разсуждалъ самъ съ собою: «Я никогда не испытывалъ увлеченій. Я человекъ не восторженный и не особенно пылкій; у меня разсудокъ преобладаетъ надъ инстинктами, любопытство — надъ увлеченіями, порывы фантазіи — надъ постоянствомъ и настойчивостью. Въ сущности, я, просто, любитель наслажденій, утонченный, разборчивый и прихотливый. Я любилъ въ жизни мно-

гое и ни къ чему особенно сильно не привязывался, ко всему относился съ чувствомъ знатока, который лакомится и никогда не доходить до опьяненія, который слишкомъ хорошо понимаетъ для того, чтобы потерять голову. Я все обсуждаю и обыкновенно такъ основательно анализирую мои склонности, что не могу имъ подчиниться слѣпо. И вдругъ эта женщина завладѣла мною, вопреки моему желанію, несмотря на мой страхъ передъ нею, несмотря на то, что я знаю ее; и она властвуетъ надо мною, какъ будто захватила одно за другимъ всѣ разнообразныя бывшія во мнѣ желанія. Въ этомъ-то, быть можетъ, все и дѣло. Я расточалъ ихъ на неодушевленные предметы, разбрасывалъ ихъ на природу, которая меня восхищаетъ и трогаетъ мою душу, на музыку, дающую мнѣ какую-то идеальную нѣгу, на мысль, составляющую лакомство ума, и на все пріятное и прекрасное на землѣ.

«Потомъ я встрѣтилъ созданіе, которое собрало во-едино всѣ мои немного неустойчивыя и измѣнчивыя желанія, всѣ ихъ сосредоточило на себѣ и превратило ихъ въ любовь. Изящная и красивая, она понравилась своею внѣшностью; умная, ловкая и хитрая, она понравилось моей душѣ и очаровала мое сердце таинственною прелестью соприкосновенія съ нею и близости къ ней, непонятною и непреодолимою притягательностью своей особы. И все это вмѣстѣ одолѣло меня такъ же точно, какъ одурманиваетъ ароматъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ. Она все замѣнила собою для меня, и я уже ничего не хочу, ни къ чему не стремлюсь и ничего не ищу.

«Въ бывшее время какой трепеть восторга охватилъ бы меня среди этого возрождающагося лѣса! Теперь же я не вижу его, я не чувствую его, онъ не существуетъ для меня: она и тутъ со мною, постоянно со мною эта женщина, которую я не хочу любить долѣе.

«Нѣтъ! Надо усталостью убить мои думы, иначе я никогда не исцѣлюсь!»

Онъ всталъ, спустился съ скалистаго холма и пошелъ большими шагами. А неотвязныя мысли давили его, точно онъ несъ всю ихъ тяжесть на своихъ плечахъ. Онъ шелъ, все ускоряя шаги, и лишь изрѣдка, въ просвѣтахъ солнца сквозь чащу вѣтвей, или въ смолистомъ запахѣ куртинъ сосны, испытывалъ минутное облегченіе, какъ бы предвѣстіе далекаго покоя.

Вдругъ онъ остановился и проговорилъ: «Что же это такое? Я не прогуливаюсь, я бѣгу!» И онъ, на самомъ дѣлѣ, бѣжалъ, самъ не зная куда; онъ бѣжалъ, какъ будто за нимъ гнались всѣ мученія его оборванной любви.

Дальше онъ пошелъ спокойнѣе. Видъ лѣса измѣнился; онъ ста-

новился оживленнѣе и тѣнистѣе, переходя въ сплошную заросль уже опушившихся чудесныхъ буковъ. Тутъ не оставалось ни малѣйшаго признака только что миновавшей зимы. Крутомъ царила дивная весна, будто народившаяся лишь этою ночью, такъ все было свѣжо и молодо.

Мариоль углубился въ чащу подь гигантскія деревья, поднимавшіяся все выше и выше, и шелъ долго, часъ, два часа, пробираясь между вѣтвями, покрытыми безчисленнымъ множествомъ мелкихъ листьевъ, блестящихъ, маслянистыхъ и сочныхъ. Громадный зеленый сводъ вершинъ закрывалъ все небо, опираясь на огромныя колонны, то прямыя, то наклоненныя, мѣстами бѣловатыя, мѣстами темныя отъ чернаго моха, обволаживавшаго кору. Колоннады тянулись до безконечности однѣ за другими, затѣняя раскинувшуюся у ихъ подножій смѣшанную, молодую поросль густымъ сумракомъ, сквозь который прорывались, однако, цѣлые потоки солнечныхъ лучей. Ихъ огненный дождь скользилъ и лился широкими волнами по всей массѣ плотной листвы, имѣвшей уже видъ не лѣса, а ослѣпительнаго изумруднаго тумана, облиатаго ярко-желтыми лучами.

Мариоль остановился пораженный невыразимымъ удивленіемъ. Гдѣ онъ очутился? Дѣйствительно ли въ лѣсу, или же попалъ на дно моря, — моря листьевъ и нѣжно-зеленаго золотистаго свѣта?

Онъ почувствовалъ себя бодрѣе, дальше отъ своего несчастья, болѣе укрывшимся отъ него, болѣе спокойнымъ, и онъ легъ на густой коверъ прошлогоднихъ листьевъ, сбрасываемыхъ этими деревьями лишь тогда, когда они начинаютъ одѣваться въ свои новые уборы. Наслаждаясь прикосновеніемъ къ свѣжей землѣ и мягкой чистотой воздуха, онъ почувствовалъ сначала смутное, потомъ все болѣе опредѣленное желаніе быть не одинокимъ въ этомъ очаровательномъ мѣстечкѣ; въ его головѣ пронеслось: «А! если бы она была тутъ со мною!»

И вдругъ онъ вспомнилъ Монъ-Сень-Мишель, вспомнилъ, насколько тамъ она была иною, чѣмъ въ Парижѣ. Только тамъ, среди безконечнаго простора лазури водъ и неба, и бѣлѣющихъ песковъ, проснулось ея чувство, и только тамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ она любила его немного. Да, на дорогѣ, подернутой сбѣгающею рябью водъ, въ монастырѣ, гдѣ она прошептала только его имя: «Андрѣ», и тѣмъ, казалось, хотѣла сказать: «Я ваша», и на тропинкѣ Безумцевъ, по которой онъ почти на рукахъ несъ ее въ недоступную высь, она на самомъ дѣлѣ была увлечена

нмъ, чего уже никогда не повторялось съ тѣхъ поръ, какъ ея нога, нога кокетки коснулась вновь парижской мостовой.

Но здѣсь, съ нимъ, среди волнъ этой зелени и прилива новыхъ силъ природы, не вернулось ли бы въ ея сердце мимолетное, нѣжное чувство, вспыхнувшее было на берегу Нормандіи?

Онъ лежалъ, вытянувшись на спинѣ, точно разбитый своими мечтами, и блуждая взоромъ по залитымъ солнцемъ вершинамъ деревьевъ. Мало-по-малу его глаза закрылись, и онъ уснулъ, убаюканный волшебнымъ покоемъ лѣса. Когда онъ очнулся, было уже болѣе двухъ часовъ за полдень. Онъ всталъ нѣсколько ободреннымъ и немного окрѣпшимъ и пустился въ путь. Выбравшись, наконецъ, изъ чащи, онъ очутился на широкомъ перекрестіи, къ которому, какъ къ вершинѣ короны, сходились радіусами шесть необычайно высокихъ аллей-просѣкъ, теряющихся въ дали изумрудныхъ просвѣтовъ. Надпись на столбѣ гласила: «Букетъ короля». Это и вправду была столица буковаго царства.

Мимо ѣхалъ порожній экипажъ. Мариоль нанялъ его и приказалъ везти себя въ Марлотъ, откуда предполагалъ пѣшкомъ добраться до Монтиньи, поѣвши въ трактирѣ, такъ какъ онъ порядочно проголодался. Онъ припомнилъ, что видѣлъ наканунѣ только что открытый *Отель Боро*, артистическій загородный трактирчикъ, отдѣланный въ средневѣковомъ стилѣ на манеръ парижскаго кабачка *Черной Кошки*. Отпустивши извозчика, Мариоль вошелъ черезъ отворенную дверь въ большую залу, гдѣ столы стариннаго фасона и неудобныя скамьи, казалось, ждали посѣтителей времени давно минувшихъ. Въ глубинѣ комнаты какая-то женщина, по всей вѣроятности, молоденькая служанка, стоя на верху двойной лѣсенки, подвѣщивала старинныя тарелки на гвозди, вбитыя слишкомъ высоко для ея роста. То приподнимаясь на пальцы обѣихъ ногъ, то стоя на одномъ носкѣ, опершись одною рукою о стѣну и держа въ другой тарелку, она тянулась вверхъ ловкими и красивыми движеніями; тонкій, изящно очерченный станъ отъ кисти руки до конца ноги принималъ граціозныя, измѣнчивыя положенія при каждомъ ея усилии. Она стояла спиною къ двери и не слыхала, какъ вошелъ Мариоль и остановился посмотреть на нее. Онъ вспомнилъ скульптора Пределе и подумалъ: «Это очень недурно, — дѣвочка замѣчательно гибка».

Онъ кашлянулъ. Она чуть не упала отъ неожиданности, но какъ только оправилась, такъ соскочила съ самаго верха лѣсенки съ легкостью танцовщицы по канату и, улыбаясь, подошла къ посѣтителю.

— Что угодно мосье?—спросила она.

— Позавтракать, мадемуазель.

Она довольно смѣло проговорила:

— Не пообѣдать ли, вѣрнѣе, такъ какъ уже половина четвертаго?

— Пожалуй, пообѣдать, если вамъ угодно. Я заблудился въ лѣсу.

Она назвала блюда, приготовленные на этотъ день. Онъ заказалъ обѣдъ и сѣлъ. Она вышла передать его заказъ, потомъ вернулась накрыть столъ. Мариоль слѣдилъ за нею взглядомъ, находилъ ее миленькою, живою и чистенькою. Въ рабочемъ платьѣ, съ подобранною юбочкой, съ засученными рукавами и открытою шей, она имѣла видъ очень проворной и хорошенькой дѣвушки; корсажъ ловко облегалъ бюстъ, которымъ она смѣло могла гордиться. Лицо, немного красное отъ весенняго загара, казалось слишкомъ полнымъ, еще одутловатымъ, но свѣженькимъ, какъ распукающійся цвѣтокъ; темные глаза искрились блескомъ юности, изъ-за пухленькихъ губъ сверкали чудесные зубы, а роскошь каштановыхъ волосъ обличала энергію жизненности молодого, сильнаго тѣла.

Она принесла редисъ и масла, и онъ сталъ ѣсть, уже не смотря на нее. Чтобы подбодрить себя, онъ спросилъ бутылку шампанскаго и всю ее выпилъ, потомъ, послѣ кофе, выпилъ еще двѣ рюмки кюммеля и тотчасъ почувствовалъ какое-то оступѣніе, облегчившій его туманъ, принятый имъ за забвеніе. Его мысли, горе и страданія какъ бы растворились въ свѣтломъ винѣ, сдѣлавшемъ въ короткое время его измученное сердце почти совершенно спокойнымъ.

Неторопливо вернулся онъ въ Монтиньи очень усталымъ. Его клонило ко сну. Онъ легъ, какъ только стемнѣло, и сейчасъ же заснулъ; но проснулся среди ночи въ самомъ дурномъ настроеніи, точно прогнанный на нѣсколько часовъ кошмаръ опять вернулся тревожить его сонъ. Она была снова тутъ, она—мадамъ де-Бюрийъ, снова бродила вокругъ него и все въ сопровожденіи Бернгауза. «Это что же еще?—подумалъ онъ.—Я ревную теперь. Почему же, однако?»

Почему онъ ревновалъ? Это онъ понялъ очень скоро. Несмотря на всѣ тревоги и опасенія, пока онъ былъ ея любовникомъ, онъ не сомнѣвался въ ея вѣрности, — въ вѣрности безъ увлеченія, безъ страсти, но въ силу простой честности. Теперь онъ самъ все разорвалъ, онъ самъ далъ ей свободу: все кончено. Будетъ у нея новая связь или не будетъ? Въ теченіе нѣкотораго времени, раз-

умѣется, нѣтъ... А потомъ?... Самая вѣрность ея, которую она сохраняла такъ, что сомнѣнія въ ней быть не могло, не обусловливалось ли смутнымъ предчувствіемъ, что, покинувши его, Маріюла, она, рано или поздно, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, вынуждена будетъ замѣнить его, не по увлеченію, а потому, что ей наскутить одиночество, какъ она покинула бы его, когда наскутила бы ей его привязанность? Развѣ не бываетъ, что женщины терпѣливо тянутъ связь съ однимъ, изъ страха передъ послѣдующею связью? Къ тому же, подобная смѣна должна представляться противною такой женщиנѣ, какъ эта, слишкомъ умной, чтобы подчиняться предразсудкамъ о паденіи и безчестіи, но одаренной утонченною нравственною порядочностью, предохранявшею ее отъ того, что кажется, по-настоящему, грязнымъ. Пропитанная свѣтскою философіей, а не буржуазнымъ жеманствомъ, она не пугалась скрытой связи, тогда какъ все ея безстрастное существо содрогнулось бы отъ гадливости передъ мыслью о перемѣнныхъ любовникахъ.

Онъ самъ далъ ей свободу... и что же будетъ теперь?... Теперь, разумѣется, она возьметъ другаго, и этимъ другимъ будетъ графъ Бернгаузъ. Онъ увѣренъ былъ въ этомъ и отъ этого страдалъ невообразимо.

Почему онъ разстался съ нею? Почему покинулъ ее, неизмѣнно вѣрную, дружески расположенную и милую? Почему? Не потому ли, что самъ-то онъ не болѣе, какъ чувственное животное, не понимающее любви безъ физическихъ увлеченій? Такъ ли это? Да... но была и другая причина! Заключалась она въ томъ, что онъ, прежде всего, боялся страданія. Онъ бѣжалъ отъ терзаній тѣмъ, что его не любятъ такъ, какъ любить онъ, отъ тяжелаго сознанія возникшаго между ними разлада, отъ поцѣлуевъ, неодинаково нѣжныхъ, отъ неизлечимаго недуга, поразившаго его сердце, быть можетъ, навсегда. Его испугало, что страдать придется, что придется цѣлыми годами выносить мученія, которыя онъ предчувствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ и испытывалъ нѣсколько недѣль. По своей всегдашней слабости, онъ отступилъ передо всѣмъ этимъ, какъ всю жизнь свою отступалъ передъ всякими большими усиліями.

Слѣдовательно, онъ неспособенъ никакого дѣла довести до конца, неспособенъ отдаться страсти такъ же точно, какъ не могъ онъ отдаться наукѣ или искусству. А очень можетъ быть, что сильная любовь немислима безъ сильныхъ же страданій.

До самой зари онъ не могъ отогнать отъ себя этихъ думъ, грызшихъ его, какъ псы. Потомъ онъ всталъ и сошелъ къ рѣкѣ.

Рыболовъ забрасывалъ сачокъ у порога, и когда вынималъ изъ воды свою большую круглую сѣть на кормовую настилку лодки, то въ ней прыгали и сверкали крошечныя серебристыя рыбки. Мариоль нѣсколько успокоился, оживленный мягкостью утренняго воздуха и живымъ рокотомъ маленькаго водопада, искрившагося на солнцѣ переливами радуги. Ему казалось, будто игривыя струи, бѣгущія у его ногъ, уносятъ понемногу его горе своею непрерывною, бурливою быстриной.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ самъ себѣ, — хорошо я сдѣлалъ: тамъ я былъ бы слишкомъ несчастливъ.

Онъ сходилъ въ домъ взять гамакъ, замѣченный имъ въ сѣняхъ, вернулся назадъ, подвѣсилъ его къ двумъ липамъ и растянулся въ немъ, стараясь ни о чемъ не думать, глядя на скользящія мимо струи. Такъ онъ дождался завтрака, въ сладкой полудремотѣ, въ невозмутимомъ покоѣ, переходившемъ отъ тѣла и въ душу. Завтракъ онъ тянулъ какъ только можно долго, чтобы сколько-нибудь занять свое время. Тѣмъ не менѣе, онъ волновался ожиданіемъ: онъ долженъ былъ получить почту, такъ какъ уже телеграфировалъ въ Парижъ и написалъ въ Фонтенебло, чтобы письма пересылались сюда. До сихъ поръ ничего не приходило и его начинало угнетать ощущеніе полной покинутости. А изъ-за чего? Онъ не могъ ждать изъ черной сумки разнощика писемъ ничего пріятнаго, утѣшительнаго, ободряющаго, кромѣ развѣ бесполезныхъ приглашеній и пустячныхъ извѣстій. Изъ-за чего же такъ жадно желать получить скорѣе пачку заклеенныхъ конвертовъ, какъ будто въ нихъ скрыто его спасеніе? Не таилась ли въ глубинѣ его души самообольщающаяся надежда, что она ему напишетъ?

Онъ спросилъ у одной изъ своихъ старыхъ служанокъ:

— Въ которомъ часу приносятъ почту?

— Въ двѣнадцать.

Было ровно двѣнадцать часовъ. Онъ началъ прислушиваться съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Стукъ въ наружную дверь заставилъ его подняться. Пѣшій почтарь принесъ только газеты и три совсѣмъ неинтересныхъ письма. Мариоль прочелъ газеты, перечиталъ ихъ еще разъ, заскучалъ и пошелъ къ дому. Что дѣлать теперь? Онъ вернулся къ гамаку и опять легъ. Не прошло, однако, получаса, какъ его охватила неодолимая потребность перемѣны мѣста. Буда идти? Въ лѣсъ? Да, хорошо въ лѣсу, но тамъ одиночество еще полнѣе, еще томительнѣе, чѣмъ дома, чѣмъ въ селеніи, гдѣ, все-таки, слышится шумъ живыхъ людей. А безмолвная пустыня лѣса нагоняетъ лишь тоскливое чувство, нагоняетъ еще

большій мракъ на его измученную душу. Онъ мысленно вернулся къ своей вчерашней прогулкѣ и, вспомнивши про хорошенькую служанку ресторана Боро, рѣшилъ: «Чего лучше, пройдуся и тамъ пообѣдаю!» Ему стало легче; найдено было занятіе, возможность кое-какъ провести время, и онъ тотчасъ же пустился въ путь.

Длинная улица селенія тянулась прямо по долинѣ между двумя рядами бѣлыхъ, низенькихъ домовъ, крытыхъ черепицей, то выступающихъ на дорогу, то прячущихся за цвѣтущую сиренью въ маленькихъ дворикахъ съ бродящими на нихъ курами, съ открытыми деревянными лѣстницами, ведущими къ дверямъ подъ крышами. Брестяне неторопливо работали противъ своего жилья. На встрѣчу ему попалась старая, согнувшаяся женщина, сѣдая и желтая, въ изорванной кофтѣ, въ дрянной, безобразно вздернутой назади шерстяной юбкѣ, изъ-подъ которой высовывались изсохшія, узловатая ноги. Ни проблеска мысли не свѣтилось въ ея тупо устремленныхъ впередъ глазахъ, не выдавшихъ въ жизни ничего, кромѣ самыхъ простыхъ вещей, необходимыхъ для ея скуднаго существованія. Другая, помоложе, развѣшивала бѣлье передъ домою. Отъ движенія рукъ вверхъ приподнималась ея юбка и открывала толстыя, костистыя ноги въ синихъ чулкахъ; широкій станъ и плоская грудь, какъ у мужчины, обличали полное отсутствіе формъ, способное вызывать только отвращеніе.

Маріоль подумалъ: «И это женщины! Это тоже женщины!» Передъ его глазами всталъ силуэтъ г-жи де-Бюриъ. Она представилась ему во всей прелести изящества и красоты, во всей очаровательности женскаго тѣла, граціознаго и изукрашеннаго для обольщенія мужскихъ взоровъ. Онъ вздрогнулъ отъ сознанія невозвратности утраты и пошелъ быстрѣе, чтобы заглушить тоску сердца и отогнать неотвязчивую мысль.

Когда онъ вошелъ въ ресторанъ, молодая служаночка встрѣтила его почти какъ знакомаго и сказала:

- Здравствуйте, мосье.
- Здравствуйте, мадемуазель.
- Выпьете чего-нибудь?
- Да, для начала, потому я у васъ пообѣдаю.

Они потолковали о томъ, чего бы ему выпить для начала и что заказать къ обѣду. Онъ совѣтовался съ нею, чтобы заставить ее говорить; ему нравился ея короткій парижскій говоръ, такой же непринужденный и легкій, какъ ея свободныя движенія. Разговаривая съ нею, Маріоль думалъ: «Очень мила, эта дѣвочка, имѣетъ видъ бутона, изъ котораго можетъ развернуться коготка».

— Вы парижанка?—спросилъ онъ.

— Да, мосье.

— Давно вы здѣсь служите?

— Двѣ недѣли, мосье.

— И нравится вамъ здѣсь?

— До сихъ поръ не очень, но въ такое короткое время нельзя еще ничего сказать. Въ тому же, воздухъ Парижа дурно дѣйствовалъ на мое здоровье; въ деревнѣ я поправилась, поэтому я и рѣшилась поступить сюда. И такъ, я подамъ вамъ вермутъ?

— Да, мадемуазель, и потрудитесь сказать повару или кухаркѣ, чтобы обѣдъ былъ хорошъ.

— Объ этомъ не беспокойтесь, мосье.

Она вышла. Мариоль направился въ садъ гостиницы и выбралъ себѣ мѣстечко подъ тоннелемъ изъ зелени, куда и былъ ему подамъ вермутъ. Тутъ онъ просидѣлъ до вечера, слушая, какъ расцвѣваетъ дроздъ въ клѣткѣ, и посматривая на проходившую мимо него отъ времени до времени служаночку. Она смѣтила, что поправилась по сѣтителю, и, видимо, кокетничала передъ нимъ.

Онъ ушелъ, какъ и наканунѣ, подбодрившись бутылкой шампанскаго. Но сумракъ ночи и свѣжесть воздуха скоро разсѣяли его легкое опьяненіе, и сердце заняло опять отъ неодолимой тоски.

«Что же я буду, однако, дѣлать?—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Здѣсь жить? Надолго ли же я осужденъ влачить такое жалкое существованіе?»—И онъ заснулъ очень поздно.

На слѣдующій день онъ опять качался въ гамакѣ, и постоянное присутствіе человѣка съ круглою сѣтью навело его на мысль тоже заняться ловлею рыбы. Сосѣдній лавочникъ, продававшій, между прочимъ, и удочки, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого мирнаго спорта и предложилъ даже руководить лично его началомъ. Предложеніе было принято, и Мариолу, съ девяти часовъ до двѣнадцати, при величайшихъ усиліяхъ и неослабно напряженнымъ вниманіи, удалось поймать трехъ малюсенькихъ рыбокъ.

Послѣ завтрака онъ пошелъ опять въ Марлотъ. Зачѣмъ? Чтобы убить время.

Увидавши его, молодая служанка разсмѣялась. Онъ тоже улыбнулся, довольный такою встрѣчей, и попытался заставить ее разговориться. И она заговорила съ нимъ уже какъ съ знакомымъ.

Ее зовутъ Елизавета Ледрю. Ея мать, портниха, работавшая на дому, умерла въ прошломъ году; отецъ, бухгалтеръ, вѣчно пьяный и вѣчно безъ мѣста, жившій на заработки жены и дочери, исчезъ куда-то, такъ какъ дѣвушка, оставшись одна, оказалась не въ си-

лажъ содержать двоихъ своимъ трудомъ. Въ свою очередь, соскучившись за одинокою работою въ мансардѣ, она поступила служанкою въ кухмистерскую и пробыла тамъ около года. Тяжело было. Основатель отеля Боро, которому она прислуживала въ кухмистерской, пригласилъ ее на лѣто въ Марлотъ, вмѣстѣ съ двумя другими молодыми дѣвушками; онѣ должны тоже скоро пріѣхать. Этотъ хозяинъ, очевидно, зналъ, чѣмъ привлечь посѣтителей.

Маріоль заинтересовался разсказомъ молодой дѣвушки, и осторожно выспрашивая ее и обращаясь съ нею, какъ съ равною, вывѣдалъ у нея много любопытныхъ подробностей объ ихъ горькой и несчастной семьѣ, загубленной пьяницей. Она же, всѣми покинутая, бездомная сирота, несмотря ни на что, веселая юною беззаботностью, видя неподдѣльное сочувствіе незнакомца и его участливое вниманіе, говорила довѣрчиво, со всею откровенностью молодой души, порывовъ которой она не умѣла сдерживать такъ же, какъ не могла сдержать живости своихъ движеній.

Когда она кончила разсказъ, онъ спросилъ ее:

— И вы... всю жизнь останетесь служанкой?

— Не знаю, мосье. Развѣ могу я сказать, что со мною будетъ завтра?

— Надо же, однако, думать о будущемъ.

По ея лицу пробѣжала тѣнь задумчивости и тотчасъ же исчезла. Дѣвушка отвѣтила:

— Что судьба пошлетъ, то и мое. Плохо будетъ, тѣмъ хуже для меня!

Они расстались друзьями.

Черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ опять, потомъ—еще разъ, потомъ сталъ бывать часто; его безотчетно привлекала наивная болтовня покинутой дѣвушки; она до нѣкоторой степени разгоняла томившую его скуку. Но, когда вечеромъ онъ опять возвращался въ Монтиньи, воспоминаніе о г-жѣ де-Бюрнъ снова доводило его до ужасающаго отчаянія. Съ разсвѣтомъ и на сердцѣ у него становилось немного свѣтлѣе, а какъ только наступала ночь, такъ съ прежнею силой возобновлялись приступы мучительной тоски и бѣшеной ревности. Изъ Парижа не было никакихъ извѣстій. Маріоль никому не писалъ, ни отъ кого не получалъ писемъ и рѣшительно не зналъ, что тамъ дѣлается. И вотъ, темнымъ вечеромъ на пути къ дому, онъ неизмѣнно фантазировалъ о томъ, насколько подвигается впередъ дѣло предвидѣнной имъ будущей связи его оставленной любовницы съ графомъ Бернгаузомъ. Эта мысль становилась съ каждымъ днемъ все неотвязнѣе и превращалась въ настоя-

щій пунктъ помѣшательства. Въ этомъ-то, — думалъ онъ, — такая женщина найдетъ какъ разъ то, что ей нужно, — отиѣнно приличнаго любовника, всегда готоваго къ услугамъ и нетребовательнаго, очень польщеннаго и довольнаго тѣмъ, что удостоился стать избранникомъ такой восхитительной и ловкой кокетки».

Онъ сравнивалъ его съ собою. Тотъ, конечно, ужъ не испытаетъ никакихъ волненій, ни мучительныхъ тревогъ, ни безумной жажды взаимныхъ нѣжностей, чѣмъ были отравлены и разрушены ихъ любовныя отношенія. Тотъ немногимъ удовольствуется, какъ и подобаетъ человѣку свѣтскому, очень покладистому, осторожному и благоразумному. Да онъ и по натурѣ не принадлежитъ, кажется, къ породѣ людей, особенно пылкихъ.

Однажды Мариоль, придя въ Марлотъ, увидалъ подъ другимъ навѣсомъ изъ зелени въ саду отеля Коро двухъ бородатыхъ молодыхъ людей въ низенькихъ шапочкахъ и съ трубками въ зубахъ. Къ нему тотчасъ же подошелъ хозяинъ гостиницы, толстякъ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, изливавшій въ особенныхъ любезностяхъ свои симпатіи къ столь постоянному посѣтителю его ресторана.

— Со вчерашняго дня у меня два новыхъ кліента, художники, — сказалъ онъ.

— Вонъ тѣ господа?

— Да, они уже познакомились. Тотъ, что поменьше ростомъ, получилъ въ прошломъ году вторую медаль.

И, высыпавши все, что онъ зналъ объ этихъ начинающихъ живописцахъ, хозяинъ спросилъ:

— Что сегодня будете кушать, мосье Мариоль?

— Пришлите мнѣ, по обыкновенію, рюмку вермута.

Хозяинъ ушелъ. Явилась Лиза съ подносомъ, рюмкой, графиномъ и бутылкой. Тотчасъ одинъ изъ художниковъ крикнулъ:

— Что же, милочка, мы все еще въ ссорѣ?

Она ничего не отвѣтила, и когда подошла къ Мариолю, то онъ замѣтилъ, что ея глаза красны.

— Вы плакали? — сказалъ онъ.

— Да, немножко, — отвѣтила она просто.

— Что случилось?

— Вонъ тѣ два господина дурно со мной обошлись.

— Что же они сдѣлали?

— Приняли меня за ...пустую дѣвченку.

— Вы пожаловались хозяину?

Она печально пожала плечами.

— О, мосье!... хозяинъ... хозяинъ... знаю я его теперь, этого хозяина!

Взволнованный и немного раздосадованный Мариоль сказалъ:

— Расскажите, въ чемъ дѣло?

Она рассказала ему о непристойныхъ и грубыхъ попыткахъ этихъ двухъ мазигокъ, пріѣхавшихъ только наканунѣ, и опять заплакала, сокрушаясь о томъ, что же дѣлать ей теперь тутъ безъ помощи, безъ поддержки, безъ денегъ, безъ средствъ къ жизни?

Вдругъ Мариоль предложилъ ей:

— Хотите поступить въ услуженіе ко мнѣ? У меня съ вами будутъ хорошо обращаться, а когда я возвращусь въ Парижъ, вы опять можете дѣлать, что вамъ угодно.

Она пристально посмотрѣла на него вопросительнымъ взглядомъ, потомъ, не раздумывая, отвѣтила:

— Очень охотно, мосье.

— Сколько вы здѣсь получаете?

— Шестьдесятъ франковъ въ мѣсяць.

И тотчасъ поспѣшила прибавить:

— Кромѣ того, я получаю небольшую часть изъ того, что посятители даютъ прислугѣ; всего выходитъ около семидесяти франковъ.

— Я буду вамъ платить сто.

— Сто франковъ въ мѣсяць?—спросила она удивленно.

— Да. Вамъ это подходитъ?

— Я думаю, что даже очень подходитъ!

— Вы будете просто мнѣ прислуживать, присматривать за моими вещами, за бѣльемъ и платьемъ, и убирать мою комнату.

— Я согласна, мосье.

— Когда вы придете?

— Завтра, если угодно. Послѣ того, что здѣсь произошло, я пойду къ мѣру и откажусь отъ мѣста безъ согласія хозяина.

Мариоль вынулъ изъ кармана два полуимперіала и, подавая ей, сказалъ:

— А это вамъ невзачеть.

Лицо дѣвушки вспыхнуло радостью, и она сказала рѣшительнымъ тономъ:

— Я буду у васъ завтра къ двѣнадцати часамъ, мосье.

II.

Елизавета явилась на слѣдующій день въ Монтиньи въ сопровожденіи крестьянина, привезшаго ее чемоданъ въ ручной тележкѣ.

Мариоль отпустилъ одну изъ своихъ старухъ, щедро вознаградивши ее, и новая служанка устроилась въ маленькой комнаткѣ втораго этажа рядомъ съ помѣщеніемъ кухарки. Молодая дѣвушка показала Мариолу нѣсколько иною, чѣмъ была въ Марлотѣ, не такою свободною и разговорчивою, болѣе сдержанною, почтительною служанкой господина, для котораго она была почти другомъ подъ зеленымъ тоннелемъ ресторана.

Въ нѣсколькихъ словахъ Мариоль объяснилъ ей ея обязанности. Она очень внимательно выслушала его и принялась за свое дѣло.

Прошла еще недѣля безъ ощутительной перемѣны въ душевномъ настроеніи Мариоля. Онъ замѣтилъ только, что рѣже сталъ уходить изъ дома, такъ какъ не было уже предлога для прогулокъ въ Марлотъ, и самый домъ началъ казаться ему, какъ будто, менѣе унылымъ, чѣмъ въ первое время. Рѣзкіе приступы тоски понемногу проходили, какъ проходить все; но, вмѣсто нихъ, нарождалась въ немъ непреодолимая печаль, какая-то тяжелая меланхолія, похожая на тѣ хроническіе и медленные недуги, отъ которыхъ люди иногда умираютъ. Въ немъ точно угасла вся прежняя жажда дѣятельности, вся любознательность ума, всякій интересъ къ тому, что до сихъ поръ занимало его и развлекало; на смѣну появились чувство отвращенія отъ всего и непобѣдимая апатія, не оставлявшая силы даже на то, чтобы подняться съ мѣста и пойти куда-нибудь. Такъ онъ и засѣлъ дома, переходя изъ комнаты къ гамаку и изъ гамака въ комнату. Единственнымъ его развлеченіемъ было смотрѣть на убѣгающія струи рѣчки, да на рыбака, закидывающаго свою круглую сѣть.

Послѣ первыхъ дней службы и сдержанности, Елизавета поосмѣлилась немного и, замѣчая своимъ женскимъ чутьемъ постоянно угнетенное состояніе господина, спрашивала его иногда, когда не было тутъ другой служанки:

— Мосье сильно скучаетъ?

Онъ уныло отвѣчалъ:

— Да, изрядно-таки.

— Вамъ бы, мосье, слѣдовало прогуливаться.

— Веселье тоже небольшое.

Дѣвушка втайнѣ оказывала ему самое задушевное вниманіе. Каждое утро, входя въ гостиную, онъ находилъ ее полною цвѣтовъ и благоухающею, какъ теплица. Ясно было, что Елизавета умѣла пользоваться услугами деревенскихъ ребятешекъ, приносившихъ ей изъ лѣса множество цвѣтовъ, также какъ изъ садиковъ села, гдѣ крестьянки вечерами поливали кое-какія клумбочки. Онъ же,

удручаемый одиночествомъ, тоской и апатіей, былъ тронуть, глубоко тронуть такимъ милымъ выраженіемъ благодарности, такую нѣжную заботливостью о немъ и постоянно замѣчаемымъ въ ней желаніемъ сдѣлать ему что-либо пріятное въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ.

Ему показалось также, что она похорошѣла, стала щеголеватѣе, что ея лицо не такъ красно и черты его сдѣлались какъ будто тоньше. Въ тотъ же день, когда она подавала ему чай, онъ обратилъ вниманіе, что и руки у нея уже не такія, какъ у служанки, а настоящія дамскія ручки, съ хорошо обрѣзанными и безукоризненно чистыми ногтями. Въ другой разъ онъ замѣтилъ ея почти изящную обувь. Потомъ, однажды вечеромъ, она ушла въ свою комнату и скоро появилась оттуда въ премиленькомъ сѣренькомъ платьицѣ, очень простомъ, но шитомъ со вкусомъ. Увидавши ее, онъ воскликнулъ:

— Ого, какъ вы начинаете заниматься собою, Елизавета!

Она покраснѣла чуть не до слезъ и проговорила растерянно:

— Я? нѣтъ, мосье. Я одѣваюсь немного лучше потому, что у меня немного больше денегъ.

— Гдѣ вы купили это платье?

— Я сама его сшила, мосье.

— Сами сшили? Но когда же? Я вижу, какъ вы цѣлый день заняты въ домѣ.

— А вечера-то, мосье.

— Откуда же вы взяли матерію и кто вамъ скроилъ это?

Она сказала ему, что сельскій лавочникъ привезилъ ей образчики изъ Фонтенебло. Она выбрала и заплатила за матерію два золотыхъ, которые Мариоль далъ ей не въ счетъ жалованья. Что же касается вройки и фасона, то это нисколько не затрудняетъ ее, такъ какъ она четыре года работала, при матери, на модные магазины.

Онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Платье къ вамъ идетъ. Вы очень милы.

И она опять вспыхнула до корней волосъ.

Когда она вышла, онъ задалъ себѣ вопросъ: «Ужь не влюбилась ли она въ меня, чего добраго?» Онъ задумался надъ этимъ, поколебался нѣсколько, посомнѣвался и покончилъ рѣшеніемъ, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ былъ добръ къ ней, пожалѣлъ ее, помогъ ей, выразилъ сочувствіе, почти дружеское. Что же мудренаго, если молоденькая дѣвочка за все это влюбилась въ своего хозяина? Бъ тому же, подобное предположеніе отнюдь не

представлялось ему неприятнымъ, такъ какъ дѣвченокъ была, на самомъ дѣлѣ, прехорошенькая и совсѣмъ уже не смотрѣла служанкой. Его мужское тщеславіе, столь оскорбленное, разбитое и растоптанное другою женщиной, было польщено, приподнято, почти успокоено. Это было вознагражденіемъ, очень слабымъ, ничтожнымъ, но, тѣмъ не менѣе, вознагражденіемъ, потому что любовь къ человѣку, откуда бы она ни явилась, служить все же доказательствомъ, что человѣкъ этотъ способенъ внушить къ себѣ любовь. Его бессознательный эгоизмъ былъ также удовлетворенъ этимъ. Для него будетъ занятіемъ и, быть можетъ, нѣкоторымъ развлеченіемъ наблюдать, какъ оживаетъ это юное сердечко и какъ рвется къ нему. Ему и въ голову не приходило удалить бѣдную дѣвочку, предохранить ее отъ опасности, доведшей его самого до такихъ жестокихъ страданій, пожалѣть ее болѣе, чѣмъ жалѣли его. Не подлежитъ сомнѣнію, что при любовныхъ побѣдахъ нѣтъ мѣста пощадѣ.

И такъ, онъ сталъ слѣдить за нею и скоро убѣдился въ томъ, что не ошибся. Каждый день разныя ничтожныя мелочи все болѣе и болѣе удостовѣряли это. Разъ, когда она прислуживала ему за столомъ, онъ почувствовалъ, что она надушилась какими-то дрянными духами, доставленными, вѣроятно, тоже лавочникомъ или сельскимъ аптекаремъ. Тогда онъ подарилъ ей бутылку туалетной воды шипръ, которую уже давно употреблялъ при умываніи и всегда имѣлъ въ запасѣ. Бромъ того, онъ подарилъ ей хорошаго мыла, зубнаго полосканья и рисовой пудры. Онъ искусно содѣйствовалъ ея превращенію, становившемуся съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе и полнѣе, и наблюдалъ за нимъ любопытнымъ и польщеннымъ взглядомъ.

Оставаясь для него преданною и скромною служанкой, она дѣлалась, въ то же время, возбужденною, влюбленною женщиной, въ которой бессознательно развиваются всѣ инстинкты кокетства.

Мало-по-малу и самъ онъ привязывался къ ней. Его и забавляло это, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ тронутъ ея любовью и признателемъ ей. Онъ игралъ этимъ зарождающимся чувствомъ, какъ играютъ отъ скуки всѣмъ, что можетъ хотя сколько-нибудь позабавить. Никакого иного влеченія онъ не чувствовалъ къ ней, кромѣ неопредѣленнаго стремленія всякаго мужчины къ каждой красивой женщинѣ, будь то хорошенькая служанка или крестьянка съ видомъ богини—нѣчто вродѣ деревенской Венеры. Въ особенности же дѣйствовало на него притягательно то, что онъ видѣлъ теперь въ ней женственнаго. Въ этомъ-то именно онъ ощущалъ полную

необходимость, смутно, но неотразимо,—необходимость, созданную для него тою, другою, любимую имъ и вдохнувшюю въ него таинственную и непреодолимую жажду близости, прикосновенія къ женщинѣ,—той опьяняющей атмосферы, идеальной или чувственной, которою каждое обольстительное созданіе, изъ среды народа или изъ общества, дикая и черноокая дочь Востока или голубоглазая и хитродушная сѣверянка, охватываетъ мужчинъ, не утратившихъ еще исконнаго влеченія къ женщинѣ.

Нѣжное, непрерывное, ласкающее и скрытное вниманіе дѣвушки, болѣе чувствуемое, чѣмъ видимое, окружало его израненное сердце какъ бы непроницаемымъ покровомъ, дѣлавшимъ его менѣе впечатлительнымъ къ возвратамъ его мучительныхъ думъ. Тѣмъ не менѣе, онѣ существовали, бродили и кружились, какъ мухи надъ язвой. Достаточно было одной изъ нихъ коснуться больного мѣста, чтобы вернулись все его страданія. Такъ какъ онъ запретилъ сообщать кому-либо свой адресъ, то друзья и не беспокоили его письмами, и его особенно терзало отсутствіе извѣстій. Отъ времени до времени встрѣчались ему въ газетахъ имена Ламарта или Массиваля въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ большомъ обѣдѣ или присутствовавшихъ на выдающемся празднествѣ. Однажды ему бросилось въ глаза имя мадамъ де-Бюригъ, о которой говорилось, какъ объ одной изъ дамъ наиболѣе изящныхъ, красивыхъ и выдающихся туалетомъ, бывшихъ на балѣ австрійскаго посольства. По тѣлу Мариоля пробѣжала дрожь отъ головы до ногъ. Черезъ нѣсколько строкъ онъ прочелъ имя графа Бернгауза и до самаго вечера его сердце надрывалось отъ новаго прилива ревности. Предвидѣнная имъ любовная связь представлялась ему теперь неподлежащею никакому сомнѣнію. Въ его головѣ на этотъ счетъ сложилось одно изъ тѣхъ мнимыхъ убѣжденій, которыя изводятъ человѣка неотступнѣе, чѣмъ дѣйствительные факты, такъ какъ отъ подобной мнительности нѣтъ средствъ ни чѣмъ-либо отдѣлаться, ни когда-либо излечиться.

Не имѣя силъ выносить болѣе такой неизвѣстности обо всемъ, что тамъ дѣлается, и такой неопредѣленности своихъ подозрѣній, онъ рѣшился написать Ламарту, достаточно хорошо знающему его для того, чтобы угадать его тяжелое душевное настроеніе и отвѣтить, быть можетъ, на его предположенія, даже не получивши прямого вопроса. Вечеромъ, при свѣтѣ лампы, Мариоль написалъ ему длинное письмо, искусно сочиненное, неопредѣленно грустное, наполненное скрытыми вопросами и лирическими изліяніями о прелестьяхъ весны въ деревнѣ.

Через четыре дня, получивши почту, онъ съ перваго взгляда узналъ прямой и твердый почеркъ романиста. Ламартъ сообщалъ ему самыя удручающія свѣдѣнія, чрезвычайно важныя для томившаго его безпокойства. Онъ говорилъ о множествѣ людей, совершенно одинаковымъ тономъ, про мадамъ де-Бюрнъ и Бернгауза— не болѣе, чѣмъ про всѣхъ другихъ, но, казалось, выдвигалъ ихъ впередъ ловкимъ оборотомъ рѣчи, которою такъ владѣлъ, что умѣлъ сосредоточить вниманіе какъ разъ на томъ, на чемъ ему хотѣлось, не давая ничуть замѣтить своего умысла.

Въ общемъ выводѣ, изъ письма явствовало, что подозрѣнія Мариоля были, по меньшей мѣрѣ, основательны. Его опасенія легко могутъ осуществиться завтра, если не осуществились уже вчера. Его бывшая любовница жила, попрежнему, тревожною, блестящею, свѣтскою жизнью. О немъ немного поговорили послѣ его исчезновенія, какъ говорятъ объ исчезнувшихъ людяхъ, съ безучастнымъ любопытствомъ. Предполагали, что онъ далеко и уѣхалъ потому, что Парижъ ему наскучилъ.

Прочитавши это письмо, Мариоль до вечера пролежалъ въ своемъ гамакѣ. Обѣдать онъ не могъ, потому не могъ уснуть, всю ночь провелъ въ лихорадкѣ. На слѣдующій день онъ чувствовалъ себя настолько разбитымъ, истомленнымъ и стосковавшимся отъ этой монотонной жизни между пустыннымъ и молчаливымъ лѣсомъ, съ потемнѣвшею теперь зеленью, и маленькою рѣчонкой, надобливо журчавшей подъ его окнами, что не всталъ съ постели.

Вошедшая по первому звонку Елизавета очень удивилась, найдя его лежащимъ, остановилась въ отворенной двери, поплѣднѣла вдругъ и спросила:

— Вы больны, мосье?

— Да, немного.

— Надо позвать доктора?

— Нѣтъ. У меня бываютъ такія недомоганія.

— Что же нужно дѣлать теперь?

Онъ приказалъ приготовить обычную, ежедневную ванну, сварить къ завтраку только яиць и подать чаю. Но къ часу дня его одолѣла такая скука, что онъ захотѣлъ встать. Елизавета, которую онъ звалъ каждую минуту подъ вліяніемъ тоскливаго чувства мнимаго больного, встревоженная и опечаленная, охваченная желаніемъ быть полезной ему, ухаживать за нимъ, помочь ему и вылечить его, видѣла, какъ онъ мечется и нервничаетъ, и предложила почитать ему что-нибудь вслухъ, сильно покраснѣвши отъ такой смѣлости.

Онъ спросилъ:

— Вы читаете хорошо?

— Да, мосье. Въ городской школѣ я за чтеніе получала первыя награды и читала мамашѣ столько романовъ, что и заглавій ихъ теперь не помню.

Это заинтересовало его, и онъ послалъ ее въ бывшую мастерскую достать изъ выписанныхъ имъ книгъ ту, которую предпочиталъ всѣмъ другимъ: *Манонъ Леско*.

Дѣвушка помогла ему сѣсть на кровати, заложила ему за спину подушки, взяла себѣ стулъ и начала читать. Читала она, на самомъ дѣлѣ, хорошо, даже очень хорошо, будучи одарена отъ природы особливимъ даромъ вѣрной интонаціи и отчетливаго произношенія. Съ самаго начала повѣсть показалась ей необыкновенно занимательною, и она, по мѣрѣ развитія фабулы, поддавалась такому волненію, что онъ изрѣдка прерывалъ чтеніе, чтобы задать ей какой-нибудь вопросъ и поговорить съ нею.

Въ открытое окно, вмѣстѣ съ теплымъ вѣтеркомъ, напоеннымъ ароматомъ листвы, врывались трели и руды соловьевъ, распѣвавшихъ своимъ подругамъ страстныя пѣсни весны, сезона возрета любви.

Андрѣ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, смущенно и жадно слѣдившую блестящими глазами за ходомъ событій, передаваемыхъ въ увлекательныхъ страницахъ.

На предлагаемые имъ вопросы она отвѣчала съ врожденною чуткостью ко всему, что касается нѣжности и страсти, съ чутьемъ вѣрнымъ, но несовѣмъ яснымъ для ея простонароднаго невѣдѣнія. И онъ раздумывалъ: «Препонятливая и преумная дѣвчонка, если бы только поучить ее и поразвить, какъ должно!»

А прелесть женственности, уже давшая себя почувствовать въ ней, дѣйствовала на него благотворно въ ласкающемъ покоѣ теплаго дня и страннымъ образомъ сливалась въ его умѣ съ таинственнымъ и захватывающимъ очарованіемъ Манонъ, этого необыкновеннѣйшаго изъ женскихъ существъ, когда-либо созданныхъ талантомъ художника.

Убаюканный голосомъ дѣвушки, увлеченный столь извѣстною и вѣчно новою фабулою, Мариоль мечталъ о любовницѣ, такой же легкомысленной и обворожительной, какъ подруга де-Гриѣ, — изменяющей и постоянной, жизненной и соблазнительной даже своими пороками, созданной для того, чтобы вызвать всю нѣжность и всю злобу, всю беззаботную привязанность и страстную ненависть,

всю ревность и всё порывы любви, къ какимъ только способно сердце мужчины.

А! если бы та, съ которою онъ только что разстался, была одарена влюбленною и страстною порочностью этой дразнящей чувства куртизанки, онъ, быть можетъ, никогда бы не уѣхалъ! Манонъ обманывала, но она любила; она лгала, но отдавалась сердцемъ!

Послѣ дня, проведеннаго въ лѣнивомъ покоѣ, Мариоль незамѣтно перешелъ отъ мечтаній къ дремотѣ, въ которой смѣшались для него всё женскіе образы. Въ теченіе цѣлыхъ предшествовавшихъ сутокъ онъ не испыталъ ни малѣйшаго утомленія, не дѣлалъ даже никакого движенія, а потому спалъ не крѣпко и былъ разбуженъ какимъ-то необычнымъ шумомъ въ домѣ. И прежде уже разъ или два ему казалось ночью, будто слышатся шаги и едва замѣтное движеніе въ нижнемъ этажѣ, не подь его спальней, а въ маленькихъ комнатахъ, смежныхъ съ кухней, занятыхъ бѣльемъ и ванной. Тогда онъ не обратилъ на это вниманія.

Теперь же, утомленный цѣлымъ днемъ лежанія, чувствуя, что опять заснетъ не скоро, онъ началъ прислушиваться и уловилъ какой-то необъяснимый шорохъ и плескъ воды. Онъ рѣшился встать и идти посмотрѣть, что такое дѣлается, зажегъ свѣчу и глянулъ на часы: было только десять. Онъ одѣлся, положилъ въ карманъ револьверъ и, съ величайшими предосторожностями, врадующимися шагами сошелъ внизъ. Въ кухнѣ онъ былъ до крайности удивленъ тѣмъ, что печь топится. Не было слышно ни звука; потомъ ему показалось, будто шевелится кто-то въ крошечной комнаткѣ, выбѣленной известкой, гдѣ помѣщалась только ванна.

Онъ подошелъ къ ней, тихо повернулъ ручку замка и быстро распахнулъ дверь. Передъ нимъ въ ваннѣ было прелестнѣйшее тѣло женщины, когда-либо видѣнное имъ въ жизни.

Дѣвушка вскрикнула, растерянно, не имѣя возможности убѣжать.

А онъ былъ уже на колѣняхъ около нея, замирая отъ восторга и протягивая къ ней губы. Елизавета поняла и вдругъ, поднявши обѣ руки, обвила ихъ вокругъ шеи своего господина.

III.

Когда на другой день она появилась передъ нимъ, подавая ему чай, и ихъ глаза встрѣтились, она начала такъ сильно дрожать, что чашка и сахарница нѣсколько разъ сряду стукнулись другъ объ друга. Мариоль подошелъ къ ней, взялъ изъ ея рукъ поднось, поставилъ его на столъ и, видя ея опущенныя рѣсницы, сказалъ ей:

— Посмотри на меня, милочка.

Она взглянула на него глазами, полными слезъ. Онъ продолжалъ:

— Я не хочу; чтобы ты плакала.

Онъ обнялъ ее и почувствовалъ, что она дрожить съ головы до ногъ. Она прошептала: «О, Боже мой!» И онъ понялъ, что эти чуть слышно сказанныя слова были вызваны не горемъ, не сожалѣніемъ и раскаяніемъ, а счастьемъ, настоящимъ счастьемъ. Онъ чувствовалъ совершенно особенное, эгоистическое удовольствіе, скорѣе физическое, чѣмъ нравственное, отъ того, что къ его груди прижималась эта ничтожная дѣвочка, наконецъ - то полюбившая его. Онъ былъ ей за это такъ благодаренъ, какъ могъ бы быть признательнымъ раненый на пустынной дорогѣ за помощь, оказанную ему проходившею мимо женщиной. Онъ былъ благодаренъ ей всѣмъ своимъ истерзаннымъ сердцемъ, разочарованнымъ тщетными порывами, жаждущимъ нѣжности, которой не дало ему равнодушіе другой женщины, — и онъ жалѣлъ ее въ глубинѣ души. Видя ее такою блѣдною и заплаканною, съ изнывающими отъ любви глазами, онъ проговорилъ про себя: «Да она чудно хороша! Какъ быстро совершается превращеніе женщины, какъ скоро она дѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть, сообразно съ желаніями своей души или съ требованіями своей жизни!»

— Сядь, — сказалъ онъ ей.

Она сѣла. Маріоль взялъ ее руки, ее бѣдныя руки труженицы, ради него ставшія бѣлыми и нѣжными, и осторожно, ловко составленными фразами, заговорилъ ей о томъ положеніи, въ которое они должны стать теперь относительно другъ друга. Она уже не была его прислугой, но сразу измѣнить этого нельзя, чтобы не вызвать скандала въ деревнѣ. Она будетъ жить у него въ качествѣ экономки и будетъ часто читать ему вслухъ, что и послужитъ предлогомъ для объясненія ей новаго положенія. По прошествіи нѣкотораго времени, когда вполнѣ установится ее должность чтицы, она будетъ даже обѣдать за однимъ столомъ съ нимъ.

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, она отвѣтила ему просто:

— Нѣтъ, мосье, я была и останусь вашею служанкой. Не хочу я, чтобы говорили обо мнѣ и чтобы узнали, что произошло.

Она не уступила, несмотря на его сильныя настоянія, а когда онъ выпилъ чай, то унесла подносъ.

Маріоль слѣдилъ за нею растроганнымъ взглядомъ и, оставшись одинъ, сталъ раздумывать: «Женщина она, а всѣ женщины равны, если онѣ намъ нравятся. Изъ горничной я сдѣлалъ себѣ любовницу. Она хорошенькая, станетъ, быть можетъ, прелестною!

Во всякомъ случаѣ, она моложе и свѣжѣ нашихъ свѣтскихъ дамъ и коктокъ. Какъ бы тамъ ни было, не бѣда! Мало развѣ знаменитыхъ актрисъ, отцы которыхъ были дворниками? Тѣмъ не менѣе, ихъ принимаютъ, какъ настоящихъ дамъ, обожаютъ, какъ героинь романа, и принцы крови обращаются съ ними, какъ съ королевами. И развѣ все это за ихъ талантъ, часто весьма сомнительный, или за красоту, часто подлежащую большому спору? Нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что женщина занимаетъ всегда положеніе, опредѣляемое тою иллюзіей, которую она умѣетъ произвести».

Въ этотъ день онъ сдѣлалъ длинную прогулку и, хотя въ сердцѣ его оставалась все та же боль, хотя ноги его были такъ тяжелы, какъ будто горе подорвало всѣ его силы, внутри его точно щелбало что-то, точно крошечная птичка пѣла свою чуть слышную пѣсенку. Онъ былъ уже не такъ одинокъ, не такъ покинутъ и забытъ. Лѣсъ казался ему уже менѣе пустыннымъ, менѣе молчаливымъ и менѣе скучнымъ. И онъ вернулся домой съ желаніемъ увидать, какъ встрѣтитъ его Елизавета радостною улыбкой и взоромъ, полнымъ любви.

Около мѣсяца длилась настоящая идиллія на берегу маленькой рѣчки. Маріоль былъ любимъ, какъ, вѣроятно, немногіе мужчины бывали любимы, — животною и безумною любовью, какъ мать любитъ свое дитя, какъ собака любитъ своего господина. Для этой дѣвушки онъ былъ все — и свѣтъ, и небо, радость и счастье. Она только имъ однимъ и жила, имъ однимъ были полны ея душа, ея сердце, все ея существо, опьяненное, какъ пьюцій въ первый разъ юноша. И онъ наслаждался, удивленный и обвороженный беззавѣтностью такой любви; ему представлялось, что онъ пьетъ ее непосредственно изъ живаго источника самой природы.

Тѣмъ не менѣе, онъ оставался грустнымъ, — грустнымъ и разочарованнымъ глубоко и безысходно. Его молоденькая любовница нравилась ему, но, все-таки, недоставало другой. И, прогуливаясь въ лугахъ по берегу рѣчки, задавая себѣ вопросъ: «Почему же не проходитъ это тоскливое чувство?» — онъ испытывалъ, при малѣйшемъ воспоминаніи о Парижѣ, такіе приступы нервности, что спѣшилъ вернуться домой, чтобы не быть одному.

Тогда онъ ложился въ гамакъ, и Елизавета, сидя на складномъ стулѣ, читала ему. Онъ слушалъ, смотрѣлъ на нее и вспоминалъ разговоры въ салонѣ Мишель де-Бюрнь, когда проводилъ цѣлые вечера съ глазу на глазъ съ нею. Неудержимое желаніе заплакать вызывало слезы на его глазахъ; такая гнетущая грусть сжимала его сердце, что онъ отдѣлаться не могъ отъ невыносимаго желанія тот-

часть же уѣхать, вернуться въ Парижъ или бѣжать куда-нибудь и навсегда.

Видя его печальнымъ и задумчивымъ, Елизавета спрашивала его:

— Вамъ не хорошо? Я вижу у васъ слезы на глазахъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Поцѣлуй меня, милочка, тебѣ не понять этого.

Она цѣловала его и тревожнымъ сердцемъ чуяла какую-то драму, о которой ничего не знала. Онъ почти не замѣчалъ ея ласки и думалъ: «А! если бы въ одной женщинѣ могли соединиться любовь этой съ очаровательностью той! Почему не находишь никогда того, о чемъ мечтаешь, и встрѣчаешь всегда лишь приблизительности?»

Убаюкиваемый монотоннымъ чтеніемъ, котораго онъ не слушалъ, Мариоль непрерывно перебиралъ въ умѣ все то, чѣмъ обворожила его, увлекла, покорила покинутая имъ любовница. Подъ вліяніемъ удручающаго воспоминанія о ней и ея воображаемаго присутствія, неотвязно преслѣдовавшаго его, какъ галлюцинація, онъ говорилъ самъ себѣ: «Проклятіе, что ли, какое тяготѣетъ надо мною, что я не могу отъ нея освободиться?»

Онъ опять началъ свои длинныя прогулки, принялся бродить по лѣсу въ смутной надеждѣ потерять ее гдѣ-нибудь на днѣ оврага, за скалистыми обрывомъ, въ чащѣ кустарниковъ, какъ человѣкъ, желающій отдѣлаться отъ вѣрнаго животнаго, убить которое не хочетъ, пытается отдѣлаться отъ него, покинувши въ далекомъ пути.

Однажды къ концу прогулки онъ зашелъ въ «царство буквъ». Теперь это былъ темный лѣсъ, почти черный, съ непроницаемою для свѣта листвою. Мариоль шелъ подъ громаднымъ, сырымъ, высокимъ сводомъ, вспоминая съ сожалѣніемъ о зеленоматомъ, обли томъ лучами солнца, легкомъ туманѣ молодыхъ, едва начавшихъ развертываться листьевъ. Вдругъ, на поворотѣ узкой тропинки, онъ остановился, пораженный изумленіемъ, передъ двумя обвивавшими другъ друга деревьями.

Никакой болѣе яркій и захватывающій сердце образъ его любви не могъ такъ поразить его взоромъ и его души: сильный букъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ высокій дубъ. Какъ доведенный до отчаянія влюбленный, коренастый и изогнутый букъ, точно руки, протягивалъ двѣ крѣпкихъ вѣтви, охватывалъ ими стволъ дуба и смыкалъ ихъ опять. А дубъ, захваченный такимъ объятіемъ, прямо и гордо стремился вершиной къ небу, далеко переросши противника и какъ бы презирая его. Но, несмотря на удаленіе въ про-

странство, несмотря на высомѣрное презрѣніе къ такой дерзости, на его тѣлѣ остались два глубокіе и давно заплывшіе вырѣза, открытые твердыми вѣтвями бука. Навсегда сросшіеся другъ съ другомъ этими закрывшимися ранами, они жили одною жизнью, и подъ корою гордаго дуба текли и достигали его вершины соки побѣдно захватившаго его дерева.

Маріоль сѣлъ и долго не спускалъ съ нихъ глазъ. Его больной душѣ эти два неподвижныхъ борца представлялись страшными и величественными символами, передающими проходящимъ мимо людямъ вѣчную повѣсть его любви.

Потомъ онъ пошелъ дальше, еще болѣе печальный, пошелъ медленно, съ опущенными къ землѣ глазами, и вдругъ увидалъ въ травѣ запачканную грязью и давнишними дождями старую телеграмму, кѣмъ-то брошенную или потерянную. Онъ остановился. Какую радостную вѣсть или какое горе принесла человѣческому сердцу эта голубая бумажка, валяющаяся у его ногъ?

Поддаваясь непреодолимому любопытству, онъ поднялъ ее и брезгливо развернулъ. Съ трудомъ можно было еще разобрать: «Пріѣзжайте... мнѣ... четыре часа». Имена были смыты дождемъ.

Волною нахлынули на него воспоминанія, горькія и чудныя, воспоминанія о всѣхъ телеграммахъ, полученныхъ отъ нея, то назначавшихъ ему часъ свиданія, то извѣщавшихъ о томъ, что она не пріѣдетъ. Никогда и ничто не волновало его такъ, не заставляло замирать такъ сильно его бѣдное сердце, совсѣмъ перестававшее биться или неудержимо прыгавшее въ груди, какъ эти посланія, приводившія въ восторгъ и въ отчаяніе. Онъ чуть не лишился чувствъ отъ сокрушенія при мысли, что уже никогда въ жизни не распечатывать ему такихъ депешъ.

И вновь вставали передъ нимъ вопросы, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ расстался съ нею: страдала ли она, тосковала ли о другѣ, прогнанномъ ей холодною, или же она отнеслась равнодушно къ разлукѣ, оскорбившей только ее женское тщеславіе?

Желаніе разъяснить это достигло такой напряженности и силы, что въ его головѣ возникла, довольно нерѣшительно вначалѣ, смѣлая и своеобразная мысль. Онъ направился въ Фонтенебло. Добравшись до города, онъ зашелъ на телеграфную станцію, изнемогая душою отъ нерѣшительности и тревоги. Его какъ бы толкала какая-то сила, непреодолимая сила, исходившая изъ его сердца. Дрожащею рукой взялъ онъ со стола телеграфный бланкъ и написалъ на немъ, послѣ имени и адреса г-жи де-Бюрнъ:

«Я бы такъ желалъ знать, что вы думаете обо мнѣ! Я же не могу ничего забыть.

«Андрэ Мариоль».

Онъ вышелъ, нанялъ экипажъ и вернулся въ Монтиньи, смущенный и растерянный, уже расквашивающійся въ томъ, что онъ сдѣлалъ.

Онъ рассчиталъ, что если она захочетъ ему отвѣтить, то письмо ея должно придти черезъ два дня; но уже на слѣдующій день онъ не выходилъ изъ дому въ страхъ и надеждѣ получить отъ нея телеграмму.

Около трехъ часовъ дня онъ лежалъ въ гамакѣ на лужайкѣ подъ липами, когда Елизавета пришла сказать ему, что его ждетъ видѣть какая-то дама.

Неожиданность для него была такъ велика, что на мгновение онъ почти лишился чувствъ, и направился къ дому, едва волоча разбитыя ноги, задыхаясь отъ бѣшенія сердца. Онъ не предполагалъ, однако же, чтобы это могла быть она.

Когда онъ отворилъ дверь гостиной, мадамъ де-Бюрнъ, сидѣвшая на диванѣ, встала, сдержанно улыбаясь, и съ замѣтною принужденностью въ лицѣ и движеніяхъ протянула ему руку.

— Я пріѣхала узнать, какъ вы поживаете, такъ какъ телеграмма не дала мнѣ объ этомъ достаточно полныхъ свѣдѣній.

Онъ такъ поблѣднѣлъ, при встрѣчѣ съ нею, что въ ея глазахъ сверкнула радость. Отъ волненія онъ не могъ сказать ни слова и прильнулъ губами къ протянутой ею рукѣ.

— Боже! какъ вы добры,—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, я только не забываю друзей и беспокоюсь о нихъ.

Она пристально всматривалась въ него первымъ взглядомъ женщины, подмѣчающимъ все, докапывающимся до сокровенныхъ борней мыслей и раскрывающимъ всякое притворство. Она осталась, несомнѣнно, довольна, такъ какъ лицо ея освѣтилось улыбкой.

Она заговорила:

— Ваша пустынька очень мила. Счастливо въ ней живется?

— Нѣтъ.

— А почему?

— Потому, что она не даетъ забвенія.

— А вамъ необходимо забыть что-нибудь, чтобы быть счастливымъ?

— Да.

— Можно узнать, что именно?

— Вы знаете.

— И что же?...

— И я—несчастнѣйшій человекъ.

Съ нескрываемымъ самодовольствомъ она сказала:

— Я угадала это, получивши вашу телеграмму, и потому-то прѣехала сюда, твердо рѣшившись тотчасъ же уѣхать въ томъ случаѣ, если бы я ошиблась.

Помолчавши немного, она продолжала:

— А такъ какъ я не уѣзжаю тотчасъ же, то нельзя ли осмотрѣть ваши владѣнія? Я вижу тамъ липовую аллею, которая кажется мнѣ восхитительною. Въ ней будетъ прохлада, чѣмъ въ этой комнатѣ.

Они улыгнулись оба. На ней былъ туалетъ розово-золотистаго цвѣта, оказавшійся настолько гармонирующимъ съ зеленью деревьевъ и съ лазурью неба, что она показалась ему необычайною, какъ видѣние, неожиданно прелестною, точно невиданною никогда. Ея длинная, стройная талія, ея изящное и свѣжее лицо, сверкающіе завитки волосъ подъ широкополою шляпкою, тоже розово-золотистой, съ обвивающимъ ее длиннымъ страусовымъ перомъ, ея тонкія руки, держація сложенный зонтикъ, и ея гордая и самоувѣренная походка вносили въ этотъ маленькій деревенскій садикъ что-то совсѣмъ чуждое ему, диковинное и небывалое, производили странное и плѣняющее впечатлѣніе сказочнаго образа, мечты, гравюры, картины Ватто, олицетворенной фантазіи поэта или художника, причудливо явившейся въ этотъ тихій уголокъ показать, насколько она прекрасна.

Маріоль смотрѣлъ на нее, трепеталъ всѣмъ существомъ своимъ и замиралъ отъ страсти, вернувшейся со всею прежнею силой. Ему вспомнились двѣ женщины, встрѣченныя имъ на пути въ селеніи.

Она сказала ему:

— Что такое эта особа, отворявшая мнѣ дверь?

— Моя прислуга.

— Она совсѣмъ не смотритъ... горничною.

— Нѣтъ. Она, на самомъ дѣлѣ, очень мила.

— Гдѣ вы ее разыскали?

— Очень близко отсюда, въ гостиницѣ, посѣщаемой преимущественно живописцами, гдѣ подвергалась опасности ея нравственность.

— Которую вы и спасли?

Онъ покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Которую я спасъ.

— Не изъ одного великодушія, быть можетъ.

— Конечно, не изъ великодушія только. Мнѣ пріятіе смотрѣть на красивое лицо прислуживающей мнѣ, чѣмъ на безобразное.

— Глядя на нее, вы только это и чувствуете?

— Глядя на нее, я почувствовалъ, быть можетъ, еще непреодолимую потребность опять видѣть васъ потому, что всякая женщина, привлекающая къ себѣ мой взглядъ, хотя бы на секунду, уноситъ мою мысль къ вамъ.

— Это очень ловко сказано! Любить она своего спасителя?

Мариоль покраснѣлъ сильнѣе. Соображеніе, что всякая ревность пригодна для возбужденія сердца женщины, съ быстротою молніи привело его къ рѣшимости солгать лишь на половину.

И онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Этого я не знаю. Дѣло возможное. Но мнѣ она очень внимательна и предупредительна.

Г-жа де-Вюрнь проговорила съ чуть замѣтною досадой:

— А вы?

Онъ устремилъ на нее горящій любовью взглядъ и сказалъ:

— Бромѣ васъ, я ни о чемъ не могу думать.

Это было тоже очень ловко сказано, но она уже не замѣтила этого, — настолько его фраза показалась ей выраженіемъ самой непреложной истины. Могла ли сомнѣваться въ этомъ такая женщина, какъ она? И на самомъ дѣлѣ она не усомнилась, осталась очень довольна и не вспоминала больше объ Елизаветѣ.

Они сѣли на два складныхъ стула подъ тѣнью липъ у струящейся воды.

Онъ спросилъ:

— Что вы подумали обо мнѣ?

— Что вамъ было очень тяжело.

— По моей винѣ или по вашей?

— По нашей винѣ.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ, понимая, что вы очень раздражены, слишкомъ возбуждены, я рѣшила, что всего благоразумнѣе будетъ дать вамъ успокоиться сначала. И я ждала.

— Чего же вы ждали?

— Вѣсточка отъ васъ. Я получила ее и вотъ — я здѣсь. Теперь мы поговоримъ, какъ надлежитъ серьезнымъ людямъ. И такъ, вы любите меня попрежнему?... Я спрашиваю объ этомъ не изъ вожества... спрашиваю, какъ другъ.

— Люблю васъ неизмѣнно.

— И что же предполагаете въ будущемъ?

— Да развѣ же я знаю что-нибудь? Я въ вашей власти.

— О! я имѣю на это очень опредѣленный взглядъ, но не выскажу вамъ ничего до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что вы думаете. Расскажите мнѣ о себѣ, про то, что происходило въ вашемъ сердцѣ и вашей головѣ съ того дня, какъ вы убѣжали отъ меня.

— Я думалъ о васъ; кромѣ этого, ничего я не дѣлалъ.

— Да, но какъ, что думали, къ какому заключенію пришли?

Онъ рассказалъ о своемъ рѣшеніи вылетѣть отъ любви къ ней, о своемъ бѣгствѣ, о пріѣздѣ въ этотъ огромный лѣсъ, гдѣ, кромѣ нея, ничего для него не существовало, о томительныхъ дняхъ, наполненныхъ воспоминаніями, о мучительныхъ ночахъ ревности. Онъ все рассказалъ ей правдиво, умолчавши только о любви Елизаветы, не произнеся даже ея имени.

Мишель де-Бюрнъ слушала его съ полною увѣренностью, что онъ не лжетъ, убѣжденная не столько искренностью его голоса, сколько сознаниемъ своего господства надъ нимъ. Она была въ восторгѣ отъ побѣды, отъ возможности вернуть его, такъ какъ, по своему, она его, все-таки, очень любила.

Потомъ онъ говорилъ объ отчаяніи, вызванномъ безвыходностью такого состоянія, и, возбужденный рассказомъ о томъ, что онъ страдалъ, что пережилъ, вновь повторилъ упреки въ неспособности ея къ любви, но уже безъ горечи и гнѣва, въ тонѣ страстнаго лиризма человѣка, обездоленнаго и осиленаго злымъ рокомъ.

Онъ повторялъ:

— Другія лишены дара нравиться, вы же... вы лишены дара любить...

Она живо перебила его и, очень основательно и разумно, сказала:

— За то у меня есть даръ постоянства. Неужели вамъ было бы легче, если бы я, пообожавши васъ десять мѣсяцевъ, была теперь влюблена въ другаго?

Онъ воскликнулъ:

— Развѣ такъ уже и невозможно для женщины любить только одного мужчину?

Она быстро заговорила:

— Нельзя любить вѣчно, можно только оставаться вѣрною. Не думаете ли вы, что восторженное настроеніе чувства можетъ длиться нѣсколько лѣтъ? Невозможно это. Что касается большинства женщинъ, увлекающихся страстно, влюбляющихся до неистовства,

Болѣе или менѣе надолго, то онѣ просто превращаютъ свою жизнь въ романы. Герои у нихъ разные, обстоятельства и приключенія—непредвидѣнны и измѣнчивы, развязки—не одинаковы. Для женщинъ это занимательно и весело,—я признаю это, потому что волненія начала, середины и окончанія возобновляются каждый разъ. Но когда наступаетъ конецъ, тогда и конецъ... для него... Вы меня понимаете?

— Да, въ этомъ есть правда. Но я не знаю, къ какому вы клоните выводу?

— Вотъ къ какому: нѣтъ такой страсти, которая могла бы продержаться очень долго,—я говорю о страсти жгучей и мучительной, какъ та, отъ которой вы и теперь еще страдаете. Это кризисъ, который я... своею сухостью и неспособностью къ нѣжности сдѣлала для васъ тяжелымъ, очень тяжелымъ,—я это знаю и чувствую это. Но кризисъ этотъ минуетъ, такъ какъ не можетъ онъ длиться вѣчно.

Она смогла, онъ тревожно спросилъ:

— И тогда?

— Тогда,—я полагаю, что для такой разсудительной и спокойной женщины, какъ я,—вы можете стать самымъ желаннымъ любовникомъ потому, что вы человекъ съ большимъ тактомъ. За то вы были бы отвратительнымъ мужемъ. Впрочемъ, хорошихъ мужей не бываетъ и быть не можетъ.

Удивленный и немного обиженный, онъ сказалъ:

— Для чего удерживать любовника, котораго вы не любите или перестали любить?

Она возразила горячо:

— Я люблю по-своему, другъ мой. Я люблю сухо, но я люблю.

— Въ особенности же вамъ нужно, чтобы васъ любили и выказывали это,—проговорилъ онъ печально.

— Это правда,—согласилась она.—Я обожаю это. Но моему сердцу, кромѣ того, нуженъ тайный другъ. Моя тщеславная страсть къ открытымъ ухаживаньямъ не мѣшаетъ мнѣ оставаться преданною и вѣрною и думать, что я сумѣю выдѣлить на долю одного нѣчто такое, задушевное, чего не получить никто другой: мое честное расположеніе, искреннюю привязанность моего сердца, право всецѣло и въ тайнѣ раскрывать всю мою душу, и — въ замѣну этого—получать отъ него, вмѣстѣ со всею нѣжностью любящаго человека, столь рѣдкое и сладкое сознаніе, что я не одинока. Это не любовь, какъ вы ее понимаете; но, вѣдь, чего-нибудь и это стоитъ.

Онъ наклонился къ ней, дрожа отъ волненія, и прошепталъ:

— Вы хотите, чтобы я былъ этимъ человѣкомъ?

— Да, потому, нѣсколько позднѣе, когда стихнуть ваши мученія. А пока рѣшитесь терпѣливо, отъ времени до времени, немного пострадать изъ-за меня. Это пройдетъ. Такъ или иначе, вы все равно страдаете. Лучше пусть это будетъ близъ меня, чѣмъ вдали отъ меня. Не правда ли?

Своею улыбкой она, казалось, говорила ему: «Ииѣйте же хоть немного довѣрія ко мнѣ». И, видя его замирающимъ и трепещущимъ отъ страсти, она всѣмъ тѣломъ своимъ ощущала блаженное состояніе полной удовлетворенности такого счастья, какое испытываетъ ястребъ, когда схватываетъ беззащитную добычу.

— Когда вернетесь?—спросила она.

Онъ отвѣтилъ:

— Хоть... завтра.

— Хорошо, завтра. Обѣдать вы будете у меня?

— Да.

— А мнѣ надо уѣзжать скоро,—сказала она, взглядывая на часы, скрытые въ ручкѣ ея зонтика.

— О, зачѣмъ такъ скоро?

— Затѣмъ, что надо поспѣть къ пятичасовому поѣзду. У меня обѣдаетъ нѣсколько человѣкъ: княгиня Мальтенъ, Бернгаузъ, Ламартъ, Массиваль, Мальтри и еще одинъ новенькій, г. де-Шарленъ, путешественникъ, только что вернувшійся изъ самой глубины Камбоджи послѣ чуднаго путешествія. Теперь только о немъ и говорятъ.

Сердце Мариоля на мгновеніе сжалось. Каждое изъ этихъ именъ причиняло ему боль, точно жала ось, каждое содержало въ себѣ ядъ.

— И такъ, — сказалъ Мариоль, — вы хотите ѣхать сейчасъ. Часть дороги лѣсомъ мы могли бы проѣхать вмѣстѣ.

— Очень рада. Только дайте мнѣ сперва чашку чая и немного поджареннаго хлѣба.

Когда надо было подавать чай, оказалось, что Елизавета куда-то исчезла.

— Она вышла со двора,—сказала кухарка.

Г-жа де-Бюрнъ не обратила на это никакого вниманія. На самомъ дѣлѣ, могла ли теперь внушать ей опасенія какая-нибудь горничная?

Потомъ они сѣли въ дождавшееся у подъезда ландо и Мариоль

приказалъ кучеру ѣхать дальнею дорогою, пролегающею мимо Волчьяго ущелья.

Экипажъ катился подъ высокими сводами деревьевъ, полнымъ тихой прохлады и нѣги соловьиныхъ пѣсенъ. Охваченная необъяснимымъ чувствомъ, вызываемымъ въ насъ могучею и таинственною красотою природы, мадамъ де-Бюрнъ проговорила:

— Боже! какъ хорошо здѣсь! Какъ дивно хорошо, легко, спокойно!

Она съ восторгомъ и волненіемъ вдыхала этотъ воздухъ, какъ жающійся грѣшникъ вслушивается въ слова отпущенія, проникаясь благоговѣніемъ и умиленіемъ. И она положила руку на руку Андрѣ.

А онъ думалъ: «А, да! природа... это опять Монъ-Сень-Мишель!...» — передъ его глазами пронеслось видѣніе поѣзда, мчащагося на всѣхъ парахъ къ Парижу.

Маріоль проводилъ ее до желѣзно-дорожной станціи. Разставаясь съ нимъ, Мишель де-Бюрнъ сказала:

— Завтра въ восемь часовъ.

— Завтра въ восемь часовъ, — повторилъ онъ.

Она уѣхала, сияя отъ удовольствія. И онъ вернулся домой въ ладо, довольный, очень счастливый, но, все-таки, не успокоенный, такъ какъ это былъ еще не конецъ.

Нужно ли еще бороться? Не въ силахъ онъ больше. Она привлекла его, какъ никто и ничто, непонятнымъ ему очарованіемъ. Бѣгство не избавляло отъ нея, не разлучало даже съ нею, а только невыносимо лишало ее, тогда какъ если ему удастся немного себя переломить, онъ получитъ отъ нея все, что она обѣщала, такъ какъ она никогда не лжетъ.

Лошади бѣжали рысью подъ деревьями, и онъ вспомнилъ, что во все это свиданіе съ нимъ ей ни разу не пришло на мысль, не промелькнуло въ ней желанія, хотя разъ одинъ, подставить ему губы для поцѣлуя. Она все такая же, никогда она не измѣнится, и всегда, быть можетъ, придется ему точно такъ же страдать отъ нея. Воспоминаніе о пережитыхъ уже имъ тяжелыхъ часахъ, о тщетныхъ ожиданіяхъ, съ горькою увѣренностью въ невозможности когда-либо расшевелить ее чувство, снова сжимали его сердце предчувствіемъ и опасеніемъ предстоящихъ усилій и подобныхъ же неудачъ. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился лучше все перенести, чѣмъ еще разъ потерять ее.

То бѣшенство, которое онъ часто испытывалъ, возвращаясь одинокимъ изъ Отѣйя, уже начинало подступать съизнова и тре-

петомъ охватывало его тѣло, какъ вдругъ мысль объ ожидающей его Елизаветѣ, такой свѣженькой, молоденькой и хорошенькой, не знающей мѣры любви и счета поцѣлуньямъ, сразу утишила его волненіе. Еще нѣсколько минутъ, и онъ будетъ сжимать ее въ своихъ объятіяхъ, закрывши глаза, обманывая самого себя, какъ обманываютъ другихъ, въ сладкомъ опьяненіи сольеть воедино ту, которую любить, съ тою, которая любитъ его, и объ будутъ принадлежать ему. Въ эту минуту она, несомнѣнно, правилась ему, онъ любилъ ее тою благодарною привязанностью тѣла и души, которую вызываютъ въ человѣкѣ-животномъ возбужденная имъ страсть и общность наслажденій. Не станетъ ли эта обольщенная имъ дѣвочка для его бесплодной и иссушающей любви маленькимъ ключомъ живой воды, найденнымъ на вечернемъ привалѣ и поддерживающимъ бодрость путника надеждою утолить жажду послѣ томительнаго перехода по пустынѣ?

Но когда онъ вернулся домой, то оказалось, что молодая дѣвушка еще не вернулась. Мариоль встревожился, испугался и спросилъ у другой служанки:

— Вы увѣрены въ томъ, что она ушла изъ дома?

— Да, мосье.

Онъ вышелъ тоже въ надеждѣ встрѣтить ее. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ и не доходя еще до поворота въ улицу селенія, Мариоль увидалъ на небольшомъ возвышеніи старую церковь, широкую и низкую, съ приземистою колокольною. Какое-то предчувствіе заставило его направиться къ церкви. Кто знаетъ, какія необычныя догадки могутъ зарождаться въ сердцѣ женщины? Что она подумала, что поняла? И куда она могла скрыться, какъ не сюда, если передъ ея глазами промелькнула тѣнь правды?

Наступалъ вечеръ, и въ церкви было уже темно. Только маленькая лампада, висящая на шнурѣ, слабо освѣщала ликъ Божественнаго Утѣшителя надъ алтаремъ. Мариоль прошелъ неслышными шагами между двухъ рядовъ скамей. Подойдя къ хорамъ, онъ увидалъ стоящую на колѣняхъ женщину съ закрытымъ руками лицомъ. Онъ приблизился къ ней, узналъ ее и тронулъ за плечо. Они были одни.

Она сильно вздрогнула и подняла голову. Она плакала.

— Что съ вами?—сказалъ онъ.

Она прошептала:

— Я все поняла. Вы здѣсь потому, что отъ нея страдали. Она за вами пріѣзжала.

Онъ заговорилъ, взволнованный тѣмъ горемъ, которое причинялъ въ свою очередь:

— Ты ошибаешься, милая. Я дѣйствительно хочу вернуться въ Парижъ, но и тебя увезу съ собой.

Она недовѣрчиво повторила:

— Неправда это, неправда!

— Клянусь тебѣ.

— Когда же?

— Завтра.

Она снова зарыдала, изъ ея груди вырвался стонъ: «Боже мой! Боже мой!»

Маріоль взялъ ее за талию, поднялъ, вывелъ изъ церкви и въ сумракъ наступавшей ночи спустился съ нею съ холма. У берега рѣки онъ посадилъ ее на траву и сѣлъ рядомъ съ нею. Онъ слышалъ, какъ бьется ея сердце, какъ прерывисто ея дыханіе, и, подаваясь угрызениямъ совѣсти, привлечь ее къ себѣ, тихо сталъ говорить такія нѣжныя слова, какихъ она до тѣхъ поръ отъ него не слыхала. Растроганный жалостью и отуманенный близостью къ ней, онъ почти не лгалъ и не обманывалъ ее. И самъ онъ удивлялся тому, что говорилъ и чувствовалъ, самъ былъ не въ состояніи уяснить себѣ, какъ могъ онъ, — изнывая отъ любви къ той, чьимъ рабомъ становился навсегда, — трепетать отъ страсти и волненія, утѣшая эту бѣдную, любящую его дѣвочку?

Онъ обѣщалъ очень любить ее, — не говорилъ коротко и просто: «любить», — обѣщалъ нанять ей хорошенькую квартиру съ красивою обстановкой настоящей «дамы», дать ей для услугъ горничную. Слушая его, она утихала, успокаивалась понемногу, вѣрила, что онъ не обманываетъ, понимала, по тону голоса, что онъ говорить искренно. Убѣжденная, наконецъ, и ослѣпленная перспективой стать въ свою очередь дамой, — этою вѣчною мечтой дѣвочки, рожденной въ нищетѣ, — бывшая трактирная служанка, неожиданно сдѣлавшаяся настолько близкою богатому и милому человеку, совсѣмъ опяняла отъ жажды роскоши, отъ благодарности и гордости, смѣшавшихся съ ея любовью къ Андрѣ.

Обвившись руками вокругъ его шеи и покрывая его лицо поцѣлуями, она шептала:

— Я такъ люблю васъ! Кромѣ васъ, въ сердцѣ нѣтъ ничего!

Увлеченный нѣжностью, онъ ласками отвѣчалъ на ея поцѣлуи и тихо повторялъ:

— Милая, милая дѣвочка!

Она уже почти забыла о появлении незнакомой дамы, только что причинившей ей такъ много горя. Въ ней, однако, не совсѣмъ еще улеглась бессознательная тревога сомнѣнн, и ласкающимся голосомъ она спросила:

— Правду, правду скажите, вы будете любить меня, какъ здѣсь?

Онъ смѣло, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Буду любить тебя, какъ здѣсь.

М. Р.

Молчаніе.

Когда тоска тебѣ сжимаетъ грудь
И полонъ ты душевнаго страданья, —
Въ людской средѣ излей кому-нибудь
Всю горечь думъ, всѣ тайныя желанья.
Найдется другъ, участія добрый взглядъ,
Сочувствія ласкающее слово
Твою печаль, быть можетъ, исцѣлятъ,
И съ жизнію ты примиришься снова.
А если нѣтъ сочувственныхъ друзей,
То пѣснею сердечной, вдохновенной
Въ пустынѣ ты страданія излей,
Въ тиши, вдали отъ суетной вселенной.
Тогда рыдай въ невѣдомой глуши,
Найди въ мольбѣ отраду утѣшенья.
Но если скорбь тоскующей души
И тайныя гнетущія мученья
Ты ни друзьямъ не можешь передать,
Ни вылить въ пѣснь, въ молитву, либо въ звуки
Нѣмую скорбь, — какъ должець ты страдать
Подъ бременемъ своей безмолвной муки!...

Л. Пальминъ.

ПАВЛОВСКІЕ ОЧЕРКИ *)

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

И з ъ п р о ш л а г о .

I.

Легенды о благодѣтельныхъ скупщицахъ.

Мы видѣли, какъ сказочникъ Аверьянъ объяснялъ происхожденіе скупщицкаго сословія: первый огонекъ въ первомъ скупщицкомъ подвалѣ зажженъ лукавымъ врагомъ человѣческаго рода, заводчикомъ всякой смуты, который теперь, въ холодныя зимнія утра, послѣ воскресенья, простираетъ надъ скупкой свои темныя крылья, смотритъ на смятенныя павловскія улицы, на которыхъ нечется испуганный народъ, на огни у входовъ въ подвалы, слушаетъ взаимныя погоры и проклятья, любитъся дѣломъ жадности, вражды и раздора, плодами своей хитрой выдумки. А надоѣсть на улицы любоваться — взмахнетъ лукавый темными крыльями, летитъ на Троицкую, на Семенову гору, гдѣ въ домахъ тускло свѣтятся всю ночь огоньки, гдѣ напуганныя бабы ожидаютъ мужей, гдѣ у домовъ благодѣтелей-закладчиковъ дрожатъ заложенные дѣти...

Конечно, это только сказка, а кто же теперь вѣритъ сказкамъ? Очевидно, дѣло должно было происходить какъ-нибудь проще.

Одинъ павловскій старожилъ, человѣкъ, стоящій по уму и развитію выше кустарной массы, рассказывалъ мнѣ эту исторію иначе, болѣе реально:

— Былъ въ давние годы въ Павловѣ Бѣлозеровъ, знаменитый по округѣ боецъ *). А въ то время въ Павловѣ жили свободно, больше достатковъ было и веселились больше, утѣшаясь кочетинными да кулачными боями. А за замками покупатели набъжали изъ

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) „Боецъ“, — особенность павловскаго говора.

Москвы да изъ другихъ мѣсть сами, замогъ въ цѣнѣ былъ, мастерамъ покупатели кланялись: придеть, бывало, купецъ къ хорошему мастеру, пожалуйста, моги, сдѣлай ножей или замочковъ. «А сколько тебѣ, добрый человекъ, надобно?» — «Да дюжинъ, что ли, хоть двадцать». — «Что больно много? Будеть тебѣ половину, — другимъ тоже нажить сколь-нибудь надобно...» Вотъ какъ тогда разговаривали мастера-то. Такъ вотъ наѣзжали московскіе купцы въ Павлово, хлѣбъ-соль съ мастерами водили, игры-забавы смотрѣли, а пуще всего кулачные бой уважали. Любить московскій купецъ хорошую «стѣнку». Вотъ и замѣтили они того Бѣлозерова и возлюбили. Стали его въ Москву выписывать, тамъ на Москвѣ-рѣгѣ онъ своими кулачищами народъ удивлялъ, деньгами много награждали, а потомъ одинъ, Егоровъ-купецъ, и научилъ купеческаго любимца: покупай павловскій товаръ, да вози сюда. Онъ и сталъ — до француза еще было дѣло — товаръ скупать. А послѣ француза, какъ стала Москва заново строиться да обзаводиться, тутъ дѣло у того бойца пошло вширь... За нимъ кинулись другіе... И долго фамилія Бѣлозеровыхъ стояла во главѣ павловской скупки...

Въ этомъ разсказѣ, какъ видите, роль лукаваго заводчика приписывается московскому купцу. Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ того, какъ одинъ за другимъ загорѣлись скупщицкіе огни, почувствовали павловцы, что гдѣ-то и въ чемъ-то дали они крѣпкаго маху. Исчезъ отъ ихъ глазъ покупатель, пересталъ появляться въ Павловѣ, заслонили его стѣной свои доморощенные «скупщики», и быстро надъ деревянными домами поднялись ихъ каменные палаты.

И закипѣли въ Павловѣ рознь и вражда...

Завозилась и затормошилась кустарная масса, какъ конь, на котораго усѣлся назойливый оводъ. А тутъ пожаръ отъ мелкихъ искръ, разлетѣвшихся съ Семеновой горы, разливался все шире и шире, ставились горны, укрѣплялись тиски и пилы заводи́ли свою скрипучую пѣсню по деревнямъ, по селамъ, по мелкимъ поселкамъ. Забыли кустари то время, когда покупатели наѣзжали къ нимъ, и кланялись, и просили. Теперь сами они слетались уже на огни скупщиковъ, какъ слѣпныя мухи на пламя свѣчки...

И всѣ свои невзгоды они олицетворили въ скупщикѣ. Далекій рынокъ, съ его мѣняющимися настроеніями, съ его колеблющимся спросомъ, безличный, безстрастный и стихійный, какъ океанъ, исчезъ отъ глазъ, между нимъ и кустарнымъ селомъ стала фигура своего шабра, скупщика, юркаго, пронырливаго, вѣчно насторожѣ, готоваго воспользоваться малѣйшимъ промахомъ, неудачей, нуж-

дой... Онъ явился для Павлова представителемъ, и представителемъ совершенно достойнымъ, того процесса російской коммерціи, которая давно уже выработала извѣстное правило: «не обманешь — не продашь».

И не разъ кустарная масса пыталась избавиться отъ этого со-суна, чувствуя, что тамъ, назади, гдѣ-то недалеко, оставлена какая-то возможность иного «мірскаго» уклада. Такъ, порой, когда дорога впереди становится все уже и неудобнѣе, сбившійся путникъ смутно вспоминаетъ, что недавно было распутье, и начинаетъ догадываться, что онъ выбралъ не то направленіе. Но вернуться уже трудно... Масса темна, мудрено ли, что всѣ свои бѣды безъ исключенія она тотчасъ же олицетворила въ ближайшей фигурѣ скупщика.

На берегу Оки, спускаясь своимъ грузнымъ подношьемъ къ самой водѣ, стоитъ огромное бѣлое зданіе, состоящее изъ двухъ корпусовъ, связанныхъ поперечною галлереей. Балконы этого дома свѣсились на рѣку, а нижняя часть безъ оконъ, съ тяжелыми воротами, приспособлена какъ будто къ защитѣ отъ какихъ-то нападений, можетъ быть, отъ нападений весенняго половодья, когда волны буйно плещутся въ стѣны, а, можетъ быть, и отъ чего другаго... Отъ зданія вѣетъ стариной, грузною основательностью, презрѣнїемъ къ пустымъ украшениямъ и какою-то мрачною опасливостью... Не строить теперь такихъ палатъ павловскіе богачи, и старинное хмурое зданіе какъ будто посмѣивается надъ вычурною претенціозностью сосѣднихъ новѣйшихъ построекъ съ башенками и лѣпными гарнизамы.

Теперь павловскіе старики смотрятъ на эту старинную хоромину и вздыхаютъ, а было время, когда вокругъ этого дома кипѣли ожесточенныя страсти и онъ буквально находился въ осадѣ. Это была своего рода скупщицкая твердыня, и ярость «бѣдноты» не разъ хлестала въ нее пуще весеннихъ окскихъ разливовъ...

Это — акиѣевскія палаты. Богаты и славны были Акиѣевы и высились надъ всѣми остальными богачами, какъ высится теперь надъ селомъ ихъ старинное жилище. Много молотковъ стучало, много работало горновъ, и пилъ, и рукъ мастерового народа, созидая это богатство. По Павлову и окрестностямъ, говорятъ, ходили даже акиѣевскія деньги, и не поминаютъ теперь стариковъ Акиѣевыхъ иначе, какъ добрымъ словомъ: «Вотъ были скупщики, вотъ были коренные благодѣтели народу!» При комъ стояли высокія цѣны? — при Акиѣевыхъ. Бѣто расплачивался съ мастерами, не утягивая трудовыхъ копѣекъ? — Акиѣевы! Бѣто помогалъ въ нуждѣ мастерамъ, «подошедшимъ», какъ говорятъ въ Павловѣ, отъ бо-

лѣзни, пожару или иного невзгодья?—все они же, Акиѣевы! Когда въ голодный годъ торговцы хлѣбомъ ставнулись и подняли цѣну на муку до рубля 15 копѣекъ, Акиѣевы выписали изъ дальнихъ мѣстъ огромную партію хлѣба и пустили ее на базаръ. Акиѣевы рубль—и торговцы, хочешь не хочешь, до рубля подаются. Акиѣевы 85, торговцы тоже 85. Догналъ старикъ такимъ способомъ цѣну до шести гривенъ. «Ну, молъ, теперь, ребята, сами покупайте».

Вотъ какими рисуетъ Акиѣевыхъ народная память, когда Акиѣевы отодвинулись въ прошлое.

На Троицкой кручѣ, которую я описывалъ уже въ началѣ моихъ очерковъ, нѣсколько разъ впоследствии приходилось мнѣ сидѣть въ тихіе вечера со стариками-мастеровыми. Съ Троицкой кручи хорошо смотрѣть на село, и на рѣку, и на дальнія села, и на сивіе лѣса, дремлющіе въ дальнихъ туманахъ... Хорошо отсюда старикамъ смотрѣть своими тусклыми глазами и вглубь воспоминаній. И, прежде всего, эти воспоминанія останавливаются на бѣломъ акиѣевскомъ доиѣ.

— Выйдетъ, бывало, старикъ-отъ на крылецъ, на ту вонъ галдарейку, что надъ водой свѣсилась,—выйдетъ Божій старичокъ раннимъ утречкомъ... А вдоль по берегу, вонъ туда далеко, до самой Дальней кручи все его полѣнницы дровъ лежали... «Погляди, говорить, Аннушка,—а хозяйку его Анной Митревной звали,—погляди: вонъ птички Божьи мою пшеничку клюютъ». Хе-хе-хе! Птички-то Божьи—то людишки, бѣднота павловская дровишки у него грѣшнымъ дѣломъ потаскиваетъ. Ничего! Только съ телѣгой не ѣзди, а на рукахъ уволочи не препятствовалъ... Птички, говорить, небесныя...

А, между тѣмъ, когда Акиѣевы были для Павлова не прошедшимъ, которое какъ-то всегда (такова ужъ перспектива человѣческихъ воспоминаній) прикрывается розовою дымкой, а живымъ настоящимъ, не было фигуры ненавистиѣ, не было зданія, которое павловцы разнесли бы съ такимъ удовольствіемъ, какъ акиѣевскія палаты... Жаль, что у насъ на Руси прошлое такъ быстро исчезаетъ изъ глазъ и стирается въ памяти. Теперь только смутные обрывки устныхъ преданій объ этой борьбѣ, первой борьбѣ кустарной массы съ первымъ напластываніемъ скупщицкаго сословія, носятъся въ туманѣ прошлаго... А, между тѣмъ, было это не такъ давно: не далѣе тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Однако, все же сохранились еще нѣкоторые эпизоды этой исторіи павловскаго раздора. Вспоминаютъ старики о томъ, какъ Флягинъ, Черниковъ, Цвѣтовъ и еще нѣсколько павловцевъ, наиболѣе рѣ-

шительныхъ представителей бѣдности, во главѣ съ умнымъ и на-стойчивымъ Капустинымъ, дерзновенно ворвались въ акиѣевскія палаты, вымѣряли всѣ стѣнки, описали мебель, имущество и промысла всѣхъ богачей, и представили все это въ помѣщичью контору, самымъ обнаруженіемъ нажитого скупкой богатства обличая преступленія скупщиковъ противъ павловскаго міра. Было это во времена крѣпостнаго права. Намъ теперь чужды уже и непонятны нѣкоторыя формы тогдашней мысли и основы крѣпостнаго правосудія. Говорятъ, однако, что помѣщикъ убѣдился этими своеобразными воплями оскорбленнаго міра и Акиѣевымъ, Балашевымъ, Емельяновымъ, Рябининимъ грозила бѣда, если бы не заступилась контора, этотъ крѣпостной «приказъ», какъ всѣ приказы склонный къ краснорѣчивому звону червонцевъ, принявшій богатую мзду съ великою готовностью. Дѣло на этотъ разъ повернулось на сторону богатѣевъ, а семеро самовольныхъ приставовъ, производившихъ «буйственнымъ и непорядочнымъ обычаемъ» опись, попали даже въ арестантскія роты.

Но примѣръ былъ показанъ, и если буйная волна, сразу хлещущая такъ раскатисто и задорно, отпрянула отъ утрюмой скупщицкой твердыни, то теперь на нее двинулась другая. Эта была спокойнѣе, ровнѣе, тише и подкатилась незамѣтно, но за то вѣрнѣе...

На этотъ разъ за Акиѣевыхъ принялись другіе слои павловскаго общества. Это были тѣ слои, которые лежали непосредственно подъ Акиѣевыми и потому ближе всѣхъ, если не всѣхъ больнѣе, ощущали давленіе громаднаго акиѣевскаго капитала. Это были крупные мастера и богатые торговцы, остававшіеся крѣпостными, а значить и членами павловскаго міра, между тѣмъ какъ Акиѣевы давно выкупились и приписались къ нижегородскому купечеству. Можетъ быть, тутъ были и тѣ самые торговцы мукой, съ которыми боролись Акиѣевы, можетъ быть, просто маленькіе капиталы рвались на просторъ изъ-подъ давленія крупныхъ, какъ бы то ни было, новые враги Акиѣевыхъ соединились съ бѣднотой, взяли на себя ея дѣло. А такъ какъ, сложившись, они могли также представить кое-что и помѣщичьему «приказу», то новая волна, тихо подтачивавшая скалу акиѣевскаго могущества, наконецъ, въ свою очередь грянула въ твердыню своимъ прибоемъ.

И пошли по Павлову новые раздоры, забухало кустарное село новымъ междоусобіемъ. Акиѣевскія палаты представляли изъ себя нѣчто вродѣ уединеннаго форта въ обширномъ городѣ, занятъ томъ непріателемъ, а такъ какъ стоялъ онъ на купленной землѣ,

то павловскій міръ рѣшилъ: лишить скупищиковъ воды и не подпускать никого изъ палатъ къ берегу... Взвыли Акиѣевы, взвыли сродники ихъ Долгановы, и Рябинины, и Емельяновы, а міръ, подбиваемый Бѣлозеровыми, Личновыми, Калякиными, стоялъ на своемъ: вдоль берега Оки разставлены были міряне съ крѣпкими дубинами и гоняли отъ воды скупищичихъ людишекъ. Присмирѣли богатые палаты. Темною ночью, украдучись, ползкомъ пробирались ихъ клеветы съ кувшинами къ рѣкѣ и быстро убѣгали въ раскрытыя на тотъ случай ворота, спасаясь отъ преслѣдованій караульныхъ. Но воды, добываемой такимъ образомъ, не хватало. И вотъ надумали они отправлять свою бочку далеко, на Дальнія кручи, за границы села, гдѣ никто не въ правѣ былъ воспретить имъ подъѣздъ къ рѣкѣ. Тогда міръ рѣшилъ не допускать провозъ бочекъ по улицамъ. И вотъ, однажды, когда Долгановъ самъ везъ лагунъ воды для истомленныхъ жаждою своихъ домочадцевъ, павловцы напали на него, опрокинули лагунъ и вылили воду... Приведенный въ отчаяніе, Долгановъ кинулся на колокольню и ударилъ въ большой колоколь... И забухало Павлово сплошнымъ набатнымъ звономъ, и воплями скупищичихъ семей и ихъ приверженцевъ, и торжествующими криками скупищичихъ враговъ... Надѣялся, должно быть, Долгановъ поднять одну половину міра на другую, рассчитывая на тѣхъ, кого задабривали богачи подачками, ворованными дровишками и дешевымъ хлѣбомъ. Но напрасно гудѣлъ съ Троицкой кручи отлитый Акиѣевыми же колоколь, который и до сихъ поръ оглашаетъ окрестности своимъ грузнымъ, хотя и надтреснувшимъ голосомъ: по улицамъ бушевала враждебная гроза, а приверженцы—робкое меньшинство—оставались по большей части въ домахъ.

И вотъ, въ сороковыхъ годахъ, наконецъ, сломилось акиѣевское могущество. Уступили необходимости первые скупищики и такъ называемые «кушцы» покинули или, вѣрнѣе, были выселены изъ Павлова. Уѣхали Акиѣевы и ихъ сродники, а на прощаніе Емельяновъ сказалъ павловцамъ:

— Вспомните насъ, дураки! Для этого дѣла нужны руки, да головы, да еще капиталы. Руки у васъ остаются, а головы и капиталы унесемъ мы съ собою изъ вашего села въ другія мѣста.

И увезли. Вздохнули павловскіе міряне, сваливши съ міра одинъ скупищичій наростъ, но не надолго. Замки и ножи надо было, все-таки, продавать, а рынокъ, разросшійся широко, какъ море, былъ незнакомъ и далекъ отъ павловцевъ, такъ же, какъ море. И тотчасъ изъ среды того же міра, какъ смывы изъ-подъ омытой грозой

почвы, поднялся на очищенномъ мѣстѣ новый скупщицкій на-ростъ.

Увидали павловцы, что опять дали крѣпкаго маху, — промѣня-ли кукушку на ястреба. Пустяки, должно быть, рассказываютъ старики о необычайныхъ акиѣевскихъ добродѣтеляхъ. Недаромъ мѣръ ярился противъ нихъ, несмотря на подачки, а ворованныя дровишки да подачки со стола богачей, все-таки, и развращали, и жгли рабочія руки... Но все же Акиѣевы были уже сыты. А те-перь на ихъ мѣстѣ закипѣла жадная, неотъѣвшаяся еще толпа, освобожденная отъ акиѣевской конкуренціи и принявшаяся за то же дѣло. Далеко назади осталось распутье, гдѣ еще была воз-можность сохранить цѣльность мѣрскаго уклада. Взялъ себѣ пав-ловскій мѣръ молотокъ, да тиски, да тѣсную мастерскую, и куѣтъ кустарь, и рубить, и строгаеть, и слаживаеть замокъ за замкомъ отъ зари до глубокой ночи... А широкій, далекій, разнообразный бѣлый свѣтъ, съ разными городами и селами, съ разными народа-ми, онъ выпустилъ изъ виду. И теперь, какъ говорилъ Аверьянъ, куда этотъ замокъ пошлеть, въ какія земли, къ какимъ наро-дамъ, про то не знаетъ павловскій кустарный мѣръ и не вѣдаетъ. Стало это не мѣрскимъ дѣломъ, очутилось это во враждебныхъ скупщицкихъ рукахъ, и только другіе скупщики выросли новою стѣной на мѣстѣ прежнихъ... И стало надъ кустарнымъ миромъ по писанію: «быша имъ послѣдняя горше первыхъ».

И забухало Павлово новою уособицей и новою враждой. А такъ какъ къ тому времени, вдобавокъ, кустарный пожаръ разлился еще шире и въ разныхъ городахъ замокъ столкнулся съ замкомъ, и ножъ встрѣтился съ ножомъ, и стало имъ все тѣснѣе, то кустарь эту усилившуюся невзгоду опять отнесъ цѣликомъ насчетъ новой перемѣны. И опостылѣли кустарю новые богатѣи пуще прежнихъ, а къ прежнимъ несутся теперь его сочувственные вздохи... «Вотъ были коренные благодѣтели!...»

Порой, тайнымъ обычаемъ, на баркахъ или санихъ съ това-ромъ прокрадывались въ Павлово павловскіе изгнанники-скупщи-ки. Нѣкоторые древніе старики вспоминаютъ еще и теперь, какъ въ молодые ихъ годы ходили по домамъ акиѣевскіе клеветы и тихо, озираясь, повѣщали бѣдноту, что пріѣхалъ Николай или Ва-сильій Алексѣевичи, — шли бы, украдучись, ночью, къ акиѣевскимъ палатамъ. Брала тогда бабы или подростки саночки и, будто за да-ровыми дровишками или щепой, прокрадывались къ рѣгѣ. Тутъ, на льду, межъ пустыми зимующими барками, какъ воры или контра-бандисты, прикрывъ огни рогожами, чтобы не выдалъ ихъ трепет-

ный лучъ свѣта, принимали бывшіе владыки павловскаго рынка—замени и ножи, прибавляя противъ цѣнъ, уставленныхъ новыми скушниками. И кустари кланялись и вздыхали, проклиная смутьяновъ, что подбили миръ промѣнять кузусекъ на ястребовъ.

И пуце закипала вражда въ кривыхъ улицахъ и по кручамъ горъ, обглѣпленныхъ «собственными» домами бѣдноты... Нигдѣ въ такой мѣрѣ не сохранился прежній характеръ нашихъ старинныхъ городовъ и пригородовъ, какъ въ этомъ кустарномъ селѣ, чѣмъ-то древнимъ вѣетъ на васъ въ этихъ узкихъ и кривыхъ улицахъ, отъ этихъ мрачныхъ палатъ, отъ этого рѣзкаго дѣленія на «бѣдноту» и «богатѣвъ», которое вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу. Такъ и казалось мнѣ, когда я входилъ въ первый разъ въ широкіа ворота постоялаго двора или проходилъ по узкимъ улицамъ села, провожаемый подозрительно-пытливыми взглядами, что я попалъ въ семнадцатое или даже шестнадцатое столѣтіе... Такъ и ждешь, что вотъ сейчасъ загудитъ набатный колоколъ и подымется «конецъ» на «конецъ», улица на улицу, гора на гору...

Настоящая старина, съ ея родными принадлежностями: голытьбой и богачами, семейнымъ самодурствомъ и домостроевскимъ укладомъ, съ наивно-грабительными приемами торгоа и даже съ кабалой... «Золожимъ женъ и дѣтей нашихъ...»

Только та старина была своевременна и законна. Это была, такъ сказать, старина свѣжая. А въ Павловѣ вы увидите старину залежавшуюся, затхлую, сохранившуюся какимъ-то случаемъ въ затѣненной ямѣ. Порой кажется, что это—нѣчто такое, чему давно слѣдовало умереть. Недаромъ же съ павловской улицы нижегородская виноторговля кажется чѣмъ-то вродѣ свѣтлаго явленія.

Правда, можетъ быть, въ этомъ есть свои выгоды. Кому не хотѣлось бы вернуться къ прошлому, кто не думалъ о томъ, какъ хорошо можно бы повести жизнь съ такого-то пункта. Не все плохо и въ старинѣ. Старина—это молодость времени. Сохранить то, что было хорошо въ этой молодости, упразднить, что въ ней ошибка и гибель,—это ли не задача?... И это именно коренная задача того, что мы называемъ кустарнымъ вопросомъ...

Кто это сдѣлаетъ? Какъ это сдѣлать?

.....
 Не мнѣ отвѣчать на эти вопросы. Я возвращаюсь опять къ своему разсказу, причемъ мнѣ придется остановиться еще на нѣсколькихъ эпизодахъ изъ прошлаго.

А тамъ—я представлю вамъ самую настоящую дѣйствительность. Пусть прошлое почти всегда нѣсколько романтично, пусть

въ будущемъ почти всегда дремлютъ утопіи. Безъ этого романтизма и безъ этихъ утопій иная настоящая минута можетъ показаться вѣчной, а при этомъ условіи дѣйствительность порой можетъ представиться поистинѣ непереносной.

II.

Изъ новой исторіи.

Да, была послѣдняя павловцамъ горше первыхъ!

Новые скупщики были плотью отъ павловской плоти и костью отъ павловскихъ костей; вдобавокъ, они плотно примкнули къ вотчинной конторѣ. Нельзя уже было обмѣрять ихъ дома, врываясь къ нимъ буйственнымъ обычаемъ, нельзя было лишить ихъ воды, нельзя было выслать ихъ изъ Павлова.

И павловское буханье поневолѣ затихло. Богатые привыкали къ покорности бѣдности, къ безконтрольному управленію дѣлами, къ прижимкѣ непокорныхъ посредствомъ вотчинной конторы, старостъ и нарядчиковъ. Глухая ненависть уходила въ глубь, накипая и ожидая своего ослушного часа. А широкій міръ, дальніе и ближніе рынки становились отъ кустарнаго міра все дальше и дальше.

Но вотъ пришли шестидесятые года: приближалась воля.

Въ одной изъ узкихъ павловскихъ улицъ, позади собора и вараыпаевскихъ палатъ, построенныхъ въ «патріотическомъ» стилѣ послѣдняго времени и украшенныхъ золотыми орлами, есть небольшой каменный домикъ, старинной, грузной и основательно-неуклюжей стройки, съ деревяннымъ флигелемъ на улицу. Совершенно случайно пришлось мнѣ узнать, что этотъ домикъ, ничѣмъ особеннымъ не выдающійся въ глаза, отличающійся одинаково какъ отъ претенціозныхъ «палатъ» богачей, такъ и отъ деревянныхъ лачугъ кустарной массы, игралъ когда-то въ исторіи Павлова хотя не громкую, но своеобразную роль.

На стѣнѣ во флигелѣ, гдѣ теперь живетъ вдова его бывшаго владѣльца, умершаго въ 1879 или 80-мъ году, виситъ его портретъ: чрезвычайно интеллигентное лицо, мыслящій взглядъ, черты мягкія и нѣсколько расплывчатыя, — такова была наружность павловскаго крѣпостнаго крестьянина Елагина. На полкахъ, покрытыя пылью, лежатъ его книги. Я развернулъ нѣсколько изъ нихъ, — это были: *Новая Элоиза*, *Духъ законовъ*. А на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ Елагина, среди старинныхъ гравюръ, изображающихъ эпизоды изъ *Павла и Виргиніи*, висѣлъ прекрасно исполненный портретъ Роберта Оуэна...

Жаль, что своеобразная исторія этого крестьянина кустарнаго села, читавшаго Руссо и Вольтера, преклонявшагося передъ Оуэномъ, уходитъ отъ насъ, какъ и многое, и какъ-то сразу покрывается полнымъ мракомъ. Его бумаги, которыхъ было много, разошлись, какъ вѣзетъ, по лавкамъ, съ вѣсовымъ хлѣбомъ и се-ледками, его сынъ уѣхалъ куда-то въ Америку и тамъ умеръ... И память его живетъ еще только въ сердцѣ простой малограмотной женщины, которая вышла за вдовца Елагина еще очень молодой и теперь среди нужды тяжелыхъ будней съ грустью и нѣкоторымъ благоговѣніемъ вспоминаетъ о томъ, что цѣлая полоса ея жизни прошла рядомъ съ другою жизнью, непонятною и далекою отъ ея настоящаго.

Просты, безхитростны и слишкомъ скудны ея рассказы. Я узналъ изъ нихъ, что у Елагина былъ въ Павловѣ кружокъ единомышленниковъ, съ которыми онъ дѣлился, въ глухую полночь крѣпостнаго рабства, своими знаніями, своими мечтами о волѣ. Что они уходили изъ Павлова, съ его бурмистрами и ненавистною, подозрительною вотчинною администраціей, на дальнія кручи, въ лѣса и овраги, окружавшіе Павлово, — и кручи, лѣса и овраги слышали страстныя, запрещенныя рѣчи. Здѣсь они читали и обсуждали первыя вѣсти о волѣ, занимавшейся дальнимъ еще разсвѣтомъ надъ Россіей. На Руси давно уже пѣли пѣтухи и занималась заря, но въ павловской глухой ямѣ стояла еще тьма и самыя газеты считались чѣмъ-то предосудительнымъ и запрещеннымъ.

Но воля, все-таки, подошла, озарила недоумѣвающее Павлово, и Елагинъ вынулъ изъ тайниковъ свои книги, а его запрещенныя рѣчи стали раздаваться свободно. Въ маленькомъ бѣломъ домикѣ собирався теперь по вечерамъ небольшой елагинскій кружокъ, здѣсь обсуждались новые вопросы, вытекавшіе изъ новаго положенія, читались газеты... Свѣтъ изъ елагинскихъ оконъ свѣтилъ далеко за полночь на темную улицу, и долго, вызывая недоумѣніе въ запоздалыхъ прохожихъ, изъ-за тѣхъ же оконъ неслись неяснымъ жужжаніемъ горячіе споры. А на утро новыя вѣсти, новые взгляды и мнѣнія расходились по селу, возвѣщая о томъ, что старое кончилось...

Я узналъ отъ рассказчицы, что ближайшими членами елагинскаго кружка были, между прочимъ, Федоръ Михайловичъ Варыпаевъ и Николай Петровичъ Сорокинъ, два человекъ, которымъ вскорѣ суждено было занять очень видное мѣсто въ новѣйшей исторіи павловскихъ раздоровъ и павловскаго буханья, доставившей имъ всероссійскую извѣстность... тогда еще это были два единомыш-

ленника и друга, которымъ вскорѣ суждено было сдѣлаться смертельными врагами...

Это были двѣ прямыя противоположности. Федоръ Михайловичъ Варыпаевъ, членъ когда-то извѣстной въ Павловѣ, но потомъ обѣднѣвшей семьи, началъ карьеру за замочнымъ станкомъ, съ молоткомъ и пилою въ рукахъ. За одно съ бѣдотой онъ всю недѣлю стучалъ и пилилъ отъ зари до зари, а въ понедѣльникъ, съ кошелемъ за спиною, метался отъ прилавка къ прилавку, пробираясь къ огнямъ. Лукавый «заводчикъ», ширя въ темные часы надъ скупкой, видѣлъ въ толпѣ метавшихся людишекъ также и эту могучую фигуру и, сѣя сверху сѣмена ненависти и раздора, онъ не забылъ заронить ихъ и въ это могучее сердце. И сѣмена дали всходы: ненависть къ скупщикамъ осталась въ немъ на всю жизнь.

Въ то время, послѣ долгихъ лишеній, тяжелой борьбы, можетъ быть, униженій, Варыпаевъ пробился уже на дорогу. Благодаря уму, вкрадчивости и энергій, ему удалось сдѣлать для себя брешь въ скупщицкую стѣну и завязать непосредственныя сношенія съ Москвою. «Ахъ, подлецы, ахъ, подлецы!—говорилъ по этому поводу Бѣлозеровъ.—Этакъ они скоро съ Америкой пересылаются начнутъ!» Годы безмятежнаго господства приучили новыхъ скупщиковъ къ безпечному и невозмутимому пользованію своимъ положеніемъ. Посягательство Варыпаева они сочли поэтому посягательствомъ чуть ли не на божественный порядокъ.

Но дѣлать уже было нечего,—Варыпаевъ ускользнулъ отъ ихъ вліянія; его мастерская расширилась, разрослась въ фабрику; онъ вывелъ свою ладью на широкую воду и въ этой ладѣ увезъ съ собою на просторъ свою ненависть и стремленіе къ мести. Рослый, широкоплечій богатырь, онъ обладалъ неопредѣленнымъ, высматривающимъ и, въ то же время, ласкающимъ взглядомъ, изъ-за котораго порой только, точно изъ-за мглистой тучи, сверкала неожиданная молнія, и тихимъ, почти дѣтскимъ голосомъ, въ которомъ, однако, чувствовалась возможность угрожающихъ нотъ... Говорилъ онъ мало, сдержанно, неохотно.

Очень скоро кустарная бѣдота почувяла въ его сердцѣ отголоски своей ненависти и намѣтила его, какъ своего будущаго избранника.

Николай Петровичъ Сорокинъ, наоборотъ, происходилъ изъ зажиточной семьи и имѣлъ родственныя связи съ богачами. Добродушно-лукавый, шумливый, самолюбивый и экспансивный, онъ любилъ и умѣлъ поговорить, зналъ отлично законы и охотно выказывалъ это знаніе. Въ его характерѣ были тоже черты настойчивости, упорства. На своемъ знамени вначалѣ онъ поста-

вилъ слово «крестьянинъ», разумѣя подѣ этимъ всю совокупность бывшаго крѣпостнаго павловскаго міра въ его отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Отсюда его либерализмъ, его порой совершенно искреннее одушевленіе, заставлявшее многихъ считать Николая Петровича Сорокина страдальцемъ за интересы крестьянскаго міра. Но теперь уже ясно видно, что когда пришлось разбираться въ деталяхъ, когда міръ этотъ на первыхъ же шагахъ своей новой жизни раскололся на составныя враждебныя части, Николай Петровичъ боролся, страдалъ, претерпѣвалъ гоненія и безкорыстно, страстно, упорно стоялъ до конца за интересы павловскихъ богачей... Было бы въ высшей степени интересно прослѣдить вліяніе Елагина на его кружокъ и этого кружка на распространявшіяся въ Павловѣ идеи. Къ сожалѣнію, для этого пока нѣтъ еще матеріаловъ. Какъ бы то ни было, шестидесятыя годы подходили къ концу среди легкихъ схватокъ двухъ партій, изъ которыхъ одна, фактически обладавшая властью, охватывается постепенно какою-то растерянностью и недоумѣніемъ, другая растетъ, какъ прибывающая волна. На сходѣ, собиравшемся не въ полномъ составѣ, по назначенію старшинъ, уже слышались раскаты грозы, гудятъ протестующіе голоса, расторгаются предписанныя впередъ рѣшенія. Однажды старшина Прядиловъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ непривычнымъ сопротивленіемъ, крикнулъ непокорному сходу: «Что вы понимаете, орда!»

Сходъ колыхнулся и зашумѣлъ. «Какъ, мы орда? міръ, по-вашему, орда?» — и мастеровые буйно кинулись къ старшинѣ. Правда, мировому посреднику удалось кое-какъ возстановить согласіе, правда, послѣ этого началось даже дѣло объ оскорбленіи сельской власти и одинъ изъ «бунновъ», Рачковъ, былъ посаженъ въ тюрьму, какъ возмутитель общества, и просидѣлъ цѣлый годъ. Однако, время брало свое: невинность Рачкова обнаружилась, а Прядилову, оскорбившему міръ, пришлось выйти изъ должности. За него дослуживалъ срокъ сапожникъ Пуховъ, человѣкъ нейтральный, очутившійся между двухъ стульевъ; послѣ Пухова попалъ въ старшины Бочергинъ, первый ставленникъ бѣдности, котораго служба вся прошла подѣ перепалку двухъ партій. Потомъ мировой посредникъ назначилъ сходу Соколова, изъ богачей. Говорятъ, прямо изъ схода, ошеломленнаго этимъ назначеніемъ и уже приготавливавшегося къ отпору, посредникъ повезъ Соколова въ соборъ и заставилъ принять присягу. Только такимъ способомъ удалось поставить старшину, угоднаго богачамъ, какъ угоднаго павловскому міру, почувствовавшему уже свою силу.

...Управління Соколова закінчилишся шестидесятьма годами. Наступали сорокдевяте, а съ ними новыя выборы. Туманъ, поднятый надініемъ крѣпостнаго уклада, разсѣивался, положеніе борящихся партій опредѣлялось все болѣе и болѣе...

Интересная черта, которую, конечно, не могла бы выдумать простая и необразованная женщина. Вдова Елагина разсказывала мнѣ, что въ это время Иванъ Петровичъ, передъ самыми выборами, горячо убѣждалъ своихъ друзей отказаться отъ кандидатуры. Если бы онъ пожелалъ, можетъ быть, и за него нашлись бы голоса, можетъ быть, даже не мало. Но самъ онъ рѣшительно устранился отъ борьбы и того же требовалъ отъ другихъ, въ особенности отъ Варыпаева. «Обществу нужны свѣжіе, сильные люди, — говорилъ онъ, — а мы съ тобой попьемъ чайку въ комнатахъ, да идемъ пить чай на балконъ... устарѣли мы, не годимся...»

Эта ли причина побуждала Елагина дѣйствовать такимъ образомъ, — кто знаетъ? Можетъ быть, силы крѣпостнаго мечтателя, дѣйствительно, ушли на грезы о волѣ среди глухихъ потемокъ, да на бесѣды, — и по себѣ онъ судилъ о другихъ. Можетъ быть, онъ сознавалъ, что новое время требуетъ новыхъ идей; можетъ быть, боялся, что въ новыя мѣха вольется вино старой вражды; можетъ быть, предвидѣлъ, что его кружокъ раздѣлится вскорѣ взаимною ненавистью, что онъ способенъ только еще болѣе разжечь, а не утишить пламя этой вражды, раздѣляющей павловскій міръ, — вражды неосмысленной и потому неисходной. Можетъ быть, онъ тоже думалъ о павловскомъ колоколѣ, бухающемъ надтреснутымъ звономъ, и о томъ, что колоколъ нужно перелить съ новымъ металломъ, а павловскому міру нужны новыя идеи и новыя люди, которыхъ въ немъ нѣтъ налицо.

Варыпаевъ, будто бы, далъ требуемое обѣщаніе и согласился содѣйствовать полной законности выборовъ, отказавшись отъ честолюбивыхъ замысловъ. Между тѣмъ, приблизился сходъ 1871 года, отмѣтившій генеральную битву, данную бѣднотой богачамъ, и торжество бѣдности. Отсюда ведетъ свое численіе «варыпаевская партія»; здѣсь загадочный человекъ впервые развернулъ свои силы, впервые, кажется, обнаружилась рознь между бывшими друзьями — Сорокинымъ и Варыпаевымъ.

Предстояло рѣшеніе немаловажныхъ дѣлъ, и главное изъ нихъ было окончаніе сдѣлки съ помѣщикомъ. Отношенія павловскаго міра къ бывшему помѣщику и исторія павловскаго выкупа до того сложны и запутаны, что они одни требовали бы для простаго обозрѣнія цѣлой статьи. А такъ какъ я пока только намѣчаю въ пав-

ловской жизни главѣйшія историческія вѣхи, то и не буду входить въ подробности. Укажу лишь на то, что вопросъ сильно затянулся, между прочимъ, изъ-за усадебныхъ и лавочныхъ мѣстъ на площади. Спорныя мѣста не представляли для бѣдности ни малѣйшаго интереса, — ихъ оспаривали у помѣщика отдѣльныя лица изъ общества, понятно, принадлежавшія къ «богачамъ», и изъ-за этого тормазилась самая сдѣлка. Опекѣ малолѣтняго владѣльца это небезвыгодно, такъ какъ до заключенія сдѣлки доходы съ оброчныхъ статей поступали въ пользу вотчины, но общество много теряло. Составлялись одинъ за другимъ проекты выкупа, но примирить столкнувшіеся интересы было довольно трудно.

Въ этомъ обстоятельствѣ — узелъ послѣдующихъ павловскихъ раздоровъ. Вотъ изъ-за чего воевали Варыпаевцы, вотъ на чемъ основалось значеніе самого Варыпаева, вотъ что было мотивомъ многолѣтней борьбы Сорокина съ торжествующими противниками. Кто былъ правъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли мѣста принадлежали «богачамъ» павловскаго міра, — я думаю, теперь не разберетъ самый добросовѣстный судъ.

Сколько можно разсмотрѣть въ туманѣ, окутывающемъ этотъ узелъ павловскаго раздора, кажется, что двѣ павловскія партіи рѣшились заключить перемиріе, нѣчто вродѣ компромисса, чреватаго возможностью возобновленія борьбы во всякую данную минуту. Рѣшено было, что мѣста выкупаютъ общество. Въ чью пользу? Въ свою, — толковалъ Варыпаевъ и бѣдность. Въ нашу, — говорили про себя торговцы.

Для заключенія окончательной сдѣлки нужны были уполномоченные, для ихъ выбора созванъ былъ сходъ, на которомъ вновь произошло бурное столкновение...

Нѣсколько словъ о томъ, что такое павловскій сходъ.

На верхушкѣ одного изъ семи павловскихъ холмовъ есть старое, въ высшей степени ветхое и облупленное зданіе. Это ничто иное, какъ общественное павловское управленіе, своимъ жалкимъ, до неприличія ободранымъ видомъ свидѣтельствующее о полномъ пренебреженіи къ внѣшности. Впрочемъ, и внутренность этого общественного зданія немногимъ лучше, — общая печать нѣкоторой затхлости и запустѣнія тяготеетъ надъ нимъ, отличая его мѣстными, чисто-павловскими чертами.

Позади дома — большой дворъ, покатый къ зданію, обнесенный заборами, полѣнницами дровъ, сараями, изъ-за которыхъ смотреть во дворъ огна сосѣднихъ домовъ. У зданія — крыльцо съ деревяннымъ навѣсомъ, ведущее въ правленіе. Сходъ собирается на этомъ

дворѣ. Когда болѣе тысячи домохозяевъ сомянутся плотною кучей головъ, когда на ветхомъ крыльцѣ появятся сельскія власти и съ высоты стануть «вычитывать» толпѣ указы или постановленія, когда толпа загудитъ и міръ закачается, точно море подъ дыханьемъ вѣтра, — вамъ опять кажется, что вы присутствуете при чемъ-то не нынѣшнемъ, необычномъ и старинномъ.

Какъ и на скупкѣ, меня поразило здѣсь то, что павловская практика не выработала самыхъ простыхъ и самыхъ удобопримѣнимыхъ приемовъ. Какъ на скупкѣ всякій стихійно пялится впередъ, пробираясь къ огню, лѣзетъ на сосѣда, давить его и толкаетъ, такъ и здѣсь вся толпа жметъ къ ступенямъ, откуда голосъ слышнѣе и легче достигаешь до слуха властей на крыльцѣ.

— Согласны, согласны! — гудятъ одни.

— Несогласны, несогласны! — кричатъ другіе, и это «согласны, несогласны» сливается вмѣстѣ, переплетается, смѣшивается, стоитъ въ воздухѣ сплошнымъ гуломъ. Какъ это никому не пришло въ голову, что удобнѣе опрашивать мнѣніе отдѣльно, — сначала тѣхъ, кто согласенъ, и уже послѣ — кто несогласенъ? Просто удивительно. Можетъ быть, впрочемъ, это и приходило многимъ въ голову, но ни одна изъ партій, стоящихъ у власти, не считаетъ удобнымъ именно для себя примѣнить это простое средство, которое повело бы къ значительно болѣе ясности результатовъ голосованія. Теперь эти результаты извлекаются, такъ сказать, слухомъ и шромъ, изъ общаго галдѣнія; понятно, что неточностью этого приема пользуется тотъ, кто можетъ... Когда же раздаются протесты, то нѣтъ ничего легче, какъ выставить ихъ безпорядкомъ и бунтомъ.

Надо отдать справедливость обѣимъ павловскимъ партіямъ: обѣ онѣ, каждая въ свое время, пользовались этимъ политическимъ ходомъ противъ своихъ противниковъ.

Сходъ, о которомъ я повелъ теперь рѣчь, открытый Соколовымъ, представлялъ именно такую картину. Съ крыльца кинуто было толпѣ, для выбора въ уполномоченные, три имени: Варыпаева, Сорокина и Соколова.

— Согласны, согласны!...

— Несогласны! — загудѣла дружно толпа, покрывая сравнительно рѣдкіе голоса. — Одного Варыпаева!... Соколова и Сорокина не надо!...

— Ниши согласны, — сказалъ Соколовъ.

Черезъ четверть часа толпѣ, безпокойно волновавшейся и шумѣвшей, былъ прочитанъ приговоръ, въ которомъ утверждалось

избраніе Варыпаева вмѣстѣ съ двумя представителями «богачей», которые, понятно, должны были получить перевѣсъ.

Толпа колыхнулась и кинулась къ крыльцу, старшина и писарь скрылись.

Поднялось волненіе. Раскаты народнаго гула показывали, что на этотъ разъ міръ уже прорываетъ плотины покорности, что дѣло становится нешуточнымъ. Писаря потребовали на сходъ. «Онъ нашъ слуга, нашъ работникъ! Давай сюда писаря!» И писарь вынужденъ былъ выйти. Составили другой приговоръ. Кто-то вспомнилъ при этомъ, что Соколову кончился срокъ, и предстоятъ новыя выборы.

Шумный сходъ разошелся поздно, и по селу пошли сразу два приговора, и обѣ партіи для подписи поднимали спящихъ съ постелей. Но бумага «варыпаевцевъ» вся покрылась именами, тогда какъ у противной партіи не набралось и половины.

Въ это время въ Павлово пріѣхалъ мировой посредникъ Беклемишевъ, и обѣ стороны кинулись къ нему, требуя одни—усмирить бунтъ, другіе—возстановить права большинства.

— У насъ больше грамотныхъ,—говорило правленіе.

— Чѣмъ же мы виноваты,—возражала бѣдность,—головы у насъ такія же, а руки не грамотныя... Неужто изъ-за этого мы безгласны?

Обѣ стороны засылали къ посреднику своихъ предводителей. Отъ бѣдности явился Варыпаевъ и сталъ просить созвать сходъ для избранія старшины, которому вышелъ срокъ.

— Вы уже назначили кого-нибудь?—спросилъ посредникъ.

— Сходъ назначить,—отвѣтилъ Варыпаевъ смиренно и глядя на посредника своими непроницаемыми, покорными глазами.

— Однако, все-таки...

— Можетъ быть, стануть просить стараго, не знаю... — и глаза Варыпаева стали еще мягче, еще непроницаемѣе. — Главное, надо соблюсти законъ.

— Это вѣрно,—замѣтилъ посредникъ.

Въ это время пришелъ Бѣлозеровъ, самый видный изъ представителей противной партіи, и посредникъ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

— Назначили кого-нибудь?

— Назначили,—наивно отвѣтилъ тотъ.

— Вы назначили?—усмѣхнулся посредникъ.

— Мы назначили.

— А не сходъ?

Беклемишевъ

Бѣлозеровъ удивленно и наивно взглянулъ на посредника. Въ своей безпечности, «богачи» не подозрѣвали, что на этотъ разъ въ рукахъ противниковъ—могучее оружіе, пріобрѣтавшее въ то время нѣкоторое значеніе, это оружіе—законность.

Въ сожалѣнію, не очень долго было оно въ употребленіи въ Павловѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ сходъ назначили на ближайшее воскресенье. Правленіе роптало и жаловалось, что къ такому близкому сроку оно не успѣетъ намѣтить, кого выслать на сходъ, но это опять была наивность. Установился обычай, что на сходъ наряжали посредствомъ десятниковъ по 3 человекъ отъ десятка, подбирая такимъ образомъ наиболѣе удобный составъ. Но уже и при этихъ средствахъ сходъ становился все шумливѣе и непокоривѣе. Между тѣмъ, варыпаевцы выпросили разрѣшенія—созвать отъ десятка по пяти человекъ, а воскресенье приготовило еще болѣе непріятный сюрпризъ.

Въ воротахъ приливали все большія толпы народа. Пожарные и десятники не успѣвали провѣрять билетовъ, которыхъ у многихъ и не было.

— Народъ какъ градъ посыпался,—съ тревогой жаловались посреднику.—Идутъ безъ билетовъ, сломаютъ ворота.

Посредникъ велѣлъ открыть ворота для всѣхъ, народъ хлынулъ широкою толпой и дворъ передъ правленіемъ, въ первый еще разъ послѣ многихъ лѣтъ, увидѣлъ павловскій сходъ въ полномъ составѣ.

Это была уже полная побѣда. При имени Варыпаева въ избирательный ящикъ посыпалась масса шаровъ. Они падали одни за другими, и звукъ паденія становился все глуше. Но вотъ къ ящику подошелъ суровый Бѣлозеровъ. Его шаръ громко застучалъ въ пустомъ неизбирательномъ ящикѣ. На дворѣ раздался хохотъ.

Этотъ маленькій эпизодъ отбѣнилъ побѣду новой партіи, долго работавшей въ тиши для этого мгновенія: мало находилось послѣ этого охотниковъ кидать налѣво, къ осмѣянному бѣлозеровскому шару,—чтобы не слышать этого унылаго, пустаго звука и этихъ раскатовъ ироническаго хохота. Варыпаевъ выбранъ подавляющимъ большинствомъ:

— Миръ не одинъ человекъ, — сказалъ онъ [на слѣдующій день Елагину.—Миръ выбираетъ, надо слушаться, надо послужить міру.

Съ этихъ поръ между друзьями водворилась холодность. Елагинъ до конца держался въ сторонѣ и, быть можетъ, не разъ передъ его спокойнымъ взглядомъ потуплялись взгляды дѣльцовъ,

выдвинутыхъ новымъ бурнымъ періодомъ павловской исторіи. А фигура Варыпаева надолго появилась на павловскомъ горизонтѣ.

И затрепетала партія павловскихъ богачей, почувствовавшая надъ собой тяжелую и твердую руку, державшую теперь всю ненависть павловскаго міра...

Бто, читавшій газеты 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, не знаетъ Варыпаевскаго имени? Бто не помнитъ, какъ громкое павловское буханье того времени отдавалось по всей Россіи? Газеты были полны описаніями павловской «классовой борьбы» и павловскіе «вопросы» раздѣляли газетные лагеря. Когда - нибудь я вернусь, можетъ быть, къ подробностямъ этого интереснаго періода павловской исторіи, — теперь для этого не время и не мѣсто. Я ограничусь поэтому самыми выдающимися ея чертами.

За Варыпаева стояли консервативныя газеты, за Варыпаева былъ «патріотизмъ», «благонамѣренность» и вся бѣдность. Варыпаевъ имѣлъ вліяніе въ Петербургѣ, тамъ слушали съ удовольствіемъ старшину кустарей, являвшагося въ послѣднее время въ шитомъ бархатномъ кафтанѣ, говорившаго вкрадчивымъ голосомъ «простыя» рѣчи, въ которыхъ охотно признавали «голосъ простаго русскаго человѣка». Вліяніе это въ губерніи сказывалось уже сильнѣе, а въ родномъ селѣ это былъ неограниченный, почти самодержавный властитель, котораго твердая рука чувствовалась во всѣхъ мелочахъ общественной павловской жизни.

Плохо приходилось противникамъ Варыпаева. Тогдашнія газеты полны описаніемъ случаевъ, когда они хватались не въ мѣру усердными становыми и исправниками и сажались въ кутузку безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что они завѣдомо-благонамѣренные, тогда какъ Варыпаевъ признанный патріотъ *). Либеральные мировые посредники съ трудомъ выручали этихъ несчастныхъ изъ мрачныхъ узилищъ, гдѣ они содержались вмѣстѣ съ ворами и мошенниками... Одинъ изъ горячихъ друзей Варыпаева, вполнѣдствіи самый настойчивый изъ его враговъ, Сорокинъ, описалъ въ одномъ изъ журналовъ исторію своей борьбы съ павловскимъ владыкой. Кончилась она для него очень печально. Два раза собирались подписи для ссылки его въ Сибирь, но оба раза «общество» отступило передъ явною несправедливостью этой мѣры. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась громовая статья П. И.

*) Въ тогдашнихъ газетахъ есть описаніе случаевъ, когда по просьбѣ кандидата старшины, Риженькова, одинъ изъ павловцевъ содержался больше недѣли за недоимку... въ 37 копѣекъ!...

Мельникова, направленная противъ Сорокина. Онъ обвинился въ томъ, что будто бы «обивалъ пороги министровъ съ карманами, набитыми запрещенными изданіями»... Варыпаевъ представлялъ изъ себя въ то время знамя патриотизма и благонамѣренности и... Сорокинъ послѣдовалъ въ ссылку...

Такъ было ранѣе. Теперь обстоятельства круто измѣнились. Варыпаевъ, одряхлѣвшій, посѣдѣвшій, больной—не у дѣлъ и подѣ судомъ *). У кормила павловскаго правленія стали богачи и скупщики, имѣють въ немъ важное рѣшающее значеніе, а «неблагонамѣренными» стали теперь варыпаевцы. Бывшій всеильный владыка живетъ уединенно, не виѣшиваясь въ дѣла, отягченный обвиненіями враговъ и... благословеніями голытьбы на Троицкой, на Семеней и на другихъ горахъ кустарнаго села, гдѣ стучать молотки и дымятся горны въ кузницахъ. Да, тяжелы могутъ быть эти благословенія человѣку съ загадочнымъ взглядомъ и бурнымъ прошлымъ, стоящему у края могилы, если только, положи руку на сердце, онъ не можетъ сказать про себя, что въ этомъ мутномъ для посторонняго наблюдателя лабиринтѣ интригъ, столбеновій и борьбы ему служило путеводною нитью сильное стремленіе помочь этимъ людямъ, благословляющимъ его, безсильнаго и гонимаго.

Можетъ ли сказать это Федоръ Михайловичъ Варыпаевъ?

Я не знаю. Густой, почти непроглядный туманъ виситъ надъ этимъ вопросомъ. Я знаю только, что многіе изъ «ближнихъ» варыпаевцевъ сказать этого не могутъ. Затѣмъ, я знаю, что это время было временемъ самаго пламеннаго раздора, что оно запятнано несправедливыми гоненіями, что въ борьбѣ пускались въ ходъ всякія средства, что эти годы отмѣчены сбивчивостью, темнотой и неясностью въ дѣлахъ, что они омрачены жесточайшею смутой и озарены кровавымъ заревомъ страшнаго пожара, что коренные вопросы павловскаго быта даже не ставились борющимися партіями, что изъ тумана, въ которомъ бьются эти партіи, слышится тоже надтреснутое, болѣзненное буханье, лишенное гармоніи и смысла, что, наконецъ, павловское общество не вышло изъ него болѣе счастливымъ, спокойнымъ и богатымъ...

Теперь тишина и порядокъ. И среди этой тишины и порядка ведутся рѣчи о томъ, чтобы превратить Павлово въ городъ. Тогда замостятъ центральныя улицы, зажгутъ фонари, длинныя кузницы вынесутъ за черту «города», на окраины, и въ свѣтлой дум-

*) Освобожденъ изъ-подъ сѣдства въ самое недавнее время.

своей залѣ скупщики, въ полномъ порядкѣ, поведутъ рѣчи о нуждахъ бывшаго села кустарей...

Тогда, конечно, павловское буханье стихнетъ, потому что о кустарномъ селѣ останутся одни историческія воспоминанія.

III.

Неразобранныя бумаги.

То, что я хочу теперь рассказать, происходило въ самый разгаръ павловскаго буханья. Недавно еще угасло зарево страшнаго павловскаго пожара, истребившаго половину села. Не затихли еще самыя чудовищныя слухи, самыя невѣроятныя обвиненія, которыми меньшинство, подавляемое въ самыхъ законныхъ порой стремленіяхъ, мстило торжествующей партіи. А надъ пособіемъ, выданнымъ отъ правительства, кипѣла жестокая свалка, такъ какъ, по мнѣнію многихъ, даже это дѣло помощи и милосердія стало въ Павловѣ орудіемъ партійной борьбы...

Была ранняя весна. Она недавно еще взмыла весеннимъ половодьемъ, взломала льды, подтопила кручи и горы и залила широко, далеко поемныя луга на зарѣчной сторонѣ... Кустарныя села и деревни въ окрестностяхъ Павлова казались островами, плававшими въ прозрачномъ туманѣ надъ гладью разлива.

На небольшой кручѣ села Тумботина, отдѣленнаго половодьемъ отъ глинистыхъ павловскихъ горъ, стоялъ молодой человѣкъ. Онъ недавно еще протащился нѣсколько часовъ по самой ужасной дорогѣ, продрогъ, потерялъ калошу и узналъ, что въ Тумботинѣ придется еще ждать перевоза.

Серединой рѣки неслись послѣднія порѣдѣвшія льдины; павловскія горы, широко раскинувшіяся надъ рѣкой, синѣли въ легкой дымкѣ, въ ясномъ небѣ причудливо вырѣзались куполы павловскихъ церквей, домишки кустарей лѣпились по склонамъ, отсвѣчивая далеко стеклами своихъ оконъ, надъ воднымъ просторомъ свободныя чайки взмахивали круто изломанными бѣлыми крыльями, а далеко подъ самымъ берегомъ, въ низинкѣ, гдѣ кустарное село сбѣгаетъ къ рѣкѣ, маленькія фигуры людей мелькали и суетились около перваго еще въ этомъ году парома.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на все это и забывалъ скучную дорогу по грязи, забывалъ о томъ, что онъ продрогъ и промокъ, забывалъ даже о потерянной калошѣ. Первый паромъ долженъ былъ доставить его въ родное село, куда онъ везъ съ собою новое дѣло...

Въ жизни каждаго человѣка есть свой весенній праздникъ,

когда душа паритъ какъ птица надъ буйнымъ разливомъ, а всё мелочи и непріятности будней стряхаетъ съ себя, какъ легкія пушинки, которыя вѣтру удается выхватить изъ ея крыльевъ. Этотъ праздникъ—то время, на которое работала юность, когда все, о чемъ мечталъ, къ чему готовился, что мелькало въ золотомъ туманѣ юношескихъ грѣзъ, вдругъ выплываетъ изъ этого тумана и раскидывается передъ восхищенными глазами такъ близко, такъ ясно, какъ Павлово раскинулось передъ глазами Николая Петровича Зернова. Взмахъ крыла,—или, выражаясь реальнѣе, первый паромъ,—и вотъ неопредѣленная юность съ ея мечтами уже назадъ, а впереди подвигается, и ширится, и идетъ на встрѣчу самая жизнь, къ которой такъ долго готовился, которую такъ страстно желалъ...

Николай Петровичъ Зерновъ, стоявшій весной 1872 года, на Страстной недѣлѣ, въ виду Павлова на Тумботинской кручѣ, былъ именно въ такомъ положеніи.

Николай Петровичъ Зерновъ и его другъ, связанный съ нимъ общимъ дѣломъ, Фаворскій, оба родились, получили первыя впечатлѣнія и выросли въ кустарномъ селѣ. Отецъ Зернова былъ мѣстный почтмейстеръ, отецъ Фаворскаго—протопопъ. Такимъ образомъ, судьба давала возможность двумъ мальчикамъ, игравшимъ на кручахъ Павлова съ чужазымы мальчишками кустарей, получить основательное образованіе и заглянуть въ свѣтъ подальше того, что видно съ самыхъ высокихъ павловскихъ горъ. Въ то время, какъ товарищи ихъ ранняго дѣтства давно уже стучали молотками въ убогихъ мастерскихъ, бились съ «низнувшими» цѣнами и проталивались въ темныхъ улицахъ къ скупщицкимъ огнямъ, Зерновъ и Фаворскій учились въ гимназіи и затѣмъ оканчивали курсъ—одинъ въ технологическомъ институтѣ, другой—въ университетѣ по юридическому факультету.

Но оба они не забывали роднаго села. Оба съ дѣтства видѣли собственными глазами и собственными ушами слышали тяжелое и надтреснутое павловское буханье. Съ дѣтства они привыкли различать въ немъ знакомые отгѣнки, съ дѣтства выросли въ ихъ сердцахъ симпатіи и антипатіи среди раздѣленнаго смутой павловскаго міра.

Образованіе расширило ихъ кругозоръ, но не истребило симпатій. И вотъ теперь оба друга, юристъ и технологъ, несли обратно въ родное село свои знанія. Юристъ и технологъ являлись сюда основателями двухъ учреждений, съ которыми связали свою дѣятельность въ лучшую пору своей жизни. Связь была такъ крѣпка, что вмѣстѣ съ нею порвалась у одного изъ друзей самая жизнь.

Дѣло было маленькое и скромное, называлось оно «устройствомъ въ селѣ Павловѣ складочной артели» (Зерновъ) и «ссудо-сберегательнаго товарищества» (Фаворскій). Дѣло было очень прозаичное и негромкое, но друзья смотрѣли на него какъ на зернышко перваго посѣва: оно тоже мало, но дайте ему вырости и оно станетъ большимъ.

Главное заключалось въ томъ, что это было дѣло будущаго, что оно било въ самую суть вопроса; если возможно умиротвореніе павловскихъ раздоровъ безъ окончательной гибели самой кустарной формы, то это рѣшеніе и эта возможность лежитъ именно тамъ, гдѣ его искали въ семидесятые годы многіе «вѣрующіе» люди и въ ихъ числѣ «два павловскихъ студента».

Это было дѣло вѣры, дѣло любви и примиренія. Зерновъ и Фаворскій являлись въ Павловѣ третьей партіей, пускали въ ходъ новую идею, мечтали образовать такой островокъ, куда могли бы спастись всѣ утомленные безтолковою борьбой, которой не видѣлось конца. Старыя партіи дѣйствительно утомили уже Павлово и—увы!—еще долго суждено было имъ утомлять несчастный кустарный міръ. Онѣ походили на двухъ человѣкъ, схватившихся въ узкомъ проходѣ. Побѣждалъ то одинъ, то другой, то одному, то другому приходилось плохо, но оба, все-таки, не двигались ни на шагъ.

Зерновъ и Фаворскій мечтали, что они укажутъ настоящую, болѣе просторную дорогу. Заблудившійся въ потемкахъ павловскій міръ они, видѣвшіе дальше, чѣмъ можно видѣть съ павловскихъ горъ, хотѣли понемногу вернуть къ распутью, оставшемуся далеко назади и съ котораго онъ свернулъ на ложную дорогу. Они хотѣли уничтожить или, вѣрнѣе, обойти ту стѣну, которая отдѣляла міръ кустарный отъ остальнаго Божьяго міра. Труднымъ и узкимъ, правда, проселкомъ они хотѣли вывести изъ-за нея кустарей и указать имъ этотъ міръ, широкій, разнообразный, заманчивый, съ его далекими перспективами, съ его измѣнчивыми запросами.

Дѣло состояло въ томъ, чтобы дать плоть и кровь тому «какъ-нибудь», которое смутно мелькало передъ Аверьяномъ. Нужно было организовать новую ячейку *производства*, связать ее со *сбытомъ* живою нитью, и когда эта живая связь примется и окрѣпнетъ, сказать ей: теперь живи и множься и покрывай кустарный міръ. Въ тебѣ живая душа этого міра, больнаго и умирающаго.

Вотъ что стояло за маленькимъ дѣломъ, которое везъ съ собой молодой человѣкъ, ожидавшій на Тумботинской кручѣ перваго парема.

Трудное дѣло, конечно. Теперь мы отлично знаемъ, какое это трудное дѣло. Но, вѣдь, тогда была весна. Общество наше тоже еще недавно взломало сковывавшія его льдины крѣпостнаго права и, бодро угоняя ихъ остатки, рвалось на живую, творческую работу. Все способствовало, казалось, практическому начинанію двухъ идеалистовъ, потому что въ то время была вѣра, а формула всякой вѣры: «на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе» — казалась основнымъ закономъ жизни. Трудностей не боялись, скорѣе грѣшили излишнимъ пренебреженіемъ къ трудностямъ. Все, что угрожаетъ сущность вопроса, тогда устраняли, какъ легкую шелуху, и, разыскавъ мыслью «основныя причины», брались за нихъ въ предположеніи, что устраненныя детали вовсе уже не существуютъ.

Весна была въ обществѣ, весна вѣяла надъ природой, надъ разливами рѣкъ, надъ Окой, весенній припѣвъ «на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе» отдавался въ душѣ молодаго человѣка, въ которой буйно приливали накопленныя молодостью здоровыя силы.

.....

Не правда ли, странное совпаденіе? Не правда ли, такими совпаденіями начинаются обыкновенно романы, въ которыхъ только и встрѣчаются и такіе «герои», и такія положенія, и такія надежды?...

И, однако, я не выдумываю, не пишу вамъ вымышленнаго романа. Все, что я написалъ въ этой главѣ, заимствовано мною изъ стараго письма. Отъ потемнѣвшаго листочка бумаги, взятаго изъ беспорядочной, неразобранной груды такихъ же старыхъ листовъ, пахнуло на меня этою весной; тамъ описанъ и этотъ разливъ, и первый паромъ, и ожиданіе Николая Петровича Зернова въ виду роднаго села...

«Здравствуй, дорогой мой А. Е., — такъ начинается это письмо. — Ну, вотъ я и въ Павловѣ... Какъ встрѣтила меня мама, ты можешь себѣ представить, — самого тебя не разъ встрѣчали такъ же... Въ каждомъ движеніи столько любви, столько безпредѣльнаго обожанія... И, право, совѣстно и больно, что въ сердцѣ, занятомъ другимъ, не находится столько же отвѣтной любви...»

А дальше, послѣ описанія труднаго переѣзда и грязи и ожиданія парома, идутъ подробности встрѣчи съ друзьями и знакомыми въ Павловѣ. И тутъ же непосредственно — мысли, толки, предположенія объ ожидающемъ дѣлѣ, о надвигающейся практикѣ и ея прозаическихъ мелочахъ. Пятидесятикопѣечные еженедѣльные взносы тяжелы для кустарей, членовъ артели... Есть параграфы, кото-

рые надо будетъ устранить... Торговцы хихикають, принимая во вниманіе незначительность капиталовъ артели сравнительно съ ихъ капиталами, и, не стѣсняясь, высказываютъ на сторонѣ тѣ препятствія, на которыя артель неизбѣжно натолкнется при веденіи дѣла. Въ числѣ этихъ препятствій они указываютъ на «бесортицу» издѣлій въ складѣ, на то, что въ складѣ, особенно въ первое время, возможно присутствіе такихъ издѣлій, которыя артель не въ состояніи будетъ сбыть, и отсутствіе такихъ, которыя для сбыта необходимы. Они соглашаются, что современемъ для артели будетъ выясняться все болѣе и болѣе, какія издѣлія могутъ сбываться и должны быть производимы. Но до тѣхъ поръ артель, не имѣющая, по уставу, права покупать чужія издѣлія и пополнять ими свой «ассортиментъ», уже разлетится на этомъ камнѣ. Мастера, которыхъ издѣлія необходимы, могутъ и не попасть въ члены артели, тѣмъ болѣе, что ихъ постараются придержать» и т. д., и т. д.

Это уже—проза и практика житейской борьбы, которая охватила съ перваго же дня новое дѣло... Противъ мечтаній объ основномъ законѣ жизни, о мирѣ и благоволеніи выступаетъ суровая рать стройно сомгнувшихъ жизненныхъ фактовъ, выступаютъ «экономическіе» законы, въ своемъ благоразуміи короткой данной минуты претендующіе на вѣчное, неизблемое значеніе.

Но, кромѣ экономическихъ законовъ, предстояли еще и другія трудности. Въ слабому дѣтищу мирнаго идеализма тагулись уже болѣе опасныя объятія борющихся партій, стремившихся завербовать къ себѣ юнаго новобранца... Между тѣмъ, дѣло это должно было стать дѣломъ не борьбы, а мира; не ненависть, а примиреніе вносилось въ павловскую жизнь этимъ начинаніемъ. И Николай Петровичъ Зерновъ твердою рукой постарался на первыхъ же порахъ оградить нейтральность своего дѣтища. Ни главнѣйшіе изъ скушниковъ, ни самъ всесильный уже въ то время Варыпаевъ не вошли въ составъ артели, и это произошло не по ихъ собственному желанію...

Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать лѣтъ... Двадцать лѣтъ, это почти половина жизни. Что же случилось съ молодымъ человекомъ, стоявшимъ на Тумботинской кручѣ, что онъ сдѣлалъ, гдѣ очутился самъ, что стало съ его надеждами?...

Каково продолженіе нашего романа? Какъ кончился идеалистическій опытъ, чему онъ насъ учитъ своею удачей или своими ошибками? Каковы его окончательные и неопровержимые выводы?

Можетъ быть, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, мечты разлетѣлись, какъ хрупкое стекло, и никакого романа не

вышло? Или онъ вступилъ въ борьбу съ суровымъ экономическимъ закономъ, во имя утопiи, и суровый законъ неопровержимо доказалъ свою силу, а мечтатель смирился и побрелъ за другими по избитой дорожкѣ? Или, наконецъ, молодая идиллія перешла постепенно въ благоразумную зрѣлую прозу: мечты никогда не осуществляются цѣликомъ, дѣйствительность оборвала лепестки у цвѣтка юности, но изъ-подъ нихъ вынырнулъ скромный плодъ, маленькій и некрасивый, но все же заключающій въ себѣ сѣмена дальнѣйшихъ всходовъ?

Ни то, ни другое, ни третье... Но Зернова нѣтъ уже на свѣтѣ и, вмѣсто романа, передо мною безпорядочная груда пожелтѣвшихъ бумагъ, въ которой мелькаютъ разрозненные цифры, отдѣльныя замѣчанія, вписанныя твердою рукой, дружескія и дѣловыя письма... И все это обрывается, какъ внезапно лопнувшая струна... Реторта лопнула, опытъ не оконченъ, обломки посуды лежатъ въ мелкихъ осколкахъ, а умъ, руководившій опытомъ, угасъ на вѣки... Рука у Николая Петровича была твердая, организаторскій талантъ несомнѣнный, его окружали друзья, готовые, какъ и онъ, безкорыстно служить общему дѣлу. Наконецъ, онъ не исчерпалъ даже отпущеннаго министерствомъ кредита... Значитъ, торжество экономическаго закона и трезвой дѣйствительности надъ зерновскою утопiей, все-таки, по меньшей мѣрѣ не доказано.

Нѣтъ, не отъ экономическаго закона погибъ Зерновъ и его дѣло. Невзгода подгралась неожиданно и внезапно, мелкая деталь, изъ сущности вопроса не вытекавшая, сразила его «небольшою горой, соломенкой».

Откуда налетѣла эта невзгода? Двѣ партіи было въ Павловѣ и обѣ съ затаенною враждой смотрѣли на новое начинаніе. Зерновъ не вступалъ въ борьбу за Варыпаева съ «богачами», онъ не трогалъ «скушниковъ», но самая идея, на которой покоилось скупщицкое сословіе, подвергалась нападенію. Съ другой стороны, онъ не заступался за «богачей», не ратовалъ противъ варыпаевскаго вліянія на сходъ, но впадалъ основаніе учрежденію, которое было дальше варыпаевской оппозиціи «богачамъ» и звало бѣдноту подъ новое, менѣе боевое, но болѣе обѣщавшее знамя...

Откуда послѣдовалъ тайный измѣнническій выстрѣлъ? Можетъ быть, когда-нибудь это выяснится съ достаточною ясностью, и тогда несмыаемый позоръ ляжетъ на того, кто прибѣгъ къ этому средству. Какъ бы то ни было, кто-то въ тревожное время, когда Павлово еще не успокоилось послѣ пожаровъ и раздорнаго буханья, когда по селу ходили самые тревожные слухи, вызванные безтолко-

вою борьбой, въ эту минуту кто-то мустилъ противъ Зернова «шипъ по зыбному» въ видѣ ложнаго политическаго доноса...

Время было тревожное. У Зернова не нашли ничего, «недоразумѣніе» длилось недолго, однако, достаточно для того, чтобы дѣло Зернова, нѣжный майскій цвѣтокъ, начинавшій распускаться, сразу завяло. Бружокъ Зернова, на время разгромленный и деморализованный, или отсутствовалъ, или потерялъ значеніе, а въ это время разнуздалось и пошло врознь все, что прежде сдерживалось сильною рукой организатора въ неокрѣпшемъ дѣлѣ. Наступили неопредѣленные томительныя сумерки, и среди этихъ сумерекъ нависла туча, а именно въ такое время сѣрыя кошки выдаютъ на свою добычу...

При свѣтѣ дня, подѣ твердымъ, наблюдательнымъ взглядомъ сѣрыя кошки всегда такія смиренныя, кроткія и благонравныя... При свѣтѣ дня столько сѣренскихъ добродѣтелей остается на своей добродѣтельной стезѣ. При свѣтѣ дня онѣ, пожалуй, и жили бы, и сошли бы въ могилу, ни разу не подавъ повода къ подозрѣніямъ. Но стоитъ нависнуть сумеркамъ и, прежде всего, сѣренскія добродѣтели сливаются съ ихъ неопредѣленностью, а вскорѣ затѣмъ круглыя глаза вспыхиваютъ, какъ огни, и видно, какъ онѣ крадутся къ добычѣ, оставленной безъ призора и защиты...

Прошлымъ лѣтомъ, въ домѣ одного мастера, держащагося теперь совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, я встрѣтилъ старушку... Это была самая обыкновенная старушка съ чулкомъ въ рукахъ и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ строгаго спокойствія на лицѣ, которое иногда встрѣчается у такихъ старушекъ. Не знаешь, чему приписать это выраженіе: можетъ быть, ей надо считать петли и она сосредоточена на этомъ счетѣ, а можетъ быть и то, что тяжелое горе и горькая скорбная дума о жизни наложили эти морщины, придали неподвижность этому взгляду.

Отъ хозяина я узналъ, что это—мать Николая Петровича Зернова, пріѣхавшая въ Павлово прямо съ похоронъ сына. Послѣ своей неудачи онъ жилъ еще болѣе десяти лѣтъ, даже служилъ гдѣ-то на желѣзной дорогѣ. Но всѣ, знавшіе его прежде, видѣли, что это уже не жизнь, что въ ней недостаетъ главнаго нерва. Когда же, вдобавокъ, у него умерла жена, — замѣтное и прежде нервное разстройство перешло въ настоящую острую душевную болѣзнь.

Судьба порой особеннымъ образомъ заботится о своихъ любимцахъ, со вкусомъ истиннаго художника располагая всѣ аксесуары такъ умѣло, что образъ выступаетъ наиболѣе цѣльно и яр-

ко. Такую заботу проявила она и относительно Зернова. Этому человѣку, такъ крѣпко связавшему свою личную жизнь съ чужими интересами, суждено было и умереть отъ чужой смерти. Уже любовь и заботы близкихъ людей успѣли побѣдить болѣзнь, сознание его прояснилось, онъ выздоравливалъ. Но въ то время, когда, однажды, онъ сидѣлъ въ Петербургѣ у окна, изъ четвертаго этажа противъ его квартиры выбросилась на мостовую женщина. Николай Петровичъ вскрикнулъ и съ этой минуты не приходилъ уже въ сознание.

И вотъ, отъ этой жизни, и отъ весеннихъ надеждъ, и отъ сомнѣній, и отъ упорной мысли, и отъ глубокихъ страданій осталась только груда пожелтѣвшихъ бумагъ. Опытъ погибъ и на него ссылаются теперь всѣ противники зерновской идеи. «Было уже все это, — видали!» Однако, что же было, господа?...

Когда-нибудь я, а, можетъ быть, и кто-нибудь болѣе умѣлый, разберетъ груду старыхъ бумагъ, и тогда приверженцы торжествующей дѣйствительности и непреложныхъ экономическихъ законовъ убѣдятся, быть можетъ, что не они, а случайности исторической минуты побѣдили Зернова, что его идея и идея его времени остается, все-таки, неопровергнутой, что весенняя пѣснь, которую слышалъ молодой мечтатель надъ ширью рѣчнаго разлива, есть дѣйствительно истинный законъ человѣческаго развитія, для котораго стѣдуетъ работать, которому суждено вѣчно побѣждать всякіе иные законы!

Вл. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЕЗЪ ДОГМАТА *).

Современный романъ

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

30 іюля.

Не заглядывалъ въ свой дневникъ почти двѣ недѣли. Вздилъ съ Бромницкимъ по дѣламъ въ Вѣну, потомъ онъ прожилъ въ Гаштейнѣ еще три дня, а потомъ у меня такъ страшно болѣла голова, что я не могъ взяться за перо. Лечение пани Целины кончилось съ недѣлю тому назадъ, но мы еще остаемся здѣсь, потому что въ равнинахъ стоятъ палящія жары. Выѣздъ Бромницкаго принесъ огромное облегченіе мнѣ, пани Целинѣ (не будь онъ ея зятемъ, она его выносить бы не могла), теткѣ, а, можетъ быть, и Анелькѣ. Анелька не можетъ ему простить, что онъ завлекъ меня въ свои дѣла, а онъ, не догадываясь, что между мною и его женою можетъ существовать что-нибудь другое, кромѣ обыкновенныхъ родственныхъ отношеній, не дѣлаетъ изъ своего займа никакого секрета. Анелькѣ заемъ этотъ противенъ до невозможности, но она не смѣла высказать этого Бромницкому прямо. Онъ могъ бы и тогда оставить ее у тетки, а это отняло бы у Анельки послѣднюю тѣнь заблужденія, которою она обманываетъ себя. По временамъ я думаю, что она и пани Целина, не объясняясь другъ съ другомъ, не вѣрятъ ему, послѣ продажи Глухова, ни на каплю и въ глубинѣ души считаютъ его гораздо худшимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. По моему мнѣнію, Бромницкій, прежде всего, духовный парвеню, съ натурою сухой, деревянной, неспособной къ пониманію тонкихъ вещей. Въ его душѣ нѣтъ ни капли великодушія, ни благородства, ни впечатлительности, но въ обычномъ, общепринятомъ значеніи этого слова онъ, все-таки, по-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

рядочный человекъ.. Ему въ этомъ случаѣ помогаетъ врожденный педантизмъ, который какъ-то странно соединился въ немъ съ денежнымъ неврозомъ, а его неврозъ ничто иное, какъ выродившаяся фантазія, которая нашла себѣ исходъ въ этомъ направленіи.

Говоря вообще, онъ мнѣ такъ несказанно противенъ и ненавистенъ со своимъ моноклемъ, косыми глазами, длинными ногами и отсутствіемъ волосъ на желтомъ лицѣ, что удивляюсь, какъ я могу разсуждать о немъ объективно.

Если онъ не потеряетъ все, то и мои деньги останутся цѣлы. Но я не скрываю, что предпочитаю, чтобы онъ потерялъ и деньги, и разумъ, и жизнь и пропалъ бы разъ навсегда.

Я болѣнъ. Анельку за послѣдніе дни вижу рѣдко. Отчасти меня удерживала наверху головная боль, отчасти я воздерживался встрѣчаться съ Анелькой, чтобы не выказать ей моего гнѣва и обиды. А стоило это мнѣ не дешево, потому что моимъ глазамъ она необходима, какъ дневной свѣтъ. Я писалъ уже, что, несмотря на всю непреклонность своего характера, она пуглива. Просто-на-просто она не выноситъ, чтобы кто-нибудь сердился на нее, боится этого и старается сейчасъ же прекращать всякія недоразумѣнія. Тогда она дѣлается тихой, ласковою, смотритъ въ глаза какъ ребенокъ, который боится наказанія.

Меня это всегда волновало въ высшей степени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и доставляло наслажденіе; я обманывалъ себя предположеніемъ, что если только раскрою свои объятія, то она падетъ въ нихъ и склонитъ голову ко мнѣ на грудь хотя бы для того, чтобы смягчить мой гнѣвъ. Я не могу освободиться отъ заблужденій подобнаго рода, и, хотя знаю, что будущее непременно разсѣтетъ ихъ, въ глубинѣ моего сердца таится надежда, что когда мы примиримся, то что-нибудь выйдетъ изъ этого: она сдѣлаетъ мнѣ какія-нибудь уступки и станетъ ко мнѣ ближе. Съ другой стороны, въ этомъ взаимномъ недовольствѣ я вижу какъ будто невольное признаніе, невольное согласіе Анельки на то, что я имѣю право любить ее. Если она признаетъ обиду, вытекающую изъ любви, то должна признать и самую любовь. Эти права, положимъ, неуволнимы, какъ сонъ, нѣтъ у нихъ ни плоти, ни крови, но я прикрываюсь ими отъ полной апатіи, живу ими.

2 августа.

Опять получилъ письмо отъ Клары. Не догадывается ли она о чемъ-нибудь? Въ ея письмѣ столько нѣжности, столько сочувствія въ ея словахъ, какъ будто ей извѣстно, до какой степени мнѣ нехорошо. Я не знаю и не хочу узнавать, любить ли она меня какъ .

сестра, или какъ-нибудь иначе, но чувствую, что любить меня сильно. Отвѣтилъ я ей такъ сердечно, какъ только съумѣеть человѣкъ несчастный въ письмѣ къ единственному сочувствующему человѣку. Клара собирается въ Берлинъ, а къ началу зимы въ Варшаву. Подговариваетъ меня, чтобъ и я пріѣхалъ въ Берлинъ, хоть на два дня. Я не поѣду, не могу оторваться отъ того, что меня мучить, но буду радъ видѣть ее въ Варшавѣ.

Съ Анелькой мы говоримъ только о текущихъ дѣлахъ, чтобы не обратить вниманія старыхъ дамъ на нашъ разладъ. Когда мы остаемся одни, то молчимъ. Я видѣлъ, что она нѣсколько разъ хотѣла заговорить, но боязливость замыкала ея уста, а я могу выговаривать только одно слово: люблю, но это слово такъ слабо выражаетъ мое чувство, что его не стоить употреблять. Теперь къ моей любви примѣшался оттѣнокъ горечи. Меня удручаетъ мысль, что Богъ далъ ей узкое сердце, и въ этомъ-то лежитъ вся тайна ея непреклонности. Сегодня я думаю обо всемъ спокойнѣй и мало-помалу возвращаюсь къ убѣжденію, что Анелька и ко мнѣ питаетъ какое-нибудь чувство, состоящее изъ благодарности, сожалѣнія, воспоминанія о прошломъ, но въ этомъ чувствѣ нѣтъ дѣятельной силы, оно не въ состояніи ни на что рѣшиться, не въ состояніи даже признаться въ своемъ существованіи. Оно не имѣетъ уваженія къ себѣ, считаетъ себя за зло, стыдится самого себя, скрывается и въ сравненіи съ моимъ чувствомъ кажется горчичнымъ зерномъ передъ альпами, что насъ окружаютъ теперь. Отъ Анельки можно ожидать, что она скорѣе сдѣлаетъ все для ограниченія, чѣмъ для развитія своего чувства. Я отъ нея не разчитываю ничего получить, ни на что не надѣюсь, и какъ мнѣ скверно съ такимъ убѣжденіемъ!

4 августа.

Одно время я питалъ въ глубинѣ сердца надежду, что Анелька, подъ вліяніемъ негодованія на мужа, придетъ ко мнѣ и скажетъ: «Ты заплатилъ за меня... вотъ я!» Новое разочарованіе! Можетъ быть, такъ сдѣлали много женщинъ съ экзальтированными головами, вскормленныхъ на французскихъ романахъ, такъ поступила бы непремѣнно каждая, которая имѣла бы скрытое желаніе броситься въ объятія любовника и искала бы только приличнаго повода. Нѣтъ! Анелька не сдѣлаетъ этого, и если подобная мысль и пришла мнѣ въ голову, то только потому, что и я питался чтеніемъ тѣхъ псевдо-драмъ, какія разыгрываются въ душѣ женщинъ, которыя, въ сущности, насквозь пропитаны желаніемъ пустить свою честь на вѣтеръ. Анельку могло бы толкнуть въ мои объятія сердце,

но не искусственная драма, не фразы, не фальшивый наеосъ. Нечего и опасаться, что такъ будетъ.

Великое несчастіе полюбить истинно и глубоко чужую жену, хотя бы то была жена самаго дюжиннаго и ничтожнѣйшаго человѣка,—но верхъ несчастія—полюбить женщину добродѣтельную. Въ моихъ отношеніяхъ къ Анелькѣ есть что-то такое, о чемъ я никогда не слыхалъ и не читалъ: это невозможность выхода и какой-нибудь развязки. Развязка—будь это катастрофа или увѣнчаніе стремленій человѣческихъ—все-таки, представляетъ изъ себя что-нибудь, а тутъ—ужасный заколдованный кругъ. Если она останется такою, какою есть, а я не перестану любить, то выйдетъ только мука и мука—и больше ничего. А я до отчаянія увѣренъ, что она выдержитъ,—и я также.

Ей, если у нея, дѣйствительно, малое сердце, это стоить недорого. Я хотѣлъ бы не разъ сбросить это ярмо, но не могу. Не разъ я повторялъ себѣ, что это нужно, не разъ я дѣлалъ усилія, какія дѣлаеть для своего спасенія тонущій человѣкъ, не разъ мнѣ казалось, что я достигъ какихъ-то результатовъ, но достаточно было мнѣ увидать ее въ окно, обнять глазами,—и я чувствую такое волненіе, что вся неизмѣримая глубина моего чувства открывается передо мною сразу, совершенно такъ, какъ ночью во время грозы открываются глубины черныхъ, клубящихся тучъ.

О, какое мученіе имѣть дѣло съ добродѣтельною неумолимою и холодной, какъ буква закона!

Но хотя бы у Анельки вовсе не было сердца, я, все-таки, любилъ бы ее, какъ своего единственнаго ребенка, если бы онъ былъ уродомъ.

Въ такихъ случаяхъ человѣкъ проявляетъ больше сожалѣнія и больше страдаетъ.

5 августа.

Какая плохая и невѣрная мѣра—разсудокъ, когда имъ приходится мѣрять вещи или очень большія, или гениальныя, или полныя грознаго величія. Разсудокъ, который такъ хорошо служить въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, тогда становится старымъ шуткомъ, вроде Полонія. Мнѣ кажется, что въ одинаковой степени мѣщанская этика не можетъ служить мѣрой для великихъ страстей. Видѣть въ такомъ исключительномъ, въ такомъ всеобъемлющемъ чувствѣ, какъ мое, только нарушеніе такихъ-то и такихъ-то параграфовъ и не видѣть ничего больше, не видѣть, что это стихія, что это часть силы высшей всѣхъ мелкихъ заповѣдей, силы божественной, творческой, неизмѣримой, на кото-

рой основывается все существованіе, — это своего рода слѣпота и ничтожество... Увы, Анелька только такъ и умѣетъ смотрѣть на мою любовь. Допускаю, что она должна притворяться и что я долженъ, все-таки, уважать ее... я, видить Богъ, хлопочу болѣе за нее, чѣмъ за себя, но, при самомъ объективномъ разсмотрѣніи дѣла, долженъ часто отталкивать отъ себя презрѣніе къ ней и говорить ей въ глубинѣ души: «Возьми же ты другую мѣру, — эта не достойна тебя». Я уважилъ бы ее и чтить бы во сто кратъ болѣе, умѣй она смотрѣть иначе если не на наши отношенія, то хоть на любовь вообще.

6 августа.

Гаштейнъ, однако, хорошо возстановляетъ людей. Сегодня я замѣтилъ, что Анелька загорѣла на здѣшнемъ горномъ воздухѣ и смотреть здоровою. Это странно, тѣмъ болѣе, что и у нея было не мало заботъ и огорченій. Мучительно ей было недоразумѣніе съ мужемъ; гордость ея сильно пострадала потому, что онъ вошелъ со мною въ денежные дѣла; моя любовь тоже внести въ ея душу разладъ и нарушаетъ спокойствіе. Несмотря на все это, ея нѣжное личико блещетъ здоровьемъ, щеки покрылись румянцемъ. Помню, какъ она таяла на моихъ глазахъ въ началѣ лѣта, помню, какъ у меня вставали волосы дыбомъ при мысли, что ея здоровье, а, можетъ быть, и жизнь подвергаются опасности, теперь хоть это опасеніе миновало. Если бы я зналъ, что въ будущемъ она станетъ еще меньше сожалѣть меня, еще меньше брать въ расчетъ и меня, и мое чувство, но за то будетъ здорова, то я сказалъ бы: «пусть она не обращаетъ на меня вниманія, только была бы здорова». Въ складъ истиннаго чувства входитъ жажда счастья, но входитъ также и состраданіе, и заботливость, и великая привязанность.

Вчера Анелька одѣлась въ одно изъ своихъ дѣвичьихъ платьевъ, я замѣтилъ это, и все наше прошлое, какъ живое, воскресло передъ моими глазами. Только Богъ одинъ знаетъ, что со мною дѣлалось.

7 августа.

Гнѣвъ тетухи на Анельку давно прошелъ. Сегодня она очень сокрушалась, что Анелька скучаетъ, сидитъ постоянно дома и не видала здѣсь ничего, кромѣ дороги отъ Вильбада до Гофгаштейна.

— Еслибъ ноги мои служили получше, — сказала тетухка, — я повсюду ходила бы съ тобой, но кто обязанъ былъ показать тебѣ здѣшнія окрестности, такъ это твой мужъ, — онъ и такъ леталъ повсюду съ утра до вечера.

Анелъка начала увѣрять, что ей хорошо и дома и что она не имѣетъ потребности въ движеніи. Услышавъ это, я сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— У меня дѣла никакого нѣтъ, хожу я много и могу сопровождать Анелъку повсюду, по крайней мѣрѣ, показать ей все, что есть любопытнаго по близости.

Немного погодя я прибавилъ еще равнодушнѣе:

— Я не вижу здѣсь ничего противнаго обычаю. На лечебныхъ курортахъ даже простые знакомые ходятъ гулять вмѣстѣ, не говоря уже о родственникахъ.

Анелъка ничего не отвѣчала, но старыя дамы обѣ признали резонность моего замѣчанія, тѣмъ болѣе, что оно не шло въ разрѣзъ съ истиною.

Завтра мы должны идти вмѣстѣ на Шрекбрюке.

8 августа.

Договоръ между нами совершенъ и отнынѣ для обоихъ насъ начинается новая жизнь. Все это обладаетъ не тѣми формами, какія представлялись мнѣ въ воображеніи, но мое будущее должно вѣститься въ нихъ. Отнынѣ все будетъ ясно, опредѣленно. Новаго ничего не будетъ, рассчитывать я ни на что не могу, но за то не буду въ положеніи человѣка безъ кровли надъ головою.

9 августа.

Вчера передъ вечеромъ мы были на Шрекбрюке.

Старыя дамы проводили насъ немного, но сейчасъ же за водопадами сѣли на первую скамью, и мы одни отправились дальше. Мнѣ кажется, что мы оба понимали, что наступило время для важныхъ объясненій. Я хотѣлъ было показать Анелъкѣ нѣсколько красивыхъ мѣстъ, сообщить ихъ названія, но чувствовалъ себя не въ силахъ. Мы могли говорить только о самихъ себѣ или молчать. И долго шли мы молча, что было, между прочимъ, очень выгодно для меня. Въ это время я овладѣлъ собою, какъ могъ, подавилъ то нервное безпокойство, какое овладѣваетъ человѣкомъ передъ важными минутами жизни, и старался быть какъ можно болѣе хладнокровнымъ. Хладнокровіе ко мнѣ возвратилось настолько, по крайней мѣрѣ, что я рѣшилъ говорить о моей любви съ такимъ спокойствіемъ, такъ естественно, какъ о вещи всѣмъ извѣстной и всѣми признанной. Опытъ научилъ меня, что сношеніямъ съ женщинами мужчина можетъ придать какой угодно тонъ. А на женщину ничто такъ не вліяетъ, какъ тонъ разговора. Если мужчина дѣлаетъ свое признаніе такъ, какъ будто послѣ этого весь свѣтъ долженъ разрушиться, то-есть съ волненіемъ, со страхомъ и убѣжденіемъ,

что дѣлаетъ неслыханное дѣло, то этотъ страхъ и убѣжденіе передаются и женщинѣ. Въ противномъ случаѣ, являются и противоположные результаты: признаніе теряетъ всю силу своего характера, за то принимается легче и вызываетъ меньшее сопротивленіе.

Наконецъ, какъ я говорилъ, мнѣ нужно было только, чтобы душа Анельки не взбунтовалась при первомъ моемъ словѣ о любви. Если дѣла примутъ такой оборотъ, какой они принимали до этого, то всякая бесѣда между нами становилась невозможной, а переговоры намъ нужно необходимо, чтобы хоть какъ-нибудь уяснить наши отношенія. Имѣя все это въ виду, я сказалъ, насколько могъ, спокойно:

— Ты, можетъ быть, не отдаешь себѣ отчета, Анелька, какъ ты огорчила меня своимъ намѣреніемъ уѣхать отсюда. Я знаю отлично, что соображенія, которыя ты привела, не играли здѣсь никакой роли, и что главною причиною твоего намѣренія былъ я. Объ одномъ только ты забыла, именно о томъ, что станется безъ тебя со мною. Этого ты совсѣмъ не взяла въ расчетъ. Знаешь ли ты, что твой отъѣздъ не такъ поразилъ бы меня, какъ поразила та мысль, что ты ни на каплю не хочешь считаться со мною. Можетъ быть, ты скажешь, что хотѣла это сдѣлать для моего добра, чтобы вылечить меня. Нѣтъ! оставь меня въ покоѣ. Не лечи меня такимъ образомъ, потому что твое лѣкарство можетъ причинить мнѣ больше вреда, чѣмъ ты думаешь.

На щекахъ Анельки въ одно мгновеніе выступили красныя пятна. Очевидно, мои слова задѣли ее за живое. Не знаю, что она отвѣтила бы сразу, еслибъ не одинъ случай, который внезапно нарушилъ теченіе ея мыслей. Изъ-за высокой травы, со стороны дороги, вдругъ поднялся одинъ изъ кретиновъ, которыхъ такъ много въ окрестностяхъ Гапштейна, съ огромною головою, со звѣрскимъ взглядомъ, и, махая руками, началъ просить милостыню. Появился онъ такъ неожиданно, что Анелька вскрикнула отъ страха. Прежде чѣмъ она пришла въ себя и отыскала мелкую монету (при мнѣ не было денегъ), прошло нѣсколько минутъ. За это время впечатлѣніе, произведенное моими словами, ослабѣло настолько, что она отвѣтила мнѣ грустно, но мягко:

— Ты никогда не былъ такъ несправедливъ ко мнѣ, какъ теперь. Ты думаешь, что мнѣ все легко обходится, что у меня нѣтъ сердца, а мнѣ вовсе, вовсе не лучше, чѣмъ тебѣ...

Тутъ голосъ ея оборвался, а у меня пульсъ началъ биться съ отчаянною силой. Казалось, еще одно усиліе съ моей стороны — и я вырву изъ ея устъ открытое признаніе.

— Умоляю тебя всёми, что дорого тебѣ, — воскликнулъ я, — скажи, въ чемъ дѣло?...

— Дѣло въ томъ, что если я несчастна, позволь мнѣ остаться чистой. Леонъ, любовь моя, умоляю тебя, сжался надо мною. Ты не знаешь, какъ я несчастна! Я тебѣ готова всёми пожертвовать, кромѣ чести. Не требуй, чтобы я отдала тебѣ эту послѣднюю соломенку спасенія... этимъ нельзя, невозможно жертвовать! О, мой Леонъ!...

И, сложивъ руки, дрожа, она смотрѣла на меня глазами, полными слезъ. Не знаю, еслибъ я въ эту минуту прижалъ ее къ своей груди, можетъ быть, потому она умерла бы отъ стыда и горя, но теперь не нашла бы въ себѣ силы сопротивляться.

Но я поступилъ какъ человѣкъ, котораго любовь заставляетъ жертвовать собою, — я забылъ о себѣ и видѣлъ только ее. И я въ ту же минуту бросилъ ей подъ ноги мою страсть и мой эгоизмъ. Что мнѣ все это стоило въ сравненіи съ ней? Любимая женщина, которая защищается слезами, текущими изъ глубины сердца, выжатыми неподдѣльною болью, — непобѣдима. Я взялъ руку Анельки, поцѣловалъ ее съ почтительнымъ восторгомъ и сказалъ:

— Будетъ, какъ ты хочешь, въ этомъ я клянусь моею любовью къ тебѣ!

Оба мы не могли говорить дальше. Если сказать истинную правду, то въ эту минуту я казался себѣ и лучшимъ, и болѣе благороднымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Я чувствовалъ себя какъ человѣкъ, который послѣ тяжкой болѣзни испытываетъ большую слабость, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и радостный возвратъ къ жизни. Спусти нѣсколько времени я заговорилъ, и заговорилъ спокойно и мягко, не только какъ любящій человѣкъ, но какъ ближайшій другъ, который, прежде всего, имѣетъ въ виду счастье дорогаго существа.

— Ты не хочешь идти по неизвѣданной дорогѣ, — сказалъ я, — и я не буду дѣлать усилій столкнуть тебя съ твоего пути. Ты измѣнила меня, и всё муки, черезъ которыя я прошелъ, переродили меня также. Благодаря тебѣ, я понялъ, что желать — это одно, а любить — другое. Я не обѣщаю перестать любить тебя, потому что не могу, и одинаково обманулъ бы и тебя, и себя, еслибъ далъ такое обѣщаніе. Въ тебѣ — вся моя жизнь. Говорю это безъ малѣйшей экзальтаціи, какъ человѣкъ, который умѣетъ заглядывать въ себя и знаетъ хорошо, что такое заблужденіе и что правда. Но я буду любить тебя такъ, какъ будто ты умерла и какъ будто любилъ твою душу. согласишься ли ты на это, моя Анелька? Это

любовь невыразимо печальная, но любовь ангельская. Ее ты можешь принять и отплатить мнѣ тѣмъ же. Я тебѣ отдаю всего себя и эта клятва для меня такъ же важна, какъ если бы я принесъ ее передъ алтаремъ. Я никогда не женюсь на другой женщинѣ, буду жить только для тебя и моя душа будетъ твоею. И ты люби меня также, какъ будто я умеръ. Больше я тебя не прошу ни о чемъ, но въ этомъ мнѣ не отказывай, потому что здѣсь нѣтъ никакого грѣха. Если ты сомнѣваешься, то спроси хоть на исповѣди. Вѣдь, ты читала Данта? Вспомни, что онъ былъ женатъ, любилъ Беатриче такую же любовь, какую я требую отъ тебя, высказывалъ эту любовь во всеуслышаніе, и, однако, церковь признаетъ его поэму чуть не за святую. Если у тебя въ душѣ живетъ такое же чувство ко мнѣ, то дай мнѣ свою руку и пусть отнынѣ между нами царствуетъ вѣчное согласіе.

Анелъка помолчала немного и подала мнѣ свою руку.

— Такую пріязнь, — сказала она, — я всегда питала къ тебѣ и отдаю ее тебѣ отъ всей души и отъ всего сердца.

Выраженіе «пріязнь» больно кольнуло меня. Для меня этого было мало, мало и для такой минуты. Но я промолчалъ. «Слово «любовь» ее еще устрашаетъ, — подумалъ я, — она должна привыкнуть къ нему. Дѣло, впрочемъ, въ самой вещи, а не въ названіи; не стѣбитъ изъ-за слова нарушать то согласіе и то счастье, которое, наконецъ, мы извлекли изъ массы недоразумѣній, горечи и муки. Оба мы и такъ измучены; намъ обоимъ такъ нуженъ отдыхъ, что для него можно кое-чѣмъ поступиться».

Эта тѣнь вскорѣ исчезла при свѣтѣ мысли, что Анелъка принадлежитъ мнѣ, что она — моя вѣрная духовная жена. Я Богъ знаю, что отдалъ бы, еслибъ могъ спросить ее прямо: «моя ли ты?» — и услышать утвердительный отвѣтъ. И я спрашивалъ бы сто разъ въ день и никогда вдоволь не наслушался бы ея отвѣта, но въ эту минуту боялся напугать ее. Я, умѣющій все понять, не долженъ ли былъ сообразить, что есть слова, которыя объясняютъ сущность всѣми признаннаго явленія и которыя съ трудомъ исходятъ изъ устъ женщины, и еще такой женщины, какъ Анелъка? Вѣдь, все, что она говорила, было признаніемъ, вѣдь, согласилась же она, чтобы наши души принадлежали другъ другу, — чего я могъ желать больше?

Дойдя до Шрекбрюке, мы возвратились домой. По дорогѣ мы осматривались въ нашемъ новомъ положеніи такъ, какъ люди осматриваются въ новомъ домѣ, и пробовали приспособиться къ нему. Не обошлось безъ нѣкоторыхъ усилій, которыя до нѣкоторой

степенни связывали нашу свободу. Но меня и это утѣшало, мнѣ все казалось, что такъ бываетъ въ первые часы послѣ вѣнца, когда новобрачные чувствуютъ себя связанными на вѣки, но еще не привыкли другъ къ другу. Однако, я много говорилъ съ Анелькой о насъ обоихъ, объяснялъ ей всю чистоту и святость такого союза, какимъ долженъ быть нашъ, старался вдохновить ее увѣренностью и спокойствіемъ. Она слушала меня съ яснымъ лицомъ и чуть не каждую минуту обращала ко мнѣ свои прелестные глаза. Солнце уже зашло, Альпы покрылись своимъ обычнымъ вечернимъ багрянцемъ.

Я подалъ Анелькѣ руку, и мы пошли рядомъ. Вдругъ я замѣтилъ, что она задерживаетъ шаги, точно боится идти, поблѣднѣла, какъ полотно. Продолжалось это съ минуту, но я испугался ужасно и началъ спрашивать Анельку, что съ ней такое?

Анельба сначала не хотѣла говорить, но когда я началъ настаивать, то призналась, что ей пришелъ на память несчастный идіотъ и что она боялась, какъ бы онъ опять не попался ей на встрѣчу.

— Сама не знаю, почему, — сказала она, — но онъ произвелъ на меня ужасное впечатлѣніе... мнѣ стыдно признаться, что у меня такіе плохіе нервы. Я не могу забыть о немъ и ни за что не хотѣла бы повстрѣчаться еще разъ.

Я успокоивалъ ее, говорилъ, что при мнѣ ей не грозить ни малѣйшая опасность. Она, противъ воли, все еще безпокойно поглядывала на стороны дороги, но вскорѣ нашъ разговоръ изгладилъ это отвратительное впечатлѣніе. Когда мы подходили къ водопадамъ, уже стемнѣло, но вечеръ былъ изумительно теплый. На площади передъ Штраубингеромъ густая толпа публики слушала какихъ-то бродячихъ арфистокъ. Не знаю почему, это горное ущелье производило на меня впечатлѣніе Италіи. Припомнилъ я, какъ когда-то расхаживалъ по вечерамъ по Монте-Пинчіо въ Римѣ и мечталъ о счастья имѣть рядомъ съ собой Анельку. Теперь я чувствую, какъ ея рука опирается на мою руку, чувствую ея душу рядомъ съ своею душой.

Мы вошли въ ворота нашей виллы въ спокойствіи, полномъ тихой, безмятежной радости.

10 августа.

Сегодня цѣлый день думалъ о словахъ Анельки, которыя она сказала мнѣ по дорогѣ къ Шрегбрюке. Меня въ особенности поразило одно восклицаніе, вырвавшееся изъ ея усть: «Ты не знаешь, какъ я несчастна!» Сколько въ этомъ крикѣ было глубокой боли, какое невольное признаніе звучало въ немъ, что она мужа не лю-

бить, не можетъ любить и что, наконецъ, ея сердце, вопреки всѣмъ усиліямъ воли, принадлежитъ мнѣ. Если это такъ, то она была такъ же несчастна, какъ и я. Я говорю «была» потому, что ея горести прекратились, сегодня она можетъ сказать себѣ: «я буду вѣрна ему и останусь чистой», а остальное—предоставить волѣ Божіей.

11 августа.

Пришло мнѣ въ голову, что я не имѣлъ права требовать и ожидать отъ нея, чтобы она пожертвовала мнѣ всѣмъ. Это неправда, что для любви жертвуютъ всѣмъ. Еслибъ, напримѣръ, у меня случилось какое-нибудь столкновение съ Бромиджимъ и еслибъ Анелька, во имя нашей любви, приказала бы мнѣ на колѣняхъ просить у него прощенія, то я не сдѣлалъ бы этого. Я дѣлаю нелѣпое и фантастическое предположеніе, но при одной мысли объ этомъ вся моя кровь бросается въ голову. Нѣтъ, Анелька, ты права: есть вещи, которыя никто не можетъ и не имѣеть права жертвовать даже ради любви.

12 августа.

Сегодня утромъ были на Виндингрецхее. Пѣшкомъ идти туда три четверти часа, поэтому я добылъ для Анельки лошадь и повелъ ее подъ уздцы. Садясь на лошадь, Анелька ослепла на мое плечо и во мнѣ мгновенно воскресъ старый человекъ. Желая уничтожить его въ себѣ, я долженъ былъ бы убить свое тѣло, быть не человекомъ, а только духомъ. Я обязался держать свои страсти и свои порывы на привязи—и держу, но не обязывался не имѣть ихъ вовсе, такъ же, какъ не могъ бы обязываться, что не стану дышать. Если бы прикосновеніе руки Анельки заставляло меня вздрагивать не болѣе, чѣмъ прикосновеніе кусочка дерева, то это былъ бы знакъ, что я не люблю ее, и тогда всѣ обязательства были бы не нужны. Говоря Анелькѣ, что подъ ея вліяніемъ я переродился, я не хотѣлъ лгать, но не ясно очертилъ то, что со мною стало. На самомъ дѣлѣ, я только овладѣлъ самимъ собою. Я отрекся отъ цѣльнаго счастья, чтобы получить хоть воловину. Я предпочиталъ владѣть Анелькой хоть такимъ образомъ, чѣмъ не обладать вовсе, и я думаю, что каждый, кто знаетъ, что значить любить женщину, легко пойметъ меня. Если страсти, какъ говорятъ поэты, можно сравнить съ псами, то я этихъ псовъ связалъ и буду морить голодомъ, но не въ моей силѣ запретить имъ дергать свои цѣпи и вить.

Я знаю хорошо, что обѣщаль, и сдержу свое слово, потому что долженъ сдержать. Непреклонность Анельки исключаетъ всякую возможность проявленія моей злой или доброй воли. Для меня въ

качествѣ тормазы достаточно и одного опасенія, чтобы у меня не отняли и того, что дали недавно. Теперь я даже преувеличиваю свою осторожность, чтобы не спугнуть той птицы, которая для меня носить имя духовной любви, а для нея — пріязни. Помню я это выраженіе: оно, какъ маленькій уколъ, сначала не больно, а потомъ начинаетъ саднить. Сначала оно казалось мнѣ незначительнымъ, а теперь представляется заранѣе обдуманномъ и полнымъ грознаго предостереженія. Какая это странная особенность у женщинъ: страхъ назвать сущность вещи по имени! Я, вѣдь, ясно сказалъ Анельгѣ, о чемъ я прошу ее, она поняла тоже ясно, но назвала это чувство пріязнью, какъ будто бы въ данномъ случаѣ хотѣла заслониться и отъ меня, и отъ себя, и отъ Бога.

Съ другой стороны, правда и то, что чувство, настолько оторванное отъ реальной почвы, можно окрестить какимъ-угодно именемъ. Сколько горечи и грусти въ этой мысли! Эта предусмотрительность, свойственная безукоризненно чистымъ женщинамъ, происходитъ, несомнѣнно, изъ ихъ страшной стыдливости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволяетъ имъ быть великодушными. Я могъ бы придти къ Анельгѣ и сказать ей: «Будь что будетъ, я для тебя отрекся отъ половины моего существа, а ты отмѣриваешь мнѣ каждое слово; развѣ такъ можно?» И въ глубинѣ своей души я говорю ей это укоризненнымъ голосомъ. Любовь трудно понимать безъ великодушія, безъ непреодолимаго желанія принести что-нибудь въ жертву любимому существу.

Сегодня на Виндишгрецхѣе мы разговаривали, какъ два человека близкихъ, дружныхъ, но такъ же точно могли разговаривать два близкихъ родственника. Если бы мы совершили эту прогулку до нашего договора на Шрекбрюге, то я попытался бы поцѣловать руку Анельки, хоть на минуту заключить ее въ свои объятія, но теперь шелъ спокойно, смотря ей прямо въ глаза, какъ человекъ, который не боится каждой строгой мины. Даже болѣе, я не говорилъ почти ничего о нашей духовной любви. Отчасти я воздерживался съ намѣреніемъ, думая, что такимъ образомъ я болѣе закрѣплю за собою ея довѣріе. Но сквозь это молчаніе я говорилъ ей глазами: «Ты не ошибешься во мнѣ, — лучше я воспользуюсь не всеми предоставленными мнѣ правами, чѣмъ нарушу нашъ договоръ».

Все-таки, человекъ чувствуетъ себя немного обиженнымъ, если его жертву принимаютъ не съ такимъ чистосердечіемъ и беззаветностью, съ какою онъ приноситъ ее. Такъ и хотѣлось бы сказать любимому существу: «теперь я жду отъ тебя такой же платы».

Я и говорилъ, но напрасно.

Что выйдетъ изъ этого? Одно разочарованіе для меня. Я думалъ, что разъ такое условіе заключено, то въ предѣлахъ его я могу быть свободенъ, какъ птица, могу повторять слово «люблю» съ утра до вечера и съ утра до вечера буду его слышать, что я вознагражу себя за всѣ муки, за все долгое время неподдѣльныхъ страданій, что буду царемъ въ своемъ царствѣ, а теперь дѣла складываются такъ, что мой кругозоръ все больше и больше суживается, а въ душѣ возникаетъ сомнѣніе, выражающееся въ вопросѣ: что же ты выгадалъ?

Но я стараюсь оттолкнуть его. Нѣтъ! кое-что я, все-таки, приобрѣлъ. Приобрѣлъ право любоваться ея счастливымъ, сияющимъ лицомъ, ея улыбкой, приобрѣлъ то, что ея ясные глаза смѣло могутъ смотрѣть въ мои глаза. Если мнѣ до сихъ поръ тѣсно и неловко въ этомъ новомъ домѣ, то только потому, что я не умѣю еще жить въ немъ, какъ слѣдуетъ.

Наконецъ, прежде я былъ безъ кровли надъ головой, и если знаю въ точности, что приобрѣлъ, то знаю отлично, что ничего не могъ потерять. Объ этомъ никогда не нужно забывать.

14 августа.

Тетушка начинаетъ поговаривать о возвращеніи домой. Ей съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе скучно по Плошовѣ. Я спрашивалъ Анельку, охотно ли она возвратится. Говорить, что да... и мнѣ самому захотѣлось поскорѣй уѣхать отсюда. Я всегда основывалъ какія-то странныя и необъяснимыя надежды на перемѣнѣ мѣста. Теперь я болѣе ни на что не рассчитываю, но съ Плошовымъ соединено столько хорошихъ воспоминаній, что я съ радостью вновь увижу его.

16 августа.

Дни мои начинаютъ течь однообразно. Я думаю и отдыхаю. Думы мои бываютъ часто грустны, по временамъ не лишены горечи, но душа моя была ужъ такъ измучена, что я наслаждаюсь этимъ, хотя и условнымъ спокойствіемъ. Благодаря ему, я теперь чувствую, насколько мнѣ стало лучше въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде. Теперь мы много времени проводимъ съ Анелькой вмѣстѣ, читаемъ и разговариваемъ о прочитанномъ. Все, что я говорю, служить только опредѣленіемъ любви, ея дальнѣйшимъ развитіемъ, все относится къ ней. Но, странное дѣло, я замѣтилъ, что мы никогда не говоримъ о ней прямо, словно женскій страхъ называть вещи по именамъ сообщился и мнѣ. Объяснить себѣ причину этого явленія я не умѣю, но оно меня пугаетъ, по временамъ

даже сильно пугаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радуется, ибо я вижу, что Анелька довольна этимъ, и—что еще больше—чувствую, что любить меня за это. Желая еще болѣе скрѣпить нашу духовную связь, я началъ говорить съ ней о себѣ; я думалъ, что послѣ нашего договора я не долженъ имѣть отъ нея никакихъ тайнъ. Умолчалъ я только о такихъ дѣлахъ, которые могли оскорбить деликатность чувства и чистоту ея мысли, но пробовалъ ознакомить ее съ моею внутреннею драмой, вытекающею изъ скептицизма и отсутствія какой бы то ни было жизненной опоры. Я сказалъ ей открыто, что у меня на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ нея, описалъ, что творилось со мной послѣ ея замужства, черезъ какія перемѣны проходилъ мой умъ и мое сердце со времени возвращенія въ Польшу, и описывалъ тѣмъ съ болѣею охотой, что подъ видомъ моей исторіи я высказывалъ ей признаніе, что все это значило одно: я люблю тебя и любилъ всегда больше всего на свѣтѣ. Ее обманула форма моихъ признаній, она выслушивала ихъ, какъ будто рѣчь шла совсѣмъ о другомъ, выслушивала съ волненіемъ, сочувствіемъ, а, можетъ быть, и съ бессознательнымъ наслажденіемъ. Я видѣлъ, какъ глаза ея не разъ наполнялись слезами, какъ волновалась грудь, какъ все ея духовное существо шло ко мнѣ на встрѣчу съ распростертыми объятіями, точно хотѣло сказать мнѣ: «поди сюда, и ты имѣешь право на частицу счастья!» И я отвѣчалъ ей глазами: «я самъ ничего не говорю тебѣ и только рассчитываю на твое великодушіе».

Дѣлалъ я свои признанія еще и для того, чтобы водворить между нами этотъ обычай, чтобы вселить въ Анельку понятіе, что между нами такъ и должно быть. Я хотѣлъ ее принудить до нѣкоторой степени отплатить мнѣ взаимностью, рассказать, что дѣлалось за то же время и въ ея головѣ и сердцѣ, но не могъ добиться этого. Пробовалъ спрашивать, но слова выходили изъ ея устъ съ такимъ трудомъ, что я прекратилъ свои вопросы. Желая быть откровенною, она должна была бы объяснить, какія чувства питала ко мнѣ и каковы были ея отношенія къ мужу. А я не хотѣлъ принуждать ее,—этого не дозволяли, во-первыхъ, ея стыдливость, во-вторыхъ, ея воззрѣнія на обязательства брака. Я понимаю эти вещи отлично, но не могу отдѣлаться отъ непріятнаго чувства. Мой пессимизмъ говоритъ мнѣ: «Всѣ издержки падаютъ только на одного тебя; ты даешь ей все, а взамѣнъ не получаешь почти ничего; ты заблуждаешься, что ея душа принадлежитъ тебѣ, а душа эта для тебя замкнута, что же ты выгадаешь?»

Я признаю резонность замѣчаній этого голоса и разчитываю только на будущее.

17 августа.

Часто мнѣ припоминаются слова Мицкевича: «увы, я увидалъ только половину спасенія». Но если бы въ этомъ полуспасеніи не было и тѣхъ недочетовъ, которые замѣчаются въ немъ, то и тогда я не дошелъ бы до полного спокойствія. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы я не желалъ ничего большаго, то есть если бы пересталъ любить. На меня все чаще и чаще находятъ минуты апатіи, когда я повторяю себѣ, что попалъ въ новый закодированный кругъ. Мои невыносимыя муки до нѣкоторой степени смягчались—это правда. Но боль только уменьшилась, а не прошла совсѣмъ. Когда арабъ, измученный жаждой въ пустынѣ, вмѣсто воды, набираетъ въ ротъ камешковъ, онъ не утоляетъ жажды, а только обманываетъ ее на время. Вопросъ, не обманываю ли и я себя? Во мнѣ снова два человѣка: зритель и актеръ, снова первый начинаетъ критиковать другаго и часто насмѣхается надъ нимъ. Плошовскій—скептикъ, тотъ Плошовскій, у котораго нѣтъ полной и непоколебимой вѣры въ существованіе души—кажется мнѣ смѣшнымъ. Что такое наши отношенія? Порою я вижу въ нихъ только искусственный плодъ моей больной экзальтаціи. Теперь-то я уже несомнѣнно похожъ на птицу, которая волочить одно крыло по землѣ. Я обрекъ на параличъ половину своего существа, живу только половиною жизни и приказываю себѣ любить только половиною любви. Напрасное приказаніе!

Отдѣлить желаніе отъ любви и такъ же невозможно, какъ отдѣлить мышленіе отъ существованія. Я могу мыслить только какъ человѣкъ, и только какъ человѣкъ могу любить. Даже религіозныя чувства, самыя идеальныя изъ всѣхъ, выражаются словами, колѣнопреклоненіями, прикосновеніями къ священнымъ предметамъ, а я хотѣлъ, чтобы любовь къ женщинѣ отреклась отъ всякаго воплощенія, всякой связи съ землей и существовала на землѣ въ неземной формѣ!

Что такое любовь?—желаніе и стремленіе. Что я усиливался отнять у нея?—желаніе и стремленіе. Точно также я могъ придти къ Анелькѣ и сказать ей: «Въ силу того, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, обещаюсь, что не буду любить тебя».

Во всемъ этомъ кроется какая-то огромная ошибка. Вѣдь, я, дѣйствительно, былъ похожъ на заблудившагося въ пустынѣ,—что же удивительнаго, что моимъ глазамъ представлялась фата-моргана?

18 августа.

Вчера меня мучили и удручали разные мысли. Я не могъ спать, и, чтобы не раздражать себя еще больше, пересталъ спускаться въ глубины пессимизма, началъ думать объ Анелькѣ и представлять ее себѣ. Это всегда приноситъ мнѣ облегченіе. Напряженное во-ображеніе рисуетъ мнѣ Анельку какъ живую, такъ, что мнѣ хочется разговаривать съ ней. Вспомнилъ я тотъ балъ, на которомъ я увидалъ ее въ первый разъ въ костюмѣ взрослой дѣвушки. Въ моей памяти возсталъ такъ ясно милый образъ, какъ будто это было вчера. Я помню ея бѣлое платье, украшенное фіалками, обнаженныя плечи, личико свѣжее, какъ весеннее утро, оригинальное смѣлымъ рисункомъ бровей и необыкновенною длиною рѣсницъ. Мнѣ кажется, что я еще слышу ея вопросъ: «Ты не узнаешь меня, Леонъ?» Въ то время я писалъ, что ея лицо производило на меня впечатлѣніе музыки, переведенной на языкъ человѣческаго лица. Въ ней одновременно были и прелесть дѣвочки, и очаровательность женщины. Никогда никакая женщина не привлекала меня къ себѣ такъ сильно, и нужно было совмѣстное воздѣйствіе отдаленія, семейной катастрофы и такой Цирцеи, какъ Лаура, чтобы я позволилъ отнять у себя мою суженую, почти мою нареченную.

Никто въ свѣтѣ лучше меня не понимаетъ, что слова: «твоя чары тяготѣютъ надо мной», — могутъ быть не теоретическою фразой, а тяжелою дѣйствительностью. Ея чары тяготѣютъ надо мной. Я ее не только люблю, но и страстно жажду обладать ею; она болѣе чѣмъ осуществляетъ мой идеалъ женской прелести и очарованія, она притягиваетъ меня къ себѣ съ такою необъяснимою силой, съ какою магнитъ притягиваетъ желѣзо. Иначе и быть не можетъ: вѣдь, это та же самая Анельна, она ни въ чемъ не измѣнилась. То же самое лицо дѣвочки съ прелестью женщины, тотъ же самый взглядъ, тѣ же самыя рѣсницы, брови, уста, тотъ же стройный станъ. Теперь къ ней прибавилась еще одна прелесть — потертый рая.

Но за то какая огромная пропасть между нашими прежними отношеніями и теперешними! Богда я припоминаю ту, прежнюю Анельку, которая ждала, какъ спасенія, чтобы я сказалъ ей: «будь моею», — мнѣ почти не хочется вѣрить, что это время было когда-то. Думая объ этомъ, я испытываю такое чувство, какое испытываетъ разорившійся магнатъ, который во время своего блеска разбрасывалъ деньги во всѣ стороны, дивидъ свѣтъ своею щедростью, и которому теперь пришлось жить милостыней.

Сегодня ночью, когда я думалъ объ Анелькѣ и всматривался въ

нее духовными очами, мнѣ пришло въ голову, что у меня нѣтъ ея портрета, и меня вдругъ охватило непреодолимое желаніе имѣть ея изображеніе. Я схватился за эту мысль обѣими руками и она меня такъ обрадовала, что сонъ какъ рукой сняло: «Я буду обладать тобою, — говорилъ я, — буду имѣть возможность придти къ тебѣ, цѣловать твои руки, глаза, губы, и ты не оттолкнешь меня отъ себя». И я началъ думать, какъ осуществить это. Не могъ же я придти къ Анелькѣ и сказать ей: «Прикажи написать овой портретъ, а я заплачѣ за него», — но съ теткой я дѣлалъ всегда все, что хотѣлъ, и могъ ее подговорить, чтобы она высказала желаніе имѣть портретъ Анельки. Въ Плошовѣ находится цѣлая галлерей фамильныхъ портретовъ, — гордость тетушки и мое отчаяніе (потому что нѣкоторые изъ нихъ ужасны), — а тетушка всѣми силами старается пополнить ее. Принимая въ соображеніе ея глубокую привязанность къ Анелькѣ, я былъ увѣренъ, что она придетъ въ восторгъ при первомъ моемъ словѣ о портретѣ. Чтобы привести дѣло къ благополучному концу, достаточно было пятиминутнаго разговора. Я былъ въ этомъ твердо увѣренъ и началъ придумывать, кому бы заказать портретъ. Увы, я никоимъ образомъ не могу уговорить моихъ дамъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ мнѣ предстоялъ бы широкій выборъ между точностью и объективностью Бонната, смѣлымъ размахомъ Карелюса Дюрана и мягкостью Шаплена. Закрывъ глаза, я представлялъ себѣ, какъ каждый справился бы съ своею задачей, но что пользы понапрасну думать о томъ, чего нельзя осуществить? Я предвидѣлъ, что тетушка захочетъ, чтобы портретъ съ Анельки писалъ польскій художникъ. Что-жь, я ничего не имѣю противъ этого; на выставкахъ въ Варшавѣ и въ Бравовѣ мнѣ пришлось видѣть нѣсколько портретовъ, нисколько не уступавшихъ заграничнымъ. Меня устрашала только проволочка. Я обладаю чистоженскою особенностью: чего я захочу сегодня, мнѣ непременно подавай завтра. А такъ какъ мы были въ Германіи, около Мюнхена и Вѣны, то я началъ перебирать нѣмецкихъ художниковъ и, наконецъ, выловилъ два имени: Лембахъ и Анджели. Я видѣлъ великолѣпные портреты Лембаха (впрочемъ, только мужскіе), но меня злила его самоувѣренность и быстрота, которую я, влюбленный во французское искусство, разрѣшалъ только французамъ. Женскія лица Анджели также не вполне удовлетворяли меня, но, какъ бы то ни было, за нимъ нельзя было не признать деликатности кисти, что непременно требовалось для портрета Анельки. Притомъ, для Лембаха нужно уклоняться въ сторону, а Анджели былъ на дорогѣ, — подробность, о которой стыдно говорить человѣку, не желающему

прослыть за филистера. Но въ этомъ случаѣ вопросъ о времени представлялся мнѣ очень важнымъ. «Мертвые ѣдутъ быстро», — говоритъ поэтъ, но влюбленные еще быстрѣе. Наконецъ, я и такъ выбралъ бы Анджели, и поэтому окончательно остановилъ свой выборъ на немъ. Вообще я не люблю портретовъ въ бальныхъ костюмахъ, но Анельку рѣшилъ нарядить въ бѣлое платье съ фіалками. Я хочу, смотря на нее, заблуждаться, что это моя прежняя Анелька. Пусть мнѣ ничто не напоминаетъ пани Бромницкую. Притомъ, это платье дорого мнѣ, какъ воспоминаніе.

Я не могъ дожидаться конца ночи, — такъ мнѣ хотѣлось приступить къ дѣлу. Планъ мой немного измѣнился. Если тетка будетъ настаивать на польскомъ художникѣ, я скажу, что хочу подарить ей портретъ на именины, которые приходятся въ концѣ октября. При такихъ условіяхъ и Анелька не можетъ отказаться. Само собою разумѣется, другой экземпляръ я закажу для себя.

Я почти совсѣмъ не спалъ, но засчитываю эту ночь въ число хорошихъ, потому что все время мое было занято. Задремалъ только въ пять часовъ, но въ восемь былъ уже на ногахъ. Пошелъ къ Штаубингеру, послалъ отсюда телеграмму въ бюро Кюнстлергауза съ запросомъ, въ Вѣнѣ ли Анджели, затѣмъ возвратился домой, засталъ всѣхъ за чаемъ и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Анелька, — сказалъ я, — я долженъ покаяться тебѣ: сегодня ночью, вмѣсто того, чтобы спать, я распорядился твоею судьбой, а теперь прошу тебя подчиниться моимъ распоряженіямъ.

Анелька испуганно посмотрѣла на меня. Можетъ быть, ей въ голову пришло, что я потерялъ рассудокъ или приступаю къ какой-нибудь отчаянной откровенности въ присутствіи старыхъ дамъ, но лицо мое было спокойно, почти равнодушно, и она спросила:

— Какъ же ты распорядился мною?

Я обратился къ теткѣ.

— Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ, но я вижу, что тайны скрыть нельзя и поэтому скажу вамъ прямо, какой подарокъ придумалъ вамъ на именины.

Тутъ я рассказалъ все въ подробности. Лучшаго подарка я не могъ сдѣлать тетущкѣ (мой портретъ, и очень хорошій, у нея уже былъ) и она осыпала меня благодарностями. Я замѣтилъ, что и Анелька обрадовалась, а мнѣ этого только и нужно было. Сейчас же мы начали обдумывать, когда и кто будетъ писать портретъ, какъ Анелькѣ лучше одѣться и т. д. Женщины чрезвычайно интересуются подобными вещами. Отвѣты на всѣ вопросы у меня были

готовы; кромѣ того, я замѣтилъ, что подъ видомъ портрета могу получить еще что-то.

— Времени это займетъ немного, — сказалъ я. — Телеграмма съ запросомъ объ Анджели уже отправлена, и я не думаю, чтобы наше возвращеніе въ Плошовъ такимъ образомъ оттянулось надолго. Анелька дастъ четыре или пять сеансовъ, а такъ какъ мы и безъ того должны были посовѣтоваться въ Вѣнѣ съ Нотнагелемъ, то одно на одно и выйдетъ. Платье можно нарисовать послѣ, по модели, а для лица пяти сеансовъ достаточно. Нужно только заранѣе послать фотографію Анельки, на примѣръ, ту, которая у тетушки Целины, и прядь волосъ. Прядь волосъ я прошу у тебя, Анелька, сейчасъ. Прежде, чѣмъ мы прѣйдемъ, Анджели сдѣлаетъ общій абрисъ, подмалюетъ, а потомъ ему останется только заканчивать.

Все могло быть и такъ, какъ я говорилъ, но прося прядь волосъ, я рассчитывалъ на то, что ни одна изъ моихъ собесѣдницъ въ достаточной степени не знакома съ процедурой рисованія портретовъ. Эту прядь я выпрашивалъ для себя, не для Анджели, которому она могла быть нужна только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ рисовалъ портретъ съ фотографіи. Но я представилъ дѣло такъ, какъ будто бы отъ одного локона зависѣла судьба портрета.

Черезъ два часа послѣ завтрака я получилъ отвѣтъ на мою телеграмму: Анджели былъ въ Вѣнѣ, гдѣ оканчивалъ портретъ княгини Н. Я тотчасъ же написалъ ему, приложилъ фотографію, взятую у пани Целины, потомъ, увидавъ Анельку въ саду, сонелъ къ ней.

— А твои волосы? — спросилъ я. — Письмо нужно посылать во второмъ часу.

Она побѣжала къ себѣ и черезъ минуту воротилась съ прядью волосъ. Когда я бралъ ихъ, у меня слегка дрогнула рука, но я смотрѣлъ Анелькѣ прямо въ глаза и спрашивалъ ее своимъ взглядомъ:

— Развѣ ты не догадываешься, что эти волосы я прошу для себя, что они будутъ самою драгоцѣннѣйшею вещью изъ всего, чѣмъ я обладаю?

Анелька не сказала ничего, но опустила рѣсницы и покраснѣла, какъ дѣвушка при первомъ признаніи въ любви. Она угадала... Да, за одно привосновеніе устами къ ея устами стѣдуетъ отдать всю жизнь. Любовь къ ней порою возрастаетъ во мнѣ до такой степени, что переходитъ въ боль.

Теперь у меня частица ея самой. Я, скептикъ, я, который въ каждую минуту анализирую и вижу себя насквозь, пускаюсь на хитрости, приличныя только гётевскому Зибелю.

Но я говорю себѣ: въ самомъ худшемъ случаѣ я сантименталенъ

и смѣшонъ. Кто знаетъ, не во сто ли разъ глупѣе, смѣшнѣе и ничтожнѣе во мнѣ тотъ другой, не сантиментальный человѣкъ, который все разбираетъ и доводитъ до сознанія? Анализировать — это же самое, что ощипывать цвѣтокъ. Анализъ портитъ красоту жизни, а, значить, и счастья, то-есть того, что единственно имѣетъ значеніе.

22 августа.

Леченіе пани Целины окончилось, но мы ждали нѣсколько недѣль, пока жары въ равнинахъ кончатся, и дождались ужасной погоды. Теперь опять ожидаемъ перваго погожаго дня, чтобы выѣхать въ Вѣну. Вотъ ужъ три дня здѣсь царствуетъ египетская тьма. Тучи, которыя за недѣлю передъ тѣмъ скопились на вершинахъ, осыпая ихъ снѣгомъ, сползли съ своихъ высокихъ гнѣздъ, спустились на Гаштейнъ и покрыли своею тяжелою неленой всю долину. Мы живемъ въ такой мглѣ, что въ полдень трудно отыскать дорогу отъ нашей виллы до Штраубингера. Все точно флеромъ покрыто—дома и деревья, горы и водопады. Контуры растопились и расплзлись въ одномъ бѣловатомъ, густомъ туманѣ, который тяжелымъ гнетомъ лежилъ на все, даже на душу человѣческую. Съ двухъ часовъ мы зажигаемъ лампы. Мои барыни привели себя въ походное положеніе. Мы выѣхали бы, несмотря на непогоду, если бы горные ручьи не разбушевались и не испортили дорогу въ одномъ мѣстѣ, за Гофгаштейномъ. Къ пани Целинѣ возвратился ея старый мигрень; тетушка получила отъ старика Хвастовскаго извѣстіе, что хлѣбъ спалили жары, вслѣдствіе чего она ходитъ по столовой большими шагами и ругаетъ Хвастовскаго на всѣ манеры. Анелька сегодня съ утра кажется нездоровой. Она призналась намъ, что ночью ей приснился тотъ кретинъ, котораго мы видѣли по дорогѣ въ Шрекбрюке, и страшно испугалъ ее. Странное дѣло, какое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ бѣднякъ. Я старался ободрить ее веселою болтовней, что мнѣ до нѣкоторой степени удалось, да и вообще со времени нашего договора Анелька гораздо покойнѣе, веселѣе, счастливѣе.

Видя это, я не имѣю отваги даже роптать, хотя мнѣ часто приходится въ голову, что наша связь заключается въ отсутствіи всякой связи. Заключая договоръ, я зналъ хорошо, чего хотѣлъ и въ какія формы выльются наши чувства, а теперь эти формы распыляются, становятся все болѣе неуловимыми и неопредѣленными, какъ будто ихъ покрываетъ та мгла, которая завладѣла во мнѣ Гаштейномъ. Я постоянно чувствую, что Анелька не признаетъ моихъ правъ, и не смѣю напомнить о нихъ. Не смѣю, можетъ быть, потому,

что всякая борьба утомляетъ, тѣмъ болѣе борьба за дорогое существо, а я ведъ эту борьбу полгода, не завоевалъ почти ничего, и истощился до такой степени, что теперь предпочитаю хоть какой-нибудь покой прежнимъ безплоднымъ усиліямъ.

А, можетъ быть, существуетъ и другой поводъ. Хотя положеніе вещей не соотвѣтствуетъ моимъ ожиданіямъ, но за то оно привязываетъ ко мнѣ Анельку. Ей кажется, что я люблю ее теперь болѣе благородною любовью... вотъ она и цѣнитъ меня (не смѣю сказать любить) за это больше. Несмотря на полное отсутствіе внѣшнихъ проявленій, я чувствую, что это такъ. Это придаетъ мнѣ силы и я говорю самому себѣ: «Чувство ея все растетъ... сдерживай себя, жди, и, можетъ быть, дождешься времени, когда оно переростетъ силу ея сопротивленія».

Люди вообще, а женщины въ особенности, думаютъ, что такъ называемая платоническая любовь есть особый родъ любви, очень рѣдкій и необычайно благородный. Это простое смѣшеніе понятій. Могутъ существовать платоническія отношенія, но платоническая любовь такая же бессмыслица, какъ, на примѣръ, несвѣтящійся свѣтъ. Даже любовь къ умершимъ слагается изъ тоски какъ по ихъ душѣ, такъ и по ихъ земной оболочкѣ. Между живыми людьми платоническія отношенія возможны только при полномъ отреченіи отъ всей своей сущности. Я не лгалъ, когда говорилъ Анелькѣ: «Я буду тебя любить, какъ будто ты умерла». Но отреченіе не исключаетъ надежды. Несмотря на всѣ разочарованія, на результатъ опыта, что всякая надежда обманчива, въ глубинѣ моего сердца и я питаю надежду, что теперешнія наши отношенія — только этапъ на пути нашей любви. Я могу сто разъ на день повторять себѣ: «заблужденіе! заблужденіе!» — но не съумѣю освободиться отъ надежды, пока не освобожусь отъ своихъ стремленій. Эти вещи неотдѣлимы другъ отъ друга. Я согласился на такой договоръ, потому что предпочиталъ его отсутствію договора, но, помимо всей искренности, почти невольно считаю его за свою игру, за свою дипломатію, цѣлью которой служить цѣлое, не половинное счастье.

Но что меня приводитъ въ изумленіе и огорчаетъ, чего я попросту не понимаю, такъ это того, что я и здѣсь побить. Побѣды мои лежатъ во мглѣ будущаго (и то онѣ похожи на свѣтъ отдаленнаго маяка или на блуждающій огонекъ), а въ настоящее время я, со всею моею ловкостью, со всѣмъ знаніемъ жизни, человѣческихъ чувствъ, ихъ дипломатію, разбить существомъ, безконечно менѣ опытнымъ, менѣ прозорливымъ, менѣ разсчитывающимъ каждый шагъ, не обладающимъ никакою жизненною тактикой. Я оказался

побитымъ, — нечего тутъ разсуждать! Что такое наши теперешнія отношенія? Отношенія любящихъ другъ друга родственниковъ, то, чего она хотѣла и чего я не хотѣлъ. Прежде я плылъ по бурному морю, постоянно терпѣлъ крушенія, но, по крайней мѣрѣ, самъ управлялъ своею ладьею. Теперь Анелька управляетъ обѣими, мы плывемъ спокойнѣе, ровнѣе, только я чувствую, что плыву туда, куда не желаю приплыть. Теперь я понимаю, для чего она, едва лишь я упомянулъ о любви Данта къ Беатриче, протянула мнѣ обѣ руки: для того, чтобы вести меня. Развѣ она лучше и глубже меня можетъ разсчитать все?

Нѣтъ, я не знаю существа, менѣе способнаго къ какимъ-нибудь разсчетамъ, значить, не могу и допустить этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу освободиться отъ мысли, граничащей съ тѣмъ-то мистическимъ: мнѣ кажется, будто кто-то другой разсчитываетъ за нее. Все, что окружаетъ меня, тоже какъ-то странно. Странно и то, что я позволяю себя ограничивать, что самъ я выдумалъ положеніе, такъ противное моей природѣ, моимъ воззрѣніямъ, самымъ горячимъ моимъ стремленіямъ. Если бы кто-нибудь, до моего знакомства съ Анелькой, сказалъ мнѣ, что современемъ у меня явятся подобныя мысли, то я счелъ бы его за сумасшедшаго и въ теченіе цѣлаго мѣсяца смѣялся бы и надъ лжепророкомъ, и надъ самимъ собою. Я — въ платонической связи! Еще и теперь мнѣ хочется хохотать и издѣваться надъ самимъ собою. А нужда заставила...

23 августа.

Завтра мы уѣзжаемъ. Небо проясняется, вѣтеръ дуетъ съ запада, все предвѣщаетъ хорошую погоду. Мгла свернулась въ длинныя, бѣлесоватыя валы, которые вытянулись по бокамъ горъ и медленно спускаются внизъ. Ходили мы съ Анелькой на Кейзервегъ. Утромъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, что бы случилось, если бы положеніе, въ которомъ мы живемъ, перестало удовлетворять саму Анельку? Я не имѣю права переступить границу и боюсь, а ну какъ она думаетъ то же самое? Ея врожденная стыдливость и несмѣлость образуютъ и такъ непреодолимыя преграды, а если бы еще, вдобавокъ, она думала, что нашъ договоръ обязываетъ и ее такъ же, какъ меня, то мы не объяснились бы никогда и страдали бы совершенно напрасно.

Но, вдумавшись глубже, я понялъ всю неосновательность подобныхъ опасеній. Она, которой даже платоническая связь кажется черезъ-чуръ обширною, которая — не знаю, сознательно или бессознательно — стѣсняетъ ея границы и не дозволяетъ мнѣ того,

что принадлежить мнѣ, она, добровольно, первая рѣшится предоставить мнѣ большія права?

А, все-таки, человѣческая душа, посади ее хоть въ адъ, будетъ жить надеждой. Несмотря на очевидную невозможность, я рѣшилъ обезопасить себя на всякій случай и сказать Анелькѣ, что договоръ нашъ обязываетъ только меня, а все остальное зависитъ отъ ея благорасположенія.

Я хотѣлъ ей сказать еще много другихъ вещей, а именно, что со мной поступаютъ несправедливо, что душа моя требуетъ услышать изъ ея устъ слово «люблю», да не одинъ разъ, а слышать его часто, каждый день, что этимъ только я могу жить и держаться на высотѣ. Но Анелька въ это утро была такъ весела, такъ свободно и сердечно обращалась со мной, что у меня не хватило духа смутить ея безмятежность. Вчера я не могъ понять, почему это существо, полное такой простоты, завладѣло мной и побуждаетъ даже на тѣхъ поляхъ, на которыхъ я, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ бы быть побѣдителемъ. Теперь это мнѣ ясно, теперь у меня готовъ простой, хотя и невыразимо грустный отвѣтъ: потому что я люблю ее больше, чѣмъ она меня.

Я зналъ человѣка, у котораго была поговорка: «что обо мнѣ думать!» Не было бы ничего страннаго, еслибъ и я сталъ повторять эту поговорку. По временамъ меня мучаетъ желаніе высказать то, что палить мои уста, какъ раскаленный уголь, нообразишь, что это можетъ спугнуть улыбку Анельки, смутить ея веселое расположеніе, — и молчишь. И сколько разъ такъ случалось!

То, что я люблю ее больше, чѣмъ она меня, приходило мнѣ въ голову сто разъ, но о нашихъ отношеніяхъ сегодня я думаю такъ, завтра иначе, блуждаю, теряюсь, противорѣчу самъ себѣ, каждую вещь вижу то въ томъ, то въ иномъ свѣтѣ. Разъ мнѣ кажется, что она и меня не очень любитъ и вообще не очень сильно способна любить, въ другой не только думаю, но и чувствую, что это одно изъ самыхъ глубокихъ и наиболѣе любящихъ сердецъ, какія я встрѣчалъ на свѣтѣ. Доказательства у меня есть какъ для того, такъ и для этого. Иногда я говорю себѣ такъ: если бы, напримѣръ, ея любовь ко мнѣ увеличилась втрое, вчетверо, вдесятеро, — не наступила ли бы минута, когда она стала бы сильнѣе ея сопротивленія? Да! Значить, это только вопросъ объема чувства? Нѣтъ! потому что еслибъ ея чувство было ничтожно или еслибъ его совсѣмъ не существовало, то она не страдала бы такъ, а я видѣлъ ее почти такою же несчастною, какъ я самъ. На всѣ мои умствованія, направленные противъ нея, одинъ только отвѣтъ: видѣлъ!

Сегодня изъ ея усть вышло замѣчаніе, которое я запомнилъ, потому что оно являлось также и отвѣтомъ на мои сомнѣнія. Ничего подобнаго она не сказала бы, еслибъ я прямо говорилъ о нашей любви. Но я говорилъ вообще, какъ говорю теперь обыкновенно. Я доказывалъ, что въ природѣ чувства лежитъ дѣятельное начало, что чувство — это сила передовая, что оно всегда безусловно исполняетъ какой-нибудь актъ воли. Анелька выслушала и сказала:

— Или страдаетъ.

Да, понятно, или страдаетъ... Анелька двумя словами замкнула мнѣ уста и наполнила мое сердце уваженіемъ къ ней. Въ такія минуты я бываю и счастливъ, и несчастливъ, — мнѣ снова представляется, что она меня такъ же любитъ, какъ и я ее, только все дѣло въ томъ, что хочеть остаться чистой передъ Богомъ, людьми и собою. А я этого храма не разрушу.

Въ концѣ-концовъ, анализъ ея сердца и чувствъ не приводитъ меня ни къ какому положительному рѣшенію. Я все стою на распутьи. Бъ моимъ «не знаю», религіознымъ, философскимъ, общественнымъ, прибавляется еще одно, личное, для меня во сто разъ болѣе важное, потому что я понимаю отлично, что съ такимъ «не знаю» можно и шею сломать.

Я самъ коваль цѣпь, которая приковываетъ меня къ Анелькѣ, да такъ приковываетъ, что и думать нельзя, чтобы она когда-нибудь порвалась. Люблю ее я съ отчаяніемъ... вопросъ, не болѣзненно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ? Еслибъ я былъ моложе, здоровѣе душой и тѣломъ, менѣ свихнуть, болѣе нормаленъ, то, можетъ быть, и вырвался бы, — по крайней мѣрѣ, въ виду полной увѣренности, что никогда ничего не достигну, употребляя грубое выраженіе, ничего не добьюсь, что ея объятія никогда не раскроются для меня; можетъ быть, я постарался бы хоть рвануть свои оковы. Но теперь я и усилій даже не сдѣлаю. Люблю ее такъ, какъ человекъ съ больными нервами, близкій къ маніи, или какъ любятъ старики, которые если разъ прищѣпляются къ любви, такъ и держатся за нее всеми силами. Вѣдь, для нихъ любовь становится вопросомъ жизни. Точно такъ же держатся за вѣтку люди, висящія надъ пропастью.

Одно это и выросло изъ моей жизни, и разрослось ненатурально. Такое явленіе вполне понятно и будетъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ на свѣтѣ будетъ больше людей, подобныхъ мнѣ, то-есть изъанализировавшихъ скептиковъ и истериковъ, въ чьихъ душахъ великое ничто, а въ крови великій неврозъ. Подобный

новѣйшій продуктъ подходящей къ концу эпохи можетъ совсѣмъ не любить, можетъ отождествлять любовь съ развратомъ, но когда въ какомъ-нибудь чувствѣ совокупятся всѣ его жизненные силы, когда оно сольется съ его неврозомъ, то овладѣетъ имъ вполне и станетъ такимъ же упорнымъ, какими бываютъ только болѣзни. Психологія этого, можетъ быть, не понимается, а романисты, занимающіеся анализомъ души новаго человѣка, не понимаютъ навѣрное.

Вѣна, 26 августа.

Сегодня пріѣхали въ Вѣну. По дорогѣ слышалъ разговоръ между Анелькой и пани Целиной и записываю его въ виду особаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Анельку. Въ вагонѣ, кромѣ насъ четверыхъ, никого не было; мы разговаривали о портретѣ Анельки, именно о томъ, что придется отказаться отъ бѣлаго платья, иначе это потребуетъ много времени. Вдругъ пани Целина (она отлично помнитъ всякія даты и вѣчно ихъ цитируетъ) обратилась къ Анелькѣ:

— Сегодня ровно два мѣсяца, какъ твой мужъ пріѣхалъ въ Плошовъ.

— Кажется, — отвѣтила Анелька и вдругъ покраснѣла такъ сильно, что, желая скрыть свой румянецъ, встала и начала снимать дорожную сумку съ вагонной сѣтки. Когда она сѣла, румянецъ ея исчезъ, за то на лицѣ виднѣлось выраженіе ужаснаго отвращенія. Старыя дамы не замѣтили этого, потому что заспорили о дѣѣ пріѣзда Бромидцаго, но я и замѣтилъ, и понялъ, что въ этотъ самый день Анелька должна была выносить его ласки, поцѣлуи, — понялъ, — и мною овладѣло чувство бѣшенства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стыдъ за ея румянецъ. Въ моей любви много великихъ терній, но не мало мелкихъ и сверзныхъ. До словъ пани Целины я былъ почти счастливъ, обманывалъ себя, что мы съ Анелькой новобрачные и совершаемъ свою свадебную поѣздку. Теперь это отрадное заблужденіе сразу исчезло. Я чувствовалъ гнѣвъ на Анельку и мое обращеніе съ ней совершенно измѣнилось. Она тотчасъ же замѣтила это, и въ Вѣнѣ, когда мы остались съ нею наединѣ въ вокзалѣ, спросила меня:

— Ты на меня сердишься за что-то?

— Нѣтъ, но я люблю тебя! — рѣзко отвѣтилъ я.

Это снова опечалило ее. Можетъ быть, она подумала про себя, что мнѣ надобли наши ясныя отношенія и что я опять дѣлаюсь прежнимъ Леономъ. А я былъ зомъ вдвойнѣ, — мнѣ пришло въ голову, что мое раздвоеніе и мое самосознаніе не могутъ мнѣ помочь

овладѣть собою передъ какимъ-нибудь однимъ неприятнымъ впечатлѣніемъ. Его могутъ изгладить только слѣдующія впечатлѣнія, а моя философія тутъ не причесть.

Сейчасъ же по прїѣздѣ отправился къ Анджели, но, прежде чѣмъ поспѣлъ къ нему, пробило шесть часовъ и его мастерскую я засталъ занертою. Анелька до завтра отдохнетъ, тогда я поѣду вмѣстѣ съ нею. Раздумалъ. Не хочу портрета въ бѣломъ платьѣ. Положимъ, не будетъ ни обнаженной шеи, ни плечъ, но за то Анелька будетъ такою, какою бываетъ всегда, — какою я люблю ее больше всего.

Вечеромъ насъ навѣстилъ докторъ Хвостовскій. Здоровъ и бодръ, какъ всегда.

26 августа.

Видѣлъ прескверный сонъ. Начинаю имъ описаніе нынѣшняго дня. Хотя самый сонъ глупъ, но я убѣжденъ, что здоровому человѣку не могутъ сниться подобные сны. Бессонница меня мучила давно, но вчера, едва я закрылъ глаза, какъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Въ которомъ часу приснился мнѣ этотъ вздоръ, не знаю, но, кажется, передъ утромъ, потому что было уже свѣтло, когда я открылъ глаза, а сновидѣніе длилось не долго. Я видѣлъ массу жуковъ, выползавшихъ изъ всѣхъ щелей. Вотъ они начали взбираться вверхъ по стѣнѣ, громадныя, какъ коробки отъ спичекъ. Странное дѣло, насколько реальны подобные сны: я ясно слышалъ шелестъ бумажныхъ обой подъ ихъ лапками. Поднялъ я глаза и въ углу подъ потолкомъ увидалъ еще цѣлыя полчища жуковъ, только другаго сорта, еще большихъ, бѣлыхъ съ черными пятнами. У иныхъ я различалъ брюшко съ двумя рядами ногъ, которыя издали напоминали ребра. Во снѣ все это мнѣ казалось естественнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противнымъ. Я былъ полонъ отвращенія, но не боялся и не удивлялся. Только проснувшись, когда я началъ мыслить сознательно, отвращеніе это стало несноснымъ и перешло въ какой-то удивительный страхъ, въ страхъ смерти. Въ первый разъ я испытывалъ подобное чувство, а самая боязнь смерти формулировалась такъ: «кто знаетъ, какія отвратительныя насѣкомыя могутъ существовать въ мрачныхъ областяхъ, по другую сторону жизни?» Позже я вспомнилъ, что такихъ огромныхъ, бѣлыхъ съ чернымъ, жуковъ я видѣлъ въ какомъ-то музеѣ, но сначала они казались мнѣ чѣмъ-то небывалымъ, принадлежащимъ къ загробному ужасу. Я вскочилъ, поднялъ штору и успокоился совершенно. На улицѣ было движеніе, собаки тащили телѣжки съ зеленью, прислуга шла на рынокъ, рабочіе на фабрики. Видъ нормальной человѣческой жизни лучшее

лѣкарство отъ фантазмогорій подобнаго рода. Теперь я чувствую огромную потребность въ свѣтѣ и жизни,—новое доказательство, что не особенно здоровъ. Моя трагедія точить меня изнутри, какъ червь. Что я нахожу у себя въ бородѣ и въ головѣ сѣдые волосы,— это въ порядкѣ вещей, но лицо мое, въ особенности по утрамъ, принимаетъ восковой тонъ, руки стали прозрачными. Я не худѣю, скорѣе—наоборотъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаю свою анемию, точно такъ же, какъ сознаю свое психическое состояніе, и чувствую, что жизненные мои силы подходятъ къ концу, что дѣло идетъ къ чему-то плохому.

Съ ума я не сойду никогда. Я рѣшительно не могу себя представить, что можетъ наступить время, когда я перестану контролировать себя. Наконецъ, одинъ знаменитый врачъ, и, что еще болѣе, умный человекъ при этомъ,— сказалъ мнѣ, что при известномъ состояніи развитія самосознанія сумасшествіе невозможно. Мнѣ кажется, что онъ писалъ даже объ этомъ. Но и не сходя съ ума, я могу захворать какою-нибудь страшною нервною болѣзью, а такъ какъ я знаю, что это такое, то, по совѣсти, предпочиталъ бы другую, какую угодно, болѣзнь.

Говоря вообще, я не вѣрю врачамъ, въ особенности такимъ, которые вѣрятъ въ медицину, но, можетъ быть, мнѣ придется съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, тѣмъ болѣе, что и тетушка настаиваетъ на этомъ. Я знаю только одно вѣрное лѣкарство: если бы Кромпцкій умеръ и я женился бы на Анелькѣ, то былъ бы здоровъ; еслибъ она пришла и сказала мнѣ: «я принадлежу тебѣ безраздѣльно»,—я также выздоровѣлъ бы. Болѣзни, порожденные нервами, нервами же надо и лечить.

Но Анелька не захочетъ быть моимъ врачомъ, хотя бы вопросъ шелъ о моей жизни.

Былъ съ нею и съ теткой у Анджели. Сегодня происходилъ первый сеансъ. Какъ я былъ правъ, утверждая, что она одна изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ въ жизни, потому что въ ея красотѣ нѣтъ ничего дюжиннаго! Анджели всматривался въ нее съ такимъ удовольствіемъ, будто глядѣлъ на высокое и благородное произведеніе искусства. Онъ пришелъ въ прекрасное расположеніе, рисовалъ съ жаромъ и вовсе не скрывалъ передъ нами причинъ своего удовольствія.

— Въ моей практикѣ,—говорилъ онъ,—такая модель—рѣдкость. Когда я вижу передъ собою что-нибудь подобное, то и работаю иначе... Что за лицо! что за выраженіе!

А выраженіе было менѣе восхитительно, чѣмъ обыкновенно,

потому что это боязливое существо чувствовало себя неловко, конфузилось, съ трудомъ сохраняло натуральную позу. Но Анджели понялъ это.

— На слѣдующій сеансъ будетъ легче, — говорилъ онъ, — съ этнигъ, какъ и со всѣмъ другимъ, нужно освоиться.

И онъ, почти не переставая, восклицалъ:

— Вотъ это такъ портретъ будетъ!

Онъ также съ удовольствіемъ глядѣлъ на тетку. Черты ея лица благородны, полны характера, энергичны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то странной порывистости. Обращеніе ея съ Анджели въ своемъ родѣ тоже ни съ чѣмъ несравнимо. Въ немъ проглядываетъ какая-то наивная безцеремонность *grande dame*, никогда не забывающей требованій хорошаго тона, но не обращающей ни на кого особеннаго вниманія. Анджели, человѣкъ, привыкшій къ поклоненію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень умный, сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и я видѣлъ, что это его забавляло.

Я согласился на черное шелковое платье, впрочемъ, черезъ-чуръ роскошное. Вообще, фигура Анельки въ немъ очень хорошо выдѣляется... Не могу я ни писать, ни думать объ этомъ спокойно. Анджели, обращаясь къ Анелькѣ, употребилъ слово «*mademoiselle*». Какъ бы ни была совершенна женщина, натура у нея, все-таки, женская. Я замѣтилъ, что моею безцѣнной крошкѣ это было пріятно, а еще большее удовольствіе замѣтилъ на ея лицѣ, когда Анджели (я поправилъ его) отвѣтилъ:

— Но я и всегда буду ошибаться. Глядя на *madame*, нельзя не ошибиться...

Дѣйствительно, съ румянцемъ, вспыхнувшимъ на ея щекахъ, она была такъ прелестна, что я опять припомнилъ стихи своей поэмы:

«Дивлюсь я только, что цвѣты
Не вырастаютъ подъ стопами
Такой небесной красоты...»

По дорогѣ домой, когда мы немного отстали отъ тетки, я шепнулъ Анелькѣ на ухо:

— Анелька, ты не знаешь, ты даже не отдаешь себѣ отчета, какъ ты прелестна!

Она не отвѣтила ничего, только опустила рѣсницы, какъ всегда при подобныхъ случаяхъ, однако, потомъ, въ теченіе цѣлаго дня, я замѣтилъ въ ней отблескъ легкаго кокетства. Она чувствовала, что я люблюсь ею всею душой, и была мнѣ признательна за это.

А я не только любовался ею, но говорилъ самому себѣ, спорѣ шричалъ, пожалуй:

— Пусть дьяволъ возьметъ всѣ договоры! Люблю ее безъ ограничений и предостереженій!

Вечеромъ были на *Fliegende Holländer* Вагнера. Я слушалъ съ пятое на десятое; вѣриѣ сказать, слушалъ только чувствомъ, понималъ только при помощи своей любви.

Задавалъ я вопросъ Вагнеру: «Какое ты на нее производишь впечатлѣніе? Проникаетъ ли твоя музыка въ нее, приводитъ ли къ любви, переноситъ ли ее въ тотъ міръ, гдѣ любовь высочайшее право?» Только это и интересовало меня.

Женщины не умѣютъ любить такъ безраздѣльно. Онѣ оставляютъ всегда какую-нибудь часть души для себя, для свѣта и его впечатлѣній.

27 августа.

Тетушка объявила о своемъ намѣреніи уѣхать. Ей нужно въ Плошовъ, она говоритъ, что ея присутствіе здѣсь не необходимо; наоборотъ даже, что если она уѣдетъ, то мы не будемъ стѣсняться ею и останемся настолько, насколько это нужно для портрета. Мы немного поспорили, на томъ основаніи, что человѣкъ въ лѣтахъ не можетъ одинъ пускаться въ болѣе или менѣе длинныя путешествія. Я считалъ своею обязанностью, — хотя это стоило мнѣ не дешево, — сказать теткѣ, что если она непремѣнно хочетъ уѣхать, то я ее буду сопровождать. Признаюсь, отвѣта ея я ожидалъ съ нѣкоторымъ внутреннимъ трепетомъ. На счастье, добрая старушка отвѣтила сейчасъ же:

— И не думай объ этомъ. Когда Целина будетъ слаба или утомлена, кто проводить Анельку къ живописцу? Одной ей, вѣдь, нельзя же идти.

Она погрозила Анелькѣ и прибавила съ улыбкой на устахъ, но съ нахмуренными бровями:

— Тѣмъ болѣе, что этотъ живописецъ смотритъ на нее больше, чѣмъ нужно, а она видитъ это и рада. Ого, ее надо знать!

— Да, вѣдь, онъ ужъ не молодой, — засмѣялась Анелька, цѣлуя тетушкину руку.

— Охъ ты, тихоня! Не молодой, да комплименты говорить. Леонъ, смотри за ними за обоими.

Я съ наслажденіемъ отказался отъ поѣздки въ Плошовъ въ виду резонновъ, представленныхъ тетушкой. Пани Целина начала уговаривать тетку взять съ собою, по крайней мѣрѣ, горничную, которая была съ нами въ Гаштейнѣ. Тетушка противилась сначала, но,

наконецъ, уступила, когда Анелька сказала, что обойдется отлично и при помощи прислуги отеля.

Сейчасъ же появились чемоданы. Тетущка все любитъ дѣлать скоро и хочетъ ѣхать завтра утромъ. За обѣдомъ я поддразнивалъ ее, утверждалъ, что она предпочитаетъ намъ своихъ скановыхъ лошадей и поэтому такъ спѣшить къ нимъ. Тетущка сказала было: «Ахъ, какъ это не остроумно! Сиди смирно!»—но черезъ минуту забылась и начала съ собой громкую бесѣду о табунѣ.

Сеансъ сегодня продолжался очень долго. Анельна позировала лучше. Лицо уже подмалевано.

28 августа.

Тетущка выѣхала изъ Вѣны съ утреннимъ поѣздомъ. На сеансѣ мы были вмѣстѣ съ пани Целиной, которая не могла удержатъ крика негодованія при видѣ едва подмалеваннаго лица Анельки. Она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о живописи и всѣхъ фазахъ, черезъ которыя долженъ проходить портретъ, и думаетъ, что лицо такъ и останется, то-есть безобразнымъ и ни на что не похожимъ. Я долженъ былъ успокоивать ее, потомъ Анджели догадался также, въ чемъ дѣло, и, смѣясь, началъ увѣрять, что она видитъ только куколку, изъ которой образуется прелестная бабочка.

Въ концѣ-концовъ, онъ сказалъ:

— Я думаю, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ моихъ портретовъ; я давно не писалъ такъ сон апогея.

Если бы только его слова оправдались!

Послѣ сеанса я пошелъ за билетами въ оперу, возвратился домой, нашелъ Анельку одну—и вдругъ искушеніе охватило меня, какъ ураганъ. Я подумалъ, что если бы она хотѣла пасть въ мои объятія, то минута теперь представлялась подходящая. При этой мысли я почувствовалъ, что блѣднѣю, что пульсъ мой забился съ отчаянною силой, что мнѣ не хватаетъ воздуха для дыханія. Въ комнатѣ царилъ полумракъ, гардины были на половину опущены. Я употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы одолѣть ту непреборимую силу, которая влекла меня къ Анелькѣ. Мнѣ казалось, что мой жаръ охватываетъ и ее, и такія же самыя мысли волнуютъ и ея душу. Мнѣ никто бы не помѣшалъ схватить ее, прижать къ груди, осыпать поцѣлуями ея глаза, губы. Какой-то голосъ напентывалъ мнѣ въ уши: «потомъ хотъ погибнуть!» А она сразу замѣтила мое состояніе, въ глазахъ ея мелькнулъ страхъ, но тотчасъ же она оправилась и торопливо сказала:

— Ты долженъ быть моимъ защитникомъ до возвращенія ма-

мы. Прежде я боялась тебя, но теперь такъ вѣрю тебѣ, мнѣ такъ хорошо съ тобой...

Я припалъ къ ея рукѣ и проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Если бы ты знала, если бы знала, что со мной творится!

Анелъка грустно и сочувственно отвѣтила:

— Я знаю... и тѣмъ ты лучше, тѣмъ благороднѣе.

Еще немного я боролся съ собой; наконецъ, она обезоружила меня. Я не посмѣлъ.

За то въ теченіе всего остатка дня Анелъка старалась вознаградить меня за это. Никогда въ ея взорѣ я не читалъ столько привязанности, никогда она не была такъ нѣжна со мной. Можетъ быть, это лучшая изъ дорогъ, которыя лежатъ передо мною? Можетъ быть, такимъ образомъ чувство сильнѣе наполнить сердце Анелъки и скоро побѣдить ее? Не знаю и теряю голову...

А съ другой стороны, идя по такой дорогѣ, я, ради любви, на каждомъ шагѣ жертвую самою любовью.

29 августа.

Произошло нѣчто странное и устрашающее. Во время сеанса Анелъка позировала самымъ спокойнѣйшимъ образомъ и вдругъ затряслась, лицо ея вспыхнуло румянцемъ, а потомъ сразу поблѣднѣло, какъ полотно. Мы съ Анджели оба страшно перепугались. Онъ прервалъ работу и предложилъ ей отдохнуть, я подалъ ей воды. Анелъка хотѣла было позировать дальше, но я видѣлъ, что она только принуждаетъ себя, что внутри ея кроется какая-то тревога. Можетъ быть, она утомилась. День былъ страшно душный, отъ накаленныхъ стѣнъ вѣяло жаромъ. Я проводилъ ее домой, но по дорогѣ къ ней не вернулось прежняго веселаго расположенія. Во время обѣда это повторилось еще разъ. Мы съ пани Целиной начали разспрашивать ее, что съ нею? Увѣряеть, что ничего. На мой вопросъ, не пригласить ли доктора, отвѣчала съ несвойственной живостью и, какъ будто съ раздраженіемъ, что въ докторѣ ни мало не нуждается и чувствуетъ себя превосходно. Но лицо ея блѣдно, черныя брови то и дѣло хмурятся, въ глазахъ появляется оттѣнокъ суровости. Сегодня она была ко мнѣ равнодушна, — не такъ, какъ вчера, — и по временамъ, казалось, избѣгала моего взгляда. Не понимаю, что это такое. Страшно беспокоюсь. Опять не буду спать, а если и засну, то чувствую, что увижу сонъ, вродѣ того, о которомъ писалъ недавно.

30 августа.

Вокругъ меня творится что-то непонятное. Въ полдень я хотѣлъ было предложить Анелъкѣ отправиться на сеансъ, — оказалось,

ни ея, ни пани Целины нѣтъ дома. Прислуга говорить, что два часа тому назадъ она велѣла привезти себѣ карету и уѣхала въ городъ. Я немного удивился, но рѣшилъ ждать. Дѣйствительно, черезъ полчаса онѣ пріѣхали, но Анелька проскользнула мимо, молча подала мнѣ руку и ушла въ свою комнату. Но я, все-таки, успѣлъ замѣтить, что лицо ея было взволновано. Я думалъ, что она пошла только переодѣться, но пани Целина разрѣшила мои ожиданія:

— Милый Леонъ, будь добръ, сходи къ Анджели и извинись за Анельку, что она сегодня не можетъ быть. Анелька такъ нервничалась, что никакимъ образомъ не могла бы позировать.

— Что съ ней?—спросилъ я съ величайшимъ безпокойствомъ.

Пани Целина поколебалась съ минуту, наконецъ, отвѣтила:

— Не знаю; повезла я ее къ доктору, но доктора не застали. Я оставила ему карточку, просила пріѣхать въ отель... А вообще... не знаю...

Больше ничего я и не могъ узнать. Взялъ пролетку и поѣхалъ къ Анджели. Когда я говорилъ ему, что Анелька не пріѣдетъ, мнѣ показалось, что онъ посмотрѣлъ на меня съ недовѣріемъ, что при моемъ растерянномъ видѣ было вполне естественно. Но мнѣ пришло въ голову: «а ну, какъ онъ подозрѣваетъ, что мы раздумали и хотимъ отдѣлаться отъ портрета? Онъ насъ не знаетъ и можетъ подумать, что причина моего замѣшательства—просто денежные затрудненія». Желая заранѣе устранить подобныя подозрѣнія, я рѣшилъ заплатить впередъ. Анджели при первомъ словѣ о деньгахъ началъ энергически защищаться и заявилъ, что платы не приметъ раньше окончанія портрета, но я сказалъ, что являюсь только хранителемъ оставленной тетушкой суммы, и такъ какъ мнѣ, можетъ быть, придется очень скоро уѣхать изъ Вѣны, то я желаю освободиться отъ излишней тягости. Послѣ долгаго спора кончилось по-моему. Мы условились отложить сеансъ до завтра, въ случаѣ же нездоровья пани Бромидной, я обязанъ предупредить Анджели въ десять часовъ утра.

Возвратившись въ отель, я прошелъ прямо къ дамамъ. Анелька была у себя въ комнатѣ; пани Целина сказала, что докторъ только что уѣхалъ, но не сказалъ ничего положительнаго,—предписалъ лишь спокойствіе. Не знаю почему, мнѣ казалось, что я снова вижу на ея лицѣ какую-то нерѣшительность. Можетъ быть, это было только весьма легко объяснимое безпокойство: вѣдь, и я его ощущаю.

Я пошелъ въ свой номеръ и началъ осыпать себя горькими

упреками, что нашъ союзъ, эта внутренняя борьба, которая совершается и въ Анелькѣ, это отгадываніе моей любви и моихъ страданій, не можетъ не дѣйствовать губительно на ея здоровье. Думая объ этомъ, я испытывалъ чувство, которое словами можно было бы выразить такъ: «лучше бы ты пропалъ, чѣмъ она должна хворать».

Я думалъ съ такимъ страхомъ, сойдетъ или не сойдетъ Анелька къ обѣду, какъ будто отъ этого Богъ знаетъ что зависѣло. Къ счастью, она сошла, но держала себя, все-таки, странно. Прежде всего смѣшалась при видѣ меня, потомъ усиливалась быть такою же, какъ всегда, но это ей не удавалось. Вообще она производила на меня впечатлѣніе челоуѣка, скрывающаго ужасную тайну.

Ломаю себѣ голову: не получила ли она какихъ-нибудь неприятныхъ извѣстій отъ Кромницкаго? А если такъ, то что это за извѣстія? Можетъ быть, мои деньги въ опасности? Ну ихъ къ чорту! Все, что у меня есть, не стѣитъ двухъ минутъ тревоги Анельки.

Завтра я все это долженъ выяснитъ. Я почти увѣренъ, что тутъ кроются какіе-нибудь моральные поводы и все стѣитъ въ связи съ Кромницкимъ. Что онъ могъ тамъ новаго настрѣпать? Вѣдь, не продалъ же онъ другой Глуховъ, по той простой причинѣ, что его не имѣется.

5 сентября, Берлинъ.

Я въ Берлинѣ, потому что, убѣжавъ изъ Вѣны, долженъ былъ куда-нибудь дѣваться. Въ Пловъ нельзя, —туда она ѣдетъ.

Я былъ такъ увѣренъ, что меня никакая челоуѣческая сила не оторветъ отъ нея, что самая мысль о разрушеніи нашего союза казалась мнѣ дикою. А вотъ оказывается, что ничего нельзя предвидѣть, потому что я уѣхалъ, и все кончено. Я въ Берлинѣ. Мнѣ кажется, что въ моей головѣ маховое колесо какой-то машины. Такъ все вертится, что даже больно становится, но съ ума я не сошелъ. Все знаю, все помню. Мой докторъ былъ правъ: съ ума сходятъ только слабыя головы. Со мною этого случиться не могло еще и потому, что это было бы баснословнымъ счастьемъ.

6 сентября.

Однако, по временамъ я думаю, что мой мозгъ можетъ выкипѣть. То, что порядочная женщина, которая провела съ мужемъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ почувствовать себя въ извѣстномъ положеніи, вещь очень естественная, но этотъ естественный порядокъ кажется мнѣ чѣмъ-то до такой степени безобразнымъ, что одна мысль о немъ выдавливаетъ мозгъ изъ моей головы. Нельзя же, въ одно и то же время, извѣстное явленіе считать обычнымъ правомъ

природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безобразіемъ. Этого ни одна голова не выдержитъ. Что же это такое? Я собираю все силы и понимаю, что тѣхъ, которые должны быть разможены, давить сила необыкновенныхъ случайностей, а со мной не то. Меня раздражаетъ обычный порядокъ вещей.

И чѣмъ это болѣе естественно, тѣмъ страшнѣе.

Одно противорѣчіе. Она въ этомъ не виновата—понимаю, потому что не сошелъ съ ума! Она не перестала быть чистой, а я, однако, скорѣе простилъ бы ей всякое другое преступленіе. И не могу я, Богомъ проклянувшись, не могу простить тебѣ потому собственно, что такъ любилъ тебя! Повѣришь ли ты, что на свѣтѣ нѣтъ женщины, которую въ настоящее время я презиралъ бы такъ, потому что одновременно у тебя было двое: я для платонической любви, а Бромницкій—для супружеской!

И, видишь, мнѣ хочется биться головой объ стѣну, но, ей-Богу, хочется и смѣяться!...

Ожидалъ ли я, что было средство оторвать меня отъ тебя? Оказалось—было и удалось!

8 сентября.

Подумаешь, что все кончено, порвано, что ничего не осталось, что я уже уѣхалъ,—навсегда уѣхалъ,—и вѣрить не хочется. Нѣтъ ужъ у меня моей Анельки! А что же есть-то?—ничего!

Зачѣмъ я живу? Не знаю! Вѣдь, не изъ любопытства же, что Богъ пошлетъ пану Бромницкому: сына или дочку!

Я постоянно думаю: какъ это все естественно!—и голова моя лопается.

Странное дѣло: я долженъ бы быть подготовленъ къ этому, а ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Я скорѣе рассчитывалъ бы, что меня громомъ убьетъ.

Однако, Бромницкій изъ Варшавы прямо преѣхалъ въ Плошовъ, провелъ тамъ съ женой нѣсколько дней, потомъ жилъ съ ней вмѣстѣ въ Вѣнѣ, въ Гаштейнѣ.

А я настраивалъ себя на любовный ладъ. Нервы дамочки были взволнованы, сердце полно. Ей-Богу, во всемъ этомъ есть свои ужасно смѣшные стороны.

Я поразительно глухъ. Боль скоро я могъ выносить совместное пребываніе супруговъ Бромницкихъ, то долженъ умѣть выносить и его послѣдствія. Но, беру Господа въ свидѣтели, не умъ мой, а мои нервы не примиряются съ этими послѣдствіями. Есть люди, у которыхъ эти силы идутъ рука объ руку; во мнѣ онѣ грызутся, какъ собаки. Ужъ это одно большое несчастіе.

Почему я не предвидѣлъ ничего подобнаго? Вѣдь, должно же было прийти мнѣ въ голову, что если существуетъ какая-нибудь страшная группировка страшныхъ вещей, какой-нибудь ударъ, сильнѣе всѣхъ кѣмъ бы то ни было испытанныхъ ударовъ, то, очевидно, онъ не минетъ меня?

По временамъ мнѣ кажется, что меня просто преслѣдуетъ Providѣніе, что оно, установивъ логику фактовъ, которая умѣетъ мстить сама за себя, не ограничивается этою местию, но лично вмѣшивается въ мои дѣла, лично караетъ меня. Но откуда такая настойчивость? Сколько есть людей, влюбленныхъ въ чужихъ женъ, — что-жь, они потому, что ли, страдаютъ меньше меня, что любятъ меньше меня, болѣе легкомысленно, не такъ свято? Какая же это справедливость?

Да нѣтъ! Въ этихъ вещахъ нѣтъ ни одной сознательной мысли; все дѣлается такъ, какъ должно быть, какъ случится.

10 сентября.

Меня не оставляетъ мысль, что до сихъ поръ трагедія человѣческая возникала изъ необыкновенныхъ случайностей и несчастій, а моя возникла изъ естественнаго хода событій. Право, я не знаю, что хуже. Такая естественность положительно невыносима.

11 сентября.

Человѣкъ, пораженный громомъ, остолбенѣетъ, но не упадетъ сразу. Я также держусь силой поразившаго меня удара, но думаю, что теперь скоро свалюсь съ ногъ. Плохо мнѣ. Какъ только начинается смергаться, со мной творится что-то странное: мнѣ душно, я дѣлаю усиліе вздохнуть и кажется, что воздухъ не хочетъ входить въ глубину моей груди, что я дышу только частью легкихъ. Днемъ и ночью меня — нѣтъ-нѣтъ да и охватитъ тревога, — тревога передъ ничѣмъ. Мнѣ кажется, что мнѣ грозитъ что-то страшное, безъ сравненія горшее, чѣмъ смерть.

Вчера я задалъ себѣ вопросъ, еслибъ вдругъ въ этомъ чужомъ городѣ я забылъ бы, какъ называюсь, гдѣ живу и пошелъ бы во мракъ все впередъ, безъ цѣли, какъ сумасшедшій...

Это болѣзненное предположеніе. Наконецъ, въ такомъ случаѣ съ моимъ тѣломъ случилось бы то же, что уже случилось съ душой, ибо въ моральномъ значеніи я не знаю, гдѣ живу, иду во мракъ, безъ цѣли, какъ сумасшедшій.

И боюсь я всего, кромѣ смерти. Точнѣе говоря, я испытываю такое странное чувство, что это не я боюсь, что тревога поселилась во мнѣ, какъ постороннее существо; она-то и дрожить...

Я теперь совсѣмъ не выношу темноты. Вечеромъ хожу до пол-

наго изнеможенія по улицамъ, освѣщеннымъ электричествомъ. Еслибъ я встрѣтилъ какого-нибудь знакомаго, то убѣжалъ бы на край свѣта, но толпа мнѣ необходима. Когда улицы начинаютъ пустѣть, мнѣ дѣлается страшно. О ночи я думаю съ ужасомъ. А эти ночи такъ невыносимо длинны!

Во рту у меня постоянно металлическій вкусъ. Въ первый разъ я почувствовалъ его, когда, проводивъ Блару на желѣзную дорогу, возвратился домой и засталъ у себя Бромницкаго; во второй разъ, теперь, въ Вѣнѣ, когда пани Целина повѣдала мнѣ «великую новость».

Что это былъ за день! Послѣ втораго визита доктора я пришелъ спросить объ Анельгѣ. Мнѣ и въ голову не приходило подобное подозрѣніе; я не понималъ ничего, даже и тогда, когда пани Целина сказала мнѣ:

— Докторъ увѣряетъ, что эти явленія чисто-нервные, почти безъ связи съ ея состояніемъ.

Я, все-таки, ничего не догадывался и пани Целина, съ смущеннымъ видомъ, прибавила:

— Видишь ли, я должна сообщить тебѣ великую новость...

И она сообщила мнѣ эту «великую новость». Услыхавъ ее, я почувствовалъ цинковый вкусъ во рту, почувствовалъ, какъ мозгомъ замерзаетъ, — однимъ словомъ, точь-въ-точь какъ при видѣ Бромницкаго.

Я возвратился къ себѣ. Помню отлично, что между различными ощущеніями, какія терзали меня, была и потребность смѣха. Это—то идеальное существо, которому даже и платоническая любовь казалась чѣмъ-то недозволеннымъ, которая вмѣсто «любовь» говорила «пріязнь»!

Я чувствовалъ потребность смѣха, а также и желаніе разбить голову объ стѣну.

Однако, я сохранилъ какое-то механическое сознаніе... Его мнѣ дало убѣжденіе, что кончилось все, разъ навсегда, что я долженъ уѣхать, не могу не уѣхать... Это сознаніе превратило меня въ автомата, великолѣпно исполняющаго всѣ дѣянія, относящіяся къ сборамъ. Я до такой степени былъ сознательнъ, что соблюлъ всѣ требованія приличія. Зачѣмъ—не знаю! Ни на что это мнѣ не было нужно. Очевидно, это были механическіе рефлексы мозга, который цѣлыми мѣсяцами, цѣлыми годами привыкалъ къ сокрытію правды и сохраненію приличій. Я сказалъ пани Целинѣ, что былъ у доктора, что тотъ нашелъ у меня болѣзнь сердца и приказалъ ѣхать, не теряя ни минуты, въ Берлинъ. Она повѣрила.

Но Анелька—нѣтъ! Я видѣлъ ея глаза, широко открытыя отъ страха, видѣлъ взглядъ опозоренной мученицы... и было во мнѣ два человѣка, одинъ говорилъ: чѣмъ она виновата? другому хотѣлось плюнуть ей въ лицо.

О, зачѣмъ я такъ любилъ эту женщину!

12 сентября.

Почти двѣ недѣли, какъ я уѣхалъ. Онѣ, вѣроятно, возвратились уже въ Плошовъ. Писалъ сегодня теткѣ, а то она можетъ напугаться и приѣхать сюда. Порою мнѣ странно думать, что есть существо, которое дѣйствительно интересуется мною.

13 сентября.

Есть люди, которые соблазняютъ чужихъ женъ, обманываютъ ихъ, потомъ бросаютъ и спокойно уходятъ въ сторону. Я ничего подобнаго не сдѣлалъ, а если бы она стала моею жертвою, то я каждую пылинку сдувалъ бы съ ея дороги, и ни одна человѣческая сила не оторвала бы меня отъ ея ногъ. Есть чувства болѣе преступныя, чѣмъ мое, но на меня свалилось такое бремя, что я невольно считаю это какою-то карой, и также невольно, измѣряя величину кары свою вину, не могу освободиться отъ впечатлѣнія, что моя любовь была страшнымъ преступленіемъ.

Это—родъ инстинктивной тревоги, отъ которой и скептицизмъ не можетъ освободить.

А, все-таки, самые строгіе моралисты должны согласиться съ тѣмъ, что болѣе преступно было бы привлекать къ себѣ женщину, не любя ея, дѣлать холодно то, что дѣлалъ я, вкладывая всю свою душу. За великое и всепоглощающее чувство отвѣтственность не можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ за чувство ничтожное и пустое.

Нѣтъ! Все-таки, моя любовь, прежде всего, страшное несчастіе. Человѣкъ, лишенный предразсудковъ, можетъ вообразить, какъ бы онъ чувствовалъ въ извѣстномъ случаѣ, если бы былъ суевѣрнымъ; точно также сомнѣвающійся можетъ почувствовать, какъ бы молился онъ, если бы вѣрилъ. Я не только чувствую это, но въ моей душѣ слагается что-то вродѣ молитвы. И я говорю: «Если я и провинился, Господь, то такъ заплатилъ за свой грѣхъ, что немного милосердія не удивило бы меня».

Но я не умѣю себѣ представить, какимъ образомъ могло бы проявиться милосердіе надо мною. Это совершенно невозможно.

14 сентября.

Онѣ, должно быть, возвратились уже въ Плошовъ. Я еще часто думаю о ней, потому что только тогда можно оторваться отъ своего прошедшаго, когда ищешь передъ собою что-нибудь, а передо

мною нѣтъ ничего. Если бы я былъ человѣкомъ вѣрующимъ, то пошелъ бы въ монахи; если бы рѣшительно отрицалъ существованіе Бога, то, можетъ быть, увѣровалъ бы. Но во мнѣ органы души, которыми вѣрятъ, усохли, какъ можетъ усохнуть рука или нога. Я ничего не знаю, кромѣ того, что для меня въ страданіи нѣтъ утѣшенія въ религіи.

Когда Анелька вышла за Кромлицкаго, я думалъ, что между нами все кончено. Тогда это не была правда. Только теперь у меня явилось полное убѣжденіе, что кончено все, потому что насъ раздѣляетъ не только наша воля, не только мой отъѣздъ, но что-то, лежащее за нами, независимая отъ насъ сила вещей.

У насъ свои отдѣльныя дороги, которыя никто сблизить не можетъ, даже наша воля. На пути Анельки будутъ страданія, но будетъ и новый свѣтъ, новыя чувства, новая жизнь, а передо мною совершенно пусто. Она несомнѣнно понимаетъ это такъ же хорошо, какъ и я.

Любопытно, говоритъ ли она по временамъ: «Я погубила этого человѣка, можетъ быть, безъ вины, но погубила».

Ничего мнѣ отъ этого не прибудеть, но, все-таки, я хотѣлъ бы, чтобы она хоть жалѣла меня.

И, можетъ быть, она будетъ жалѣть, пока не родится ребенокъ. Потомъ всѣ ея чувства поплывутъ по другому руслу, и я перестану существовать для нея. Это также — сила вещей. это также — право природы. Превосходное право!

17 сентября.

Сегодня увидалъ на афишахъ напечатанное огромными буквами имя Клары Гильстъ. Я забылъ о ней, — она писала мнѣ еще въ Гаштейнъ, что будетъ въ Берлинѣ. Вотъ она и здѣсь — выступаетъ съ нѣсколькими концертами. Сначала это меня ни обрадовало, ни не обрадовало. Теперь меня уже охватило мое обычное нервное безпокойство и впечатлѣнія мои раздваиваются; мысль, что кака-то знакомая и дружеская душа живетъ въ одномъ городѣ со мной, доставляетъ мнѣ нѣкоторое утѣшеніе, и этого мнѣ совершенно достаточно. Я предпочиталъ бы не видать Клары, и когда говорю себѣ, что нужно пойти къ ней, то испытываю неприятное чувство. Клара обладаетъ тѣмъ заботливымъ любопытствомъ, которое хочетъ все знать, до всего допытывается. Она склонна къ романтическимъ предположеніямъ и вѣритъ, что пріязнь можетъ утишить всѣ страданія. А говорить что-нибудь я не могу положительно. Мнѣ часто не хватаетъ силъ даже думать о томъ, что произошло.

17 сентября.

Зачѣмъ я просыпаюсь утромъ? Для чего существую? Чѣмъ меня могутъ интересовать знакомые, или люди вообще? Не пошелъ къ Кларѣ, потому что все, что она можетъ сказать мнѣ, также не интересуется меня, и, кромѣ того, скучно. Я равнодушенъ ко всему свѣту, какъ и онъ ко мнѣ.

18 сентября.

Какъ хорошо я сдѣлалъ, что написалъ къ теткѣ! Иначе она пріѣхала бы сюда. Вотъ что она пишетъ:

«Твое письмо пришло въ тотъ день, когда пріѣхала Целина съ Анелькой. Какъ ты себя чувствуешь теперь, дорогой мой? Говоришь, что хорошо, но совсѣмъ ли хорошо? Что тебѣ сказали доктора въ Берлинѣ и какъ долго ты тамъ пробудешь? Пришли телеграмму и я тотчасъ же пріѣду. Целина говорила мнѣ, что ты выѣхалъ такъ неожиданно, что она съ Анелькой страшно перепутались. Еслибъ ты мнѣ написалъ, что тебѣ предпшутъ морское путешествіе, то я по полученіи письма пріѣхала бы къ тебѣ. Дорога не длинная, всего нѣсколько часовъ, а я чувствую себя такъ хорошо, какъ никогда. Старые мои приливы крови не повторились ни разу. Боюсь, какъ ты поѣдешь по морю. Страшно становится при одной мысли о корабляхъ, парусахъ и буряхъ.

«Целина чувствуетъ себя хорошо, Анелька не дурно. Тебѣ уже извѣстна новость. Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны приглашали еще разъ специалиста, и онъ сказалъ, что положеніе Анельки внѣ всякаго сомнѣнія. Целина необыкновенно счастлива, а я также очень рада. Можетъ быть, это заставитъ Бромницкаго бросить свои спекуляціи за тридевять земель и поселиться на родинѣ. Анелька будетъ несомнѣнно счастлива,—у ней явится цѣль въ жизни. Послѣ возвращенія она кажется измученной и точно чѣмъ-то придавленной, можетъ быть, вслѣдствіе длинной дороги. У Снятынскихъ ребенокъ былъ болѣзнь крупомъ, но теперь выздоровѣлъ».

Читая письмо тетки, я испытывалъ впечатлѣніе, что для меня нѣтъ мѣста между живущими въ Плошовѣ, въ особенности нѣтъ мѣста около Анельки. Ей скоро будетъ противно даже воспоминаніе обо мнѣ.

19 сентября.

Не сумѣю вообразить себѣ, что я буду дѣлать черезъ годъ, черезъ два года? Полнѣйшая безцѣльность исключаетъ всякую мысль жизни. Собственно говоря, мнѣ нигдѣ нѣтъ мѣста.

20 сентября.

Не пошелъ къ Кларѣ, но встрѣтилъ ее на Фридрихштрассе. Увидавъ меня, она поблѣдѣла отъ радости и волненія, привѣтствовала меня съ такимъ сердечнымъ изліяніемъ, что меня это и тронуло, и раздосадовало, въ одно и то же время; я чувствовалъ, что люблю ее только внѣшнимъ образомъ, и что не испытываю даже радости при свиданіи съ ней. Волненіе ея немного улеглось, но уступило мѣсто безпокойству, и какъ ее поразили пережвны, происшедшія во мнѣ! Дѣйствительно, видъ у меня не блестящій, я даже посѣдѣлъ немного. Клара начала спрашивать меня о здоровьѣ, а я, несмотря на всю признательность, чувствовалъ, что черезъ-чуръ частыя свиданія съ ней абсолютно будутъ превосходить мои силы и, чтобы обезпечить себя отъ этого, сказалъ, что я болѣнъ и что скоро мнѣ придется уѣхать въ теплые края. Наконецъ, она затинула меня къ себѣ. Разговаривали объ Анелъгѣ и пани Целинѣ, причемъ я отдѣлывался общими мѣстами. Въ глубинѣ души я чувствую, что Клара единственное на свѣтѣ существо, которое понимаетъ меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни за что на свѣтѣ не открою ей своего сердца.

Однако, я, все-таки, чувствую людскую доброту. Временами, когда добрые голубые глаза Клары всматривались въ меня съ глубокимъ сочувствіемъ и съ такою пытливостью, какъ будто хотѣли заглянуть мнѣ въ душу, эта доброта покоряла меня до такой степени, что мнѣ хотѣлось плакать. Наконецъ, Клара, несмотря на всѣ мои усилія, поняла, что я сдѣлался совсѣмъ другимъ человекомъ, женскимъ инстинктомъ отгадала, что я живу, говорю и мыслю чуть не механически, и что душа моя на половину убита. Замѣтивъ это, она сейчасъ же прекратила свои разспросы и наблюденія и стала еще болѣе нѣжной.

Я видѣлъ ея опасенія и усилія не наскучить мнѣ. Она старалась дать понять мнѣ, что въ нѣжности, которую она выказываетъ, не кроется желанія сблизить меня съ собою, а просто ей хочется, чтобъ мнѣ было хорошо въ ея присутствіи.

И мнѣ было хорошо, но отъ скуки я отдѣлаться, все-таки, не могъ. Умъ мой теперь вовсе не способенъ ни къ сосредоточенности, ни къ тѣмъ ничтожнымъ усиліямъ, какихъ требуетъ обыкновенный разговоръ съ пріятелемъ. Кромѣ того, разъ великая цѣль исчезла изъ моего вида, мнѣ все кажется такимъ пустымъ, такимъ неслыханно ничтожнымъ, что въ моей душѣ вѣчно раздается вопросъ: на что это? что изъ этого выйдетъ?

21 сентября.

Никогда мнѣ не приходилось проводить такую страшную ночь. Я испытывалъ такую тревогу, какъ будто спускался по безконечной лѣстницѣ куда-то въ мрачное пространство, гдѣ творятся какія-то страшныя и непонятныя вещи. Рѣшилъ погнунуть Берлинъ: подѣ этимъ оловяннымъ небомъ задохнешься. Возвращусь въ Римъ, въ свой домъ на Бабуино, и тамъ поселюсь навсегда. Думаю, что счеты мои не только съ Анельгой, но и со воѣмъ свѣтомъ теперь совершенно покончены и я могу спокойно прозябать въ Римѣ, пока не пробьетъ мой часъ. Хоть бы спокойно, по крайней мѣрѣ! Вчерашній визитъ къ Кларѣ привелъ меня къ убѣжденію, что еслибъ я и хотѣлъ, то не сумѣю жить съ людьми, что у мнѣ нечѣмъ платить даже за ихъ доброту. Я выключенъ изъ общей жизни, стою снаружи и хотя чувствую неопишущую пустоту, охоты возвратиться назадъ у меня нѣтъ.

Мысль о Римѣ, о моей кельѣ на Бабуино улыбается мнѣ, правда, блѣдно и грустно, но я предпочитаю хоть это, чѣмъ ничего. Оттуда я вылетѣлъ на свѣтъ, какъ птица изъ гнѣзда, туда мнѣ приходится дотащиться на сломанныхъ крыльяхъ и ждать конца.

Пишу я теперь по утрамъ, а вечеромъ всегда спускаюсь въ мои подземелья, гдѣ обитаетъ тревога. Сегодня буду на концертѣ Клары, прощусь съ ней и завтра уѣду. По дорогѣ остановлюсь въ Вѣнѣ. Можетъ быть, зайду къ Анджели, — не увѣренъ. Я теперь не увѣренъ, что буду дѣлать и чувствовать на слѣдующій день. Получилъ письмо отъ Клары, просить придти къ ней послѣ концерта. На концертъ пойду, — тамъ такое множество здоровыхъ людей, что я буду чувствовать себя въ безопасности среди нихъ. Они не мучаютъ меня, потому что я никого не знаю и вижу только толпу. Но къ Кларѣ я не пойду. Она черезъ-чуръ добра. Говорятъ, люди, умирающіе отъ голода, за нѣсколько минутъ до смерти уже не могутъ выносить нищи. Точно также и мой духовный организмъ не можетъ выносить доброты и утѣшенія.

И напоминаній я не могу выносить въ одинаговой степени. Вещь пустая, но я теперь знаю, что, кромѣ моральныхъ, были и другія причины, которыя мѣшали мнѣ идти къ Кларѣ. Она употребляетъ тѣ же самые духи, какіе я привезъ Анелькѣ изъ Вѣны въ Гаштейнъ. Я уже не разъ замѣтилъ, что если извѣстное лицо употребляетъ какіе-нибудь духи, то ничто его не напоминаетъ такъ реально, какъ тотъ же запахъ.

22 сентября.

Я совсѣмъ болѣнъ. Вчера въ концертной залѣ было страшно

жарко, я вышелъ на свѣжій воздухъ безъ пальто и пришелъ въ отель совсѣмъ ооченѣвшимъ. При каждомъ вдыханіи я слышывалъ такое впечатлѣніе, будто мои легкія, расширяясь, касаются острія булавокъ, скрытыхъ подъ лопатками. Мнѣ дѣлается то жарко, то холодно, и я никакъ не могу утолить жажды. По временамъ на меня нападаетъ страшная слабость, я чувствую, что не могу сойти съ лѣстницы. Объ отъѣздѣ не можетъ быть и рѣчи, — я не могъ бы безъ посторонней помощи войти въ вагонъ. Пишу и слышу свое дыханіе, гораздо болѣе громкое и прерывистое, чѣмъ обыкновенно. Я увѣренъ, будь мои нервы въ другомъ состояніи, я перенесъ бы вчерашній холодъ и не простудился бы, но въ настоящемъ положеніи я потерялъ всякую способность къ сопротивленію. Должно быть, я схватилъ воспаленіе легкыхъ.

Все-таки, я буду держаться на ногахъ, пока хватитъ силъ. Утромъ, какъ только почувствовалъ себя больнымъ, написалъ теткѣ, что здоровъ и черезъ два дня уѣзжаю. А черезъ два, если буду въ сознаніи, напишу то же самое. Просилъ тетку, чтобы письма и телеграммы, какія будутъ присланы на мое имя, она приказала носить въ Берлинъ, банкиру Бергману. Буду стараться, чтобы никто въ Пловдивѣ не узналъ о моей болѣзни. Какъ хорошо, что я вчера простился съ Кларой!

23 сентября.

Мнѣ хуже, чѣмъ вчера, но я еще не сплю. У меня лихорадка, но я сознаю, что по временамъ въ мои мысли проскальзываютъ горячешныя видѣнія. Въ особенности, когда я закрою глаза, граница между дѣйствительностью и бредомъ моего больного мозга почти совсѣмъ сглаживается. Однако, я, все-таки, контролирую себя, но боюсь, что горячка побѣдитъ меня и что я совсѣмъ потеряю сознаніе.

Приходитъ мнѣ въ голову вотъ что: я, человекъ одаренный судьбою болѣе, чѣмъ сотни другихъ, который могъ бы устроить себѣ домашній очагъ, окружить себя любящими сердцами, живу теперь одинокій и больной въ чужомъ городѣ и некому мнѣ подать стаканъ воды... Анельга была бы, можетъ быть, со мною. Не могу больше...

14 октября.

Берусь за перо послѣ трехнедѣльнаго промежутка. Клары нѣтъ около меня. Она окончательно успокоилась въ состояніи моего здоровья и выѣхала въ Ганноверъ, но возвратится черезъ десять дней. Она ухаживала за мной во все время моей болѣзни, пригласила врачей и, еслибъ не ея попеченія, я навѣрное бы умеръ. Не помню яс-

но, на третій или на четвертый день моей болѣзни она появилась у меня въ комнатѣ. Я былъ въ сознаніи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой степени болѣвъ, что при видѣ ея остался совершенно равнодушенъ, какъ будто она пришла не ко мнѣ и какъ будто ея появленіе было самою обыкновенною вещью. Она пришла съ докторомъ, и что заняло мое вниманіе, такъ это его необыкновенно густые, свѣтлые, курчавые волосы. Дѣйствительно, я находился въ странномъ состояніи. Докторъ, осмотрѣвъ меня, началъ задавать разные вопросы сначала по-нѣмецки, потомъ по-французски. Я понималъ все отлично, но не отвѣчалъ ни слова, потому что не чувствовалъ ни малѣйшей охоты и не могъ ее возбудить въ себѣ, какъ будто моя воля была такъ же безсильна, какъ и тѣло.

Въ этотъ день меня измучили банки, потому я лежалъ спокойно. Сначала думалъ, что, навѣрное, умру, но не придавалъ этому значенія большаго, чѣмъ другому, что дѣлалось вокругъ меня. Можетъ быть, въ тяжелой болѣзни человѣкъ, даже сохранившій сознаніе, теряетъ различіе между важнымъ и неважнымъ и вниманіе свое, неизвѣстно почему, обращаетъ на пустяки. Меня въ этотъ день, кромѣ волосъ доктора, главнымъ образомъ, занимало открываніе и закрываніе верхней и нижней задвижки двери сосѣдней комнаты, въ которой рѣшила поселиться Клара. Помню, что я глазъ не сводилъ съ этого дѣйствія, какъ будто отъ него зависѣло что-то очень важное.

Вскорѣ пришелъ фельдшеръ, который долженъ присматривать за мной подъ руководствомъ Клары. Онъ началъ что-то говорить со мной, но Клара приказала ему замолчать.

Однако, меня утомляетъ долгое писаніе. Отложу на время.

16 октября.

Болѣзнь успокоила мои нервы; я не испытываю тревоги, которая прежде такъ угнетала меня, и хотѣлъ бы только поскорѣе увидать Клару. Это не тоска, а только эгоизмъ больного человѣка, который чувствуетъ отсутствіе нѣжнаго ухода и заботливости. Я знаю, что Клара уже не будетъ жить около меня, но ея присутствіе подкрѣпляло бы меня. Слабость и беззащитность привязываются къ охраняющей силѣ, какъ ребенокъ привязывается къ матери. Я убѣжденъ, что никакая другая женщина не сдѣлала бы для меня того, что сдѣлала Клара, и что каждая сочла бы лучшимъ сохранить приличіе, чѣмъ спасти человѣка. При одной мысли объ этомъ въ душѣ моей звучитъ одно имя... Клара спала, не раздѣваясь, на диванчикѣ въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью, и при каждомъ моемъ движеніи появлялась у моей постели. Я видѣлъ ее

ночью, склонившуюся надо мной, съ волосами въ беспорядкѣ, съ глазами, помутившимися отъ утомленія и безсонницы. Она сама подавала мнѣ лѣкарства, сама поднимала меня на подушкахъ. Когда, въ сознательныя минуты, я пытался благодарить ее, она прикладывала палецъ къ губамъ въ знакъ того, что докторъ не приказалъ мнѣ говорить. Не знаю, сколько ночей она не спала и была такъ утомлена, что днемъ, сидя на креслѣ у моей постели, засыпала иногда на половинѣ слова. Ночью она долго ходила по своей комнатѣ, чтобы сопротивляться сну, но ходила такъ тихо, что я не зналъ бы объ этомъ, еслибы не видалъ, какъ ея тѣнь движется по стѣнѣ. Разъ, когда она была при мнѣ, не зная, какъ отблагодарить ее, я взялъ и поднесъ ей руку къ своимъ губамъ; тогда она быстро наклонилась и поцѣловала мою руку, прежде чѣмъ я успѣлъ отдернуть ее. А надо знать, что я не всегда умѣлъ быть признателемъ къ ней. Во время болѣзни раздражаетъ всякая мелочь, — меня раздражалъ ея высокій ростъ. Я точно обижался на нее, что она не такая, какъ Анелъка. Происходило это, вѣроятно, отъ того, что я такъ долго познавалъ красоту и прелесть по столько, по сколько это приближалось къ красотѣ и прелести Анелъки. По временамъ, глядя на Блару, я раздражалъ себя мыслью, что она хороша не потому, что природа сознательно хотѣла сдѣлать ее красивой, не по праву расы, а благодаря какой-то счастливой случайности. Впрочемъ, не разъ красивая женская голова производила на меня подобное впечатлѣнiе. Въ этихъ вещахъ есть оттѣнки, которые можно уловить только очень выработанными и впечатлительными нервами.

Но были минуты, въ особенности по ночамъ, когда, глядя на лицо Блары, похудѣвшее и поблѣднѣвшее отъ непосильнаго бдѣнiя, я поддавался заблужденiю, что вижу *ту*... Это было обыкновенно тогда, когда она сидѣла въ тѣни, далеко отъ моей постели. Обману помогали горячка и больной мозгъ, для котораго не существуетъ ничего невозможнаго. Иногда я впадалъ въ полный бредъ, и —чтобы мнѣ провалиться! — называлъ Блару именемъ *той*, разговаривалъ съ ней, какъ съ *тою*. Помню это какъ сквозь сонъ.

17 октября.

Банкиръ Бергманъ прислалъ мнѣ нѣсколько тетушкиныхъ писемъ. Она спрашиваетъ меня, какiя у меня предположенiя въ будущемъ, пишетъ даже объ урожаѣ, объ умолотѣ, но о людяхъ, живущихъ въ Плошовѣ, не пишетъ ничего. Не знаю, живы ли они, или умерли. Что за странный и несносный способъ писать

письма! Много меня интересуют умолаты и все плошовское хозяйство! Я отвѣтилъ тотчасъ же и не скрылъ своего неудовольствія.

18 октября.

Сегодня прислали мнѣ телеграмму Кромницкаго, адресованную въ Варшаву. Тетушка, вмѣсто того, чтобы перетелеграфировать содержаніе, заклеила ее въ конвертъ и послала съ почтой. Кромницкій умоляетъ, для спасенія моихъ денегъ и всей его судьбы, прислать еще двадцать пять тысячъ рублей. Я прочиталъ и только пожалъ плечами. Что мнѣ теперь за дѣло до Кромницкаго и моихъ денегъ! Пусть себѣ пропадаютъ. Если бы Кромницкій зналъ, съ какими соображеніями я пришелъ къ нему въ первый разъ на помощь, то не требовалъ бы теперь ничего. Пусть онъ перенесетъ свою утрату такъ же спокойно, какъ я перенесу свою. Наконецъ, его ждетъ «великая новость», которая будетъ для него большимъ утѣшеніемъ. Утѣшайтесь или не утѣшайтесь, заводите дѣтей, сколько вамъ угодно, но если вы ожидаете отъ меня, чтобъ я заботился объ ихъ судьбѣ, то, ей-Богу, ожидаете черезчуръ многого. Еслибъ она, по крайней мѣрѣ, не жертвовала мною съ такимъ беспощаднымъ эгоизмомъ для своихъ такъ называемыхъ принциповъ... Но довольно объ этомъ, у меня мозгъ переворачивается въ головѣ. Пусть мнѣ дадутъ хоть хворать спокойно...

20 сентября.

Нѣтъ! нашли меня и здѣсь. Снова въ теченіе двухъ дней мнѣ нѣтъ покоя, снова я держусь руками за голову, чтобы черепъ не лопнулъ отъ адскаго движенія вращающагося въ немъ колеса. Думаю опять о Плшовѣ и о ней, и о страшной пустотѣ въ будущемъ. Баная это ужасная вещь, когда у человѣка вдругъ пропадаетъ то, чѣмъ онъ единственно и исключительно жилъ! Не знаю, болѣзнь ли ослабила мой умъ, но я просто не понимаю разныхъ явленій, совершающихся во мнѣ. Мнѣ положительно кажется, что моя ревность пережгла мою любовь.

И ревность-то двойная: не только къ фактамъ, но и къ чувствамъ. У меня душа на части разрывается, что ребенокъ, который явится на свѣтъ, захватитъ все сердце Анельки для себя и — что для меня самое главное — склонитъ ее въ сторону Кромницкаго. Еслибъ эта женщина была свободна, я не жаждалъ бы обладать ею, но не могу вынести предположенія, что она будетъ любить мужа, Я отдалъ бы остатокъ дней за то, чтобы ее уже никто въ жизни больше не любилъ, и она никого. Подъ этимъ условіемъ я съумѣлъ бы существовать.

21 октября.

Если способъ, который сложился въ моей головѣ, мнѣ не поможетъ, то я снова захвораю или ошалѣю окончательно. Я подвергаю себя оцѣнкѣ. Что мнѣ еще осталось въ жизни?—ничего! Что меня ожидаетъ?—ничего! А если такъ, то не существуетъ никакого препятствія, чтобы мнѣ подарить самого себя кому-нибудь, кого этотъ подарокъ можетъ осчастливить. За свою жизнь, за свой умъ, за способность, за всего себя я не далъ бы теперь трехъ ломаныхъ грошей, вдобавокъ, я не люблю Блары, но если она любитъ меня, то было бы жестокостью отказывать ей въ томъ, что я самъ такъ мало цѣню. Я чувствовалъ бы только обязанность сказать ей, что я такое,—пусть знаетъ, кого беретъ. Тѣмъ хуже для нея, если она не испугается, но это ужь ей дѣло.

Мнѣ въ этомъ намѣреніи улыбается только одно, а именно, что такимъ образомъ пропасть, отдѣляющая меня отъ той женщины, еще болѣе увеличится. И покажу я ей, что если она рыла эту пропасть съ своей стороны, то и я съ своей съумѣю. Тогда уже будетъ конецъ всѣхъ концовъ, потому что теперь я только о ней одной думаю. Вижу это и подтверждаю со злостью.

Можетъ быть, это уже ненависть, но пока еще не равнодушіе. Пани Бромницкая, вѣроятно, думала, что я отрываюсь отъ нея потому, что *должна*, а я докажу, что такъ *хочу*. Я думаю, что чѣмъ болѣе толстую стѣну я воздвигну между нами, чѣмъ больше она меня заслонитъ, тѣмъ скорѣе и лучше я забуду обо всемъ.

Что касается Блары, повторяю: я не люблю ее, но знаю, что она меня любитъ. Кромѣ того, я многимъ обязанъ ей. Во время болѣзни были минуты, когда ея заботы обо мнѣ я называлъ въ душѣ нѣмецкою сантиментальностью, но *та* на подобную сантиментальность не отважилась бы. Ея высокая добродѣтель скорѣе допустила бы челоуѣка умереть безъ помощи, чѣмъ увидать его безъ галстука, потому что такая привилегія принадлежитъ только законному супругу. Блара не обращала вниманія ни на что, бросила изъ-за меня свою музыку, обрекла себя на трудъ, на бессонницу, вѣроятно, на сплетни, и выдержала все.

Я долженъ ей и плачѣ свой долгъ. Плачѣ, положимъ, плохо, дурною монетой, жертвую собой только потому, что потерялъ цѣну въ своихъ глазахъ, что теперь мнѣ все опротивѣло, что я скорѣе отрѣпокъ челоуѣка, чѣмъ челоуѣкъ. Но воль скоро она цѣнитъ этотъ отрѣпокъ больше своей жизни, такъ пусть онъ принадлежитъ ей. Для тетушки это будетъ большой ударъ; онъ поразитъ ея національныя и родовыя чувства. Но еслибъ тетушка могла прочесть,

что дѣлалось въ последнее время въ моемъ сердцѣ, то, навѣрное, предпочла бы этотъ бракъ той любви. Здѣсь для меня нѣтъ никакого сомнѣнія.

Что изъ того, что предки Блары были ремесленники? Предразсудковъ у меня нѣтъ никакихъ, — есть только нервы, — а воззрѣнія мои скорѣе либеральны. Я думаю, что если люди, принадлежащіе къ либеральной партіи, часто уже консерваторовъ, то либеральные принципы, сами по себѣ, часто шире консервативныхъ и болѣе согласны съ ученіемъ Христа; а, впрочемъ, мнѣ все равно. Обо всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ и говорить не стоить. Только въ несчастіи и понимаешь все ихъ ничтожество.

Хотя невольно, но я, все-таки, думаю, какъ Анелька приметъ вѣсть о моемъ рѣшеніи. Я такъ привыкъ чувствовать все посредствомъ нея, что не могу сразу освободиться отъ этой болѣзненной привычки.

22 сентября.

Сегодня утромъ послалъ письмо къ Бларѣ. Отвѣтъ получу завтра, но, можетъ быть, Блара сама пріѣдетъ сегодня вечеромъ. Послѣ полудня прислали мнѣ вторую телеграмму Бромницкаго. Въ ней столько отчаянія, сколько можетъ умѣститься въ нѣсколькихъ словахъ. Должно быть, дѣла приняли самый плохой оборотъ; я не ожидалъ, чтобы катастрофа послѣдовала такъ скоро.

Потеря, которая грозитъ мнѣ, не сдѣлаетъ большого ущерба моему состоянію, все равно, я останусь болѣе чѣмъ богатымъ человекомъ, но Бромницкій...

Зачѣмъ мнѣ обманывать самого себя? Въ моемъ сердцѣ есть уголокъ, гдѣ по поводу этой катастрофы возникло ликованіе. Подумать, что если эти люди и будутъ существовать чѣмъ-нибудь, такъ только благодареніями тетки, которая, по ея собственнымъ словамъ, ничто иное, какъ хранительница наслѣдія Пшововскихъ.

Теперь я не имѣю намѣренія отвѣчать Бромницкому, но если бы и вознамѣрился, то, вмѣсто всякаго отвѣта, поздравилъ бы съ будущимъ потомствомъ. Потому, — дѣло другое! — потому я снабжу ихъ обоихъ средствами, даже хорошими средствами.

23 сентября.

Блара вчера не пріѣхала и до сегодняшняго вечера не прислала никакого отвѣта. Это тѣмъ болѣе странно, что до сихъ поръ она писала каждый день, разспрашивала о моемъ здоровьѣ. Ея молчаніе не удивляло бы меня, если бы я могъ допустить, что она будетъ думать хоть десять минутъ. Буду ждать терпѣливо, но лучше, если бы она не медлила. Я знаю и чувствую одно, что если бы мое пись-

но не было послано, очень может быть, я послалъ бы другое, подобное же; но если бы можно было вернуть посланное, то я, навѣрное, вернулъ бы его.

24 сентября.

Вотъ что пишетъ моя Клара:

«Дорогой monsieur Леонъ! Послѣ полученія вашего письма я была такъ ошеломлена счастьемъ, что хотѣла сейчасъ же возвратиться въ Берлинъ. Но потому, что я васъ глубоко люблю, я послушалась голоса, который говорилъ мнѣ, что высочайшая любовь не должна быть высочайшимъ эгоизмомъ и что мнѣ невозможно жертвовать вами ради себя.

«Вы не любите меня, monsieur Леонъ. Я отдала бы жизнь, если бы это было иначе, но вы не любите меня. Ваше письмо только порывъ благородной признательности и какого-то отчаянія. Съ первой минуты нашего свиданія въ Берлинъ я замѣтила, что вы ни здоровы, ни счастливы, и сильно беспокоилась. Доказательствомъ можетъ служить то, что хотя вы простились со мной и заявили о своемъ отъѣздѣ, я, все-таки, послала въ отель разузнать, дѣйствительно ли вы уѣхали, и посылала каждый день, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не сказали, что вы больны. Потомъ, ухаживая за вами во время болѣзни, я убѣдилась, что и другое мое опасеніе было основательно, что вы носите въ себѣ какое-то великое горе или испытали одно изъ тѣхъ горькихъ разочарованій, послѣ которыхъ трудно примириться съ жизнью.

«Теперь я убѣждена, — и одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело, что вы хотите связать свою судьбу съ моею, чтобы заглушить что-то, забыть о чемъ-то, замкнуть себѣ дорогу куда-то. Могу ли я согласиться принять ваше предложеніе при такомъ подозрѣніи? Отвергая вашу руку, я, въ самомъ худшемъ случаѣ, буду очень несчастна всю свою жизнь, но не скажу себѣ никогда: я его тяжесть, ядро у его ноги. Я полюбила васъ больше жизни съ минуты перваго свиданія; это было давно, — значитъ, я уже привыкла къ своей грусти, къ тоскѣ отъ разлуки, къ отсутствію надежды на любовь. Плохо мнѣ жить со всѣмъ этимъ, но я, по крайней мѣрѣ, могу выплакать свое горе или слезами, какъ обыкновенная женщина, или музыкой, какъ артистка. У меня всегда остается утѣшеніе, что когда вы вспомните обо мнѣ, то назовете меня своею доброю сестрой. И я живу этимъ. Но если бы я сдѣлалась вашею женою, и замѣтила бы, что вы раскаяваетесь въ своемъ порывѣ, что вы несчастны, что ненавидите меня, то, конечно, не могла бы пережить этого.

«Притомъ, я говорю себѣ, что ты сдѣлала такое, чѣмъ заслужила безмѣрное счастье? Миѣ страшно даже и подумать о такомъ счастьѣ. Понимаете ли вы, что можно любить не только всею душой, но съ покорностью? Я знаю, что можно,—я сама люблю такъ.

«И то ужъ кажется миѣ дерзостью, что я не могу совсѣмъ отречься отъ надежды. Но не ставьте миѣ этого въ вину: Богъ такъ милосердъ, а человѣкъ такъ горячо жаждетъ счастья, что нѣтъ силъ, чтобы замкнуть передъ нимъ дверь разъ навсегда. Если вы повторите миѣ это черезъ полгода ли, черезъ годъ ли,—когда бы то ни было, что ищите меня, то я буду вознаграждена за все,—и за то, что выстрадала раньше, и за тѣ слезы, которыхъ не могу удержать теперь.

«Блара».

Во миѣ живетъ человѣкъ, который умѣетъ прочувствовать и оцѣнить каждое слово этого письма. Ничто изъ него не пропадетъ для меня, и я говорю себѣ: тѣмъ болѣе стѣдуетъ риснуть, чѣмъ больше это сердце полно доброты и любви.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, во миѣ живетъ человѣкъ измученный, у котораго отняты жизненные силы, который, сочувствуя, не любитъ, ибо все, что въ немъ было, вложилъ въ другое чувство, и который ясно видитъ, что если разъ отойдетъ на нѣсколько шаговъ, то ему невозможно ужъ будетъ возвратиться.

28 сентября.

Я вполне увѣренъ, что Блара совсѣмъ не возвратится въ Берлинъ, даже больше, что она уѣзжала въ Ганноверъ съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться. Она хотѣла избѣгнуть моей благодарности. Я думаю о ней съ сожалѣніемъ и съ благодарностью, и жаль миѣ того, что она не нашла на другаго человѣка, не такого, какъ я. Во всемъ этомъ какая-то иронія судьбы: если бы я любилъ Блару во сто разъ меньше, чѣмъ люблю Анельку, то изъ этого можно было бы создать цѣлый міръ счастья. Но что миѣ прибудеть, если я стану обманывать самого себя? Вспоминаю Анельку такую, какою она была въ Плошовѣ, въ Варшавѣ, въ Гаштейнѣ,—и не могу оторвать мысли отъ этого прошлаго. Наконецъ, въ нее ушло столько моихъ силъ и жизни, что я даже самъ себѣ не удивляюсь. Какъ же могло быть иначе? Не помнить объ этомъ было бы трудно.

Каждую минуту я хватаюсь за воспоминаніе объ Анелькѣ,—хочу освободиться отъ этихъ воспоминаній, долженъ твердить себѣ, что она уже не та, что чувства ея потекутъ, а, можетъ быть,

уже и потекли совершенно въ другомъ направленіи, и что я для нея—ничто. Прежде я предпочиталъ не думать объ этомъ, потому что голова моя не выдерживала, теперь дѣлаю это нарочно, ибо иначе не умѣю бороться съ голосомъ, который все чаще и чаще раздаётся во мнѣ и спрашиваетъ: «Чѣмъ она виновата, что ей подкинули этого ребенка? Почему ты знаешь, что дѣлается въ ея сердцѣ? Была ли бы она женщиной, если бы не полюбила своего ребенка? Кто тебѣ сказалъ, что она не чувствуетъ себя такою же несчастной, какъ и ты?» И по временамъ мнѣ сдается, что она-то еще можетъ быть счастливой. Тогда мнѣ хочется схватить новое воспаление легкихъ. Жизнь съ такимъ хаосомъ мысли невозможна.

30 октября.

Чѣмъ больше я оправляюсь, тѣмъ болѣе возвращаюсь въ прежній заколдованный кругъ. Докторъ утверждаетъ, что черезъ нѣсколько дней я могу выѣхать. Я и поѣду, потому что отсюда черезъ-чуръ близко до Варшавы и Плохова. Можетъ быть, это одна изъ моихъ нервныхъ причудъ, но мнѣ кажется, что въ Римѣ, на Бабуино, мнѣ будетъ покойнѣе. Я не общаю себѣ не думать о прошедшемъ,—напротивъ, буду думать о немъ съ утра до вечера, но эти воспоминанія будутъ похожи на тѣ, которыя возникаютъ въ головѣ человѣка за рѣшеткой монастыря. Наконецъ, почему я знаю, что будетъ?—знаю только то, что здѣсь не высижу. По дорогѣ зайду къ Анджели. Я долженъ имѣть въ Римѣ ея портретъ.

2 ноября.

Покидаю Берлинъ, отрекаюсь отъ Рима и возвращаюсь въ Плоховъ. Я писалъ когда-то: «это не только самая любимая женщина, это самое дорогое для меня существо». Да, да! Пусть это называется неврозомъ, старческимъ безуміемъ, чѣмъ угодно, мнѣ все равно: оно въ моей крови, въ моей душѣ. Поѣду въ Плоховъ, буду ей служить, буду ухаживать за нею, какъ за малымъ ребенкомъ, а въ награду хочу только смотрѣть на нее.

Удивляюсь, какъ я могъ допустить, что съумѣю жить, не видя ея. Одно письмо тети вывело наружу все, что было во мнѣ. Тетка говоритъ: «Я ничего не писала о себѣ потому, что не могла сообщить тебѣ ничего веселаго, а такъ какъ лгать не умѣю, то предпочитала лучше молчать, чѣмъ беспокоить тебя. Я ужасно огорчена Бромидкимъ и хотѣла бы попросить твоего совѣта. Старика Хвастовскому сынъ пишетъ, что дѣла Бромидкаго въ отчаянномъ состояніи и что ему самому угрожаетъ судебная отвѣтственность. Всѣ его обманули. Отъ него потребовали вдругъ поставивъ какиъ-

то матеріаловъ, время было коротко и Кромницкій не могъ удостовѣриться, хорошаго ли качества доставленный ему самому матеріалъ. Все оказалось скверно, попорчено, фальшиво, все было забраковано и, вдобавокъ, надъ головою Кромницкаго виситъ обвиненіе въ обманѣ. Далъ бы Богъ, чтобъ это не обрушилось на него, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно невиненъ. Разореніе—это ничего, не было бы только позора. Я совсѣмъ потеряла голову, не знаю, что дѣлать и какъ его спасти? Боюсь рискнуть тою суммой, которую предназначила для Анельки, а его необходимо освободить хоть отъ процесса. Посовѣтуй, Леонъ, ты всегда можешь придумать какой-нибудь выходъ. Ни Целинъ, ни Анелькѣ я до сихъ поръ не сказала ни слова, потому что Анелька и такъ меня ужасно беспокоитъ. Ты не повѣришь, что съ ней дѣлается теперь. Целина женщина почтенная, но всегда доводила до крайности свою ригидіе и воспитала въ томъ же духѣ Анельку. Я не сомнѣваюсь, что Анелька будетъ отличнѣйшею матерью, но меня теперь на нее просто злость беретъ. Выходишь замужъ—будь готова ко всѣмъ послѣдствіямъ замужства, а Анелька теперь въ такомъ отчаяніи, какъ будто бы ее опозорили. Каждый день я вижу на ея лицѣ слѣды слезъ. Жалко смотрѣть на ея похудѣвшее лицо, ввалившіеся глаза, на всегдашнюю готовность разрыдаться, на выраженіе какого-то горя и униженія. Во всю свою жизнь я не видала женщины, которая такъ выносила бы извѣстное положеніе. Я пробовала убѣждать ее, бранила,—ничего не помогаетъ. Скажу тебѣ откровенно, что я черезчуръ сильно люблю ее для этого, а, можетъ быть, и старость унесла мою иррежнюю энергію. Притомъ, какъ бы то ни было, бѣдняжка такое милое существо! Еслибъ ты знала, какъ она каждый день спрашиваетъ о тебѣ, не было ли письма, здоровъ ли ты, куда наѣзреваешься ѣхать, долго ли пробудешь въ Берлинѣ? Она знаетъ мою слабость и по цѣлымъ часамъ разговариваетъ со мной о тебѣ. Еслибъ только Богъ смилостивился надъ нею и далъ ей силы вынести горе, какое ожидаетъ ее. Я, право, такъ опасуюсь за ея здоровье, что не рѣшаюсь ни однимъ словомъ намекнуть ей на положеніе мужа. Но раньше ли, позже ли, а это выйдетъ наружу. Целина также ужасно огорчена и приходитъ въ недоумѣніе, почему Анелька такъ трагически относится къ своему положенію?»

Почему? Я одинъ на свѣтѣ понимаю это, я одинъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ и потому возвращаюсь въ Плошевъ.

Нѣтъ! Она не къ положенію своему относится трагически, а къ моему бѣгству, къ моему отчаянію, которое она поняла, къ разрыву нашей связи, которую она послѣ столькихъ страданій и усилій

съумѣла превратить въ чистый союзъ. Теперь я вхожу въ ея душу и думаю за нее. Ея трагедія стѣбитъ моею. Съ минуты, когда я возвратился въ Плошовъ, чувство страшно боролось въ атомъ благородномъ существѣ съ обязанностью. Она хотѣла остаться чистой и вѣрной тому, кому поклялась въ вѣрности, ибо ея духовная натура не мирится съ грязью и ложью. вмѣстѣ съ тѣмъ, она не могла противиться чувству къ человѣку, котораго полюбила первую любовь, и не могла тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ былъ около нея, любить ее и былъ несчастенъ.

Цѣлые мѣсяцы ушли у нея на страшный внутренній разладъ. Наконецъ, когда настала минута успокоенія, когда ей показалось, что это чувство перешло въ союзъ настолько неземной, что онъ не нарушалъ ни чистоты мысли, ни клятвы, — вдругъ все порвалось и она осталась одна съ пустыней передъ собой, съ такою же мертвою пустыней, какая разстилается и передо мною. Вотъ причина ея теперешней скорби.

Я читаю въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ, и потому возвращаюсь.

Притомъ, я вижу только теперь, что не покинулъ бы ее, еслибъ былъ вполнѣ увѣренъ, что ея чувство ко мнѣ переживетъ всякія случайности. Одна звѣрская ревность, которая наполнила мое сердце яростью, а воображеніе — омерзительными видѣніями тѣхъ правъ, которыми пользовался кто-то другой, не была бы въ силахъ оторвать меня отъ той женщины, въ которой заключался весь мой міръ. Но я думалъ, что этотъ ребенокъ, прежде чѣмъ онъ явится на свѣтъ, уже овладѣетъ всѣми ея чувствами, сблизитъ ее съ мужемъ, а меня на вѣки вычеркнетъ въ ея сердцѣ изъ списка живущихъ.

И я не ошибаюсь; я знаю, что не буду для нея тѣмъ, чѣмъ былъ, а въ особенности тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть, еслибъ обстоятельства сложились не такъ. Но пока въ ней будетъ тлѣть хоть искорка чувства ко мнѣ, я не уйду, потому что не могу уйти, потому что уйти мнѣ некуда.

И такъ, я возвращаюсь, начну раздувать эту искру и согрѣвать свою душу. Еслибъ я не сдѣлалъ этого, то непремѣнно бы замерзъ.

Перечитываю еще разъ слова тетки: «еслибъ ты зналъ, какъ она каждый разъ разспрашиваетъ о тебѣ, не было ли письма, здоровъ ли ты, куда намѣреваешься ѣхать, долго ли пробудешь въ Берлинѣ», и не могу насытиться ими. Точно я умираю съ голоду и кто-то неожиданно принесъ мнѣ кусокъ хлѣба. Вѣтъ, и отъ признательности мнѣ хочется плакать. Можетъ быть, Богъ смилостивился надо мной?

Чувствую, что сильно измѣнился за эти послѣдніе дни, что прежній человекъ умеръ во мнѣ. Теперь я уже не буду бунтовать противъ ея воли, вынесу все, успокою ее, умиротворю, даже спасу ея мужа...

4 ноября.

Послѣ размысленія остался еще въ Бералии на два дня. Съ моей стороны это жертва, но необходимо было послать впередъ письмо съ извѣщеніемъ о моемъ приѣздѣ. Телеграмма могла напугать Анельку, какъ и мое неожиданное прибытіе. Написалъ веселое письмо и закончилъ его такимъ сердечнымъ привѣтствіемъ Анелькѣ, какъ будто бы между нами ничего не произошло. Я хочу, чтобы она поняла, что я примирился съ своею судьбой, и возвращаюсь такимъ, какимъ былъ прежде.

Варшава, 6 ноября.

Приѣхалъ сегодня утромъ. Тетушка, предупрежденная моимъ письмомъ, ждала меня въ Варшавѣ.

Въ Плошовѣ все идетъ недурно, Анелька спокойна. Отъ Бромницкаго за послѣднее время не было извѣстій.

Бѣдная тетя увидала меня и вскрикнула: «Что съ тобою, Леонъ?» Она не знала, что я хвораю, а долгая болѣзнь, вѣроятно, сильно заставила меня похудѣть. Бромъ того, волосы мои на вискахъ такъ посѣдѣли, что я подумываю, не поддразнивать ли мнѣ ихъ? Теперь я не хочу быть или казаться старикомъ.

Да и тетюшка страшно измѣнилась за послѣднее время. Разстались мы недавно, а я нашелъ огромную разницу. Лицо тетюшки утратило свое рѣшительное выраженіе, голова иногда трясется. Когда я съ безпокойствомъ спросилъ, что съ нею, она отвѣтила со свойственною ей откровенностью:

— По возвращеніи изъ Гаштейна я чувствовала себя отлично, но теперь все измѣнилось къ худшему, и я чувствую, что мой часъ близокъ.

Она задумалась на минуту.

— Всѣ Плошовскіе умирали отъ удара. У меня лѣвая рука чуть не отнимается по утрамъ. Но не стоить говорить объ этомъ, — воля Божья!

Тетушка, дѣйствительно, не хотѣла говорить о своемъ здоровьѣ, за то мы долго толковали, какъ помочь Бромницкому, и рѣшили не допускать до процесса, сколько бы намъ это ни стоило. Спасти его отъ разоренья мы не могли, развѣ только цѣною нашего собственнаго разоренья. Я проектировалъ привезти Бромницкаго, послѣ окончанія дѣлъ, сюда и посадить его прочно на мѣстѣ. Видитъ Богъ, что

при одной мысли объ его вѣчномъ присутствіи возлѣ Анельки все мое сердце обливалось кровью, но чтобы жертва была полная, я рѣшилъ выпить и эту чашу.

Тетушка обѣщаетъ отдать ему одинъ изъ своихъ фольварковъ около Плохова, я прибавляю соотвѣтственное количество денегъ, и все это, вмѣстѣ взятое, составить приданое Анельки. Бромидній долженъ будетъ разъ навсегда отказаться отъ всякихъ спекуляцій. Пока мы вышлемъ ему на помощь одного изъ здѣшнихъ адвокатовъ, снабженнаго всѣми средствами для прекращенія процесса.

Мы кончили наше совѣщаніе и я сталъ разспрашивать объ Анелькѣ. Тетушка сообщила мнѣ, между прочимъ, что Анелька сильно измѣнилась и подурнѣла. Я услышалъ это и сердце мое забилось еще бѣльшимъ сожалѣніемъ. Теперь уже ничто не отвратить меня отъ нея.

Я хотѣлъ было поѣхать въ Плоховъ сегодня же, но тетушка заявила, что она утомлена и хочетъ остаться ночевать въ Варшавѣ. Думаю, что это дѣлалось больше для того, чтобы не подвергать меня опасности простудиться. Погода стоитъ дурная, дождь льетъ съ самаго утра.

Впрочемъ, все равно пришлось бы остаться. Дѣло Бромидцаго не теритъ проволочки. Нужно уговориться съ адвокатомъ и выслать его какъ можно скорѣе.

7 ноября.

Приѣхали въ Плоховъ въ семь часовъ вечера; теперь уже полночь, весь домъ спитъ. Слава Богу, первое свиданіе не слишкомъ взволновало Анельку. Она вышла ко мнѣ смущенная, не увѣренная, съ выраженіемъ страха на лицѣ, но я далъ себѣ слово, что повидаюсь съ ней такъ свободно, такъ просто, какъ будто мы разстались только вчера. И я съумѣлъ избѣгнуть малѣйшаго оттѣнка примиренія, всепрощенія, всякаго торжественнаго настроенія, я подошелъ къ ней поспѣшно, протянулъ руку и сказалъ почти веселымъ тономъ:

— Какъ поживаешь, милая? Я такъ соскучился по васъ, что отложилъ свое морское путешествіе.

Она сразу поняла, что это было съ моей стороны актомъ величайшаго самопожертвованія для ея спокойствія и умиротворенія, и разстрогалась такъ, что я боялся, какъ бы она не расплакалась. Хотѣла что-то сказать, но не могла и только крѣпко сжимала мою руку.

Но я пришелъ ей на помощь и заговорилъ тѣмъ же самымъ тономъ:

— Ну, какъ портретъ? Голова была, кажется, готова, когда ты собиралась уѣзжать. Ангели скоро не пришлетъ его, онъ говоритъ, что это его лучшее произведеніе. Вѣроятно, выставить его въ Вѣнѣ, въ Мюнхенѣ и въ Парижѣ. Хорошо, что я заказалъ другой снимокъ, иначе намъ пришлось бы ждать цѣлый годъ.

Анелъка, несмотря на то, что происходило въ ея сердцѣ, должна была подлаживаться къ этому тону, тѣмъ болѣе, что къ нашему разговору присоединились тетушка и пани Целина. Такъ прошли первыя минуты. Я ни разу въ теченіе цѣлаго вечера не вышелъ изъ своей роли, хотя чувствовалъ, что на лбу у меня проступаютъ капли холоднаго пота. Я былъ еще такъ слабъ послѣ недавней болѣзни, а тутъ еще такое ужасное принужденіе! Во время ужина Анелъка со страхомъ и волненіемъ поглядывала на мое поблѣднѣвшее лицо и сѣдые виски; я замѣтилъ, что она отгадываетъ, что я переиспыталъ. Но я почти шутливо рассказывалъ о моихъ берлинскихъ невзгодахъ. Въ концѣ вечера я чуть не падалъ въ обморокъ, но кое-какъ перемогался и Анелъка могла вычитать изъ моихъ глазъ, что я вполнѣ примирился съ ея положеніемъ. Она очень проникательна, она можетъ понять и прочувствовать все, но я превзошелъ самого себя, былъ такъ натураленъ и свободенъ, что могъ обмануть и тонкость ея чутья. Можетъ быть, въ ея душѣ и оставались какія-нибудь сомнѣнія, но одно ужъ являлось положительно несомнѣннымъ: это то, что я люблю ее, какъ прежде, что она всегда останется моею дорогою, моею прежнею Анелъкой.

И я зналъ, что ей легче въ этомъ бодрящемъ теплѣ. Я поистинѣ могъ гордиться, что сразу внесъ лучъ веселья въ унылую атмосферу этого дома. И тетушка, и пани Целина умѣли это оцѣнить. Пани Целина прямо сказала мнѣ, когда я подошелъ проститься къ ней:

— Слава Богу, что ты пріѣхалъ. Мы всѣ почувствовали себя какъ-то бодрѣе.

Анелъка, сердечно пожимая мою руку, спросила:

— Теперь ты не скоро уѣдешь?

— Нѣтъ, Анелъка, — отвѣтилъ я, — теперь я совсѣмъ не уѣду.

И я ушелъ, вѣрнѣе, убѣжалъ къ себѣ наверхъ, потому что силы совсѣмъ начали измѣнять мнѣ. Внутри меня накопилось столько слезъ, что у меня болѣзненно сжимается горло. Есть мелкія жертвы, которыя стоятъ дороже самыхъ крупныхъ.

8 ноября.

Я потому такъ часто повторяю: «это самое дорогое для меня существо», что, поистинѣ, нужно женщину любить больше жизни

не только какъ женщину, но и какъ самое дорогое существо, чтобы не убѣжать отъ нея при подобныхъ условіяхъ. Я чувствую отлично, что одно физическое отвращеніе оттолкнуло бы меня отъ всякой другой женщины, а такъ какъ я остаюсь при этой и останусь, то мнѣ снова приходитъ въ голову, что моя любовь, все-таки, болѣзнь, все-таки, нервное извращеніе, которое не имѣло бы мѣста, еслибы я былъ здоровымъ и нормальнымъ существомъ человѣческаго рода. Теперешній человѣкъ, который все объясняетъ себѣ неврозомъ, который все разлагаетъ на составные элементы, не имѣетъ даже утѣшенія, которое могло бы ему доставить убѣжденіе въ своей вѣрности и постоянствѣ. Когда онъ скажетъ себѣ: «твоя вѣрность и постоянство только болѣзнь, а не заслуга», то горечь его еще больше увеличится. Если пониманіе такихъ вещей съ каждымъ часомъ дѣлаетъ человѣческую жизнь все болѣе и болѣе невыносимою, то изъ-за чего мы хлопочемъ о ней?

Только сегодня, при свѣтѣ дня, я замѣтилъ, какъ сильно измѣнилось лицо Анельки, и сердце мое чуть не разрывается отъ этого. Губы ея опухли, лобъ, когда-то безукоризненный, утратилъ свою чистоту и ясность. Тетушка была права. Красота почти совсѣмъ исчезла, остались только глаза прежней Анельки. Но мнѣ довольно и этого. Это измѣнившееся лицо только увеличиваетъ мое сожалѣніе, и Анелька представляется мнѣ еще болѣе любимой. Хотя бы она еще больше подурнѣла, я всегда буду любить ее. Если это болѣзнь, и то хорошо! Я болѣнъ и не желаю выздоровленія, я предпочитаю умереть лучше отъ этой болѣзни, чѣмъ отъ какой-нибудь другой.

9 ноября.

Придетъ время, когда положеніе ея измѣнится и красота возвратится опять. Я думалъ сегодня объ этомъ и, вмѣстѣ, задавалъ вопросъ, въ какую форму выльются наши отношенія въ будущемъ и не потерпятъ ли они какихъ-нибудь измѣненій? Я увѣренъ, что нѣтъ. Я уже знаю, что такое значить жить безъ нея, и не сдѣлаю ничего такого, за что она могла оттолкнуть меня, а Анелька всегда останется такою же, какою была. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что я необходимъ для ея жизни, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего чувства ко мнѣ она даже въ глубинѣ души никогда не назоветъ иначе, какъ любовью сестры. Все равно, чѣмъ бы ни было оно на самомъ дѣлѣ, для нея оно остается навсегда идеальной связью двухъ душъ, то-есть чѣмъ-то вполне дозволеннымъ, существующимъ даже между родственниками. Если бы было иначе, Анелька опять начала бы борьбу съ собой.

Въ этомъ отношеніи я не оболѣщаю себя заблужденіями. Я сказалъ уже, что нашъ союзъ сталъ мнѣ дорогъ. Пусть и останется такимъ, если и она будетъ такъ же цѣнить его.

10 ноября.

Какое фальшивое понятіе, что чувство новыхъ людей меньше, чѣмъ чувство ранѣ жившихъ поколѣній. По временамъ я думаю, что какъ разъ наоборотъ. У кого нѣтъ двухъ легкихъ, тотъ усиленно дышетъ однимъ, а у насъ отнято все, чѣмъ прежде жилъ человѣкъ, оставлены только нервы, болѣе раздраженные и болѣе впечатлительные, чѣмъ у прежняго человѣка. Дѣло не въ томъ, что недостатокъ кровяныхъ шариковъ будетъ порождать чувства ненормальныя и болѣзненныя, — трагедія человѣческихъ чувствъ скорѣе усиливается отъ этого, чѣмъ уменьшается. Усиливается потому, что прежній человѣкъ, въ случаѣ любовнаго разочарованія, могъ найти утѣшеніе или въ религіи, или въ сознаніи общественныхъ обязанностей, а нынѣшній уже не найдетъ его нигдѣ. Прежде чувство сдерживалось характеромъ, теперь характеръ мельчаетъ и долженъ мельчать благодаря скептицизму, этому разлагающему психическому дѣятелю. Онъ, какъ бактерія, источилъ человѣческую душу, размягчилъ ее и уничтожилъ ее силу сопротивленія противъ физиологическихъ прихотей нервовъ, да и нервы, къ тому же, стали больными. Теперешній человѣкъ все сознаетъ, но ничѣмъ не можетъ помочь себѣ.

11 ноября.

Отъ Бромидкаго давно не было никакого извѣстія, даже Анелька не получала писемъ. Я послалъ ему телеграмму, что отправилъ адвоката, послалъ письмо, и все это наудачу, потому что трудно знать, гдѣ онъ находится въ данную минуту. И письмо, и телеграмма дойдутъ до него современемъ, только когда — не знаю. Старику Хвастовскій писалъ къ сыну, можетъ быть, тотъ что-нибудь знаетъ.

Съ Анельной я провожу теперь цѣлые часы, и никто мнѣ не мѣшаетъ, потому что сама пани Целина, которую мы посвятили въ положеніе вещей, просила меня приготовить Анельку къ извѣстіямъ, какія она не сегодня, такъ завтра можетъ получить отъ Бромидкаго. Я высказалъ Анелькѣ мои опасенія относительно результатовъ предпріятій ея мужа, но сдѣлалъ это въ формѣ своихъ личныхъ соображеній. Я говорилъ, что даже полнаго разоренія Бромидкаго нечего брать къ сердцу, что съ извѣстной точки зрѣнія это былъ бы самый лучший исходъ дѣла, потому что ей тогда только и можно было бы жить спокойною жизнью. Относительно своихъ

денегъ я ее успокоилъ совершенно, сказавъ, что онѣ пропасть не могутъ ни въ какомъ случаѣ, наконецъ, намекнулъ на планы тетки. Анелька выслушала меня довольно спокойно, безъ волненія. Ей, главное дѣло, придаетъ бодрости убѣжденіе, что около нея бьется любящее сердце, въ этомъ-то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ недостатка. Когда мнѣ удастся развеселить ее, вызвать ея улыбку, меня самого охватываетъ такая радость, что я не могу ее вмѣстить въ себя. Въ моей любви къ ней заключается что-то такое, напоминающее слѣпую привязанность слуги къ обожаемой госпожѣ. По временамъ я чувствую непреодолимую потребность унижаться передъ ней насколько возможно. Мнѣ кажется, что мое мѣсто у ея ногъ. Теперь ужъ она не можетъ для меня подурнѣть, измѣниться, постарѣть, я все перенесу, на все соглашусь, на все.

12 ноября.

Кромницкій умеръ! Катастрофа какъ громъ свалилась на наши головы. Да сохранить Богъ здоровье Анельки отъ всякой случайности! Сегодня пришла телеграмма, что его обвиняли въ обманѣ, угрожали тюрьмой, и онъ лишилъ себя жизни. Я всего бы могъ ожидать, только не этого... Кромницкій умеръ! Анелька свободна! Но какъ она перенесетъ это? Вотъ уже нѣсколько разъ я перечитываю эту телеграмму и мнѣ все кажется, что я сплю. Не смѣю своими глазамъ вѣрить, хотя подпись Хвостовскаго ручается за правдивость телеграммы. Я зналъ, что это должно кончиться плохо, но не допускалъ, чтобы конецъ былъ такъ неожиданъ и такъ трагиченъ. Нѣтъ, ничего подобнаго мнѣ въ голову не приходило. Меня словно обухомъ по лбу ударили. Если теперь у меня въ головѣ все не перепутается, то я уже все выдержу. Я и такъ разъ пришелъ къ Кромницкому на помощь, теперь выслалъ къ нему адвоката, значитъ, совѣтъ упрекать меня ни въ чемъ не можетъ. Было время, когда я жаждалъ его смерти, — правда; но въ томъ-то и заслуга моя, что и въ такомъ случаѣ я не отказалъ ему въ помощи. А тутъ смерть пришла не только вслѣдствіе моихъ усилій, но вопреки имъ, и Анелька свободна! Странное дѣло: я все это знаю, но не вполне еще удостовѣрился, точно нахожусь въ безсознательномъ состояніи. Кромницкій былъ мнѣ чужой, представлялъ большую помѣху въ моей жизни. Эта помѣха болѣе не существуетъ, и я долженъ былъ бы радоваться, но не могу и не смѣю, можетъ быть, потому, что къ моей радости примѣшивается опасеніе за Анельку. Первая мысль, которая пришла въ мою голову послѣ получения телеграммы, была такая: что станется съ Анелькой? какъ она перенесетъ это извѣстіе? Да сохранить ее Богъ! Она не любила этого

человѣка, но при настоящихъ условіяхъ волненіе можетъ убить ее. Думаю о томъ, какъ бы увести ее отсюда.

.....
 Какое счастье, что телеграмму принесли въ мою комнату, а не въ гостиную или въ столовую. Не знаю, съумѣлъ бы я совладать съ собою. Да и такъ долго я не могъ придти въ себя. Сошелъ внизъ къ тетущкѣ, но и ей не показавъ сразу телеграммы, а только сказалъ:

— Я получилъ очень дурныя извѣстія о Бромницкомъ.

— Что такое? Что случилось?—спросила тетущка.

— Приготовьтесь ко всему.

— Онъ уже подъ судомъ?... да?...

— Нѣтъ... еще хуже... то - есть подъ судомъ, но не человѣческимъ.

Глаза тетущки замигали.

— Что ты говоришь, Леонъ?

Тогда я показавъ ей телеграмму. Тетущка прочла ее, не сказавъ ни слова подошла къ навою, стала на колѣни и начала молиться.

Наконецъ, она поднялась на ноги и сказала:

— Анелька можетъ за это заплатить жизнью. Что дѣлать?

— Она не должна знать объ этомъ ничего до тѣхъ поръ, пока не родится ребенокъ.

— Какъ ее устережешь? Весь свѣтъ заговоритъ объ этомъ... газеты... Какъ ее устережешь?

— Милая тетущка,— сказалъ я,— я вижу только одно спасеніе. Нужно вызвать доктора, пусть онъ прикажетъ Анелькѣ выѣхать отсюда. Тогда я увезу ее и пани Целину въ Римъ, гдѣ и помѣщу въ своемъ домѣ. Тамъ я не допущу до нея никакой новости, а здѣсь это трудно, потому что и прислуга раньше или позже обо всемъ узнаетъ.

— Но позволить ли ей выѣхать состояніе ея здоровья?

— Не знаю; это долженъ рѣшить докторъ. Я выпущу его сегодня же.

Тетущка одобрила мой проектъ. Очевидно, мы не могли выдумать ничего лучшаго. Пани Целинѣ нужно сказать все, чтобы и она поддерживала намѣреніе уѣхать отсюда. Прислугѣ я уже строго-на-строго приказавъ не сообщать молодой барынѣ никакого слуха. Письма, телеграммы и газеты, на чье бы имя они не были адресованы, я приказавъ приносить въ свою комнату.

Тетущка долгое время ходила, какъ оглушенная. По ея мнѣнію, самоубійство величайшее изъ всѣхъ преступленій, которыя можетъ

совершить человекъ, и вслѣдствіе этого къ чувству сожалѣнія къ покойному въ ней примѣшивается негодование. Каждую минуту она повторяетъ: «онъ не долженъ былъ дѣлать этого, зная, что скоро будетъ отцомъ». Но я предполагаю, что онъ не получалъ этого извѣстія. Въ послѣднее время онъ, вѣроятно, метался, какъ въ горячкѣ, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ того, какъ этого требовали его запутанныя и расплывающіяся во всѣ стороны дѣла. Я не смѣю обвинять его и скажу откровенно, что не могу отказать ему въ уваженіи. Есть люди, которые по всей справедливости осуждены за обманъ или мошенничества, и, все-таки, распиваютъ въ кутузкѣ шампанское и ведутъ веселую жизнь. Бромидкій до этого не дошелъ и предпочелъ смертью смыть съ себя незаслуженныя обвиненія. Можетъ быть, онъ помнилъ, кто онъ такой. Я меньше сочувствовалъ бы ему, если бы онъ лишилъ себя жизни только вслѣдствіе разоренія, но, пожалуй, и этого для него было бы вполне достаточно. Я припоминаю, какія воззрѣнія онъ высказывалъ въ Гаштейнѣ. Если моя любовь—неврозъ, но, вѣдь, неврозомъ была и его страсть къ наживѣ. Когда это не выгорѣло, когда почва ускользнула изъ-подъ его ногъ, то онъ увидалъ передъ собою такую же бездну, какую я видѣлъ въ Берлинѣ. А въ такомъ случаѣ что могло удержать его? Мысль объ Анелькѣ? Онъ понималъ, что ее не оставить безъ попеченія, и, притомъ,—кто знаетъ?—можетъ быть, чувствовалъ и то, что его не особенно сильно любить. Во всякомъ случаѣ, я думалъ о немъ хуже, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не подозревалъ въ немъ такой энергіи и, признаюсь, былъ несправедливъ къ нему.

.....

Положилъ было перо, но снова берусь за него, потому что не могу даже и мечтать о снѣ. Анелька свободна, Анелька свободна!... Я повторяю эти слова и не могу еще охватить умомъ ихъ значенія. Чувствую, что могъ бы съ ума сойти отъ радости и, вѣсть съ тѣмъ, мною овладѣваетъ непонятная боязнь. Дѣйствительно ли должна начаться моя новая жизнь? Что это такое? Ловушка судьбы, или Богъ смилостивился надо мною за то, что я такъ страшно страдалъ и такъ сильно любилъ? А, можетъ быть, существуетъ какое-нибудь право, какая-нибудь мистическая сила, которая отдаетъ женщину любящему мужчинѣ для того, чтобы осуществился вѣчный законъ творчества,—не знаю! Я испытываю теперь такое впечатлѣніе, какъ будто меня и всѣхъ окружающихъ несетъ какая-то громадная волна, затопляющая человѣческую волю и человѣческія усилія . . . . .

Карета, посланная за докторомъ, возвратилась. Докторъ не пріѣхалъ. Сегодня у него операція, но завтра утромъ общается пріѣхать. Онъ долженъ будетъ остаться въ Плошовъ до нашего отъѣзда и проводить насъ до Рима. Тамъ я найду другихъ...

Поздняя ночь... Анелька спитъ и не догадывается, какая переи́зна произошла въ ея судьбѣ... О, если бы эта переи́зна принесла ей счастье и спокойствіе! Можетъ быть, это надъ ней начинается милосердіе Божіе?... Нервы мои какъ напряжены, что когда до меня долетаетъ лай собаки на фольваркѣ или звукъ трещотки ночнаго сторожа, мнѣ кажется, что приближается еще какая-нибудь ужасная новость, и мнѣ хочется прямо идти къ Анелькѣ.

Стараюсь успокоиться и объясняю себѣ, что странная тревога, которая овладѣваетъ мною, происходитъ изъ боязни за Анельку, и если бы не ея положеніе, то я не испытывалъ бы такого безпокойства. Повторяю себѣ, что эти опасенія, какъ и все, минуютъ и потомъ начнется новая жизнь.

Нужно освоиться съ мыслью, что Бромидкій умеръ... Изъ этой катастрофы вытечетъ мое счастье, о которомъ я и мечтать не смѣлъ, но въ человѣкѣ существуетъ нѣкоторое моральное начало, которое запрещаетъ радоваться смерти даже врага. А притомъ, въ самой смерти кроется угроза. Люди у трупа всегда разговариваютъ въ полголоса. Вотъ почему и я не смѣю радоваться.

12 ноября.

Всѣ мои планы разлетѣлись въ прахъ. Докторъ пріѣхалъ утромъ, осмотрѣлъ Анельку и сказалъ, что о путешествіи и рѣчи быть не можетъ, что оно прямо опасно для здоровья Анельки. Въ ея положеніи замѣчаются какія-то отклоненія отъ правильнаго теченія. Что за мука слышать этотъ спеціальнѣйшій языкъ, въ которомъ каждый терминъ, кажется, грозитъ смертью дорогому существу! Я посвятилъ доктора въ нашу тайну; онъ говоритъ, что изъ двухъ предпочитаетъ выбирать меньшее и менѣе опасное.

Что меня взволновало и страшно обезпокоило, такъ это его собѣтъ подготовить Анельку и сообщить ей о смерти мужа. Увы, я не могу не признать правильности его разсужденій. Онъ говоритъ такъ: «Если вы совершенно увѣрены, что можете охранять пани Бромидскую еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то, конечно, лучше не говорить, но если нѣтъ, то нужно осторожно подготовить, и потомъ разсказать все, иначе, если она узнаетъ вдругъ, то можетъ наступить другая катастрофа».

Что тутъ дѣлать? Я окружу Плошовъ карантинномъ, не допущу ни человѣка, ни письма, ни газеты, выучу прислугу что говорить,

даже какъ смотрѣть... А какое впечатлѣніе производить подобныя вѣсти даже послѣ соотвѣтственнаго подготовленія, я вижу на пани Целинѣ, которой мы должны были, наконецъ, открыть правду. Пани Целина два раза падала въ обморокъ, потому у нея начались спазмы и привели меня чуть не въ бѣшенство, — мнѣ казалось, что весь домъ слышитъ ея крики. А, вѣдь, она не очень была привязана къ зятю. И ее больше всего удручаетъ мысль объ Анелькѣ.

Я противлюсь совѣту доктора, какъ могу и, кажется, никогда не соглашусь съ нимъ. Я не могу сказать одной вещи, что Анелька не любила мужа и вслѣдствіе этого-то его смерть сильнѣе возмущаетъ ее.

Тутъ дѣло идетъ не о томъ горѣ, которое испытывается послѣ смерти дорогаго существа, а объ упрекахъ, которыми Анелька будетъ осыпать себя. Если бы она любила его больше, то онъ дороже цѣнилъ бы свою жизнь... Тщетные, несправедливые, неосновательные упреки; все, что можно было заставить себя сдѣлать, она сдѣлала, устояла противъ любви ко мнѣ, осталась чистой и вѣрной. Но нужно знать эту требовательную къ самой себѣ душу, чтобы предугадать, какія угрызения она будетъ испытывать, какъ начнетъ подозрѣвать, не соотвѣтствуетъ ли смерть ея мужа какимъ-нибудь ея затаеннымъ желаніямъ свободы и вольности, какимъ-нибудь желаніямъ, которыхъ она не смѣла высказать. У меня волосы становятся дыбомъ, когда я подумаю объ этомъ, потому что эта смерть дѣйствительно открываетъ передъ Анелькой новую жизнь. Это будутъ двѣ разительныя перемены, два удара грома, которые упадутъ на ея бѣдную головку... Ни докторъ, ни тетка, ни пани Целина не понимаютъ этого.

Нѣтъ! Она не должна ничего знать до конца.

Какое несчастіе, что ее нельзя увести! Здѣсь трудно, почти невозможно устеречь ее, здѣсь она будетъ читать по лицамъ окружающихъ, что что-то произошло. Каждое слово, каждый взглядъ могутъ привлечь ея вниманіе и зародить въ ея головѣ разныя предположенія. Сегодня ее удивилъ неожиданный пріѣздъ доктора, она начала разспрашивать (это я знаю отъ пани Целины), что значитъ этотъ визитъ и что ей угрожаетъ. По счастью, тетуська нашлась и отвѣтила, что при подобныхъ обстоятельствахъ всегда отъ времени до времени прибѣгаютъ къ совѣту врача. Анелька такъ неопытна, что повѣрила сразу.

А какимъ образомъ я могу воздѣйствовать на прислугу, чтобы она не корчила таинственныхъ минъ? Она что-то уже сообража-

еть, — мои распоряженія навели на мысль о чемъ-то, а вскорѣ съ точностью узнаеть обо всемъ. Не могу же я разогнать всѣхъ.

Одно обиліе телеграммъ въ состояніи привлечь вниманіе.

Сегодня получилъ телеграмму отъ Хвастовскаго изъ Баку, съ запросомъ, что дѣлать съ тѣломъ? Отвѣтилъ, чтобы временно похоронили на мѣстѣ. Просилъ старика Хвастовскаго поѣхать въ Варшаву и оттуда уже послать телеграмму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перевести деньги на издержки. Не знаю даже, можно ли пересылать деньги по телеграфу изъ Варшавы въ Баку.

13 ноября.

Сегодня просматривалъ вчерашнія газеты. Въ двухъ были телеграммы о смерти Бромницкаго. Если эти телеграммы прислалъ молодой Хвастовскій, то онъ съ ума сошелъ. Прислуга узнала уже обо всемъ. Лица у всѣхъ такія, что удивляюсь, какъ Анелька до сихъ поръ не обратила на нихъ вниманіе. За обѣдомъ она была какъ-то необыкновенно весела и оживлена. Меня успокоиваетъ только присутствіе доктора. Смерть Бромницкаго его интересуеть мало, поэтому онъ занимаетъ Анельку, учитъ ее играть въ шахматы, шутить съ ней. За то пани Целина приводитъ меня въ отчаяніе. Она принимала все болѣе и болѣе гробовую фізіономію, по мѣрѣ того, какъ Анелька становилась веселѣе. За это вечеромъ я сильно пробралъ ее.

14 ноября.

Мы всѣ въ Варшавѣ по совѣту доктора. Анелькѣ сказали, что въ плошовскомъ домѣ будутъ передѣлывать печи, вслѣдствіе чего нужно переселиться куда-нибудь на нѣсколько недѣль. Дорога ее сильно утомила. Погода сиверная. Но я доволенъ, что мы пріѣхали, — здѣсь я болѣе увѣренъ въ своей прислугѣ. Домъ немного въ безпорядкѣ, повсюду распакованныя и нераспакованныя картины. Анелька, несмотря на утомленіе, захотѣла непремѣнно осмотрѣть все, и я долженъ былъ служить въ качествѣ чичероне. Сказалъ ей, что самая отрадная моя мечта, это — когда-нибудь быть ея проводникомъ по Риму. Анелька отвѣтила съ оттѣнкомъ грусти:

— Я также часто думаю о Римѣ, но иногда мнѣ кажется, что я тамъ никогда не буду.

У меня сердце стиснуло, потому что я теперь боюсь всего, даже предчувствій, и въ любомъ словѣ усматриваю дурное пророчество. Но отвѣтилъ я, все-таки, весело:

— А я торжественно клянусь, что ты поѣдешь туда, и надолго. Странное дѣло, какъ скоро человѣческая природа осваивается

съ каждымъ положеніемъ и входить въ свои новыя права: я уже невольно считаю Анельку своею и стерегу ее, какъ свое добро.

Однако, докторъ былъ правъ. Хорошо мы сдѣлали, что переселились въ Варшаву. Прежде всего, здѣсь легче получить всякую помощь; во-вторыхъ, можно не принимать визитовъ, тогда какъ въ Плошовѣ невозможно же было гнать людей отъ крыльца. А разные знакомые непременно пожаловали бы со своимъ соболѣзнованіемъ. Наконецъ, въ Плошовѣ образовалась какая-то таинственная и унылая атмосфера, въ которой мои усилія придать разговору веселый тонъ являлись чѣмъ-то поражающимъ. Я допускаю, что этого настроенія мы не избѣжимъ и въ Варшавѣ, но тутъ, по крайней мѣрѣ, умъ Анельки будетъ занятъ и развлеченъ тысячами тѣхъ мелкихъ впечатлѣній, которыми полна городская жизнь, тогда какъ въ Плошовѣ всякая пережѣна въ окружающемъ привлекала бы на себя ея вниманіе.

На улицу она никогда не будетъ выходить одна и вообще выходить будетъ рѣдко. Правда, докторъ предписалъ ей движеніе, но я нашелся и тутъ. За конюшнями у меня довольно большой садъ, съ деревянною галлереей у стѣны. Я прикажу вставить въ пролеты между столбами стеклянныя рамы и галлерей во время зимы, а въ особенности въ дурную погоду, можетъ служить отличнымъ мѣстомъ для прогулокъ Анельки.

А, все-таки, ужасно мучительная вещь этотъ постоянный страхъ, висящій надъ нами.

15 ноября.

Какъ это случилось? зачѣмъ? откуда подозрѣніе могло придти ей въ голову? — я не могу понять. А пришло. Сегодня за завтракомъ она вдругъ подняла глаза и, внимательно оглядывая насъ по очереди, сказала:

— Не понимаю, что это такое, но мнѣ кажется, какъ будто вы что-то скрываете отъ меня.

Я почувствовалъ, что блѣднѣю, пани Целина состроила еще болѣе страшную мину, только одна тетуща (милая, дорогая) не потеряла присутствія духа и сейчасъ же начала ворчать на Анельку:

— Вѣрно, вѣрно, — сказала она, — мы скрывали отъ тебя, что считали тебя глупенькой, но больше этого скрывать не будемъ. Леонъ вчера говорилъ, что ты никогда не выучишься играть въ шахматы, потому что у тебя совсѣмъ нѣтъ комбинирующей способности.

Я оправился, подхватилъ эту тему, началъ смѣяться и шутить. Анелька ушла какъ будто успокоенная, но я былъ увѣренъ, что

мы не сумѣли вполне разсѣять всѣхъ ея подозрѣній и что моя веселость могла показаться ей искусственной. И тетка, и пани Целина были страшно перепуганы, а мною овладѣло отчаяніе; я сразу увидалъ, что напрасны наши усилія удержать долго дѣло въ тайнѣ. Допустимъ, сегодня Анелька подозрѣваетъ насъ въ томъ, что мы скрываемъ отъ нея какія-нибудь неблагопріятныя финансовыя вѣсти, но что будетъ, когда черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ мѣсяцъ она не получитъ отъ Бромницкаго ни одного письма? Что скажемъ мы ей тогда, чѣмъ объяснимъ его молчаніе?

Около полудня пришелъ докторъ. Мы рассказали ему, что случилось, — онъ началъ повторять свое прежнее мнѣніе, что необходимо открыть Анельгѣ всю правду.

— Естественно, — сказалъ онъ, — что пани Бромницкая, не получая писемъ, скоро начнетъ беспокоиться и дѣлать всякія, самыя ужасныя предположенія.

Но я хотѣлъ еще на нѣкоторое время отдалить эту необходимость и, наконецъ, сказалъ, что это беспокойство и приготовить ее къ ужасному извѣстію.

— Да, — отвѣтилъ докторъ, — по долгое беспокойство дурно подготовить организмъ къ критическому моменту, который ее ожидаетъ и который, вѣроятно, и при благопріятныхъ условіяхъ былъ бы не легокъ.

Можетъ быть, это правда, но во мнѣ просто сердце замираетъ отъ страха. Все имѣетъ свои границы, даже и отвага человѣческая. Что-то есть во мнѣ, что отчаянно сопротивляется этому, я боюсь какого-то голоса, который говоритъ мнѣ: нѣтъ! Теперь старыя дамы почти убѣждены, что завтра нужно сказать ей всю правду. Я не хочу вѣшпиваться въ это. Я не имѣлъ понятія, что человѣкъ можетъ чего-нибудь бояться до такой степени, но, вѣдь, тутъ дѣло идетъ о ней.

16 ноября.

До вечера было хорошо, — вечеромъ вдругъ проявилось кровотечение. Я, вѣдь, говорилъ!... Три часа ночи... Теперь она уснула. Докторъ при ней. Я долженъ быть спокоенъ, — долженъ! Это для нея нужно, чтобы кто-нибудь въ домѣ не потерялъ головы. Долженъ!...

17 ноября.

Докторъ говорилъ, что первый періодъ болѣзни развивается правильно. Что это значитъ? То ли значитъ, что она умретъ?

Лихорадка не большая. Такъ, кажется, бываетъ всегда въ первые два дня. Память ясная. Анелька чувствуетъ полное разстрой-

ство и слабость, но страдает мало. Докторъ, однако предупредилъ насъ, что потомъ температура можетъ дойти до сорока градусо́въ: будутъ большія боли, обмороки, опухоль ногъ... Вотъ что онъ объщаетъ!

Пуснай тогда придетъ и конецъ свѣту!

О, Боже! если Ты хочешь покарать меня, то, влянусь, я уѣду, не увижу съ ней никогда въ жизни, только спаси ее!

18 ноября.

До сихъ поръ не былъ у ней. Стою на часахъ у ея дверей, но не вижу, — боюсь, что мое присутствіе ухудшитъ ея положеніе.

По временамъ мнѣ приходитъ страшная мысль, что я могу обезумѣть и убить Анельку какимъ-нибудь бѣшеннымъ порывомъ. По этому принуждаю себя писать, — и буду писать все время. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ я овладѣваю собой и держу на привязи свои страсти.

19 ноября.

Слышалъ изъ-за двери ея голосъ и ея стоны. Въ этой болѣзни бываютъ страшныя боли. По мнѣнію доктора, это обыкновенное явленіе, а по - моему — безжалостная жестокость. Тетка говоритъ, что она все протягиваетъ руки, обнимаетъ за шею то ее, то мать и проситъ о помощи. А тутъ ничто не поможетъ, хоть головой бейся объ стѣну!

Обмороки постоянныя. Боли усиливаются. Ноги совсѣмъ опухли.

Докторъ ничего не объщаетъ и говоритъ, что болѣзнь можетъ повернуть и въ дурную, и въ хорошую сторону. Это я зналъ и безъ него. Температура сорокъ градусо́въ. Сознаніе полное.

20 ноября.

Теперь уже знаю все. Никто мнѣ этого не говорилъ, но я знаю съ достовѣрностью: она умретъ! Я владѣю собою и даже спокоенъ. Анелька умретъ! Сегодня ночью, сидя у ея дверей, я увидалъ это такъ ясно, какъ сегодня вижу солнце. Человѣкъ въ извѣстномъ состояніи видитъ вещи, которыя другимъ и сниться не могутъ. Передъ утромъ во мнѣ произошло что-то такое, что я увидалъ сразу неизбѣжность конца, какъ будто кто-нибудь снялъ завѣсу съ моихъ глазъ и съ моего мозга. Ничто на свѣтѣ не можетъ спасти Анельку. Я это знаю лучше всѣхъ врачей.

И поэтому-то я не терзаю себя. Поможетъ ли это ей и мнѣ? Приговоръ надъ нами обоими произнесенъ. Я долженъ быть слѣпымъ, чтобы не видать, что какая-то могущественная сила раздѣляетъ насъ. Кто она и какъ называется, я не знаю. Знаю только, что если

бы я упала на колѣни, бился головой объ полъ, умоляя и прося бы, то мнѣ сдѣлалось бы подвинуть горы, но не умолить ее.

Такъ какъ Анельку теперь у меня могла бы отнять одна смерть, то она должна умереть.

Все это можетъ быть очень логично, только я не согласенъ на разлуку.

21 ноября.

Анелька пожелала видѣть меня. Тетушка выслала всѣхъ изъ комнаты, убѣжденная, что больная захочетъ поручить мнѣ свою мать. Такъ оно и было. Я видѣлъ ее, душу моей жизни. Она въ памяти, только глаза блестятъ и замѣчается возбужденіе. Боли почти прекратились. Всѣ слѣды ея предъидущаго положенія исчезли, лицо напоминаетъ ликъ ангела. Она улыбнулась мнѣ и я отвѣтилъ ей улыбкой.

Со вчерашняго дня я знаю, что насъ ждетъ; мнѣ кажется, что я умеръ, но владѣю собой. Анелька взяла меня за руку, заговорила о матери, потомъ долго смотрѣла на меня, словно хотѣла насмотрѣться, прежде чѣмъ глаза ея угаснуть.

— Не бойся, Леонъ,—наконецъ, сказала она,—мнѣ гораздо легче, только, во всякомъ случаѣ, я хочу, чтобы послѣ меня что-нибудь осталось... Можетъ быть, я не должна была дѣлать такихъ признаній тотчасъ же послѣ смерти мужа, но такъ какъ могу умереть, то хочу сказать тебѣ теперь, что я очень любила тебя, очень любила.

Я отвѣтилъ ей: «Знаю, дорогая моя!» Я держалъ ея руку и мы смотрѣли другъ другу въ глаза. Въ первый разъ въ жизни она улыбалась мнѣ, какъ моя нареченная. И я тоже обручился съ ней въ эту минуту обрученіемъ твердымъ и безповоротнымъ. Хорошо намъ было въ эту минуту, хотя надъ нами вѣяла грусть, великая, какъ смерть. Я оставилъ ее только тогда, когда сказали, что пришелъ всѣндзъ. Анелька еще передъ тѣмъ просила меня не пугаться этого; всѣндза она призвала не потому, что думаетъ умереть,—при всякой болѣзни лучше очистить душу. Всѣндзъ ушелъ и я возвратился назадъ. Анелька послѣ столькихъ бессонныхъ ночей была утомлена и заснула, спитъ и сейчасъ. Когда проснется, я не буду отходить отъ нея, развѣ она опять заснетъ.

22 ноября.

Облегченіе значительное. Пани Целина съ ума сходитъ отъ радости. Только я одинъ знаю, что это такое. Доктору не было никакой надобности говорить мнѣ, что это приближается параличъ въ шею.

28 ноября.

Анелка умерла сегодня утромъ.

.....
 .....

Римъ, 5 декабря.

Я могъ быть Твоимъ счастьемъ и стать Твоимъ несчастьемъ. Это я причина Твоей смерти, потому что еслибъ я былъ другимъ человѣкомъ, еслибъ у меня не было недостатка въ жизненныхъ основахъ, на Тебя не обрушились бы тѣ потрясенія, которыя убили Тебя.

Это я понялъ во время послѣднихъ минутъ Твоей жизни, понялъ и покаялся идти за Тобой. Я обручился съ Тобою на твоёмъ смертномъ одрѣ, и теперь первая моя обязанность быть при Тебѣ.

Твоей матери я оставлю мое состояніе, теткѣ—Христа, въ любви къ Которому она найдетъ утѣшеніе своихъ послѣднихъ дней, а самъ иду за Тобою, потому что долженъ идти.

А Ты думаешь, я не боюсь смерти? Боюсь, потому что не знаю, что тамъ, вижу только одинъ мракъ безъ границъ и дрожу передъ нимъ. Не знаю, Ничто ли тамъ, или какая-нибудь жизнь безъ пространства и времени; можетъ быть, какой-нибудь междупланетный вихрь носить тамъ духовныя монады съ звѣзды на звѣзду и вселяетъ въ новое существо; не знаю, царить ли тамъ безмѣрная Тревога или Покой, Покой безмѣрный и такой совершенный, какой могутъ дать только Всемогущество и Всеблагость. Но если Ты умерла вслѣдствіе моего «не знаю», то какъ же я могу остаться здѣсь и жить?

Чѣмъ больше я боюсь, чѣмъ больше не знаю, тѣмъ болѣе не могу отпустить Тебя одну, не могу, Анелка моя, и иду.

Или мы вмѣстѣ погрузимся въ Ничто, или поидемъ вмѣстѣ одною дорогой, а здѣсь, гдѣ мы столько пострадали, пусть послѣ насъ останется только молчаніе.

В. А.

Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства *).

VI.

Усиленіе папства въ XI вѣкѣ.—Безсиліе нѣмецкихъ императоровъ реформировать папство.—Оттонъ III и Сильвестръ II.—Вліяніе аскетическаго движенія на церковную реформу.—Генрихъ III и Григорій VII.

Исторія папства въ половинѣ XI вѣка поражаетъ своею неожиданностью: за полнымъ упадкомъ св. Престола почти непосредственно слѣдуетъ чрезвычайно быстрый его подъемъ. Преемники св. Петра, около 200 лѣтъ бывшіе жалкимъ орудіемъ въ рукахъ мелкихъ тирановъ, вдругъ заставляютъ дрожать передъ своимъ приговоромъ могущественнаго императора и распоряжаются королевскими коронами. Младшимъ современникомъ Бенедикта IX, который довелъ папство до крайней степени моральнаго паденія, былъ Григорій VII, который быстро возвратилъ ему прежній нравственный авторитетъ. Этотъ новый переворотъ произведенъ былъ двумя теченіями, вышедшими изъ одного источника. Въ половинѣ X вѣка за Альпами начинается реакція противъ нравственнаго паденія Рима. Это новое религиозное движеніе въ аскетическомъ духѣ было направлено на реформу церкви, но на реформу въ духѣ стараго папства. Тогдашній западный христіанскій міръ, твердо храня традиціи первыхъ миссіонеровъ, не могъ представить себѣ церкви иначе, какъ въ монархической формѣ, съ абсолютнымъ главою въ лицѣ римскаго епископа. Работа раннихъ папъ на этотъ разъ спасла св. Престолъ и направила новое движеніе на реформу папства, а не на революцію противъ него. Но это реформаціонное движеніе съ самаго начала распалось на два теченія. Одно изъ нихъ приняло политическій характеръ и имѣло цѣлью освободить папство отъ порабощенія римскою аристократіей. Оно шло отъ нѣмецкихъ королей, желавшихъ возстановить священную Римскую имперію. Другое теченіе, чисто-религиозное, стремилось, прежде всего, къ нравственному возрожденію папства, а потомъ къ освобожденію

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

его отъ всякаго вліянія какой бы то ни было посторонней силы. Сначала оба направленія дѣйствовали дружно; но затѣмъ, въ силу неразрывной связи и, въ то же время, роковой противоположности интересовъ папства и имперіи, оба теченія столкнулись и вступили въ ожесточенную взаимную борьбу. Впервые это случилось въ половинѣ XI вѣка, но столкновениіе предшествовала столѣтняя реформаціонная работа.

Папа Іоаннъ XII, тотъ самый развратный мальчишъ, котораго современники называли язычникомъ, призвалъ себѣ на помощь Оттона Великаго и въ 962 году возложилъ на него корону Карла. Имперія была легко восстановлена, и Оттонъ безъ большихъ затрудненій получилъ права Карла Великаго: римляне поглялись представлять избраннаго папу на утвержденіе императора, и свѣтская власть римскаго епископа была поставлена подъ контроль императорскихъ чиновниковъ. Возстановленіе имперіи было событіемъ всемірно-исторической важности, которое повлекло за собою многочисленныя и весьма важныя послѣдствія въ исторіи Запада. Но до установленія политическаго единства христіанъ теперь было еще дальше, чѣмъ въ началѣ IX вѣка. Оттонова имперія была только по идеѣ продолженіемъ Карловой, по существу же рѣзко отъ нея отличалась. Прежде всего, это было учрежденіе не космополитическое, а національное, созданное условіями германской жизни. Священная Римская имперія *нѣмецкой націи* представляла собою нѣмецкое королевство, которому Оттонъ придавъ завоеваніемъ Италіи универсальный характеръ, а коронованіемъ рукою Христава намѣстника религиозное основаніе. Новая имперія—уже старой, а кромѣ того она *слабѣ* Карловой монархіи. Правда, французскій король Людовикъ Заморскій принесъ ленную присягу Оттону, Бургундія и Лотарингія признали себя составными частями имперіи, но новый императоръ былъ только сюзеренъ сильныхъ герцоговъ и въ самой Германіи, а зависимость отъ него иностранныхъ державъ была чисто-фигтивная, тогда какъ Карлъ Великій былъ могущественнымъ государемъ въ своей монархіи. Такое положеніе нѣмецкаго императора существенно опредѣляло его отношеніе къ церкви. Стремясь поставить въ зависимость отъ себя папу, Оттонъ встрѣчалъ оппозицію со стороны св. Престола—какъ свѣтскій государь, а со стороны Италіи и Рима—какъ нѣмецъ. Двойное положеніе не обезпечивало побѣды, но усиливало борьбу, которая и началась тотчасъ послѣ коронованія.

Оттонъ Великій, реформировавшій нѣмецкую церковь, искренно стремился къ реформѣ папства, но встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Рима. Мѣстная знать не хотѣла отказаться отъ права выбирать себѣ епископа и возводила на престолъ св. Петра отъявленныхъ негодяевъ. Императоръ, опираясь на право и силу, низвергалъ недостойныхъ папъ и возводилъ на ихъ мѣсто благочестивыхъ людей, которыхъ не хотѣли признать римляне. При Оттонѣ и его сынѣ происходитъ упорная, утомительно-однообразная и, повидимому, совершенно безплодная борьба, отъ которой сильно страдалъ авторитетъ св. Престола. Императорскіе папы держатся только до тѣхъ поръ, пока въ Римѣ нѣмецкое войско. Съ удаленіемъ и-

ператора его папу низвергаютъ и, если онъ не успѣетъ во-время бѣжать, сажаютъ въ тюрьму, гдѣ его подвергаютъ задушенію или голодной смерти. Возвращается императоръ, и такая же судьба постигаетъ свободно выбраннаго римлянами папу, а его избиратели подвергаются жестокимъ репрессіямъ и т. д., и т. д. Кровь льется рѣкой, но св. Престолъ отъ этого ничего не выигрываетъ; папство, попрежнему, остается орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а преемники св. Петра, попрежнему, погрязаютъ въ порокахъ. Казалось, для реформы было необходимо, чтобы особенно благочестивый императоръ навсегда поселился въ Римѣ и поставилъ своею жизненною задачею поддерживать на престолѣ св. Петра добродѣтельнаго епископа и выдающагося чловѣка. Такого императора и такого папу Западъ получилъ въ Оттонѣ III и Сильвестрѣ II.

Внукъ великаго Оттона отличался пылкою фантазіей и получилъ фантастическое воспитаніе. Сынъ нѣмца и гречанки и ученикъ француза, Оттонъ III не считалъ себя связаннымъ ни съ какою національностью. Его мать, греческая принцесса, рисовала ему волшебную обстановку византийскаго дворца и блестящія картины императорскаго всемогущества. Его учитель, знаменитый Гербертъ, внушилъ ему пламенную любовь къ республиканскимъ добродѣтелямъ античнаго Рима и къ могущественному порядку Августовой имперіи, а въ то же время искреннее благочестіе въ монашескомъ духѣ и глубокое уваженіе къ идеаламъ папства. Оттонъ III усвоилъ всѣ наставленія и составилъ себѣ совершенно фантастическое представленіе о характерѣ своей власти и ея задачахъ. Онъ стремился создать такую имперію, въ которой была бы возможна администрація Траяна, законодательство Юстиніана и деспотизмъ Константина, а въ то же время было бы сохранено республиканское устройство. Въ его политическіе идеалы одинаково входили имперія и республика, римскій народъ и рыцарство, земная жизнь и загробное блаженство. Для характеристики ихъ смутности и фантастичности, достаточно привести предисловіе къ одному закону Оттона III: «Мы издали это распоряженіе для того, чтобы церковь Божія стояла свободно и непоколебимо, чтобы наша имперія благоденствовала, наше рыцарство всюду торжествовало, могущество римскаго народа распространялось и республика была восстановлена и чтобы мы сами послѣ праведной жизни въ суетѣ этого міра были признаны достойными покинуть тюрьму земнаго существованія и праведно царствовать съ Господомъ». Для осуществленія этихъ идеаловъ Оттонъ III переселился въ Римъ, построилъ себѣ дворецъ на Авентинѣ, завелъ гвардію и придворный штатъ въ римско-византийскомъ вкусѣ и назначилъ республиканскихъ чиновниковъ для города. Дворцовый церемоніалъ былъ изложенъ въ особой книгѣ, гдѣ были подробно описаны отдѣльныя части императорскаго одѣянія и объяснено значеніе 10 принадлежащихъ ему коронъ. Но древне-республиканской святынѣ, Капитолію, и здѣсь было оказано уваженіе: на священный холмъ всѣ смертные, не исключая и императора, могли входить только въ бѣломъ одѣяніи. Когда же туда поднимался самъ «монархаторъ», какъ называется эта книга От-

тона III, то его окружают музыканты, свита приветствует его по-еврейски, гречески и по-латыни и всё трижды кланяются ему до земли. Но видѣть съ этою страстью къ гордой пышности въ душѣ императора уживалось монашеское смиреніе. Время отъ времени онъ сбрасывалъ съ себя истинно-великодушное императорское одѣяніе, облачался въ рубище, по цѣлымъ недѣлямъ запирался въ монашескую келью и подвергалъ себя посту и бичеваніямъ. Оттонъ III былъ вполне подходящимъ человѣкомъ для настойчиваго проведенія церковной реформы, и онъ принялся за нее чрезвычайно рѣшительно. У безнравственнаго папы Іоанна XVI, избраннаго римскою знатію, онъ приказалъ отрѣзать носъ, языкъ, уши, вырвать глаза и въ такомъ видѣ провезти верхомъ на ослѣ по всему Риму, а затѣмъ возвелъ на св. Престолъ своего бывшего учителя Герберта, назвавшего себя Сильвестромъ II.

Такого главы, какъ Сильвестръ II, никогда еще не имѣла западная церковь. Новый папа былъ самый ученый человѣкъ своего времени. Блестящій математикъ и знаменитый философъ, онъ зналъ греческій языкъ и тщательно, съ большимъ интересомъ изучалъ языческую литературу. Разностороннее образованіе значительно выдѣляло его теоретическія воззрѣнія изъ общаго уровня тогдашней науки. Такъ, Гербертъ не раздѣлялъ обычнаго взгляда, что теологія—величайшая изъ наукъ и что философія ея «служанка», какъ тогда говорили; по его мнѣнію, богословіе стоитъ въ ряду другихъ наукъ, которыя относятся къ философіи какъ виды къ роду. Но такія воззрѣнія не мѣшали Герберту быть убѣжденнымъ папистомъ, задолго до занятія св. Престола. Это видимое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что знаменитый ученый былъ хорошимъ практикомъ. Новый папа отлично зналъ окружавшую его среду. Французъ по происхожденію, онъ занималъ епископскія кафедръ и на родинѣ, и въ Италіи, и долгое время жилъ при нѣмецкомъ дворѣ. Современные правители ему также хорошо извѣстны: кромѣ императора, его ученикомъ былъ Робертъ I французскій. Пользуясь своимъ положеніемъ, Гербертъ систематично и научно изучалъ дѣйствительность. «Въ практическихъ дѣлахъ,—говоритъ онъ,—самое важное значеніе имѣютъ человѣческія свойства и стремленія». Превосходный наблюдатель, онъ отлично изучилъ этотъ двигатель практической жизни и воспользовался своимъ знаніемъ съ искусствомъ первостепеннаго политика. Гербертъ понималъ могущество папства и, подчинивъ своему вліянію Оттона III, занялъ кафедру св. Петра. Новому папѣ не доставало, можетъ быть, глубокаго благочестія, и императоръ былъ набожнѣе своего учителя; но Сильвестръ II лучше Оттона понималъ свое положеніе и недостатокъ религиозности возмѣщалъ политическимъ тактомъ и дипломатическою ловкостью. Онъ твердо провозгласилъ необходимость отмѣны симоніи и исправленія нравственной распущенности духовенства, заговорилъ даже о вооруженномъ освобожденіи св. Гроба. Это была существенная часть той программы, исполненіе которой доставило позже торжество папству. Сильвестру не удалось вынудить этихъ плановъ, но св. Престолъ при немъ началъ зайт-

но возвышались. Нѣмецкій ученикъ папы возстановляетъ значительную часть расхищенныхъ владѣній св. Петра, ослабляетъ даже нѣмецкое королевство въ интересахъ папы: венгерскій князь получаетъ королевскую корону за заслуги церкви, а славянскіе епископы — независимость отъ нѣмецкихъ митрополитовъ. Какъ въ доброе старое время, папа принудилъ даже своего французскаго ученика подчиниться въ важномъ семейномъ вопросѣ приговору св. Престола. Но всѣ эти успѣхи имѣли чрезвычайно эфемерный характеръ. Нѣмецкіе бароны возстали противъ Оттона III, а римскіе выгнали его изъ новой столицы, и юный императоръ, утратившій реальные владѣнія въ погоню за фантастическою властью, умеръ, не достигши полныхъ 22 лѣтъ. Со смертью Оттона III пало и могущество папы: годъ спустя умеръ Сильвестръ II, оставленный современниками и оклеветанный потомствомъ. Ученость папы была непонятна одичалому Риму, и Сильвестръ прослылъ за мага, котораго дьяволъ сначала посадилъ на св. Престолъ, а потомъ задушилъ. Но настоящіе дьявольскіе папы появляются только послѣ его смерти. Нѣмецкіе императоры, занятые домашними дѣлами, не могутъ отдавать много времени Риму, и на каеедрѣ св. Петра появляется цѣлый рядъ воровъ и разбойниковъ, который заканчивается невѣроятною фигурой Бенедикта IX. Ясно, что одни императоры были бессильны реформировать папство. Ихъ стремленія становятся успѣшнѣе только съ тѣхъ поръ, когда на помощь къ нимъ приходитъ усилившееся религиозное движеніе.

Въ половинѣ X вѣка во Франціи начинается аскетическое движеніе, которое къ концу столѣтія охватываетъ съ большею или меньшею силой весь Западъ. Его вызвали тѣ же самыя причины, которыя дѣйствовали и въ VI вѣкѣ. Феодалная анархія съ полною силой господствовала тогда въ Европѣ и въ особенности во Франціи. Королевская власть, окончательно раздробленная, была бессильна установить какой-нибудь порядокъ. Сильный давилъ слабого; низшіе классы были постоянно угнетены баронами, но и самыя угнетатели не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. У каждаго феодала могъ отнять его владѣнія болѣе сильный противникъ. Внутренніе безпорядки сопровождались внѣшними насиліями: страну грабили хищные норманны. Тѣ же самыя условія дѣйствовали съ большею или меньшею силой и за предѣлами Франціи, и внѣшній міръ утрачивалъ для человѣка свою привлекательность, а монастырь съ его крѣпкими стѣнами казался надежною защитой противъ невзгодъ этого міра и вѣрнымъ проводникомъ въ загробное блаженство. Къ концу столѣтія эта естественная набожность перешла въ религиозный энтузіазмъ подъ влияніемъ вѣры въ близкую кончину міра. Христіанство считало 1000-й годъ предѣломъ грѣховнаго существованія вселенной и было твердо убѣждено, что тогда вторично придетъ Спаситель міра судить живыхъ и мертвыхъ. Подъ влияніемъ страшной мысли за монастырскою стѣной спѣшать укрыться не только угнетенные, но и угнетатели. Въ Европѣ возникаетъ масса новыхъ монастырей съ строгимъ уставомъ, снова появляются восторженные подвижники, самоотвер-

женные миссіонеры, безстрашные мученики. Св. Нильз изумляетъ своими подвигами южную Италію, св. Ромуальдъ—сѣверную, св. Адалбертъ находитъ мученическую кончину среди языческихъ пруссовъ. Но X вѣкъ миновалъ благополучно, а религиозное движеніе все росло и развивалось. «Христосъ спалъ въ Своей церкви въ теченіе X столѣтія, — говоритъ одинъ церковный писатель, — въ XI Онъ проснулся». Благочестивое настроеніе охватило всѣ классы общества: на ряду съ нравственно - распущенными прелатами появляются такіе люди, какъ кардиналъ Даміани; изъ того общества, изъ котораго прежде выходили только Феодоры и Марозіи, выходитъ благочестивая маркиграфиня Матильда; даже среди развращенной римской знати встрѣчаются настоящіе праведники, одинъ изъ которыхъ стоитъ нѣкоторое время во главѣ управленія городомъ. Выдающуюся черту въ этомъ новомъ движеніи составляетъ аскетическое покаяніе, усилившееся подъ вліяніемъ страха наступающей кончины міра. Въ западной церкви давно уже установился обычай исправлять совершенный грѣхъ денежнымъ штрафомъ или постомъ и молитвой. Въ XI вѣкѣ Петръ Даміани прибавилъ еще бичеваніе и создалъ цѣлую систему покаянія, рассчитанную строго-арифметически. Каждому грѣху, по этой системѣ, соотвѣтствуетъ извѣстный періодъ покаянія; но такъ какъ количество грѣховъ у всякаго человѣка такъ велико, что для ихъ очищенія потребовались бы цѣлыя столѣтія, то набожнымъ людямъ предоставлялось усиливать количество благочестивыхъ дѣйствій. Такъ, нормальный годъ покаянія равнялся для богатыхъ 36, а для бѣдныхъ 4 талерамъ или 3,000 ударовъ розгами въ сопровожденіи пѣнія 30 псалмовъ. Благочестивые люди, жертвуя громадными суммами или нанося себѣ колоссальное число ударовъ, усиливали норму. Самъ Даміани въ теченіе года предѣлывалъ столѣтіе покаянія, т. - е. наносилъ себѣ 300,000 ударовъ и пѣлъ 3,000 псалмовъ, а его другъ, подвижникъ Доминигъ, исполнялъ такую порцію въ 6 дней. Для этого онъ бралъ въ обѣ руки по розгѣ и съ пѣніемъ псалмовъ цѣлыми днями подвергалъ себя тѣлесному наказанію. Даміани придавалъ чрезвычайно важное значеніе бичеванію. Слова 150-го псалма «хвалите Господа въ тимпанѣхъ» онъ комментируетъ слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ тимпанъ—сухая кожа, то, по словамъ пророка, тотъ истинно хвалитъ Господа въ тимпанѣ, кто подвергаетъ бичеванію свое истомленное постомъ тѣло». Эта дѣтски-наивная система покаянія приходилась по вкусу той эпохѣ, и бичеванію подвергали себя люди всѣхъ классовъ общества, начиная отъ императора и аристократическихъ дамъ.

Новое религиозное движеніе особенно сильно отразилось въ монастырѣ, гдѣ прежняя распущенность замѣнилась строгою дисциплиной. И эта реформа вышла изъ Франціи: ея исходнымъ пунктомъ былъ монастырь Блюни около Макона. Въ половинѣ X вѣка аббатъ Одонъ возстановилъ тамъ во всей строгости забытый уставъ св. Бенедикта: отъ монаховъ требовалось безусловное повиновеніе, жизнь, посвященная труду, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ милосердія. Въ монастырѣ допускались съ раз-

боромъ: несовершеннолѣтнихъ и людей съ плохою нравственною репутаціей туда совсѣмъ не принимали. Реформированное монашество быстро получило обширную извѣстность и Клонійская обитель не была въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ. Вскорѣ во Франціи былъ основанъ цѣлый рядъ филиальныхъ монастырей, которые были подчинены клонійскому аббату. Реформа нашла массу подражаній и за границей, а въ Италиі образовалось два новыхъ монастырскихъ ордена (Camaldoli и Vallombrosa) съ такимъ же направленіемъ. Папы освободили новые монастыри отъ власти мѣстныхъ епископовъ, и реформированное монашество поставило своею задачей возстановить подорванный авторитетъ папства и сдѣлать св. Престолъ сосредоточіемъ той нравственной силы, которая должна была управлять міромъ. Реформаціонная партія въ Римѣ получила новую армію, превосходно дисциплинированную и полную боеваго одушевленія. Клонійскіе монахи въ XI вѣкѣ играли ту же роль, какая позже досталась иезуитамъ, и оказали папству не меньшія услуги, чѣмъ ихъ позднѣйшіе соратники. Благодаря ихъ стараніямъ, реставрація папства пошла быстрѣе, въ особенности когда во главѣ политическаго движенія къ церковной реформѣ сталъ Генрихъ III, а душой религіознаго сдѣлался Гильдебрандъ.

Ожесточеннымъ врагомъ реформаціоннаго движенія была римская знать, весьма мало затронутая религіознымъ движеніемъ, и Генрихъ III рѣшилъ нанести ей окончательный ударъ, навсегда и принципиально лишить ее права выбирать папу. Другъ клонійцевъ, воспитанный духовенствомъ, императоръ искренно хотѣлъ реформировать св. Престолъ въ духѣ новаго движенія. Говорятъ даже, что только ради этой цѣли онъ согласился отказать отъ своего намѣренія поступить въ монахи и сдѣлался государемъ. По его мысли, каедрa св. Петра, обновленная нравственно, должна порвать національныя связи съ Римомъ и сдѣлаться космополитическимъ, мировымъ центромъ. На св. Престолѣ должны воссѣдать самыя лучшіе прелаты, къ какой бы они національности ни принадлежали, и римскіе епископы должны объѣзжать всю свою паству и созывать соборы во всѣхъ странахъ католическаго міра. Совершенно послѣдовательно съ этой точки зрѣнія и выборы преемниковъ св. Петра должны быть отняты у мѣстнаго населенія. До сихъ поръ планы Генриха совершенно совпадали съ стремленіями чистыхъ церковниковъ. Но неудавшійся монахъ хорошо понималъ интересы своего положенія и рѣшилъ произвести церковную реформу въ интересахъ свѣтской власти. По его мнѣнію, императоръ, какъ представитель всѣхъ христіанскихъ избирателей Христова намѣстника, долженъ назначать папу. Это значило поставить римскаго епископа въ полную зависимость отъ нѣмецкаго императора, и съ такимъ рѣшеніемъ церковнаго вопроса не желали и не могли согласиться представители чисто религіознаго направленія церковной реформы, во главѣ которыхъ сталъ Гильдебрандъ.

Сынъ тосканскаго мужика, лангобардъ по происхожденію, Гильдебрандъ принадлежитъ къ числу величайшихъ государственныхъ людей, какіе встрѣ-

чаются во всемирной истории. Его грандиознѣйшіе церковно-политическіе идеалы по ясности, послѣдовательности и продуманности представляютъ собою настоящую практическую программу, которую онъ проводилъ въ жизнь съ поразительною мудростью. Гений Гильдебранда заключался не въ теоретическомъ творествѣ, — основная мысль его программы была давно уже выработана римскими епископами, — но въ необычайной логичности, съ которой онъ вывелъ изъ прежней идеи ея неизбѣжныя, хотя ранѣе и незамѣченныя, послѣдствія, и въ удивительной дальновидности, съ которою онъ приступилъ къ ея осуществленію. Одинъ современный памятникъ очень хорошо выражаетъ сущность дѣятельности Гильдебранда: «Богъ посадилъ на престолъ папу Григорія, который, будучи вскормленъ и воспитанъ въ Римѣ, самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ апостольскія традиции и чрезвычайно усердно старался привести въ дѣйствіе то, что изслѣдовалъ». Эти «апостольскія традиции» составляла теократія, которую Гильдебрандъ понималъ не какъ мѣстное, римское явленіе, а какъ мировую силу. Основаніемъ ея авторитета служить вѣчная, неизмѣнная религіозная истина. «Римская церковь, — говоритъ онъ, — никогда не заблуждалась и не будетъ заблуждаться во вѣки вѣковъ». Эта теократія должна быть организована строго-монархически: духовенство господствуетъ надъ свѣтскимъ обществомъ, но само оно представляетъ изъ себя только могущественную бюрократію, которая слѣпо и безусловно подчинена папѣ. «Одинъ только папа, — говоритъ Гильдебрандъ, — имѣетъ право издавать законы и смѣщать епископовъ. Безъ его авторитета никакая книга не можетъ быть признана каноническою, а его приговоръ не допускаетъ возраженій. Судить его никто не смѣетъ, и канонически посвященный римскій епископъ святъ заслугою св. Петра». До такихъ смѣлыхъ положеній не доходилъ еще ни одинъ папа, но они были только логическимъ выводомъ изъ основной идеи папской власти. Съ такою же неумолимою послѣдовательностью выводилъ Гильдебрандъ ученіе объ отношеніи папы къ свѣтскимъ государямъ. Задача вѣчнаго существованія — подготовленіе къ загробному блаженству, ключи отъ котораго у папы. Онъ несетъ отвѣтственность передъ Богомъ за всю паству, поэтому ему принадлежитъ право давать такую организацію земной жизни, при которой люди лучше всего достигаютъ конечной цѣли своего существованія. У свѣтской власти не должно быть никакихъ своихъ неотъемлемыхъ правъ, никакихъ независимыхъ отъ церкви задачъ, потому что спасеніе души, которое цѣлкомъ зависитъ отъ церкви, должно быть единственною задачею человѣческой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія, свѣтскій государь только несамостоятельный уполномоченный папы, и Гильдебрандъ прямо заявлялъ, что «одинъ только папа имѣетъ право пользоваться императорскими отличіями, имѣетъ право низвергнуть императора, можетъ освободить подданныхъ отъ вѣрности своему государю». Папа, по мысли Гильдебранда, настоящій вице-богъ, и это названіе дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ.

Но всемогущая теократія, господствуя надъ свѣтскимъ обществомъ,

должна быть отъ него совершенно независима, должна опираться на свои собственные постоянныя силы, и въ созданіи этихъ силъ изъ наличныхъ элементовъ въ самой церкви съ особенною яркостью проявился гений Гильдебранда. Прежде всего, само духовенство должно быть поставлено надъ свѣтскимъ обществомъ, поэтому должно уничтожить всякую зависимость его отъ свѣтской власти и отъ окружающей среды. У духовнаго лица не должно быть никакого государя, кромѣ папы, никакой семьи, кромѣ церкви. Такой совершенно независимый клиръ долженъ самъ, одинъ, безъ всякихъ постороннихъ вліяній избирать своихъ властей и самого папу. Теократія Гильдебранда представляла собою изолированную отъ мірскихъ вліяній, космополитическую, самодовлѣющую силу.

Съ такою программой Гильдебрандъ приступилъ къ церковной реформѣ и показалъ себя блестящимъ практическимъ политикомъ. Глубоко вѣрующій, страстный идеалистъ соединился въ немъ съ благоразумнымъ дѣльцомъ, какъ это часто бывало на св. Престолѣ. Гильдебрандъ искренно считаетъ себя пророкомъ, глубоко убѣжденъ, что всѣ его идеи и планы внушены ему св. Петромъ. Какъ древній поэтъ, онъ смотритъ на себя какъ на простое орудіе божественной музыки и доходитъ иногда до сильно дѣйствующаго поэтическаго одушевленія. Не будучи еще папой, онъ съ такою страстностью говорилъ однажды на соборѣ противъ симоніи, что нѣсколько прелатовъ, почувствовавъ угроженіе совѣсти, добровольно сложили свой санъ. Но съ глубокою вѣрой въ правоту своего дѣла Гильдебрандъ соединялъ и тонкій расчетъ, и такое соединеніе было необходимо въ виду колоссальныхъ затрудненій, которыя представлялись реформатору.

Гильдебрандъ молодымъ монахомъ впервые вступаетъ въ общественную дѣятельность въ качествѣ капеллана Григорія VI, того самого папы, который съ формальною квитанціей купилъ св. Престолъ у Бенедикта IX. Тогдашнее положеніе папства было ужасно: въ Римѣ жило одновременно трое Христовыхъ намѣстниковъ, которые усердно проклинали другъ друга и съ меньшимъ усердіемъ извлекали денежные выгоды изъ своего эфемернаго положенія. Нравственный упадокъ дошелъ до крайней степени. Въ самомъ соборѣ св. Петра сторожа переодѣвались кардиналами и служили мессы для наивныхъ иностранцевъ, а по ночамъ тамъ происходили оргіи, причемъ у самыхъ алтарей совершались всевозможныя преступленія. Но вскорѣ пришелъ Генрихъ III, подвергъ суду несудимыхъ преемниковъ св. Петра, прогналъ ихъ всѣхъ съ св. Престола и послѣдовательно назначалъ на ихъ мѣсто своихъ нѣмецкихъ любимцевъ. Гильдебрандъ съ своимъ папой отправился въ ссылку въ Германію, и оттуда съ болью въ сердцѣ наблюдалъ, какъ кафедра св. Петра превращалась въ обыкновенное епископское мѣсто, которымъ произвольно распоряжался нѣмецкій императоръ. Но его бездѣйствіе продолжалось недолго. Папа Левъ IX, назначенный Генрихомъ III, пригласилъ его съ собою въ Римъ, и съ этихъ поръ Гильдебрандъ сдѣлался душою пяти папъ, послѣдовательно занимавшихъ св. Престолъ. Левъ IX, человѣкъ простой и благочестивый, весь принадлежалъ церковной партіи

реформы, и самъ былъ расположенъ дѣйствовать въ духѣ Гильдебранда, поэтому первый абрисъ реформъ Григорія VII обозначался уже при этомъ папѣ. Прежде всего, онъ отказался занять св. Престолъ по императорскому назначенію и въ скромной одеждѣ кающагося богомольца явился передъ воротами Рима, соглашаясь занять кафедру св. Петра только подъ условіемъ единогласнаго выбора. Весьма возможно, что это было сдѣлано по совѣту Гильдебранда. Правда, его точкѣ зрѣнія одинаково противорѣчили и римскіе выборы папы, и его назначеніе императоромъ; но дальновидный политикъ понималъ, что первый противникъ его теорій менѣе опасенъ, чѣмъ второй. Сила римскихъ бароновъ была подорвана взаимною борьбой и въ особенности императорами; а, кромѣ того, имъ можно было противопоставить на селеніе, въ которомъ замѣчались слѣды общаго религіознаго движенія, и Гильдебрандъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на мѣстную знать. Единогласно выбранный Левъ IX на первомъ же соборѣ 1049 года запретилъ симонію и бракъ для блага духовенства. Это были первые шаги въ осуществленію идеаловъ Гильдебранда. Подъ симоніей разумѣли не только покупку духовнаго сана, но и всякое влияніе свѣтской власти на замѣщеніе церковныхъ должностей, и широко задуманная реформа сразу достигала двухъ цѣлей: возвышала нравственный авторитетъ духовенства, доступъ въ ряды котораго открывали не деньги, а духовныя достоинства, и освобождало клиръ отъ влиянія постороннихъ силъ. Еще болѣе глубокой переломъ намѣчала вторая реформа. Отнимая семью у духовенства, она уничтожала самую прочную связь духовнаго лица съ свѣтскимъ обществомъ, вырывала его изъ окружающей среды, дѣлала его настоящимъ янычаромъ церкви, у котораго не должно быть никакихъ мірскихъ привязанностей. Но пока реформы были только провозглашены; для ихъ полнаго проведенія въ жизнь не представлялось возможности, такъ какъ иначе пришлось бы смѣстить сразу значительную часть духовенства, особенно въ Италіи. Соборными рѣшеніями пользовались только для того, чтобы низвергнуть особенно порочныхъ прелатовъ и замѣнить ихъ сторонниками реформы, которыхъ папа возводилъ въ санъ кардиналовъ. Созданіе изъ этихъ князей церкви особой коллегіи при св. Престолѣ, въ составъ которой входили всѣ выдающіеся прелаты, также было дѣломъ Льва IX и стояло въ неразрывной связи съ планами Гильдебранда. Новая коллегія представляла собою государственннй совѣтъ папы, имъ назначенный и проникнутый тѣмъ же самымъ духомъ, тѣми же самыми стремленіями, какъ и глава церкви. Дѣло реформы пріобрѣтало, такимъ образомъ, болшую прочность, потому что если бы папа былъ захваченъ въ плѣнъ или выгнанъ изъ Рима, его политику продолжало бы высшее послѣ папы церковное учрежденіе. Болѣе того, священная коллегія устраняла до извѣстной степени недостатки, происходящіе изъ отсутствія наследственности въ римской теократіи. Она сдѣлалась постоянно хранительницей папскихъ традицій и придавала послѣдовательность и единство мѣропріятіямъ св. Престола. Правленіе Льва IX заключилось окончательнымъ разрывомъ съ Византіей. Восточная церковь, недоступная

папскому вліянію, была объявлена еретическою и болѣе не входила въ объемъ римскаго понятія о христіанскомъ мірѣ. Со смертію этого папы всемогущій Гильдебрандъ стоялъ во главѣ реформированнаго клира и легко могъ бы занять св. Престолъ, но онъ лично отправился къ императору и выпросилъ въ римскіе епископы нѣмца Виктора II, одного изъ ближайшихъ друзей Генриха III.

Гильдебрандъ страстно ненавидѣлъ вмѣшательство императоровъ въ папскіе выборы, потому что оно подчиняло св. Престолъ свѣтской власти. «Короли,—говоритъ онъ,—по наущенію дьявола стараются господствовать надъ себѣ подобными. Средствами для достиженія такой цѣли служатъ имъ грабежъ, вѣроломство, убійство и всевозможныя преступленія. И эти - то грязные люди стремятся подвергнуть къ ногамъ своимъ помазанниковъ Господа!» Но тяжелое положеніе св. Престола вынуждало обратиться къ содѣйствию императора. Папская казна была пуста, церковныя патримоніи расхищены, съ юга грозили норманны. Викторъ II поправилъ нѣсколько дѣла св. Престола съ помощью своего друга Генриха III; но вскорѣ папа и императоръ умерли, и Гильдебрандъ попытался освободить кафедру св. Петра отъ нѣмецкаго вліянія. На св. Престолъ послѣдовательно возводятся двѣ его креатуры, и ихъ политика принимаетъ болѣе рѣшительный характеръ. Прежде всего, былъ установленъ новый законъ о папскихъ выборахъ, которые были предоставлены коллегіи кардиналовъ, гдѣ бы она ни собралась. Эта мѣра представляла собою логическое завершеніе развитія римской теократіи. Престолъ св. Петра освобожденъ былъ отъ всякаго вліянія какъ Рима, такъ и императора, и приобрѣлъ полную независимость. Но избирательный законъ существенно нарушалъ старыя права міровой столицы и привилегіи императоровъ. Римская знать и нѣмцы, представители двухъ еще недавно враждебныхъ направлений, соединились вмѣстѣ для борьбы съ новою реформой, и Римъ, а вмѣстѣ съ нимъ вся Италія, впервые раздѣлились на двѣ партіи—императорскую и папскую. Положеніе становилось опаснымъ, но Гильдебрандъ нашелъ союзника въ норманнахъ. Папы пытались сначала прогнать этихъ хищниковъ изъ южной Италіи, но безуспѣшно; тогда порѣшили санкціонировать ихъ грабежъ, и преемникъ св. Петра уступилъ имъ право на не принадлежащія ему владѣнія подъ условіемъ ленной зависимости отъ св. Престола. Гильдебрандъ побѣдилъ и тотчасъ же началъ новую борьбу противъ женатаго духовенства и симоніи, и въ ней преимущественно показалъ себя блестящимъ политикомъ. Прежде всего, онъ искусно соединилъ вмѣстѣ двѣ различныхъ по характеру реформы; симонія была вопіющимъ злоупотребленіемъ и не имѣла защитниковъ; другое дѣло—бракъ. Даже сторонники celibата признавали, что семейное духовенство ведетъ лучшій образъ жизни, чѣмъ безсемейное, и въ защиту женатыхъ священниковъ писались цѣлыя трактаты, гдѣ выставялась на первый планъ святость признаннаго церковью брачнаго союза. Гильдебрандъ съ боевыми цѣлями связалъ обѣ реформы и поднялъ на ихъ защиту самыя разнообразныя силы, объединенныя аскетизмомъ. На бой двинулись и монахи, и жен-

щины, и дворяне, и проповѣдники, и писатели, и простонародная масса. Кардиналъ Даміани, пламенный аскетъ самой чистой воды, чуждый всякой политики, осуждавшій съ поэтическимъ оушевленіемъ свѣтскую власть папы, писалъ памфлеты въ защиту celibата. Онъ чувствовалъ существенное различіе своихъ идеаловъ отъ тогдашнихъ стремленій св. Престола, называлъ Гильдебранда «святымъ сатаной», но самъ признавалъ, что слушается его болѣе, чѣмъ Бога и св. Петра. Могущественная маркграфиня Матильда, образованная, энергичная, восторженная, вполне посвятила себя на служеніе идеаламъ Гильдебранда. Въ то время, какъ ея мужъ съ оружіемъ въ рукахъ за Альпами защищалъ интересы имперіи, Матильда сдѣлала изъ своихъ владѣній одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ папства противъ нѣмцевъ. Съ особеннымъ искусствомъ воспользовался Гильдебрандъ настроеніемъ народныхъ массъ. Такъ, самымъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ celibата явилось богатое и могущественное духовенство Милана. Чтобы побѣдить его сопротивленіе, Гильдебрандъ поднялъ толпу, фанатизированную аскетическими проповѣдниками; началось движеніе такъ называемой *патари*, т.-е. оборванцевъ; его вожди получили отъ церкви священное знамя, и сопротивленіе было сломлено.

Въ разгаръ этой борьбы, охватившей весь христіанскій міръ, Гильдебрандъ самъ сдѣлался, наконецъ, папой и провозгласилъ послѣднюю свою реформу, которая должна была завершить задуманное имъ гордое зданіе теократіи. Это было запрещеніе инвеституры. Духовные вассалы императоровъ, королей и вообще свѣтскихъ лицъ получали полную независимость отъ свѣтской власти и подчинялись только папѣ, а ихъ владѣнія становились церковнымъ достояніемъ. Такъ какъ церковныя земли составляли на Западѣ почти половину территоріи, то по одному слову папы государи теряли половину своихъ владѣній, а церковь пріобрѣтала полъ-Европы. Григорій VII декретировалъ свѣтской власти политическое самоубійство, и началась жестокая полувѣковая борьба. Папа приступилъ къ ней съ широкими планами. Опираясь на фальшивый даръ Константина, онъ потребовалъ отъ Англіи и Испаніи признанія ленной зависимости отъ св. Престола и потомъ подъ разными предлогами распространилъ эти требованія на Богемію, Венгрію, Скандинавію, Польшу и даже Россію. Когда была запрещена инвеститура, Григорій VII потребовалъ немедленнаго ея исполненія отъ Филиппа I, Вильгельма Завоевателя и Генриха IV, и повсюду получалъ отказъ. Не желая одновременно бороться со всѣми противниками, папа пригрозилъ анаемой слабому французскому королю, оставилъ въ покоѣ Вильгельма и сосредоточилъ свои удары на имперіи. Перипетіи этой борьбы всѣмъ извѣстны. Въ ней былъ моментъ, когда отлученный отъ церкви императоръ, въ одеждѣ кающагося грѣшника, босой въ зимнюю пору умолялъ о прощеніи папу, были и другіе моменты, когда только хищные норманны вмѣстѣ съ магометанскими арабами могли спасти Христова намѣстника отъ нѣмецкаго плѣна цѣною разграбленія христіанскихъ церквей священнаго города. Въ самый разгаръ борьбы умеръ въ Салерно Гри-

горій VII съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. «Я люблю справедливость и ненавижу неправду, поэтому я умираю въ изгнаніи»,— говорилъ папа на смертномъ одрѣ; но исторія не согласилась съ Григоріемъ VII, не признала его страдальцемъ за правду, не дала ему названія «великаго», несмотря на грандіозность его замысловъ и на выдающіяся свойства его личности. Самая идея положить въ основаніе политическаго строя нравственную силу, построить общество на началахъ справедливости всегда будетъ составлять высокій идеаль челоѣческихъ стремленій. Но Григорій VII проповѣдывалъ теократическій деспотизмъ, самый ужасный изъ всѣхъ деспотизмовъ, потому что онъ порабощаетъ самое священное, самое дорогое для челоѣка—его разумъ и чувство. Когда идеалы Григорія VII осуществились, къ счастью для челоѣчества, не надолго и не вполне, то свобода совѣсти была объявлена ересью, а свобода слова—безбожіемъ. Борцы за истину и правду тогда сожигались папами на кострахъ, и та справедливость, за которую умеръ въ изгнаніи Григорій VII, оказалась великою неправдой.

VII.

Осуществленіе іерархическихъ идеаловъ Григорія VII.—Борьба за инвеституру и ограниченіе свѣтской власти папъ городскимъ движеніемъ.—Крестовые походы и новыя слѣды католицизма.—Торжество средневѣковаго папства и его историческая заслуга.

Аскетическое движеніе XI вѣка вдохнуло новую жизнь въ папство, а реформы Григорія VII придали ему новыя реальныя силы; но осуществленіе іерархической программы Гильдебранда произошло только сто лѣтъ спустя послѣ его смерти, да и то не вполне. Причина этой медленности заключалась въ свѣтской власти римскаго епископа, которая искажала аскетическій принципъ, лежавшій въ основаніи папскихъ притязаній, и ставила теперь непреодолимыя преграды для ихъ осуществленія. Іерархическіе идеалы Григорія VII носили двойственный характеръ. Прежде всего, это было абсолютное господство надъ всѣми сторонами жизни духовной силы во имя религіознаго идеала. Папа и та церковь, во главѣ которой онъ стоялъ, должны были опираться только на свой божественный авторитетъ и нравственною силою управлять міромъ, стоя внѣ его и выше его. Христосъ говорилъ, что царство Его не отъ міра сего, и, тѣмъ не менѣе, Онъ—властникъ вселенной, въ такомъ же смыслѣ долженъ быть главой міра и Его викаріемъ. Этотъ выводъ логично вытекалъ изъ основнаго положенія папской теоріи. Но онъ не удовлетворялъ Григорія, и его іерархія была, кромѣ того, формальною теократіей, т.-е. реальнымъ, настоящимъ государствомъ. Намѣстникъ Христа хотѣлъ имѣть свою собственную территорію, свою администрацію, свою военную силу, и, притомъ, въ такихъ размѣрахъ, какъ никакой другой государь. Папа желалъ повелѣвать, во-первыхъ, всѣмъ міромъ на правахъ земнаго бога и, во-вторыхъ, половиной Западной Европы на правахъ свѣтскаго государя. Этого было уже слишкомъ много, и

папы въ XII столѣтїи отказались отъ второй половины своихъ притязанїй, чтобы осуществить первую.

Неисполнимость во всей полнотѣ идеаловъ Григорїя VII обнаружилась тотчасъ же послѣ его смерти въ вопросѣ объ инвеститурѣ. Вопросъ этотъ имѣлъ огромное значеніе и для церкви, и для государства. Предоставить королямъ право назначать епископовъ значило отказаться отъ церковной независимости; отнятіе у нихъ инвеституры въ корень подрывало самое существованіе тогдашнихъ государствъ, образовывало внутри каждаго изъ нихъ цѣлую массу самостоятельныхъ владѣній. Первое рѣшеніе вопроса уничтожало всю стройную іерархическую систему, второе было просто невозможно фактически. Тѣмъ не менѣе, преемники Григорїя VII попытались выполнить и эту часть его программы. Началась жестокая борьба, въ которой оба противника пустили въ ходъ всѣ свои силы. Престолъ св. Петра занимали тогда люди рѣшительные, которые твердо усвоили себѣ принципы Григорїя VII и не стѣснялись въ средствахъ для ихъ проведенія въ жизнь. Урбанъ II устроилъ фиктивный бракъ, отдалъ старушку Матильду замужъ за юнаго Вельфа, чтобы усилить свою партію въ Германїи, и соблазнилъ сына императора измѣнить своему отцу. Тѣло главнаго противника реформы, Генриха IV, оставалось безъ христіанскаго погребенія цѣлыхъ 6 лѣтъ, и папы не разъ пытались возмутить подданныхъ противъ его преемниковъ. Императоры въ свою очередь поддерживали непрерывный расколъ въ церкви, выбирая анти-папу, такъ что западная церковь почти постоянно имѣла двѣ главы. Но борьба не приводила къ цѣли, и римскіе епископы убѣждались въ необходимости покончить ее какимъ-нибудь соглашеніемъ. Францію и Англію оставили въ покоѣ; венграмъ и норманнамъ была предоставлена инвеститура и ради соблюденія формы ихъ королямъ даны были права апостольскихъ легатовъ. Упорѣе всего держалась борьба въ Германїи; но и здѣсь попытались помирить противоположные интересы. Первая и чрезвычайно замѣчательная попытка въ этомъ родѣ принадлежала папѣ Пасхалію II, который предложилъ императору отказаться отъ инвеституры, а епископамъ—отъ принадлежавшихъ имъ свѣтскихъ владѣній. Такое рѣшеніе вопроса представляло чрезвычайно важное и радикальное измѣненіе іерархической системы Григорїя VII. Церковь освободилась отъ всякихъ свѣтскихъ обязанностей и ея служители оставались подчиненными только папѣ. Но Пасхалій II плохо зналъ положеніе дѣлъ въ Германїи. Нѣмецкіе прелаты были настоящими князьями въ своихъ владѣніяхъ, вели войны, чеканили монету, чинили судъ и расправу. Возвращеніе къ апостольской простотѣ, хотя бы она и связана была съ апостольскою чистотой, было для нихъ невысказано. Кроме того, сами императоры не хотѣли потерять своихъ духовныхъ вассаловъ, потому что ихъ пришлось бы замѣнить свѣтскими, а, слѣдовательно, наследственными и болѣе опасными. Реформа Пасхалія совершенно не удалась, и борьба возгорѣлась съ новою силой на цѣлое десятилѣтіе.

Окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ Калликсту II. Зна-

менитый Вормсскій конкордатъ 1122 года, въ сущности, былъ полужѣрой, компромиссомъ, который значительно нарушалъ программу Григорія VII. Правда, епископа выбирали теперь капитулъ, т.-е. коллегія мѣстнаго духовенства, какъ монахи выбирали аббата, кардиналы папу. Старинный вопросъ о свободѣ епископскихъ выборовъ теоретически рѣшенъ былъ въ интересахъ церкви, но только теоретически; на практикѣ же выбранный кандидатъ получалъ посвященіе только послѣ того, какъ его утверждалъ императоръ. Посвященіе могло состояться и противъ воли свѣтской власти, но такой епископъ не получалъ феодальныхъ владѣній, такъ что фактически послѣднее слово въ замѣщеніи катедры принадлежало императору. Сравнительно съ прежнимъ положеніемъ дѣла конкордатъ былъ побѣдою папства, но программѣ Григорія VII имъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ. Теоретическое противорѣчіе системы дѣлало ее не осуществимой на практикѣ. Такое же значеніе имѣла и свѣтская власть самого римскаго епископа.

Рѣшеніе Вормскаго конкордата не распространялось на Римъ и на патримоніи св. Петра. Хотя верховная власть надъ ними принадлежала императору, но папамъ съ помощью подложнаго Константинава дара удалось замѣнить эту непріятную истину ученіемъ, что папскія владѣнія принадлежать только св. Петру и что его преемники совершенно свободны отъ всякаго вліянія свѣтской власти. Тѣмъ не менѣе, теократія Григорія VII не могла осуществиться въ полной мѣрѣ даже въ узкихъ предѣлахъ Церковной области. Какъ свѣтскіе государи, римскіе епископы зависѣли отъ мѣстныхъ политическихъ силъ: въ IX и X вѣкахъ свѣтскую власть папы стѣсняли бароны, въ эту эпоху ей пришлось выдержать упорную борьбу съ городскимъ движеніемъ. |

Въ XI столѣтіи въ Италіи, особенно въ Сѣверной, начинаютъ быстро развиваться города. Императоры, всегда предпочитавшіе духовныхъ вассаловъ свѣтскимъ, передавали обыкновенно права графа въ городѣ епископамъ. Во время борьбы изъ-за celibата папы, встрѣтивши сопротивленіе со стороны богатаго итальянскаго духовенства, вооружали противъ него населеніе, и, опираясь на апостольскій авторитетъ, города освободились отъ власти епископовъ. Во время борьбы римскихъ епископовъ съ нѣмецкими императорами освободительное движеніе итальянскихъ городовъ достигло полного успѣха, и въ XII столѣтіи они становятся вполне самостоятельными политическими общинами и управляются выборною магистратурой. Папы отлично понимали духъ времени и сумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей: итальянскіе города они противопоставили нѣмецкимъ императорамъ. Борьба съ императорами не прекращалась и послѣ заключенія Вормскаго конкордата: теократическія стремленія римскихъ епископовъ не имѣли опредѣленныхъ границъ, а ихъ свѣтская власть давала тысячи поводовъ для столкновенія. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха I борьба чрезвычайно обострилась. Императоръ, могущественный въ Германіи, хотѣлъ пользоваться такою же властью и въ Италіи. Его поли-

тические идеалы заимствованы были изъ античной имперіи, а образцомъ для практической дѣятельности по отношенію къ церкви онъ выбралъ Карла Великаго, который былъ канонизированъ по его приказанію. Такая точка зрѣнія шла въ разрѣзъ и съ притязаніями папъ, и съ стремленіями итальянскихъ городовъ. Оба противника Фридриха I соединились вмѣстѣ, и Барбаросса потерпѣлъ жестокое пораженіе. Въ венеціанскомъ соборѣ св. Марка до послѣдняго времени показывали мраморную плиту на полу, гдѣ Фридрихъ на колѣняхъ умолялъ о пощадѣ Александра III. Говорятъ, что папа при этомъ поставилъ ногу на голову императора и произнесъ стихъ изъ псалма: «на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія». По всей вѣроятности, это легенда; но, во всякомъ случаѣ, венеціанское свиданіе было однимъ изъ самыхъ блестящихъ триумфовъ средневѣковаго папства, и за эту побѣду преемники св. Петра обязаны не своей свѣтской власти, а духовному авторитету, ставшему на сторону народныхъ стремленій къ политической свободѣ и національной независимости. Поддержка папами городского движенія создало такъ называемую гвельфскую идею, чрезвычайно живучую мечту о федераціи независимыхъ итальянскихъ городовъ подъ гегемоніей св. Престола. Но союзъ средневѣковаго папства съ свободой и патриотизмомъ былъ явленіемъ случайнымъ и скоропреходящимъ. Поддерживая освободительныя стремленія въ Ломбардіи, папы вели съ ними ожесточенную борьбу въ Римѣ. Движеніе сѣверно-итальянскихъ городовъ захватило и папскую столицу, но сравнительно поздно, только въ XII столѣтіи. Священный городъ былъ гораздо бѣднѣе своихъ сѣверныхъ сосѣдей: тамъ промышляли больше реликвіями и спекулировали на счетъ благочестія богомольцевъ; не купецъ и промышленникъ стояли тамъ на первомъ планѣ, а монахъ и священникъ, и римское населеніе пользовалось весьма дурною репутаціей за свою хищность, грубость и продажность. Съ другой стороны, высшіе классы папской столицы не представляли изъ себя замкнутаго сословія, сплоченнаго общими интересами. Папскій или императорскій лень могли сдѣлать барономъ всякаго гражданина, и бывали случаи, что крещенный еврей занималъ видное мѣсто среди римской знати, а его ближайшій потомокъ возводился на престолъ св. Петра. Эта аристократія, весьма обезсиленная внутренними распрями, а также борьбой съ папами и императорами, и правила Римомъ, пока революція 1143 года не уничтожила аристократическій режимъ. Папская столица организовалась въ самостоятельную городскую коммуну, во главѣ которой былъ поставленъ «священный сенатъ» изъ простыхъ гражданъ на Капитоліи. Съ гражданами соединилось мелкое дворянство, и новое правительство декретировало отиѣну свѣтской власти папы въ священномъ городѣ. Папа Люцій II соединился съ знатью и попытался силою овладѣть революціоннымъ сенатомъ, но былъ убитъ при осадѣ Капитоліа. Началась долгая и ожесточенная борьба, которая не повела, однако, къ полной побѣдѣ римскихъ епископовъ. Могущественный Иннокентій III заставилъ римлянъ признать свою верховную власть, но община сохранила право имѣть свое особое войско,

Финансы, и постановлять самостоятельныя рѣшенія по вопросу о войнѣ и мирѣ. Папство и здѣсь, какъ въ спорѣ за инвеституру, пошло на компромиссъ и значительно поступилось своею свѣтскою властью; но это не помѣшало ему теперь впервые осуществить первую половину іерархической программы Григорія VII. Въ XIII столѣтіи римскіе епископы восторжествовали надъ высшими представителями свѣтской власти, и церковь подчинила себѣ государство и общество. Новая побѣда одержана была съ помощью старой силы — аскетическаго движенія, которое чрезвычайно возросло благодаря крестовымъ походамъ.

Во всемирной исторіи найдется немного событій, которыя такъ соотвѣтствовали бы общественнымъ потребностямъ и настроенію, какъ крестовые походы. Они стояли въ тѣснѣйшей связи почти со всѣми сторонами духовнаго и матеріальнаго существованія средневѣковаго общества. Прежде всего, это было движеніе религіозное, вѣрное средство снискать душевное спасеніе; но оно имѣло такую форму, въ которую укладывались всѣ земныя потребности, въ которой примирялось непримиримое противорѣчіе между земнымъ наслажденіемъ и загробнымъ блаженствомъ. Въ Западной Европѣ тогда еще не улеглось окончательно великое переселеніе народовъ: норманны въ XI вѣкѣ завоевали Англію, южную Италію, дѣлали нападенія на сѣверную Африку. Теперь это стремленіе получало самое желательное удовлетвореніе, потому что походъ обѣщалъ новыя владѣнія на землѣ и вѣрное мѣсто въ раю, и норманны составили значительный контингентъ крестоноснаго ополченія. Старинная борьба съ магометанскимъ Востокомъ, который нѣкогда имѣлъ въ виду покорить христіанскій Западъ, вызывала реакцію, и крестовые походы удовлетворяли этому неясному, инстинктивному чувству. Еще болѣе соотвѣтствовало новое движеніе яснымъ и сознательнымъ потребностямъ тогдашняго настроенія. Религіозное одушевленіе XI вѣка обостряло сознаніе грѣховности и требовало подвиговъ. Путешествіе ко святымъ мѣстамъ считалось тогда дѣйствительнымъ средствомъ спасенія, и въ Палестину на богомолье отправлялись массы всѣхъ представители обезпеченныхъ классовъ общества: духовенство, знать, купцы и даже коронованныя особы. Пилигримы считались не десятками, не сотнями, а тысячами. Въ 1064 году, подъ предводительствомъ майнцакаго архіепископа, въ Палестину отправилось 7,000 богомольцевъ. Не мало горя, оскорбленій и опасностей приходилось переживать благочестивымъ пилигримамъ, и замѣна скорбнаго путешествія побѣдоноснымъ походомъ съ одинаковымъ результатомъ для души должна была представляться чрезвычайно привлекательной. Кромѣ того, крестовый походъ, какъ спасительное средство, замѣнялъ монастырь, и это имѣло огромную важность какъ для рыцаря, такъ и для крестьянина. Феодалный дворянинъ съ своими вкусами и образомъ жизни стоялъ въ непримиримомъ противорѣчій съ церковными требованіями, а, слѣдовательно, и съ самимъ собою, потому что онъ былъ человѣкъ вѣрующій. Все, чѣмъ онъ жилъ, церковь осуждала и проклинала. Его любимымъ, почти единственнымъ занятіемъ была война,

а церковь запрещала даже и турниры и лишала христіанскаго погребенія убитыхъ на такомъ состязаніи. Рыцари проводили жизнь въ пиррахъ, не хотѣли знать никакихъ ограниченій своему произволу, ихъ поэты еретически ставили даже земную любовь выше загробнаго блаженства, а церковь требовала отъ нихъ поста, послушанія и всяческаго воздержанія, указывая на монаха какъ на идеаль для подражанія. Рыцарь считалъ эти требованія справедливыми, страшно боялся ада, и сплошь да рядомъ подъ конецъ жизни шелъ въ монастырь; но крутая дисциплина реформированнаго монашества была не подъ силу дворянину, состарѣвшемуся въ противуположныхъ привычкахъ, и старый грѣшникъ рѣдко умиралъ благочестивымъ инокомъ. Крестовые походы давали возможность спастись войной, т. е. тѣмъ, что рыцарь любилъ болѣе всего на свѣтѣ, а, кромѣ того, избавляли отъ кредиторовъ и давали надежду на обильную денежную и земельную добычу. Заработать загробное блаженство тѣмъ, что еще недавно считалось соблазнительнымъ грѣхомъ, — это было удивительно привлекательное средство разрѣшить самую трудную проблему жизни, и рыцарство двинулось на освобожденіе св. Гроба. Для низшихъ классовъ крестовые походы были еще заманчивѣе. Бѣдный вилланъ не имѣлъ средствъ на далекое богомолье, ему и въ монастырь попасть было очень трудно, и въ монахахъ жилось особенно тяжело, а участіе въ крестоносномъ ополченіи сразу избавляло его отъ рабства при жизни и отъ ада послѣ смерти. Папы сумѣли создать такую необычайную войну и хорошо рассчитали дѣйствіе своей проповѣди. Урбанъ II, въ мастерской рѣчи на Клермонскомъ соборѣ, обращался не столько къ благочестивымъ религіознымъ энтузиастамъ, которые и безъ того были готовы на всякій подвигъ, сколько къ грѣшникамъ, которымъ онъ краснорѣчиво изображалъ легкое средство къ спасенію: «Возстаньте, — говорилъ онъ имъ, — обратите противъ враговъ христіанской вѣры ваше оружіе, запятнанное братоубійствомъ. Вы, угнетатели вдовъ и сиротъ, вы, убійцы и святотатцы, вы, которые за жалванье проливаете христіанскую кровь и которыхъ, какъ коршуновъ, привлекаетъ запахъ боеваго поля, поспѣшите, если любите свою душу, выступить на защиту Іерусалима подъ предводительствомъ Христа. Вы всѣ, виновные въ такихъ преступленіяхъ, которыя отлучаютъ васъ отъ Христова царства, выкупайте себя этою цѣною, ибо такова воля Божія». Какимъ бы ни были политическія соображенія, заставившія Урбана II проповѣдовать крестовый походъ, не они создали это движеніе, и самъ папа хорошо понималъ ихъ безсиліе.

Ставши во главѣ столь популярнаго движенія, которое охватило вскорѣ всю Европу, папы сдѣлались въ силу одного этого факта верховными руководителями христіанскаго міра даже въ той сферѣ, которая принадлежала императору. Недаромъ Клермонскій соборъ начался провозглашеніемъ превосходства духовной власти надъ свѣтскою и властнымъ отлученіемъ отъ церкви непослушнаго французскаго короля, а кончился торжественнымъ признаніемъ, что слова намѣстника Христа составляютъ несомнѣнное вы-

раженіе воли Божіей. Духовный авторитетъ папы стоялъ теперь незыблемо, и идеалы Григорія VII сильно двинулись къ осуществленію. Но крестовые походы создали, кромѣ того, для папства новыя силы, которыя цѣлое XII столѣтіе поддерживали римскихъ епископовъ въ тяжелой борьбѣ съ могущественною династіей на императорскомъ престолѣ, а въ XIII вѣкѣ доставили почти полное торжество іерархической системѣ Григорія VII. Прежде всего, усиленное ими религиозное одушевленіе сдѣлало невозможнымъ появленіе на престолѣ св. Петра такихъ нравственныхъ уродовъ, какими богаты были предшествовавшія столѣтія; далѣе оно создало такіе монашескіе ордена, какихъ еще не бывало на Западѣ, и вполне подчинило ихъ св. Престолу. Наконецъ, крестовые походы усилили и матеріальныя средства папы.

Никогда еще монашескій духъ не былъ такъ силенъ въ Западной Европѣ, какъ въ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Строгая дисциплина Блюни, нѣсколько ослабѣвшая въ это время, перестаетъ удовлетворять благочестивыхъ людей, вслѣдствіе чего образуется цѣлый рядъ новыхъ орденовъ, въ которыхъ аскетическія требованія выполнялись съ необычайною строгостью. Такъ, уставъ картезіанскаго ордена абсолютно запрещалъ не только говорить, но даже громко молиться, не позволялъ иной пищи, кромѣ хлѣба, воды и овощей, не допускалъ и при богослуженіи употреблять сосуды, сдѣланные изъ драгоценныхъ металловъ, и обстоятельно опредѣлялъ, на что долженъ употреблять монахъ каждый часъ дня и ночи. Но особенною извѣстностью пользовался орденъ цистерціенскій, монахамъ котораго запрещалось, между прочимъ, заниматься свѣтскою наукой. Его основатель, Бернардъ Клервальскій, учредилъ при своей жизни 160 новыхъ монастырей. Но на ряду съ крайнимъ аскетизмомъ въ монашествѣ этой эпохи обнаруживается сознательное и опредѣленное стремленіе быть полезнымъ міру, вмѣшиваться въ толпу и дѣйствовать на нее. Прегнѣ ордена и новые, основанные по ихъ образцу, никогда не ставили себѣ подобныхъ задачъ, кромѣ развѣ миссіонерства. Отъ христіанскаго міра они удалялись и только выдающіяся лица, какъ Бернардъ, а не простые монахи оказывали вліяніе на свѣтское общество. Прегнѣ монастыри были слишкомъ богаты, чтобы сдѣлаться популярными; новые иногда налагали на своихъ членовъ обѣтъ безусловнаго безмолвія. Въ эту эпоху образуются ордена или съ филантропическою цѣлью, или для защиты оружіемъ вѣры и вѣрующихъ, какъ палестинскіе рыцари, или съ цѣлью дѣйствовать на христіанскій міръ проповѣдью и примѣромъ, какъ нищенствующіе монахи. Эта послѣдняя категория и составила главную армію папства.

Рыцарскіе ордена Іерусалимскаго королевства имѣли необыкновенный успѣхъ и быстро распространялись на Западѣ, потому что ихъ организація весьма искусно соединяла въ одномъ лицѣ монаха и солдата, два противоположныхъ идеала средневѣковаго общества. Сословныя перегородки, существовавшія въ феодальномъ мірѣ, сохранялись и здѣсь: члены ордена дѣлились на три категоріи, изъ которыхъ двѣ первыя—священники и рыцари—были исключительно благороднаго происхожденія, а простая братія

состояла изъ лицъ городского и сельскаго сословія, которые служили солдатами или употреблялись на работы въ орденовскихъ владѣніяхъ. Эти конгрегаціи, находившіяся подъ исключительною властью римскаго епископа, составляли новую опору папства. Но колоссальныя средства орденовъ и свѣтскія привычки монашествующихъ рыцарей весьма рано подорвали ихъ авторитетъ въ свѣтскомъ обществѣ, и уже въ началѣ XIII столѣтія папы дѣлають предостереженія и замѣчанія какъ тампьерамъ, такъ и іоаннитамъ. Гораздо надежнѣе были нищенствующіе францисканцы и доминиканцы, самая могучая армія средневѣковаго папства. Одному папѣ было видѣніе, что резиденція римскихъ епископовъ въ Латеранѣ дважды разваливалась, но ее невидимо поддерживали одинъ разъ св. Францискъ, другой св. Доминикъ, и, дѣйствительно, заслуга обоихъ праведниковъ св. Престолу неопѣнима. Сынъ богатаго кушца изъ Ассизи, Францискъ былъ пламенный религиозный энтузіастъ, одушевленіе котораго доходило до галлюцинацій. Евангельскій текстъ, требующій безусловнаго отреченія отъ собственности и полнаго подражанія Христу, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Двадцатилѣтнимъ юношей оставилъ онъ роскошный отцовскій домъ и въ лохмотьяхъ сталъ бродить изъ города въ городъ, добывая себѣ скудное пропитаніе нищенствомъ или самую грязною работой и повсюду проповѣдая слово Божіе, какъ тогда его понимали. Св. Францискъ получилъ весьма посредственное образованіе и былъ болѣе поэтъ, чѣмъ теологъ; тѣмъ не менѣе, его проповѣдь имѣла колоссальный успѣхъ. Религиозное одушевленіе всегда заразительно, а св. Францискъ былъ восторженный проповѣдникъ, который обращался не только къ людямъ въ городахъ и селеніяхъ, но и къ птицамъ въ полѣ, убѣждая ихъ непрерывно воспѣвать хвалу Творцу. Новый учитель быстро приобрѣлъ репутацію великаго праведника; объ его чудесахъ передавали много подробностей, и очевидцы утверждали, что на его тѣлѣ находились такія же раны, какія были у Христа, и что онѣ были нанесены ему рукою ангела. Совершенно естественно, что св. Францискъ нашелъ массу подражателей, которые составили особый монашескій орденъ миноритовъ. Папа Григорій IX утвердилъ статутъ новаго ордена и канонизировалъ Франциска только два года спустя послѣ его смерти. Въ томъ же духѣ, только съ инымъ оттѣнкомъ, дѣйствовалъ современникъ Франциска, св. Доминикъ, основатель ордена нищенствующихъ проповѣдниковъ. Это былъ ученый испанецъ, мрачный фанатикъ, менѣе экспансивный, чѣмъ св. Францискъ, но столь же пламенный и энергичный. Поэтическое одушевленіе итальянскаго праведника въ св. Доминикѣ замѣнялось жестокою религиозною ревностью, беспощадною злобой ко всему, что враждебно церкви. Св. Францискъ былъ религиозный мечтатель, въ сущности, беззавѣтно любившій міръ и человѣка, несмотря на свой аскетизмъ; св. Доминикъ—страстный формалистъ-церковникъ, глубоко ненавидѣвшій все, что нарушало традиціонныя ученія. Св. Франциска воспламенило евангеліе, св. Доминика нечеловѣческія жестокости надъ альбигойцами, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Изъ послѣдователей перваго вышли мистики, изъ послѣдователей

второго—Торквемада и инвеститоры. Но по отношенію къ папству оба праведника и ихъ ордена дополняли другъ друга: св. Францискъ вербовалъ ему новыхъ друзей, св. Доминикъ истреблялъ его враговъ, и нищенствующіе монахи сдѣлались страшною силой.

Духовенство, реформированное Григоріемъ VII, потеряло семью, но сохранило одну сильную связь съ обществомъ — собственность. Стремленіе къ приобрѣтенію богатства ставило его въ зависимость отъ окружающей среды, заставляло раздѣлять свѣтскіе интересы папствы, участвовать въ ея промышленной и торговой дѣятельности. Новое монашество, презиравшее собственность, нищее по статуту, являлось полнымъ воплощеніемъ того идеала чисто-духовной силы, который носился передъ глазами Григорія VII. Совершенно независимые отъ міра, новые аскеты шли въ міръ не для того, чтобы жить его жизнью, но чтобы облегчать его бремя, чтобы истреблять въ немъ грѣхъ и заблужденіе и, въ концѣ-концовъ, чтобы управлять имъ въ духѣ тогдашняго католицизма. Эта огромная толпа, пока еще страстно и слѣпо преданная папству, по мановенію св. Престола съ одинаковымъ усердіемъ шла проповѣдывать крестовый походъ противъ его враговъ, возстановлять подданныхъ противъ непослушнаго церкви государя, ловить, судить и сожигать еретиковъ, а также собирать подати и подаянія на нужды римскаго епископа. Босой монахъ быстро проникъ во всѣ классы общества и овладѣлъ всѣми сторонами духовной жизни. Онъ былъ своимъ человѣкомъ деревенскому бѣдняку, а, въ то же время, скоро сталъ совѣтникомъ и другомъ у великихъ міра сего и повсюду проповѣдывалъ о правахъ папства то съ поэтическимъ одушевленіемъ истаго францисканца, то съ суровымъ фанатизмомъ настоящаго доминиканца. Римскіе епископы рано оцѣнили значеніе новыхъ орденовъ и предоставили имъ массу привилегій и, между прочимъ, право исповѣди, которое прежде принадлежало приходскому духовенству, и нищенствующіе монахи быстро овладѣли совѣстью вѣрующаго, а вслѣдъ затѣмъ и ихъ разумомъ. При новыхъ монастыряхъ основывались школы, изъ которыхъ наиболѣе способные ученики посылались въ университеты. Благодаря этому, просвѣщеніе и наука попали въ руки мноритовъ и проповѣдниковъ. Они занимали большую часть университетскихъ кафедръ, и изъ ихъ среды вышли самыя блестящія свѣтила схоластики: Альбертъ Великій, Фома Аквинскій, Бонавентура и Роджеръ Бэконъ.

Благодаря удачному компромиссу въ рѣшеніи вопроса о свѣтскихъ владѣніяхъ церкви и новымъ силамъ, созданнымъ крестовыми походами, папство въ первой половинѣ XIII в. достигло апогея своего могущества. Иннокентій III осуществлялъ всѣ идеалы Григорія VII, кромѣ инвеституры, и осуществлялъ ихъ съ невиданнымъ блескомъ. Сцена въ Каннозѣ повторилась со всею Европой, и св. Престоль распоряжался королевскими коронами, какъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, и облагалъ податями самостоятельныя государства, какъ свои ленныя владѣнія. Кафедрa св. Петра стояла теперь на недостигаемой высотѣ, удержаться на которой не могли его пре-

емники. Средневѣковое папство достигло полнаго триумфа, получило его по заслугамъ, но только въ концѣ своей культурно-исторической мисси. Это былъ апофеозъ учрежденія, уже отслужившаго свою историческую службу.

До XIII столѣтія папство въ цѣломъ и общемъ было благотворною силой. Въ ранніе періоды средневѣковой исторіи оно воспитывало умственно и нравственно тогдашнее общество. Каково бы ни было тогдашнее просвѣщеніе, оно вышло изъ церкви; какъ ни мало-содержательна была церковная наука, она будила мысль, вызывала теоретическіе интересы, развивала способности къ отвлеченному мышленію. Схоластика—не наука въ нашемъ смыслѣ этого слова, но она—первые, тяжелые, иногда смѣшные шаги къ научной работѣ. Папство было первымъ учителемъ грамотности средневѣковаго человѣчества и превосходнымъ педагогомъ для варваровъ, потому что поставило религію стимуломъ къ просвѣщенію. Стремленіе къ знанію—ради него самого—признакъ высокой культуры, результатъ долговременнаго развитія; средневѣковой Европѣ оно было совершенно чуждо. Ансельмъ Кентерберійскій, основатель новой эры въ схоластикѣ, еще въ XI столѣтіи ставилъ въру источникомъ стремленія къ знанію. Понять то, во что въруешь—такова цѣль тогдашней науки, и только могущественною силой въру можно объяснить то страшное напряженіе ума, съ которымъ рѣшались недоступныя для него вопросы о религіозныхъ догматахъ. Съ помощью этой же силы воспитало папство и искусство. Христіанство—религія духа по преимуществу—поставило художнику задачи, протвуположныя тѣмъ, которыя предъявлялъ искусству античный міръ. Греческій художникъ стремился создать тѣло, идеализированное красотой; христіанскій, не заботясь о тѣлесныхъ формахъ, долженъ былъ наглядно выразить могучую силу духа. Но религія ставила не только идеальныя задачи искусству: католицизмъ съ его пышнымъ культомъ предъявлялъ ему реальныя требованія—построить грандіозный храмъ, изобразить идеальнаго героя духовной силы—аскета. Въ результатѣ получился готическій соборъ и средневѣковая иконографія, которая стоитъ въ такомъ же отношеніи къ новой живописи, какъ схоластика къ современной наукѣ. Тѣ же самыя результаты въ морали и политикѣ. Аскетизмъ содѣйствовалъ культурному обузданію незнавшихъ удержу страстей варвара, и папскій авторитетъ приучалъ его повиноваться закону, а не силѣ. Св. Престолъ выставилъ даже великій принципъ христіанскаго братства народовъ на почвѣ ихъ политическаго объединенія. Правда, объединеніе не состоялось и братство осталось мечтательнымъ идеаломъ, если не просто мечтой; но папство сблизило народы Запада, создавши для нихъ культурное единство. Римскіе епископы установили на всемъ протяженіи католической Европы одинаковыя вѣрованія, одинаковый богослужебный ритуаль, языкъ, и, слѣдовательно, общее направленіе въ наукѣ и однообразное искусство, создали даже интернаціональный, космополитическій общественный классъ, который во всѣхъ національностяхъ одушевляли одни и тѣ же стремленія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что папство въ свое время было великою культурною,

сбѣдиляющею силой, но и оно, какъ всё человѣческія учрежденія, не абсолютно. Если посмотрѣть на св. Престолъ издалека, откуда не видно мелкаго и низкаго, а выдается только возвышенное и грандіозное, то средневѣковое папство легко идеализировать, легко представить себѣ какъ наисправедливѣйшую форму общегитія. На самомъ дѣлѣ намѣстникъ Христа управляетъ объединеннымъ въ братствѣ человечествомъ нравственною силой высокаго евангельскаго ученія. Но въ дѣйствительности намѣстники Христа весьма рѣдко заслуживали названіе даже преемника апостола; и, кромѣ того, самая основа ихъ власти — абсолютный религіозный авторитетъ — держалась только на такомъ вѣрованіи, которое обуславливается культурнымъ состояніемъ общества. Безусловная власть одного человѣка надъ мыслью и чувствомъ людей возможна только въ младенческихъ обществахъ; но народы не вѣчно остаются въ младенчествѣ, и, вмѣстѣ съ духовнымъ ростомъ, у нихъ появляется стремленіе къ свободѣ и развивается критическое отношеніе къ авторитету.

Весьма рано, еще въ XII вѣкѣ, папству пришлось столкнуться съ такимъ настроеніемъ, и преемники св. Петра отвѣчали на него проклятіемъ, а потомъ инквизиціей. Но насиліемъ нельзя поддержать нравственнаго авторитета, и оппозиція противъ папства все росла и росла, а намѣстники Христа становились все менѣе и менѣе достойными своего высокаго званія. Во второй половинѣ XIX вѣка явилась отчаянная попытка возродить отжившее учрежденіе, и католическій соборъ возвелъ папскую непогрѣшимость въ догматъ христіанской религіи. Идея не новая и ея торжественная реставрація не повлекла за собою никакихъ утѣшительныхъ послѣдствій для папства. Громкая фраза такъ и осталась пустымъ звукомъ.

М. Корелинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новыя данныя для освѣщенія старыхъ вопросовъ.

(По поводу книги Г. П. Сазонова: «Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ»).

Въ прошломъ году вольное экономическое общество поручило одному изъ своихъ членовъ, Г. П. Сазонову, изслѣдовать причины обѣднѣнія крестьянъ Порховскаго уѣзда, выкупившихъ свои надѣлы, благодаря пожертвованію на это дѣло ихъ бывшимъ помѣщикомъ Пантелѣевымъ около милліона рублей. Исполнивъ это порученіе, г. Сазоновъ сдѣлалъ докладъ вольному экономическому обществу о результатахъ изслѣдованія и данныя его изложилъ въ объемистой книгѣ подъ заглавіемъ: *Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ*. Разсмотрѣніе этихъ данныхъ и возникшихъ изъ обсуждения ихъ вопросовъ сдѣлалось предметомъ пяти засѣданій вольнаго экономическаго общества. Многія изъ подробностей, обнаруженныхъ изслѣдованіемъ, перешли на газетные столбцы, и во всѣхъ почти сферахъ петербургскаго общества раздалась рѣчь какъ о невгодахъ пантелѣевскихъ крестьянъ, такъ и вообще о настоящемъ положеніи и будущей судьбѣ русскаго крестьянства, которое близится *постепенно* къ тѣмъ же бѣдамъ и невгодамъ, которыя обрушились *стремительно* на пантелѣевцевъ, ставшихъ полными собственниками своихъ надѣловъ.

Данныя книги г. Сазонова говорятъ о массѣ золъ, витающихъ надъ деревней, и въ общемъ производятъ самое удручающее впечатлѣніе собственно тѣмъ, что наводятъ на заключенія, убивающія вѣру въ способность нашего народа твердо стоять въ борьбѣ съ разными невгодами. До ознакомленія съ исторіей пантелѣевскихъ крестьянъ въ средѣ русскаго образованнаго общества крѣпко держалась надежда, что, по наступленіи облегчительныхъ условій по платежу податей, настанетъ въ крестьянской жизни переломъ къ лучшему. Но книга г. Сазонова изобилуетъ фактами, которые у многихъ ея читателей могутъ подорвать убѣжденіе въ энергіи, умѣ и нравственной крѣпости народа, разрушить надежды видѣть его самостоятельнымъ, богатымъ, самоуправляющимся и привести роковымъ образомъ къ выводу, что безъ крѣпкой опеки, безъ крѣпостной зависимости какой-либо формы народъ существовать не можетъ; что если прежде онъ

состоялъ въ крѣпости у помѣщика, то теперь онъ дѣлается работъ экономическимъ, переходя въ полнѣйшую зависимость отъ кулана, вообще отъ кушца; что освободить его изъ-подъ этой послѣдней власти можно лишь путемъ перевода его подъ власть административныхъ органовъ государства, которые бы распоряжались его хозяйственною дѣятельностью, вѣдали бы его семейную жизнь, заставляя, наприкладъ, пребывать въ одной избѣ людей, вовсе того не желающихъ; мало этого, регулировали бы его въ дѣлѣ одежды, пищи и узаконили бы часы и дни, въ которые онъ можетъ отдыхать и праздновать.

Выводъ этотъ зиждется на слѣдующихъ данныхъ: выкупившіе свои надѣлы пантелѣвскіе крестьяне, несмотря на то, что платежи ихъ понизились въ $2\frac{1}{2}$ раза сравнительно съ сосѣдами ихъ, найдены при изслѣдованіи въ положеніи болѣе худшемъ вообще крестьянъ Порховскаго уѣзда, обремененныхъ высокими платежами. Ни количество надѣловъ, ни качество земли не могли здѣсь имѣть причиннаго значенія, потому что надѣлы и земля одинаковы для всего уѣзда. 294 селенія пантелѣвцевъ разбросаны по всему уѣзду. Различныя бѣдствія—падежи скота, неурожай, пожары—одинаково преслѣдовали и другихъ крестьянъ. Произволъ низшихъ административныхъ властей и ростовщичество дѣйствовали въ уѣздѣ тоже одинаково на все населеніе. Но, несмотря на это, менѣ платившіе податей крестьяне являются вдругъ въ положеніи неоплатныхъ должниковъ городскому банку и земли ихъ назначены въ продажу. Въ то время, когда крестьяне, платящіе еще выкупъ, борются всѣми силами съ невзгодами, держатся крѣпко земли, въ это время значительная часть счастливыхъ по платежу податей ихъ сосѣдей (пантелѣвцевъ) бросаютъ свои надѣлы, то-есть сдаютъ ихъ скупщикамъ, закладываютъ ростовщикамъ, и нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ разрядъ бродячей массы батраковъ, поденщиковъ, нищихъ. Конечно, эти и подобныя явленія наблюдаются и въ остальныхъ мѣстностяхъ уѣзда, но въ менѣ сильной степени. Наконецъ, пантелѣвцы являются должниками городского банка, заложившими ему свои надѣлы. Хотя къ залогу этому и вынуждаютъ ихъ бывшіе нѣсколько лѣтъ неурожай, но неурожай давали себя чувствовать и всѣмъ другимъ ихъ сосѣдямъ; однако, послѣдніе борются противъ бѣды безъ помощи банка, которою и нельзя имъ воспользоваться, какъ не выкупившимъ своихъ надѣловъ. Для пантелѣвцевъ же этого препятствія не существуетъ. Имъ тоже сначала не приходитъ въ голову обратиться къ помощи банка, но послѣдній уже намѣтилъ ихъ какъ свою добычу и въ союзѣ съ личностями, черпающими свои средства изъ крестьянскаго имуществва, повелъ на нихъ дѣятельную атаку. Пущены въ ходъ всѣ средства уломать пантелѣвцевъ, убѣдить ихъ въ пользѣ залога земель: уговоры, угрозы, назначеніе несвоевременныхъ взысканій недоимокъ, спаваніе слабыхъ членовъ сельскихъ обществъ,—все это подѣйствовало, наконецъ, на согласіе пантелѣвцевъ пойти на сдѣлку. Но только лишь она была совершена, какъ тотчасъ же послѣдовали еще горшія бѣды. Дѣло въ томъ, что банкъ началъ оттягивать выдачу денегъ; крестьянамъ пришлось нѣсколько разъ

дѣлать походы въ Порховъ и вымалывать слѣдующую имъ ссуду, но имъ, все-таки, выдавали ее по самымъ мизернымъ частямъ; кромѣ того, у всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были должны ростовщикамъ, банкъ произвольно удерживалъ деньги на удовлетвореніе этихъ частныхъ претензій. Вслѣдствіе этого, людямъ, имѣвшимъ право на полученіе изъ банка полной ссуды, приходилось обращаться къ разорительному частному кредиту или допускать продажу съ молотка скота и движимости. Этою аферой мѣстныхъ дѣятелей капитализма благосостояніе заложившихъ свои земли было окончательно подорвано и, не будь вмѣшательства въ это дѣло вольнаго экономическаго общества, крестьяне были бы обезземелены. И такъ, до поры до времени пантелѣвцы остаются при землѣ, но обязаны они этому отнюдь уже не себѣ, а посторонней рукѣ. Собственными силами они не смогли устоять въ борьбѣ съ налегающими на нихъ условіями. Если не путемъ залога земель банку, то путемъ заарендованія и скупки ихъ надѣловъ ростовщиками они были бы, все-таки, обезземелены. Банкъ только ускорилъ наступленіе катастрофы.

Остальное крестьянство не только Порховскаго уѣзда, но, можно сказать, всей почти Россіи, идетъ хотя и медленно, но по пути къ обезземеленію, попадая все больше и больше въ экономическую зависимость отъ кулаковъ, иначе говоря—отъ капитала. Рѣчь объ уничтоженіи 165 ст. положенія о крестьянахъ не замолкаетъ у насъ уже около 8 лѣтъ и теперь для всѣхъ доподлинно ясно, что полученіе крестьяниномъ права собственности на надѣлъ ведетъ къ сосредоточенію крестьянской земли въ рукахъ, главнымъ образомъ, торговаго люда. Отсюда такой выводъ для многихъ читателей книги г. Сазонова: крестьянинъ нашъ представляется далеко не стойкимъ хозяиномъ, а скорѣе весьма слабымъ человѣкомъ, который не выноситъ борьбы съ враждебными ему силами. Намъ пришлось читать и слышать уже нѣсколько исходящихъ отсюда проектовъ спасенія нашего мужика, и мы можемъ формулировать ихъ въ двѣ группы.

Одна изъ нихъ предлагаетъ допустить, чтобы дѣло обезземеленія шло своимъ путемъ и привело бы къ созданію новаго типа помѣщиковъ, хозяйничающихъ при посредствѣ батрачнаго труда, благодаря чему техника крестьянскаго хозяйства могла бы стать на высшую степень развитія. Покойный президентъ московскаго общества сельскаго хозяйства І. Н. Шатиловъ и публицистъ *Русскаго Вѣстника* К. Ѳ. Головинъ и многіе изъ ихъ сторонниковъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, еще ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проектировали сосредоточеніе надѣловъ въ рукахъ $\frac{1}{2}$ крестьянства насчетъ остальныхъ двухъ третей *).

Другая группа мнѣній, имѣя въ виду сохраненіе настоящаго строя сельской жизни, предлагаетъ: ограничить право отчужденія надѣла, регламентировать сельско-хозяйственныя обязанности владѣющаго надѣломъ хо-

*) См. *Труды моск. общ. сел. хоз.* 1886 г. и *Труды вост. экон. общ. Сельск.-хоз. Обзорніе* въ 9 кн. 1886 г. *Русск. Вѣстникъ* 1885 г.: *Наша сельск. община* К. Головина.

заяна, установить, напримѣръ, правило относительно системъ хозяйства, опредѣлить число рабочихъ дней и часовъ, узаконить время отдыха, воспретить излишніе праздники, а такъ какъ хозяйство не можетъ быть ведено безъ содѣйствія семьи, то распространить регламентацію и надзоръ на семейную жизнь, запретить, напримѣръ, семейные раздѣлы, ограничить траты на дорогую и непрочную одежду, вообще—мотовство и роскошь *). Благодаря этому, ожидается тоже подъемъ сельско-хозяйственной техники, т.-е. лучшіе урожаи, слѣдовательно, большая зажиточность, а съ этимъ и возможность устроить правильный кредитъ; ограничить, если не убить кулачество и вообще открыть дорогу къ дальнѣйшему развитію народнаго благосостоянія. Сторонниковъ этихъ мнѣній, т.-е. регламентирования дѣятельности крестьянъ, весьма много; всѣ они держатся начала опеки и различаются между собою только въ проектированіи степени распространения опеки на тѣ или другія стороны жизни. Такъ, одни изъ сторонниковъ опеки отрицаютъ вмѣшательство въ семейную жизнь; другіе не распространяютъ опеки на распредѣленіе земель и проч.

Какъ ни логичны кажутся всѣ эти выводы, но они не разрѣшаютъ, по нашему мнѣнію, многихъ вопросовъ и сомнѣній. Такъ, если признать безповоротно, что русскій мужикъ есть человѣкъ безпомощный, что собственными силами онъ не можетъ совершенствовать свое дѣло и нуждается во всемъ въ помощи няньки, то, конечно, слѣдуетъ допустить или обращеніе, согласно мнѣнію гг. Шатилова и Головина, $\frac{2}{3}$ крестьянства въ батраковъ, работающихъ на $\frac{1}{3}$ хозяевъ съ утроенными противъ прежнихъ надѣлами, или же допустить опеку надъ разными сторонами крестьянской жизни и дѣятельности.

Но первое допущеніе уже само по себѣ противорѣчитъ признанію мужика безпомощнымъ человѣкомъ, такъ какъ оно предполагаетъ, что съ утроеніемъ его надѣла онъ сдѣлается заправскимъ хозяиномъ; что, такимъ образомъ, всѣ его бѣды происходятъ отъ того, что земли у него недостаточно; слѣдовательно, малоземелье обуславливаетъ плохую технику, а съ нею бѣдность, недоимки, ростовщичество, закладываніе надѣловъ и проч., и проч.

Что касается проектированія необходимости опеки, то надобно принять во вниманіе, что какъ бы она ни была мягка (а у насъ врядъ ли она можетъ быть мягкой), она, все-таки, ничто иное, какъ постановка опекаемаго въ зависимость, которая хотя и не зовется крѣпостною, но по сущности своей мало отъ нея отличается. И дѣйствительно, что, это будетъ за общинное хозяйство (уничтоженія котораго установители опеки, однако, не проектируютъ), гдѣ распредѣленіе земли, установленіе сѣвооборота, различныя сельско-хозяйственныя предпріятія, осушка почвы, устройство мельницы, скидка и накидка душъ, распредѣленіе податей и на-

*) Подъ послѣднимъ разумѣются, какъ видно изъ книги г. Сазонова: городскія женскія платья, ботинки, зонтики, мужскіе пиджаки и проч.; имѣть самоваръ — тоже считается вреднымъ предметомъ роскоши.

туральных повинностей и проч.,—все это будет регламентировано *извне* и производиться съ разрѣшенія приставленнаго надсмотрщика; что за гнетущее положеніе, когда регламентація распространяется на часы и дни работы, когда нужно испрашивать разрѣшеніе начальства на то, чтобы дать отдохнуть лошади и рабочимъ рукамъ, въ видахъ чего у насъ крестьяне устанавливаютъ время отъ времени заказные праздники; что за нравственный развратъ долженъ получиться изъ права вмѣшательства опекуна въ семейную жизнь и проч. и проч.? Дворяне, чиновники, купцы, горожане будутъ продолжать свободно ставить ребромъ свои имущества и капиталы, жить какъ хотятъ, большими семьями или въ-одиночку, переѣзжать куда угодно и куда могутъ, трудиться или безпутничать, каждый день обращать въ праздникъ, шеголять, мотать, а одному крестьянству будутъ поставлены на все ограниченія и указки. Конечно, можно на это замѣтить, что болѣе или менѣе ограниченная опека не будетъ заключать въ себѣ того гнета, который мы изобразили. Но въ томъ-то и дѣло, что, установляя какое-либо одно ограниченіе въ цѣляхъ способствовать поднятію техники хозяйства и оставляя безъ ограниченія остальные стороны жизни, вы этимъ не достигаете предположенной цѣли. Запретите, на примѣръ, передѣлы, переверстки, семейные раздѣлы, но оставьте безъ узды строитивыхъ членовъ семьи или пристрастившагося къ вину большака—и что же выйдетъ? Семья обѣднѣетъ, а, вслѣдствіе этого, должна будетъ бродить по работкамъ, значить, мало работать дома, т.-е. сумма работы большой семьи на ея надѣлѣ будетъ равна суммѣ работы малой семьи, т.-е. семьи раздѣлившейся. И вотъ, въ концѣ-концовъ, вы и не достигли техническихъ улучшеній въ хозяйствѣ, на которыя всегда нужно затрачивать много труда и времени. Мало этого, часть надѣла уже совсѣмъ останется безъ обработки, задерветься и потеряетъ свое достоинство; передать же ее во-время во владѣніе болѣе сильной семьи будетъ уже нельзя вслѣдствіе запрещенія переверстокъ, свидокъ и навидокъ душъ. И вотъ въ результатъ: стоимость всей принадлежащей селенію земли понизилась на известную цифру, равную пониженной стоимости заброшеннаго участка.

Вообще опека надъ взрослымъ человѣкомъ и хозяиномъ такой сложной *фабрики, какъ сельско-хозяйственная*, полнѣйшій абсурдъ. Хороша здѣсь только опека *тѣловыхъ обычаевъ*, выработанныхъ изъ всѣхъ случайностей разнообразнѣйшей сельско-хозяйственной дѣятельности, переплетенной въ деревнѣ съ жизнью общественной, со всѣми распорядками семейной жизни. Въ этихъ обычаяхъ вырастаетъ каждый членъ деревенскаго общества, въ природу его они входятъ до того всецѣло, что иначе какъ не по нимъ и жить человѣкъ не можетъ. И вотъ въ такой-то деревнѣ *хранитель этого обычая, общество*, и можетъ, держась всѣмъ известнымъ, съ молокомъ всосанныхъ, правилъ настаивать на сохраненіи ихъ, т.-е. если единичное лицо уклоняется какъ-либо въ сторону, то направлять его опять на старый путь черезъ посредство какой-либо регламентаціи, ограничивающей несогласную съ обычаемъ жизнь въ семьѣ или дѣятельность внѣ ея. Вотъ только эта

регламентация и не будетъ заключать въ себѣ нравственнаго гнета. Воѣ же другія опеки будутъ не только не любы опекаемому, но, кромѣ беспорядка, въ его жизнь ничего не внесутъ.

Жизнь ежедневно видоизмѣняется, видоизмѣняющихся условій масса, наступленіе ихъ бываетъ неожиданно. Гдѣ же тутъ регламентировать жизнь деревни издалека, разъ на многіе годы? Можетъ ли что-либо, кромѣ отъсненія правильнаго движенія, дать такая регламентация, хотя бы она была задумана и съ святою цѣлью? Если мужикъ и въ настоящее время слабъ и безпомощенъ въ своемъ дѣлѣ, то насколько же онъ окажется слабѣе и безпомощнѣе, когда опека собьетъ его совершенно съ толку, когда всякая надъ нимъ постоянная гроза начнетъ выработывать изъ болѣе бойнаго—лицемѣра, обманщика и плута, а менѣе сильнаго и умнаго совершенно придавить и обидіотить?

Между тѣмъ, обозрѣвая всѣмъ почти извѣстную жизнь нашихъ мужиковъ во всей Россіи и на ея окраинахъ, мы видимъ, что есть мѣстности, гдѣ сельское хозяйство отнюдь не регрессируетъ, несмотря на то, что тамъ опеки надъ мужикомъ фактически почти не существуетъ. Такъ, есть нѣкоторые уголки Сибири, удаленные отъ золотопромышленныхъ центровъ, куда изрѣдка заглядываетъ начальство въ лицѣ засѣдателя (становаго) и исправника. Тамъ, напримѣръ, крестьяне, поселившіеся въ долину Уймона, на китайской границѣ, устроили у себя ирригацию полей; въ Олонцкой губерніи, въ такъ называемомъ Заонежьи, крестьяне сами выработали цѣлое ученіе о посѣвѣ травъ и травосѣяніе тамъ въ послѣдніе годы быстро распространилось, равно какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерній Вологодской, Новгородской, Тверской, въ Каширскомъ уѣздѣ. Никто не приходилъ здѣсь ни съ матеріальною помощью, ни въ качествѣ учителя. Въ Архангельской губерніи выработана цѣлая система удобреній иломъ, морскою травой, листьями нѣкоторыхъ древесныхъ породъ. На Архангельской выставкѣ, какъ мы указывали въ апрѣльской кн. *Рус. Мысли* (Обз. мат. по общин. земл.) посѣтители были удивлены превосходными сортами хлѣба и земледѣльческими орудіями, приспособленными къ своеобразной мѣстной почвѣ. Но, кромѣ введенія ирригации и травосѣянія, крестьянство наше заявило о себѣ съ хорошей стороны въ разныхъ отдѣльныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Изъ множества мѣстностей Россіи мы имѣемъ извѣстія о распространеніи садоводства, а огородничествомъ уже давно прославились крестьяне, наприм., Владимирской губерніи и потребляемые Петербургомъ и Москвой овощи, ягоды—почти исключительно произведеніе мужиковъ-огородниковъ, являющихся въ столицы весной и снимающихъ земли подъ огороды въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ *).

И такъ, есть у насъ даже факты, говорящіе о ненужности опеки. Но, понимая очень хорошо, что единичными фактами еще ничего положительно не доказывается, мы только ставимъ ихъ на видъ и обращаемся къ главной

*) П. А. Соколовскій, № 5 Трудовъ вол. эк. общ. 1886 г.

цѣли предполагаемой реформы въ экономической жизни крестьянства, т.-е. къ вопросу о поднятіи урожаявъ или, иначе говоря, къ вопросу объ улучшеніяхъ сельско-хозяйственной техники на крестьянскихъ надѣлахъ. Этою цѣлью проникнуты какъ предложеніе объ обезземеленіи $\frac{2}{3}$ крестьянства въ пользу $\frac{1}{3}$, такъ и предложенія учредить опеки надъ правомъ распоряженія крестьянъ своимъ имуществомъ, надъ сельско-хозяйственною ихъ дѣятельностью и распорядками семейной жизни.

Здѣсь для выработки прочнаго основанія для рѣшенія задачи нужно напередъ хорошенько разобраться въ такомъ вопросѣ: такъ ли просто введеніе улучшеній въ производствѣ хлѣбовъ, растений, животныхъ, что здѣсь требуется для успѣха дѣла только добрая воля и знанія, какъ этого оказывается довольно въ дѣлѣ техническихъ улучшеній въ фабричной и заводской промышленности, гдѣ производятся, такъ сказать, *мертвые* вещи? Неужели ничего больше не требуется на фабрикѣ, занимающейся воздѣлываніемъ веществъ, которыя сами въ себѣ заключаютъ жизнь—проявляются, растутъ, оставляютъ потомство, гдѣ всѣ эти живые процессы обусловлены вліяніями солнца, почвы, влаги, вѣтра и другихъ силъ природы, гдѣ пользование землею уже давно стало предметомъ распріи между людьми и втянуло, такимъ образомъ, дѣло производства жизненныхъ продуктовъ въ связь со всѣми тѣми сложными отношеніями между людьми, какія мы наблюдали въ разнообразнѣйшей жизни государства?

При сужденіяхъ о мѣрахъ къ развитію сельскаго хозяйства у насъ вообще рѣдко держатся какой-либо общей системы, т.-е. берутъ въ расчетъ не всю совокупность разнообразныхъ условій, вліяющихъ на сельское хозяйство, какъ-то: условій климата, почвы, количества земельныхъ угодій, путей сообщенія, отношеній къ помѣстному промышленному и торговому классамъ, къ системѣ администраціи, финансовымъ операціямъ и проч., а считаютъ достаточнымъ остановиться на соображеніи съ какой-либо одной изъ болѣе замѣтныхъ по своему вліянію причинъ. Такъ, при рѣшеніи занимающаго насъ нынѣ вопроса: *почему у насъ собираются ничтожные урожаи*, довольствуются принятіемъ въ расчетъ или только климатическихъ условій, или только степени сельско-хозяйственныхъ знаній, тѣхъ или другихъ приѣмовъ хозяйства и проч. Этимъ дѣло обыкновенно и кончается. Зависимость хозяйства отъ положенія въ странѣ различныхъ промышленныхъ производствъ и торговыхъ ея оборотовъ обыкновенно игнорируется, какъ будто бы и дѣйствительно не существуетъ никакой связи между вспашкой, напримѣръ, земли первобытнымъ или усовершенствованнымъ орудіемъ и между большимъ или меньшимъ развитіемъ въ государствѣ заводовъ и фабрикъ горныхъ, металлическихъ, свеклосахарныхъ, винокуренныхъ и проч., а также между вывозомъ за границу хлѣба, скота, костей, жмыховъ и проч. Связь эта обыкновенно упускается изъ вида, какъ будто бы сельское хозяйство стоитъ на островѣ, уединенномъ отъ всякихъ сношеній съ разнообразною и сложною жизнью всей страны. Та-

кимъ образомъ, у насъ нерѣдко можно встрѣчать указанія на то, что плохіе урожаи крестьянскихъ полей обусловливаются лишь допотопною техникой, которая и держится только вслѣдствіе косности народа, нерадѣнія, пьянства, существующей формы землевладѣнія. Есть мнѣнія, указывающія еще на недостаточность земли, на невозможность содержать должное количество скота, на несоотвѣтственные съ доходностью земли налоги, на отсутствіе кредита. Но и эта группа мнѣній даетъ въ выводѣ своемъ лишь такое заключеніе: устраненіе всѣхъ перечисленныхъ условій можетъ поднять благосостояніе крестьянства лишь на время, на какія-либо два десятилѣтія, по прошествіи которыхъ опять наступитъ земельная тѣснота, а за ней послѣдуетъ сокращеніе скота, пониженіе урожая и въ результатѣ снова зависимость отъ ростовщиковъ.

Правда, что жесткость и безотрадность этого вывода ослабляется соображеніемъ, что поднятіе техники крестьянскаго хозяйства можетъ утратить, учетверить урожаи и, такимъ образомъ, не только отдалить наступленіе новаго малоземелья, проголоди и другихъ, истекающихъ отсюда, золъ, но и дадутъ возможность завести лучшіе порядки какъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія земель для нарождающихся поколѣній, такъ и въ устройствѣ переселеній въ многоземельныя мѣстности имперіи.

Такое соображеніе было бы вполне основательно, если бы поднятіе техники могло явиться какъ *deus ex machina*, если бы возможно было произвести это поднятіе помимо той зависимости, въ которой сельское хозяйство и самая его техника находятся отъ даннаго положенія въ странѣ промышленныхъ производствъ и торговыхъ оборотовъ.

И дѣйствительно, представимъ, что вдругъ все крестьянство Россіи получило бы въ свое распоряженіе усовершенствованныя орудія, улучшило бы вообще всю технику земледѣльческаго производства и, вслѣдствіе этого, стало бы получать съ своихъ надѣловъ утроенные, учетверенные противъ нынѣшнихъ урожаи. Но, допустивъ это, надобно не упускать изъ вида, что все, что прямо или косвенно соприкасается съ сельско-хозяйственною жизнью, стоитъ еще по-старому, т.-е. доходъ отъ хозяйства получается посредствомъ отчужденія на сторону сельскихъ произведеній въ *сырьѣ*.

Въ силу закона спроса и предложенія, цѣна на хлѣбъ и въ настоящее время, при плохихъ его урожаяхъ, стоитъ крайне низкая; но до какой же ничтожной величины должна упасть она, когда предложеніе его на рынкѣ утроится?

Вотъ если бы крестьянинъ, во-первыхъ, не платилъ деньгами подати, во-вторыхъ, если бы всѣ вообще предметы одежды зимней и лѣтней и всего домашняго обихода онъ производилъ своими собственными руками, въ-третьихъ, если бы пріобрѣтеніе и ремонтъ сельско-хозяйственныхъ орудій не стоилъ бы ему тоже денегъ, то, конечно, печалиться было бы не о чемъ. Избыткомъ хлѣба обезпечилось бы продовольствіе семьи, былъ бы откормленъ скотъ, птица; отбросы мѣстнаго потребленія шли бы на удобреніе полей. Имѣя запасъ хлѣба на слѣдующій годъ, крестьянинъ сокра-

тиль бы посѣвъ колосовыхъ хлѣбовъ, высѣяя бы на освободившееся изъ-подъ нихъ мѣсто какое-либо промышленное растеніе, которое переработалъ бы въ продолженіе долгой зимы въ нужный ему продуктъ и тѣмъ избавилъ бы себя отъ покупки у купца какого-либо предмета одежды и вообще домашняго обихода. Такимъ образомъ, его земельное хозяйство изъ трехпольнаго обратилось бы въ многопольное; зимнее время пошло бы на выгодную работу у себя дома, а контингентъ лавочниковъ-кулаковъ началъ бы мало-по-малу сокращаться. Кроме того, такое положеніе дѣлъ сильно бы ослабило вліяніе различныхъ невзгодъ. Такъ, напримѣръ, послѣдствія неурожаевъ перестали бы быть столь губельны, какъ нынѣ; падежи скота не отражались бы, какъ теперь, полнѣйшимъ разстройствомъ хозяйства. Оказался бы тогда запасъ хозяйственныхъ продуктовъ; была бы вся семья на мѣстѣ; при занятяхъ дома зимой и лѣтомъ, при стройной жизни, не расшатываемой отхожими промыслами; наконецъ, не возникло бы потребности въ займахъ, что и повело бы къ сокращенію контингента ростовщиковъ.

Мало всего этого: рядъ домашнихъ производствъ, обрабатывающихъ сырые продукты сельскаго хозяйства, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сталъ бы расширяться и нѣкоторыя изъ этихъ производствъ потребовали бы, наконецъ, устройства болѣе или менѣе обширныхъ заводовъ. Это моментъ правильнаго возникновенія въ данной странѣ болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ заведеній, для которыхъ тѣсна изба земледѣльца, малъ его оборотъ, недостаточно рукъ одной семьи. Въ какой бы формѣ эти заведенія ни явились: въ формѣ ли капиталистическаго предпріятія, или какъ *мірское* дѣло, основанное на средства всѣхъ хозяевъ даннаго селенія, но если они завелись въ пору и въ-время, не для выжиманія соковъ изъ мѣстнаго земледѣльческаго производства, а для удовлетворенія его требованій, для выработки изъ сырыхъ и малоцѣнныхъ произведеній земли и скота продуктовъ высшаго порядка, то ихъ возникновеніе и существованіе оказалось бы уже *экономически-законное*, т. е. прямо способствующее поднятію уровня сельскаго хозяйства. Заводы сыроваренный, крахмальный, паточный, кожевенный и проч. дадутъ мѣстному хозяйству удобрительный матеріалъ, обезпечиваютъ дальнѣйшее воздѣлываніе и развитіе дорогихъ промышленныхъ растеній, улучшеніе породъ скота, птицы и проч.

Когда сельско-хозяйственная и экономическая жизнь достигнетъ въ данномъ районѣ такой фазы развитія, то тогда наступаетъ моментъ созиданія, на мѣстной, уже приготовленной экономической почвѣ, промышленныхъ производствъ высшаго порядка—фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ при посредствѣ дорогихъ техническихъ приспособленій. Этимъ заводамъ и фабрикамъ уже не нужно выписывать изъ-за тридцати земель значительнѣйшую часть необходимыхъ матеріаловъ,—они получаютъ ихъ тутъ, у себя, подлѣ, благодаря производству ихъ на мѣстныхъ *сельско-хозяйственныхъ* заводахъ. Хлѣбъ и другіе предметы продовольствія рабочихъ этихъ

Фабрикѣ не привозятся, какъ, напримѣръ, въ Гороблагодатскихъ заводахъ на Уралѣ, изъ-за сотенъ верстъ, а потому фабрики стоятъ крѣпко и независимо отъ какихъ бы то ни было поощрительныхъ таможенныхъ пошлинъ; что же касается слѣдованія этихъ промышленныхъ заведеній той общеупотребительной у насъ политикѣ, при которой фабрика держитъ собственную лавочку для возвращенія вновь себѣ выданной рабочимъ платы, то политика эта, при данномъ стройномъ положеніи земледѣльческаго хозяйства и сельско-хозяйственныхъ промышленныхъ заведеній, невозможна и невыгодна.

Въ настоящее, напримѣръ, время управленія свеклосахарныхъ заводовъ въ юго-западномъ краѣ могутъ прижимать крестьянъ и помѣщиковъ, поставляющихъ свекловицу, единственно лишь потому, что сельскіе хозяева прилежащихъ къ заводамъ мѣстностей не ведутъ стройнаго хозяйства и вообще всюду господствуетъ полная экономическая дисгармонія. Но при указанномъ нормальномъ положеніи дѣлъ отношенія между фабричною промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ вполне дружественны: процвѣтаніе фабрикъ обуславливаетъ благосостояніе и сельскаго хозяйства; здѣсь вся промышленность, мелкая и крупная, дешевая и дорогая, служитъ на пользу сельскаго хозяйства и наоборотъ: для сельскаго хозяйства нужны разные отбросы производствъ, удобрительные туки, земледѣльческія орудія, а при дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи—паровая и электрическая сила, возведеніе различныхъ гидравлическихъ сооружений, требующихъ особыхъ машинъ, и проч.; всему этому въ значительной степени можетъ служить мѣстная фабричная промышленность, получая взаимнѣ отъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ массу нужныхъ ей, обработанныхъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства, огородничества, садоводства, въ видѣ сыра, масла животнаго и растительнаго, спирта, мяса, мѣстныхъ издѣлій изъ дерева, льна, конопли, шерсти, кожи, костей и проч., и проч.

Таковъ идеалъ *сельско-хозяйственнаго и экономическаго строя*, зиждущійся единственно, какъ выше указано, на обезпеченномъ положеніи земледѣльца. *Здѣсь улучшение техники удобомыслимо*, оно само собою зарождается изъ самаго положенія дѣлъ, изъ строя жизни, изъ разнообразія занятій. Здѣсь дѣло правящихъ классовъ будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы вливать въ народъ путемъ школы и примѣра нужныя знанія и устранять съ дороги препятствія.

Но совсѣмъ другое дѣло будетъ, если взять крестьянское хозяйство въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно стоитъ нынѣ, т. е. въ условіяхъ, заставляющихъ хозяина, съ одной стороны, отчуждать на сторону всѣ произведенія его хозяйства въ сыромъ видѣ, съ другой—всѣ почти предметы одежды, домашнихъ потребностей, сельско-хозяйственныхъ орудія и проч. покупать на *деньги*. Не разъ въ нашей печати констатировалось, что въ урожайные годы цѣны на хлѣбъ были настолько низки, что для выручки денегъ на подати приходилось продавать *двойное, тройное* противъ преж-

нихъ лѣтъ количество пудовъ, въ результатѣ чего являлась необходи-
мость питаться въ проголодь и покупать къ веснѣ хлѣбъ у кулаковъ.

Затѣмъ, при пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, въ той же мѣрѣ падаютъ цѣны
на скотъ и на всѣ вообще произведенія сельскаго хозяйства. Поэтому про-
дажею въ это время на сторону, для удовлетворенія какой-либо домашней
или хозяйственной потребности, скота, птицы и проч. хозяинъ не выкру-
тится окончательно изъ бѣды и, въ концѣ-концовъ, не уйдетъ отъ гибель-
ной для его хозяйства необходимости работать на *чужой* землѣ у кулака
или помѣщика. Вырученные здѣсь десятки рублей, можетъ быть, спасутъ его
отъ голода, можетъ быть, дадутъ ему возможность кое-какъ удовлетворить
домашнія потребности, но, конечно, эти рубли уже не будутъ имѣть ника-
кого значенія въ дѣлѣ улучшенія сельско-хозяйственной техники. Бромъ
того, отчужденіе сырья уже само по себѣ ставитъ тормазъ какимъ бы то
ни было улучшениямъ техники, во-первыхъ, потому, что безрезультатная при
низкихъ цѣнахъ затрата труда и капитала въ землю сама по себѣ немыс-
лима, неразумна; во-вторыхъ, если, несмотря на это, хозяинъ, увлекаемая на-
деждами на повышеніе въ будущемъ цѣнъ, и желалъ бы держать илѣнне
въ прежнемъ порядкѣ, то осуществить ему этого нельзя, какъ вслѣдствіе
отсутствія денегъ, такъ и по той простой причинѣ, что значительную часть
его времени и силъ онъ долженъ посвящать работѣ на чужой землѣ. Въ
продолженіе уже многихъ лѣтъ мы читаемъ въ газетахъ и экономическихъ
изданіяхъ о томъ, что во время уборки хлѣбовъ свой хлѣбъ у нашего
крестьянина обыкновенно осыпается, а жать его онъ не можетъ, потому что
долженъ работать на сторонѣ. Наконецъ, въ хозяйствѣ, построенномъ на
принципѣ отчужденія на сторону сырья, есть еще одно важное условіе,
тоже тормозящее улучшеніе сельско-хозяйственной техники,—это именно
постепенное изъ года въ годъ ухудшеніе качества почвы. Отчуждаемая изъ
почвы на сторону растенія уносятъ съ собою плодородную ея часть, тогда
какъ при переработкѣ ихъ въ самомъ хозяйствѣ въ продукты высшаго
порядка оставались бы на мѣстѣ отбросы этихъ производствъ, т.-е. все
взятое растеніемъ изъ почвы возвращалось бы вновь въ нее. Дайте воз-
можность удобрять землю навозомъ, жиыхами, бардой, костяными остатками
и прочими отбросами промышленныхъ производствъ, выдѣлывающихъ спиртъ,
масло, крахмалъ, кожи и т. д.,—урожай хлѣбовъ будутъ лучше; лишите
землю всѣхъ этихъ удобреній—урожай годъ отъ года будутъ понижаться и
почва современемъ окажется совершенно, что называется, выпаханной. Ко-
нечно, есть искусственные удобрительные туки, минеральныя удобрения, но
употребленіе ихъ предполагаетъ болѣе или менѣе развитую технику, спо-
собную окупать эти дорогія удобрения, а развитая болѣе или менѣе техника
не можетъ имѣть мѣста при низкой цѣнѣ на хлѣбъ. Есть, впрочемъ, мѣст-
ности, поставленныя въ исключительно выгодныя для сбыта условія, какъ,
напримѣръ, прилегающіе къ западной нашей границѣ уѣзды привислян-
скихъ губерній, а также ближайшія къ портамъ Балтійскаго моря илѣнныя
остзейскихъ губерній; среди обширнѣйшихъ пространствъ остальной Россіи

есть также оазисы, гдѣ сельско-хозяйственная техника стоитъ на значительной степени развитія, но этихъ оазисовъ немного и своимъ цвѣтущимъ положеніемъ они обязаны: во-первыхъ, возможности выжидать, благодаря запасному капиталу, болѣе выгодныхъ цѣнъ; во-вторыхъ, тѣмъ условіямъ, въ которыхъ живетъ окружающее ихъ населеніе, всегда ищущее работы, продающее дешево навозъ, готовое снимать за одну хотя солому малоудобныя для владѣльческой запашки земли, и, въ-третьихъ, въ особенности тому, что часть сырыхъ произведеній этихъ имѣній обращается въ устроенныхъ въ имѣніяхъ заводахъ въ спиртъ, крахмалъ, масло, сахаръ, т.-е. благосостояніе имѣній зиждется, между прочимъ, на переработкѣ на мѣстѣ сырыхъ произведеній хозяйства въ продукты высшаго порядка.

Изъ этихъ условій блестящаго положенія нѣкоторыхъ имѣній видно, что, извлекая они доходъ исключительно изъ вывоза на сторону сырья, они, въ случаѣ повсемѣстнаго увеличенія урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ, должны были бы понести значительные убытки, вслѣдствіе сильнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ; благосостояніе ихъ тоже бы подкосилось, если бы поднялась повсюду у крестьянъ сельско-хозяйственная техника, результатомъ чего было бы прекращеніе крестьянами продажи навоза, поднятіе цѣнъ на рабочія руки, занятія собственнымъ хозяйствомъ. Врядъ ли бы тогда потребовались для аренды тѣ земли, которыя доселѣ снимались изъ-за одной соломы. И только благодаря существующимъ въ этихъ имѣніяхъ заводамъ для переработки сырья, они могли бы сохранить свое положеніе и, измѣнивъ соотвѣтственно новымъ условіямъ планъ хозяйства, возстановить свою прежнюю доходность. Измѣненіе это будетъ заключаться въ дальнѣйшемъ развитіи разнообразныхъ промышленныхъ, для переработки сырья, производствъ и введеніи для этой цѣли новыхъ отраслей хозяйства. Такъ, напримѣръ, одно садоводство можетъ давать много матеріала для винодѣлія, сушки плодовъ; кромѣ того, у насъ еще очень мало распространено воздѣлываніе разныхъ промышленныхъ и лѣкарственныхъ растений, а также разведеніе цѣнныхъ лѣсныхъ породъ, ввозимыхъ нынѣ въ разныхъ издѣліяхъ изъ-за границы, воспитаніе породъ скота, дающихъ дорогую шерсть, и проч. Все это у насъ нѣчто давно желанное и съ года на годъ ожидаемое, но врядъ ли скоро придетъ оно, если торговля сырьемъ будетъ лежать въ основаніи строя нашихъ владѣльческихъ и крестьянскихъ хозяйствъ.

И такъ, тѣ или другіе приемы и способы воздѣлыванія земли, даже пользованіе при этомъ какими-либо указаніями науки, стоятъ въ связи съ общимъ строемъ экономической дѣятельности страны; вообще можно сказать, что извѣстное направленіе въ теченіи сельско-хозяйственной жизни обуславливается тѣмъ движеніемъ, которое совершается въ промышленной и торговой жизни государства. Если промышленное развитіе ничтожно, то предметомъ торговаго обмѣна можетъ быть ничто иное какъ сырье, и сельскому хозяину ничего не остается дѣлать, какъ отдавать свои сырыя произведенія въ обмѣнъ на крайне нужныя ему деньги, а отдача на сторону

сырья уже положительно тормазить, какъ мы выше видѣли, какія бы то ни было улучшенія въ хозяйствѣ.

Въ 1826 г. вывезено было изъ Россіи хлѣба всего лишь 1.468,000 четвертей и льнянаго сѣмени 375,000 четвертей, всего на 16 мил. руб. ассигнаціями. Значительнѣе тогда по цѣнности былъ вывозъ не чистаго сырья, а болѣе или менѣе выработанныхъ изъ него продуктовъ, какъ-то: масла коноплянаго и льнянаго, поташа. Затѣмъ весьма видную роль въ вывозѣ играли продукты скотоводства: такъ, сала отпущено на 28 мил. рублей, а всѣхъ вообще продуктовъ скотоводства на 43 мил. руб. Производство хлѣба опредѣлялось, тогдашнимъ статистикомъ Андросовымъ, для всей Россіи (не считая Царства Польскаго) въ 189½ мил. четвертей; такимъ образомъ, въ 1-ой четверти настоящаго столѣтія мы вывозили лишь 1,3% всего того хлѣба, который мы производили. А. С. Ермоловъ, приводя эти цифры въ сельско-хозяйственномъ обзорѣніи апрѣл. вѣд. *Русская Обзорнія*, полагаетъ, что процентъ отпуска въ то время хлѣба былъ еще ниже и не достигалъ, вѣроятно, и 1%. Иную картину представляютъ, по словамъ того же автора, цифры вывоза хлѣба въ послѣдніе годы. Такъ, въ 1888 году вывозъ достигъ 63.458,000 четвертей, т.-е. составилъ 1,620% противъ вывоза 1830—1854 гг. (3.918,000 четв.): Среднее же производство зерноваго хлѣба, за вычетомъ губерній Царства Польскаго, за пятилѣтіе 1883—1887 гг. опредѣляется около 290 мил. четв. Такимъ образомъ, у насъ теперь вывозится *свыше пятой* части своего чистаго сбора (такого процента своихъ *сырыхъ произведеній* не отчуждаетъ ни одно государство въ мірѣ). Причемъ не лишнее обратить вниманіе, что въ 1826 г. продуктовъ зерноваго хлѣба вывозилось лишь 22%, а продуктовъ льноводства, пеньководства и проч. 78%, тогда какъ въ 1888 г. первыхъ продуктовъ отпущено 74%, а вторыхъ только 26%. Эти цифры прямо говорятъ, что прежде экономическая, а съ нею и сельско-хозяйственная жизнь страны имѣла болѣе нормальное направленіе, нежели въ настоящее время. Что же касается того, что сельско-хозяйственная техника и тогда была невысока, то надобно не забывать, что тогда существовало крѣпостное право, даровой трудъ—препона какимъ бы то ни было улучшеніямъ. И если бы въ то время развернулася столь широко, какъ нынѣ, заграничная торговля сырьемъ, то неизвѣстно, чтó бы стало съ участіемъ государства. Кромѣ того, тогда половина свободной крестьянской массы, государственные крестьяне, равно какъ и все крѣпостное населеніе почти ничего не покупали на рынкѣ и какъ всѣ свои хозяйственныя и домашнія потребности, такъ и значительную часть потребностей городовъ удовлетворяли издѣліями собственныхъ рукъ, приготавливая ихъ изъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства, птицеводства. Почти всѣ помѣщики расходовали трудъ своихъ крѣпостныхъ не только на добываніе сырыхъ продуктовъ, но и на переработку ихъ въ предметы домашняго обихода. Такимъ образомъ, сельское хозяйство, по крайней мѣрѣ, не регрессировало, т.-е. земля не оскудѣвала чрезъ вывозъ на сторону ея питательныхъ началъ, скотъ

былъ обезпеченъ въ кормѣ неприкосновенностью сохи къ лугамъ и пастбищамъ, распаханнымъ нынѣ для бѣльшей и бѣльшей выручки денегъ *).

Выяснивъ значеніе причины, тормозящей развитіе сельско-хозяйственной техники, — причины, управляющей даннымъ движеніемъ сельско-хозяйственной

*) Сдѣлавъ обзорънне хлѣбной торговли въ другихъ странахъ и въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, г. Ермоловъ высказываетъ весьма дѣльное мнѣніе по вопросу: слѣдуетъ ли въ Россіи продолжать напрягать свою вывозную способность въ отношеніи самаго дорогаго и питательнаго хлѣба—пшеницы (которая у насъ составляетъ около $\frac{1}{2}$ своего чистаго сбора) и добиваться первенства передъ Америкой (которая вывозитъ лишь около $\frac{1}{8}$), добиваться несмотря на то, что за вычетомъ вывоза въ Америкѣ остается около 10 пуд. пшеницы на душу населенія, а въ Россіи едва 3 пуда (считая въ обоихъ случаяхъ и количество, потребное на посѣвъ)? Вотъ дословно это мнѣніе, въ которомъ мы дозволили себѣ только подчеркнуть нѣкоторыя слова: „Потребность американскаго населенія въ пшеницѣ, можно сказать, съ избыткомъ удовлетворена, между тѣмъ какъ у насъ самое потребление пшеницы составляетъ еще въ огромномъ большинствѣ случаевъ роскошь для населенія. При такихъ условіяхъ значительное увеличеніе вывоза пшеницы изъ Россіи можетъ имѣть мѣсто лишь въ *двухъ случаяхъ*: 1) при значительномъ возрастаніи площади земли подъ пшеницу и увеличеніи ея урожайности, къ чему мы постепенно и идемъ, но это путь медленный и на немъ мы, вѣроятно, всегда будемъ отставать отъ Америки, которая имѣетъ передъ нами въ этомъ отношеніи множество преимуществъ: въ громадномъ протяженіи рельсовыхъ путей, прорѣзывающихъ ее изъ конца въ конецъ, отъ океана до океана; въ обиліи *нетронутыхъ еще плугомъ* плодородныхъ земель, обращаемыхъ подъ культуру по мѣрѣ того, какъ колонизація проникаетъ все далѣе на западъ въ глубь страны; въ предприимчивости своего населенія, въ возможности примѣненія самыхъ усовершенствованныхъ приемовъ культуры, въ приніятіи дешевыхъ, ищущихъ помѣщенія капиталовъ, въ интеллигенціи рабочаго класса и т. п. 2) Другой случай—еще большее усиленіе вывоза на счетъ сокращенія потребленія пшеницы внутри страны, или, другими словами, на счетъ ухудшенія питавія русскаго народа; отъ этого случая насъ Боже упаси, такъ какъ на этомъ пути мы будемъ идти не къ богатству, а все къ большому и большому обѣднѣнію, будемъ все болѣе и болѣе ставиться въ зависимость отъ иностранныхъ государствъ, потребители нашего недоступнаго намъ самимъ хлѣба, за который покупатели его на заграничномъ рынкѣ будутъ давать намъ тѣмъ менѣе денегъ, чѣмъ болѣе мы будемъ предлагать его на продажу не отъ своего избытка, но отъ своей бѣдности. *Если бы даже нашъ вывозъ при этихъ условіяхъ возросъ и едаже противъ настоящаго, это будетъ признакомъ только нашего разоренія*, это будетъ подневольная уступка за безцѣнокъ наиболѣе дорогихъ продуктовъ нашей почвы, *расхищенія производительныхъ силъ русской земли* и самая безполезная растрата народнаго богатства и труда. Чѣмъ доходитъ до этой крайности, лучше примириться съ существующимъ фактомъ первенства надъ нами Америки и заботиться не о томъ, чтобы, во что ни стало и цѣной какихъ бы то ни было жертвъ, усиливать нашъ вывозъ, но стремиться къ тому, чтобы нашею въ избыткѣ производимую пшеницей кормить по дешевой цѣнѣ не иностранцевъ, но наше собственное населеніе, съ тѣмъ, чтобы впоследствии бить въ состояніи бороться съ Америкой и другими производительными странами уже при условіяхъ болѣе равныхъ. Въ этомъ направленіи намъ, конечно, еще многое остается сдѣлать, но эта задача, безъ сомнѣнія, важнѣе для Россіи, нежели непосильная намъ нынѣ конкуренція съ Америкой и другими заатлантическими странами въ дѣлѣ поставки пшеницы на международный рынокъ, и она до нѣкоторой степени опредѣляетъ и тотъ путь, по которому въ будущемъ должно идти экономическое развитіе нашей страны“ (стр. 702 и 708).

жизни, посмотримъ въ связи съ нею на другія, болѣе или менѣе часто указываемыя причины плохихъ урожаевъ и бѣдности крестьянства.

Однѣ изъ нихъ *общі помѣщичьему и крестьянскому хозяйству*, такъ, именно: плохіе и дорогіе пути сообщенія, злоупотребленія въ хлѣбной торговлѣ, отсутствіе благоустроеннаго кредита.

Другая группа причинъ имѣетъ большее значеніе лишь для *крестьянскаго* хозяйства, какъ-то: неравномѣрно распредѣляемыя натуральныя повинности, прижимки и притѣсненія скупщиковъ хлѣба, произволъ низшихъ чиновъ полиціи, несоотвѣтственные строю народнаго быта законы и мѣропріятія и вообще все, что вноситъ беспорядокъ въ общественную и домашнюю жизнь деревни.

Послѣ всего вышеназложеннаго относительно значенія торговли сырьемъ, не трудно замѣтить, что всѣ сейчасъ перечисленныя причины играютъ роль второстепенныхъ, побочныхъ, такъ сказать, переходящихъ причинъ и, во всякомъ случаѣ, не общихъ для каждой мѣстности, для каждого хозяйства; пути сообщенія не вездѣ плохи, напримѣръ, около сплавныхъ рѣкъ, повинности не вездѣ обременительны; дурныхъ мѣропріятій можетъ и не быть, равно какъ и полицейскаго произвола, тогда какъ вывозъ за границу и вообще отчужденіе на сторону сырья дѣйствуетъ повсемѣстно, вліяніе его не можетъ быть прервано, хотя бы на недолгій срокъ времени, и изъ положенія, имъ создаваемого, сами собою вытекаютъ указанныя нежелательныя условія.

Указывается еще, какъ на причину плохого положенія крестьянскаго хозяйства, на недостатокъ научныхъ знаній. Но если примѣненіе этихъ знаній почему-либо въ данной странѣ и въ данное время *невозможно*, то одно только обладаніе ими не рѣшаетъ дѣла.

Наконецъ, указывается у насъ, какъ на важную причину разстройства крестьянскихъ хозяйствъ, на *малоземелье*, сопутствующее искусственными затрудненіями въ отливѣ населенія. Указаніе это, впрочемъ, сильно оспаривается многими публицистами, главный аргументъ которыхъ заключается въ томъ, что расширеніе крестьянскихъ надѣловъ можетъ принести только временную пользу и по минованіи какихъ-либо двухъ десятилѣтій у каждаго наличнаго работника земли окажется столь же мало, какъ и нынѣ. Развивая далѣе свою мысль, противники увеличенія крестьянской земли утверждаютъ, что вопросъ о малоземельи есть ничто иное, какъ вопросъ о низкой культурѣ, обуславливающей плохіе урожаи и влекущей за собою неурожайные годы. Такимъ образомъ, вопросъ о достаточности или недостаточности земли сводится, въ концѣ-концовъ, на вопросъ о необходимости поднять технику крестьянскаго хозяйства, именно на тотъ вопросъ, о путяхъ рѣшенія котораго мы выше подробно говорили и теперь, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что вопросъ этотъ нельзя рѣшать отдѣльно отъ другихъ, что, напротивъ того, онъ стоитъ въ неразрывной связи съ множествомъ условій общей жизни государства. Знаемъ также и о той же

ренной причинѣ, которая держитъ сельско-хозяйственную технику на низкой степени развитія.

Причина эта, какъ мы выше видѣли, столь вліятельна, что устраненіе остальныхъ причинъ, вредящихъ хозяйству, не уничтожаетъ ея всецѣльной власти. Устраненіе всѣхъ злоупотребленій въ администраціи и торговлѣ, устройство дешевыхъ путей сообщенія, снабженіе всѣхъ земледѣльцевъ усовершенствованными орудіями производства, устройство самаго выгоднаго кредита, — все это остается, какъ указывалось выше, безъ пользы при строѣ, основанномъ на торговлѣ сырьемъ, при отсутствіи обрабатывающей промышленности; и выводъ, къ которому мы пришли выше, таковъ: «устроенные и учетверенные урожан на всемъ пространствѣ Россіи» не дадутъ столько денегъ, чтобы ими можно было удовлетворить необходимыя домашнія потребности жизни и сельско-хозяйственныя нужды.

Впрочемъ, въ обширной нашей странѣ есть мѣстности, гдѣ сельско-хозяйственная жизнь представляетъ факты, какъ бы противорѣчащіе нашимъ выводамъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ земледѣльческихъ мѣстностей Сибири, гдѣ промыслы на звѣрей, птицу и рыбу не составляютъ главнаго занятія жителей, гдѣ отсутствуютъ золотые промыслы, бывали иногда столь урожайные годы, что цѣна пуда ржи доходила до 7 к.; соответственно этому падали цѣны на скотъ и другія произведенія сельскаго хозяйства. Но здѣсь перепроизводство хлѣбнаго товара не сопровождалось тѣми губительными результатами, которые наблюдались въ Россіи въ урожайные годы, когда, напримѣръ, крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей Вятской, Вологодской и друг. губерній пришлось, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, продать на платежъ податей почти весь сборъ хлѣба и въ концѣ года погупать его у кулаковъ. Крестьяне-сибиряки не страдали отъ малой выручки денегъ, а, напротивъ, продолжали представлять собою весьма желанный типъ сильнаго, энергическаго народа, выходящаго побѣдителемъ въ борьбѣ съ суровыми климатическими условіями. Тайна здѣсь кроется въ томъ, что крестьянину земледѣльческой мѣстности Сибири приходится весьма мало отчуждать на сторону сырья, торговать которымъ не съ гѣмъ. Деньги, какъ деньги, т. е. кредитныя бумажки и мѣдные гроши, нужны здѣсь крестьянину лишь на подати и оброкъ полицейскимъ начальникамъ; всѣ остальные предметы домашнихъ потребностей незачѣмъ погупать въ лавочкѣ: каждая крестьянская семья одѣвается въ собственныя издѣлія изъ произведеній своего хозяйства; разнообразная и питательная растительная, рыбная и мясная пища доставляется тоже не отъ купца; телѣга, дровни, колеса, шѣха, кожи, шерсть, издѣлія изъ нея: войлокъ, сукно и проч. производятся тутъ же въ деревнѣ, частью въ каждой семьѣ, частью семьями, специально знакомыми съ какимъ-либо требующимъ особаго навыка производствомъ. Взаимная мѣна издѣліями производится тутъ же въ деревнѣ, между сосѣдями, взаимно уважающими другъ друга, на глазахъ всего общества, разбирающаго свои дѣла безъ давленія кулака или чиновника. Короче сказать, здѣсь еще держится такъ называемое *натуральное хозяйство*, при которомъ

нѣтъ заботъ о томъ, чтобы добывать больше и больше денегъ и только *денегъ*. Здѣсь, такимъ образомъ, крестьянинъ не несетъ расхода на содержание многочисленнаго класса торговыхъ людей, снабжающихъ нынѣ русскую деревню ситцами, сукномъ, платьемъ, кожей и проч., и проч. А расходъ этотъ, зачастую упускаемый изъ вида при сужденіи о русскихъ крестьянахъ, играетъ одну изъ важныхъ ролей въ крестьянскомъ бюджетѣ. О размѣрѣ этого расхода можно составить понятіе, просматривая цифры крестьянскихъ бюджетовъ, наиболѣе точно разработанныя *Θ. А. Щербиною* и *Е. Н. Анучинимъ*, первымъ въ Воронежской, вторымъ въ Самарской губерніяхъ. Такъ, средняя семья въ Острогожскомъ уѣздѣ расходуетъ, по вычисленію *г. Щербины* *):

На пищу	171 р. 39 к.
» содержаніе скота	109 » 11 »
» пополненіе основнаго капитала	76 » 27 »
» подати	25 » 42 »
» разныя нужды	48 » 95 »

Въ эти цифры включены (въ надлежащей оцѣнкѣ) и продукты собственнаго хозяйства, т.-е. *непокупные*; но изъ сравненія этихъ цифръ съ показаніями *г. Щербины* о расходахъ на мясную пищу, одежду, на ремонтъ строеній, инвентаря, освѣщеніе и другія домашнія потребности мы получаемъ, все-таки, очень внушительную цифру *покупныхъ* продуктовъ и вещей. Судить о величинѣ этой цифры можно, напримѣръ, по цифрамъ расхода на одежду—44 р., ремонтъ строеній—12 р., инвентаря—8 р., на пополненіе скота—9 р., на мясную пищу—61 р.

По изслѣдованіямъ *г. Анучина*, въ Самарской губерніи *покупной* хлѣбъ составляетъ на одного человѣка 43,4% потребленія всего годоваго количества (22,1 пуда); мяса богатая семья покупаетъ по 2,2 пуда на человѣка. О расходахъ на одежду можно составить понятіе изъ того, что на однѣ ситцевыя рубахи каждый крестьянинъ расходуетъ непремѣнно не менѣе трехъ рублей. На значительность суммы, расходуемой на покупку у торговцевъ предметовъ первой необходимости и домашняго хозяйства, указываетъ намъ еще и тотъ фактъ, что въ послѣднія десятилѣтія во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи чрезвычайно умножился классъ торговаго люда, а въ большихъ селеніяхъ и уѣздныхъ городахъ увеличилось количество лавокъ съ мелочною продажей различныхъ товаровъ, начиная съ муки, масла, дегтя, лопаты, кадки и кончая ситцами, сукнами и проч.

При сохраненіи натурального хозяйства, большинства этихъ паразитовъ торговаго класса, конечно, не существовало бы; силы же ихъ и способности прилагались бы или къ труду надъ землею, или къ переработкѣ сырья; изъ пиявокъ они превратились бы въ муравьевъ.

И такъ, вопросъ о малоземельи, кажущійся празднымъ съ точки зрѣнія

*) *Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду*, составилъ *Θ. А. Щербина*. Изд. воронеж. губерн. земства 1887 г.

противниковъ увеличенія существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, представляется совершенно инымъ, если взглянуть на него съ проводимой здѣсь нами точки зрѣнія. При *малоземельи* нечего и говорить о возможности для крестьянской семьи *не расходовать* огромной сравнительно части своего приходнаго бюджета на *покупку* пищи, одежды, ремонтъ хозяйства и на массу домашнихъ потребностей. При малоземельи, такимъ образомъ, нельзя вывернуться изъ необходимости содержать на свой счетъ огромнѣйшую армію паразитовъ-торговцевъ, безъ которыхъ крестьянство могло бы обойтись при болѣшемъ количествѣ земли, обеспечивающей содержаніе скота, птицъ, а также возможность посѣва разнообразныхъ растений и овощей, годныхъ для переработки зимой въ предметы домашняго обихода.

Совсѣмъ иное положеніе дѣлъ могло основаться во всей Россіи при повсемѣстно достаточныхъ надѣлахъ крестьянъ. За сокращеніемъ контингента лавочниковъ скоро бы послѣдовало сокращеніе другихъ паразитовъ—ростовщиковъ; исчезла бы тотчасъ торговля землею крупныхъ и мелкихъ скупщиковъ ея и арендаторовъ-аферистовъ, развитая въ грандіозныхъ размѣрахъ преимущественно на востокѣ, югѣ и юго-западѣ Россіи, что опять оставило бы въ рукахъ народа милліоны. Все это, разсматриваемое съ другой стороны, представляло бы собою ничто иное, какъ возникновеніе, безъ всякаго принудительнаго содѣйствія извнѣ, одного важнаго условія, обеспечивающаго сельско-хозяйственный прогрессъ въ странѣ, именно утвержденіе въ каждой деревнѣ промышленности, обрабатывающей произведенія земли; а это въ свою очередь положило бы начало правильному развитію всѣхъ другихъ родовъ промышленности, весьма важныхъ, какъ выше говорено, для поднятія сельско-хозяйственной техники.

Обрабатывающая сырье промышленность у насъ уже существовала, какъ объ этомъ мы и говорили выше; но потомъ въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій она почти сознательно убивалась путемъ поощренія крупной, заводской и фабричной промышленности и капиталистическаго хозяйства. При осуществленіи крестьянской реформы и послѣ нея у насъ стали на первый планъ заботы о томъ, чтобы крупныя и среднія имѣнія не остались безъ рабочихъ рукъ. Какъ результатъ этихъ заботъ, была урѣзка крестьянскихъ надѣловъ и стѣсненіе переселенческаго движенія, а затѣмъ покровительство кулачеству, какъ средству обезземеленія народа, т.-е. созданіе дешевыхъ рабочихъ. Параллельно этимъ стремленіямъ и даже споспѣшествуя осуществленію ихъ, росла у насъ въ это время вѣра въ плодотворность капиталистическаго начала въ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ предприятияхъ. Вслѣдствіе этого, и кулачество начало разсматриваться какъ законное экономическое явленіе, какъ сила, собирающая капиталы, безъ которой не можетъ двигаться экономическое развитіе; пресловутая газета *Березъ* дошла въ это время до признанія кулаковъ самою вѣрною опорой, самымъ главнымъ столпомъ, подпирающимъ государственное зданіе. Немудрено было подъ напоромъ такихъ вѣяній, дѣйствовавшихъ дружно, пасть натуральному хозяйству крестьянства съ зачатками его обрабатыва-

ющей промышленности, и затѣмъ уже очень легко оказалось нивелировать всю сельско-хозяйственную жизнь страны по капиталистическому началу. И лишь только совершилось это, т. е. лишь только крестьянинъ поставленъ былъ въ положеніе мелкаго землевладѣльца, добывающаго *деньги* на удовлетвореніе не только государственныхъ надобностей, но и всѣхъ своихъ домашнихъ потребностей, какъ тотчасъ же онъ подпалъ дѣйствию общаго и непреложнаго въ капиталистическомъ началѣ закона: «имѣющій мало поглощается болѣе его имѣющимъ».

Вотъ, такимъ образомъ, гдѣ причина бѣдности и народа, и вообще всей страны; причина эта—*главная, коренная*, изъ нея вытекли уже всѣ другія, производныя причины, выше нами перечисленныя, и установилась сама собою необходимость торговли сырьемъ, затормазившая въ свою очередь развитіе промышленныхъ производствъ, а съ этимъ и невозможность движенія впередъ сельско-хозяйственной техники.

Отвѣтивъ приведеніемъ вышеизложенныхъ данныхъ на *частный* вопросъ: «полезно ли въ настоящее время расширеніе крестьянскихъ надѣловъ?»—мы этимъ самымъ отвѣчаемъ и на общій вопросъ, возбужденный нынѣ въ жизни книгою г. Сазонова: «чѣмъ и какими путями поставить крестьянство въ независимое положеніе отъ ростовщичества и вообще защитить его отъ экономическаго рабства?»

Въ книгѣ своей г. Сазоновъ предлагаетъ въ защиту крестьянства слѣдующія мѣры:

признать надѣльныя земли неотчуждаемою собственностью *общества*, съ тѣмъ, чтобъ было также предотвращено сосредоточеніе многихъ надѣловъ въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ общества;

узаконить, что всѣ частныя сдѣлки относительно передачи крестьянами другъ другу надѣловъ не должны стѣснять общество относительно передѣла и другихъ мірскихъ распоряждовъ;

установить закономъ право каждаго члена семьи на извѣстную часть общаго имущества, съ тѣмъ, однако, чтобы распоряженіе этимъ имуществомъ не разрушало экономической самостоятельности семьи;

принять мѣры противъ ростовщичества, противъ несогласныхъ съ видами правительства и законами дѣйствиій уѣздной полиціи, судебныхъ приставовъ, нотаріусовъ; улучшить составъ волостныхъ писарей;

мѣстные праздники перенести съ горячаго времени полевыхъ работъ на осень и зиму;

предпринять изслѣдованіе народнаго кредита и ростовщичества.

Съ нашей точки зрѣнія ничего не приходится сказать противъ многихъ изъ этихъ мѣръ. Такъ, самая главная изъ нихъ, признаніе неотчуждаемости крестьянской земли, выдерживаетъ самую строгую критику въ смыслѣ защиты крестьянства отъ обезземеленія. Конечно, здѣсь весьма важно, чтобы земля, какъ и прежде, продолжала быть *мірскою собственностью*, которую общество распредѣляетъ по своему усмотрѣнію между своими членами, со-

края право переверстокъ, жеребьевокъ, частныхъ и коренныхъ передѣловъ, а также право взятія ея отъ нерадиваго и мота и передачи въ надежныя руки. Здѣсь каждому члену общества или большинству членовъ невыгодно допустить и сосредоточенія надѣловъ въ немногихъ рукахъ, и миръ, разумѣется, добровольно этого никогда не сдѣлаетъ. Изъ всѣхъ строгонаучныхъ изслѣдованій общины мы знаемъ, что тамъ, гдѣ *верховенство міра не призрачное*, гдѣ низшая полиція и кулачество не уничтожили полнаго самоуправленія общины, тамъ изъ неограниченной власти міра ничего, кромѣ хорошаго, не выходитъ. Контроль міра замѣчательнъ всегда тѣмъ, что онъ не только спасителенъ, но и *миокъ*, у сельскаго общества существуютъ тысячи способовъ къ исправленію какого-либо зла, проистекающаго изъ неспособности «большака» семьи вести хозяйство *). Иное дѣло тамъ, гдѣ воцарился кулакъ. Тутъ уже врядъ ли помогутъ какіе-либо законы, регламентирующіе крестьянскую жизнь, здѣсь уже нужны прямыя мѣры противъ растлѣвателей этой жизни,—мѣры, которыя и проектируетъ г. Сазоновъ и о которыхъ ниже скажемъ и мы.

Что касается вмѣшательства въ имущественныя отношенія семьи, т.-е. предложенія г. Сазонова измѣнить обычай, въ силу котораго имущество семьи есть «общее», то врядъ ли нужно это вторженіе во святая святыхъ крестьянской жизни, во-первыхъ, потому, что и теперь, согласно обычаю, нѣкоторыя вещи крестьянскаго имущества, напримѣръ, холсты, женскія платья, наряды, признаются полною собственностью женщинъ; во-вторыхъ, существуютъ и нынѣ разнаго рода *надѣленія* члена семьи извѣстнаго рода вещами, которыя затѣмъ и считаются его собственностью и притязанія на нихъ ни одинъ изъ остальныхъ членовъ семьи простирать не можетъ **); въ-третьихъ, въ селеніи, гдѣ миръ не лишенъ своей власти, онъ и судья всѣхъ семейныхъ дѣлъ, судья самый праведный и знающій, какъ поступить, чтобъ сдѣлать лучше; всякое наше указаніе этому судѣ всегда будетъ менѣе пригодно для дѣла, внесетъ только лишнюю путаницу въ жизнь; въ-четвертыхъ, при сохраненіи за миромъ всей полной его власти, число нерадивыхъ, свихнувшихся съ истиннаго пути личностей, подвергающихъ хозяйство разоренію, всегда будетъ незначительно, потому что миръ всегда заранѣе смотритъ за хорошою жизнью каждаго изъ своихъ членовъ и принимаетъ мѣры противъ его матеріальнаго и *нравственнаго* паденія, ограничивая его въ дѣлѣ распоряженія своимъ имуществомъ. Недаромъ, въ случаѣ крайности, миръ смѣняетъ даже большака, поручая управленіе хозяйствомъ болѣе способному члену двора. Одинъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ людей,

*) См. *Обозрѣніе матеріаловъ по общин. землев.* Русская Мысль вѣстника года, кн. I, III и IV.

**) См. *Русск. Мысль*, кн. IV, стр. 5 и 6.: *Термины различныхъ отдѣловъ изъ общаго имущества*: „раздѣлъ“, „отдѣлъ“, „видѣлъ“, „надѣлокъ“, „награжденіе“, „остатке“. Каждый изъ этихъ терминовъ выражается, между прочимъ, признаніе права личной собственности члена семьи на извѣстную отдѣляемую ему часть изъ „общаго“ имущества семьи.

несочувствующих общинному землевладѣнію, заключается въ указаніи на стѣсненіе «міромъ» свободы личности. Если г. Сазоновъ рѣшился предлагать настоящую мѣру, то это можно объяснить слишкомъ сильною впечатлительностью изслѣдователя, бывшаго свидѣтелемъ тѣхъ приводящихся въ ужасъ продѣлокъ, которыя совершаются кулаками. Уже одно чтеніе относящихся сюда фактовъ производитъ на читателя почти оглушающее дѣйствіе, до того они ужасны и отвратительны; но что же придется ощущать, когда вы будете видѣть ихъ во-очію? Такъ, наприм., на стр. 206—210, авторъ рассказываетъ, какъ кулаки, начавъ расгѣввать какого-либо слабого отъ природы человѣка, доводятъ его затѣмъ до дачи денежныхъ на себя обязательствъ и затѣмъ, взыскивая по этимъ обязательствамъ, продаютъ (при вмѣшательствѣ покровительствующей имъ нижней администраціи, судебныхъ приставовъ и проч.) все имущество семьи, пуская ее по міру. Убитое мѣстными властями самоуправленіе міра здѣсь уже не можетъ помочь ни въ чемъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ есть ненадежный, съ пошатнувшеюся нравственностью членъ, вся семья постоянно находится въ опасеніи, что, поѣхавъ въ городъ или на базаръ, онъ запродастъ землю, надастъ на себя векселей и росписокъ, на удовлетвореніе которыхъ возьмутъ все, что есть у семьи, и пустятъ ее «по міру». Но, вѣдь, всѣ подобныя явленія есть плодъ извращенія существующихъ законовъ о векселяхъ, купчихъ крѣпостяхъ, правилъ о продажѣ за долги крестьянскаго имущества. Тутъ дѣло, значить, идетъ о томъ, чтобы лица, которымъ предоставлено право толковать и примѣнять законы, исполняли свято свои обязанности, а не «ручили» въ пользу стороны сильной; если же дѣйствительно встрѣчаются неясныя правила или недомолвки въ законахъ, то нужно постараться исправить и выяснить эти законы и правила. Если, напримѣръ, есть законъ о неотчужденіи ни подѣ какимъ видомъ крестьянскаго надѣла изъ собственности міра, то на какомъ же основаніи этотъ надѣлъ можетъ быть изъятъ изъ мірскаго собственности? Какимъ образомъ міръ можетъ быть ограниченъ въ правѣ распоряженія этимъ надѣломъ, въ правѣ отдачи, наприм., его за частный долгъ? Какимъ, далѣе, образомъ можно по частному долгу продавать земледѣльческія орудія, скотъ, телѣгу, сбрую, сѣмена и тому подобныя вещи, необходимыя для веденія хозяйства, если объ изъятіи этихъ вещей отъ продажи за долги существуетъ прямой всѣмъ извѣстный законъ, не разъ разъясняемый въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ? Такимъ образомъ, если по требованію ростовщика описывается и продается все изъятое отъ продажи имущество, то это опять такое явленіе, гдѣ слѣдуетъ дѣйствовать лишь противъ власти, нарушающей законъ. При строгомъ соблюденіи законовъ, при добросовѣстности исполнителей ихъ, не найдется, вѣдь, и ростовщика, который бы возымѣлъ охоту снабжать деньгами слабого члена семьи.

Впрочемъ, никакіе самыя опредѣленные законы, самыя точныя инструкціи и правила не могутъ быть застрахованы отъ возможности обратнаго ихъ толкованія: законъ можетъ всегда остаться безъ примѣненія, если будетъ дано мѣсто господству произвола и властное лицо будетъ

имѣть основаніе говорить: «я вамъ законъ». Слѣдовательно, пока крестьянство будетъ *de facto* безправною массой, пока оно экономически не будетъ самостоятельно, — до тѣхъ поръ никакіе законы не помогутъ упроченію его благосостоянія. Экономическая несамостоятельность, причины которой мы очертили выше, всегда будетъ держать его въ зависимости отъ купеческой *лазки*, и избавиться отъ нея оно можетъ лишь тогда, когда оно лѣтомъ будетъ трудиться надъ своею землею, а зимой надъ выработкой изъ сырыхъ произведеній хозяйства продуктовъ домашняго обихода, и, благодаря этому, уменьшить теперешній свой расходъ на удовлетвореніе домашнихъ потребностей, хозяйственныхъ орудій, скота и проч. Только тогда-то и, притомъ, при помощи лучшаго административнаго порядка «общество - міръ» получитъ возможность полного воздѣйствія на жизнь селенія, предупредить развитіе многихъ современныхъ золъ, какъ-то: разореніе хозяйствъ, размноженіе безхозяйнаго бродячаго люда, этой современной язвы деревни. О благотворныхъ послѣдствіяхъ этой самостоятельности крестьянства и крестьянскаго «міра» какъ для сельскаго хозяйства, такъ и вообще для подъема экономической жизни всего государства сказано было нами выше такъ много, что здѣсь говорить объ этомъ уже нѣтъ надобности.

Обратимся теперь къ предложенію г. Сазонова виѣшаться въ дѣло крестьянскихъ распоряжовъ о томъ, «когда работать, когда прекращать эту работу», т.-е. въ дѣло установленія праздничныхъ дней. Въ этомъ предложеніи опять проглядываетъ сомнѣніе въ томъ, что крестьянинъ, безъ помощи какой бы то ни было пали, можетъ быть трудолюбивъ и можетъ вести себя солидно; слѣдовательно, у этого сельскаго хозяина отрицается способность позаботиться о томъ, чтобы поле его было въ-время вспахано и убрано; провидится вообще въ немъ какая-то легкомысленность, неуиѣнье сдержатъ наклонности къ лѣни или порывы къ развлеченіямъ. Обвиненіе тяжкое, влекущее за собою удручающій выводъ, что «даже и дѣловую, сельско-хозяйственную жизнь крестьянскую нельзя оставить безъ опеки». Но выводъ этотъ противорѣчитъ почти каждой страницѣ объемистой книги г. Сазонова. Вездѣ, гдѣ говорится въ ней о равнаго рода крестьянской жизни, нѣтъ такихъ фактовъ, которые бы наводили на мысль объ опекѣ той или другой стороны сельско-хозяйственной дѣятельности народа. Что касается предложеній г. Сазонова признать крестьянскую землю неотчуждаемою и установить право каждаго члена семьи на извѣстную часть общаго имущества, то на эти мѣры нельзя смотрѣть какъ на поползновенія опекать народъ; это суть мѣры для огражденія дороги враждебному нашествію ростовщичества; это мѣры помощи правительства въ борьбѣ народа съ его врагами (стр. 44—46). Кромѣ того, во всей книгѣ, кромѣ голословнаго заявленія, что люди пируютъ, переходя изъ деревни въ деревню, совершая при этомъ разныя безобразія, никакихъ болѣе данныхъ о праздникахъ мы не находимъ. Есть двѣ жалкія цифры, записанныя по чьему-то неизвѣстному показанію, о праздничныхъ расходахъ — «бѣдной

семьи въ 10 руб.), «средняго вообще расхода въ 25 — 30 руб. на каждый праздникъ» (стр. 44). Затѣмъ хотя есть цифры, указывающія (стр. 123) на процентъ разорившихся отъ разныхъ причинъ дворовъ, гдѣ мы находимъ и обозначеніе процента дворовъ, павшихъ отъ пьянства и мотовства (26%), но эти цифры для настоящаго вопроса не имѣютъ значенія, потому что мотъ и пьяница мотаетъ и пьетъ не только по случаю праздника, но и во всякое другое время. Въ мнѣніи мѣстныхъ свѣдущихъ людей (стр. 136—142), къ которымъ обращался г. Сазоновъ съ вопросами, касавшимися предметовъ его изслѣдованія, есть тоже лишь голословныя упоминанія о томъ, что между пантелѣвскими крестьянами начало широко развиваться мотовство и пьянство. Однако, изъ небольшой оговорки самого г. Сазонва (стр. 141—142) относительно вѣскости этихъ мнѣній, между прочимъ, видно, что и самъ изслѣдователь не можетъ отнестись къ нимъ безъ нѣкоторой критики. Кромѣ того, въ изслѣдованіи записанъ такой внушительный фактъ: наслушавшись съ разныхъ сторонъ заявленій о томъ, что пантелѣвцы, заложившіе въ банкъ свои земли, пропили всю полученную оттуда ссуду, г. Сазоновъ сначала повѣрилъ этой сказкѣ; но чѣмъ больше передъ нимъ раскрывалась, по мѣрѣ хода изслѣдованія, дѣйствительность, тѣмъ онъ болѣе убѣждался въ полнѣйшей вздорности означенныхъ разсказовъ. Въ результатъ изслѣдованія именно оказалось, что вся ссуда пошла на хлѣбъ и сѣмена; что вообще здѣсь пьютъ, но не болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ; что въ *большинствѣ* селеніяхъ есть кабаки и не мало пьяницъ, какъ и во всей Россіи. Фразы, слышанныя г. Сазоновымъ на сходахъ: «на богача не скажухъ пьяница, сколько бы не пилъ», «попали въ пьяницы не пивши» — оказались, по справкамъ, совершенно отвѣчающими дѣйствительности. Г. Сазоновъ дознался потомъ и о причинахъ распускаемыхъ о пьянствѣ крестьянъ слуховъ: прежде всего, говоритъ онъ, это было нужно банковскимъ дѣльцамъ, чтобы свалить съ больной головы на здоровую, затѣмъ представителямъ мѣстной администраціи и нѣкоторымъ землевладѣльцамъ, особенно кулакамъ. Въ заключеніе изслѣдователь приводитъ нѣсколько фактовъ составленія приговоровъ о недопущеніи въ деревнѣ кабаковъ и о торжествѣ кабатчиковъ, т. е. о неутвержденіи приговоровъ. Въ селѣ Кривухѣ чуть было произошло даже столкновеніе съ властями, «бунта», такъ какъ, вслѣдствіе неутвержденія приговора, крестьяне, все-таки, рѣшились не впускать кабатчика; съ этою цѣлью десятки крестьянъ съ дрекольями по очереди дежурили при въездѣ въ село, отвергая разныя соблазнительныя обѣщанія. Дѣло, конечно, кончилось тѣмъ, что явилась полиція и торжественно ввела кабатчика (стр. 86—89).

Усиленіе потребленія вина бываетъ обыкновенно въ праздники, а потому мы вмѣстѣ съ вопросомъ о праздникахъ связываемъ и фактическія данныя изслѣдованія о пьянствѣ; кромѣ того, самое пьянство имѣетъ значеніе въ вопросѣ о праздникахъ, какъ продленіе времени празднованія. Такимъ образомъ, изъ данныхъ о томъ, что потребленіе вина у пантелѣв-

цевъ распространено въ той же степени, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, можно предположить, что и праздники здѣсь не особенно часты и продолжительны. Кромѣ того, если бы здѣсь отъ праздниковъ дѣйствительно страдало сельско-хозяйственное дѣло, какъ объ этомъ заявляли г. Сазонову мѣстные свѣдущіе люди, то интересенъ вопросъ: кто же это обрабатываетъ всѣ забранныя кулаками земли, всѣ оставшіеся пока у крестьянъ ихъ надѣлы и, наконецъ, всѣ земли помѣщиковъ? Въ книгѣ г. Сазонова мы не нашли упоминанія о выпискѣ рабочихъ изъ другихъ уѣздовъ или губерній. Намъ кажется, что вся путаница въ настоящемъ вопросѣ происходитъ оттого, что мѣстные дѣятели, рассуждая о лѣтнихъ полевыхъ работахъ, совершенно игнорируютъ одно изъ важныхъ условій нашего *сѣвернаго* хозяйства, именно: лѣто у насъ коротко, вслѣдствіе этого во всѣ три періода сельскихъ работъ: а) вспашки и посѣва, б) сѣнокоса и в) уборки улѣба—приходится работать отъ зари до зари какъ людямъ, такъ и лошадямъ. Людямъ даже некогда выспаться, лошадямъ нѣтъ времени наѣсться. У тѣхъ и другихъ физическое истощеніе отъ такого рода жизни въ теченіе хотя бы недѣли—громадно; люди худѣютъ, лошади едва тащатъ ноги. Употребленіе въ это время самой питательной пищи дѣла не поправляетъ, такъ какъ ослабѣвшій организмъ не въ состояніи всю ее усвоить. Такимъ образомъ, нѣсколько дней напряженной работы въ «страду» кладутъ, можно сказать, лоскомъ человѣка и требуютъ перерыва работы. Отсюда частые и продолжительные праздники и общій во всей Россіи обычай устанавливать за недостаткомъ церковнаго праздника «казаные дни».

Впрочемъ, не во всѣ праздники и казаные дни прекращаются всѣ безъ исключенія работы; такъ, въ одни праздники исполняются только пѣшія работы, въ другіе—не работаютъ только известную часть дня, въ третьи—производится работа на огородѣ и около домашности, идетъ, напримѣръ, починка земледѣльческихъ орудій. Мы знаемъ нѣсколько деревень, гдѣ въ праздники и въ «казаные дни» уводятъ лошадей на дальнія, арендуемыя у помѣщиковъ пастбища, такъ какъ у себя дома хорошихъ кормовыхъ мѣсть нѣтъ. Въ эти дни исполняются только пѣшія работы. Въ заключеніе нужно взять во вниманіе, что крайне сильное распространеніе «помочей» какъ у своего брата крестьянина, такъ и у помѣщиковъ, священниковъ и проч. положительно свидѣтельствуетъ о томъ, что *большинство воскресей и праздничныхъ дней* крестьяне не проводятъ въ бездѣйствіи. Сочтите, сколько въ деревнѣ людей, пользующихся «помочами», начиная съ помѣщика и кулаковъ и кончая зажиточными и отчасти средними дворами, а также вдовами, сиротами, семьями, потерпѣвшими отъ пожаровъ и падежей скота, для которыхъ помочи устраиваются съ филантропическими цѣлями,—сочтите и въ суммѣ выйдетъ порядочное число праздничныхъ дней, проводимыхъ за работой.

Въ виду всего этого, кажется, нѣтъ никакого основанія полагаться на вѣрность заявленій со стороны лицъ, пользующихся крестьянскимъ трудомъ, хотя бы и за плату (если не всегда, то большею частью крайне низ-

кую),—заявленій о томъ, что все лѣто у крестьянина проходить въ празднованіи и пьянствѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого и повода вмѣшиваться въ распорядки крестьянъ о томъ, когда работать, когда отдыхать.

Въ заключеніе скажемъ, что желательнѣе было бы, вмѣсто проектированія переноса праздниковъ на осень и зиму, предложить такую мѣру: направить всё усилія къ тому, чтобы положить начало развитію въ крестьянскомъ хозяйствѣ *промышленности, обрабатывающей сырыя произведенія* хозяйства, что, конечно, можетъ быть совершено лишь при увеличеніи надѣловъ. Осуществленіе этой мѣры вмѣстѣ съ другими полезными предложеніями г. Сазонова, дѣйствительно, поставитъ крестьянство въ независимое отъ ростовщичества положеніе и поведетъ къ безчисленнымъ благодатнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ послѣдствіямъ.

С. Капустинъ.

Н. Д. Хвоцинская-Заюнчковская.

(В. Крестовскій - псевдонимъ *).

I.

Родители Хвоцинской.—Ея дѣтство.—Условія ея развитія.—Любовь къ литературѣ и первымъ попыткамъ творчества.

Надежда Дмитриевна Хвоцинская родилась 20 мая 1825 года. Ея дѣдъ былъ помѣщикъ Рязанской губерніи, обремененный огромною семьей (четыре сына и восемь дочерей). Дочь меньшаго сына Дмитрія, Надежда, родилась, когда дѣда уже не было на свѣтѣ. Двое изъ ея дядей служили, старшій жилъ вмѣстѣ съ бабушкой и всѣми сестрами то въ деревнѣ около Рязани, то въ самомъ городѣ. Отецъ Надежды Дмитриевны въ молодости служилъ въ артиллеріи, очень рано женился въ Бѣлоруссіи на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Юліи Дробышевской, полюбилъ по отцу и русской по матери (фамилія ея матери—Рубецъ); потомъ онъ служилъ въ гражданской службѣ въ уѣздныхъ городахъ Рязанской губерніи (по вѣдомству коннозаводства). Это былъ человекъ общительный, свѣтскій, весьма способный; онъ любилъ искусство и понималъ его. У отца Хвоцинской былъ хорошій голосъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ членовъ семьи, но онъ остался необработаннымъ. Отецъ Н. Д. отлично схватывалъ сходство и чертилъ карандашомъ, но въ молодости учиться живописи не удалось,

* При составленіи этого біографическаго очерка мы имѣли возможность воспользоваться многими неизданными матеріалами: въ нашихъ рукахъ было около 150 писемъ Надежды Дмитриевны къ разнымъ лицамъ, множество писемъ къ ней литераторовъ и издателей, воспоминанія двухъ лицъ, близкихъ къ покойной (одно изъ нихъ—старинный другъ Надежды Дмитриевны—М. М. Андреева), наши замѣтки со словъ ея знакомыхъ и проч. Многие матеріалы были доставлены намъ сестрою покойной писательницы, Пр. Дм. Хвоцинскою; Н. К. Михайловскій сообщилъ письма къ нему Н. Д.; В. А. Вильбасовъ разрѣшилъ воспользоваться письмами Н. Д. къ А. А. Краевскому. Приносимъ искреннюю признательность какъ этимъ лицамъ, такъ и многимъ другимъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ нашему труду, но не уполномочившимъ насъ огласить ихъ имена.

позднѣ было также некогда ею заниматься, такъ что послѣ него, даже у Н. Д., не осталось никакихъ набросковъ *).

Н. Д. всегда съ величайшею любовью вспоминала о своихъ родителяхъ и говорила о нихъ, какъ о людяхъ образованныхъ и вполне хорошихъ. Четырехъ лѣтъ она уже умѣла читать и писать по-русски и съ тѣхъ поръ хорошо помнила свою жизнь, въ шесть лѣтъ усвоила французскую грамоту, въ девять — уже переписывала и писала подъ диктовку отца всѣ его дѣловыя бумаги и письма, даже копировала планы, что продолжалось потомъ до самой его смерти. Человѣкъ живой, горячій, отецъ Н. Д. требовалъ вокругъ себя постоянной дѣятельности.

Служебная карьера отца Хвоцинской была прервана: его обвинили въ растратѣ денегъ, сдѣланной не имъ, а другимъ лицомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ подъ судомъ, съ него взыскали 15,000 руб.; принадлежавшіе ему маленькое имѣніе и винокуренный заводъ въ одномъ изъ уѣздовъ Рязанской губерніи были проданы **). Онъ переѣхалъ въ Рязань и болѣе десяти лѣтъ оставался безъ службы и занятій вслѣдствіе этого «ужаснаго дѣла» (какъ называла его Хвоцинская), всѣ подробности котораго были ей хорошо извѣстны ***). «Такимъ образомъ, — рассказывала Н. Д., — мнѣ довелось узнать очень рано жизнь со всѣми ея подробностями и нуждой и людей со всѣми ихъ отношеніями и несправедливостями. Отецъ, любя и оберегая насъ, не отстранялъ насъ отъ своихъ заботъ, не давалъ намъ расти въ невѣдѣніи трудностей жизни, уважая насъ, дѣлалъ насъ участниками того, что испытывалъ самъ. На меня въ дѣтствѣ вліяла не книга, а дѣйствительность, которая меня окружала. Никакая книга не представляла и не могла представить образовъ мужества, терпѣнія, труда выше тѣхъ, которые стояли предъ глазами, — моего отца и матери. Жилось часто очень трудно, но сердечно и тѣмъ хорошо, что никому не завидовалось» ****).

У Хвоцинской былъ братъ и три сестры. Учили ихъ въ дѣтствѣ родители, особенно мать, занимаясь сколько было времени и возможности; учителя и гувернантки были не по средствамъ. Н. Д. была старшая изъ сестеръ, родители особенно ее любили. Выучившись грамотѣ по *Телеграфу*

*) Въ письмѣ къ одной пріятельницѣ Хвоцинская говоритъ: „Не далъ мнѣ Богъ таланта моего отца, — тотъ схватывалъ сходство поразительно, и въ каждой черточкѣ была жизнь, нравственная, умственная жизнь челоѣка. А отецъ не умѣлъ въ руки взять палитры, акварель мазалъ, потому что былъ нетерпѣливъ, и его работы — ослиныя ключки, наброски карандашомъ, безъ штриха. Кто не зналъ тѣхъ, кого онъ чертилъ, тотъ и судить не можетъ, что это было за громадное дарованіе“.

***) М. М. Андреева, лицо, близкое къ Хвоцинской, рассказываетъ: „Дмитрій Бесаревичъ былъ чистъ, какъ голубь, и виноватъ былъ только тѣмъ, что былъ художникъ, артистъ... только никакъ не чиновникъ. Вслѣдствіе онъ вполне оправдался“.

****) Вслѣдствіе отецъ Н. Д. снова поступилъ на службу по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ; служебныя занятія отца Хвоцинская изобразила въ *Большой Медведицѣ* (изд. 3, т. I, стр. 166—178).

****) Ср. въ *Большой Медведицѣ* характеристику старика Багранскаго (изд. 3, стр. 252—253). Героиня романа Катерина, подобно Н. Д., помогаетъ отцу въ его служебныхъ занятіяхъ и пишетъ ему всѣ дѣловыя бумаги.

Полеваго (эту книгу велѣлъ читать ей отецъ), она забиралась въ маленькій библиотечный шкафчикъ отца и, притавившись за его дверцей, читала рѣшительно все, что попадалось,—романы, стихотворенія, но преимущественно статьи въ журналахъ, часто разрозненныхъ: книги тогда были рѣдки и дороги, и своихъ книгъ было мало,—ихъ брали у знакомыхъ. «Начитавшись мистическихъ книгъ и всѣхъ ужасовъ *Дантова ада*,—разсказываетъ одно близкое къ Н. Д. лицо,—дѣвочка проводила безсонныя ночи. Отъ нея запирали шкафъ, отбирали книги», но воображеніе уже брало свое, и она писала стихи на разные домашніе случаи *). У нея была необыкновенная память: прочтя раза два, она запоминала стихи и даже прозу цѣлыми страницами; она знала имена всѣхъ классиковъ и названія ихъ произведеній, нѣкоторыхъ французскихъ авторовъ читала въ оригиналь, съ другими сочиненіями познакомилась по отрывкамъ и переводамъ, какіе попадались **).

Нужда въ семьѣ была такъ велика, что приходилось очень экономно обращаться съ бумагой. Способная дѣвочка, стоя, набрасывала все, что ей приходило въ голову, на маленькихъ клочкахъ бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, и вслѣдствіе этого, и еще болѣе вслѣдствіе англійской болѣзни въ дѣтствѣ, у нея былъ искривленъ позвоночный столбъ. Уже въ старости, на вопросъ г-жи Винницкой, отчего она пишетъ такъ мелко, Н. Д. отвѣчала: «Привычка экономить бумагу. Бѣдны мы были. Бывало, найду клочокъ, такъ, крошечный уголокъ бумаги, и испишу весь вдоль и поперекъ, а мысли все набѣгаютъ, набѣгаютъ, да не на чемъ ихъ записать. Руки замирали отъ холода. Жили мы въ такомъ домишкѣ, что въ щели стѣнъ просвѣчивало зимнее солнышко» ***). Одно время Н. Д. была помещена въ частный рязанскій пансіонъ, но недостатокъ средствъ заставилъ взять ее оттуда.

Когда Хвоцинской было 12—13 лѣтъ, ея братъ готовился поступить въ корпусъ, вторая сестра, Софья, бывшая моложе ея на три года, приготавливалась въ институтъ; въ это время къ нимъ ходилъ учитель изъ студентовъ рязанской семинаріи, занимавшійся со всѣми за 3 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Надеждѣ Дмитріевнѣ онъ преподавалъ словесность, а также она слегка занималась съ нимъ латинскимъ языкомъ. Приходя на богослуженіе въ семинарскую церковь, она привѣтствовала тамъ учителя по-латыни. «Н. Д.,—разсказываетъ лицо, хорошо ее знавшее,—страстно любила сестру Софью; болѣе близкія по возрасту, онѣ были до того дружны, такъ сходились во взглядахъ и понятіяхъ, что нерѣдко имъ случалось высказы-

*) Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ она набросала также комедію *Марья Илминична, или зрибы съ перцемъ*.

**) Однажды, еще 6-ти лѣтнею дѣвочкой, она очень удивила носѣтншаго ея родителей переводчика *Паризины* Вайрона тѣмъ, что стала въ его присутствіи пересказывать журнальный отзывъ о его трудѣ.

***) *А. Винницкая*: „Воспоминанія о Н. Д. Хвоцинской“. *Ист. Вѣстн.* 1890 г., № 1, стр. 152.

вать одновременно одну и ту же мысль, почти одними и тѣми же словами. Съ дѣтства онѣ полюбили занятія литературою и затѣяли издавать журналъ, подъ заглавiемъ *Звѣздочка*. Редакторомъ была Н. Д., сотрудниками всѣ ея сестры и братъ. Книжка еженедѣльно подносилась отцу. Когда брата и вторую сестру отвезли въ учебное заведенiе, Н. Д. осталась съ двумя меньшими сестрами (одна изъ нихъ вскорѣ умерла), училась вмѣстѣ съ ними и сама ихъ учила. Кромѣ того, она рисовала, очень много вышивала и исполняла всякія женскія работы, которыя любила и въ послѣдніе годы жизни. Ея тетки были большія искусницы въ этомъ отношенiи; мать была также постоянно за работой. Нужда заставляла Н. Д. вышивать въ пальцахъ на продажу экраны и подушки. Несмотря на эту дѣловую жизнь, Хвоцинская очень тосковала: на нее сильно подѣйствовала разлука съ сестрою Софьей. Сохранилось стихотворенiе Н. Д. 1838 года, т.-е. какъ разъ послѣ разлуки, подъ заглавiемъ *Дѣтъ звѣздочки*, посвященное «сестрѣ Соничкѣ», изъ котораго видно, какъ сильно любила она сестру.

Младшая сестра Н. Д. (моложе ея на семь лѣтъ) была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ; къ счастью, у старшей Хвоцинской нашлась подруга, такой же 12—13 лѣтній подростокъ, какъ и она сама. «Мы были неразлучны,—разсказывала Н. Д.,—читали, что только могли достать, и, наконецъ, сами принялись сочинять длинныя и непремѣнно историческія романы. Мы были подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и французскихъ романовъ сороковыхъ годовъ, только не Жоржъ-Занда и не Гюго, которые до насъ не достигали». «Объ молодыя и восторженныя,—разсказываетъ лицо, близкое къ Хвоцинской,—онѣ, сидя за пальцами, бывшими въ то время единственнымъ приличнымъ занятiемъ дѣвицъ, нашептывали другъ другу планы романовъ съ рыцарями, пажамъ... Ночью, когда всѣ въ домѣ засыпали, онѣ усердно писали и прятали свои произведенiя подъ тюфякъ, чтобы кто-нибудь не засталъ ихъ врасплохъ и не открылъ ихъ тайны. Такихъ романовъ Н. Д. написала три; всѣ они, конечно, не были въ печати. Н. Д. тщательно скрывала отъ всѣхъ свои литературныя занятія. Въ то время объявиться писательницей было невозможно,—и безъ того многіе находили, что она слишкомъ умна».

Знаніе французскаго языка передала Хвоцинской ея мать, отлично имѣвшая владѣвшая; итальянскому языку она научилась самоучкой. Еще въ дѣтствѣ кто-то изъ знакомыхъ случайно принесъ итальянскую грамматику и дѣвочка сама начала учиться этому языку; впоследствии она окончателно усвоила его, живя, когда ей было 13 лѣтъ, въ Москвѣ у своего двоюроднаго дяди, А. П. Хвоцинскаго, человѣка весьма богатаго, насчетъ котораго Софья Дмитриевна воспитывалась въ институтѣ. Для его дочери покупались итальянскія книги, и это дало возможность Н. Д. довершить ознакомленіе съ итальянскимъ языкомъ. Живя въ семьѣ дяди, съ дочерью котораго Н. Д. была почти ровесницей, любимая и обласканная имъ, она, кромѣ итальянскаго языка, занималась и музыкой, которую страстно любила и хорошо понимала, но которая не давалась ей въ техническомъ отношенiи.

Въ это же время Н. Д. удалось бывать въ театрѣ и видѣть игру Мочалова, что, конечно, способствовало пониманію произведеній Шекспира. Въ эти годы Хвощинская стала зачитываться и Шиллеромъ въ русскомъ переводѣ, и Дюнуа изъ *Орлеанской Дѣвы* былъ ея главнымъ героемъ. Какъ мы видѣли, ей долго не удавалось познакомиться съ произведеніями В. Гюго. Наконецъ, — рассказывала Н. Д., — «какъ-то достали мнѣ *Le dernier jour d'un condamné*; не умѣю сказать, что сдѣлала со мною эта книга. Я читала уже многое, даже нѣкоторыя драмы Шекспира (во французскомъ переводѣ), но поразительнѣе этого я ничего не знала. Съ тѣхъ поръ началось мое поклоненіе Гюго, и я поняла, что искусство... должно имѣть цѣль. Я мало видѣла русскихъ книгъ. Въ Рязани не было библиотеки; никто изъ знакомыхъ не получалъ *Отечественныхъ Записокъ*; я прочла нѣсколько стихотвореній Лермонтова и отрывковъ Гоголя въ какихъ-то враждебныхъ рецензіяхъ, а вовсе не знала Бѣлинскаго (выписывать саминъ журналы не было средствъ)». Но, все-таки, позднѣе Хвощинской удалось познакомиться съ произведеніями Бѣлинскаго еще до его смерти, и Н. Д. считала его своимъ учителемъ; что же касается Гоголя, то *Тараса Бульбу* и *Вечера на хуторѣ* она прочла только въ Петербургѣ, такъ какъ приобрѣсти его сочиненія въ молодости не могла за недостаткомъ средствъ, а достать ихъ въ Рязани не удалось. «Кромѣ романовъ, — говорила Н. Д., — я писала много стиховъ; это нравилось особенно моему отцу» *). Отецъ Н. Д. былъ вообще человѣкъ образованный; онъ сочувствовалъ идеямъ 1789 года, терпѣть не могъ Наполеона и, когда дочь стала ему поклоняться, подсмѣивался надъ нею.

Слѣдуетъ отмѣтить въ развитіи Н. Д. и элементъ мистическій: она еще въ дѣтствѣ читала сочиненія Сведенборга и Апокалипсисъ. Вся семья была религіозною, но придерживалась не столько буквы, сколько духа христіанскаго ученія, духа милосердія и любви къ ближнему.

Какъ уже было упомянуто, Хвощинская помогала отцу въ его служебныхъ занятіяхъ. «Я была секретаремъ отца, — рассказывала Н. Д., — я знала всѣ дѣла, знала людей всѣхъ сословій и положеній». Подробнѣе объ этомъ рассказываетъ пріятельница Хвощинской М. М. Андреева: «У Дмитрія Кесаревича по должности было много писанія и черченія и, кромѣ Нади, у

*) На тетради стихотвореній Хвощинской въ черной обложкѣ сдѣлана такая надпись рукою отца: |

„Черная книга свѣтлыхъ идей
Черной головки дщери моей;
Талантъ самобитный признанъ ужъ въ ней.
Пиши, не гнѣпись, чернилъ не жалѣй,
Въ ряды вдохновенныхъ вѣсьнися скорѣй“.

Духовникъ Н. Д. какъ-то узналъ о ея дѣтскихъ литературныхъ опытахъ; это былъ человѣкъ добрый и умный. Онъ сказалъ: „Великъ или малъ будетъ твой даръ, помни одно: не пиши никогда ни одного слова противъ совѣсти“. Н. Д. свято соблюдала этотъ заветъ. М. Цибрикова: „Въ память В. Крестовскаго-псевдонима“. *Новости* 1889 г., № 177.

него не было ни письмоводителя, ни писцовъ; всё дѣла, все письмоводство и черченіе было на рукахъ Нади; все она знала, о всемъ судила и даже иногда спорила съ отцомъ... Вѣчно веселая, напѣвающая что-нибудь изъ «Гугенотовъ», ползаетъ она, бывало, по полу, склеивая огромные листы и рисуя планы; такая же ясная, съ пѣніемъ садилась она и за шпонку своего единственнаго чернаго люстриноваго платьяца».

II.

Появленіе въ печати стихотвореній Хвоцинской.—Отраженіе въ нихъ личнаго настроенія автора.—Повѣсти и романы.—*Пансіонерка*.—Цензурныя стѣсненія.

Въ 1847 году, уже двадцатидвухлѣтнею дѣвицей, Хвоцинская послала въ *Литературную Газету*, издававшуюся въ то время въ Петербургѣ подъ редакціею В. Р. Зотова, тетрадь своихъ стихотвореній, съ просьбою дать относительно нихъ печатный отвѣтъ. Шесть изъ нихъ были напечатаны съ ея полнымъ именемъ въ 38 № этого изданія при любезномъ, даже слишкомъ любезномъ примѣчаніи редакціи *). Въ слѣдующемъ номерѣ газеты появились еще шесть стихотвореній Надежды Дмитриевны **). Поощренная любезностью редакціи (эта любезность была единственнымъ гонораромъ начинающаго поэта), Хвоцинская прислала новыя стихотворенія. Такъ какъ первыя ея произведенія были напечатаны съ нѣкоторыми поправками редакціи, то Н. Д. просила или помѣщать ихъ безъ всякихъ измѣненій, или не печатать вовсе, но указать ей самой на необходимыя исправленія. Такимъ образомъ, между редакторомъ и молодою поэтессой завязалась переписка ***), приведшая къ соглашенію по вопросу о редакціонныхъ поправкахъ. Послѣ напечатанія нѣсколькихъ стихотвореній тайна была открыта и родителямъ.

Отецъ Н. Д. очень сочувствовалъ ея литературной дѣятельности; мать,

*) „Заваленные плохими стихотвореніями, прислаемыми намъ со всѣхъ концовъ стихолюбивой Россіи, мы были весьма пріятно и неожиданно удивлены доставленными намъ стихотвореніями г-жи Н. Д. Хвоцинской. Мы нашли въ нихъ много истинной поэзіи, теплоты чувства, согрѣтаго мыслию и оригинальностью. Намъ тѣмъ пріятнѣе познакомить читателей нашей газеты съ новымъ поэтомъ, что поэтъ этотъ дама (курсивъ подлинника). Мы давно не читали на русскомъ языкѣ такихъ прекрасныхъ и звучныхъ стиховъ. Искренно благодаримъ автора ихъ собственно за насъ и за всю читающую публику, которая, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ по достоинству новое поэтическое дарованіе дамы, владѣющей стихомъ съ такою легкостью, какой достигли немногіе современные поэты-мужчины. Намъ было бы весьма пріятно, если бы газета наша служила посредницею между читающею публикой и дальнѣйшими произведеніями г-жи Хвоцинской“.

***) Затѣмъ въ 1848 году въ *Литературной Газетѣ* напечатано: въ № 35—5 стихотвореній, № 45—одно, переводное съ французскаго, и № 49—3 стихотворенія; въ 1849 г.: въ № 1—одно, № 7—3 стихотворенія. Кроме того, въ *Иллюстраціи* 1847 г. (№ 46) было напечатано еще 2 стихотворенія.

***) В. Р. Зотовъ напечаталъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ два письма Хвоцинской къ нему 1848 г. (см. *Историч. Вѣсти*. 1890 г., № 5, стр. 296—300).

напротивъ, была очень огорчена выступленіемъ дочери на литературное поприще, горько плакала и говорила: «Дай Богъ, чтобы у нея это прошло!»

Однако, дочь продолжала писать стихи, и въ *Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены* было напечатано еще три ея стихотворенія (1850 г., №№ 3 и 4) и драматическая фантазія въ стихахъ *Джулио*. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1852 года (т. 83) появилось пять стихотвореній *), а въ 1853 году въ *Пантеонъ* (№№ 1—3) ея повѣсть въ стихахъ *Деревенскій случай*, вышедшая затѣмъ отдѣльной книгой. Далекое не всё изъ этихъ произведеній были удачны (слабѣ другихъ наиболѣе крупныя по объему **), но для насъ они интересны, какъ выраженіе тогдашняго настроенія молодой писательницы.

Передъ нами фотографическій портретъ Хвоцинской, снятый съ дагеротипа 1852 года (когда ей было уже 27 лѣтъ). Онъ изображаетъ брюнетку, съ весьма смуглымъ лицомъ, прекрасными черными волосами и выразительными черными глазами. Въ общемъ наружность чрезвычайно оригинальная, симпатичная и пикантная, несмотря на слишкомъ большую нижнюю губу. Казалось бы, Н. Д. могла нравиться, но, по крайней мѣрѣ, въ годы первыхъ выѣздовъ на балы, она не производила своею наружностью благопріятнаго впечатлѣнія. Когда она одѣвалась на первый балъ, вошелъ ея дядя и промолвилъ: «Что одѣвать эту чернушку: надѣть на нее мѣшокъ, и болѣе ничего!» Хвоцинская первые годы выѣзжала довольно часто, но затѣмъ стала все рѣже появляться въ обществѣ, перестала бывать на балахъ и хлопотала только о томъ, чтобы веселились ея сестры, чтобы онѣ были нарядно одѣты. Развитію склонности къ уединенію, къ удаленію отъ шумнаго общества, долженъ былъ способствовать и тихій, уступчивый, даже трусливый характеръ Хвоцинской. Нужно замѣтить, что дружба съ отцомъ повела къ тому, что она переняла отъ него привычку курить сигары, между тѣмъ какъ Софья Дмитріевна этого не позволялось. Такія мужскія привычки должны были сильно шокировать тогдашнее провинціальное общество, и какъ это, такъ и ея литературныя наклонности, нерасположеніе къ выѣздамъ, внимательное отношеніе къ крестьянамъ, приходившимъ по дѣламъ къ отцу, и, наконецъ, нѣкоторые взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства, какъ, напримѣръ, несочувствіе крѣпостному праву, привели къ тому, что извѣстная часть рязанскаго общества считала ее чуть не сумасшедшею. Конечно, многое въ ея міросозерцаніи приняло лишь позднѣе болѣе опредѣленныя очертанія, но что молодой поэтессѣ жилось не весело при первыхъ ея шагахъ на литературномъ поприщѣ, это видно изъ большинства ея раннихъ стихотвореній.

Уже въ первомъ печатномъ стихотвореніи мы находимъ отраженіе лич-

*) Всѣ они печатались безъ гонорара.

**) Рецензентъ *Современника* (1854 г., т. 43, стр. 7—10), разбирая это произведеніе и одобрявъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, не нашелъ, однако, у автора поэтическаго таланта и задалъ вопросъ: «почему все это написано стихами, а не прозой?»

***) *Литературная Газета* } 1847 г., № 38.

наго характера автора. Нарисовавъ картину шумной и блестящей общественной дѣятельности, Хвошинская говоритъ:

„Есть души сворбены. Въ ихъ уголъ одинокій
Тотъ шумъ и не дойдетъ!

И радости, и владъ слезъ чистыхъ и дрожащихъ
Тѣ души берегутъ,
Таятся, робкѣя, и отъ толпы шумищей
Далеко отстанутъ.
Такъ на разливъ водъ вслѣзываетъ надъ рѣкою
Зеленый островокъ,
Дрожа, чтобъ не покрылъ его своей волною
Стремительный потокъ“ *).

Другое стихотвореніе начинается такъ:

„Друзья мои! Вамъ всѣмъ такъ щедро жизнь дана
Со всей роскошной красотой!
Страстями сильными, любовью и тоскою
Книжка богатая, прекрасная ова“...

Напротивъ, жизнь автора вовсе недостойна зависти: «сомнѣнье волнуется душу» и является вопросъ, жизнь ли это, или прозябаніе: «гдѣ дѣятельность тутъ, гдѣ тутъ разгулъ для силъ?». **).

Въ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1848 году, авторъ говоритъ:

„И знаю, завтра ли, сегодня ли, напрасно
Томиться буду я и мысль живуя звать;
Внимая голосамъ страдающимъ или праждающимъ,
Мнѣ остается лишь слушать или сострадать“ ***).

Въ стихотвореніи, напечатанномъ еще позднѣе, мы находимъ горячее желаніе личнаго счастья:

„Дай счастья, судьба, но дай намъ съ пору,
Покуда грудь желанія полна“... ****).

Но жизнь, какъ видно, плохо отвѣчала на горячіе запросы молодой писательницы, и въ одномъ изъ стихотвореній 1847 г. мы встрѣчаемъ отраженіе весьма печальнаго настроенія автора:

„И для меня бывала жизнь трудна,
И я предъ образомъ рыдала,
И въ ночь глубокую, не зная сна,
Напрасно небо призывала...
Но все прошло. Бить можетъ, бережетъ
Судьба еще мнѣ много дней несчастныхъ,
Ночей бессонныхъ, слезъ напрасныхъ,
Но все пройдетъ!“

Въ одномъ ненапечатанномъ стихотвореніи 1852 г. чувствуется также недовольство и утомленіе жизнью:

*) *Литературная Газета* 1847 г., № 38.

***) *Ibid.*, № 39.

****) *Литературная Газета* 1848 г., № 49.

*****) *Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены* 1850 г., № 3, стр. 58.

„Склонюсь предъ тобой, судьба, моги пощады.
Довольно радостей, надеждъ, борьбы и слезъ;
Не надо мнѣ и чувства мнѣ не надо,
Ни солнца не хочу, ни грозь.

Ты много силъ дала; прости за утомленье,
За жажду горькую забвенія и сна,
Хоть чувствуетъ душа по боли и волненью,
Что все жива она;
Ей стыдно, но прости! Ей стыдно до страданья,
Что надаешь она, не совершивъ пути...
Что есть чего желать и нѣтъ у ней желанья...

Но дай всему пройти.
Пусть все пройдетъ,—пора. Пусть лучшій и достойный
Желаетъ, любитъ, ждетъ, творитъ и познаетъ,
А утомленная душа, безъ сновъ, спокойно
Во тьмѣ своей заснетъ“.

Но въ то же время у молодой дѣвушки уже слагаются довольно опредѣленные стремленія и симпатіи. Въ стихотвореніи *Сумерки* авторъ не находитъ словъ утѣшенія для скучающей молодой женщины, которая чувствуетъ себя одинокою и тоскуетъ отъ праздности. Сочувствіе молодой поэтессы направлено въ другую сторону. Она говоритъ:

„Я отдамъ слезу и сожалѣнье
Тому, кто, наклонясь подъ игомъ и трудомъ,
Клянеть и трудъ, и жизнь, и разумъ, и терпѣнье:
Малюткѣ бѣдному въ лохмотьяхъ подъ окномъ,
Тому, кто горестно зоветъ улыбку Бога
На ниву жалкую, бесплодную свою,—
Тому, кто жизнь свою даетъ за жизнь другаго,
Чтобы цѣной ея кормить свою семью,—
Участье той, кого молва людская гложетъ
И негдѣ голову безвинную склонить,—
Той, что на дочь свою безъ слезъ смотрѣть не можетъ,
За гѣмъ, что ангела ей негѣмъ нарадить;
Всѣмъ горестнымъ душамъ, что низко, страшно пали
Затѣмъ, что имъ никто руки не протянулъ;
Всей ужасающей, дѣйствительной печали,
Куда никто еще изъ васъ не заглянулъ* *)“.

Тутъ уже ясно видно, на какія явленія жизни будетъ преимущественно обращать вниманіе молодая писательница **).

Литературная Газета, гдѣ начала свою дѣятельность Хвощинская, прекратилась въ 1849 г. вслѣдствіе «равнодушія публики», которой, по словамъ ея редактора, «нечего было читать въ газетѣ послѣ того, какъ ее прочиталъ цензоръ Елагинъ». Но, какъ мы видѣли, Хвощинская уже начала сотрудничать и въ другихъ изданіяхъ. Редакторъ *Иллюстрированной Газеты* совѣтовалъ ей попробовать свои силы и въ прозаическомъ раз-

*) *Иллюстрація* 1847 г., № 46.

**) Три стихотворенія Н. Д., написанныя въ концѣ сороковыхъ годовъ, напечатаны недавно В. Р. Зотовымъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1890 г., № 6, стр. 556—557.

сказѣ. Н. Д. послѣдовала этому совѣту. «Писалась моя первая повѣсть,— рассказываетъ она въ позднѣйшемъ письмѣ,—тайно по ночамъ и на день пряталась подъ тюфякъ. Жили мы тѣсно и строго. Рязанское общество уже звало меня сумасшедшею, и два года таилось писательство, пока не открылъ его мой отецъ, давшій ему волю съ перваго часа». Первая повѣсть *Анна Михайловна* была подписана псевдонимомъ: В. Крестовскій. «Подписать свое имя молодой дѣвушкѣ,—по словамъ г-жи Андреевой,—было невозможно: что скажутъ дяди генералы, кузины фрейлины, назовутъ «bas bleu»; а свой рязанскій кружокъ? Сейчасъ начнутъ спрашивать, кого описали, узнавать себя! Такъ и было впоследствии, когда узнали, что она «сочиняетъ». «Ты что это вздумала меня описывать въ своемъ романѣ?»— часто приходилось ей слышать отъ почтенныхъ мамenekъ»...

Первое прозаическое произведение Хвоцинской появилось въ печати въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1850 г. (т. 70 *). Вскорѣ по полученіи номера журнала, гдѣ оно было напечатано, присланъ былъ и скромный гонораръ, по 25 руб. за печатный листъ; онъ давалъ молодой писательницѣ самостоятельность, право распоряжаться своею собственностью и возможность помогать семьѣ. Отправившись на почту за полученіемъ перваго гонорара, Н. Д. вернулась со множествомъ свертковъ въ рукахъ и одарила всѣхъ членовъ семьи. И впоследствии громадную часть своего заработка Хвоцинская отдавала людямъ близкимъ. Получивъ крупную сумму, она тотчасъ отправлялась закупать вещи, необходимыя для матери, сестеръ и для какой-нибудь нуждающейся пріятельницы, себѣ же покупала лишь сотню сигаръ. Вообще Хвоцинская была очень добра, помогала всѣмъ, чѣмъ могла, умѣла обойтись со всякимъ человѣкомъ, и простые, неразвитые люди охотно дѣлились съ нею своими бѣдами и радостями: она была отзывчива на все.

Выбравъ свой литературный псевдонимъ совершенно случайно **), Хвоцинская осталась ему вѣрна, несмотря на то, что, какъ оказалось, режиссеръ Александрійскаго театра Н. И. Куликовъ подписывалъ тѣмъ же псевдонимомъ свои водевили и стихотворенія. Не избѣжила она его и тогда, когда на литературное поприще выступилъ писатель Всеволодъ Крестовскій, не имѣющій ничего общаго по своему направленію съ Крестовскимъ - псевдонимомъ. Первая повѣсть Хвоцинской была замѣчена публикою, и въ томъ же году въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилась ея вторая повѣсть— *Сельскій учитель* ***), а въ 1852 г. въ томъ же журналѣ были напечатаны: *Еще годъ* и *Искушеніе* ****), а въ *Пантеонъ— Утренній визитъ*.

*) Въ *Современникѣ* появился такой отзывъ о повѣсти В. Крестовскаго: „въ умѣ отказывать нельзя, а въ талантѣ должно“; далѣе рецензентъ называетъ ее длинною и скучною (*Современникъ* 1850 г., т. 22, № 7: *Письма о русской журналистикѣ*, стр. 120).

**) Чтобы рѣшить, какъ подписать свою повѣсть, она спросила въ церкви фамилію перваго попавшагося бѣднаго мальчика; матери его Н. Д. потомъ оказывала помощь.

***) Послѣ помѣщенія второй повѣсти Хвоцинской А. А. Краевскій обратился къ ней съ приглашеніемъ присылать свои произведенія въ *Отечественныя Записки*. Н. Д. съ благодарностью приняла приглашеніе (ея письмо 28 декабря 1850 г.)

****) Любопытно отмѣтить размѣръ перваго литературнаго заработка Хвоцинской;

Лѣтомъ 1852 года семью Хвоцинскихъ навѣстили въ Рязани В. Р. Зотовъ, редакторъ того органа, гдѣ Н. Д. начала свою литературную дѣятельность; онъ такъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи: «Въ небольшой, чистой, но далеко не роскошно убранной комнатѣ меня встрѣтила дѣвушка не первой молодости, просто одѣтая, невысокаго (правильнѣе было бы сказать—очень маленькаго) роста, съ смуглыми неправильными чертами лица, но съ большими выразительными черными глазами. Встрѣча была простая, радушная, задушевная». Гость очень скоро сошелся со всѣмъ семействомъ; бесѣдуя съ Н. Д., онъ нашелъ въ ней «умъ, знаніе свѣта, большую начитанность, глубокую симпатію ко всѣмъ, кто страдаетъ и терпитъ, искреннее отвращеніе отъ всякой неправды, низости, насилія, гуманное отношеніе ко всѣмъ слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ, проступкамъ. Въ ней самой, какъ въ ея романахъ, не было ни желанія рисоваться, ни аффектаціи, ни утрировки».

Въ концѣ 1852 г. Хвоцинская пріѣхала съ отцомъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, у нея были родные, принадлежавшіе къ высшему кругу. Одна изъ кузинъ писательницы была близкою родственницей канцлера Горчакова *). Въ литературномъ мірѣ она познакомилась съ Краевскимъ и съ кружкомъ литераторовъ, собиравшихся у него въ назначенные дни. Такимъ образомъ, сфера ея наблюдательности значительно расширилась, и Н. Д. энергически продолжала литературную дѣятельность, преимущественно въ беллетристической формѣ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1853 г. были напечатаны слѣдующія ея произведенія: *Нѣсколько летнихъ дней*, *Кто-жъ остался доволенъ? Рѣшительный шагъ*; въ 1854 г. въ томъ же журналѣ романъ *Испытаніе* и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* **)—*Въ дорожъ*, въ 1855 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* повесть *Фразы* и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*—*Разговоръ*; въ 1856 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*—два романа: *Послѣднее дѣйствіе комедіи* и *Свободное время*; въ 1857 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*—*Изъ связки писемъ, брошенныхъ въ огонь*, и *Баритонъ* и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*—*Совѣтъ*; въ 1858 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*—*Старое горе* и *Братецъ*, и въ *Иллюстраціи*—*Доброе дѣло*; въ 1859 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ*—*Недописанная тетрадь*. По мѣрѣ увеличенія извѣстности Крестовскаго-псевдонима, возрасталъ и ея гонораръ ***). Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы показать,

въ 1850 г. она получала въ *Отечественныхъ Запискахъ* по 25 руб. за печатный листъ; въ 1852 г. редакція наклаула ей по 5 руб. съ листа; всего въ 1850 г. Н. Д. заработала около 200 руб., въ 1852 г. около 450 руб. Эти суммы несомнѣнно были серьезнымъ подспорьемъ для нуждающейся семьи Хвоцинскихъ и должны были до нѣкоторой степени примирить ея мать съ литературною дѣятельностью дочери.

*) В. Зотовъ: „Н. Д. Хвоцинская“. *Историч. Вѣстникъ* 1889 г., № 10, стр. 99—100.

**) Редакторомъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* былъ также Краевскій.

***) Въ 1852 году она получила въ *Пантеонъ* за *Утренній смѣхъ* по 50 руб. съ листа; это заставило Краевскаго увеличить гонораръ до 40 руб., который и платили

какую серьезную материальную поддержку стала оказывать Хвоцинская своей семьѣ, которой была такъ самоотверженно предана, а съ другой стороны, эти данныя представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи литературнаго труда. Помощь семьѣ стала еще болѣе необходимою съ 1856 г., когда умеръ отецъ Хвоцинской. Съ 1858 г. достойною соперницей Н. Д. на литературномъ поприщѣ и, притомъ, въ произведеніяхъ того же рода, явилась ея вторая сестра, Софья Дмитриевна, писавшая подъ псевдонимомъ: Весеневъ. О ней мы скажемъ нѣсколько ниже.

Журнальная критика относилась къ романамъ и повѣстямъ В. Крестовскаго сначала весьма сдержанно, но постепенно произведенія нашей писательницы стали вызывать все болѣе и болѣе одобрительные отзывы *).

Произведенія первой эпохи литературной дѣятельности Хвоцинской по-

Н. Д. въ *Отечественныхъ Запискахъ* до 1857 г., когда за *Бартономъ* она была расплачена по 50 руб. Всего въ теченіе десятилѣтія пятидесятихъ годовъ Н. Д. заработала литературнымъ трудомъ болѣе 4,000 руб. Слѣдовательно, въ это время ея средней годовой заработокъ былъ около 400 руб.

*) Такъ, въ *Современникѣ* 1851 г., № 2 (*Письма иностранному подписчика къ редакцію „Современника“ о русской журналистикѣ*, стр. 84—87), мы встрѣчаемъ одобрительный отзывъ о повѣсти *Сельскій учитель*. Въ послѣдующіе годы мы находимъ въ *Современникѣ* цѣлый рядъ отзывовъ о произведеніяхъ Хвоцинской въ *Замѣткахъ и размышленіяхъ Новоло Поэта по поводу русской журналистики*. Въ *Современникѣ* 1852 г. т. 35, № 9, стр. 103—107) напечатанъ довольно одобрительный отзывъ о стихотвореніяхъ Хвоцинской, а о ея повѣсти *Еще годъ* (продолженіе *Дневника сельскаго учителя*) сказано было слѣдующее: „В. Крестовскій человекъ не безъ дарованія и владѣетъ недурно языкомъ; какъ первый литературный опытъ, *Дневникъ сельскаго учителя*, конечно, можетъ обратить на себя вниманіе, но не болѣе, какъ опытъ“. Въ томъ же году (т. 36, № 12, стр. 273—266), рассказавъ содержаніе *Искушенія*, Новый Поэтъ призналъ умъ и похвалилъ языкъ автора, но замѣтилъ, что „повѣсти г. Крестовскаго—благородныя и умныя диссертациі въ повѣствовательной формѣ“. Въ 1853 г. (т. 40, № 7, стр. 87—88) по поводу романа Крестовскаго *Кто-жъ остался доволенъ?* рецензентъ признавалъ „несомнѣнный талантъ автора“. Въ слѣдующемъ году (т. 46, № 7, стр. 65—66) онъ называлъ *Испытаніе* „прекрасною“ повѣстью и нашелъ въ ней умныя характеристики, и вслѣдъ затѣмъ (№ 8, стр. 142—143) замѣтилъ, что *Испытаніе* принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ послѣдняго времени, и выразилъ желаніе, чтобы произведенія съ такимъ умомъ, съ такимъ литературнымъ тактомъ и, главное, съ такимъ благороднымъ направленіемъ чаще появлялись въ нашей литературѣ“. Въ 1855 г. критикъ *Современника* (т. 53, № 9, стр. 62—64) былъ неудовлетворенъ повѣстью *Фразы*, хотя и нашелъ, что она написана „прекраснымъ“ слогомъ. Въ слѣдующемъ году въ *Современникѣ* (т. 56, *Замѣтки о журнализмѣ*, стр. 228—231) по поводу *Послѣднiо дѣйствiа комедiи* было сказано: „Еслибъ въ повѣстяхъ г-жи Крестовской было бы поменьше „кляжности“ и побольше жизни, онѣ поспорили бы съ лучшими произведеніями новѣйшей литературы. Резонерство и умъ, переходящій въ умничанье,—вотъ коренной ихъ недостатокъ, гѣмъ болѣе важный, что, благодаря ему, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, повѣсти г-жи Крестовской—*стучны*. Послѣ первыхъ своихъ не совсѣмъ удачныхъ литературныхъ дебютовъ она замѣтно развивается и идетъ впередъ“. Въ *Пантеонѣ* 1854 г. (т. 16, стр. 1—11) появился одобрительный отзывъ о всей литературной дѣятельности Хвоцинской, какъ романистки. Наконецъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1859 г. (№ 5, стр. 102—112) была напечатана вполнѣ сочувственная рецензія по поводу шестатомнаго изданія *Романовъ и повѣстей* В. Крестовскаго.

священы исключительно изображенію жизни провинціального общества со всѣми его мрачными сторонами. Авторъ со вниманіемъ останавливается на положеніи старой дѣвы въ провинціальной семьѣ, на семейномъ деспотизмѣ, гнетущемъ дѣтей, на униженіи и забитости, вызываемой бѣдностью и нищетой, на важной роли сплетни въ провинціальномъ обществѣ. Мѣстами являются скромные намеки и на главную основу всего провинціального строя—крѣпостное право. Особнякомъ стоитъ *Баритонъ*, въ которомъ изображенъ семинарскій бытъ. Произведенія Хвоцинской имѣли большой успѣхъ среди провинціальной публики. «Когда мы были еще оганчивающими курсъ гимназистами,—говоритъ г. Боборыкинъ,—повѣсти Хвоцинской жадно читались въ провинціи, больше женщинами, чѣмъ мужчинами» *). Подтвержденіемъ словъ г. Боборыкина служить, между прочимъ, то, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ одна горячая поклонница произведеній В. Крестовскаго затѣяла съ авторомъ продолжительную переписку, принимая его за мужчину (мистификація была первоначально поддержана самою Н. Д.); потомъ Хвоцинская старалась вывести изъ заблужденія свою корреспондентку, но это не сразу ей удалось.

Содержаніе произведеній Хвоцинской этого времени оставалось почти исключительно въ предѣлахъ семейной жизни провинціи. Когда она пыталась выступать за эти предѣлы, ей, какъ и многимъ другимъ писателямъ, приходилось сталкиваться съ цензурными препятствіями. Такъ, относительно второй повѣсти Н—ы Д—ы *Сельскій учитель*, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ 1850 году, г. Зотовъ свидѣтельствуетъ, что «надъ нею порядочно потрудился цензоръ... Фрейгангъ, человекъ... неуступчивый, подозрительный, враждебно относившійся ко всякому выраженію, сколько-нибудь выходявшему изъ общепринятаго, рутиннаго литературнаго языка». Нѣкоторыя исключенія были сдѣланы и въ повѣсти *Искушеніе* (1852 г.). На письмо Краевскаго, гдѣ онъ говоритъ объ *Искятаніи*, Н. Д. писала ему 20 августа 1854 г.: «Меня не удивила благосклонность цензора; если онъ и предполагалъ во мнѣ когда-нибудь желаніе перевернуть челоуѣчество моими романами, то убѣдился, наконецъ, что они не могутъ совершить такого подвига. Хотя это убѣжденіе пришло нѣсколько поздно, но я никогда не сомнѣвалась, что оно придетъ, и потому не удивляюсь ему теперь». 10 марта 1856 г. Хвоцинская писала Краевскому: «Новость о необыкновенномъ милосердіи цензора къ третьей части моего романа (*Последнее дѣйствіе комедіи*), конечно, поразило меня, но пріятнымъ образомъ, какъ явленіе утѣшительное для всѣхъ. Вы удивлены имъ и даже приписываете близости свѣтопреставленія, а я нахожу, что, литературно, свѣтопреставленіе уже началось, потому что многое, что было тайнымъ и пряталось по портфелямъ, становится явнымъ... Если бы я узнала, что конецъ міра близокъ, иначе бы кончила свой романъ и выбрала бы другіе ужасы болѣе въ духѣ времени и провинціи, нежели тѣ, которые позволила себѣ, не надѣясь на цензуру, и которыми я сама менѣе всѣхъ довольна».

*) *Новости* 1889 г. № 189.

Но радость Н. Д. по поводу измененія положенія печати была преждевременна: ея романъ *Баритонъ*, напечатанный въ слѣдующемъ году, особенно пострадалъ въ цензурномъ отношеніи: онъ былъ отправленъ въ духовную цензуру и подвергся огромнымъ урѣзкамъ (которыя въ изданіи 1859 г. *Повѣстей и романовъ* В. Крестовскаго были въ значительной степени, а въ изданіи 1880 г. окончательно восстановлены). Въ ноябрѣ 1857 г. Хвоцинская писала Браевскому изъ Рязани: «Предчувствіе не обмануло меня: духовныя лица придрались къ случаю сказать что-нибудь за себя, въ свою пользу; чувства совершенно извинительныя! За нѣсколько дней до полученія вашего письма я узнала черезъ одного изъ «баритоновъ», что мой романъ проходитъ мытарства духовной академіи. Признаюсь, это меня поразило: я ждала окончательнаго запрещенія всего. Я знала тоже, что нѣкто г. Барповъ трудился надъ исправленіемъ сего нечестиваго произведенія. Труды его, которые, спасая мой романъ, вы отвергли, вѣроятно, у васъ. Позвольте убѣдительноше просить васъ сохранить и при свиданіи отдать мнѣ эти любопытныя и драгоценныя для меня произведенія; я считаю ихъ нѣкоторымъ образомъ моею собственностью, потому что они должны бы были считаться моими въ глазахъ читателей. Вы говорите, что конецъ не подвергся почти никакимъ измѣненіямъ; этого я уже рѣшительно не постигаю, если нашиа къ чему придраться въ серединѣ».

Намъ случилось видѣть часть корректурныхъ листовъ этого произведенія (десять формъ), въ которыхъ приблизительно *пята* часть перечеркнута красными цензурскими чернилами, не считая болѣе мелкихъ исключеній и передѣлокъ. Былъ исключенъ, между прочимъ, рассказъ семинариста о томъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на танцы на публичномъ гуляньи и о томъ, какъ затѣмъ нѣкоторые семинаристы танцевали другъ съ другомъ, повѣствованіе о мрачныхъ сторонахъ семинарской жизни, о печальномъ и зависимомъ положеніи сельскаго священника и т. п. Кроме исключеній цѣлыми столбцами, цензоръ посягнулъ и на множество отдѣльныхъ фразъ и выраженій: такъ, вмѣсто словъ «старая нягня», цензоръ написалъ: «какая-нибудь старуха», вмѣсто: «сельская поповна», было написано: «въ селѣ выросла». Нецензурными оказывались такія выраженія: «другу и недругу заказываю идти жить въ эти важные дома», «я до баричей тоже не большой охотникъ» и т. п. *). И все это продѣлывалось въ 1857 году! Мы видимъ, такимъ образомъ, что, нападая на мертвенность журналистики въ извѣстныя эпохи, на узкость кругозора нѣкоторыхъ писателей, приходится считаться и съ тѣми условіями, въ которыхъ находилась тогда литература.

Кромѣ романовъ и повѣстей, Хвоцинская въ концѣ пятидесятыхъ го-

* Со всеми этими измѣненіями и исключеніями и былъ напечатанъ романъ Хвоцинской въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Только однажды, когда, зачеркнувъ два столбца, цензоръ написалъ, вмѣсто нихъ, свое собственное измышленіе, Краевскій его отвергъ и предпочелъ, вмѣсто всего этого, напечатать: „Гости и хозяйка разошлись недовольные другъ другомъ“ (*Отечественныя Записки* 1857 г., т. 115, № 11, стр. 271).

довъ печатала и стихотворенія. Въ *Иллюстраціи* 1858—59 гг., издававшейся подъ редакцію В. Р. Зотова, было напечатано девять ея стихотвореній (4 подъ заглавіемъ *Новыя тѣсни* и 5 подъ заглавіемъ *Кладбище*). Приведемъ изъ одного изъ нихъ отрывокъ, любопытный для характеристики міросозерцанія автора:

„И мнилось мнѣ: блаженъ, кто жизнь свою
Могъ посвятить служенію высшей дѣли,
Передъ людьми, одинъ, въ тиши, въ бою,
Въ желаньи, мысли, въ словѣ или въ дѣлѣ,
Чьи дни полны труда, борьбы, заботъ,
А ночи думъ, восторженной тревоги,
Кто не одной своей, а жизнью всѣхъ живетъ,
Кому горитъ столбъ огненный въ дорогѣ“ *).

Въ 1859 г., при посредствѣ А. А. Краевского, было издано собраніе сочиненій В. Крестовскаго въ шести томахъ (7 и 8 томы были изданы въ 1866 г.). Изданіе расходилось довольно туго *), но это не уменьшило энергіи въ трудѣ неутомимаго автора. Въ 1860 г. появились въ печати слѣдующія произведенія Хвоцинской: *Встрѣча* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*), *Сцены для дѣтскаго театра* (въ *Иллюстраціи*), романъ *Въ ожиданіи мучшаго* (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*); въ 1861 г.: *Пансіонерка* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*); въ 1862 г.: *Стоячая вода* (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*) и *За стѣной* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*); въ 1864 году: *Старый портретъ, новый оригиналъ* (въ *Библіотекѣ для Чтенія* подъ редакцію г. Боборыкина) и *Домашнее дѣло* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*) и тамъ же въ 1861—64 гг. рядъ критическихъ статей, въ томъ числѣ восемь *Провинціальныхъ писемъ о нашей литературѣ*; въ 1865 году *Недавнее* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*) и равные переводы; въ 1866 году въ *Голосѣ* фельетонъ *Заграничная жизнь*; въ 1868 г. *Два памятные дня* въ *Отечественныхъ Запискахъ*, уже подъ новою редакціей Некрасова *); въ 1869 году одно изъ лучшихъ произведеній Хвоцинской—*Первая борьба* (въ томъ же журналѣ).

Съ увеличеніемъ литературной извѣстности Хвоцинской значительно возросли ея заработки. Въ 1860 году редакція *Отечественныхъ Записокъ* платила ей по-старому, 50 руб. съ листа, но въ томъ же году за свой романъ *Въ ожиданіи мучшаго* Хвоцинская получила отъ редакціи *Русскаго Вѣстника* сторублевый полистный гонораръ, также какъ и за напечатанную нѣсколько позднеѣ въ томъ же журналѣ повѣсть *Стоячая*

*) *Иллюстрація* 1859 г., № 52.

*) Въ три года было продано около 800 экземпляровъ; остальные 1,500 экземпляровъ были проданы въ 1862 году Глазунову по 55 коп. за шеститомный экземпляръ; такъ какъ половина чистаго барыша шла печатавшей издачіе типографіи, то Хвоцинская получила за него лишь около 400 руб.

*) Въ декабрь 1867 г. Некрасовъ написалъ Хвоцинской, что онъ „за особенную честь почтеть, если она останется къ журналу въ прежнихъ отношеніяхъ“, на что она отвѣчала, что таково и ея желаніе.

вода. Это заставило редакцію *Отечественныхъ Записокъ* повысить гонораръ Хвоцинской до 65 руб. *), а въ 1863 году до 75 руб. съ листа за ея беллетристическія произведенія (за критическія статьи ей платили по 50 руб.); за произведеніе, напечатанное въ 1864 г. въ *Библиотекъ для Чтенія*, Хвоцинская получила, также какъ и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, по 100 р. съ листа.

Хвоцинской не только платили въ *Отечественныхъ Запискахъ* меньшій гонораръ, чѣмъ въ другихъ журналахъ, но еще иной разъ она по цѣлымъ мѣсяцамъ не могла получить аванса, въ которомъ ей случалось крайне нуждаться. Такъ было въ 1863 г., когда, затративъ значительныя суммы на изданіе *Голоса* и устройство собственной типографіи, Браевскій жаловался на безденежье. 29 октября 1863 г. Хвоцинская написала слѣдующее письмо Дудышкину, изъ котораго мы приводимъ значительныя отрывки, такъ какъ оно прекрасно характеризуетъ ея литературную честность. Измѣнившееся направленіе *Русскаго Вѣстника* было настолько несимпатично Н. Д., что она не считала возможнымъ долѣе сотрудничать въ этомъ журналѣ, несмотря на болѣе выгодныя денежныя условія. Извѣщая Дудышкина объ окончаніи ею небольшой повѣсти, Хвоцинская напомнила, что ея сестра Софья Дмитріевна, отправляя свой романъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, просила выслать ей впередъ половину гонорара. Просьба эта была потомъ трижды повторена и не была исполнена. «У меня еще разъ надняхъ просили повѣсти въ *Русскій Вѣстникъ*, — продолжаетъ Н. Д. — Вотъ два дня, какъ у меня лежитъ готовая вещь, и если я рѣшусь отдать ее, всѣ наши затрудненія могутъ быть кончены въ недѣлю. Но рѣшиться я не могу. Такъ не могу, что, — говорю вамъ откровенно, со всею увѣренностью въ вашей хорошей дружбѣ, — не знаю и не могу придумать что-нибудь для себя тяжелѣе этого

*) Вотъ характерное письмо Краевскаго къ Хвоцинской по этому поводу: „Мы знакомы съ вами не день, не два, — писалъ онъ 26 марта 1861 года, — печатаемся также не со вчерашняго дня. Съ *Дневника сельскаго учителя* много прошло времени и многое перемѣнилось. Перемѣнились даже и взаимныя ваши отношенія — сдѣлались (я вполне увѣренъ) крѣпче, дружественнѣе. Позвольте же предложить вамъ перемѣну и въ денежныхъ счетахъ нашихъ. Счеты эти во время оно выражались цифрою 40 за листъ, потомъ перешли на 50: пора и этой цифрѣ измѣниться. Вы печатали въ другихъ журналахъ и получили больше, — не знаю, сколько именно, но больше (изъ письма къ нему Хвоцинской въ предъидущемъ году Краевскому было известно, что ей заплатили въ *Русскомъ Вѣстникѣ* по 100 руб. за листъ). За что же *Отечественныя Записки* будутъ причинять вамъ убытокъ? Такъ разсуждалъ я самъ съ собою и пришелъ къ заключенію, что съ 1861 г. слѣдуетъ измѣнить установленную цифру“. Извѣщая далѣе, что за *Пансіонерку* онъ произвелъ расчетъ по 65 руб. за листъ, Краевскій „убѣдительно“ просилъ Н. Д. „сказать откровенно, достаточна ли эта цѣна. Повторяю, наши отношенія не таковы, чтобы церемониться. Я знаю, что вамъ некогда дѣлать срочныя обязанности; банки также не обременены вашими капиталами; слѣдственно, вы поступили бы нерасчетливо, если бы захотѣли церемониться, а для меня поступили бы оскорбительно, не довѣряясь моей дружбѣ. И такъ, прошу васъ сказать прямо, хорошо я поступилъ или нѣтъ, т.-е. скажите просто: надо прибавить столько-то — и я вышлю недосланное“. Н. Д. благодарила за увеличеніе платы и написала, что никогда не предлагала своихъ условій.

рѣшенія... Отдавая туда свою работу, я поступлю противъ совѣсти. Этого со мной никогда не случалось. *Русскій Вѣстникъ* прошлыхъ годовъ былъ не то, что теперь, и я не могу вообразить своихъ строкъ на его страницахъ. Я рѣшилась еще писать къ вамъ. Помогите мнѣ не идти противъ совѣсти... Скажите еще разъ Краевскому. Спросите его, можетъ ли онъ выслать *этими днями*—деньги, которыя просила сестра, и прислать мнѣ столько же въ теченіе ноября?... Ждать для меня большое затрудненіе, но, такъ и быть, я жду; это легче, нежели отдавать свою работу въ *Русскій Вѣстникъ*, когда для меня тяжело объ этомъ подумать... Признаюсь, я вамъ пишу въ какомъ-то чаду, а нынѣшній вечеръ и вовсе голова идетъ кругомъ^{*)}. Письмо это должно быть весьма поучительно для тѣхъ нынѣшнихъ молодыхъ писателей, которые, даже не изъ нужды, а просто по безпринципности готовы участвовать въ органахъ, совершенно не соотвѣтствующихъ ихъ взглядамъ.

Во все десятилѣтіе шестидесятыхъ годовъ Н. Д. заработала литературнымъ трудомъ около 9,000 руб., т.-е. средній годовой ея заработокъ въ теченіе этого времени равнялся почти 900 руб., слѣдовательно, былъ вдвое болѣе, чѣмъ въ пятидесятые годы. Въ первую половину шестидесятыхъ годовъ до своей смерти въ 1865 году много зарабатывала и Софья Дмитриевна (Весеньевъ-псевдонимъ).

Изъ произведеній Хвоцинской первой половины шестидесятыхъ годовъ нельзя не остановиться на повѣсти *Пансіонерка*, напечатанной въ 1861 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* (№ 3). Это талантливое произведеніе любопытно потому, что здѣсь Крестовскій-псевдонимъ одинъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ изображаетъ типъ юнаго отрицателя, съ одной стороны, а съ другой—изображаетъ дѣвушку, добившуюся самостоятельности и живущую своимъ трудомъ. Дѣйствіе большей части повѣсти происходитъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ провинціальномъ городѣ. Ея героиня, 15—16-ти лѣтняя дѣвочка, растущая въ совершенно первобытной чиновничьей семьѣ, учится въ пансіонѣ и усердно готовится къ экзаменамъ. Въ сосѣднемъ домѣ живетъ герой повѣсти Веретицынъ, кандидатъ университета, посланный въ этотъ городъ административнымъ порядкомъ за вредное направленіе и опредѣленный на службу канцелярскимъ писцомъ на 6 руб. жалованья, хотя до этого онъ былъ уже два года учителемъ въ Москвѣ. Онъ видитъ, съ какимъ усердіемъ въ сосѣднемъ саду дѣвочка зубритъ нигуда негодные учебники, ему становится досадно, и онъ начинаетъ бесѣдовать съ нею черезъ плетень сада:

„Право, я вамъ позавидовалъ: такъ прилежны! Воскресный день, вечеръ чудесный, а вы, не поднимая головы, твердите, твердите. Неужели всегда такъ?“—Дѣвочка объясняетъ, что готовится къ экзаменамъ и что ея родителямъ очень хочется, чтобы она перешла въ старшій классъ съ наградою и перегнала всѣхъ подругъ.—„И тогда маменька и маменька купятъ вамъ соломенную шляпку съ розаномъ, бѣленькій бурнусъ и нове-

^{*)} Дудинкинъ успѣшилъ дать знать, что деньги Софья Дмитриевна только что иссланы, а самой Н. Д. будутъ высланы вскорѣ.

дуть васъ на гулянье?"—пронизываетъ Веретицынъ. Пансіонерка негодуешь: она хлопочетъ вовсе не изъ-за этого.—„Я сказала это потому,—равнодушно возражаетъ Веретицынъ,—что, предполагая, вашему папенькѣ и маменькѣ будетъ очень пріятно показывать всѣмъ свою милую дочь, которая доставила имъ такое удовольствіе; они сдѣлають это для самихъ себя, а не для васъ... Вотъ теперь вы замѣните ихъ для меньшихъ дѣтей: вы для нихъ учитель, вы для нихъ будете хороши, для нихъ будете веселы; все это для удовольствія вашего папеньки и маменьки. Я это такъ понимаю, что не дѣлаю вамъ даже комплиментъ, что вы прекрасная, покорная, нѣжная дочь; вы только исполняете вашъ долгъ. Поступайте всегда такъ... Живите всегда вполне для вашихъ папеньки и маменьки. Слушайте, когда это имъ угодно, морите себя надъ книгой, надъ работой, надъ чѣмъ случится, выставляйтесь на-показъ, когда они васъ выставляютъ,—это ихъ воля, это имъ пріятно, вы—ихъ собственность. Вы не просили у нихъ родиться, вы не въ правѣ просить жить такъ, какъ вамъ самимъ вздумается. Когда я говорилъ о новой шляпкѣ, я думалъ только, какъ ваша маменька будетъ по своему вкусу выбирать ее для васъ, и хотѣлъ замѣтить вамъ, чтобъ вы не спорили при выборѣ: это радость маменьки—не мѣшайте ей. А что васъ поведутъ въ публику, то, конечно, для того, чтобъ папеньки и маменьки тѣхъ подружъ вашихъ, которыхъ вы перегоните, смотрѣли и завидовали, затѣмъ Господь не послалъ и имъ такихъ же дочерей“...

На другой день Веретицынъ объясняетъ пансіонеркѣ, что учебники, которые она такъ усердно зубрить, наполнены совершеннымъ вздоромъ:

„Я, точно, самъ когда-то твердилъ это,—говоритъ онъ,—указывая на какую-то несчастную реторику,—видѣлъ, какъ твердили другіе,—не случилось еще замѣтить, чтобъ это на что-нибудь пригодилось, но, вѣдь, я могу и ошибиться. Скука сама по себѣ вещь полезная: человекъ тупѣетъ и дѣлается тихъ—это хорошо. Въ прописяхъ написано: „будь кротокъ, тихъ, скромнѣе и меньше говори“... дальше не помню, но мораль отличная, покойная; все тихо, да гладь—Божья благодать... Вы учите наизусть чешуху, не брезгайте, такъ надо. Въ другой книжкѣ у васъ написано, что такой-то и такой-то былъ великій человекъ—и вѣрьте; не смѣйте соображать ничего, а то неравно поймете, что одинъ великій былъ самодуръ, другой—негодяй, третій—потому безгрѣшенъ, что согрѣшить не подвернулось случая“.

Затѣмъ Веретицынъ далъ пансіонеркѣ прочесть *Ромео и Джульетту*... Все услышанное дѣвочкою было для нея такъ ново и произвело такое сильное впечатлѣніе, что она потеряла способность заниматься и провалилась на экзаменахъ. Когда вслѣдъ затѣмъ родители задумали выдать ее замужъ за какого-то противнаго канцелярскаго чиновника, она рѣшила во что бы то ни стало добиться свободы и написала теткѣ въ Петербургъ; та взяла ее къ себѣ и дала возможность докончить образованіе. Черезъ восемь лѣтъ Веретицынъ встрѣчаетъ бывшую пансіонерку въ Эрмитажѣ, гдѣ она работаетъ надъ копіями, продажей которыхъ и добываетъ самостоятельный кусокъ хлѣба. Между прочимъ, она говоритъ своему прежнему пріятелю: «Вы не знаете, что я васъ любила? Да, какъ никогда потомъ! Я поняла, какое это любовь, какъ она заставляетъ смотрѣть глазами другаго, исчезать предъ волей другаго. Я никогда не полюблю,—некогда, глупо»... «Я поклялась, что не дамъ никому власти надъ собою, что не буду служить этому варварскому старому закону ни примѣромъ, ни словомъ... Напротивъ, я говорю всѣмъ: дѣлайте, какъ я, освобождайтесь всѣ, у кого есть руки и твердая воля! Живите одни, вотъ жизнь: работа, знаніе и свобода...

— «А на долю сердца что останется?»—спросилъ тихо Веретицынъ».

Этотъ послѣдній вопросъ показываетъ, что тотъ, кому прежняя пансіонерка обязана первымъ толчкомъ къ самостоятельности, не сочувствуетъ ей новой, жизненной программѣ. Дѣйствительно, онъ утомленъ и разбитъ годами ссылки, онъ еще не освободился отъ прежней несчастной любви и идеализируетъ предметъ этой любви: дѣвушка, въ которую онъ былъ безнадежно влюбленъ, вышла замужъ безъ любви, по желанію матери, чтобы дать ей спокойный уголъ передъ смертью. Авторъ, очевидно, не считаетъ нормальнымъ ни то, ни другое рѣшеніе двухъ героинь повѣсти, но, повидимому, все-таки, предпочитаетъ самопожертвованіе одной—самостоятельной, эгоистичной жизни, которую ведетъ другая *). Повѣсть эта въ высшей степени замѣчательна и по тому таланту, съ которымъ она написана, и еще болѣе тѣмъ, что авторъ такъ рано счѣмъль подмѣтить тѣ новыя теченія среди молодежи, которыя потомъ были не разъ предметомъ изученія нашихъ беллетристовъ.

Повѣсть эта привела въ восторгъ редакцію *Отечественныхъ Записокъ*. Краевскій написалъ Хвощинской: «много бы хотѣлось поговорить съ вами объ этой повѣсти (по-моему, лучшей изъ всего лучшаго вами писаннаго)». Дудышкинъ въ письмѣ къ Хвощинской (2 марта 1861 г.) говоритъ о *Пансіонеркѣ*: «Прочелъ ее и восхитился внутреннею и задушевною правдой этого произведенія. Совершенно справедливо, что никакими практическими дѣлами, никакими великими идеями—если станешь потомъ ими жить—не залечишь первыхъ ранъ помятаго сердца. А мнуть его сильно условія нашей жизни. Рисуй, читай лекціи, устройвай воскресныя школы, что хочешь дѣлай,—а стертую свѣжесть чувствъ не найдешь. Очень, очень хорошо на мой взглядъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дудышкинъ сообщилъ автору и тѣ толки, которые возбудила повѣсть: «Всѣ очень хвалятъ *Пансіонерку*, и всѣ недовольны концомъ. Это меня сердило, и въ спорахъ я узналъ, что конецъ повѣсти понять былъ совершенно иначе. То-есть что вы желали изобразить идеаль женщины трудящейся и современной. Какъ ни смѣшно это, однако, я долженъ былъ перечитать конецъ и нашелъ, что, дѣйствительно, его можно было очень и очень развить. И если вы когда-нибудь этимъ воспользуетесь,—будете имѣть блестящій успѣхъ. Мнѣніе публики всегда годится на что-нибудь, если даже она и не пойметъ произведенія».

Такимъ образомъ, и Дудышкинъ считаетъ, что сочувствіе автора не на сторонѣ дѣвушки, добившейся самостоятельности. Какую мораль выводилъ самъ авторъ изъ своего произведенія, видно изъ письма Хвощинской къ пріятельницѣ (1865 г.): «Можно, какъ я говорила въ *Пансіонеркѣ*, бросить глупыхъ и жестокихъ родныхъ, отказаться отъ привязанностей, за-сѣсть за работу, но это будетъ живнъ въ половину, уже однимъ этимъ ненормальная и представляющая свои печали и свои неудобства. По-моему,

*) *Повѣсти В. Крестовскаго* (псевдонима), т. I, 1890 г., стр. 205—206, 213—214, 315, 322—323.

всякій разрывъ уже есть печаль, неудобство, разстройство, а не устройство быта или общества».

Другая повѣсть Хвоцинской *За стѣною*, написанная въ 1862 г., также привела въ восхищеніе Дудышкина; въ письмѣ къ Н. Д. онъ назвалъ ее «безподобнымъ, мастерскимъ рассказомъ»; по его мнѣнію, «этакую вещь хоть бы и Тургеневу написать, такъ впору». Совершенно неожиданно это, дѣйствительно превосходное, изображеніе чисто-личной драмы встрѣтило цензурныя препятствія. «*За стѣною* немножко застряло въ цензурѣ,—писалъ автору Краевскій 15 октября 1862 г.,—но я надѣюсь вырвать рассказъ съ неповрежденною основною его мыслью... Я представилъ его министру, который совершенно одобрилъ ее,—велѣлъ цензурному комитету только смягчить нѣкоторыя выраженія, могущія подать поводъ святымъ отцамъ придратъ къ фразамъ, но оставивъ основную мысль. Какъ все это выйдетъ, еще не знаю». Подробнѣе говорить объ этомъ дѣлѣ другой редакторъ *Отечественныхъ Записокъ*. «Представьте,—писалъ Хвоцинской Дудышкинъ 26 октября,—что изъ вашей повѣсти цензура сдѣлала чуть не цензурный вопросъ. Бекетову дѣлаетъ особенную честь (его глубокомыслию) то, что онъ понялъ изъ повѣсти, будто вы доказываете совершенную необходимость брака, и освирипѣлъ: «И попъ не нуженъ, и бракъ не нуженъ...—Да кто-жь это можетъ пропустить»? Принуждены были толковать Головинну (министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго состояла тогда цензура), что повѣсть доказываетъ противное и что эти отговорки могутъ употреблять только люди, которые влусили запретный плодъ, а тягостей нести не хотятъ. Пропустилъ съ измѣненіемъ двухъ-трехъ фразъ. Вотъ мы до чего дошли» *).

Крайне преувеличенныя опасенія цензуры были послѣдствіемъ того настроенія, о которомъ Краевскій сообщалъ Хвоцинской въ письмахъ отъ 10 іюня 1862 г. и 22 августа того же года...

При такомъ положеніи печати, когда даже вполне невинная въ цензурномъ отношеніи повѣсть Хвоцинской *За стѣною* восходила на разсмотрѣніе министра, приходилось поневолѣ избѣгать темъ, острыхъ въ

*) Въ этомъ же письмѣ Дудышкинъ убѣждалъ Хвоцинскую отказаться отъ избраннаго ею псевдонима: В. Крестовскій, въ виду помянута писателя съ такою же настоящею фамиліею: „Господи, — писалъ онъ Н. Д.,—какъ бы вамъ измѣнить этотъ неавѣстный псевдонимъ... Какъ нарочно, теперь вышелъ на сцену съ своими неприличными и не для дамъ писанными стихами истинный В. Крестовскій, и, за исключеніемъ знающихъ литераторовъ, васъ смѣиваются! Почувствуйте теперь силу этой мерзости. Въ Рязани вы теперь не секретъ, чего жъ вы больше бонтесть? Имя себѣ составили, такъ и покажите его публикѣ“... Въ письмѣ отъ 5 марта 1865 г. Дудышкинъ вновь возвращается къ этому вопросу: „Романъ вашъ (*Недалеко*) хвалить и хвалить. Требуется, чтобы вы сбросили вашъ псевдонимъ, но на это я отвѣчаю, что всѣ мои попытки рушились, безнадежно разбиты, и я къ нимъ возвращаться не смѣю. Анненковъ, Гончаровъ, Боткинъ просили меня уговорить васъ... но я уговаривать не стану, ибо этимъ преимущественно вы намѣрены выказатъ, что вы женщина съ жалкими характеромъ. Такъ я васъ разукмѣю“.

цензурномъ отношеніи, и оставаться въ предѣлахъ провинціальной жизни, по большей части, дореформенной эпохи. За сюжеты изъ современной жизни трудно было братья и по другимъ причинамъ: «Передъ всѣмъ, что дѣлается,—писала Краевскому Хвоцинская 16 іюня 1862 г.,—беллетристика вѣшаетъ голову: покуда не ея время. Прошедшее поблѣднѣло, настоящаго не схватишь» *).

III.

Критическія статьи Хвоцинской первой половины шестидесятихъ годовъ. — Жизнь въ Рязани и поѣздки въ Петербургъ. — Тогдашній взглядъ Хвоцинской на молодежь шестидесятихъ годовъ.

Въ 1861 году Дудышину пришла мысль привлечь Хвоцинскую къ участию въ *Отечественныхъ Запискахъ* не только въ качествѣ беллетриста, но и въ новой для нея роли критика. 2 ноября онъ писалъ ей: «Читай ваши благодарственные строки на мои замѣчанія о романѣ Софьи Дмитриевны, я подумалъ: и въ самомъ дѣлѣ было бы лучше, если бы мы дружески и прежде начали дѣлать замѣчанія на наши произведенія... А если, продолжалъ я думать, мы будемъ сообщать другъ другу свои мысли о разныхъ произведеніяхъ своихъ собственныхъ и иногда чужихъ, то отчего-жь бы Надеждѣ Дмитриевнѣ и Софьѣ Дмитриевнѣ не писать этихъ замѣтокъ такъ, чтобы ихъ можно было и *печатать*? Въ вашъ и вашей сестрицы тактъ я вѣрю нисколько не меньше, чѣмъ въ свой собственный... Однимъ словомъ, я дошелъ до того свѣтлаго наитія, что вы и Софья Дмитриевна будете писать въ редакцію *Отечеств. Записокъ—Провинціальныхъ писемъ* о русской литературѣ. Вашъ это легко, потому что вы читаете всѣ повѣсти и романы; чего не читаете, то прочтете. Для васъ это необходимо, какъ для писательницы... Вы выберите другой псевдонимъ (мужской, разумѣется) и подъ этимъ псевдонимомъ выступите на другую литературную арену. Для васъ это необходимо еще вотъ почему: творчество на заказъ не дается, а разнообразіе дѣятельности необходимо. Насколько это будетъ для васъ самихъ полезно, какъ провѣрка умомъ того, что дѣлаетъ фантазія, и говорить нечего. Вы это лучше меня знаете. Чувствую самъ, что мнѣ пришла блестящая идея!» Надежда Дмитриевна приняла предложеніе и вслѣдъ затѣмъ начала рядъ критическихъ статей (*Провинціальныя письма о нашей литературѣ*) подъ псевдонимомъ Порѣчниковъ. Вскорѣ появилось ея первое письмо, въ которомъ она характеризуетъ отношеніе къ современной русской литературѣ провинціальныхъ читателей **).

*) Любопытно еще одно шутовское письмо Н. Д. къ Краевскому того же времени (10 ноября 1862 г.): «Съ новаго года, сдавъ свой романъ въ *Отечественныя Записки*, приношу покаяніе, измѣнилъ правъ свой и пишу у Аскоческаго. Причина тому слѣдующая: особа, облеченная самыми высшимъ духовнымъ салономъ, писемно предупреждаетъ меня, дабы я „не присоединяла моего голоса къ водъ духовъ тьмы“. Тутъ ужъ больше дѣлать нечего”...

***) 3 января 1862 года Дудышкинъ писалъ ей: „Провинціальное письмо о русской

характеристики взглядовъ Н. Д. Хвощинской въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ мы считаемъ необходимымъ остано­виться какъ на *Провинциальныхъ писемъ*, такъ и вообще на ея критическихъ статьяхъ, печатанныхъ въ то время въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Общій взглядъ автора на назначеніе литературы выражается въ слѣдующемъ отзывѣ о теоріи «искусство для искусства»: «Проповѣди этой теоріи всегда казались намъ полусоннымъ посвистываніемъ барича, который, пріятно пообѣдавъ, сидя у камина, слушаетъ далекий скрипъ промерзшаго обоза. Надѣмся, что такое опредѣленіе теоріи опредѣляетъ и отношеніе къ ней. Жизнь, хотя бы и обыденная, съ ея радостями и невзгодами, мелкими величіями и важными мелочами, хотя бы и наша провинціальная, *но жизнь съ ея внутреннею стороною*,—вотъ, по нашему мнѣнію, задача художника, вотъ что онъ долженъ схватывать, угадывать и переносить въ искусство! Но какія черты жизни могутъ перейти въ искусство, что именно долженъ брать и на чемъ остано­виться художникъ—это дѣло его собственнаго обсужденія, чувства и такта. На это есть и великіе руководители». Въ другой статьѣ, по поводу одной повѣсти Кохановской, Хвощинская говоритъ: «Въ наше время такъ же нужны дѣятели, какъ и таланты, въ наше время тяжело *) даже, когда талантъ остается просто художникомъ, не принимающимъ участія въ общественной работѣ; но, когда этотъ талантъ берется за работу и тянетъ ее назадъ, этому чувству **) нѣтъ довольно сильнаго опредѣленія. Идеи, проводимыя писателемъ, составляютъ его направленіе, и онъ его не скроетъ, какъ бы ни отговаривался» ***). Протестуя такимъ образомъ противъ теоріи «искусство для искусства», требуя отъ писателей беллетристовъ опредѣленнаго направленія, авторъ считаетъ образцомъ литературной критики Бѣлинскаго: это, по ея словамъ, «вѣчный и нашъ единственный примѣръ...учитель цѣлой школы»****).

Посмотримъ, какъ относилась въ то время Хвощинская къ нѣкоторымъ

литературѣ Порѣчичкова напечатано и явится въ декабрьской книжкѣ (1861 г.). „Такъ и скажете этому господину, Надежда Дмитриевна. Я хотѣлъ бы писать ему и сдѣлать такое замѣчаніе. Онъ очень деликатничаетъ для редактора. Критикъ долженъ быть иногда грубъ, а преимущественно называть имена и сочиненія авторовъ, которыхъ разумѣетъ, чтобы не выходило намековъ на лица неподлежащаго вѣдомства“. Далѣе онъ говоритъ, что „провинціальное мнѣніе о разныхъ литературныхъ вопросахъ“ показалось ему, „какъ столичному жителю... и интересно, и полезно, и ново“.

*) Редакція вмѣсто этого поставила: „грустно“.

***) Редакція поправила: „этой печали“.

****) В. Порѣчичковъ (псевдонимъ Н. Д. Хвощинской): „Провинціальныя письма о нашей литературѣ“. *Отеч. Зап.* 1861 г. № 12, стр. 130; 1862 г., № 2, стр. 374.

*****) *Провинціальныя письма. Отеч. Зап.* 1862 г., № 11, стр. 50. Идеямъ Добролюбова, по свидѣтельству г. Боборыкина, Н. Д. тогда мало сочувствовала (*Новости* 1869 года, № 189). Хвощинская въ своихъ статьяхъ настоятельно требуетъ тщательной обработки художественныхъ произведеній. Сама относясь съ величайшею добросовѣстностью къ техникѣ художественнаго творчества, она преслѣдовала небрежность работы нѣкоторыхъ современныхъ беллетристовъ и не разъ возвращалась къ этой темѣ въ своихъ *Провинциальныхъ писемъ*.

выдающимися нашимъ писателямъ. Мы не замѣчаемъ еще въ ней тогда той раздражительности въ отзывахъ о Тургеневѣ, которая постоянно сказывалась впоследствии и въ печатныхъ статьяхъ, и въ разговорахъ Над. Дм. Упомянувъ о *Дворянскомъ мнѣдѣ*, критикъ говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ произведеній, «составляющихъ цвѣтъ литературы» наравнѣ съ *Грозой* и *Обломовымъ* *). О томъ же *Дворянскомъ мнѣдѣ* въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни Н. Д. отзывалась въ частныхъ разговорахъ довольно строго: ей не нравилось изображеніе провинціальной жизни въ этомъ произведеніи, героиня Лиза казалась ей не живымъ человекомъ, но она восхищалась г-жею Лаврецкою. Въ обратномъ направленіи измѣнился взглядъ Хвоцинской на Салтыкова. Въ то время, какъ извѣстно и изъ частныхъ свѣдѣній отъ людей къ ней близкихъ, она не особенно долюбивала его, какъ писателя. Признавая въ одномъ изъ своихъ *Провинціальныхъ писемъ* искусство его разсказа и сочувственно отзываясь о его повѣсти *Запутанное дѣло*, за которую Салтыковъ былъ отправленъ въ Вятку, въ другомъ письмѣ Хвоцинская приводитъ очерки Щедрина, изображающіе нравы города Глухова, какъ одинъ изъ примѣровъ «списковъ съ натуры, небрежныхъ по отдѣлкѣ и недостаточно прочувствованныхъ» **). Изъ произведеній Достоевскаго критику нравятся его очерки чиновничьяго быта и, повидимому, менѣе симпатичны *Записки изъ мертвого дома* ***). Въ послѣднимъ произведеніямъ того времени Григоровича критикъ относится весьма неодобрительно и его *Очерки изъ современныхъ нравовъ: почвенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ*, онъ сравниваетъ даже съ произведеніями Булгарина ****). Въ *Донъ-Жуану* гр. А. Толстаго критикъ относится весьма отрицательно; онъ говоритъ: «Задумавъ воспроизвести полный образъ *Донъ-Жуана*, можно было бы сомнѣваться въ успѣхѣ, но трудно было бы предвидѣть что-нибудь полнѣе неуспѣха новой драматической поэмь. Все старое въ ней блѣдно, все новое—неудачно» *****). Въ *Князю Серебряному* мы встрѣчаемъ въ *Провинціальныхъ письмахъ* также совершенно отрицательное отношеніе, и, въ заключеніе подробнаго разбора, Хвоцинская спрашиваетъ автора: «неужели онъ думаетъ, что это историческій романъ?» *****).

Критику несимпатично и драматическое произведеніе изъ нашей новѣйшей исторіи: *Разладъ, сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія*—Я. П. Полонскаго, напечатанныя въ 1864 г. въ журналѣ *Эпоха*. Взглядъ Хвоцинской будетъ понятенъ изъ слѣдующихъ мѣстъ ея статьи: «Для выраженія національнаго чувства нѣтъ надобности прибѣгать ни къ преувеличенію, ни къ уменьшенію обстоятельствъ, ни къ пышнымъ фразамъ, ни

*) *Провинціальныхъ письма. Отеч. Зап.* 1861 г., № 12, стр. 122.

***) *Отечествен. Записки* 1861 г., № 12, стр. 128; 1863 г., № 2, стр. 164.

****) *Отечествен. Записки* 1861 г., № 12, стр. 125; 1862 г., № 10, стр. 245.

*****) *Отечествен. Записки* 1862 г., № 10, стр. 250—251.

*****) *Отеч. Зап.* 1862 г., № 8, стр. 270—294; № 10, стр. 258—255.

*****) *Отеч. Зап.* 1863 г., № 2.

къ униженію противника: уменьшая ихъ значеніе, мы уменьшаемъ и наше собственное значеніе». «Русскій человѣкъ, прежде всего, жалостливъ и сострадательнъ... Онъ сложилъ поговорку о неприкосновенности лежачаго... Ни русскій народъ, ни русское общество не знали фанатизма: для нихъ не существуетъ религіозной ненависти. Не разбирая ни правъ человѣческаго достоинства, ни правъ братства по идеѣ, и даже братства о единомъ Богѣ,—не разбирая ничего, русскій человѣкъ всѣхъ слоевъ общества *жалетъ* страждущаго врага, просто, по высокой добротѣ своей природы и памяти собственныхъ страданій. Жалость—русское чувство» *). Въ концѣ-концовъ, критикъ приходитъ къ такому заключенію: «г. Полонскій ошибся, точно также какъ и г. Блужниковъ въ своемъ романѣ *Марево*. Оба они не сдѣлали разницы между политической идеей газетъ и драматической идеей; оба они слишкомъ широко черпали въ газетныхъ статьяхъ и слишкомъ мелко глядѣли въ душу дѣйствующихъ лицъ... Г. Полонскій, какъ человѣкъ талантливый, долженъ былъ понять, что не настало еще время для драматической обработки газетныхъ статей» **).

Въ числѣ беллетристокъ того времени обращала на себя вниманіе г-жа Кохановская; но, признавая ея литературный талантъ, Хвощинская весьма несочувственно относится къ ея направленію, какъ это видно изъ подзаголовка втораго *Провинціального письма о нашей литературѣ*: «Византійскій эпосъ или повѣсть г-жи Кохановской: *Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова*» (повѣсть эта была напечатана въ газетѣ *День*) ***). Горячо протестуя противъ того освѣщенія, какое даетъ Кохановская поведенію ея героя, когда онъ убѣдился, что дѣвушка, сдѣлавшаяся его женою, ранѣе его любила какого-то барина и уже беременна, авторъ *Провинціальныхъ писемъ* въ заключеніе говоритъ: «Основываясь на ясномъ и очевидномъ сочувствіи г-жи Кохановской къ ея герою, мы видимъ въ ея повѣсти проповѣдь *рабства*... ****). Мы не можемъ не *неодовольствоваться* *****),

*) Все мѣсто о нашей терпимости, отъ словъ „ни русскій народъ“ было въ печати исключено; вообще статья о г. Полонскомъ значительно попорчена исключеніями, которыя сдѣланы были редакціею, какъ видно, изъ слѣдующаго письма Дудинкина къ Хвощинской 31 іюля 1864 г.: „Послабленіе въ пользу автора сдѣлано въ видахъ справедливости. *Сцены* были предложены Каткову и забракованы имъ, какъ недостаточно русскія, какъ зараженныя колониализмомъ. На этомъ самомъ основаніи ни одинъ цензоръ ихъ здѣсь не пропускалъ и цензоромъ былъ уже самъ „министръ прессы“ Валуевъ. Слѣдовательно: авторъ неповиновенъ во многомъ, въ чемъ вы его упрекаете. Но онъ повиненъ, зачѣмъ писалъ изъ такого времени, которое не допускаетъ двухсторонняго обсужденія. По этимъ соображеніямъ я было уже думалъ приостановить статью, но такъ какъ въ ней есть другія, очень хорошія замѣтки, то и пустилъ съ нѣкоторыми измѣненіями“. Въ слѣдующемъ письмѣ Дудинкинъ очень рѣзко отапливается о произведеніи Полонскаго, а 7 октября пишетъ Хвощинской: „М— въ замѣтилъ по поводу рецензій въ *Разладѣ*, что ее писалъ полагая, и удивлялся, что я могъ его пустить въ *Отечественныя Записки*“.

**) Статья *Драма съ современными интересомъ*. *Отч. Зап.* 1864 г., стр. 155; подпись—Н. Б.

***) *О. З.* 1862 г., т. 140, стр. 364—374.

****) Въ мѣсто этого въ печати: „слишкомъ суровую“.

*****) Въ печати: „сежалѣтъ искренно“.

когда дарованіе, владѣющее силой убѣжденія, употребляетъ ее ложно... Чѣмъ великодушнѣе исполненіе, тѣмъ болѣе мы *несоудимъ* *)).

Въ романѣ Крестовскаго-псевдонима *Баритонъ* находятъ «нѣкоторую примѣсь идеализаціи, но на почвѣ несомнѣннаго знанія семинарскаго быта» **). Въ свою очередь Хвощинской казались слишкомъ мрачными тѣ краски, которыми Помяловскій въ очеркѣ *Зимній вечеръ въ бурстѣ* рисуетъ семинарскую жизнь ***). Неблагопріятный отзывъ критика о произведеніи Помяловскаго былъ, прежде всего, вызванъ, конечно, различіемъ взглядовъ на семинарскую молодежь и тѣмъ, что Хвощинская не вѣрила въ возможность ужасовъ, описываемыхъ Помяловскимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ, быть можетъ, дѣйствовала та же причина, которая позднѣе заставляла ее, какъ мы увидимъ ниже, неблагопріятно относиться къ картинамъ съ кровавыми историческими сюжетами, вроде *Иоанна Грознаго*, *Рѣпина*, *Казни стрѣльцовъ*, Сурикова, и т. п. Браинная нервность Н. Д., заставлявшая ее просто бояться разговоровъ объ ужасахъ войны, вызывала въ ней отвращеніе къ изображенію ужасовъ и на полотнѣ, и въ литературныхъ произведеніяхъ: это вполнѣ естественно при ея нервной натурѣ, жаль только, что она обращала эти личныя свои ощущенія въ правила художественной критики.

Одно изъ *Провинціальныхъ писемъ о нашей литературѣ* почти цѣликомъ посвящено вопросу о положеніи женщины въ семьѣ. Критикъ (по поводу разсказа г. Волгонскаго) протестуетъ противъ идеализированія буржуазно-слащавыхъ семейныхъ отношеній, этихъ «оазисовъ» (выраженіе Волгонскаго) семейнаго счастья. «Всѣ эти семейные оазисы, — говоритъ Хвощинская, — держатся на достаткѣ, спасающемъ отъ хлопотъ, а, следовательно, отъ споровъ и столкновеній ****), на эгоизмѣ фамиліномъ, отдѣляющемъ семью отъ общества, на сладенькой примирительной религіи, на невѣдѣніи, сберегаемомъ тщательно ради его удобства, потому что вѣдѣніе обяываетъ и, следовательно, тревожитъ. Это пошлое счастье запертыхъ домовъ, чистыхъ, прибранныхъ, какъ будто привѣтныхъ снаружи, какъ будто улыбающихся, общающихся и ничего не дающихъ постороннему, кромѣ своей сыто-довольной и глупой улыбки... Эгоизмъ въ одиночку, сплотившійся въ эгоизмъ фамиліальный, — вотъ эти оазисы. Аккуратно, умѣренно, сыто — и ни до кого нѣтъ дѣла въ горячемъ смыслѣ этого дѣла...» Но, въ то же время, критикъ считаетъ долгомъ предостеречь противъ того, чтобы увлеченіе идеями женской эмансипаціи не оправдывало нравственной распушенности

*) Въ печати: „сожалѣемъ“.

***) *Воспоминанія*: „Волгѣ четверта вѣка“ (Изъ воспоминаній о Н. Д. Хвощинской). *Новосиби* 1889 г., № 189. Въ другой статьѣ того же автора мы находимъ такой отзывъ о *Баритонѣ*: „Тамъ есть дѣлая часть, посвященная описанію быта семинаристовъ, очень талантливая, искренняя и яркая. Большинство тамонныхъ діалоговъ выхвачены изъ жизни, подслушаны и переработаны авторомъ“. *Слово* 1879 г., № 7, стр. 22.

****) *О. З.* 1862 г., № 10, стр. 247—248.

*****) Курсивъ автора.

и пренебреженія къ своимъ обязанностямъ, не прикрывало бы иногда недостатка истинной женской гордости *).

Сочувствіе молодому поколѣнію сказывалось и въ беллетристическихъ произведеніяхъ Хвоцинской, и въ ея критическихъ статьяхъ; вотъ что читаемъ мы въ одной изъ нихъ: «Въ молодомъ поколѣніи уже успѣли рѣзко опредѣлиться, между прочимъ, двѣ важныя черты: стремленіе къ труду общественному и стремленіе сблизиться съ народомъ... Молодежь принимаетъ къ сердцу нужды народа, благородно жаждетъ ему образованія, готово посвятить ему всё свои силы,—это черты существенныя. Понятно, что ихъ должна взять во вниманіе беллетристика». Нужно замѣтить, однако, что нѣкоторыя несимпатичныя стороны въ жизни тогдашней молодежи вызывали рѣзкое осужденіе со стороны Н. Д. (въ частныхъ письмахъ): ее, какъ человека крайне впечатлительнаго, поражали отдѣльные факты, и только позднѣе, спокойно разобравшись въ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ, она сдѣлалась горячею защитницей идей шестидесятыхъ годовъ. Хвоцинскую не удовлетворяли нѣкоторыя произведенія тогдашнихъ беллетристовъ (повѣсть Плещеева *Лоттерея*, М. З.—*Неудавшаяся жизнь*), въ которыхъ тогдашняя молодежь изображается въ симпатичномъ видѣ **). Не нравился ей и романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать?* ***).

*) По поводу повѣсти Ю. Жадовской *Отсталая* критикъ говоритъ: „Почему любовь женщины *исключительно* къ одному ея любовнику должна считаться ея высшею добродѣтелью? Почему женщина *должна* не только оставить, но, если нужно, погубить для него всё остальные предметы своей привязанности—семью, родныхъ, хотя бы ея привязанность къ нимъ была должна, законная, основанная на взаимности, уваженіи и благодарности? Почему женщина считается передовою, когда бѣжитъ съ негодеемъ, и рабой, когда, смявъ свое сердце, остается исполнять свои обязанности въ семьѣ? Развѣ это не перемена рабства на рабство? Развѣ строгая семья и оскорбляющій любовникъ—не одинаковое крѣпостное право?... Если дочь *должна* бросить мать, для того, чтобъ изъ „отсталой“ сдѣлаться „передовою“, то *должна* ли и замужняя женщина послѣдовать за своимъ избраннымъ, бросивъ мужа, который ее любитъ, и дѣтей, для которыхъ она необходима?“ О. З. 1864 г., № 5, стр. 24—52.

**) О. З. 1868 г., № 10; *Литературная Летопись*, гл. II; *Романы и повѣсти*, стр. 190—202.

***) Цитированныя нами въ предыдущемъ примѣчаніи страницы изъ главы о *Романахъ и повѣстяхъ* въ „Литературной летописи“ *Отечественныхъ Записокъ* (1868 г., № 10) несомнѣнно принадлежатъ Хвоцинской (хотя и не подписаны псевдонимомъ: Порѣвничковъ), такъ какъ онѣ включены ею самою въ сборникъ оттисковъ ея критическихъ статей изъ *Отечественныхъ Записокъ*. Кстати объяснимъ причину, заставившую Хвоцинскую перестать писать подъ псевдонимомъ Порѣвничковъ: дѣло въ томъ, что г. Боборыкинъ, начало романа котораго *Въ путь дорогу* было разобрано въ *Провинциальныхъ письмахъ*, какъ-то узналъ настоящее имя ихъ автора и прислалъ Хвоцинской обширное и очень искреннее письмо. Хвоцинскую очень встревожило раскрытіе ея псевдонима, хотя это было сдѣлано и не въ печати, и въ отвѣтъ на письмо, при которомъ она препроводила только что цитированную статью, напечатанную вслѣдъ затѣмъ въ № 10 *Отечественныхъ Записокъ* за 1868 г., Дудинкинъ отвѣчалъ ей: „Ваши замѣтки о романахъ (бывшихъ *Провинциальными письмами*) воспользуются такъ, что впредь васъ уже не узнаютъ“. Къ сожалѣнію, Дудинкинъ, повидимому, слишкомъ пострадалъ въ этомъ отношеніи и не отмѣтилъ, гдѣ кончается статья Хвоцинской и гдѣ начи-

Заканчивая обзор критических статей Хвоцинской, напечатанных въ 1861—64 гг., мы не можемъ признать за нею особеннаго критическаго таланта, но приведенные нами отзывы интересны для біографа, такъ какъ они характеризуютъ ея взгляды на нѣкоторыя явленія тогдашней жизни и на болѣе выдающіяся произведенія того времени.

Съ увеличеніемъ литературной извѣстности Хвоцинской отчасти намѣнилось отношеніе къ ней рязанскаго общества или, точнѣе сказать, не всего общества, а его лучшихъ представителей. Нѣкоторые дѣятели, принимавшіе участіе въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Хвоцинскою и часто бывали у нея. Въ 1858—60 гг. рязанскимъ вице-губернаторомъ былъ нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ. Н. Д. бывала въ домѣ Салтыковыхъ, но съ самимъ Михаиломъ Евграфовичемъ въ это время сблизилась мало. Провинціальной аристократин Н. Д. не терпѣла и съ нею не сблизалась, такъ что нѣкоторые знакомые ея родныхъ, бывавшіе часто въ ихъ домѣ, никогда ея не видѣли. «Едва, бывало, завидитъ карету,—разсказываетъ пріятельница Н. Д., М. М. Андреева,—какъ моментально скрывается; если же неожиданно застанутъ ее за чайнымъ столомъ, и она не успѣетъ убѣжать, то становилась молчалива, скрывалась, умильно поглядывала, молила глазами: «спасите» и, не видя помощи отъ окружающихъ, выждетъ минуту и юркнетъ къ себѣ». Вообще рязанская жизнь сестеръ Хвоцинскихъ была очень однообразна. Въ сентябрѣ 1864 г. Софья Дмитріевна писала одной пріятельницѣ: «Скука, другъ, такая!... Ну, дери ее два волка. А глупости что крутомъ—и не перескажешь... Домъ нашъ до того патриархаленъ, до

нается работа другихъ сотрудниковъ „Литературной лѣтописи“. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за цитированными страницами, заключающими въ себѣ сдѣланный Хвоцинскою разборъ повѣстей Пшеницева и М. З., мы находимъ небольшой и довольно поверхностный разборъ романа Чернышевскаго: *Что дѣлать?* (стр. 202—210), причемъ авторъ этого разбора неблагоприятно относится къ разсматриваемому имъ произведенію. Дѣлая бѣглыя замѣчкіи и игнорируя основныя идеи романа, критикъ, однако, все-таки, находилъ „много умныхъ намековъ“ въ „этой неудавшейся диссертациі въ формѣ романа“,—диссертациі, которая, по его мнѣнію, „безпрестанно наводитъ на вопросы, тѣмъ не могутъ похвастаться другіе наши повѣсти и романы“. Является вопросъ, принадлежитъ ли этотъ разборъ перу Хвоцинской? Противъ этого есть очень важный аргументъ: въ принадлежавшемъ ей сборникѣ оттисковъ ея критическихъ статей въ *Отечественныхъ Запискахъ* разборъ *Что дѣлать?* оторванъ, и то мѣсто, гдѣ онъ начинается, залезено. Соединеніе же въ одну статью рецензій двухъ лицъ сдѣлано, быть можетъ, редакціею съ цѣлью скрыть авторство Хвоцинской, что и обѣщала Дудышкинъ въ цитированномъ выше письмѣ. Къ тому же, продолженіе статьи о романѣ *Что дѣлать?* (*Отеч. Зап.*, т. 151), судя по слогу, не можетъ принадлежать Хвоцинской. Мы лично сговорились къ тому мнѣнію, что ей не принадлежитъ и начало разбора этого романа; но если и считать это послѣднее доказаннымъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Хвоцинская во многомъ сочувствовала этому разбору, такъ какъ она повторала гораздо позднѣе отъ своего имени въ частныхъ разговорахъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя въ этомъ разборѣ автору *Что дѣлать?* (какъ, напримѣръ, объ отношеніяхъ Кирсанова къ швей Крюковой).

того прочищенъ отъ всякаго посторонняго элемента... что прелесть... Мать съ цвѣтами возится, мы романы пишемъ... Тетки... старшія Богу молятся и работаютъ. Ольга въ своемъ Домѣ Трудолюбія». Семья Хвоцинскихъ еще болѣе увеличилась, такъ какъ овдовѣвшій братъ Н. Д., Кесарь Дмитріевичъ, привезъ для житья въ Рязань двухъ своихъ сыновей; одинъ изъ нихъ былъ принятъ въ пансіонъ на казенный счетъ, жилъ тамъ и приходилъ только по субботамъ, другой жилъ дома. Обѣимъ сестрамъ приходилось нести, для содержанія семьи, весьма непосильный трудъ и забываться только въ работѣ. «Одолѣло писанье,—говорить Н. Д. въ припискѣ къ той же пріятельницѣ, — а не писать нельзя. И ничто, кромѣ писанья, невозможно, ничто, кромѣ житья, какимъ живемъ. Писанье—и бѣда, и прибижище». Въ іюнѣ слѣдующаго года Н. Д. въ письмѣ къ тому же лицу говорить: «Ты спрашиваешь, какъ живемъ. Романы пишемъ — и ничего больше... С. въ настоящее время наше единственные знакомые... Живется намъ не весело,—это въ порядкѣ вещей,—а не унываетъ мы по своему древнему порядку — не унывать никогда, ибо уныніе хотя и не смертный грѣхъ, а отъ него романы не пишутся и бывають финансовыя кризисы». Отдыхомъ отъ ея «ремесла», какъ выражалась Н. Д., служили ей женскія работы.

Единственнымъ дѣйствительнымъ развлеченіемъ и разсѣяніемъ для сестеръ Хвоцинскихъ были поѣздки въ Петербургъ, но онѣ не всегда оказывались возможными въ виду ихъ ограниченныхъ средствъ. Въ сентябрѣ 1864 г. Софья Дмитріевна писала: «Мы безъ гроша, и желѣзная дорога въ сію минуту для насъ все равно, что ананасъ... Плановъ впереди никакихъ; врядъ ли къ зимѣ будетъ достаточно на прожитокъ, чтобы расточать что-либо на другой, веселой сторонѣ».

Въ Петербургѣ изъ литературнаго міра Н. Д. была всего ближе съ В. Р. Зотовымъ, А. А. Краевскимъ, С. С. Дудышкинымъ, который высоко цѣнилъ ея литературный талантъ, съ поэтомъ Щербинюю. Пріѣзжала Н. Д. въ Петербургъ обыкновенно съ своею сестрой Софьею Дмитріевной. Занимаясь одинаковымъ литературнымъ трудомъ и печатаясь въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ, онѣ жили душа въ душу, помогая другъ другу въ своихъ работахъ и прочитывая одна другой все вновь написанное. Софья Дмитріевна интересовалась и весьма серьезными политическими вопросами. Такъ, она перевела съ англійскаго книгу Милля *О свободѣ*; переводъ ея, впрочемъ, остался не напечатаннымъ.

Зимой 1863—64 гг. сестеръ Хвоцинскихъ посѣтилъ г. Боборыкинъ, который, по смерти Н. Д., рассказалъ въ печати объ этомъ знакомствѣ*). «Надеждѣ Дмитріевнѣ и тогда уже,—говорить г. Боборыкинъ,—казалось лѣтъ 40, если не больше (въ дѣйствительности ей было 38 лѣтъ). Первое впечатлѣніе она, какъ женщина, производила очень невыгодное: маленкій ростъ, сутуловатость, рѣзкость чертъ лица при разговорѣ уст-

*) *Новости* 1869 г., № 189.

пали мѣсто другому: выразительные большіе глаза, умные и ласковые, милый, душевный тонъ и нервная пылкость рѣчи... Софья Дмитріевна (моложе сестры на 3 года), «некрасивая, съ умнымъ, мало женственнымъ лицомъ»; была за то «постройнѣе и повыше ростомъ». Н. Д. «и тогда уже, — продолжаетъ г. Боборыкинъ, — застыла въ модахъ начала второй имперіи, носила кринолинъ и длинный сарафанъ; волосы, еще не сдѣтые, зачесывала двумя двойными «bandeaux». Сестра ея смотрѣла, какъ есть, пожилую дѣвой, но по тону не отзывалась провинціей; Н. Д. выглядѣла скорѣе замужнею. Въ общихъ я нашелъ извѣстнаго рода свѣтскость съ московскимъ дворянскимъ оттѣнкомъ. Обѣ онѣ часто употребляли въ разговорѣ французскія фразы, совсѣмъ не склонны были къ жизни писательской цыганщины и... водились съ свѣтскими и великосвѣтскими дамами. Ихъ интересовалъ тогдашній «tout Pétersbourg». Н. Д. поддерживала въ свои пріѣзды въ Петербургъ знакомства въ «обществѣ»*).

«Занимали онѣ номеръ въ двѣ комнаты, весьма пероскопный, и въ первой комнатѣ давали маленькіе вечера. На одинъ изъ нихъ я попалъ, и подробности его сохранились въ моей памяти довольно отчетливо. Около самовара... сидѣло четверо гостей; изъ нихъ двое уже покойники: И. С. Тургеневъ и поэтъ Щербина.

«Иванъ Сергѣевичъ жилъ въ ту зиму въ Петербургѣ... Къ Хвоцинской заѣхалъ онъ поздненько, очень франтоватый, въ модной визитѣ и свѣтло-сиреневыхъ перчаткахъ, которыхъ не снималъ и за чаемъ. Видно было и тогда, что онъ считалъ Хвоцинскую равноправнымъ себѣ товарищемъ по литературѣ».

Изъ сообщеній людей близкихъ къ Н. Д. мы знаемъ, что Тургеневъ уже тогда ей не понравился; Хвоцинская, крайне нервная и впечатлительная, иной разъ, на основаніи какихъ-нибудь мелочей, могла не влюбить человѣка. Тургеневъ, встрѣтившись съ нею въ одномъ домѣ и желая сказать ей любезность, какъ-то неудачно процитировалъ одно изъ ея произведеній и приписалъ ей то, чего она вовсе не говорила. Въ этотъ же вечеръ онъ, кромѣ того, попался въ какой-то неважной неискренности. Двухъ этихъ фактовъ было достаточно, чтобы Хвоцинская начала съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ относиться къ Тургеневу, какъ къ человѣку, а позднѣе къ этому присоединилась и сильная нелюбовь къ нему, какъ къ писателю.

«Щербина, — продолжаетъ г. Боборыкинъ, — держалъ себя съ обѣими сестрами по-пріятельски, довольно даже безцеремонно, остригалъ, своеобразно заикаясь, подшучивалъ надъ ними тономъ мужчины, который никакъ не можетъ поставить себя на одну доску съ «бабами», хотя бы и даровитыми. У нихъ были общіе знакомые, внѣ литературы».

Замѣтимъ, что Н. Д. Хвоцинская вообще чувствовала нѣкоторую сла-

* Сестры Хвоцинскія бывали у своей родственницы (племянницы кн. Горчакова), О. А. Новиковой; Н. Д. была еще очень дружна съ М. А. Милутиной, женою Николая Алексѣевича. Около дома, гдѣ жила Хвоцинская, частенько стояли блестящіе экипажи.

бость къ Щербинѣ, была слишкомъ къ нему снисходительна. Въ одной изъ своихъ *Литературныхъ бесѣдъ*, подписанныхъ буквами В. К., она влгаетъ въ уста одного изъ двухъ собесѣдниковъ слѣдующія слова о Щербинѣ: «Я зналъ его лично и близко. Какъ сотнямъ людей, ему досталось быть непонятымъ; самъ ли онъ въ этомъ виноватъ, или услужливые друзья, или модныя дамы,—когда-нибудь это разберется; когда-нибудь вынуть изъ-подъ спуда и эту свѣтлую память въ числѣ нашихъ немногихъ свѣтлыхъ*»). Мы сомнѣваемся, чтобы это предсказаніе Хвоцинской исполнилось, и, по нашему мнѣнію, были правѣ тѣ, которые еще въ 1859 году обращались къ Щербинѣ съ такимъ вопросомъ:

„Полухохоль и полугрекъ,
Но нѣживскій, а не милетскій,
Скажи, къ чему ты въ злобѣ дѣтской
Свой жалкій короташешь вѣкъ?“

Щербина очень остроумно отвѣчалъ вопрошателямъ (Плещеву, Сзверцову и Тихменеву):

„Хоть эллинъ я изъ Таганрога,
Но все-жъ я грекъ, не сынъ рабовъ...
За нами въ прошломъ славы много,
Къ намъ уваженіе вѣковъ...
У васъ—застѣнки, плети, клятвы,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ,
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше сѣянъ багатовъ“ **).

Въ остроуміи нельзя отказать Щербинѣ, но оно не дѣлало его снмнатичнѣе. Такъ, конечно, не въ духѣ свободы, прославляемой въ приведенномъ стихотвореніи, Щербина упражнялся въ 1862 г. въ сочиненіи слѣдующихъ виршей:

„Нигилисты въ тумане...
Чѣмъ же быть вамъ, господа!
Съ просвѣщеніемъ Россіи
Ваша скроется звѣзда.
При познаньяхъ нашихъ узкихъ,
При отсутствіи ума,
Развилась въ болотахъ русскихъ
Отрицанія чума...
Какъ заглянемъ въ жизнь ли, въ книги-ль,
Все намъ скажетъ, господа,
Что ex nihilo лишь nihil
Въ результатѣ всегда ***)...

Или:

„Репетитовъ за свободу
Въ стѣны крѣпости поналъ,

*) *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 175.

***) *Полное собр. соч. Н. Ф. Щербина*. Сиб., 1873 г., стр. 321; ср. *Русскую Старину* 1872 г., т. 5, стр. 151.

***) *Нигилистамъ. Полное собр. соч. Щербина*, стр. 394—395.

Хлестаковъ Иванъ народу
 Кажеть жизни идеалъ...
 Гдѣ-жъ Маннловъ социальный,
 Столь опасный для властей?
 Или ужь сосланъ въ городъ дальній
 Онъ за Обь и Енисей?^{*)}

Этотъ гадкій стихотворный вздоръ, правда, не появлялся въ свое время въ печати и увидѣлъ свѣтъ въ собраніи сочиненій Щербины лишь по смерти поэта, но его взгляды были и тогда очень хорошо извѣстны Хвощинской. Мы слышали отъ одного изъ очевидцевъ, какъ однажды, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, Щербина, въ присутствіи Н. Д. въ продолженіе двухъ часовъ издѣвался надъ «нигилистами». Этими дѣло не ограничивалось; Щербина не пощадилъ и такихъ свѣтлыхъ страницъ нашей исторіи, какъ крестьянская и судебная реформы. Въ 1866 году онъ написалъ вирши, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько строкъ:

„Надѣлать крестьянъ земель
 Мы Бабѣфовъ разослали,
 А Барбесовъ всей душою
 Въ мировые судьи взяли.
 Теруанъ-де-Меркурю
 Школы женскія открыли,
 Чтобъ оттуда наши дуры
 Въ нигилисты выходили“^{**}).

Стихи эти также были напечатаны лишь по смерти поэта, но еще задолго до нея (въ 1863 г.) онъ напечаталъ брошюру *О народной грамотности и устройствѣ возможно просвѣщенія въ народъ*, въ крайне-клерикальномъ направленіи: онъ доказывалъ въ ней, что дьячки и пономари—самые лучшіе и естественные воспитатели народа, что ими можно вполне удовольствоваться и что устройство какихъ-нибудь учительскихъ семинарій вполне излишне. Въ духѣ этой брошюры Щербина составилъ, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, *сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи*, подъ названіемъ *Пчела*.

Что Н. Д. допускала издѣвательство Щербины въ своемъ присутствіи надъ «нигилистами» въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, это насъ не удивляетъ, въ виду того, что она сама въ то время во многомъ не симпатизировала тогдашней молодежи. Но что она продолжала сочувственно отзываться о немъ и въ концѣ семидесятыхъ, и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, это объясняется лишь крайнею субъективностью Хвощинской въ отзывахъ о людяхъ вообще и о писателяхъ въ особенности.

Въ 1880 г. Хвощинскую побудило вновь печатно высказать свое мнѣніе о Щербинѣ слѣдующее оригинальное обстоятельство. Въ газетѣ *Минута* (11 декабря 1880 г., № 10) появилось за подписью К. Дружининъ

*) *Театральныя извѣстія*. Ibid., стр. 395—396.

***) *Французская революція на русскій ладъ*. Ibid., стр. 399—400.

стихотворение: *Поэтъ*. Оказалось, что лицо, его напечатавшее, просто списало это стихотворение у Щербины *). Возмущенная такою наглостью, Н. Д. послала по этому поводу замятку въ *Голосъ*, которая и была напечатана (№ 356), но безъ названія газеты. Въ замяткѣ этой Хвоцинская говоритъ: «У насъ мало знаютъ Щербину, о немъ не вспоминаютъ, его произведенія рѣдкость въ бібліотекахъ... Большинство читателей со- ставило себѣ понятіе о Щербинѣ по отзывамъ рецензентовъ, имѣющихъ привычку читать только первыя страницы книгъ, а потому обращающихъ вниманіе только на его *греческія* стихотворенія, затѣмъ—по изустнымъ преданіямъ тѣхъ, кто встрѣчалъ «больного впохондрика», какъ самъ себя называлъ Щербина, по статьямъ свѣтскихъ писательницъ, изображавшихъ его свѣтскимъ человѣкомъ, и всего болѣе—по не всегда понятнымъ, не всегда удачнымъ эпиграммамъ и обрывкамъ юношескихъ пустяковъ, которыми услужливый издатель наполнилъ половину посмертнаго *Собранія сочиненій*. Издатель придаетъ значеніе всѣмъ этимъ наброскамъ, шалостямъ, а масса читателей, падкая на шутку, изъ-за нихъ не разглядываетъ настоящего значенія поэта. Между тѣмъ, даже изъ неполной біографіи, изъ плохо написаннаго предисловія понятенъ характеръ этого измученнаго чело- вѣка и ясно, что онъ далеко не весь въ злой шуткѣ, которою люди забавляются. Намъ говорятъ, что онъ самъ «приготовилъ для печати» всѣ эти *Сонники* и прочее. Но почему-нибудь «оставались же они отложенными» и долежали неизданными до смерти поэта. Останься онъ живъ, они полетѣли бы въ печь въ минуту здоровья, душевнаго покоя, строгой оглядки, искренняго самоосужденія, на которое способны только сильныя души. Щер- бина былъ душа сильная. Перечитать его ямбы, прослѣдить красоты мысли, вдохновенія, разсѣянные во всѣхъ стихотвореніяхъ, и тогда онъ явится то, что онъ есть: убѣжденный поэтъ всѣхъ высокихъ стремленій... Рус- ская литература не такъ еще богата, чтобы мы могли позволить себѣ... игнорировать Щербину».

У Щербины есть, дѣйствительно, прекрасныя стихотворенія, какъ, на- примѣръ, *Письмо о Прометей* (1848 г.), *Смерть весны* (1859 г.) и нѣ- которыя друг. **), затѣмъ, смягчающимъ обстоятельствомъ относительно виршей 1862—66 гг., изъ которыхъ мы приводили выше отрывки, несо- мнѣнно является то, что самъ авторъ ихъ не напечаталъ, но извѣстно, что онъ охотно ихъ читалъ и нѣкоторымъ лицамъ записывалъ на память; называть же «юношескими пустяками» эти стихотворенія шестидесятыхъ годовъ, какъ это дѣлаетъ Хвоцинская, никакъ нельзя: Щербинѣ было тогда уже за 40 лѣтъ.

Въ заключеніе своего разсказа о первомъ знакомствѣ съ Н. Д. Хво- цинскою, г. Боборыкинъ говоритъ, что она тогда съ жаромъ «отдавалась впечатлѣніямъ искусства, и Петербургомъ, какъ столицемъ, пользовалась

*) См. *Полн. собр. соч. Щербины*, изд. 1878 г., стр. 176—177.

**) *Полное собр. соч. Н. О. Щербины*, 1878 г., стр. 159—177. Стихотвореніе *Болынь* (стр. 175—176) посвящено Н. Д. Х.,— очевидно, Н. Д. Хвоцинской.

по-европейски, въ особенности любила она посѣщать Эрмитажъ, любоваться картинами испанской и фламандской школъ».

Нужно замѣтить, что и Н. Д., и ея сестра С. Д. рисовали акварелью, послѣдняя же и масляными красками. Софья Дмитріевна нарисовала картину, изображающую невѣрующаго молодого человѣка, близкаго къ смерти; его худое, истощенное лицо составляетъ рѣзкій контрастъ съ несимпатичнымъ лицомъ священника, пытающимся обратить умирающаго на путь истинный. Рисунокъ былъ не совсѣмъ вѣренъ и картина не была принята на выставку, отчасти, быть можетъ, и вслѣдствіе своего сюжета *). Надежда Дмитріевна страстно поклонялась искусству и красотѣ, особенно она любила Мурильо, Рафаэля меньше. И Н. Д., и С. Д. увлекались Ивановымъ, какъ художникомъ; на Софью Дмитріевну онъ произвелъ, и какъ человѣкъ, неотразимое впечатлѣніе **). Безъ сомнѣнія, къ ней относится слѣдующій рассказъ Н. Д. Хвощинской въ одномъ изъ ея *Межуаровъ одного читателя*, написанномъ по поводу книги: *А. А. Ивановъ, его жизнь и перемиска*. Мы приводимъ его, какъ страничку изъ петербургской жизни сестеръ въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Хвощинская рассказываетъ, что въ іюнѣ 1858 г., въ академіи художествъ, одна дѣвушка, пріѣхавшая изъ провинціи, обратила на себя вниманіе Иванова, и онъ попросилъ позволенія навѣстить ее.

«Его встрѣтили съ радостью, съ любовью, какъ отца. Это былъ не «пріемъ», не «овація», а встрѣча желаннаго, дорогаго,—свиданіе, въ которомъ ежеминутная мысль, что великое взошло подъ кровлю, смѣшилась съ беззаветною, безконечною преданностью, которая смотритъ въ глаза и не находитъ словъ. Онъ это видѣлъ, понялъ, былъ тронутъ и не сторонился. Видясь въ первый разъ въ жизни, онъ былъ просто, ласково, откровенно веселъ, какъ въ семьѣ; онъ даже высказалъ, что «не зналъ семьи»; разговорился, рассказывалъ, повѣрялъ свои заботы о картинѣ, предположенія будущихъ работъ, звалъ съ собою въ Римъ, на Востокъ...—Поѣдете,—сказала она,—я буду мыть ваши кисти и подметать мастерскую... Прощаясь, онъ поцѣловалъ ея руку. Черезъ пять дней она тоже поцѣловала его руку—мертвую,—а чрезъ семь лѣтъ, умирая сама, вспомнила его» ***). (Софья Дмитріевна умерла, именно, въ 1865 году).

Сестры Хвощинскія познакомились въ Петербургѣ съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ художниковъ и вели съ ними горячіе споры, между прочимъ, о значеніи Иванова, котораго они энергично защищали отъ поклонниковъ другаго направленія въ живописи.

Н. Д. очень любила серьезную музыку, посѣщала оперу, слышала Там-

*) Есть портретъ Надежды Дмитріевны, написанный масляными красками Софьей Дмитріевною, которая написала и свой портретъ.

**) Она написала его портретъ, который былъ выставленъ на академической выставкѣ и затѣмъ проданъ.

***) *Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 94, подпись Н.

берлика, Маріо, Віардо. Сама она играла на фортепіано, но плохо. С. Д. не играла вовсе.

Сестры горячо любили другъ друга. Въ 1859 году какіе-то родственники предложили Надеждѣ Дмитріевнѣ взять ее съ собою за границу; она отказалась, чтобы уступить свое мѣсто сестрѣ. Сама Н. Д. во всю жизнь почти никуда не выѣзжала изъ Рязани, кромѣ Петербурга и Москвы. Софья Дмитріевна была очень умная дѣвушка и имѣла огромное вліяніе на Н. Д.; она была гораздо сдержаннѣе ея и часто умѣла успокоивать старшую сестру, болѣе ее горячую. Если Надежду Дмитріевну называли въ семьѣ «пламенемъ», то про Софью Дмитріевну, вслѣдствіе ея умѣнья всѣхъ и все умиротворить, говаривали, что она «и за морозъ заступится».

Какъ мы уже упоминали, въ разсматриваемую эпоху Н. Д. очень отрицательно относилась ко многимъ явленіямъ въ жизни молодежи шестидесятыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, сестрамъ Хвоцинскимъ очень не нравилась извѣстная знаменская коммуна, хотя съ одною изъ дѣвушекъ, жившихъ въ этомъ кружкѣ, она была очень дружна; другую юную приятельницу она отговорила жить въ этой коммуны. По выраженію одного лица, хорошо знавшаго Н. Д., послѣдняя «не сочувствовала тогда людямъ шестидесятыхъ годовъ, но ее влекло къ этимъ людямъ». Какъ уже было замѣчено, отдѣльными отрицательными явленіями въ жизни молодежи того времени производили на Н. Д. слишкомъ сильное впечатлѣніе, но впоследствии въ ней осталось только сочувствіе идеямъ этого времени.

Взгляды Н. Д. въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ всего лучше рисуются въ обширномъ письмѣ ея изъ Рязани (5 іюня 1865 г.) къ приятельницѣ, жившей въ Петербургѣ: «Видно, что вы заскучали въ послѣднее время; я давно думала, что это придетъ къ вамъ, и даже отгадывала причину, потому что причина у насъ съ вами общая. Вѣдь, и мы (т. е. Н. Д. и С. Д.), по чувству и духу, не могли весь нашъ вѣкъ ни къ чему определенно пристать,—несчастно-прозорливо видя достоинства и недостатки обѣихъ сторонъ. Разница между вами и нами только та, что вы моложе, живете въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, что можете, дѣйствуя, видѣть ошибки, мы же—только прислушиваясь и размышляя. Результатъ выходитъ одинъ. Васъ упрекаютъ, отъ насъ отходятъ молча, но и вы, и мы, все равно, никому не годимся, ничьи, а «сами по себѣ». Отъ того, что называется «старымъ» поколѣніемъ, мы отстали давно; оно даже никогда не считало насъ своими; мы носимъ прозваніе «мечтательницъ, слишкомъ умныхъ» (а я даже—«сумасшедшей») въ очень молодые годы. Теперь настала наша очередь разрыва съ «молодыми». Когда они потерпѣли въ виду глупой, старческой злобы и тупой лѣни, которая осуждала ихъ толки о трудѣ, въ виду барства, которое не прощало имъ ихъ наклонности жить по-просту, вспоминая, какъ сами бывали мы стѣснены и осуждены въ молодости, — мы сближались съ ними. Много тутъ дѣйствовала жалость. Было что-то не по насъ и въ нихъ какое-то безсиліе, какое-то отсутствіе должной гор-

дости, но мы охотно извиняли это, надѣясь, что трудная школа, начинавшаяся для нихъ, все поправитъ, и выйдутъ люди, на которыхъ мы еще успѣемъ порадоваться. Прошло три года. Шестеро молодыхъ людей, всѣхъ новѣйшихъ оттѣнковъ, собравшіеся у насъ зимой 1861 г., теперь опять собрались здѣсь, но мы видимся рѣже, и каждое свиданіе насъ все больше разъединяетъ. Мы можемъ отвѣчать за себя, что не перемѣнились; наши понятія о вещахъ тѣ же, у нашихъ стремленій та же цѣль. Но мы ждали, эти три года, что выработается изъ молодыхъ задатковъ, — и въ этомъ наша бѣда: мы оказываемся виноватыми предъ ними... тѣмъ, что ничего не дождались. Толки о трудѣ оказываются праздными: всѣ измѣнились до безобразія; ихъ свобода — безжалостна и нечестна; расчетъ и выгода — на первомъ планѣ и даже считаются добродѣтелью; обманъ — позволителенъ; вмѣсто гордости и достоинства — мелкая гордость, какое-то барство своего рода, считающее всѣхъ обязанными служить имъ, даже унижаясь. Все, что я говорю, не преувеличено на волосъ: я только стараюсь назвать однимъ общимъ словомъ то, что надо бы рассказывать въ видѣ фактовъ и анекдотовъ. Этихъ фактовъ и анекдотовъ набралось бы довольно. Не имѣя собственно никакого дѣла съ этою молодежью, такъ сказать, огражденных, мы стоимъ удобно, чтобы ихъ рассмотреть и имѣть право судить о нихъ свободно. Потому, встрѣчаясь съ нами, они слышатъ отъ насъ сужденія, ничѣмъ не стѣсненные, — правду, которую мы съ дѣтства выучились говорить. Для насъ ясно, — мы становимся имъ противны; они тоже чего-то ждали отъ насъ и удивлены, что не находятъ потачки...

«Намъ съ вами, людьми «самимъ по себѣ», остается по совѣсти быть довольными собою и доживать нашъ вѣкъ. Вамъ, безспорно, труднѣе; вы моложе и въ самомъ водоротѣ, — вѣрнѣе, въ такомъ умномъ мѣстѣ, гдѣ, чтобъ прожить, необходима «кличка и ярлычки». Провинція, покуда, еще обходится безъ этихъ формальностей, а когда дойдетъ до нихъ, насъ уже не будутъ носить ноги. Онѣ и теперь ужъ плохо носить. Но, покуда я жива, я останусь сама собою, не отъ отсталости, не отъ лѣни, не отъ невозможности понимать и чувствовать, не отъ трусости, а отъ глубокаго убѣжденія, что правда на моей сторонѣ. Никогда не признаю я схватыванья верхушекъ на-лету — за науку, битья баблущъ — за трудъ, богохульства — за умственное развитіе, отрицанія изящнаго — за трезвость возрѣній, растлѣнія ощущеній — за любовь. Никогда я не найду позволительнымъ, ругая правительство, брать казенное мѣсто, подъ предлогомъ, что ѣсть нечего: умри съ голоду, но будь вѣренъ себѣ или ужъ, какъ старички, не хвались высокою честностью и мошенничай во-славу. Свобода женщины, по-моему, есть ея дѣльность, а начинается она съ умѣнья пришить заплатку и замѣсить квашню. Можешь больше — дѣлай больше, хоть пиши трактаты, какъ жена Милля, только дѣлай, точно дѣлай, а не фразируй подъ папирску. О воспитаніи женщины у насъ наговорено много, а дѣла еще не сказано. Учитъ, безспорно, надо («нынѣшніе» подозреваютъ, что я этого не хочу!!), но какъ учить и кою учить? Какъ — я довольствована-

лась бы старою программою женскихъ курсовъ, только тщательно пройденною и при лучшихъ преподавателяхъ. *Кого*—(меня подозрѣваютъ въ «аристократизмъ!!») рассмотреть, каково общественное положеніе и средства дѣвочки, да къ тому ее и готовить. Въ Рязани есть князья, которые сами пахутъ, а по Волгѣ есть крестьяне съ сотнями тысячъ. Княжна-гимназистка, воротясь въ свою избу, только принесетъ туда лишнюю обузу, а въ мірѣ прибавится одною несчастною дѣвучкой больше... Этому началъ создаваться здѣсь живой примѣръ на Домѣ Трудолюбія, но, къ счастью, остановили «преобразование». «Въ гимназію велѣно переводить только тѣхъ, кого пожелаютъ родители, или тѣхъ, кто окажетъ способности. Изъ шестидесяти такихъ нашлось *семь* (неумудрено: онѣ поступили, не зная грамоты, инья уже десятилѣтнія). И изъ этого, обожаемаго мною, Дома изгнаны «оленьи хвосты» и «личинки съ влѣточками», которыми чинили головы бѣдныхъ дѣвчонокъ. Тѣ, что поступаютъ въ гимназію, довольны, что имѣютъ возможность учиться; тѣ, что остаются попрежнему, довольны, что пригодятся впоследствии своимъ отцамъ-трубочистамъ и матерямъ-богачьяницамъ...

«Когда я выражаю подобныя мнѣнія, я знаю, что привожу въ ужасъ молодыхъ. Когда я говорю старымъ, что по ихъ милости взбѣсилось молодое поколѣніе... (sic).

«Выходитъ, если вы «погибшая», то и мы тоже. Въ компаніи веселѣе. Конечно, правда ваша, никто изъ насъ не «incomprise». Но только, знаете ли вы пословицу: *il n'est pire sourd, qui celui, qui ne veut rien entendre?* Она тутъ въ дѣйствіи. Васъ понимаютъ отлично, но вывертываютъ вашъ выводъ на изнанку нарочно, для того и оттого, что если бы честно признаться, что васъ поняли,—пришлось бы собесѣднику отъ многого собственного отказаться и во многомъ покаяться. Вашъ выводъ—слишкомъ логиченъ...

«Ваше огорченіе именно оттого, что большая часть литературныхъ нелѣпостей проходитъ у васъ слишкомъ близко передъ глазами... Вамъ еще потому тяжелѣе, что вы добрѣ меня и молоды. Напримѣръ, для васъ невозможно предложить вопросъ, подобный тому, который я сейчасъ приведу. Сюда, за какимъ-то дѣломъ, приѣзжалъ знаменитый В. Зайцевъ. Онъ знакомъ съ нами и явился. Послѣ первыхъ банжуровъ я спросила: «Скажите, что вашъ Благосвѣтловъ, подерется когда-нибудь, нешутя, съ А—чемъ? Они намъ, какъ собаки, надоѣли». Я употребила даже слогъ публики, съ которою говорила. Иначе бы она и не поняла. *Le mot fut goûté*, великій Буба *) засмѣялся. «Нѣтъ,—говорить,—они и не думаютъ о дуэли; нѣтъ и такъ хорошо». Такъ,—говорю я,—имъ это чести не дѣлаетъ.—Конечно, мои слова прахъ передъ величіемъ *Русскаго Слова*, но я увѣрена, что Буба свезетъ туда это доказательство моей отсталости и тупоумія, и не огорчаюсь**). Съ другой стороны, я послала въ *Отечественныя Записки*

*) Такъ называли Зайцева его знакомые.

***) Въ началѣ того же года Хвощинская писала Краевскому: „Сонъ и перебранка, и просянки въ нашей литературѣ передъ чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ. Можетъ быть,

статью, гдѣ, говоря о современной беллетристикѣ, сказала, что *грязная дѣльнѣе* ложной чувствительной тѣмъ, что представляетъ много дѣйствительныхъ фактовъ, и когда не завирается, преслѣдуетъ честный идеаль. Статьи еще нѣтъ въ печати, и Дудышкинъ ничего не говоритъ о ней, хотя она даже написана недурно. Можетъ быть, я показалась ему въ ней слишкомъ демократкой и даже нигилисткой. Этого, признаюсь, я бы не желала. Быть криво понятой людьми, которыхъ уважаешь и о которыхъ не позволяешь себѣ думать, какъ о глухихъ, не желающихъ слышать,—это очень неприятно *)...

«Видите, какъ мы одинаково думаемъ... Я вамъ давно говорила, что вы — никакого поколѣнія; вамъ приходится согласиться. Что - жь дѣлать! Но, право, это горе не велико. Я даже чувствую его такъ мало, что не прожѣню своего среднего положенія на самую большую крайность, нигилистическую или добродѣтельную. Я увѣрена: если когда-нибудь будетъ людямъ хорошо на свѣтѣ, то будетъ хорошо не *по-ихнему*, а по-нашему.

«Вы говорите, что въ моихъ романахъ я указывала женщинамъ новую дорогу. Нѣтъ, другъ мой, вы ошиблись. Новое существованіе, можетъ быть. Женщина никогда не выбьется на прямую дорогу *одна*, сама собою; ей долженъ помочь въ этомъ весь общій строй жизни. Прежде надо еще поисправиться ему, а теперь — употреблю сравненіе: прыгая по недостроенному, разломанному и нескладному, преслѣдуемая криками зѣвакъ, лаемъ собакъ и неуложною помощью неискреннихъ сочувственниковъ мужскаго пола, женщина только исцарапается, оборвется и ни до чего не достигнетъ. Я просто описывала положеніе женщины, каково оно было, каково оно часто и теперь. Мученичество этого положенія—только слѣдствіе всего окружающаго. Я показывала жертву для того, чтобы виноватые видѣли, *до чего* они доводятъ и, одумавшись, стали бы жить толковѣе. Взгляните на мою «литературную дѣятельность» съ этой точки зрѣнія, и вы убѣдитесь, что

умнѣе будетъ. Конечно, за бранящихся всѣ тѣ „юныя силы“, которымъ льстятъ эти бранящіяся, и потому *Современникъ* и *Русское Слово* будутъ еще долго имѣть почитателей“. (Какъ извѣстно, оба эти журнала никому не „льстили“, проводили каждый тѣ взгляды, которыя та или другая редакція находила болѣе правильными). „Я получаю первый, [но второго не любопытствую даже видѣть, аналъ, кто его дѣлалъ“.

*) Дѣло, безъ сомнѣнія, идетъ о появившейся въ печати статьѣ Хвоцинской *Литтисис добродѣтели*, которая отправлена была въ редакцію еще въ февралѣ и о которой Дудышкинъ писалъ автору 31 іюля 1865 г., что онъ не можетъ помѣстить ее по совершенно особой причинѣ: повѣсти двухъ писательницъ, которыя разбираетъ Хвоцинская въ этой статьѣ, были присланы въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ* по просьбѣ Краевскаго и были забрактованы имъ, Дудышкининымъ. 7 октября 1864 г. Дудышкинъ писалъ Хвоцинской: „Въ вашемъ письмѣ есть такіа слова, что журналы терпятъ въ глазахъ провинціальной публики, ратуа противъ нигилистовъ и между тѣмъ не касаясь *жизной жизни*. Что хотѣли вы этимъ сказать? Очень интересно бы знать, какого разоблаченія нигилизма желаетъ провинціальная публика. Чтѣ здѣсь кажется ясно, какъ день, тѣ тамъ, въ провинціи, можетъ быть, еще облечено туманами и миражами. Напишите, пожалуйста, это будетъ для насъ полезно...“ Быть можетъ, статья *Литтисис добродѣтели* и была отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

я не «смѣлая проводница новыхъ путей», а неудавшійся педагогъ, котораго никто не слушалъ и слушать не станетъ. Я не могла показывать пути, потому что, въ настоящемъ положеніи общества, я его сама не вижу, а не довѣряя тому, что называютъ «улучшеніемъ, шагами впередъ», не смѣю даже сказать, есть ли этотъ путь». Указавъ далѣе на неудовлетворительность выхода, найденнаго героинею *Пансіонерки*, и неудобство всякаго разрыва *), Хвоцинская говоритъ далѣе: «Кончаю тѣмъ, что покуда въ обществѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ большей его части и, преимущественно, между мужчинами, не заведется побольше здраваго смысла,—женщинѣ нѣтъ ни честнаго выхода, ни прямаго пути. А на восходѣ здраваго смысла плохая надежда, судя по наклонностямъ молодаго поколѣнія. Оно натворитъ столько же рабынь, сколько старое, только хуже извративъ ихъ понятія...» **)

По поводу этого письма Н. Д. Хвоцинской и высказанныхъ въ немъ взглядовъ на молодежь шестидесятыхъ годовъ слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что мнѣніе Н—ы Д—ы вызвано въ данномъ случаѣ тѣмъ неблагоприятнымъ впечатлѣніемъ, какое производили на нее шесть лично извѣстныхъ ей молодыхъ людей, жившихъ въ Рязани. Петербургскую молодежь въ это время она знала очень мало ***). Правда, и эта послѣдняя, при ближайшемъ съ нею знакомствѣ, вызвала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (какъ, напримѣръ, въ сферѣ любви) порицанія со стороны Хвоцинской. Но это были лишь отдѣльные случаи, которые подавали поводъ къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ подъ влияніемъ минуты, но которые не помѣшали Хвоцинской впоследствии правильно отнестись къ великому подъему идей въ шестидесятыхъ годахъ и къ молодежи того времени. Еще менѣе продуманнымъ кажется намъ въ приведенномъ письмѣ взглядъ Н. Д. на среднее женское образованіе. Буквальное исполненіе ея совѣта «разсмотрѣть, каково общественное положеніе и средства дѣвочки, да къ тому ее и готовить», могло бы повести къ крайне вредной и потому вовсе не желательной регламентаціи со стороны учебнаго вѣдомства, въ какія заведенія слѣдуетъ принимать дѣтей тѣхъ или другихъ родителей. Но Хвоцинская и сама не такъ буквально понимала свои слова по этому вопросу: это видно изъ того, что далѣе она выражаетъ сочувствіе такой мѣрѣ, гдѣ при допущеніи ученицъ въ гимназію соображались не съ «общественнымъ положеніемъ и средствами дѣвочекъ», а съ желаніемъ родителей и способностями учащихся. Напротивъ, насмѣшки надъ преподаваніемъ естественной исторіи

*) Это мѣсто мы приводили выше, говоря о *Пансіонеркѣ*.

***) Въ припискѣ Софьи Дмитриевны къ этому письму она говоритъ: „Нельзя сказать, чтобы весело жилось, когда живетъ въ разладъ со многими и многими... Годъ этотъ вышелъ мудреный, чувствую, что во многомъ измѣнилась, и далеко не къ лучшему... Не предвижу вдали свиданія... съ людьми, съ которыми можно сказать живое слово. Такъ, пожалуй, въ одинъ прекрасный день очутиться не живой, то-есть не мертвой, но хуже этого—равнодушной ко всему на свѣтѣ“.

***) На это есть указанія въ ея позднѣйшихъ письмахъ.

не были случайностью: получив исключительно гуманитарное образование, Хвоцинская вовсе не знала естественных наук и совершенно не понимала их великаго значенія въ дѣлѣ обученія и развитія юношества. Наконецъ, что касается взгляда Н. Д. на женскую молодежь, то ей, какъ художницѣ и поклонницѣ красоты и всего изящнаго, всегда претила утрировка нигилистической вѣщности, но тѣмъ знаменательнѣе, что даже и въ то время для нея было понятно, что «грязная» (т.-е. дѣвушка, такъ сказать, въ «нигилистическомъ мундирѣ») «дѣльнѣе ложной чувствительной тѣмъ, что преслѣдуетъ честный идеалъ», хотя Хвоцинская была далеко не во всемъ согласна со взглядами подобныхъ дѣвушекъ.

По поводу тогдашнихъ взглядовъ Хвоцинской на женскую молодежь и общественное движеніе того времени, приведемъ слова человѣка, гораздо болѣе Хвоцинской знакомаго съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, а именно нашего извѣстнаго педагога В. И. Родовозова. Въ своей превосходной характеристикѣ такъ называемаго «нигилистическаго» движенія онъ, между прочимъ, говоритъ о «женскомъ вопросѣ»:

„Женщину у насъ не столько стѣснялъ законъ, сколько патриархальный обычай, таготѣвшій надъ нею въ семействѣ и обществѣ. Противъ этого обычая, въ эпоху реформъ, и началась борьба съ особенною силой. Женщина выступила на общественную арену съ того узкаго пути, гдѣ ей предписано было только нянчить дѣтей, заниматься домашнимъ хозяйствомъ, да очаровывать гостей своею любезностью. Она заявила права на болѣе широкое участіе въ трудѣ, въ общественной дѣятельности, которое могло бы послужить новою опорой и для семьи,—на образование, которое сравняло бы ее съ мужчиною. Она даже не искала правъ, а только требовала, чтобы ей дали возможность учиться, и готова была терпѣливо ждать, пока высшее образование не откроетъ ей новыхъ путей къ дѣятельности. Такимъ образомъ, вѣсто прежняго идеала романтической нѣжной барышни, занатай лишь своими чувствами и милой своими невнаніемъ, возникъ идеалъ трезвой труженицы, неутомимой работницы на аренѣ общественной пользы... Толчокъ этому движенію дала экономическая причина. Съ одной стороны, усилившійся чиновничій пролетаріатъ, съ другой—безпомощное положеніе бѣдныхъ помѣщичьихъ семействъ, которыя послѣ отиѣны крѣпостнаго права лишились поддержки своихъ бывшихъ покровителей и родственниковъ,—все это заставило и тѣхъ, которые смотрѣли съ презрѣніемъ на женскій трудъ, думать о томъ, гдѣ бы найти работу для свободныхъ женскихъ рукъ. Но руководящею мыслью у трудящихся женщинъ, все-таки, было освобожденіе своей личности отъ условныхъ приличій, желаніе добиться самостоятельности путемъ образованія, желаніе самой создать свою будущность. Такимъ образомъ, и тѣ, которыхъ родители имѣли средства, уходили изъ дому учиться, если семейная жизнь и обстановка не представляли для этого никакихъ удобствъ. Трудна была жизнь женщины, оторванной отъ семьи, если она и получала изъ дому деньги на свое содержаніе; но каково было тѣмъ бѣднымъ труженицамъ, которыя, приготавливаясь, напримѣръ, къ будущимъ высшимъ курсамъ, еще пытались пробиваться уроками за грошевую плату... Бѣдняки, чѣмъ могли, помогали другъ другу,—не деньгами, такъ книгами и уроками; въ тѣсной каморкѣ студентъ по цѣлымъ часамъ толковалъ будущей курсисткѣ латинъ, математику, удѣляя, для своихъ собственныхъ занятій, ночное время...

„Конечно, и въ средѣ молодаго поколѣнія могли появляться люди, пользовавшіеся новыми ученіями для удовлетворенія своихъ мелкихъ страстишекъ: самолюбія, сластолюбія, для обиранія доврѣчивыхъ жертвователей на общепользное дѣло, какъ были такого же разряда вольтеріанцы, байронисты, романтики. Но при чемъ тутъ какое бы

то ни было учение? Развѣ ханжи съ постыгимъ лицомъ, съ глазами, умильно возведенными къ небу, не дѣлають то же самое?... Нигилисты (будемъ ужь употреблять это названіе), напротивъ, хвалились своимъ безкорыстіемъ, гордились, какъ знаменемъ, своимъ потертымъ платьемъ и плохимъ пледомъ и считаль для себя позоромъ взять что-нибудь отъ богача не за трудъ, если не могъ самъ отдарить его. Съ людьми, которые не казались ему буржуа и аристократами, другое дѣло,—тутъ, порою, онъ совсѣмъ не церемонился. Были навъные люди, которые могли непрощенно придти къ вамъ въ домъ, поселиться у васъ, распоряжаясь всѣмъ, какъ у себя на квартирѣ, надѣвать безъ спросу ваше платье, бѣлье, все на основаніи общности имущества; но такіе люди и сами готовы были отдать все, до послѣдней рубашки, приятелю...

„Этотъ нигилизмъ вызванъ былъ вѣяніемъ новой жизни и, какъ явленіе временное, переходное, представлял и замѣчательный подъемъ общественныхъ силъ, и всѣ недостатки переходнаго движенія... Но все это движеніе послужило сильнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему, болѣе правильному развитію. Нигилистамъ приписывали множество недостатковъ: нераשество, грубость и рѣзкость манеръ, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ и приговорахъ, не оправдываемый ни умомъ, ни образованіемъ, легкомысленное сужденіе о людяхъ по однимъ вѣшнымъ признакамъ, крайнюю нетерпимость во взглядахъ и проч. Тутъ надо отличать вліяніе среды: многое вовсе не происходило отъ нигилизма, а являлось какъ остатокъ помѣщичьихъ, чиновничьихъ или семинарскихъ привычекъ; кое-что составляло уже общее свойство молодежи. Но, конечно, далеко не всѣ отличались этими недостатками...“ *).

Все это начинала понимать Хвоцинская еще въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, но окончательно пришла къ подобному же выводу лишь позднѣе, и результатомъ этого новаго пониманія явились въ семидесятихъ годахъ очерки, вошедшіе въ составъ *Альбома*, и начало романа *Бѣлое*, къ сожалѣнію, оставшееся только началомъ, по причинамъ, отъ автора не зависѣвшимъ. Но въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ нѣкоторыя стороны во взглядахъ Хвоцинской крайне раздражали тогдашнихъ передовыхъ людей. Нелюбовь къ ней В. А. Слѣпцова можетъ еще объясняться личными мотивами; но раздражительно относились къ Хвоцинской, по ея собственному признанію, и такіе люди, какъ М. Ил. Михайловъ. Это отношеніе къ ней Михайлова, а также откровенное выраженіе Хвоцинскою антипатіи къ нѣкоторымъ полемическимъ приемамъ сотрудниковъ *Русскаго Слова* могли создать почву для того рѣзкаго и незаслуженнаго осужденія ея произведеній, какое мы увидимъ въ статьѣ журнала *Дѣло* 1870 года, подъ названіемъ *Женское бездушіе*.

Однимъ изъ первыхъ толчковъ къ измѣненію взглядовъ Хвоцинской въ пользу людей шестидесятихъ годовъ было то, что, возвратившись въ 1866 г. съ мужемъ изъ Петербурга, она нашла въ Рязани не мало людей, высланныхъ туда административнымъ порядкомъ. Способность къ глубочайшему состраданію была одною изъ основныхъ чертъ ея характера, а затѣмъ изъ этого побужденія могло постепенно развиться и болѣе глубокое пониманіе людей шестидесятихъ годовъ. Недаромъ и въ приведенномъ письмѣ 1865 г. есть указаніе на то, что страданія молодежи въ 1861 году вызывали бо-

*) Все сдѣланную В. И. Водовозовымъ характеристику молодежи шестидесятихъ годовъ смотри въ составленной мною его биографическомъ очеркѣ (Спб., 1888 г., стр. 141—148).

лѣе симпатичное отношеніе къ ней Хвоцинской. Дѣло не обходилось и позднѣе (въ Рязани) безъ горячихъ споровъ съ молодежью, во время которыхъ Н. Д., по ея собственному выраженію, «задвигалась стуломъ», но, все-таки, первоначальная несимпатія съ ея стороны къ людямъ шестидесятихъ годовъ постепенно замѣнилась полнымъ пониманіемъ, отдѣленіемъ пшеницы отъ плевелъ, истиннаго, здороваго зерна отъ наноснаго сора и горячимъ сочувствіемъ общественному движенію того времени.

При сердечной дружбѣ сестеръ Хвоцинскихъ понятно, какою страшною потерей для Н. Д. была смерть ея старшей сестры Софьи Дмитріевны, скончавшейся 5 августа 1865 года. Въ ней она теряла не только друга, близкаго товарища по литературной дѣятельности, но и опору въ разныхъ житейскихъ передрягахъ. Узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, Дудышкинъ написалъ Н. Д. самое сочувственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорить: «Я знаю, чѣмъ была для васъ Софья Дмитріевна, видѣлъ вашу радость при встрѣчѣ съ ней, видѣлъ и ваши слезы, когда она была больна въ Петербургѣ. Поэтому я вполне знаю, какъ вамъ легко теперь... Мнѣ передано ваше желаніе, чтобы о Софьѣ Дмитріевнѣ ничего не писать... На этотъ разъ я исполню ваше желаніе; но согласитесь, что это жестоко съ вашей стороны. Будутъ знать, будутъ и писать». Смерть сестры произвела на Хвоцинскую потрясающее впечатлѣніе: она была больна, чуть не сошла съ ума, хотѣла отравиться. Главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ охватившаго ее чувства одиночества, она, вскорѣ послѣ смерти сестры, согласилась выйти замужъ за доктора Заюнчковскаго.

В. Семеvскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учено-литературная дѣятельность Н. С. Тихонравова.

(Библиографическій очеркъ).

„Каждый ученый трудъ долженъ быть оценываемъ въ силу потребностей и средствъ того времени, къ которому онъ относится“.

Н. С. Тихонравовъ.

Третьяго октября текущаго года исполнилось сорокъ лѣтъ съ той поры, какъ появился въ свѣтъ первый ученый трудъ извѣстнаго профессора Московскаго университета Николая Саввича Тихонравова и тѣмъ открылся длинный рядъ его замѣчательныхъ изслѣдованій, которыми вполне справедливо можетъ гордиться исторія нашей родной литературы. Этотъ день былъ ознаменованъ посвященіемъ юбиляру изданія *Толковой Палки* (по лучшему списку 1406 года), какъ памятника, «впервые освѣщеннаго имъ на лекціяхъ». Съ своей стороны, мы считаемъ важнымъ представить по возможности полный обзоръ учено-литературныхъ трудовъ Н. С. Тихонравова, напечатанныхъ въ продолженіе сорока лѣтъ (1850—1890 г.). Такой обзоръ, по нашему мнѣнію, требовался уже давно, потому что многія статьи, помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, никогда не представлялись въ полномъ хронологическомъ списокѣ и также ни разу не перепечатывались въ одно цѣлое собраніе. Пусть же нашъ библиографическій очеркъ наглядно укажетъ всѣмъ, какъ постепенно развивалась плодотворная учено-литературная дѣятельность юбиляра, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ посылною данью признательности «дорогому учителю» отъ бывшаго ученика, пишущаго эти строки...

Николай Саввичъ Тихонравовъ, какъ видно изъ его автобіографической замѣтки ¹⁾, родился 3 октября 1832 года и учился въ 3-й московской гимназіи, которая своимъ устройствомъ рѣзко отличалась отъ большинства среднеучебныхъ заведеній: она, послѣ низшихъ общихъ классовъ, имѣла три отдѣленія: *реальное* (коммерческое), *классическое* съ однимъ латин-

¹⁾ *Знакомые*, альбомъ М. И. Семенова. Сиб., 1888 г., стр. 42.

СКИМЪ ЯЗЫКОМЪ И КЛАССИЧЕСКОЕ СЪ ДВУМА ДРЕВНИМИ ЯЗЫКАМИ ¹⁾. Н. С. съ БОЛЬШИМЪ УСПѢХОМЪ ПРОШЕЛЪ ПОЛНЫЙ КУРСЪ ПОСЛѢДНЯГО ОТДѢЛЕНІЯ И, ПРИ ВЫПУСКѢ ИЗЪ ГИМНАЗИИ ВЪ 1849 ГОДУ, ПОЛУЧИЛЪ СЕРЕБРЯНУЮ МЕДАЛЬ ²⁾. КАЗАЛОСЬ, ПРЕДЪ ДАРОВИТЫМЪ ЮНОШЕЙ ОТКРЫВАЛАСЯ ПРЯМАЯ ДОРОГА НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. МЕЖДУ ТѢМЪ, ВЪ МАѢ ТОГО ЖЕ ГОДА, ЕЩЕ ДО ОКОНЧАНІЯ ВЫПУСКНЫХЪ ЭКЗАМЕНОВЪ ВЪ ГИМНАЗИЯХЪ, СОСТОЯЛОСЯ РАСПОРЯЖЕНІЕ—ОПРЕДѢЛИТЬ ДЛЯ КАЖДАГО УНИВЕРСИТЕТА КОМПЛЕКТЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 300 ЧЕЛОВѢКЪ И ПРИ НАЛИЧНОСТИ ТАКОЙ ЦИФРЫ НА ВЫСШИХЪ КУРСАХЪ ПРЕКРАТИТЬ ПРИЕМЪ НОВЫХЪ СЛУШАТЕЛЕЙ ³⁾. НА ФАКУЛЬТЕТАХЪ СТАРѢЙШАГО УНИВЕРСИТЕТА НЕ ОКАЗАЛОСЯ СВОБОДНЫХЪ ВАКАНСІЙ. ПОЭТОМУ Н. С. БЫЛЪ ПРИНУЖДЕНЪ ПОСТУПИТЬ НА ПЕРВЫЙ КУРСЪ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА. НО ТОЛЬКО ОДИНЪ ГОДЪ ОНЪ ПРОБЫЛЪ ВЪ ЭТОМЪ ЗАВЕДЕНІИ: ЕГО БОЛѢЕ ПРИВЛЕКАЛЪ РОДНОЙ УНИВЕРСИТЕТЪ, ГДѢ СЛАВИЛИСЯ СВОИМИ ЛЕКЦІЯМИ ТАКІЕ ПРОФЕССОРА, КАКЪ БУСЛАЕВЪ, ГРАНОВСКІЙ, КУДРЯВЦЕВЪ, СОЛОВЬЕВЪ И ШЕВЬРЕВЪ; МАНИЛИ ТАКЖЕ ЗАНЯТІЯ РУКОПИСЯМИ ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКѢ И ПОГОДИНСКОМЪ ДРЕВНЕХРАНИЛИЩѢ, ЕЩЕ НЕ ПРОДАННОМЪ ВЪ КАЗНУ. БѢ ВЕЛИКОМУ СЧАСТІЮ МОЛОДАГО СТУДЕНТА, ВЪ НАЧАЛѢ 1850—51 УЧЕБНАГО ГОДА ОТКРЫЛАСЯ КАЗЕННОКОШТНАЯ ВАКАНСІЯ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ ДОРОГАГО УНИВЕРСИТЕТА. ОДНАКО, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ЕЕ, ПОТРЕБОВАЛОСЬ ИСПОЛНЕНІЕ ПИСЬМЕННОЙ РАБОТЫ. ДЛЯ ЭТОЙ ЦѢЛИ Н. С. НАПИСАЛЪ *НѢскольکو словъ по поводу статьи «Современника» (1850 г., кн. 8, отд. II): «Кай Валерій Катулъ и его произведенія»*. ЭТОТЪ ПЕРВЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРУДЪ, ТОГДА ЖЕ НАПЕЧАТАННЫЙ ВЪ *Москвитяинѣ* ⁴⁾, ЯРКО СВИДѢТЕЛЬСТВОВАЛЪ ОБЪ ОСНОВАТЕЛЬНОМЪ КЛАССИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ АВТОРА-СТУДЕНТА, ОБЪ ЕГО ОБШИРНОЙ НАЧИТАННОСТИ И, ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ, О ЖѢТКОЙ, ТОНКОЙ КРИТИКѢ. НА ПЕРВЫХЪ СТРАНИЦАХЪ УКАЗЫВАЛОСЬ, КАКЪ МАЛО У НАСЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ, И ОСУЖДАЛОСЬ ЛЕГКОЕ, ДИЛЛѢТАНТСКОЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ АНТИЧНЫМЪ ЛИТЕРАТУРАМЪ: «Люди, почти вовсе незнакомые съ древней Греціей и Римомъ, — писалъ молодой авторъ, — считаютъ своею обязанностью проронить, съ приличною важностью, слова два-три о древней греческой и римской литературѣ». ДАЛѢ ШЕЛЪ ПОДРОБНЫЙ РАЗБОРЪ *Iliady* (ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА), А ЗА НИМЪ—ЯСНОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВОЙСТВЪ РИМСКОЙ ПОВѢИ ПО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ ВИРГИЛІЯ, ГОРАЦІЯ И ОВИДІЯ. ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ЖЕ СВОЕЙ КРИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ АВТОРЪ ПРЕДЛОЖИЛЪ НѢСКОЛЬКО СОБСТВЕННЫХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ИЗЪ КАТУЛЛА.

Высокими достоинствами своего перваго опыта Н. С. не только достигъ

¹⁾ *Краткій историческій очеркъ пятидесятилѣтія московской 3-й гимназіи*. П. Виноградова. М., 1889 г., стр. 4—12.

²⁾ Тамъ же, стр. 217.

³⁾ *Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія*. Спб., 1864 г., т. II, отд. 2, стр. 877 и 879.

⁴⁾ *Москвитяинѣ* 1850 г., т. V, № 19, отд. IV, стр. 114—184, за подписью: Н. Т'. Этотъ номеръ *Москвитяина*, процензурованный В. Лешковымъ 30 сентября, вышелъ въ свѣтъ 3 октября. (См. *Московскія Вѣдомости* 1850 г., № 118).

желанной цѣли—перехода въ Московскій университетъ, но также обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ членовъ факультета. Дальнѣйшими же занятіями въ теченіе трехъ лѣтъ онъ еще болѣе оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Съ одной стороны, ему пришлось хорошо зарекомендовать себя дѣятельнымъ участіемъ въ такъ называемыхъ педагогическихъ бесѣдахъ; на нихъ даровитый студентъ, съ большимъ одобреніемъ проф. Шевырева, прочелъ свои изслѣдованія: *О рѣдкихъ русскихъ книгахъ, О Новикова и О заимствованіяхъ русскихъ писателей* ¹⁾. Съ другой стороны, изъ-подъ его пера, въ продолженіе университетскаго курса, вышло нѣсколько историко-литературныхъ статей, полныхъ новизны. Къ нимъ, прежде всего, относится замѣтка ²⁾ о рѣдкой книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre-le-Grand, par un Voyageur russe* (A. Livougne, 1771). Извѣстный библиографъ С. Д. Полторацкій, найдя эту брошюру, перепечаталъ ее безъ всякихъ розысканій ³⁾. Между тѣмъ, Н. С., приводя указаніе изъ *Словаря* Новикова, что въ 1766 году одинъ русскій путешественникъ сообщилъ въ Лейпцигскій журналъ *Извѣстіе* о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ, выразилъ догадку: не есть ли изданный Полторацкимъ *Опытъ* одно и то же съ *Извѣстіемъ*, напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигскомъ журналѣ? Черезъ десять лѣтъ, когда былъ найденъ подлинный нѣмецкій текстъ *Извѣстія* ⁴⁾, предположеніе студента Тихонравова оправдалось въ точности. Затѣмъ, въ 1852 году Н. С. печатаетъ большую статью о смирдинскомъ изданіи *Сочиненій Ломоносова* ⁵⁾. Исправляя въ своей статьѣ многія ошибочныя свѣдѣнія, молодой авторъ впервые раскрылъ важное значеніе *Риторики* Ломоносова и указалъ на цѣлый рядъ его произведеній, пропущенныхъ въ изданіи Смирдина. Между прочимъ, съ любопытными подробностями, имъ были названы *Стихи на Петровъ день* и *Проектъ* путешествія къ сѣверному полюсу. Очень скоро важныя замѣчанія о *Проектѣ* вошли въ книгу, изданную гидрографическимъ департаментомъ подъ названіемъ: *Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова* (Спб., 1854 г.). Въ добавленіе къ названному разбору смирдинскаго изданія Н. С. напечаталъ малозвѣстный трудъ Ломоносова: *Судъ российскіихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ* ⁶⁾ и помѣстилъ статью: *Для біографіи Ломоносова* ⁷⁾. Здѣсь онъ, на основаніи документовъ, отысканныхъ у Штелина, напечаталъ *Оду* гр. А. Шувалова въ честь

1) *Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Импер. Московск. университета за 1852—1853 г.*, стр. 10.

2) *Московскія Вѣдомости* 1851 г., № 150, стр. 1461—1462.

3) *Révue Étrangère* 1851 г., т. LXXX, кн. 10, стр. 1—15.

4) *Библиографическія Записки* 1861 г., т. III, №№ 20, стр. 609—622.

5) *Московскія Вѣдомости* 1852 г., литература, отдѣлъ, № 46, 47 и 74.

6) *Москвитининъ* 1852 г., т. III, кн. 10, отд. IV, стр. 1—4.

7) *Москвитининъ* 1858 г., т. I, № 8, отд. IV, стр. 17—26.

Ломоносова и *Похвальное слово* ему самого Штелина ¹⁾). Почти одновременно съ изслѣдованіями о Ломоносовѣ появляются замѣтки и о *Сочиненіяхъ Фонъ-Визина* ²⁾), также изданныхъ Смирдинымъ. Повторяя свой прежній пріемъ, т.-е. указывая на недостатки изданія, молодой критикъ впервые обнаружилъ многія заимствованія автора *Недоросля* изъ иностранныхъ произведеній: напримѣръ, онъ открылъ, что нѣкоторыя реченія, приведенныя въ Фонъ-Визинскомъ *Опытѣ сословника*, сокращенно переведены изъ Жирарова словаря французскихъ синонимовъ, а наивное разсужденіе Простаковой о географіи взято изъ повѣсти Вольтера *Jeanot et Colin*. Такими же новыми и цѣнными указаніями были полны статьи Н. С. Тихонравова, посвященныя тремъ позднѣйшимъ писателямъ: Гоголю, Дельвигу и Пушкину. Тотчасъ же по кончинѣ перваго изъ нихъ появилось нѣсколько скороспѣлыхъ біографій, полныхъ ошибокъ или пробѣловъ. Н. С. обратилъ особенное вниманіе на статью (П. А. Кулиша): *Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя*, напечатанную въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1852 г., кн. 4), и сдѣлалъ къ ней серьезныя поправки и дополненія ³⁾). Въ ряду послѣднихъ, какъ новость, сообщалась стихотвореніе *Италія* и поэма *Ганцъ Кохельмартенъ*, такъ что г. Кулишъ, перепечатавая свою статью въ болѣе полномъ видѣ на страницахъ *Современника*, считалъ долгомъ признать важность свѣдѣній, указанныхъ г. Тихонравовымъ ⁴⁾). Что же касается двухъ остальныхъ писателей — Дельвига и Пушкина, то Н. С., ознакомившись съ трудомъ В. П. Гаевского о первомъ изъ нихъ (*Современникъ* 1853 г., кн. 2) и съ его же *Библиографическими замѣтками* (*Отечественныя Записки* 1853 г., кн. 5), напечаталъ важныя *Замѣчанія на статью г. Гаевского о Дельвигѣ* ⁵⁾) и основательный *Разборъ біблиографическихъ замѣтокъ г. Гаевского о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига* ⁶⁾). Наконецъ, къ числу студенческихъ работъ Н. С. Тихонравова относится едва ли знаемый многимъ указатель сочиненій Жуковскаго, доставленный проф. С. П. Шевыреву. Послѣдній присоединилъ этотъ біблиографическій трудъ къ своей актовой рѣчи *О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи* ⁷⁾) съ такимъ любопытнымъ примѣчаніемъ: «Считаю полезнымъ при-

¹⁾ Ради полноты нашего очерка, отмѣтимъ, что статьи Н. С. Тихонравова о Ломоносовѣ вызвали замѣчанія А. Д. Галахова, помѣщенныя въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1858 г., т. LXXXVII, кн. 8, отд. V, стр. 39—40; 1858 г., т. XC, кн. 9, отд. V, стр. 72—74). На эти замѣчанія молодой авторъ отвѣтилъ *Возраженіемъ*, напечатаннымъ въ томъ же журналѣ (1854 г., т. XCIV, кн. 5, отд. IV, стр. 31—32).

²⁾ *Московскія Вѣдомости* 1853 г., литературный отдѣлъ, № 6.

³⁾ *Отечественныя Записки* 1853 г., т. LXXXVI, кн. 2, отд. VII, стр. 109, и *Московскія Вѣдомости* 1853 г., № 51.

⁴⁾ См. *Современникъ* 1854 г., т. XLIII, кн. 2, от. II, стр. 72.

⁵⁾ *Москвитяинъ* 1853 г., т. II, № 6, отд. V, стр. 64—98.

⁶⁾ *Отечественныя Записки* 1853 г., т. LXXXIX, кн. 7, отд. VII, стр. 24—31.

⁷⁾ См. брошюру: *Речи и отчетъ, читанныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго университета* (М., 1853 г., стр. 75—83) и *Москвитяинъ* 1853 г., т. I, № 2, отд. I, стр. 136—166.

ложить списокъ произведеній Жуковскаго, напечатанныхъ въ разныхъ по-временныхъ изданіяхъ, составленный г. студентомъ историко-филологическаго факультета, 4 курса, *Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности*».

Приведенный лестный отзывъ, блистательно оправдавшійся впоследствии, открыто былъ высказанъ незадолго до выпуска нашего ученаго изъ университета. Въ половинѣ 1853 г. Н. С. окончилъ университетскій курсъ со степенью перваго кандидата и съ награжденіемъ золотою медалью за сочиненіе на заданную факультетомъ тему: *О члѣмъскихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіею* ¹⁾. Съ этихъ поръ для молодаго кандидата на недолгое время (1853—1857 г.) открылась карьера преподавателя русскаго языка и словесности при 1-й московской гимназій. Въ своей дѣятельности, какъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства А. Е. Викторова ²⁾, онъ находился подъ руководствомъ Ѳ. И. Буслаева: слѣдуя методу своего знаменитаго наставника, начинающій педагогъ преподавалъ русскую грамматику *сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ*, а исторію древней и новой русской литературы прямо *по памятникамъ и образцамъ*. Вмѣстѣ съ преподавательскою службой Н. С. соединилъ и свою учено-литературную дѣятельность. Тогда его имя, на основаніи прежнихъ, нами указанныхъ трудовъ, получило такую извѣстность въ печати, что редакторъ-издатель А. А. Краевскій, еще въ октябрѣ 1853 года, счелъ важнымъ сдѣлать слѣдующее объявленіе: «Мы предполагаемъ помѣстить въ *Отечественныхъ Запискахъ* рядъ статей С. М. Соловьева и Н. С. Тихонравова о Барамзинѣ, какъ историкѣ и литераторѣ» ³⁾. Однако, по неизвѣстной намъ причинѣ, этотъ уже объявленный трудъ объ авторѣ *Писемъ русскаго путешественника* не вышелъ въ свѣтъ. Вмѣсто него, Н. С. напечаталъ *Нѣсколько сочиненій Пушкина* (сцену изъ *Бориса Годунова*, статью о *Сочиненіяхъ Катенина*, письма къ Б. А. Т—вой и А. А. Фуксъ) ⁴⁾, *Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и литература въ 1812 году* ⁵⁾ и критическую статью о книгѣ М. А. Дмитріева: *Мелочи изъ запаса моей памяти* ⁶⁾. Большая же часть времени учительскаго досуга имѣть посвящалась на работу для двухъ изданій, какія готовилъ Московскій университетъ ко дню

¹⁾ *Краткій отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго университета за 1853 годъ*, стр. 17 и 20. Названное сочиненіе Н. С. Тихонравова, насколько знаемъ, не появилось въ печати.

²⁾ *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ*. Спб., 1881 г., т. XXI, № 8, стр. 21—28.

³⁾ *Отечественныя Записки* 1853 г., т. XC, кн. 10, отд. II, стр. 81.

⁴⁾ *Москвитянинъ* 1854 г., т. II, № 5, отд. III, стр. 1—11.

⁵⁾ *Отечественныя Записки* 1854 г., т. XCV, кн. 7, отд. II, стр. 1—70 и отдѣльный оттискъ: Спб., 1854 г. Этотъ трудъ вызвалъ *Два слова* М. П. Погодина въ *Москвитянинѣ* (1854 г., т. IV, № 16, отд. V, стр. 91), на которыя Н. С. отвѣтилъ *Письмомъ въ Отечественныхъ Запискахъ* (1854 г., т. XCVII, кн. II, отд. IV, стр. 49—52).

⁶⁾ *Отечественныя Записки* 1855 г., т. XCVIII, кн. 1, отд. III, стр. 1—22.

своего столѣтняго юбилея: для *Биографическаго словаря профессоровъ и для Биографической лѣтописи бывшихъ студентовъ*. Въ первомъ изданіи, по указанію редактора С. П. Шевырева, кандидату Тихонравову принадлежали биографическіе очерки трехъ замѣчательныхъ профессоровъ-иностранцевъ: *Баузе, Буле и Шварца* ¹⁾, написанные при помощи рѣдкихъ книгъ и рукописныхъ документовъ, а во второмъ изданіи, не увидавшемъ свѣта и оставшемся въ недопечатанномъ видѣ, двѣ историко-литературныя статьи о *Д. И. Фомъ-Визинъ* и *В. Г. Рубанъ*. Особенно важна по точности собранныхъ фактовъ статья объ авторѣ *Недоросля*, къ сожалѣнію, мало извѣстная даже записнымъ библіографамъ.

Учено-литературная дѣятельность въ связи съ успѣшнымъ преподаваніемъ въ гимназіи скоро приблизила Н. С. Тихонравова къ профессорской кафедрѣ. Еще въ началѣ 1854 года его имѣли въ виду, какъ адъюнта русской словесности, въ университетѣ св. Владиміра. При выборѣ на это мѣсто достойнаго представителя, въ историко-филологическомъ факультетѣ названнаго университета было прочтено полученное отъ помощника попечителя кievскаго учебнаго округа—М. В. Юзефовича—письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что «во время его пребыванія въ Москвѣ члены московскаго историко-филологическаго факультета и въ томъ числѣ профессоръ Бодянский, Буслаевъ и Леонтьевъ, отзывы коихъ имѣютъ неоспоримый вѣсъ по части славяно-русской филологіи и теоріи поэзіи, рекомендовали ему кандидата историко-филологическаго факультета Московскаго университета г. Тихонравова, который по способностямъ своимъ и по основательнымъ познаніямъ вполне заслуживаетъ этою назначеніемъ. «Историко-филологическій факультетъ, имѣя въ виду еще сонскателя—А. И. Линиченко—предложилъ обоимъ кандидатамъ представить сочиненія, написанныя на избранныя ими самими темы, по предмету русской филологіи. На этотъ конкурсъ г. Тихонравовъ не отозвался»,—прибавляетъ историкъ университета ²⁾. Конечно, такое молчаніе зависѣло отъ того, что Н. С. уже былъ намѣченъ на одну изъ кафедръ Московскаго университета. Дѣйствительно, съ 5 іюня 1857 года онъ былъ опредѣленъ туда исправляющимъ должность адъюнта по предмету *педагогикіи* ³⁾. Эту кафедру, введенную въ университетскій уставъ только съ 5 ноября 1850 года, по примѣру Главнаго Педагогическаго института, для теоретическаго и практическаго приготовленія студентовъ къ учительскому званію ⁴⁾, занималъ съ 10 января слѣдующаго года профессоръ русской словесности С. П.

1) *Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета*. М., 1855 г., ч. I, стр. 68—89, 112—128; ч. II, стр. 574—599.

2) М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Исторія Импер. университета св. Владиміра“. Кіевъ, 1884 г., т. I, стр. 560.

3) *Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1857 годъ*, стр. 5.

4) С. П. Шевырева: „Исторія Импер. Московскаго университета“. М., 1855 г., стр. 502.

Шевыревъ ¹⁾. Оставляя Московскій университетъ въ маѣ 1857 года, онъ естественно могъ передать кафедру педагогики своему лучшему ученику, который, хотя недолго, былъ студентомъ Педагогическаго института, состоялъ нѣсколько лѣтъ образцовымъ преподавателемъ и, притомъ, показалъ вѣрные взгляды на воспитаніе при оцѣнкѣ дѣятельности Баузе и Шварца. И, въ самомъ дѣлѣ, Н. С. оправдалъ выборъ роднаго университета. Сверхъ чтенія теоретическихъ лекцій по порученной кафедрѣ, имъ были учреждены *съ первыи разъ* практическіе уроки казенныхъ студентовъ съ учениками московскихъ гимназій; затѣмъ, избранный постояннымъ членомъ такъ называемыхъ *Педагогическихъ курсовъ*, открытыхъ на основаніи положенія 20 марта 1860 года ²⁾, онъ руководилъ кандидатовъ-педагоговъ, читая имъ лекціи дидактики и практически показывая методы преподаванія; наконецъ, съ іюня того же 1860 года его назначили завѣдующимъ по устройству воскресныхъ школъ ³⁾. Такая оживленная дѣятельность еще болѣе возросла, когда адъюнкту-педагогу передали и чтеніе лекцій по исторіи русской литературы. Преподаваніе этой науки въ Московскомъ университетѣ еще ранѣе предназначалось Н. С. Тихонравову. Такъ, 8 августа 1857 года историко-филологическій факультетъ, совѣщаясь о преемникѣ С. П. Шевырева по кафедрѣ русской словесности, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Н. С. Тихонравова, который давно зарекомендовалъ себя важными учено-литературными трудами; но нѣкоторые члены факультета, особенно проф. Бодяинскій ⁴⁾, рекомендовали А. А. Майкова, какъ *магистра славянской филологіи*. Послѣдній дѣйствительно занялъ кафедру, но пробылъ на ней только два года (1857—1859 г.) и вышелъ въ отставку. Тогда то историко-филологическій факультетъ единогласно избралъ Н. С. Тихонравова адъюнктъ-профессоромъ по кафедрѣ русской словесности (съ 4 сентября 1859 года) ⁵⁾. Съ этого знаменательнаго дня и открылась та плодотворная дѣятельность нашего ученаго, которая такъ широко прославилъ его имя: она доставила ему почетный дипломъ на степень доктора русской словесности (1870 г.) ⁶⁾, она же наградила его высокимъ званіемъ ординарнаго академика Императорской академіи наукъ ⁷⁾.

¹⁾ *Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1851 годъ*, стр. 5.

²⁾ *Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1860 годъ*, стр. 3.

³⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1860 г., т. XXVII, кн. 12, стр. 353.

⁴⁾ См. его письмо къ министру народн. просвѣщенія А. С. Норову (*Русскій Архивъ* 1888 г., кн. 9, стр. 159—161).

⁵⁾ *Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московск. университ. за 1859 г.*, стр. 6.

⁶⁾ Благодаря этому диплому, Н. С. могъ быть [не только экстраординарнымъ (1870—1871 гг.), ординарнымъ (1871—1882 гг.) и заслуженнымъ (съ 5 іюня 1882 г.) профессоромъ, но также деканомъ (1876—1877 гг.) и ректоромъ Московскаго университета (съ 31 мая 1877 г. до 4 сентября 1888 года).

⁷⁾ Въ этомъ званіи Н. С. утвержденъ съ 3 марта 1890 года, а передъ тѣмъ онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности (съ 11 декабря 1863 года).

Не имѣя въ виду характеризовать Н. С. Тихонравова, какъ профессора, мы считаемъ наиболѣе важнымъ прослѣдить его труды, напечатанные имъ, во время всей университетской службы, то на страницахъ періодическихъ изданій, то отдѣльными книгами. Эти труды появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1858 г. Незданная сатира кн. А. Д. Кантемира, съ предисловіемъ (*Библиографическія Записки*, т. I, № 3, стр. 65—74, и отдѣльный оттискъ: М., 1858 г., 16 стр.). Эта сатира, подъ названіемъ: *На состояніе Сента сего къ солнцу*, открыта Н. С. Тихонравомъ въ рукописномъ сборникѣ Импер. Публичной библиотеки и напечатана съ примѣчаніями ¹⁾.

Кирьякъ Кондратовичъ, переводчикъ прошлаго столѣтія (*Библиографическія Записки*, т. I, № 3, стр. 225—236, и отдѣльный оттискъ: М., 1858 г., 19 стр.). Подъ такимъ заглавіемъ, кромѣ біографическихъ свѣдѣній, напечатаны доношенія и два письма Кондратовича, по подлинникамъ Импер. Публич. библиотеки. Замѣтка В. Кюхельбекера въ альбомѣ С. Д. П.—ой, 1820 г. (*Библиографическія Записки*, т. I, № 3, стр. 237).

Разборъ книги Н. Сушкова: „Московскій университетскій благородный пансіонъ“ (*Московскія Вѣдомости*, литературн. отдѣл., №№ 85 и 90).

Въ этомъ же году Н. С. писалъ исследование о *Н. И. Новиковѣ*, какъ показываетъ замѣтка А. Н. Афанасьева: „Полная и отчетливая біографія Новикова требуетъ еще многихъ трудовъ и поисковъ; намъ пріятно сообщить, что въ настоящее время надъ этою задачею работаетъ г. Тихонравовъ, съ прекрасными статьями котораго по исторіи русской словесности публика давно знакома“ (*Библиографич. Записки* 1852 г., т. I, № 6, стр. 162). Но этотъ трудъ проф. Тихонравова не былъ напечатанъ въ полномъ видѣ: подлѣе появились лишь небольшой отрывокъ въ *Литотисляхъ русской литературы* (1863 г., т. V., отд. II, стр. 1—10).

1859 г. Извѣстіе о Россіи въ XVII вѣкѣ (*Архивъ истор. и практ. свѣдѣній*, изд. Н. Калачовымъ, № 3). Это „сообщеніе“ заимствовано изъ книги: *Космографія, какъ переведена съ римскаго языка на славянской, отъ созданія міра 7173 г.* (1666 г.).

Школьное благочиніе (*Московскія Вѣдомости*, литературн. отдѣл., № 20). Вступительная лекція, читанная 25 сентября 1859 года (*Моск. Вѣдомости*, литературн. отдѣл., № 232, и отдѣльный оттискъ: М., 1859 г., 11 стр.). Это первая лекція, которой Н. С. начиналъ преподаваніе исторіи русской литературы въ Московскомъ университетѣ.

Съ апрѣля 1859 года и до октября 1863 года Н. С. Тихонравовъ издавалъ пять томовъ своего журнала, извѣстнаго подъ заглавіемъ: *Литотисля русской литературы и древности*. По словамъ предварительнаго объявленія ²⁾, *Литотисля* имѣли въ виду расширить кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій, знакома съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до тѣхъ поръ, несмотря на свое высокое значеніе, оставались ненаданными и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію. „Строго держась сравнительно-историческаго метода при изученіи литературы“, издатель обѣщавъ „помощать: а) изслѣдованія по исторіи русской литературы и искусства; б) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку и т. п., насколько эти изслѣдо-

¹⁾ Позже Н. С., по порученію общества любителей россійской словесности, приготовилъ *Собраніе сочиненій и переводовъ Кантемира* (*Современн. Литотисля* 1864 г., № 41, стр. 6), но оно не было издано.

²⁾ Оно напечатано въ *Библиографич. Запискахъ* (1859 г., т. II, № 2, стр. 55—57).

ванія содѣйствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; в) обзоръ древности и литературъ иностранныхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной“. Сообразно такой программѣ, на страницахъ *Литотисей русской литературы* были напечатаны многія выдающіяся изслѣдованія нашихъ ученыхъ (наприм., Ѳ. И. Буслаева, А. Е. Викторова, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Н. А. Попова, С. М. Соловьева и др.). Но болѣе всего обогатилъ свой журналъ самъ издатель. Въ пяти томахъ *Литотисей*, кромѣ мелкихъ статей, сообщеній и замѣтокъ, онъ помѣстилъ свои замѣчательныя изслѣдованія надъ такими памятниками, какъ *Повесть объ Аполлонѣ Тирскомъ*, *Луцидаріусъ*, *Трагедо-комедія Варлаама Лавровскаго*, *Повесть о преніи живота съ смертію* (т. I), *Русскія интермедіи первой половины XVIII вѣка* (т. II), *Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*, *Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской* (т. III), *Слова и поученія, направленные противъ языческихъ отропаній и обрядовъ* (т. IV), *Стоглавъ* (т. V) и мног. др. Можно положительно сказать, что всѣ томы *Литотисей* представляли богатый родникъ для занимавшихся русскою литературой и до сихъ поръ не утратили своего важнаго значенія.

1861 г. Письма профессоровъ Московскаго университета къ попечителю московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьеву (*Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древн. російск.*, кн. 3, отд. V, стр. 22—77). Эти письма принадлежали профессорамъ: А. В. Болдыреву, И. А. Двигубскому, М. Я. Мухрову, Р. Ѳ. Тимковскому и Х. А. Чеботареву.

1862 г. Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Издано по раскольнической рукописи. Спб., 118 стр. Это—отдѣльное изданіе *Автобіографіи протопопа Аввакума*, сначала напечатанной въ *Литотисей русской литературы* (1861 г., т. III, отд. II, стр. 117—173).

Разборъ третьяго выпуска „Памятниковъ русской литературы“, издаваемыхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко (*Русскій Вѣстникъ*, т. XXXVII, кн. I, стр. 415—427). Въ разбираемомъ выпускѣ были напечатаны ложныя и отреченныя книги русской старини, собранныя А. Н. Пшенинымъ.

Четыре года изъ жизни Карамзина, 1785—1788 гг. (*Русскій Вѣстникъ*, т. XXXVIII, кн. 4, стр. 732—749). Въ этой статьѣ переданы событія изъ жизни Карамзина во время пребыванія въ Москвѣ, указано на его знакомство съ Новиковскимъ кружкомъ и перечислены его переводы.

1863 г. Памятники отреченной русской литературы. Приложение къ сочиненію: *Отреченныя книги древней Россіи*. Спб., томъ первый, XII + 813 стр. М., IV + 457 стр. ¹⁾.

Въ этомъ же году, какъ указываетъ *Отчетъ Московскаго университета* (стр. 10), Н. С., вмѣстѣ съ хранителемъ рукописей Румянцевскаго музея А. Е. Викторовымъ, приготовилъ къ изданію *Стоглавъ* по списку XVI вѣка съ вариантами изъ многихъ другихъ списковъ и съ приложеніемъ особовъ, доннѣ неизвѣстной редакціи этого памятника. Это изданіе не вышло въ свѣтъ: появилась только *Замѣтка для исторіи Стоглава въ Литотисей русской литературы* (1863 г., т. V, отд. III, стр. 137—144).

1864 г. Разборъ книги П. Безеюнова: „Калики переходячіе“ (*Тридцать третье при- сужденіе демидовскихъ награды*. Спб., стр. 193—229).

Шекснинъ (*Русскій Вѣстникъ*, т. L, кн. 4, стр. 735—752). Этотъ трудъ члѣ-

¹⁾ По словамъ *Отчета Московскаго университета за 1867 годъ* (стр. 20), былъ приготовленъ къ изданію и третій томъ *Памятниковъ*, но онъ до сихъ поръ не напечатанъ.

танъ въ публичномъ собраніи Московскаго университета 23 апрѣля 1864 года, по случаю трехсотлѣтней годовщины рожденія Шекспира.

С. П. Шевыревъ († 8 мая 1865 года), некрологъ (*Московскія Видомости*, № 107). Кроме этого некролога, Н. С. напечаталъ статью *Памяти С. П. Шевырева* въ брошюрѣ: *Рѣчь и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императ. Московскаго университета 12 января 1865 года* (М., 1865 года, стр. 1—9).

1865 г. Программа по русскому языку и словесности для поступающихъ въ студенты Импер. Московскаго университета. М.

О литературной дѣятельности Ломоносова (брошюра: *Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (4 апрѣля 1765—1865 гг.) Императ. Московскимъ университетомъ въ торжественномъ собраніи апрѣля 11 дня*. М., стр. 75—88) ¹⁾.

Боярыня Мерезева, эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола (*Русскій Вѣстникъ*, т. LIX, кн. 9, стр. 5—44).

Въ этомъ же году, на вечернихъ бесѣдахъ, устроенныхъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета, Н. С. прочелъ свой трудъ: *Изъ исторіи Парижскаго университета*; но этотъ трудъ остался неизданнымъ.

1866 г. Разборъ книги Н. Полевого: „Историческіе очерки средневѣковой драмы“ (*Русскій Вѣстникъ*, т. LXI, кн. 1, стр. 409—424).

Слово о полку Игоревѣ. М., IX+68 стр. Эта книжка для учащихся вышла и вторымъ исправленнымъ изданіемъ (М., 1868 г., IX+75 стр. съ таблицей). Отчетъ о выпускныхъ экзаменахъ въ московской 3-й гимназій (Циркуляръ по московскому учебн. округу, № 11).

Въ названномъ году Н. С. прочелъ шесть публичныхъ лекцій по исторіи древней русской литературы и въ торжественномъ собраніи университета рѣчь: *Карамзинъ въ исторіи русской литературы*. Какъ лекціи, такъ и указанная рѣчь не были напечатаны. Впрочемъ, краткое содержаніе послѣдней передано въ *Московск. Видомостяхъ* (1866 г., № 254).

1867 г. Разборъ изданія П. Ефремова: „Матеріалы для исторіи русской литературы“ (*Отечественн. Записки*, т. CLXXII, кн. 10, отд. I, стр. 354—378). Въ этой критической статьѣ Н. С., главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду *Опытъ историческаго словаря о российскіихъ писателяхъ* Н. И. Новикова.

Квинтъ Кульманъ (*Русск. Вѣстникъ*, т. LXXII, кн. 11, стр. 183—222; кн. 12, стр. 580—594) ²⁾. Въ этихъ статьяхъ, но новымъ документамъ, рассказана исторія одного мистика, захватившаго въ Москву и сожженного тамъ за распространеніе ереси между обитателями Нѣмецкой слободы.

1868 г. Въ этомъ году Н. С. Тихонравовымъ была произнесена рѣчь о *Крыловѣ* (въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 2 февраля); но эта рѣчь неизвестна въ печати.

1869 г. Разборъ книги И. Чистовича: „Феофанъ Прокоповичъ и его время“ (*Русск. Вѣстникъ*, т. LXXX, кн. 4, стр. 806—823).

Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиневъ (*Русск. Вѣстникъ*, т. LXXXI,

¹⁾ Какъ извѣстно, къ тому же изданію акад. П. Билерскій издалъ *Матеріалы для біографіи Ломоносова* (Спб., 1865 г.). Н. С. сообщилъ для этой книги ненапечатанныя письма Ломоносова къ Шувалову, которыя издатель призналъ *небольшою, но весьма цѣнною частью своего собранія* (Предисловіе, стр. 26—27).

²⁾ Этотъ трудъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *Quintus Kuhlmann. Eine culturhistorische Studie. N. Tichonrawow. Aus dem Russischen übersetzt von A. W. Zechner* (Riga, 1873).

- кн. 5, стр. 1—36). Этот труд был прочтенъ въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ.
- 1870 г. Московскіе вельнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій (*Русск. Вѣстникъ*, т. LXXXIX, кн. 9, стр. 5—61). Этотъ трудъ, посвященный дѣду Тверитинова съ товарищами, имѣлъ продолженіе и окончаніе уже въ 1871 году (т. XCI, кн. 2, стр. 667—720, и т. XCIII, кн. 6, стр. 399—446).
- 1871 г. Записка, поданная духоборцами Екатеринбургской губерніи губернатору Каховскому въ 1791 году (*Чтенія въ общество исторіи и древностей россійск.*, кн. II, стр. 26—79).
- Письмо М. В. Ломоносова къ Н. И. Шувалову (*Бесѣды въ общество любителей россійской словесности*. М., 1871 г., вып. III, стр. 72—86). Это письмо, дважды изданное съ большими пропусками, напечатано Н. С. Тихоуравовымъ по рукописи.
- 1872 г. Краткая реляція. Современный рассказъ о востшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны русскаго резидента при англійскомъ дворѣ, кн. И. А. Щербатова (*Русскій Архивъ*, кн. 6, стр. 1169).
- Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ“, сочиненіе Пепе, въ переводѣ Пеновскаго (*Русскій Архивъ*, кн. 7—8, стр. 1311—1322).
- 1873 г. Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, актовый рѣчь (*Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго университета 12 января 1873 года*. М., стр. 28—60, и отдѣльный оттискъ: М., 1873 г., 35 стр.) *).
- 1874 г. Русскія драматическія сочиненія (1672—1725 гг.). *Къ двухсотлѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены*. Сиб., томъ первый, XLVII + 562 стр.; томъ второй, 498 стр.
- Записка о разговорѣ съ двумя духоборцами архимандрита Евгенія, впоследствии митрополита кіевскаго (*Чтенія въ общество исторіи и древностей россійск.*, кн. IV, стр. 137—145).
- Въ этомъ же году Н. С. Тихоуравовъ участіе въ занятіяхъ третьяго археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ), на одномъ изъ засѣданій прочелъ рефератъ: *Исторія статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*. Краткая передача этого реферата въ *Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи (Кіевъ, 1878 г., т. I, стр. LVIII—LIX)*.
- 1875 г. Аѳинна времянь Петра Великаго (*Русск. Старина*, т. XIII, стр. 436—437).
- Стихотвореніе Печорина: „Прочь, о демонъ лучезарный!“ (*тамъ же*, стр. 454—455).
- Въ этомъ году Н. С. Тихоуравовъ прочелъ два изслѣдованія: а) *Черты народнаго русскаго быта въ допетровскіе памятники духовной литературы*, въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Импер. общества любителей естествознанія, и б) *Московская школьная драма съ первой половиною XVIII вѣка*, въ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Оба названія изслѣдованія не были напечатаны.
- 1876 г. Новый отрывокъ изъ путевыхъ записокъ суздальскаго епископа Авраамія, 1439 г. (*Вѣстникъ общества древн. русск. искусства*, кн. 1, отд. III, стр. 37—42).
- В. И. Григоровичъ, некрологъ (*Московскія Вѣдомости*, № 332).

*) Акад. М. И. Сухомлиновъ, дѣлая докладъ объ этой рѣчи, выразился, что „она представляетъ замѣчательный вкладъ въ нашу ученую литературу по превосходному обзорнѣю драматической дѣятельности въ Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка“ (*Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. академіи наукъ*. Сиб., 1873 г., т. X, стр. LIII—LIV).

- 1878 г. Разборъ книги А. Д. Галахова: „Исторія русской словесности древней и новой“ (*Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи награды зр. Уварова*. Спб., стр. 18—186, и отдѣльный оттискъ: Спб., 1878 г., 124 стр.).
Въ этомъ же году Н. С. прочелъ публичную лекцію: *Древне-русскія сказанія о паденіи Царяграда*, которая осталась неизданной.
- 1879 г. Трагедокомедія Теофана Преконовича „Владиміръ“ (*Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія*, ч. ССІІІ, кн. 5, стр. 52—96).
- 1880 г. А. С. Пушкинъ, рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, при открытіи 6 іюня памятника въ Москвѣ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 8, стр. 706—729).
Подметное письмо 1728 года, изъ дѣлъ Преображенскаго приказа (*Русская Старина*, т. XXVІІІ, стр. 125—131).
- 1881 г. Николай Ивановичъ Пироговъ въ Московскомъ университетѣ (1824—1828 г.). Справки въ документахъ университетскаго архива. М., 12 стр. Эта брошюра издана ко дню Пироговскаго юбилея.
- 1884 г. Синодикъ и родительскій лѣтоисчислитель Стрѣгановыхъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Ученія въ обществѣ исторіи и древностей русскій.*, кн. 1, отд. I, и отдѣльный оттискъ: М., 1884 г., 28 стр.).
Александръ Петровичъ Сумароковъ: современная его характеристика (*Русск. Старина*, кн. 3, стр. 609—618).
Д. В. Дашковъ и гр. Д. Н. Хвостовъ въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ (*Русская Старина*, кн. 7, стр. 105—113).
Приказъ Н. М. Карамзина своему бурмистру (*тамъ же*, стр. 114).
- 1886 г. „Ревизоръ“, комедія Гоголя. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей, съ примѣчаніями, вариантами, приложениями, со статьей: *Очеркъ исторіи текста комедіи „Ревизоръ“*, и снимки рисунковъ Гоголя. М., 231 стр.
Первое представленіе „Ревизора“ на московской сценѣ (*Русская Мысль*, кн. 5, стр. 84—105).
Н. В. Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щенкину (*Русская Старина*, кн. 10, стр. 129—148).
Въ этомъ году, на публичномъ собраніи общества любителей русской словесности, Н. С. прочелъ свое изслѣдованіе: *Когда и какъ писался „Ревизоръ“*.
- 1887 г. „Тарасъ Бульба“ Н. В. Гоголя, главы нежданной редакціи (*Русская Старина*, кн. 3, стр. 711—731; кн. 4, стр. 63—89).
Въ этомъ же году напечатано *Письмо Н. С. Тихопрравоа къ П. Н. Батюшкову* (отъ 1 іюня 1887 года), съ любезною оцѣнкою изданій *Сочиненій К. Н. Батюшкова* (*Русская Старина* 1887 г., кн. 11).
- 1889 г. Одно изъ доисесній протелегера Петра Алексѣева о неперядкахъ въ средѣ монаховъ въ XVIII вѣкѣ (*Русская Старина*, кн. 10, стр. 182—184).
Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое. М., томъ первый, XXIV+712 стр.; томъ второй (вышедшій въ началѣ нынѣшняго года) 816 стр.; томъ третій—613 стр.; томъ четвертый—622 стр.; томъ пятый—684 стр. Это вполнѣ классическое изданіе сочиненій Гоголя заключаетъ въ себѣ текстъ, сверенный съ собственно-ручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній, а также подробныя объяснительныя примѣчанія Н. С. Тихопрравоа.
- 1890 г. М. С. Щенкинъ и Н. В. Гоголь (*Артистъ*, кн. 5). Эта статья была прочтена въ публичномъ засѣданіи общества любителей русской словесности (6 ноября 1888 года) по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія артиста Щенкина.

Николай Ивановичъ Новиковъ въ его перепискѣ съ кн. Н. Н. Трубецкимъ, 1816 г. Русская Старина, кн. 9).

Въ январѣ же нынѣшняго года, на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ, Н. С. прочелъ рефератъ: *О дѣлѣ и житіи Дементіева*, который, можетъ быть, появится въ *Трудахъ* означеннаго съѣзда.

Заканчивая этимъ нашъ трудъ, мы не можемъ не сказать: сколько замѣчательныхъ статей Н. С. Тихонравова напечатано *лишь* въ журналахъ; сколько важныхъ его изслѣдованій *только* прочтено передъ публикой и затѣмъ оставлено подъ спудомъ; сколько, наконецъ, тщательно обработанныхъ имъ лекцій сохранено въ однѣхъ рукописныхъ тетрадяхъ или въ литографированныхъ запискахъ его слушателей! Неужели все это такъ и будетъ оставаться недоступнымъ большинству людей, занимающихся исторіей русской литературы?... Нѣтъ, отъ души желая высокоуважаемому юбиляру большихъ силъ для новой академической дѣятельности, мы не только отъ себя, но, надѣемся, и отъ лица многочисленныхъ учениковъ профессора, рѣшаемся обратиться къ нему съ одною просьбой: пусть всѣ важные его труды, скрытые въ давнихъ періодическихъ изданіяхъ или вполнѣ не издавшіе печати, появятся въ цѣльномъ, систематическомъ «собраніи». Такое «собраніе» краснорѣчивѣе всякихъ словъ будетъ свидѣтельствовать о замѣчательной сорокалѣтней дѣятельности Н. С. Тихонравова на поприщѣ роднаго слова.

Дим. Языковъ.

Изъ исторіи нѣмецкой литературы XIX вѣка *).

Во вступленіи къ предъидущей статьѣ мы старались выяснитъ, какъ вызванное въ Германіи іюльской революціей настроеніе измѣнилось сначала въ убѣжденіе, а потомъ въ общественное мнѣніе; только этому общественному мнѣнію не доставало ясности, оно было незрѣло, туманно, неопредѣленно; недаромъ правительство всѣми силами старалось (держать народъ въ политической незрѣлости. Общественное мнѣніе сходилось пока на томъ, что государственное устройство должно быть измѣнено и что—на основаніи пережитаго опыта—этотъ переворотъ долженъ совершиться, по возможности, по инициативѣ и силами самого общества. Между тѣмъ, общее недовольство росло все больше и больше, кое-гдѣ произошли смуты: такъ, въ Лейпцигѣ, гдѣ были запрещены общественныя собранія для разсмотрѣнія возбужденныхъ Вислиценомъ и Улихомъ вопросовъ, въ Мюнхенѣ, гдѣ безстыдное поведеніе возведенной королею въ графини Ландсфельдъ испанской танцовщицы Лолы Монтезъ возбудило общее негодованіе. Когда же 24 февраля въ Парижѣ былъ низвергнутъ тронъ Орлеановъ и провозглашена республика, то всю Германію охватило сильное лихорадочное возбужденіе. Во всѣхъ городахъ начались сходки, всюду открылись политическіе клубы, и всякій, хотя бы до сихъ поръ ничего общаго не имѣвшій съ политикой, формулировалъ теперь желанія народа. Произошла общая сумятица. Тутъ требовали уничтоженія карлсбадскихъ и вѣнскихъ договоровъ, тамъ—народнаго представительства и всеобщей воинской повинности; одинъ хотѣлъ свободы печати и отмѣненія феодальной системы, другой—возстановленія нѣмецкой имперіи въ прежнемъ блескѣ и рядомъ съ этимъ введенія податей и ввозной пошлины,—разногласный сундуръ, повергшій правительство въ великій ужасъ. Обыкновенно вялый и нерѣшительный, франкфуртскій сеймъ выказалъ на этотъ разъ изумительную дѣятельность и предприимчивость; перваго марта онъ издалъ воззваніе къ народу, въ которомъ высказывалъ, что Германія должна подняться на подобающую ей между націями ступень, 3 марта разрѣшилъ

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

союзнымъ германскимъ государствамъ уничтожить цензуру и ввести свободу печати, 9 — призналъ ненавистные прежде черно-красно-желтые цвѣта германскими національными цвѣтами и 10—предложилъ государствамъ прислать въ Франкфуртъ избранныхъ лицъ для участія въ предстоящемъ совѣщаніи по поводу реорганизации сейма. Но буря пронеслась уже надъ дрожащимъ сеймомъ и голосъ его былъ едва слышенъ; въ среднихъ и мелкихъ государствахъ происходили собранія либераловъ и совершались невѣроятныя дѣла. Въ Баваріи появилась подписанная всѣми принцами виттельсбахскаго дома прокламація, въ которой обѣщалась свобода печати, единство Германіи, народное представительство и многое другое, и вслѣдъ затѣмъ король Людвигъ отрекся отъ престола въ пользу сына Максимилиана II, сейчасъ же образовавшаго либеральное правительство. Въ Вюртембергѣ король выбралъ въ министерствы дающихіе люди либеральной оппозиціи; то же произошло въ Саксоніи, Ганноверѣ, Баденѣ и Гессенѣ. Австрія и Пруссія долге противостояли движенію, но и тутъ вопросъ былъ только въ дняхъ. Въ Вѣнѣ 13 марта произошли смуты, заставившія короля дать отставку Меттерниху и уступить либеральному теченію, а въ Берлинѣ 18 марта волны налетѣли на правительство. Задачей Пруссіи было бы теперь стать во главѣ общаго движенія, чтобы создать своею инициативой единую Германію, и король Фридрихъ Вильгельмъ IV неоднократно говорилъ объ этомъ въ воодушевленныхъ рѣчахъ; но шумъ возстанія испугалъ его, оскорбилъ и лишилъ здраваго смысла, мужества и самоувѣренности; полумѣры, нерѣшительность и неоднократныя оскорбленія, которыя перенесъ король, окончательно лишили его популярности. Въ народѣ, между тѣмъ, все болѣе укоренялось мнѣніе, что надо самимъ помогать себѣ, и въ концѣ марта произошли выборы въ такъ называемый учредительный парламентъ, изъ котораго образовался «Германскій національный сеймъ», открывшійся 18 мая въ Франкфуртъ. Но и тутъ скоро сказалося недостатокъ политической подготовки; много умныхъ рѣчей было говорено, но не сдѣлано ни одного практическаго предложенія. Время шло, не принося никакихъ результатовъ, и сеймъ съ каждымъ днемъ терялъ въ глазахъ народа и правителей; когда же, наконецъ, послѣ долгихъ споровъ сеймъ рѣшился на наследственную имперію и 28 марта 1849 г. избралъ императоромъ Фридриха Вильгельма IV, король отказался отъ предложенной чести. Это рѣшило судьбу возстанія; вскорѣ Австрія отняла у національнаго сейма право на дальнѣйшую дѣятельность, парламентъ, переселившійся изъ Франкфурта въ Штутгартъ, былъ распущенъ и погасла всякая надежда на переустройство Германіи. Лирика не сопровождала политическихъ событій до этого печальнаго конца; она умогла, какъ только разразилось возстаніе. Ея миссія заключалась въ томъ, чтобы въ началѣ сороковыхъ годовъ обратить вниманіе на предстоящія «великія событія», на надвигающуюся грозу. Она исполнила ее со всѣмъ жаромъ вдохновенія и достигла цѣли въ поразительно короткое время. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ вся Германія была переполнена пѣснями Гофмана Фаллерс-

лебена, Гервега, Дингельштедта, Фрейлиграта, Пруца, Анастасія Грюна, Ленау, Бека, Мейснера и другихъ. Когда же случилось вышеизложенное, когда всникнула революція, предвѣстники ея естественно смолкли, такъ какъ имъ нечего было теперь предвѣщать. Вся лирика той эпохи носить, какъ мѣтко выразился Робертъ Пруцъ, характеръ пророчества, открывающаго только весьма туманную будущность, очень неопредѣленную цѣль. Наибольшею популярностью пользовался Гофманъ Фаллерслебенъ; его пѣсни проникли во все слою общества; онѣ пѣлись въ трактирахъ, мастерскихъ и на улицахъ, читались въ каждомъ домѣ. Въ нихъ особенно удачно схваченъ искренній народный тонъ и въ понятной формѣ выражено общее національное желаніе единства и гражданской свободы.

Августъ Генрихъ Гофманъ родился 2 апрѣля 1798 г. въ Фаллерслебенѣ, ганноверскомъ городѣ, и по желанію отца долженъ былъ изучать богословіе; не чувствуя къ нему призванія, юноша отправился въ Гёттингенъ для занятій филологіей, и въ то время еще написалъ много выдающагося. Послѣ Гёттингена Гофманъ учился въ Боннѣ и Берлинѣ и въ 1823 г. получилъ мѣсто надзирателя при Бреславльскомъ университетѣ. Но его студенческія наклонности мало соответствовали академической карьерѣ; ученые часто покачивали головами на его веселую жизнь и свѣжій юморъ, и когда нѣкоторое время спустя онъ просилъ дать ему вакантную кафедру, онъ получилъ категорическій отказъ. Только въ 1830 г., когда онъ доказалъ, что обладаетъ обширными познаніями, его назначили сначала экстраординарнымъ, а въ 1835 г. ординарнымъ профессоромъ нѣмецкаго языка и литературы. Но Гофманъ не долго наслаждался такимъ почетомъ; поэтъ переросъ профессора и послѣ ряда незначительныхъ стихотвореній Гофманъ издалъ въ Гомбургѣ два тома *Неполитическихъ пѣсенъ*; но эти пѣсни были менѣе всего неполитичны; въ ѣдкой сатирѣ, съ жгучимъ юморомъ, онѣ нападали на государственное устройство и сразу обратили на себя всеобщее вниманіе. Такой дерзости министръ народнаго просвѣщенія Эйхгорнъ не могъ оставить безнаказанной и уволилъ Гофмана безъ пенсіи со службы.

Ученый профессоръ превратился въ странствующаго поэта; съ своими пѣснями и стихами онъ объѣхалъ все германскія государства и всюду, гдѣ онъ появлялся, благодаря ли своей судьбѣ, или веселому характеру, встрѣчалъ дружескій приемъ. Правительство же продолжало видѣть въ немъ опаснаго «политическаго спорщика» и не переставало строго преслѣдовать. Не мало горькихъ часовъ пережилъ изъ-за этого поэтъ, но не пересталъ любить родину и защищать ея интересы, такъ что къ 1848 г. содѣлался цѣлый рядъ томовъ съ патріотическими стихотвореніями и пѣснями, быстро распространившися по всей Германіи. Когда разразилась революція, поэтъ счелъ цѣль своей жизни исполненной, устроилъ собственный очагъ и жилъ сначала на Рейнѣ, съ 1854 г. въ Веймарѣ и затѣмъ до самой смерти, послѣдовавшей 19 января 1874 г., въ замкѣ Бор-

вей, гдѣ пользовался знаменитою монастырскою библіотекою, принадлежащею герцогу Ратиборскому. Но уста его не смогли послѣ 1848 года; изъ нихъ лились только другіе звуки, нѣжныя, прочувствованныя пѣсни любви, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ суроваго сатирика, и рядъ прелестныхъ дѣтскихъ пѣсенъ. На склонѣ лѣтъ Гофманъ написалъ свою автобіографію, предназначая ее только для своей партіи и друзей, но ее стѣдуетъ прочесть каждому, кто хочетъ составить себѣ вѣрное представленіе о разнообразной жизни человѣка, на котораго также сильно нападали, какъ и горячо прославляли.

Суровому сатирику Гофману діаметрально противоположенъ Георгъ Гервегъ, такъ какъ въ то время, когда стихотворенія перваго выражали желанія и надежды положительныхъ гражданъ, блестящая поэзія втораго воспѣвала стремленія и требованія увлекающейся молодежи. Поэтому въ большинствѣ пѣсенъ Гофмана нерѣдко сквозитъ филистерская черта, а въ юморѣ слышится мѣщанская раздражительность, тогда какъ стихотворенія Гервега оживлены гордымъ полетомъ и горячимъ вдохновеніемъ, и если Гофманъ обращаетъ свои насмѣшки на мелкое зло своего времени, на гнетъ полиціи, цензуры и т. д., то Гервегъ требуетъ великихъ освободительныхъ войнъ, которыя уничтожили бы враговъ свободы и либеральныхъ учреждений.

Но на этомъ онъ останавливается. Какія войны, какія либеральныя учрежденія онъ подразумеваетъ, какого государственнаго устройства онъ собственно желаетъ, онъ нигдѣ не говоритъ, — вся его поэзія не болѣе, какъ неопредѣленныя мечты, потокъ громкихъ фразъ, произведшій сначала сильное впечатлѣніе и доставившій поэту незаслуженную славу, но затѣмъ очень быстро утратившій свое очарованіе. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ увлеченіе публики Гервегомъ почти исчезло и теперь въ образованномъ кругѣ извѣстны не болѣе двухъ-трехъ его стихотвореній.

Гервегъ родился 31 мая 1807 г., въ Штутгартѣ, хотѣлъ изучать богословіе, но не кончилъ курса и посвятилъ себя литературной карьерѣ, сдѣлавшись рьянымъ сотрудникомъ *Европы* Левальда. Но онъ очень скоро долженъ былъ прекратить свою дѣятельность; во время отбыванія воинской повинности онъ былъ уличенъ въ заговоръ и, чтобы избѣгнуть ареста, бѣжалъ въ Швейцарію. Здѣсь онъ предался поэтическому творчеству и въ 1841 г. выступилъ въ Цюрихѣ съ *Стихотвореніями живаго чело-вѣка*, сдѣлавшими его сразу знаменитымъ. Вся Германія, особенно молодежь, была точно намагнетизована его пѣснями и когда на слѣдующій годъ поэтъ предпринялъ поѣздку въ Кѣнигсбергъ, то она была похожа на триумфальное шествіе. Въ Берлинѣ онъ получилъ даже предписаніе представиться королю Фридриху Вильгельму IV, который во время аудіенціи выразился такъ: «Я уважаю разумную оппозицію», и на прощаніе подалъ поэту руку со словами: «Мы будемъ честными врагами!» Но Гервегъ оказался недостойнымъ такого благорасположенія: узнавъ, что прусское правительство запретило рукопись, которую онъ намѣре-

важся издать, онъ написалъ королю дерзкое письмо, и такъ какъ это письмо пошло какимъ-то образомъ въ печать, то автора его выслали изъ Пруссіи. Онъ отправился опять въ Швейцарію, оттуда въ Парижъ, гдѣ издалъ второй томъ стихотвореній, прошедшій незамѣченнымъ, такъ какъ поступокъ съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV отнялъ у него симпатіи большинства публики. Когда вспыхнуло баденское возстаніе, Гервегъ въ послѣдній разъ обратилъ на себя вниманіе; въ апрѣлѣ 1849 г. онъ съ толпой нѣмецкихъ и французскихъ инсургентовъ ворвался въ Баденъ, но былъ разбитъ отрядомъ вюртембергцевъ и бѣжалъ въ Франкфуртъ. Послѣ этого онъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Женевѣ и Цюрихѣ, и, наконецъ, переселился въ Баденъ-Баденъ, гдѣ умеръ 7 апрѣля 1875 г. Послѣ его смерти вышелъ еще томъ *Новыхъ стихотвореній*, доказавшій, что Гервегъ былъ одаренъ блестящимъ поэтическимъ талантомъ, владѣлъ стихомъ такъ, какъ едва ли кто изъ его современниковъ, но истиннымъ благородствомъ поэта не обладалъ.

Гофманъ и Гервегъ оба были оптимисты; они надѣялись, что «великія событія» будущаго принесутъ самые благоприятные результаты и что лирическое воодушевленіе и радостное настроеніе, вызванныя ихъ пѣснями, будутъ могучимъ двигателемъ въ предстоящемъ государственномъ преобразованіи. Иныхъ взглядовъ держался Францъ Дингельштедтъ; охваченный мрачнымъ пессимизмомъ, онъ не хотѣлъ вѣрить въ близкое измѣненіе жизненныхъ условій. Когда же, послѣ общаго утомленія идея германскаго объединенія выступила сильнѣе и событіями 1866 года доказала свою непобѣдимость, тогда отбросилъ и онъ свой пессимизмъ и желаетъ, хотя и подъ прикрытіемъ анонима, чтобы прусскій король умеръ и воскресъ германскимъ императоромъ.

Дингельштедтъ составилъ себѣ извѣстность *Пѣснями космополитамечтателя*, частью смѣлыми и дерзкими, частью саркастическими и нерѣдко переполненными сильною довой скорби. Къ сожалѣнію, поэтъ переступилъ на одну линію указанный его таланту путь, такъ что его поэтическія произведенія оказались, въ концѣ-концовъ, ниже ожиданій, на которыя онъ имѣлъ право. Изъ всѣхъ современныхъ писателей Дингельштедтъ сдѣлалъ самую блестящую карьеру; онъ родился 30 іюня 1814 г. въ Хальсдорфѣ, близъ Марбурга въ Гессенѣ, изучалъ богословіе и филологію, занимался педагогіей въ Касселѣ и Фульдѣ, но въ 1841 г. прекратилъ свою учебную дѣятельность и предпринялъ длинныя путешествія во Францію и Англію. Въ 1843 г. король вюртембергскій назначилъ его своимъ чтецомъ, а въ 1851 г. король баварскій, Максимилианъ II, призвалъ его въ Мюнхенъ и сдѣлалъ директоромъ королевскаго и народнаго театровъ, гдѣ онъ ввелъ извѣстныя образцовыя представленія, имѣвшія большое вліяніе на нѣмецкое драматическое искусство. Но въ 1857 г., вслѣдствіе интригъ, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и сдѣлался директоромъ королевскаго театра въ Веймарѣ, гдѣ въ первый разъ поставилъ на сцену передѣланныя для представленія историческія драмы Шекспира. Затѣмъ онъ

былъ возведенъ въ бароны, а въ 1875 г. назначенъ главнымъ директоромъ обоихъ вѣнскихъ театровъ, и до самой смерти, послѣдовавшей 15 мая 1881 года, съ большимъ успѣхомъ продолжалъ свою дѣятельность.

Благородствомъ образа мыслей болѣе, чѣмъ поэтической силой, производилъ впечатлѣніе Робертъ Пруцъ. Онъ проводилъ ту мысль, что только тогда можетъ создаться общая гражданская свобода, когда будетъ дана свобода слова и народъ будетъ имѣть возможность прямо и открыто выражать свои желанія государямъ. Онъ совѣтовалъ поэтому, особенно въ своей пѣснѣ *Рейнъ*, произведшей глубокое впечатлѣніе, снять оковы съ печати и слушать народныхъ поетовъ. Свободный народъ будетъ смѣлымъ и храбрымъ и, въ случаѣ нужды, станетъ мужественно защищать отечество отъ всѣхъ враговъ. Въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ поэтъ выказываютъ чувствительную душу, многія изъ нихъ отличаются замѣчательною поэтической красотой. Одновременно съ лирикой Пруцъ пробовалъ писать драмы, но для этого ему недоставало болѣе глубокой страсти; его пьесы понятны и построены по правиламъ искусства, но онѣ не увлекаютъ силой вдохновенія. Позднѣе Пруцъ пробовалъ свои силы и на романѣ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ особеннаго успѣха. За то, какъ историкъ литературы, Пруцъ заслуживаетъ большаго уваженія.

Жизнь Роберта Пруца была рядомъ страданій и разочарованій. Онъ родился 20 мая 1816 года въ Штеттинѣ, изучалъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Галле филологію и участвовалъ въ *Галльскихъ мѣтописяхъ*, гдѣ помѣстилъ рядъ либеральныхъ статей. Это послужило поводомъ къ столкновеніямъ съ цензурой и полиціей, которыя страшно притѣснили его. Только послѣ революціи 1848 г., во время которой Пруцъ доказалъ, что онъ благоразумный и осторожный патріотъ, жизнь его сдѣлалась немного сноснѣе; осенью 1849 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи литературы въ университетѣ Галле и основалъ журналъ *Нѣмецкій Музей*, издававшійся имъ болѣе десяти лѣтъ. Во время реакціи на его долю опять выпали всевозможныя непріятности, и такъ какъ его коллеги завидовали большому успѣху, каковымъ пользовались его лекціи, то онъ добровольно отказался въ 1859 г. отъ профессорства и возвратился въ родной городъ, гдѣ умеръ 21 іюня 1879 г. послѣ продолжительной болѣзни.

Талантливѣе Пруца былъ Юлій Мозенъ, но ему не удалось достигнуть болѣе опредѣленности и самостоятельности, вся жизнь его прошла въ романтическихъ мечтахъ и, кромѣ того, главныя свои силы онъ направилъ на драму, къ которой, какъ свидѣтельствуяютъ его произведенія, онъ имѣлъ менѣе всего дарованія. Болѣе всего ему удалось пѣсни, особенно политическія, которыя упрочили его извѣстность и проникли во всѣ слои народа. Остальныя же произведенія, какъ драмы, такъ и романы, были очень скоро забыты. Мозенъ, родившійся 8 іюля 1803 г. въ Мариенѣ въ Фойгтландѣ, былъ сыномъ школьнаго учителя, кончилъ курсъ въ университетѣ и много лѣтъ адвокатствовалъ въ Дрезденѣ. Въ 1844 г. онъ принялъ предложеніе герцога Ольденбургскаго занять мѣсто драматурга

при театрѣ въ Ольденбургѣ, но не въ силахъ былъ долго служить, такъ какъ въ 1846 г. у него открылась мучительная болѣзнь спиннаго мозга, отъ которой смерть избавила его только 10 октября 1867 года.

Выше Мозена стоитъ Фридрихъ Саллетъ, но, къ сожалѣнію, этому поэту не суждено было довести свой талантъ до полного развитія. Саллетъ родился 2 апрѣля 1812 г. въ Нейссе, предназначался для военной карьеры и получилъ соотвѣтствующее воспитаніе. Но онъ не могъ примириться съ военною службой и въ 1838 г. вышелъ въ отставку, переехалъ въ Бреславль, посвятилъ себя литературѣ, но отъ усменнаго труда заболѣлъ чахоткой и умеръ 21 февраля 1843 г. въ Рейхау, близъ Нимпфа. Въ первыхъ произведеніяхъ Саллета еще замѣтно вліяніе Тика, но скоро оно окончательно исчезаетъ и поэтъ развивается совершенно самостоятельно. Его основная мысль та, что человѣчество можетъ быть доведено до совершенной жизни благороднымъ образованіемъ, свободнымъ мировоззрѣніемъ и, уже второстепенно, разумными законами, поэтому онъ прежде всего требуетъ всесторонняго развитія и уже затѣмъ энергично проповѣдуетъ реформу государственнаго устройства, такъ какъ существующее всячески тормазитъ здоровое умственное развитіе народа. Форма не всегда безукоризненна у Саллета; такъ какъ онъ главное вниманіе обращаетъ на ясность выраженія, то стихи его часто грубы и немелодичны.

Болѣе участіемъ въ возстаніи 1848 г. и заключеніемъ въ тюрьму, чѣмъ поэтическими твореніями, приобрѣлъ себѣ извѣстность Готфридъ Кинкель. Онъ родился 11 августа 1815 г. въ Оберкассенѣ, близъ Бонна, изучалъ богословіе, былъ нѣсколько лѣтъ приватъ-доцентомъ и проповѣдникомъ, но, увлеченный либерализмомъ Юанны Матѣ, сдѣлавшейся впоследствии его женой, перешелъ на философскій факультетъ и въ 1846 г. сдѣлался профессоромъ исторіи искусства и культуры. Его академическая дѣятельность продолжалась недолго, революціонное движеніе захватило его съ такою силой, что онъ примкнулъ къ республиканской партіи, участвовалъ въ баденско-пфальцскомъ возстаніи, гдѣ былъ раненъ, пойманъ и приговоренъ къ пожизненному заключенію. Онъ сидѣлъ сначала въ Наугардтѣ въ Помераніи, затѣмъ въ Шнандау вмѣстѣ съ ворами и убійцами, пока его не освободилъ въ одну ноябрьскую ночь 1850 г. Карлъ Шурцъ и не отправилъ въ Англію. Кинкель, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, гдѣ былъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ профессоромъ нѣмецкаго языка и литературы, принялъ предложенную ему катедру исторіи искусства въ Цюрихѣ, которую не оставлялъ до самой смерти. Кинкель умеръ 14 ноября 1882 г. Первое собраніе его стихотвореній вышло въ Штутгардтѣ въ 1843 г. и прошло незамѣченнымъ; только послѣ того, какъ авторъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ заключеніемъ въ крѣпость, схватились и за его поэзію. Стихотворенія его недурны, полны теплоты, но лишены оригинальности. Политическія пѣсни Кинкеля звучны и сильны, но въ своемъ гнѣвѣ поэтъ нерѣдко переступаетъ границы поэзіи.

Особенное мѣсто среди этихъ писателей занимаетъ Фердинандъ Фрейли-

грать. Выросши въ мѣщанской и провинціальной средѣ, онъ долго не понималъ всѣхъ неудобствъ тогдашняго политическаго устройства, но испытывалъ, однако, глухое чувство общей угнетенности. Въ немъ все болѣе развивалось горячее желаніе уйти отъ этого соннаго, бездѣятельнаго времени, и, влекомый давнишнею любовью къ Востоку, внушенной еще въ дѣтствѣ картинками изъ Библіи и описаніями путешествій, онъ съ своею пылкою фантазіей бѣжалъ въ пальмовыя рощи Аравіи и безконечныя пустыни Африки. Тамъ, у храбрыхъ сыновъ пустыни, среди величественной природы, онъ старался найти удовлетвореніе своему стремленію къ свободной жизни. Мало-по-малу въ немъ естественно произошла перемена, онъ все болѣе сознавалъ тяжелые недостатки, отъ которыхъ страдалъ народъ, и тоска собственнаго сердца, которую онъ испытывалъ въ просторѣ морей и пустынь, медленно превратилась въ немъ въ тоску цѣлаго народа. Онъ много работалъ, думалъ, пережилъ сильную внутреннюю борьбу, прежде чѣмъ сдѣлался народнымъ поетомъ.

Фрейлигратъ родился 17 іюня 1810 г., въ Детмольдѣ, гдѣ его отецъ былъ школьнымъ учителемъ, до пятнадцати лѣтъ посѣщалъ гимназію въ родномъ городѣ и поступилъ затѣмъ въ ученіе къ родственнику, купцу въ Соестѣ, такъ какъ богатый бездѣтный дядя въ Эдинбургѣ, имѣвшій тамъ обширную торговлю, желалъ впоследствии усыновить мальчика. Въ Соестѣ у юноши оставалось нѣсколько свободныхъ часовъ, которые онъ употреблялъ на основательное изученіе новѣйшихъ языковъ и сдѣлалъ первые поэтическіе опыты. Въ 1831 г. молодой поэтъ кончилъ свое ученіе и поступилъ въ торговый домъ въ Амстердамѣ, гдѣ пробылъ четыре съ половиною года. Широкая всемірная торговля, которую онъ увидѣлъ здѣсь, произвела на Фрейлиграта сильное впечатлѣніе; въ шумномъ портѣ, куда ежедневно съ береговъ Африки и Азии приходили корабли со всѣми сокровищами Юга, передъ глазами поэта смѣнялись самыя разнообразныя картины и его творческій талантъ быстро развился. Въ короткое время появился рядъ стихотвореній, въ яркихъ краскахъ, звучныхъ, мелодичныхъ стихахъ и новыхъ приемахъ воспѣвающей Востоку, его роскошь и великолѣпіе, его блескъ и волшебство. Стихотворенія имѣли блестящій, выдающійся успѣхъ; всѣ восхищались искрившимся блескомъ языка, котораго не удалось передъ тѣмъ достигнуть ни Шиллеру, ни Рюкерту, ни Гейне, удивлялись сказочному великолѣпію, волшебной роскоши въ изображенныхъ картинахъ и сценахъ, и умилялись надъ глубоко прочувствованною искренностью, сквозившею во многихъ стихотвореніяхъ. Одно изданіе быстро слѣдовало за другимъ, такъ что поэтъ, прослуживъ два года въ Берлинѣ на новомъ мѣстѣ, которое онъ взялъ вслѣдствіе разоренія эдинбургскаго дяди, благодаря необычайному успѣху своихъ стихотвореній, могъ отказаться отъ торговой дѣятельности и посвятить себя своей музѣ. Въ 1841 году Фрейлигратъ женился на дочери профессора Мелоса въ Веймарѣ и поселился въ Ст. Гоарѣ, гдѣ его часто посѣщали писатели всѣхъ странъ и гдѣ, получая ежегодно 300 талеровъ отъ короля Фридриха-Вильгельма IV,

онъ прожилъ самый дѣятельный періодъ поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, онъ продолжался недолго; все яснѣе понималъ, онъ, что не исполнятся надежды, возлагавшіяся на умъ и способности молодого короля Пруссіи, что церковная и политическая реакція убьетъ свѣжіе зародыши, и испыталъ на себѣ, какъ цензура изуродовала вычеркиваніями его стихотворенія. Его недовольство и огорченіе росли все больше и больше и онъ даетъ волю своему глубокому негодованію въ рядѣ стихотвореній, въ которыхъ потрясающимъ образомъ рисуется бѣдственное положеніе отечества. Въ нихъ онъ превзошелъ всѣхъ пѣвцовъ свободы, возвышавшихъ до сихъ поръ свой голосъ. Фрейлигратъ зналъ заранѣе, какое сильное впечатлѣніе произведутъ его стихотворенія; еще до изданія онъ отказался отъ пенсіи, и когда лѣтомъ 1844 г. появилась тоненькая книжка подъ заглавіемъ *Моя исповѣдь*, авторъ уѣхалъ сначала въ Остенде, потомъ въ Брюссель и, наконецъ, въ Швейцарію. Здѣсь онъ занимался, главнымъ образомъ, переводомъ избранныхъ иностранныхъ писателей, въ чемъ достигъ полного совершенства. Послѣ изданія, озаглавленной *Ca ira*, тетрадки революціонныхъ пѣсень Швейцарія сдѣлала видъ, что хочетъ отказать автору въ убѣжищѣ; тогда онъ опять отправился въ Лондонъ и поступилъ на службу въ контору, но не надолго; въ Парижѣ разразилась февральская революція, вслѣдъ затѣмъ взялась за оружіе и Германія и поэтъ не могъ долѣе выдержать на чужбинѣ; онъ отправился въ Дюссельдорфъ, гдѣ сдѣлался однимъ изъ предводителей народной партіи. Вскорѣ появилось его знаменитое стихотвореніе *Мертвые жистятъ*, въ которомъ онъ краснорѣчиво выражаетъ свой необузданный гнѣвъ. «Привѣтъ «мертвыхъ живымъ» можетъ въ политическомъ отношеніи вызывать самыя разнообразныя сужденія, — говоритъ Робертъ Прудъ, — въ поэтическомъ же отношеніи это образцовое произведеніе искусства, рядомъ съ которымъ литература всѣхъ временъ можетъ поставить весьма немногое». Успѣхъ стихотворенія былъ исключительный, и вслѣдствіе этого Фрейлигратъ былъ арестованъ 29 августа 1848 г., но 3 октября оправданъ присяжными. Онъ отправился въ Вѣльнъ, гдѣ принялъ участіе въ редакторствѣ *Новой Рейнской Газеты* и издалъ рядъ неполитическихъ пѣсень, доставившихъ автору множество друзей.‡

Возстаніе, между тѣмъ, было всюду подавлено, настала реакція и Фрейлигратъ, несмотря на свое оправданіе, началъ чувствовать себя не совсемъ въ безопасности и перѣехалъ въ Лондонъ, куда вѣльнское и дюссельдорфское правительства послали на него доносы, оставшіеся безъ послѣдствій. Въ Англіи сначала обстоятельства не благопріятствовали поэту, онъ не могъ найти подходящаго мѣста, пока, наконецъ, въ 1857 г. не занялъ должности директора отдѣленія швейцарскаго банка, которую исполнялъ до 1867 г., когда банкъ лопнулъ и поэту грозила опасность остаться на старости лѣтъ безъ куска хлѣба. Но этого не могло случиться, и возникла мысль, чтобы благодарный народъ обезпечилъ пѣвцу спокойную старость. Эта мысль встрѣтила большое сочувствіе и въ короткое время было со-

брано около 60 тысячъ талеровъ, вполне достаточныхъ, чтобы избавить поэта отъ матеріальныхъ заботъ.

Съ умиленнымъ сердцемъ вернулся Фрейлигратъ въ Германію, гдѣ въ это время была объявлена всеобщая амнистія, гдѣ его всюду встрѣчали съ энтузіазмомъ. Онъ поселился въ южной Германіи, въ тихомъ Баваріи, гдѣ началъ готовить полное собраніе своихъ поэтическихъ произведеній. Но, прежде чѣмъ онъ окончилъ свой трудъ, разразилась новая буря, великая война 1870 г., и, полный вдохновенія, какъ въ дни юности, поэтъ еще разъ возвысилъ свой могучій голосъ. Въ концѣ года онъ издалъ полное собраніе своихъ произведеній, а черезъ нѣсколько лѣтъ пережилъ тяжелое горе: онъ потерялъ двадцатидвухлѣтняго сына; съ тѣхъ поръ исчезло его радостное настроеніе, онъ началъ болѣть и послѣ короткой болѣзни неожиданно умеръ на рукахъ жены утромъ 18 марта 1876 года.

Заслуги Фрейлиграта часто умалались и даже отрицались, многіе утверждали, что его искусство состоитъ только въ описаніяхъ внѣшности, что онъ старается подѣйствовать изображеніемъ ужаснаго, рѣзкими красками и удивительными римами и потому часто грѣшитъ отсутствіемъ вкуса. Подобное сужденіе обуславливается только партійною ненавистью. Правда, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Фрейлигратъ переступалъ границы эстетики, но въ большей части выказалъ чарующую прелесть, придалъ стиху нѣжную звучность, открылъ поэзіи новую обширную область, богатый тропическій край и придалъ политической пѣснѣ энергическій взмахъ мысли, увлекающую силу; наконецъ, онъ значительно возвысилъ искусство переводить. Эти заслуги, хотя Фрейлигратъ и не выходилъ всю жизнь изъ области лирики, ставятъ его на ряду съ первыми нѣмецкими поэтами девятнадцатаго вѣка.

Всѣ упомянутыя выше политическія лирики появились на сѣверѣ, западѣ и югѣ Германіи, но вотъ заволновался и тихій до сихъ поръ юго-востокъ, Австрія, и на берегахъ Дуная раздалась громкая пѣсня свободы. Прежде чѣмъ въ столицѣ успѣли замѣтить, составилъ цѣлый хоръ пѣвцовъ, которымъ жадно внималъ народъ и которые вливали во всѣ сердца новыя надежды. Такое благотворное и живительное дѣйствіе производили стихотворенія Анастасія Грюна. Грюнъ не отличается интенсивною силой таланта, онъ не изъ тѣхъ поэтовъ, которые увлекаютъ силой страсти, ослѣпляютъ блескомъ языка; онъ иногда утомляетъ излишними картинками и чрезмѣрною длиннотою стихотвореній, иногда даже безвкусенъ. За то онъ отличается искренностью, смѣлостью, любовью къ отечеству, къ свободѣ и свѣту. Отъ этого его стихотворенія имѣли такой большой успѣхъ. Онъ первый осмѣлился очистить душный воздухъ, нависшій надъ Австріей, а потому онъ по праву стоитъ во главѣ австрійскихъ лириковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Настоящее имя Грюна—графъ Антонъ-Александръ фонъ-Ауэрспергъ; онъ родился 11 апрѣля 1806 г., въ Лайбахѣ, въ Краинѣ, получилъ соотвѣт-

ствующее своему положенію образованіе и нѣсколько лѣтъ занимался въ Вѣнѣ и Грацѣ юриспруденціей. Въ это же время Грюнъ началъ свою литературную дѣятельность сначала въ журналахъ, затѣмъ отдѣльными изданіями своихъ стихотвореній, имѣвшихъ небольшой успѣхъ, такъ какъ они ничѣмъ не выдавались изъ общаго уровня. Общее и вполне заслуженное вниманіе обратили его *Прозанки отъискаго поэта*, изданныя анонимно, но авторъ ихъ былъ скоро узнавъ. Здѣсь звучали пѣсни, которыхъ еще никто не осмѣливался пѣть въ Австріи, здѣсь доставались щелчки направо и налѣво, цензорамъ и шпионамъ, даже на самого всемогущаго графа Меттерниха сыпались мѣтко направленныя стрѣлы и вся поэзія была проникнута одною основною мыслью: «свобода — великій лозунгъ, повторяемый всѣмъ міромъ». Но свобода представлялась поэту не безконечнымъ наслажденіемъ, а ликующею «побѣдой свѣта», и не насильственнымъ переворотомъ, не революціей хотѣлъ онъ достигнуть цѣли, а разумными реформами, которыя онъ указывалъ. Черезъ пять лѣтъ Грюнъ издалъ свои лучшія стихотворенія подъ заглавіемъ *Мусоръ*. Здѣсь онъ поднимаетъ взоръ отъ Австріи и обнимаетъ весь земной шаръ, отъ скорби своего народа переходитъ къ страданіямъ всего человѣчества; но онъ не терлется въ фантастическихъ мечтахъ, а изображаетъ всегда опредѣленныя, твердою рукой нарисованныя картины. 1848 годъ увлекъ своимъ движеніемъ и Ауэрсперга; онъ былъ избранъ какъ въ учредительный парламентъ, такъ и въ національный сеймъ, но ни разу не говорилъ тамъ, и въ сентябрѣ, когда начались несогласія и путаница, покинулъ опять Франкфуртъ. Въ 1860 г. онъ былъ призванъ въ «усиленный государственный совѣтъ» (начало народнаго представительства) и въ 1863 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника съ титуломъ свѣтлости. Но эти знаки почета не помѣшали ему попрежнему ратовать за свободу и свѣтъ; за то онъ приобрѣлъ горячую любовь Австріи, всеобщее уваженіе Германіи, и когда 11 апрѣля 1876 г. настала его семидесятый годъ рожденія, онъ праздновался съ величайшимъ торжествомъ. Но волненіе такъ сильно подѣйствовало на старика, что онъ заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ, кончившимся ударомъ, отъ котораго онъ умеръ 12 сент. 1876 г.

Въ противоположность Грюну, всегда смѣло идущему впередъ, другъ его, Николай Ленау, никогда не могъ вполне примкнуть къ движенію, всю жизнь колебался, не приходя ни къ какому твердому рѣшенію и, въ концѣ-концовъ, демоны сомнѣнія довели его до умопомѣшательства. А, между тѣмъ, Ленау, какъ поэтъ, выше Грюна; онъ оригинальнѣе, живѣе, обладаетъ болѣе богатою фантазіей, болѣе глубокою страстью и большимъ разнообразіемъ красокъ, которымъ даетъ иногда совершенно новые оттѣнки; кромѣ того, стихи его плавнѣе и мелодичнѣе. За то его стихотвореніямъ недостаетъ ясности Грюна, въ нихъ господствуетъ болѣзненное настроеніе, мрачная меланхолія, только изрѣдка позволяющая видѣть его геній во всемъ блескѣ; мысль у него развивается скачками, сбивчиво, часто остается незаконченной или протиморѣчить сама себѣ. Вслѣдствіе такого недисципли-

нированного мышления, Ленау не достигъ болѣе высокаго міросозерцанія и стихотвореніямъ его не хватаетъ глубокой идеи.

Эти недостатки происходятъ, главнымъ образомъ, отъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ росъ поэтъ. Ленау, или какъ его настоящее имя Николай Нимбъ, родился 13 августа 1802 г. въ Эзатадѣ въ Венгріи, гдѣ его отецъ занималъ должность волостнаго писаря; вслѣдствіе страшно невоздержанной жизни, отецъ умеръ, когда Николаю минуло пять лѣтъ, и для семьи настала горькая нужда. Несмотря на то, что мать употребляла всѣ силы и не гнушалась никакою работою, чтобы избавить дѣтей, которыхъ она страстно любила, отъ нищеты, ей это не удавалось и она вынуждена была въ 1811 г. вторично выйти замужъ за доктора Фогеля. Въ 1812 г. Николай поступилъ въ гимназію въ Пештѣ, скоро выдѣлился изъ среды товарищей большими успѣхами, но уже въ 1815 г. долженъ былъ бросить гимназію, такъ какъ отцима его перевели въ знаменитый виномъ Токай, а мать не могла надолго разстаться съ обожаемымъ сыномъ. Здѣсь въ широкихъ равнинахъ Венгріи мальчикъ испыталъ на себѣ все очарованіе пустыни, онъ бродилъ среди смуглыхъ цыганъ, внималъ ихъ дикимъ и грустнымъ напѣвамъ, носился на конѣ по безконечнымъ дугамъ, часто лежалъ цѣлыми днями на кручахъ Тиссы и любовался призрачнымъ туманомъ неизменностей и измѣнчивымъ свѣтомъ горизонта. Но такая безпечная жизнь не могла продолжаться долго; мальчика пришлось отвезти опять въ Пештѣ, а такъ какъ мать не могла отпустить своего любимца одного, то со всѣми дѣтьми переѣхала опять въ столицу Венгріи и оставила мужа одного въ Токаѣ. Подростающій мальчикъ началъ понимать, что при чрезмѣрной любви матери ему трудно будетъ стать на собственные ноги, и, получивъ, наконецъ, материнское согласіе поѣхалъ къ дѣдушкѣ Іосифу Фонъ-Нимбъ въ Штокерау, но прожилъ тамъ только годъ и отправился въ Вѣну для дальнѣйшаго образованія. Онъ уже теперь проявлялъ безпокойство, непостоянство, перебрасывавшее его отъ одной склонности къ другой, бурю сердца, заставлявшую его въ короткое время переходить къ самымъ противоположнымъ чувствамъ, но онъ еще надѣялся укротить ихъ строгою энергіей и непрерывнымъ обуздываніемъ духа.

Ленау перепробовалъ чуть не всѣ науки, началъ съ философіи, перешелъ на юридическій факультетъ, затѣмъ на медицинскій, но вслѣдъ за ученьемъ шло плохо, къ тому же, онъ постоянно прерывалъ его поѣздками къ знакомымъ, стараясь развлеченіемъ укротить демона безпокойства, уже тогда до болѣзни мучившаго его. Ленау неожиданно досталось наслѣдство отъ дѣдушки и въ немъ вдругъ проснулось желаніе покинуть старѣющую Европу и переселиться въ Америку, страну свободы. Тамъ, на дѣвственной почвѣ, еще не тронутой культурой, онъ съ пользою употребитъ свое наслѣдство, построитъ ферму, будетъ вести сельскую жизнь и будетъ опять бодръ и веселъ. Прежде чѣмъ покинуть Европу, онъ собралъ выходившія до сихъ поръ въ газетахъ и альманахахъ стихотворенія и издалъ ихъ.

Возлагаемая на Новый Свѣтъ надежды, конечно, не оправдались; аме-

риканская жизнь скоро оттолкнула его и въ 1833 г. онъ возвратился въ Германію. Какъ бы въ вознагражденіе за испытанное въ Америкѣ разочарованіе, Ленау ожидало здѣсь извѣстіе, что стихотворенія его имѣли большой успѣхъ, и это несказанно обрадовало его. Но безпокойство его отъ этого не уменьшилось, оно мучило его все болѣе и болѣе, гнало изъ города въ городъ и заставляло почти половину жизни проводить въ почтовой каретѣ всегда въ сопровожденіи любимой скрипки, на которой онъ великолѣпно игралъ и которою онъ даже въ каретѣ старался разогнать свою тоску. Ленау, кромѣ мелкихъ стихотвореній, написалъ нѣсколько большихъ произведеній: *Фаустъ*, *Саванарола* и *Альбигойцы*. Фаустъ Ленау является безотраднѣею противоположностью Гётевскому; въ то время, какъ герой великаго поэта понемногу проникается сознаніемъ, что человѣкъ можетъ достигнуть полнаго душевнаго покоя черезъ полезную серьезную работу и честное исполненіе долга, Фаустъ Ленау въ своемъ исканіи истины возлагаетъ на себя вину за виной и, доведенный до отчаянія, кончаетъ самоубійствомъ. Радостнѣе два другія сочиненія. Поэтъ прекрасно изобразилъ горячее увлеченіе итальянскаго реформатора Саванаролы церковною и политическою свободою и все произведеніе проникнуто вѣрой, что всякій борецъ за высшія блага человѣчества, хотя самъ и неудачно погибаетъ, борется, однако, не напрасно.

Въ *Альбигойцахъ* поэтъ беретъ еще болѣе высокую мысль, чѣмъ въ *Саванаролѣ*, и проповѣдуетъ полное обновленіе религіи. Хотя альбигойцы, распространители этой идеи, и гибнутъ всѣ до единаго отъ варварской руки противниковъ, но потомству остается ихъ исторія и она постоянно вновь пробуждаетъ въ человѣчествѣ горячее желаніе порвать цѣпи порабощающаго духа, вдохновляетъ новыхъ смѣлыхъ борцовъ. Къ сожалѣнію, этому произведенію недостаетъ искуснаго построенія и, несмотря на его возвышенное содержаніе, на прекрасныя отдѣльныя сцены, его нельзя назвать художественнымъ произведеніемъ.

Въ *Альбигойцахъ* явился въ послѣдній разъ во всемъ блескѣ гений Ленау; поэтъ все болѣе впадалъ въ тоску, приступы мучительнаго безпокойства становились сильнѣе и въ 1844 г. онъ внезапно сошелъ съ ума въ Штутгартѣ, и только 23 августа 1850 г., послѣ мучительныхъ страданій, онъ скончался въ лечебницѣ для умалишенныхъ въ Обердѣблингѣ, близъ Вѣны.

Рядомъ съ Ленау стоитъ Карлъ Бекъ. Его природный талантъ не достигъ полнаго развитія, также какъ у Ленау, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій жизни и въ особенности недостаточности образованія. Бекъ родился 1 мая 1817 года въ городѣ Байи, въ Венгріи, отъ еврейскихъ родителей, но рано перешелъ въ христіанскую вѣру. Такъ какъ онъ росъ среди мадьяръ, то выучился говорить по-нѣмецки только на девятомъ году, посѣщалъ затѣмъ школу въ родномъ городѣ и Пештѣ, и 16 лѣтъ отправился въ Вѣну изучать медицину; черезъ два года онъ бросилъ ученье, поступилъ въ контору въ Пештѣ, но нѣкоторое время спустя, вслѣдствіе преслѣдованій

полиции за напечатанное имъ стихотвореній, бѣжалъ въ Лейпцигъ съ намѣреніемъ посвятить себя исключительно поэзіи. Намѣреніе свое онъ исполнилъ; но такъ какъ онъ держался мнѣнія, что поэтъ не долженъ быть ученымъ, что наука убиваетъ творческую силу, что поэтъ долженъ только мечтать и размышлять, а не учиться, то онъ и создалъ множество стихотвореній, въ которыхъ всюду сквозитъ талантъ, но которыя по большей части неясны, неправильны, и въ которыхъ онъ не становится опредѣленно на сторону современныхъ идей, такъ какъ, въ сущности, онъ самъ не зналъ, кѣмъ ему быть, венгромъ, австрійцемъ или нѣмцемъ, заговорщикомъ или патриотомъ.

Поэтому онъ не находилъ издателя для своихъ стихотвореній и остался бы незамѣченнымъ, если бы не написалъ необыкновенно удачнаго стихотворенія по случаю открытія лейпцигско-дрезденской желѣзной дороги, въ которомъ предсказывалъ то громадное значеніе, которое будетъ имѣть новое открытіе не только въ области торговли, но и въ политикѣ. Стихотвореніе облетѣло всѣ газеты, и на другой же день авторъ его сдѣлался знаменитостью. Въ томъ же году появились въ свѣтъ и остальные его стихотворенія, въ которыхъ видна богатая фантазія, большое обиліе мыслей и благородная искренность, но почти во всѣхъ недостаетъ порядка, ясности, зрѣлости. Масса разнообразныхъ картинъ, свѣжій тонъ и нѣкоторая тяжеловѣсность, съ которой авторъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, произвели большой эффектъ, и книга быстро разошлась. Лучшія свои произведенія поэтъ издалъ только нѣсколько лѣтъ спустя въ *Тихихъ пѣсняхъ*, заключающихъ въ себѣ прекрасныя отдѣльныя стихотворенія и превосходную поему *Янко, венгерскій конюхъ*. Жизнь Бека прошла очень разнообразно: онъ жилъ то въ Вѣнѣ, то въ Берлинѣ, то въ Пештѣ, занимаясь литературною дѣятельностью, и, почти всѣми забытый, умеръ въ нуждѣ 10 апрѣля 1879 года.

За первымъ триумфаторомъ пѣвцовъ свободы, Грюномъ, Ленау, Беккомъ, скоро послѣдовалъ второй: Роллетъ, Гартманъ, Мейснеръ, хотя значительно уступающій первому въ оригинальности и свѣжести, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшійся симпатіей публики. Отличительная черта Германа Роллета — ясность и опредѣленность; онъ всегда знаетъ, чего хочетъ, и прямо высказываетъ это, вслѣдствіе чего пѣсни его получили сильный энергичный характеръ. Драмы Роллета не имѣли успѣха. Онъ родился 20 августа 1819 года, въ Баденѣ, близъ Вѣны, изучалъ въ Вѣнѣ фармацію и съ 1845 г. велъ скитальческую жизнь, такъ какъ политическое устройство на родинѣ сдѣлалось для него невыносимо; по требованію прусскаго правительства, онъ просидѣлъ долгое время въ заключеніи въ Іенѣ и только въ 1854 году возвратился въ Баденъ, гдѣ и сейчасъ еще живетъ, занимая почетное положеніе.

Жизнь Морнца Гартмана, вслѣдствіе печальныхъ политическихъ условій, была еще разнообразнѣе, чѣмъ жизнь Роллета. Онъ родился 15 октября 1821 г. въ Душницѣ, въ Богеміи, въ еврейской семьѣ, изучалъ въ

Прагѣ и Вѣнѣ философію; по совѣту Ленау, убѣждавшаго его избѣгать Австріи, онъ въ 1844 г. отправился въ Берлинъ и Лейпцигъ, подвергся за то, что издалъ за границей свои стихотворенія безъ предварительнаго представленія ихъ австрійской цензурѣ, преслѣдованіямъ австрійскаго правительства, вынудившимъ его вести скитальческую жизнь, принималъ горячее участіе въ революціи, послѣ подавленія которой долженъ былъ опять покинуть родину, объѣздалъ чуть не всю Европу и 13 мая 1872 г. умеръ въ Обердѣблингѣ, близъ Вѣны. Стихотворенія его очень плавны и богаты мыслями; повѣсти милы, живы и граціозны, но лишены оригинальности; изъ романовъ стѣдуетъ упомянуть только *Послѣдніе дни монарха*, въ которомъ производитъ сильное впечатлѣніе прекрасно изображенный трагическій конецъ Мурата.

Альфредъ Мейснеръ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ является ученикомъ Ленау; въ его стихотвореніяхъ преобладаетъ задумчивая, мрачная меланхолія Ленау, но встрѣчаются и подражанія Гейне, Грюну, Байрону, Шелю и др. Въ сравненіи съ Гартманомъ онъ одаренъ бѣльшимъ вдохновеніемъ и болѣе блестящимъ талантомъ и выражаетъ свои либеральныя политическія и религіозныя убѣжденія съ болѣею страстностью, даже нерѣдко съ какою-то нервной раздражительностью. Зрѣлѣе и самостоятельнѣе является онъ въ слѣдующемъ произведеніи—поэмѣ *Жизнь*, въ которой онъ въ величественныхъ и яркихъ картинахъ изображаетъ заблужденія религіознаго фанатизма и со всею силой своего вдохновенія проповѣдуетъ религіозную свободу. Неудачно испробовавъ свои силы на драматическихъ произведеніяхъ, Мейснеръ написалъ рядъ романовъ, въ которыхъ съ большимъ искусствомъ изображалъ политическія, общественныя и религіозныя условія жизни, всегда безпристрастно разоблачая всѣ недостатки. Дѣйствіе у него всегда интересно и искусно построено, изложеніе прекрасно и характеристика лицъ умна. Жизнь Мейснера по политическимъ причинамъ была очень безпокойна; онъ родился 15 октября 1822 г. въ Теплицѣ, изучалъ въ Прагѣ медицину, былъ нѣкоторое время врачомъ, но въ 1846 г. покинулъ Богемію, такъ какъ не хотѣлъ стѣснять себя цензурой, и уѣхалъ сначала въ Лейпцигъ, потомъ въ Дрезденъ. Но послѣ выхода въ свѣтъ *Жизни* онъ не былъ и тамъ въ безопасности и переселился въ Парижъ. Когда вспыхнула революція, онъ вернулся въ Германію, но горячаго участія въ возстаніи не принялъ. Во время реакціи онъ жилъ частью опять въ Парижѣ, частью въ Лондонѣ. Въ 1869 г., проживъ нѣкоторое время въ Прагѣ, онъ переселился въ Брегенцъ у Боденскаго озера, гдѣ и скончался 29 мая 1885 г.

За этими смѣлыми, рвущимися впередъ бойцами быстро образовался длинный рядъ послѣдователей какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, старавшихся распространять либеральныя идеи то въ ѣдкихъ стихахъ Гофмана, то въ диюграммахъ Гервега, то въ звучныхъ римахъ Анастасія Грюна, то подражая меланхолическимъ напѣвамъ Ленау.

Вѣнки, которыми увлеченный народъ добровольно и щедрою рукою осы-

паль всѣхъ пѣвцовъ сороковыхъ годовъ, были очень скоро разорваны тѣми же руками, которыя награждали ими. Когда прошло короткое увлеченіе свободой и реакція грубою рукой старалась разсѣять всякую надежду на либеральное государственное устройство, тогда народъ не хотѣлъ приписать вину себѣ и взвалилъ ее на поэтовъ, вдохнувшихъ увлеченіе и надежды. Онъ забывалъ, что тѣ выразили только то, что одушевляло всѣхъ, воспѣли только то, что звучало во всѣхъ сердцахъ. Что при этомъ вкралось много напускнаго энтузіазма, много трескучихъ фразъ и чрезмѣрной фантастичности, это нисколько не удивительно при общей разногласицѣ политическихъ взглядовъ; потому пѣвцамъ свободы наносятъ большую несправедливость, когда ихъ унижаютъ теперь такъ же горячо, какъ передъ тѣмъ прославляли. Политическая лирика сороковыхъ годовъ исполнила свою миссію.

Съ наступленіемъ 1840 года прусское и австрійское правительства вѣрѣе захватили въ руки бразды правленія въ Германіи; весной прусскія войска водворили спокойствіе въ Баденѣ, гдѣ еще разъ произошли беспорядки—одно либеральное министерство исчезало за другимъ и въ скоромъ времени отъ мартовскихъ приобрѣтеній не осталось и слѣда. Но возстановленіе до-мартовскаго устройства представило свои затрудненія, потребовалось даже вмѣшательство военной силы, которая позднѣе, когда еще разъ воскресла идея національнаго объединенія, оказалась гибельной для того государства, которое изъ недальновиднаго соперничества употребило ее,—для Австріи.

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV отказался отъ германской императорской короны, потому что не хотѣлъ принять ее «изъ рукъ революціи»; но мысль поставить объединенную Германію подъ высшую власть Пруссіи понравилась ему, и теперь, когда революція была подавлена и государи опять твердо сидѣли на своихъ престолахъ, онъ питалъ радужную надежду возстановить имперію съ добровольнаго согласія всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ и даже Австріи. Съ этою цѣлью въ маѣ 1849 г. онъ заключилъ съ Ганноверомъ и Саксоніей такъ называемый «союзъ трехъ королей», основаніемъ котораго послужила набросанная договаривающимися нѣмецкая конституція. Главные пункты состояли въ слѣдующемъ: честь представительства имперіи отдавалась прусской коронѣ, рядомъ съ которой существовало товарищество государей съ шестью голосами и рейхстагъ изъ двухъ палатъ; обѣ палаты съ представителемъ имперіи и товариществомъ государей имѣли законодательную власть. Къ этому союзу примкнули другія нѣмецкія государства, не удалось только залучить Баварію, Вюртенберга и Австрію. Вслѣдствіе этого, Саксонія и Ганноверъ вышли изъ союза, получившаго въ то время названіе «упіи», и въ февралѣ 1850 г. образовали съ Баваріей и Вюртембергомъ новый «союзъ четырехъ королей» и составили проектъ конституціи съ правительствомъ, состоявшимъ изъ представителей Австріи, Пруссіи, четырехъ упомянутыхъ и обоихъ гессенскихъ государствъ, и національнымъ сеймомъ. Австрія

согласилась на этотъ проектъ съ условіемъ, что она вступить въ союзъ со всеми своими государствами, съ Ломбардіей, Венеціей, Венгріей, Брокатоіей и т. д. Подобнаго требованія, разбиравшаго самую идею нѣмецкаго объединенія, принять нельзя было, и Пруссія поспѣшила поэтому утвердить основанную ею унію. Она созвала «союзный парламентъ» въ Эрфуртѣ, представила ему составленную «союзомъ трехъ королей» конституцію, и парламентъ, чтобы поскорѣе придти къ какому-нибудь результату, безъ всякихъ разсужденій принялъ предложеніе. Между тѣмъ, холодный вѣтеръ реакціи дулъ все сильнѣе въ нѣмецкихъ государствахъ; то, что въ маѣ 1840 г., во время основанія «уніи», казалось весьма желательнымъ, теперь, въ апрѣлѣ 1850 г., во время «союзнаго парламента», было слишкомъ либерально; даже вокругъ Фридриха - Вильгельма число противниковъ объединительной политики росло съ каждымъ днемъ и безхарактерный, нерѣшительный король скоро оказался совершенно во власти реакціонной партіи. 20 апрѣля 1850 г. парламентъ былъ неожиданно распущенъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше не созываться.

Реакція одержала полную побѣду и всюду раздавались громкія требованія возстановленія status quo; особенно настойчиво требовала этого Австрія, надѣясь заполучить въ свои руки управленіе нѣмецкими дѣлами. Но Пруссія сопротивлялась всеми силами; отношенія двухъ державъ все больше обострялись и, чтобы избѣжать подчиненія Пруссіи Австріи, министръ иностранныхъ дѣлъ, Радовицъ, предложилъ поставить прусское войско на военное положеніе, но Фридрихъ - Вильгельмъ испугался такого энергичнаго шага и ни на что не рѣшался. Радовицъ вышелъ въ отставку и его мѣсто занялъ Отто фонъ-Мантейфель, поспѣшившій уладить всѣ несогласія и тѣмъ повергшій Пруссію въ глубокое униженіе. 29 ноября 1850 г. онъ подписалъ позорные «ольмюцкія условія», согласно которымъ Пруссія отказывалась отъ всякаго участія въ устройствѣ германскихъ дѣлъ, уничтожала унію и давала согласіе на возстановленіе сейма. 30 мая 1851 г. послѣдовала его первая сессія съ представителями отъ всѣхъ государствъ.

Заботливою рукой были стерты всѣ слѣды революціи и до мелочей возстановленъ прежній порядокъ вещей. Такого полнаго фіаско никто не ожидалъ; тяжелое отчаяніе овладѣло всѣмъ народомъ; даже тѣ, кто до 1850 г. съ довѣріемъ смотрѣли на Пруссію, видѣли теперь впереди безнадежную будущность. Надежда на объединенную Германію исчезла, повидимому, навсегда. Всѣ патріоты отказались отъ общественной дѣятельности, тысячи— въ 1851 г. болѣе 113,000 человекъ—покинули родину и переселились въ свободную Америку; масса же впала въ уныніе и отчаяніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, она отвернулась отъ пѣвцовъ свободы, которыхъ за годъ передъ тѣмъ еще прославляла, такъ какъ они своимъ «нелѣпнымъ идеализмомъ», своимъ краснорѣчіемъ и мечтами объ единствѣ и величіи Германіи причинили все это несчастіе. Каждый старался какъ можно меньше думать о политическихъ дѣлахъ и избѣгать всего волнующаго, серьезнаго, величе-

ственного; настало время посредственности, когда правилось все беззаботное, нѣжное, прекрасное и когда старались найти утѣшеніе въ смиреніи и, отчасти, благочестіи.

И такая поэзія не заставила себя ждать. Какъ небо отъ земли отличаась отъ до-мартовской, она явилась съ веселымъ юношескимъ лицомъ, воспѣвала весну, любовь и вино, цвѣты на берегу ручья, птичекъ въ лѣсу, и если дѣлала серьезное лицо, то никогда не доходила до страстнаго восклицанія. Всѣ эти напѣвы, сказки и повѣсти были такъ милы и остроумны, такъ нѣжны и наивны, какъ будто никогда не было неудачнаго кроваваго боя за единство и свободу отечества, какъ будто вездѣ царили радость и благоденствіе.

Первымъ изъ этихъ «новыхъ людей», какъ ихъ называли, былъ Густавъ Путлицъ; онъ выступилъ съ невинными сказками: *О чемъ рассказываетъ тѣсѣ*, въ которыхъ лѣсные цвѣты повѣствуютъ другъ другу о томъ, какъ они произошли, или передаютъ о вьюгахъ холодной зимы, журчащей ручей рожаетъ свою исторію и т. д. Благодаря прекраснымъ описаніямъ и чистосердечной болтовнѣ, маленькая книжонка пережила болѣе сорока изданій. Послѣ этого Путлицъ занялся водевилемъ и написалъ рядъ преимущественно одноактныхъ, часто очень забавныхъ, шутокъ. Глубокомысленныхъ характеристикъ въ нихъ нѣтъ и развязку приводитъ всегда комическая случайность, тѣмъ не менѣе, пьески смотрятся съ большимъ интересомъ, главнымъ образомъ, благодаря изящному діалогу и непринужденности. Пробы Густава Путлица писать историческія драмы были неудачны, такъ какъ авторъ не могъ возвыситься надъ атмосферой реакціоннаго времени; его комедіямъ и трагедіямъ недостаетъ силы, страсти и энергичнаго, стройнаго развитія дѣйствія. Позднѣе поэтъ сочинилъ двѣ комедіи: *Рольфъ Беридтъ* и *Идеалистъ*, которыя, и въ особенности первая, имѣли большой успѣхъ на всѣхъ большихъ сценахъ, хотя и эта пьеса страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и прежнія, — ей тоже недостаетъ основной мысли и захватывающей страсти.

Путлицъ родился 21 марта 1821 г. въ родовомъ имѣніи Рециенъ, въ Вестпригницѣ, изучалъ въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ право, служилъ нѣсколько лѣтъ при магдебургскомъ правительствѣ, въ 1848 г. бросилъ государственную службу, жилъ частью въ имѣніи, частью путешествовалъ, пока въ 1863 г. не принялъ управленіе королевскаго театра въ Шверинѣ, во время котораго заботился о развитіи остроумныхъ водевилей. Въ 1867 г. онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ прусскаго кронпринца, но скоро отказался отъ этого мѣста; съ 1873 г. онъ съ большимъ успѣхомъ служить генералъ-индендантомъ герцогскаго театра въ Карлсруэ.

За Путлицомъ по пятамъ слѣдуетъ Отто Рокетъ со сказкой *Брачное путешествіе Валдмейстера*, имѣвшей больше успѣха, чѣмъ сказка *О чемъ рассказываетъ тѣсѣ*, и вполнѣ основательно, такъ какъ произведеніе Рокета, во всякомъ случаѣ, оригинальнѣе и свѣжѣе и оживлено болѣе богатымъ дѣйствіемъ, чѣмъ сочиненіе Путлица. Тонъ стихотворенія не-

принужденный, естественный; беззаботная радость свѣтится въ прелестныхъ описаніяхъ рейнскихъ ландшафтовъ и рейнской жизни и юное веселье брызжетъ изъ вставленныхъ пѣсень. Серьезной мысли въ сказкѣ нѣтъ, она хочетъ только настроить на веселый тонъ и въ свое время вполне достигаетъ своей цѣли. Для слѣдующихъ эпическихъ произведеній Рокетъ бралъ болѣе серьезныя темы, но тогда сдѣлался замѣтенъ недостатокъ его творческаго таланта. Поэту удались описанія природы и отдѣльныя сценки, но онъ не сумѣлъ заинтересовать дѣйствіемъ и поэтому ни одна изъ его послѣдующихъ поэмъ не имѣла такого успѣха, какъ первая.

Отто Рокетъ родился 19 апрѣля 1824 г. въ Кротошинѣ, въ прусской провинціи Позень, изучалъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Галле философію, исторію и новѣйшіе языки, послѣ долгаго путешествія по югу Германіи и сѣверу Италіи, жилъ частью въ Берлинѣ, частью въ Мейсенѣ, съ 1853—56 г. занималъ мѣсто учителя въ Дрезденѣ, послѣ чего посвятилъ себя исключительно литературному труду; въ 1862 г. онъ сдѣлался профессоромъ исторіи литературы въ военной академіи въ Берлинѣ, но скоро отказался отъ этого мѣста, такъ какъ оно не нравилось ему, въ 1867 г. поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка и исторіи литературы въ ремесленную академію въ Берлинѣ, а въ 1869 г. профессоромъ тѣхъ же наукъ въ политехническое училище въ Дармштатѣ, гдѣ живетъ и до сихъ поръ.

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ЖИЛОМЪ МУЗЕѢ.

(Воспоминанія о поѣздкахъ въ Толедо).
1885—1886 гг.

La poesia es arbol
Que llena el mundo;
Su flor inutil la deshoja el tiempo
Y eternos sus poyechos frutos!...
Blamada Gas-y-Ortis.

I.

Villasequilla и ея богачи.—Придорожная фонда.—Странствующій Эдипъ.—Марианела и мѣся о разбойникѣ Кабрерѣ.—Культъ бандитовъ.—Прелести жандармскаго режима.—Ничіе.—Смерть въ горшкѣ съ оливковымъ масломъ.

Если бы нарочно задаться мыслью поставить по одному пути такіе города, которые ярче и рельефнѣе всего выразили бы характеръ двухъ народовъ, владѣвшихъ Испаніей, готовъ и мавровъ, то лучше Толедо и Бордовы нельзя было бы и прибрать. Мрачный, романтическій характеръ одного, съ суровымъ величіемъ его памятниковъ, и свѣтлая, улыбающаяся идиллія другаго производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на путешественника. Какъ будто намѣренно они отдѣлены другъ отъ друга запусьтніемъ Ламанчи и Сьеррой-Мореной, обезлюдѣвшими городами, жалкими и нищими деревушками, не поражающими ничѣмъ путешественника, чтобы ему можно было лучше разобраться въ характерныхъ чертахъ и выпуклинахъ обоихъ. Я въ Толедо былъ четыре раза въ теченіе одного года; въ Бордовѣ мнѣ пришлось прожить двѣ недѣли и, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ объ этомъ времени, я вижу, что никакой другой кастильскій или андалузскій пунктъ не запечатлѣлся въ моей памяти такими рѣзкими и опредѣленными контурами. Тишина и пустыня окружаютъ Толедо. Желѣзные дороги и телеграфъ почти не измѣнили его. Они не внесли ничего новаго въ его старыя улицы и нахмурившіеся дворцы и соборы. Тѣнь Филиппа II, еще покрывающая до сихъ поръ Новую Кастилію, оканчивается здѣсь, захватывая въ свою мрачную область и «гордый городъ на горѣ», какъ называютъ Толедо лѣтописцы. Кажется, что его дома черпѣютъ еще отъ дыма инвизиціонныхъ

костровъ; чудится, что по узкимъ улицамъ въ ихъ вѣчномъ сумракѣ движутся злобщія процессіи св. братства—и, увь, далекою, безконечно далекою представляется та веселая пора, когда здѣсь громко звучали «трубы и фанфары» и благородные рыцари съѣзжались на пышные турниры со всѣхъ концовъ феодальной Европы. Съ тѣхъ поръ коронованный палачъ, Филиппъ II, сынъ сумасшедшаго маніака Карла V, задумавшаго обмануть небо такъ же, какъ онъ обманулъ вселенную, съумѣлъ закоптить дымомъ аутодафе и геральдическихъ львовъ Толедо... Съ другой стороны, и Бордова мало поддавалась вліянію нашего времени. Оно обошло ее стороною, оставивъ арабское гнѣздо умирать спокойно подъ вѣчною лаской андалузскаго солнца, среди пышной природы, точно розами покрывающей гробъ, гдѣ лежитъ эта, когда-то легендарная мавританская красавица. Послѣ Толедо и Бордовы ясно, кто долженъ былъ побѣдить—суровый готъ или изнѣженный мавръ, и, въ то же время, понятно, что и первый не долженъ былъ и не могъ создать ничего въ замѣнъ разрушеннаго имъ міра.

Самую интересной изъ моихъ поѣздокъ въ Толедо была вторая, весенняя. Даже сухая, какъ змѣиная кожа, Новая Кастилія на этотъ разъ измѣнила себѣ. Когда я выѣхалъ изъ Villasequilla, хвастающейся тѣмъ, что между ея жителями нѣтъ «дармоѣдовъ» и что тутъ именно «трудивыя ясть», зеленые поля, разстилавшіяся за нею, изумили меня. Я понялъ, въ чемъ заключается источникъ ея благосостоянія, и повѣрилъ рассказамъ мѣстнаго падре, по которымъ сто тысячъ песеть считаются обыкновеннымъ состояніемъ въ этомъ мѣстечкѣ, гдѣ и полумилліономъ не особенно удивишь любого хозяина. Это немного не похоже на кастильцевъ, но въ оправданіе вильясеквиальцевъ рассказываютъ, что во времена оны всѣ они были очень храбрые люди и особенно охотно ходили воевать съ маврами. Жены и дочери конквистадоровъ должны были сторожить плѣнныхъ арабовъ и тѣхъ мирныхъ, которые оставались на мѣстѣ, послѣ того какъ потокъ завоеванія двинулся далѣе за Сиерру-Морену. Но женщины вообще сострадательны къ несчастнымъ и возвращавшіеся герои находили свои семьи приумноженными новыми членами, какъ всякій хорошо помѣщенный капиталъ возросшимъ отъ процентовъ. Мавры были отличные хлѣбопашцы и садоводы. Арабская кровь мало-по-малу привязала мѣстное населеніе къ землѣ. Villasequilla поэтому не дала переселенцевъ въ Америку, и примѣры Кортеса и Пизарро здѣсь не увлекли никого. «Наше зерно желто, какъ и заморское золото»,—сложилась въ то время пословица, и когда вся остальная Кастилія съ Леономъ и Арагономъ бѣднѣли, пустѣли и безлюдѣли, Villasequilla росла, богатѣла, являясь здѣсь однимъ изъ немногихъ оазисовъ. Въ данномъ случаѣ благоразумные санчо-пансы на практической почвѣ побѣдили романтическихъ донъ-кихотовъ. Арабы сверхъ этого оставили здѣсь замѣтные слѣды своего вліянія. Вильясеквиальскія дѣвушки, по мѣстному обычаю, не показываются на площади въ часы рыночнаго торга.

На этотъ разъ я ѣхалъ не по желѣзной дорогѣ, а верхомъ. Путь уже я зналъ и въ проводникѣ не нуждался. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ,

дали расширяться въ такую бесконечную ширь, солнце такъ быстро бл-вало золотыми лучами нѣбную, улыбающуюся землю, что всѣмъ ста-новилось весело на душѣ. Лопать я долженъ былъ оставить въ «Funda de Las Agencias», верстахъ въ десяти, гдѣ въ заливъ мнѣ предстояло и-лучить новую уже въ сааго Галею, и когда эта «фонда» кончилась, наконецъ, одинокая, заросшая густо грибовъ на дорогахъ, съ своимъ камнемъ крышей, бѣлыми стенами и наружными бѣлыми же ступенями до самой кровли, мнѣ стало жалъ такъ скоро прощаться съ этими полями.

Очевидно, въ семьѣ хозяина этой «фонды» арабская кровь была и при чужь. Самъ «сеньор-сарафелъ» гренахъ на преступнѣ своего дома, выжилая выкатывавшуся изъ шверей громадную тыкву. Я съ уваженіемъ останавли-вался къ памяти животнаго, изъ шкуръ котораго вырѣзать были жезлы, сдерживавшія это несдержимое чрево. Голстяхъ, улымаясь, какъ конюха из-его коня скребли плотно губную землю, попробовалъ было открыть глаза, но еще слаще закурилъ ихъ и замячалъ губами. Снилось ли ему что-нибудь особенно важное, не знаю, но я едва совладахъ съ соблазнами привязать поводъ лошади къ его шеѣ. Его жена своимъ толщиной вполнѣ заслуживала такого мужа. Узнавъ, что я собираюсь завтракать, она вооружилась противенемъ и стала проказывать театральныи гримъ на спинѣ своего суну-га. Это оказалось единственныи средствомъ вернуть его изъ блаженнаи нирваны къ сознанию. Когда онъ открылъ глаза и всталъ, наконецъ, я вско-инилъ своего пріятеля холла, воспитывавшаго свиней въ деревянныхъ клет-кахъ, гдѣ онъ только жрѣли, но шевелиться не могли.

— Извините, сеньоръ, онъ немного толстъ, — оправдывалась хозяйка, очевидно, считая себя чѣмъ-то вроде стройной газели. — Онъ немного толстъ, но это не помѣшаетъ ему угостить васъ отличныи вальдепеньясонъ.

Чудовище, обрѣтшее, наконецъ, способность двигаться, провалилось въ какой-то люкъ и столь же внезапно, точно невѣроятно распухая въ аду статуя командора, вновь выдвинулось изъ-подъ пола съ бутылкою въ ру-кахъ. Сеньоръ Хименесъ (его звали этии поэтическии именемъ) лукаво подмигнулъ мнѣ и, замѣтивъ, что его жена поставила только одинъ ста-канъ, покотился съ проворствомъ, меня изумившии, къ стѣнѣ, снялъ съ полки другой и чокнулся со мною.

— Brindo para usted! (Пью за вашу милость!)

— I yo tan bien! (И я тоже).

Я всегда былъ убѣжденъ, что вальдепеньясъ связываетъ языкъ узломъ, но этотъ дѣлалъ узелъ мертвыи, по-матросски. Въ самои дѣлѣ, хотя испанскій «увѣнчанныи» поэтъ Хосе Сорилья и называетъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ вальдепеньясъ «аломъ кровью Ламанчи», я; все-таки, на-хожу эту кровь ужасно кислой и терпкой. Она еще кислѣ лицъ здѣшнихъ благородныхъ гвдалго. Это отличныи чернила. Тѣмъ не менѣе, сеньоръ Хименесъ пилъ эти чернила съ такимъ видомъ, точно невидимый Ганниекъ ему подливалъ въ стаканъ вѣсто «ламанчской крови» настоящій нектаръ, — и пилъ, и причмокивалъ, и подмигивалъ, въ то самое время, какъ его жена

окутывала насъ цѣлыми облаками удушливаго газа асеіте (плохо очищеннаго оливковаго масла). Сама она окончательно исчезала въ этихъ облакахъ, что вовсе не дѣлало ее похожею на Юнону. Атмосфера придорожнаго Олимпа, очевидно, мнѣ, какъ простому смертному, была не по носу и я выбрался опять на воздухъ. Подымался вѣтерокъ, освѣжая застоявшійся жаръ. Издали подходила цѣлая семья крестьянъ, направляясь къ этой же фондѣ. Первымъ порывомъ вѣтра раздуло платье одной изъ дѣвушекъ.

— *Dispas dias!* — покраснѣвъ, привѣтствовала меня она, подходя къ придорожной хижинѣ.

Мѣстный обычай позволяетъ заговаривать въ дорогѣ съ незнакомыми.

— *Qual es su gracia de usled, si usted gusta?* (Какъ зовутъ васъ? Слово въ слово: какъ зовутъ вашу милость, если вашей милости угодно?)

— Марианелла, — тихо отвѣтила она, краснѣя еще больше.

Я вернулся съ ними въ фонду и точно судьба хотѣла довести мое благополучіе до предѣловъ возможнаго, — въ нее съ другой стороны вошли живописнѣйшіе нищіе, обращавшіе на себя вниманіе даже здѣсь, по сосѣдству Ламанчи — страны по преимуществу живописныхъ нищихъ. Старикъ-слѣпецъ опирался на плечо мальчика, лицо котораго, какъ мнѣ показалось, я гдѣ-то видѣлъ. Достаточно было одной минуты, чтобы убѣдиться, что онъ сбѣжалъ съ полотна одной изъ мурильевскихъ картинъ, гдѣ гениальный андалузецъ изобразилъ Христа и Іоанна Крестителя дѣтьми. Теперь передо мною была дѣйствительно кудрявая головка младенца Іоанна. Оба они драпировались въ лохмотья, гдѣ прорѣхъ да дыръ было, разумѣется, больше, чѣмъ озеръ въ Финляндіи. Но надо было видѣть, какъ лежали эти лохмотья, какими складками падали они внизъ, какъ, если хотите даже, благородна была фигура старика нищаго! Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Миланѣ, увидавъ такихъ на аквареляхъ Перего, я спросилъ у художника, гдѣ онъ писалъ ихъ.

— Разумѣется, въ Кастиліи и Ламанчѣ. Гдѣ же найдешь въ другомъ мѣстѣ подобную благодарную натуру!

Это былъ скитающійся Эдипъ, изгнанный дочерями Лиръ, но уже никакъ не Пачеко Маграсъ (свинина) — имя, какимъ его встрѣтилъ хозяинъ фонды. Что «свинина» не была его псевдонимомъ, скрывавшимъ какое-нибудь павшее величіе, доказалъ мнѣ самъ Пачеко, подтвердившій, что:

— И отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ, — все были Маграсы! Эта фамилія извѣстна во всей Ламанчѣ, и мои предки имѣли гербъ, и были «конквистадорами». Меня знаютъ даже на паперти толедскаго собора. Спросите тамъ у любого нищаго, — и при этомъ онъ принялъ видъ скромнаго, но знающаго себѣ цѣну достоинства.

Я почтительно поздравилъ его съ этимъ, радуясь, что не ошибся, и передо мною дѣйствительно былъ одинъ изъ «королей въ изгнаніи». Впрочемъ, «Маграсъ» — чѣмъ не имя тамъ, гдѣ существуютъ герцоги de la Serda (la serda — свинья)? Все зависитъ отъ геральдики — значить, она и завтра, это вкусное, но несправедливо пренебрегаемое и оклеветанное баснописцами, и

Моисеемъ, и Магометомъ, животное, займетъ мѣсто гордаго единорога у щита соединенныхъ королевствъ Англiи и Шотландiи! Появленiе старика внесло оживленiе въ придорожную фонду. Хиженесь (откуда у него еще разъ прыть взялась!) притащилъ гитару и всунулъ ее въ руки слѣпцу, одновременно съ тѣмъ, какъ я вставлялъ ему въ губы «rigos» (сигару).

— Пускай онъ намъ поиграетъ, пока она жарить рыбку!—мигнулъ хозяинъ на неудавшуюся Юнону въ облакахъ. И надо было слышать, съ какимъ сладострастiемъ и вмѣстѣ мечтательностью было сказано это: «рыбку жарить». Гоголевскiй Петръ Петровичъ Пѣтухъ не произнесъ бы этого выразительнѣе...

Я никогда не могъ и не могу равнодушно слышать ритуриели испанскихъ пѣсень. Въ ней есть что-то, подготовляющее къ чему-то и таинственному, и сладкому... Она прямо въ сердце стучится... Отъ ея звуковъ со дна души подымается что-то мягкое и грустное, что-то неотразимо зовущее далеко, далеко... Куда?—вы не знаете сами, только передъ вами раздвигаются стѣны, падаютъ ограды и во всѣ стороны ложатся неоглядные горизонты. Чувствуешь, что эту пѣсню мавръ принесъ съ собою изъ сожженной солнцемъ Африки, гдѣ передъ нимъ въ необозримомъ просторѣ скользили и сияли волшебные призраки и миражи, по которымъ послѣ долго плакалась смятенная душа... Эти пѣсни и рыдаютъ, и смѣются, въ одно и то же время; онѣ и грозятъ, и обманываютъ яркою сказкой, и ласкаютъ, и мучатъ... Въ нихъ есть все, что понадобится человѣку въ томъ состоянiи духа, въ какомъ онъ ее слушаетъ. Я былъ знакомъ съ лучшими пѣвцами Испанiи и съ ея талантливейшими пѣвицами. Я слушалъ ихъ въ народныхъ кабачкахъ вродѣ «Сильверiо», «Фео-Малагенъ» и другихъ, и въ горахъ, гдѣ надъ бездною голубаго пара плавали серебряныя вершины, и въ гостинныхъ исполняемыми прелестными андалузскими «шопетасъ», и всегда онѣ дѣйствовали на меня одинаково неотразимо. Разумѣется, она покажется смѣшной, когда какая-нибудь звѣриная харя, сладко скосивъ глаза и изо рта изобразивъ челюсть адову, начнетъ козломъ выдѣлывать различныя модуляци; но, вѣдь, изъ прекраснаго такъ легко сдѣлать комическое. Пачеко Маграсъ, свинина тожь, надо отдать ему справедливость, не пѣлъ, онъ только брэнчалъ на струнахъ гитары, которыя подъ его узловатыми и корявыми пальцами вдругъ заплакали и зажаловались, словно одушевленные.

— Жаль, нѣтъ пѣсни!—только что хотѣлъ было сказать я, и не успѣлъ.

Въ темномъ углу фонды точно родился гармоничный стонъ... Еще и еще. Словно Богъ вѣсть изъ какой дали послышалась тихая, тихая пѣсня... Она и вздрагивала, точно сердце у пѣвицы истекало кровью, вздрагивала отъ невыносимой боли, и вдругъ, когда вы вовсе не ждали этого, раскидывала мощныя крылья и уносилась въ какой-то слѣпящiй блескъ... Вслушайтесь въ нее, въ эту пѣсню далекаго юга, кто бы вы ни были, и вамъ покажется, что это именно о васъ поетъ она, что изъ вашего сердца

несется невольный свѣтъ, ея то радостныя, какъ майскія птички, то грустныя, какъ безотчетная сумеречная печаль, звуки...

— Кто это поетъ?—спросилъ я у хозяина.

Но онъ уже блаженно опустилъ вѣки и вздрагивалъ отъ восторга. За его женою и другими совсѣмъ не видать было пѣвицы, какъ вдругъ какой-то дюжій парень, именно такой, про котораго арагонцы говорятъ: «его коваль кузнецъ Хось при помощи чорта», завопилъ въ экстазѣ:

— *Mia alma* (моя душа), *Marianella*... Цвѣтовъ моего сердца!

Я пробрался туда и наткнулся прямо на Маріанеллу. Она сидѣла въ углу, но теперь въ этомъ вдохновенномъ лицѣ, въ этихъ широко раскрывшихся глазахъ, полныхъ свѣта и жизни, никто бы не угадалъ недавняго смятенія и застѣнчивости. Дѣвушка совсѣмъ преобразилась подъ вліяніемъ своей собственной пѣсни. Ея грудь волновалась, казалось, еще мгновенье, и сама пѣвица унесется вслѣдъ за своимъ чудеснымъ голосомъ далеко, далеко.

— *Muy bien... Adelante... Que pipa!*—слышалось кругомъ.

Всѣ стали въ тактъ ея пѣсни хлопать въ ладоши, а мальчикъ съ головою Іоанна Крестителя вдругъ вытащилъ (откуда?—его лохмотья не давали возможности предполагать у нихъ существованія кармана) кастаньеты, и въ придорожномъ кабачкѣ началась такая чудесная *tertulia*, какихъ до тѣхъ поръ я въ Мадридѣ не видалъ. Еще нѣсколько минутъ, и къ Маріанеллѣ присоединился парень, скованный кузнецомъ въ сотрудничество чорта. Надо отдать справедливость нечистому: если это онъ сообщилъ своему созданію такой чудесный баритонъ, то остается пожалѣть, что наши оперные пѣвцы радились всѣ правильно и въ ихъ генеалогіи не участвовали силы адавы. Парень, впрочемъ, не сантиментальничалъ. Очевидно, въ немъ жили героическіе инстинкты и въ недалекомъ будущемъ онъ обѣщалъ изъ себя великолѣпнаго *bandido*. Все, что онъ ни пѣлъ, прославляло рыцарей, и будь это въ Россіи, я бы сказалъ—«большой дороги», въ Испаніи же надо сказать—«рыцарей горъ». И всюду эти рыцари благополучно избивали королевскихъ карабинеровъ, показывая имъ небо съ овчинку. Одну изъ нихъ я прошу позволить привести здѣсь въ моей посильной передачѣ. Она относится къ той эпохѣ, когда христіаносы, бандиты и революціонеры попеременно боролись съ господствующимъ строемъ жизни и, въ концѣ-концовъ, такъ перемѣшались между собою, что разобраться въ нихъ не удавалось ни одному судѣ, будь онъ хоть Соломономъ.

Я—разбойникъ, говорятъ,
Но внимаю я безъ гнѣва,
Какъ поли сулятъ мнѣ адъ
И гарроту *)—королева!...

Самъ я царствую! Въ горахъ
Все моею покорно власти:

*) *Garrote*—способъ казни. На осужденнаго надѣваютъ желѣзныи ошейникъ, палачъ поворачиаваетъ винтъ и преступникъ задушенъ.

Кручи, скалы въ небесахъ,
Безднѣ вѣющія пасти.

„Внѣ закона“ признавъ я,
И съ утеса, будто съ трона,
У себя я васъ, друзья,
Объявляю „внѣ закона“.

Въ мѣстѣ съ тучей грозовой
Прихожу я къ вамъ въ долины—
И бѣгутъ передо мной
Слуги вѣрныя Христинны.

Не угодно-ль вамъ ко мнѣ
На моч стремнины въ гости:
Въ черной пропасти на днѣ
Кто отмщеть ваши кости?

Говорятъ, я въ городахъ
Какъ гроза могучъ и страшень,
Но не строю я въ горахъ
Ни темницъ, ни сѣрнхъ башень.

Всякій волею, кто со мной
Связанъ дружбой-иль любовью,
И престолъ не залить мой
Ни слезой, ни чистой кровью *).

Здѣсь свободнѣй дышетъ грудь,
Жарче пламя поцѣлуя.
Говорятъ, когда-нибудь,
На гарроту попаду я!

Эго, чѣмъ наши смутить
Горныхъ всей властелина!
Развѣ вѣчно будетъ жить
„Божьей милостью“ Христиана?

Въ самой смерти равенъ я
Королевѣ и герою.
Ружья на плечи!... Друзья,
Всѣ ли въ сборѣ вы?... За мною!

Передъ битвой—страха нѣтъ,
А веселью—гдѣ же мѣра?
И звучитъ мнѣ пѣсня вслѣдъ,
Въ честь разбойника Кабрера!

Когда парень окончилъ и на его лицѣ улеглось возбужденіе, а кровь отлила у него отъ глазъ, я спросилъ его:

— Вы не можете ли, сеньоръ, объяснить мнѣ, кто былъ Кабреръ?

— А вы не знаете, caballero?

— Иначе бы я васъ не спрашивалъ.

— Значить, вы пріѣхали очень издалека,—переходилъ онъ отъ изумленія къ изумленію.—Ваши милости,—оглянулъ онъ присутствующихъ,—

*) Престолъ королевы Христинны и ея отца Фернанда VII назывался кровавымъ.

Этотъ сеньоръ на знаетъ ничего про *нашего* Кабрера. Но Кабреръ былъ изъ этихъ самыхъ мѣстъ. Онъ прославилъ насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ молитвами Мадонны Испанія, не было такого героя!

— Гдѣ онъ разбойничалъ?

— То-есть онъ воевалъ съ королевой Христиной и богатыми людьми. Мы всё недурно владѣемъ навахами (ножами), но онъ за сорокъ шаговъ могъ попасть имъ въ глазъ ребенку... Э, ему не разъ приходилось убѣждаться, что у нашихъ «господъ» кровь вовсе не голубая, а такая же алая, какъ и у всѣхъ. Вы слышали, какъ онъ разъ принималъ у себя самой королеву?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Христинѣ натолковали столько про Кабрера, что ей захотѣлось по-смотреть на него самой. Вотъ она и послала ему сказать, что пріѣдетъ къ нему въ гости въ Сиерра-Морену, гдѣ онъ «работалъ» тогда. Онъ, разумѣется, обѣщался ее принять такъ же, какъ онъ принялъ бы самой Мадонну, если бы Пресвятая сошла для него съ небесъ. Только онъ просилъ Христину не брать никого съ собою—оказать ему довѣріе: ни свиты, ни стражи. Иначе онъ сочтетъ это за обиду. Ну, а у Христины, знаете, душа была кастильская. Ей бы не понадобилось занимать храбрости у тупоголовыхъ басковъ... Она сейчасъ же собралась, доѣхала со свитою до горы и видитъ—на утесахъ стоятъ великолѣпно одѣтые бандиты, всѣ въ бархатъ и золотѣ. Она оставила свиту и пошла къ нимъ. Только одинъ между ними былъ въ черномъ атласѣ, и все вооруженіе на немъ было черное. Онъ отдѣлился отъ своихъ, подошелъ къ королеви и преклонилъ передъ нею колѣно.

— Вы сеньоръ Кабреръ?—спросила она.

— Я.

Она милостиво протянула ему руку и онъ поцѣловалъ ее. Потомъ онъ повелъ ее къ себѣ въ горы. У него были уже приготовлены для нея золотыя носилки съ бархатными, шитыми жемчугомъ, занавѣсками. Королева сѣла. Бандиты кричали ей «vive!» и стрѣляли изъ ружей. На каждыхъ двухстахъ шагахъ ждала ее такая же партія, такъ что она, наконецъ, удостоилась удивиться и спросила:

— Сеньоръ кавалеро, сколько же у васъ «войска»?

— Сколько я захочу, ваше величество.

— То-есть какъ это?

— Такъ. Если мнѣ понадобится, всѣ, у кого душа не въ карманѣ, станутъ подъ мое знамя.

— А развѣ у васъ, сеньоръ, есть и знамя?

— Оно надъ вашимъ величествомъ теперь.

Королева подняла голову: дѣйствительно, надъ ея носилками молодой горецъ изъ Альгамасиллы несъ хоругвь, на которой былъ изображенъ серебряный Георгій Побѣдоносецъ на золотомъ полѣ.

— Между нашими войсками одно различіе, ваше величество,—про-

должалъ Кабрерь:—ваши войска вамъ стѣять очень дорого, а мои мнѣ ничего.

— Я цѣплю къ вамъ своихъ министровъ поучиться,—засмѣялась королева.

— Они не вернутся къ вамъ.

— Почему?

— Потому что я ихъ повѣшу.

— Развѣ они заслуживаютъ этого?

— Да.

И тутъ, знаете, королева въ первый разъ услышала правду обо всѣхъ, кто ее обружалъ. Кабрерь рассказывалъ ей въ продолженіе всей дороги о дѣлахъ ея министровъ, генераловъ, свитскихъ, и Христина приходила въ ужасъ и, наконецъ, воскликнула:

— Но вы ничего дурного не можете сказать о герцогѣ Салданья?

— Это именно величайшій злодѣй, тотъ, котораго я берегъ къ концу.

И Кабрерь повелительнымъ голосомъ приказалъ своимъ отойти. Когда онъ съ королевой остался одинъ, то, опять преклонивъ колѣно, спросилъ ее:

— Знаете ли, ваше величество, мое настоящее имя?

— Кабрерь. Вы изъ Арагона?

— Неправда. Я — гidalго изъ Ламанчи (вѣроятно, послѣ Донъ-Бихота всѣ гidalго изъ Ламанчи!). Мое имя Пересъ де-Фуэнте-и-Арада.

— Какъ, сынъ генерала, служившаго вѣрою и правдою моему отцу?

И рассказываютъ, что королева отъ удивленія даже приподнялась на носилкахъ.

— Да, ваше величество, сынъ преданнѣйшаго изъ слугъ Фердинанда VII. Но у моего отца, кромѣ меня, была еще дочь, подобная ангелу, и даже лучше его. Она воспитывалась въ монастырѣ Санта Клара. Я помню ее прелестною дѣвушкой.

— Гдѣ она теперь?

— Спросите у герцога Салданья.

— Что онъ сдѣлалъ съ нею?

— Онъ похитилъ ее, силою обезчестилъ и потомъ выбросилъ какъ послѣднюю распутную женщину на улицу, а когда я явился къ нему со шпагой въ рукахъ требовать отчета, какъ дворянинъ у дворянина, онъ приказалъ лакеямъ выгнать меня палками отъ него... и меня выгнали...

— Я отомщу за васъ.

— Ради Пречистой, королева, позвольте мнѣ самому отомстить за себя... Мой часъ придетъ!... Прошу у васъ королевскаго слова, что никто и даже герцогъ не узнаетъ моего настоящаго имени.

— Хорошо. Но что случилось съ вашею сестрой?

— Въ нашемъ роду не переживаютъ позора. Она должна была умереть!... Нашъ домъ построенъ въ Альгамасильѣ на скалѣ... Когда я вернулся и рассказалъ ей, какъ меня принялъ герцогъ, она сама потребова-

ла, чтобы я убила ее... Я отказался и она поступила, какъ и должна была поступить. Она бросилась со скалы внизъ...

Королева заплакала.

Кабреръ приказалъ свитѣ опять собраться вокругъ и они проводили королеву до громадной пещеры, гдѣ не видно было камня подъ тончайшими шелками и богатѣйшимъ бархатомъ. Тысячи факеловъ горѣли въ ней. Тончайшія блюда подавали ей величеству; винъ такихъ она, пожалуй, и у себя не всегда пивала, потому что Кабреръ отнялъ ихъ у кордуанскаго архіепископа монсенъора Лунса, а святые отцы, вы знаете, принимаютъ толкъ въ этомъ... Вечеромъ, когда королева спускалась внизъ, только стемнѣло, какъ всё горы кругомъ загорѣлись, на утесахъ и вершинахъ запылали костры, за скалами появились десятки людей съ факелами. Казалось, все было залито заревомъ до самой долины, гдѣ Христину ждала ея свита. Кабреръ провожалъ ее до ея кареты, и когда королева садилась въ нее, то, давъ ему опять поцѣловать свою руку, сказала:

— Когда вы кончите то, что хотѣли сдѣлать, и пожелаете успокоиться, вамъ стѣдуетъ только написать мнѣ въ Мадридъ. Можете явиться и сами...

Такъ вотъ онъ каковъ былъ, *нашъ* Кабреръ!

— Что же, онъ вернулся?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ же онъ кончилъ?

— Сначала онъ, какъ настоящій кастилецъ, отомстилъ врагу...

— Герцогу Салданьи?

— Да. У него была дочь и она ѣхала въ имѣніе подъ Бордовой за надежнымъ карауломъ. Но что значили королевскіе карабинеры въ сравненіи съ молодцами Кабрера! Разумѣется, отъ нихъ не осталось и хвоста... Кабреръ взялъ дѣвушку и заперъ ее въ свою пещеру. Въ отчаяніи отецъ послалъ къ нему вести переговоры, предлагая богатый выкупъ. Но Кабреръ отвѣтилъ, что онъ не привыкъ вести дѣло съ лакеями и слугами. Тогда старый герцогъ взялъ у него охранный листъ и пріѣхалъ къ нему самъ.

— Узнаешь ли ты меня, герцогъ?—спросилъ у него Кабреръ.

Салданья затрепеталъ (и парень даже показалъ, какъ тотъ затрепеталъ).

— Какъ, ты де-Фуэнте-и-Арада?

— Да... я!

— Ну, значитъ, дочь моя теперь погибла!... Ты ее обезчестилъ такъ же, какъ я твою сестру?

Парень выпучилъ глаза, наслаждаясь общимъ впечатлѣніемъ, и, выдержавъ паузу, вдругъ вскрикнулъ:

— Но разбойникъ оказался честнѣе герцога. Кабреръ, знаете, вскочилъ какъ «ужаленный левъ» и, открывъ занавѣсъ въ другое отдѣленіе пещеры, показалъ герцогу его дочь.

— Спроси у нея самъ, тронулъ ли я хоть волосокъ съ ея головы? Развѣ дочери виноваты въ преступленіяхъ ихъ отцовъ?

— И чего же ты хочешь?—спросилъ его Саданья.

И тогда (парень сталъ въ величественную позу) Кабреръ сказалъ ему:

— Когда-то, герцогъ, ты не хотѣлъ драться съ простымъ дворяниномъ Арада, теперь ты дашь удовлетвореніе разбойнику Кабреру... Выбери секундантовъ изъ моихъ людей...

Фараоново чудовище пыхтѣло, Маріонелла вся такъ и впиалась въ повѣствователя, очевидно, воплощавшаго въ своей особѣ для нея и Кабрера, и всѣхъ прочихъ героевъ испанскихъ народныхъ легендъ; даже слѣпой Эдипъ въ лохмотьяхъ волновался и грозно стучалъ посохомъ въ землю, а младенецъ съ головой Іоанна Крестителя сверкалъ глазами, какъ молодой орленокъ, попавшійся въ тенета.

— Герцогъ дрался съ бандитомъ и Кабреръ убилъ его...

И, окончивъ такъ эпически-просто свой рассказъ, парень выпилъ стаканъ ламанскихъ чернилъ и опять забренчалъ пѣсню на гитарѣ. Но меня не такъ-то легко стало удовлетворить. Если я не люблю доискиваться до сути, до начала всѣхъ вещей, то конецъ ихъ меня весьма интересуеть.

— И Кабреръ послѣ того, навѣрное, поѣхалъ въ Мадридъ, королева его помиловала и онъ сдѣлался мирнымъ гражданиномъ, не такъ ли?

— Нѣтъ, сеньоръ, не такъ... Можетъ быть, онъ и сдѣлалъ бы это, потому что всякій въ старости становится глупъ, но... ты не стучи посохомъ, Пачеко, я вовсе не тебя имѣлъ въ виду, но... его зарѣзали...

— Свои?

— Больше, чѣмъ свои!... Маріанелла лучше, чѣмъ кто-нибудь, знаетъ это... Ея бабка. Онъ жилъ съ нею въ горахъ, какъ съ женою, и даже лучше, чѣмъ съ женою (очевидно, послѣднее было прибавлено для успокоенія застѣнчивой дѣвушки), но на него нашла блажь. Наслышалась о немъ дочка Villasequilla'скаго алкада и бѣжала къ нему... Ну, тутъ Кабрера смутилъ нечистый духъ... Розина,—ее такъ звали, не дочку, а бабу... Она, знаете, красавица, вѣдь, была (и парень изъ своей рожи постарался, сложивъ глаза, изобразить, какая именно она была красавица) и приревновала. Кабреръ крутой былъ и хотѣлъ съ нею разстаться, тутъ она и показала ему свою подвязку.

— Что?

— Свою подвязку. Наши женщины въ тѣ времена за подвязками этикія тонкія навахи носили, на такіе случаи, когда надо доказать было, что въ ихъ груди бьется не заячье сердце. Ну, Розина прикончила его, а потомъ и себя въ это мѣсто (ткнулъ онъ перстомъ въ грудь). Такъ что они оба умерли, какъ надо умереть всѣмъ хорошимъ людямъ.

— Почему же надо?

— А то какъ? Не радоваться же ей тому, что ея мѣсто занято другомъ?

Очевидно, вмѣстѣ съ культомъ «бандитизма» въ окрестностяхъ Толедо одинаково царить и культъ ревности.

— Спросите у Маріанеллы, какъ она думаетъ объ этомъ.

Но Маріанеллу нечего было и спрашивать, достаточно было посмотреть въ эту минуту ей въ глаза, чтобы не усомниться: она бы не отступила отъ доблестнаго примѣра своей героической бабки Розины, да, вѣроятно, и у ней, какъ и у той, за подвязкой «на всякій случай» спрятана тонкая наваха.

Культъ бандитизма живетъ въ населеніи преимущественно центральныхъ провинцій Испаніи, несмотря на то, что правительство всѣхъ отгнговъ поступаетъ здѣсь съ разбойниками, вовсе не справляясь съ народными симпатіями и легендами. Карabinieri (по нашему жандармы), пользуясь тайною инструкціей изъ Мадрида, не доводятъ дѣло до суда. Поймавъ бандита, они пристрѣливаютъ его по пути и потомъ доносятъ о печальной необходимости, заставившей ихъ совершить это «въ предупрежденіе побѣга». Создалась даже великолѣпная фраза: «преступникъ *нампревался* бѣжать». Это уничтожило или пока приостановило развитіе большедорожнаго рыцарства, но за то дало здѣшнимъ карабинерамъ такое страшное полномочіе, какимъ они не преминули, разумѣется, злоупотреблять. «Намѣреніе бѣжать» оказывалось и у совершенно невинныхъ людей, состоявшихъ въ личныхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ карабинерами.

Ужасы разбойничества смѣнились здѣсь ужасами карабинерныхъ командъ, негальныя злодѣянія—административными. Вотъ и все. Произволь солдафонства начинается и въ населеніи уже вызывать весьма, съ точки зрѣнія общественнаго порядка, нежелательныя явленія. Кое-гдѣ находятъ жандармовъ убитыми, въ Альбарасипѣ, близъ Теруэля, цѣлая команда этихъ безцеремонныхъ заплочныхъ мастеровъ была перебита, причѣмъ общество даже и не шелохнулось. Его симпатіи были значительно поколеблены. Все это, разумѣется, разрешится крупнымъ народнымъ волненіемъ. [Я не могу забыть, съ какимъ ужасомъ въ Толедо каноникъ Пабло де-Асада рассказывалъ мнѣ: «Бду я, знаете, изъ Сепульведа въ Ріаса и вижу, что двое карабинеровъ ведутъ молодаго красавца, съ котораго хоть картину рисуй. Остановились, подошли они ко мнѣ подъ благословеніе, даль я его и говорю арестованному: «Смотри, сынъ мой (*mí hijo*), не надѣлай глупостей, самъ, вѣдь, понимаешь, времена нынче строгія...» Онъ весело улыбается. Я невольно зубамъ его позавидовалъ,—бѣлые, крѣпкіе, кажется, дурось (монету въ пять франковъ) перегрызть ими легко можетъ. «Зачѣмъ мнѣ дѣлать глупости, отче?—отвѣчаетъ.—Меня взяли по какому-то недоразумѣнію. Меня въ Сепульведѣ всякая собака знаетъ. И до суда дѣло не дойдетъ!» И дѣйствительно не дошло!... Въ Ріаса я не нашелъ кого мнѣ надо было и, не отдыхая, вернулся въ Сепульведу. Не сдѣлавъ еще десяти километровъ, задумался о чемъ-то, какъ вдругъ конь мой какъ шархнется въ сторону. Едва я усидѣлъ въ сѣдлѣ. Смотрю, поперекъ дороги въ травѣ лежитъ, раскинувъ руки и глядя недвижными глазами прямо въ небо, мой красавецъ... Я остановился, сошелъ съ лошади... До сихъ поръ не могу

вспомнить спокойно... Зубы, которыми я позавидовалъ!... Эта подлая сволочь сдѣлала ему одинъ выстрѣлъ въ ротъ, а другой въ високъ. Ротъ полонъ крови... Потомъ въ Сепулъведѣ я собралъ справки, и оказалось, что парень-то, вѣдь, вовсе не виноватъ былъ... Его бы освободили, но «онъ намѣревался бѣжать».

Испанцы очень обижаются, когда европейцы называютъ ихъ дикарями.

— Какіе же мы дикари!—возразилъ разъ профессоръ Авила.—Наша цивилизація древнѣе вашей.

Споръ шелъ съ французомъ.

— Гдѣ же, кромѣ дикарей, возможны такіе ужасы?

— Вы говорите о жандармскомъ произволѣ?

— Да.

Авила, несмотря на свой страстный патриотизмъ, поневолѣ долженъ былъ замолчать.

Я выше сказалъ, что культъ бандитизма живетъ въ центральныхъ испанскихъ провинціяхъ. Въ Каталоніи его нѣтъ вовсе,—тамъ слишкомъ далеко подвинулось народное образованіе и очень разумно устроились отношенія между капитализмомъ и рабочею силой. Каталонецъ свободенъ, грамотенъ и уменъ. Онъ если недоволенъ своимъ положеніемъ, то и нужды не знаетъ. Сверхъ того, его мысль занята высшими интересами. Его не манитъ на вольный промыселъ въ горы, и кастильской жандармеріи здѣсь нечего дѣлать. Здѣсь разбойничество власти не развѣдаетъ населенія и не возбуждаетъ въ немъ дурныхъ инстинктовъ... На югѣ, въ Андалузіи, разбойничьи легенды даже мало-по-малу гаснутъ. Тамъ ихъ заслонилъ героизмъ контрабандистовъ, ведущихъ правильную войну съ таможеней. Контрабандисты—люди по-своему честные и случилось, что банкиры Гибралтара и Малаги, не довѣрявшіе правительственной почтѣ крупныхъ суммъ, охотно ввѣряли передачу ихъ контрабандистамъ. Еще не было случая, чтобы эти молодцы обманули такое довѣріе. Контрабандистъ, все-таки, выше любого разбойника въ Сіеррѣ, какимъ бы ореоломъ ни окружало послѣдняго невѣжественное крестьянство. Съ контрабандистомъ можно жить, ѣздить, не боясь ни за свой кошелекъ, ни за свою жизнь. Здѣсь есть даже цѣлые города, существующіе этою «борьбой съ правительственною таможеней». Такова, напримѣръ, красивая Ронда, да хотя бы и тотъ же Алхедирей, гдѣ даже консулы не прочь отъ выгоднаго «рукомерла».

Старый Эдипъ, или, если хотите, Лиръ, былъ не единственнымъ обращеніемъ въ своемъ родѣ. Чѣмъ ближе подвигался я къ Толедо, тѣмъ чаще и ободраннѣе попадались мнѣ нищіе. И какіе нищіе! Вотъ бы сюда жанристамъ! Воображеніе бессильно создать что-либо подобное. Цѣлые дни сидятъ они по дорогѣ подъ солнцемъ, здѣшнимъ солнцемъ, выжидая дилжанса или всадника... И надо слышать, какими надорванными голосами одни, съ такимъ отчаяніемъ другіе, съ такимъ бѣшенствомъ третьи вымогаютъ себѣ жалкую «limosnita»... Я помню, какъ впоследствии въ Темблекѣ я не могъ пробраться сквозь толпу этихъ «caballeros», протягивав-

нижкѣ ко мнѣ исковерканныя, искалѣченные руки. Только нищія Бургоса могутъ сравниться съ ламанческими и толедскими. Нѣкоторые изъ послѣднихъ являются въ видѣ какихъ-то пауковъ. Они и прыгаютъ по землѣ какъ тарантулы, отлично владѣя своими изломанными и искривленными руками и ногами; другіе передвигаются на колесахъ, третьи ползаютъ.

Между этими нищими есть потомки дѣйствительно знатныхъ родовъ. Я видѣлъ лохмотья, пестрые, какъ карта Австріи по національностямъ, но съ вышитымъ на нихъ крестомъ Балатравы, право на который передается отъ отца къ старшему сыну. Не могу не привести здѣсь отрывка изъ стихотворенія молодого толедскаго поэта Эстебанеса Касадо, отлично рисующаго именно такого нищаго:

Нашъ родъ былъ знатенъ и великъ,
 Но оя угасъ среди страданій,
 И даже бядный мой языкъ,
 Не перечтетъ именъ и званій,
 Какія вправѣ я носить!...
 Мой предокъ спорилъ съ королями;
 Самъ Карлъ *) не могъ его затмить
 Полями, замками, дворцами!...
 Въ „дѣвія страны родной“
 Вписавъ странницы золотыя,
 Нашъ родъ небесною грозой
 Промель столѣтія быль!...
 Нашъ мечъ извѣдалъ буйный галль!
 Въ ненастье, въ бури и туманы
 Не разъ съ високихъ мачтъ смирилъ
 Нашъ флагъ моря и океаны...
 Но, зная, на насъ разгнѣванъ Богъ!—
 Мой прадѣдъ былъ еще героемъ,
 А я лежу у вашихъ ногъ,
 Покривъ проказою и гноемъ.
 Я нищимъ у дороги росъ,
 Забывъ о родѣ знаменитомъ,
 Я—какъ въ грязи бездомный песъ,
 Какъ гадъ, раздавленный копытомъ!...

Спасаясь отъ этихъ «рыцарей прорѣхи», какъ ихъ здѣсь называютъ, я чуть было не утонулъ въ ... оливковомъ маслѣ. Не удивляйтесь, въ Испаніи это вовсе не такъ трудно, какъ кажется. Дѣло въ томъ, что въ Ламанчѣ и прилегающихъ къ ней округахъ Новой Кастиліи какъ вино, такъ и масло держать въ громадныхъ, врываемыхъ въ землю, глиняныхъ кувшинахъ—«tinajas». Эти тинахи часто достигаютъ сажени полторы въ глубину и, понавъ туда, уже не выплывешь, потому что тамъ и рукъ раскинуть негдѣ. Меня удержалъ отъ паденія именно одинъ изъ такихъ потомковъ славнаго рода, тотчасъ же протянувшій ко мнѣ свой старый, развалившійся грибъ-сомбреро за милостыней.

*) Предполагается Карлъ V-й.

Эти «тинахи» очень характерны. Испанцы въ нихъ даже берутъ ванны. Вы помните рассказъ Теофиля Готье. Хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка, но въ этомъ отношеніи кастильскіе нравы въ деревняхъ не измѣнились. Знаменитому французскому писателю привелось въ Гренадѣ пойти въ городскія бани съ отдѣльными номерами. Патіо подъ густымъ сѣтями виноградныхъ лозъ былъ полонъ тѣни и прохлады. Огромный бассейнъ прозрачной воды такъ и манилъ къ себѣ. Теофиль Готье потребовалъ ванну и ... его подвели къ tinajones (такъ называются самыя большіе tinajas). Они были вкопаны въ землю и только ихъ устья торчали наружу. «Ранѣе чѣмъ забраться въ эти горшки,—говоритъ Готье,—мы велѣли покрыть ихъ простынями, что показалось совершенно непонятнымъ банщику. Мы повторили наше требованіе, онъ пожалъ плечами и съ презрѣніемъ проговорилъ сквозь зубы: англичане!» Теофиль Готье и его спутники влѣзли, наконецъ, въ эти горшки, причежъ только «голова наша торчала, какъ у перенеломъ въ соусѣ рагу». Гренада и Андалузія въ этомъ отношеніи исправились и едва ли не англичане передѣлали ихъ, но Кастилія Старая и Новая и Ламанча живутъ еще заднимъ умомъ. Между прочимъ, благодаря тинахѣ, былъ уничтоженъ одинъ изъ злѣйшихъ бандитовъ, Мигуэль. Онъ забрался въ пустой громадный кувшинъ, въ которомъ могло помѣщаться болѣе трехъ тысячъ ведеръ вина. Сообщника, обязавшагося помочь ему выбраться оттуда, захватили и отправили въ Толедо. Самъ Мигуэль никакъ выбраться не могъ и, выдержавъ сутки въ такомъ кувшинѣ, началъ кричать. Но тинаха была вкопана далеко отъ всякаго жилья въ землю, принадлежавшую канонику. Виноградъ еще не дозрѣлъ и въ поля никто не навѣдывался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда вино было выжато, его слили въ этотъ чудовищный кувшинъ и наверхъ всплылъ трупъ умершаго отъ голода Мигуэля. Что такіе тинахоны здѣсь встрѣчаются, достаточно свидѣтельства Давильера: «Въ музеѣ севрской мануфактуры,—говоритъ онъ,—находится тинаха, доставленная изъ Испаніи барономъ Тейлоромъ. Она четыре аршина въ вышину, болѣе четырехъ аршинъ въ объемѣ и можетъ вмѣстить 1,447 куб. футовъ, т.-е. 3,350 ведеръ».

Избавившись отъ безвременной кончины въ оливковомъ маслѣ, гдѣ въ видѣ консерва я бы могъ пролежать до сего дня, я немедленно выѣхалъ изъ Темблека. Какъ тогда, такъ и теперь, я направлялся въ гордый городъ на горѣ, въ столицу готскихъ королей и впоследствии императорскую резиденцію Карла V. Еще издали я отыскивалъ вдали царственные утесы этого августѣйшаго Толедо, который испанскіе поэты называютъ «монументальнымъ», гдѣ дома за недостаткомъ мѣста выросли въ башни, а улицы по ихъ тѣсотѣ похожи на червивыя ходы въ деревѣ. Но онъ еще не появлялся. Я ѣхалъ вдоль Тахо, прислушиваясь къ легендамъ и быліямъ, которыя на непонятномъ языкѣ рассказывала мнѣ эта рѣка. Мнѣ только одно было ясно: Тахо не забыла ни готовъ, ни мавровъ и, жалуюсь на запустѣніе сегодняшняго дня, плачется о томъ, что такъ быстро

прошли счастливые годы далекаго прошлаго, оставивъ свои слѣды только въ камнѣ и бронзѣ толедскихъ сооружений. И вмѣстѣ съ Кампо-Амаромъ

Мнѣ самому рыдать хотѣлось
Надъ тѣмъ, чему людская память
Моглаю глубокой стала,
Что кроетъ ниль столѣтій дѣлнхъ—
Какъ манускриптъ давно забытый,
На полкахъ съѣденный червями
Въ монастырѣ глухомъ, безлюдномъ
И заочеленномъ на вѣки,—
Чтобъ нескромный взглядъ пришельца
Не помѣшалъ ему спокойно
На „мѣстѣ святѣ“ разрушаться...

II.

Тоledo.—Мостъ Алькантара и Пуэрта дель-Соль.—Императоръ Карлъ V и вѣдцы Закодавера.—Призракъ готскаго короля.—Херомита и суровый Санхеъцъ (Филиппъ II).

Въ дивномъ просторѣ, ярко залитомъ солнцемъ и опушенномъ первую весеннею зеленью плющей, выросъ передо мною казавшійся громаднымъ утесъ, именно *казавшійся*, отъ плоскостей, охватившихъ его отовсюду. Тахо здѣсь ласково обѣгаетъ его кругомъ, словно цѣлуя своими тихими струями каменные ступни этого необыкновенно цѣльнаго и стройнаго великана... Вверху, точно изъ скалы, выросли такія же каменные, какъ она, и такія же стройныя и гигантскія башни, колокольни, стѣны... Пока это какой-то кастильскій или, еще лучше, готскій кремль, съ такимъ гигантскимъ «альказаромъ» наверху, что кажется, онъ все давить собою. Весь онъ состоитъ точно изъ соборовъ, крѣпостей и дворцовъ, стремящихся перерости другъ друга. Не знаешь, гдѣ кончается скала и гдѣ начинаются они. Весь этотъ гордый городъ является точно неудержимымъ порывомъ утеса къ небу. На темно-голубомъ фонѣ его такъ рѣзко, такъ опредѣленно рисуются всѣ эти чудные, гордые, великолѣпные силуэты. Готскій городъ необыкновенно закоулоченъ; это одна профиль, одна цѣльная масса камня, изъ которой будто одною рукой и одною мыслью изсѣченъ царственный памятникъ величаваго прошлаго Испаніи. Онъ все растетъ и растетъ, выше въ небо уходятъ его башни, ниже въ бездну падаютъ отвѣсы дикаго утеса, очерченнаго, по крайней мѣрѣ, какъ видишь отсюда, такими правильными геометрическими линіями. Вотъ кое-гдѣ показались кровли домовъ; онѣ выдвигаются изъ-за зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, изъ-за высокихъ колоколенъ, но они, эти дома, сами похожи на башни. Мѣстами монастыри выдѣляются изъ общаго цѣлага и каждый отдѣльно могъ бы служить громадною и грозною крѣпостью. Что-то захватываетъ тебя, торопишься, даешь шпоры коню, досадуешь на это пространство, которое еще отдѣляетъ тебя отъ того вонъ смѣлаго каменнаго моста, переброшеннаго черезъ пропасть, гдѣ медленно катится въ черной глубинѣ Тахо. Еще издали убѣждаешься уже, насколько правы тѣ, которые говорили, что для

изученія всѣхъ памятниковъ этого города мало одного года. Въ самомъ дѣлѣ, за этими мрачными стѣнами—цѣлая путаница, цѣлый хаосъ, на-тина улицъ и площадей, гдѣ никакой планъ не поможетъ, гдѣ не только на первыхъ порахъ, но и во второй мѣсяцъ моего пребыванія въ Толедо я терялъ дорогу и оказывался въ безпомощномъ положеніи; въ сумерки здѣсь царитъ мракъ, въ яркій день—стоятъ глубокія сумерки. Дворцы за дворцами, башни за башнями своими фасадами, углами выдвигаются одни за другими, открывая вдали новыя перспективы, а надъ ними вверху громоздятся новыя силуэты, одинъ уродливѣе другого, одни изящнѣе и великолѣпнѣе своихъ сосѣдей. Улицы бѣгутъ вверхъ ступенями, откосами, изломами, падаютъ внизъ, иной разъ кажется, что и не удержишься на нихъ. Голова кружится, когда смотришь. Дома ласточкиными гнѣздами прильпились направо и налево, во всю свою жизнь (а она у са-мага молодого изъ нихъ измѣряется вѣками) не выходя изъ-подъ тѣни мистически-задумчивыхъ соборовъ и легендарныхъ башенъ. Проходишь мимо нихъ, на первыхъ порахъ не замѣчая вовсе ни арабскихъ арокъ, ни чудесныхъ барельефовъ, ни готскихъ воротъ, ни рыцарскихъ щитовъ и гербовъ, ни колоннъ, вставленныхъ въ стѣны и несомнѣнно украшавшихъ нѣкогда римскіе храмы. Не видишь узорчатыхъ балконовъ, изумительныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ и украшеній, коронъ на стѣнахъ, зубцовъ надъ ни-ми, оконъ, изъ которыхъ каждое остановило бы на себѣ вниманіе худож-ника. Увлеченный, подавленный впечатлѣніемъ цѣлаго, пропускаешь мимо глазъ уцѣлѣвшія арабески, геральдическихъ животныхъ, гирлянды извая-ныхъ изъ камня цвѣтовъ, символовъ, девизовъ, переплетающихся въ са-мыя невообразимыя сочетанія... Только потомъ, когда нѣсколько обжи-вешься въ этомъ городѣ, детали его выступаютъ мало-по-малу и влюблен-ный взглядъ начинаетъ слѣдить за ними, отмѣчая, какъ здѣсь слились кра-сиво и стройно въ одно цѣлое строгій, суровый и нѣсколько мрачный ге-ній готовъ съ нѣжными, яснымъ, улыбающимся гениемъ арабскихъ зодчихъ. Только сегодняшній день не внесъ ничего новаго въ этотъ величавый пан-теонъ прошлаго Испаніи—и слава Богу! Этотъ пантеонъ, по крайней мѣ-рѣ, остался въ сторонѣ отъ мѣщанства нашего вѣка, отъ его дешеваго олеографическаго блеска, отъ его показной ремесленной и штампованной роскоши. Здѣсь все оригинально, все само говоритъ за себя, все является воплощеніемъ своеобразной мысли и фантазіи. Тутъ нѣтъ условныхъ ра-мокъ и марокъ... Тутъ стройка не отдавалась огуломъ съ подряда. Послѣ сегодняшнихъ городовъ съ ихъ дешевыми удобствами, еще пахнущихъ ла-комъ и краской, невольно артистическое чувство отдыхаетъ въ такихъ, какъ это гордое гнѣздо на горѣ, какъ это Толедо. Новые города сливаются въ одно сѣрое цѣлое. Какъ только что выпущенную въ обращеніе моне-ту, ихъ не отличишь одного отъ другаго. Толедо, на зло годамъ и раз-стоянію, на зло тысячамъ послѣ того воспринятыхъ впечатлѣній, словно въявь стоитъ передо мною вѣковѣчною каменною легендой, высѣченной изъ гранита и отлитой изъ бронзы, переданною гранитными строками,

эпической поэмой, гдѣ не знаешь чему изумляться: простотѣ ли замысла, красотѣ ли исполненія, величию ли этихъ образовъ, ставшихъ памятниками, несокрушимыми памятниками творчества иной эпохи...

Какимъ таинственнымъ кажется этотъ городъ изъ своего далека! Какими каменными фонтанами представлялись мнѣ его дворцы и башни, по мѣрѣ того, какъ конь, повинаясь торопливой рукѣ, все быстрѣе и быстрѣе подвигается къ цѣли!... На скалѣ и около—все пустынно, сухо... Ни былинки, ни деревца. Весенняя зелень отступила назадъ, здѣсь былъ только одинъ камень... Снизу не понимаешь, какъ дорога подымается на эту высоту. Кажется, что туда надо параться. Обрости этотъ утесъ зеленью, строгость его очертаній и общій характеръ величія потеряли бы много. Отдѣльно отъ скалы, на которой построены Толедо,—другая. Между ними плачетъ Тахо. Съ первой на вторую дерзко переброшенъ грандіозный каменный мостъ, на обоихъ концахъ котораго арабы поставили свои величавыя и изящныя башни. Вы проѣзжаете подъ ихъ поэтическою аркой. Онѣ придаютъ еще болѣе строгости профилю этого города. У моста д'Алькантара я долженъ былъ сдѣлать своего коня. Нѣсколько часовъ въ пути такъ меня разбили, что мнѣ не хотѣлось идти пѣшкомъ и я помѣстился въ дилижансъ. Отдѣльныхъ экипажей въ Толедо нѣтъ. Только что пришелъ поѣздъ и дилижансъ сталъ полонъ, что не помѣшало кондуктору втолкнуть меня туда и захлопнуть за мною дверцы. Лошади рванули.—и я упалъ въ объятія какому-то благополучному падре. Это никого не удивило. Потѣсниться нельзя было. И я, памятуя испанскіе обычаи, преспокойно усѣлся на колѣни къ святому отцу, такимъ образомъ указанному мнѣ самою судьбой. И хорошо сдѣлалъ! Колѣни были мягки и жирны—тотъ же диванъ. За мною вслѣдъ, когда лошади пріостановились, втолкнули какую-то даму—воплощеніе насморка во образѣ женщины. Она очутилась въ объятіяхъ офицера съ столь воинственнымъ видомъ, какой у насъ имѣютъ только телеграфисты и интенданты. Лошади опять рванули и мы дружески висками и затылками начали пробовать крѣпость таковыхъ же висковъ и затылковъ у своихъ сосѣдей и визави. Вокругъ дилижанса праздные толедскіе мальчуганы устроили какой-то танецъ джигъ, несмотря на то, что мулы, неистово дребезжа бубенчиками, колокольцами и погремушками, неслись въ гору такъ стремительно, точно за ними гналась цѣлая волчья стая. Чѣмъ круче была дорога по скалѣ, тѣмъ неистовѣе кидались по ней мулы. Всюду впереди старыя башни, выступы дворцовъ, соборы, церкви, колокольни, монастыри, какое-то марево, такъ и кажется, набежить облачко и отъ этого миража останется только одинъ поблѣднѣвшій воздухъ. Стѣны, зубчатая, точно скомканная, въ складкахъ какихъ-то, падаютъ внизъ, лѣзутъ вверхъ, отходятъ въ сторону и вновь тѣснятъ надвигающіеся на нихъ мрачнѣе средневѣковые дома; кое-гдѣ стѣны точно треснули, и тамъ эти дома будто просыпались внизъ и съ ужасомъ держатся надъ отвѣсами по карнизамъ и выступамъ утеса. Мостъ д'Алькантара передъ нами во всей своей монументальной красотѣ, точно характерный заголовокъ къ этому

геральдическому городу... Тѣнь башенъ моста легла далеко. Онѣ такъ надмѣнно рисуются въ высотѣ безоблачнаго неба, точно и оно нисколько не поражаетъ ихъ своею недосыгаемою высью. За мостомъ вся художественно-цѣльная масса Толедо подѣ солнцемъ теперь. Какъ рѣзки тѣни отъ него, какъ ярки его блики! Эта масса древняго города давить васъ. Кажется, сейчасъ она надвинется, какъ туча, и все, цѣлый миръ затопитъ собою.

На арабскія башни моста Карлъ V прибилъ щиты съ своими гербами. Своего рода плагиатъ, въ которомъ вѣнчаный маниакъ провинился не разъ, ухитрился даже къ подковообразнымъ воротамъ Туниса прибить своего растопыренного орла. Еще тамъ это было понятно: онъ завоевалъ Тунисъ, онъ вошелъ въ него побѣдителемъ; но Толедо, вѣдь, и не думалъ никогда объявить войну своему императору. Правда, разъ онъ возсталъ противъ него и заперся, но Карлъ V своихъ орловъ прибилъ къ его стѣнамъ ранѣ этого эпическаго подвига Хосе Подиля съ его женою... Причемъ же тутъ эта подпись на чужомъ произведеніи,—подпись чловѣка, никогда не создававшаго ничего подобнаго, потому что весь порывъ его воображенія уходилъ не на творчество, а на разрушеніе? Какъ оскорбительны эти кастильскіе гербы на дивныхъ образцахъ арабскаго зодчества! Точно казенныя печати на мурильевской картинѣ, продаваемой съ аукціона. Меня бы не такъ удивила подпись Аракчеева подѣ *Египетскими ногами* Пушкина!

По мосту нашъ дилижансъ несея съ быстротою, приводившею меня въ отчаяніе. Мы промелькнули подѣ одною башней. Налѣво на мгновеніе сверкнула масса бѣлой пѣны, направо раскрылась пасть, гдѣ пропадаетъ Тахо... Крики загаловъ, издали торжествующій ревъ мальчишекъ, грохотъ воды и новая башня, пропустившая насъ подѣ своею смѣлою аркой... Городъ подѣ нами. Колоссальный альказаръ и соборъ стоятъ надѣ нимъ точно на какомъ-то чудовищномъ пьедесталѣ. Стремительное движеніе нашего ковчега вдругъ было остановлено на самомъ интересномъ мѣстѣ. Одно изъ колесъ его не рѣшилось перенести разлуки съ мостомъ и отлетѣло. Я упалъ на даму-насморкъ, благополучный падре на меня, какой-то юркій испанецъ оказался подѣ моими ногами, чьи-то руки охватывали мою шею и прижимали ее такъ къ достаточно соблазнительному бюсту, точно онъ былъ утопающимъ, а я соломенкою. Когда мнѣ, наконецъ, удалось вынырнуть изъ хлябей грузнаго тѣла падре, я выбрался наружу... Отсюда далеко видны были всѣ окрестности съ извидами Тахо, съ розовымъ налетомъ цвѣтовъ на персиковомъ и миндальномъ деревьяхъ. Вдали мягко рисовались нѣжно освѣщенные пологіе скаты горъ, точно плававшихъ въ лиловомъ туманѣ. Зеленая равнина отливала изумруднымъ блескомъ. Вблизи у Толедо она золотилась, бесплодная и сухая.

Около дилижанса было нѣчто вродѣ консерваторіи во время класса пѣнія. Поочереды и неистово орали: загаль, погонщикъ, кучеръ, кондукторъ. Плакала смитая дама № 1, кричала обладательница соблазнительнаго бюста и ругалась, какъ извошкикъ, тучный падре, обнаруживая при этомъ закомство съ столь отборными выраженіями, что даже московскій пьяный

сапожникъ разинулъ бы ротъ отъ изумленія. Остальные испанскіе гвдальго остались вѣрны своей *fema castellana*. Они завернулись въ кашы, нагнувшись на носы сомбреро и только сосали свои «пурсы», безучастно глядя и на волновавшихся дамъ, и на негодующаго попа, и на чудный городъ съ его красивыми окрестностями.

Къ довершенію очарованія, съ той стороны моста прибѣжали мальчишки, но падре скоро справился съ ними. Онъ захватилъ штуки три въ свои отеческія объятія, попробовалъ, крѣпко ли растутъ у нихъ волосы и уши, и, убѣдясь, что природа выростила ихъ довольно исправно, выбросилъ шалуновъ на дорогу... Пока поднимали омнибусъ и ставили опять колесо, я подвинулся впередъ.

Что за ласточкины гнѣзда въ этомъ городѣ, только каждое оказывается дворцомъ, замкомъ или церковью. Какъ они лѣнятся на этихъ отвѣсахъ? Одни внизу, другіе подъ ними. Крыша перваго — основаніе для втораго, а тамъ третьи, четвертые, — цѣлыя лѣстницы кровель, фасадовъ, длинныя галереи между ними, арки подковами, какая-то хитрая и тонкая, какъ паутина, сѣть балконовъ еще невиданнаго мною рисунка. Съ балконовъ, точно крылья бабочекъ, виситъ и колыхается пропасть пестрыхъ тряпокъ... Вотъ одна галерея повисла надъ балкономъ... Надъ этою галереей—башня вся въ аркадахъ. Рядомъ—точно разсѣченная ножомъ—улица... Ужъ именно «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ»...

Загалъ подбѣжалъ ко мнѣ. Оказывается, залюбовавшійся видомъ Толедо, я не слышалъ его зова: все было готово, непокорное колесо водворено на мѣсто, мальчишки стояли въ сторонѣ, съ почтительнымъ изумленіемъ глядя, какъ падре застрѣлъ въ дверцахъ экипажа. Голова его была тамъ, но поясница дѣлала тщетныя усилія послѣдовать за нею. Загалъ кинулся, уперся своею кудлатою башкой въ нее и могучимъ усиліемъ своего мускулистаго тѣла вдвинулъ святого отца на его мѣсто... Я сѣлъ тоже.

Опять защелкали втуты, задребезжали бубенцы, заскрипѣлъ дилижансъ, затрещали колеса, застучались наши головы. Опять грохотъ воды внизу, блескъ солнца вверху, волна благоуханій по вѣтру, и мы оказываемся передъ Пуэрта дель-Соль. Если мостъ д'Алькантара—заголовокъ къ Толедо, то «Puerta del Sol»—его инициалъ, выдержанный въ стилѣ и обнаруживающій великаго художника въ своемъ авторѣ. Поэтъ Гомесъ называлъ эти ворота «стражемъ Толедо»... Въ этой каменной массѣ Филиппъ II ухитрился, не щадя ея царственнаго величія и красоты, устроить инквизиціонныя темницы. Мало ему было тѣхъ, что дали и безъ того суровому Толедо имя «грознаго». У готскихъ королей не было такихъ вкусовъ, и они не являлись палачами даже для соисканія преміи царства небеснаго. За «Пуэрта дель-Соль» — площадь, гдѣ воздвигались костры аутодафе, иногда, впрочемъ, это дѣлали внѣ города, передъ воротами столицы, «*ins grüne*». Я посѣщалъ потомъ кельи этой Пуэрта дель-Соль. Ихъ немного, но онѣ ужасны. Съ разрѣшенія сторожа, я записалъ на стѣнѣ первыя пришедшія мнѣ въ го-

лову строки. Прошу позволенія привести ихъ здѣсь. Онѣ передаютъ впечатлѣннѣе, охватившее меня въ этой монументальной темницѣ.

Была пора: вчиналось дѣло:
Во мракъ тюремъ, предъ судомъ,
Палачъ терзалъ живое тѣло
По строгимъ правиламъ, умѣло,
Вичомъ, желѣзомъ и огнемъ...

На площадяхъ толпи глядѣли,
Подъ небеса клубился дымъ...
Свой гимнъ кругомъ монахи пѣли,
Въ „святомъ“ огнѣ жиды горѣли
И мавры корчилисъ надъ нимъ...

Упорно свѣтъ боролся съ тьмою
И побѣдилъ. Его заря
Влестить надъ грѣшную землю:
Больныхъ не жгутъ передъ толпою
И не клануть у алтара...

Но все же сдѣлано немного.
Стоять темницы, мръ въ крови...
И люди тщетно ищутъ Бога,
Не зная, гдѣ лежитъ дорога
Къ свободѣ, правдѣ и любви!...

Воображаю хотя бы эту черную келью, багровый свѣтъ факеловъ въ ней, дымъ ихъ, уходящій клубами подъ тяжелый каменный сводъ, эту колонну съ прикованною къ ней жертвой... черные силуэты инквизиторовъ, спокойные и торжественные въ сознаниіи своего божественнаго права, когда передъ ними въ адскихъ мученіяхъ корчилось живое тѣло и отчаянные стоны наполняли зловѣщее безмолвіе темницы... Нѣтъ, тѣмъ дальше отъ этихъ воспоминаній, тѣмъ лучше!

Башни моста д'Алькантара принадлежатъ безраздѣльно арабамъ, но самыя мосты съ его дерзкою аркой, висящею надъ пропастью р. Тахо, создали готы. Выстроенный арабами въ 387 г. Гиджры (997 по Р. Х.), онъ вслѣдствіе землетрясенія рухнулъ. Это былъ тоже удивительный образецъ арабскаго генія. Арки его оказывались еще смѣлѣе. Алафъ - Бенъ - Могамедъ - Бандъ по праву гордился имъ и нуженъ былъ катаклизмъ, чтобы его уничтожить. Въ 1258 г. Альфонсъ Астрономъ или Мудрый (El Sabio), сынъ Фердинанда и Беатриксы, выстроилъ его вновь, оставивъ за нимъ старое арабское имя al cantara — мостъ. Арабъ, соорудившій Puerta del Sol, остался неизвѣстнымъ, но готы не могли, все-таки, не внести своего мрачнаго характера въ это созданіе. Точно тѣнь бросили они на это сокровище арабскаго генія, отдѣланное съ ювелирною тщательностью. Подъ аркою воротъ вы увидите изображеніе того, какъ готскій король «оказалъ милость своему подданному, старшему альгуазилу Гонзалесу». Милость заключалась въ томъ, что альгуазила за оскорбленіе двухъ дамъ и по ихъ жалобѣ обезглавили на этой самой площади подъ Пуэрта дель-Соль. Какъ императоръ Карлъ V ставилъ свои щиты на башняхъ д'Алькантара, которые онъ не строилъ и не бралъ боемъ, такъ и толедскій соборъ прибилъ свой гербъ къ башнѣ

«Пуэрта дель-Соль». Надъ изящною мавританскою аркой этихъ воротъ вьются галлерейки тоненькихъ колоннъ, развѣтвляющихся въ арки, и все это вызолочено въ теченіе вѣковъ солнечными лучами. Издали кажется вся эта прелесть вычеканенною изъ настоящаго золота, покрывшагося отъ времени матомъ.

Тоledo стѣбитъ своего инициала.

Когда я въѣхалъ въ его улицы, мнѣ показалось, что я въ какомъ-то новомъ мірѣ, ничего общаго не имѣющемъ со всѣмъ тѣмъ, что я до сихъ поръ видѣлъ въ жизни. Самое неистовое воображеніе творца оперныхъ декораций не придумало бы подобнаго романтическаго города, такихъ средневѣковыхъ улицъ, угрюмыхъ и въ самой мрачности своей величавыхъ и прекрасныхъ домовъ, разнообразныхъ зданій, такихъ замыкающихся узкими площадями узкихъ улицъ. Справа и слѣва сплошными стѣнами шли фасады дворцовъ, изъ которыхъ точно никогда и не выѣзжала готская знать. Не въ этомъ ли жилъ русокудрый король Леоговильдъ, не постучаться ли сюда, не здѣсь ли благополучно пребываетъ могущественный Вамба?... А вонъ въ томъ старомъ гнѣздѣ? Не изъ той ли башни смотрѣлъ на свѣтъ король, легендарный женолюбецъ Родрихъ? Такъ и казалось, что изъ-за угла выйдутъ закованные въ желѣзо люди, покажутся солдаты Альфонса X или вдругъ на площадь изъ-подъ тяжелой старой арки романской, выстроенной еще готами, важный и торжественный выйдетъ Сидъ Кампеадоръ, этотъ Баярдъ Испаніи. И какіе дома открывали мнѣ свои фасады! Очевидно, каждый долженъ былъ служить крѣпостью. Массивныя стѣны, часто окна подъ самымъ карнизомъ крыши, вся же остальная лицевая часть является слѣпою, если не считать громадныхъ желѣзныхъ воротъ съ вбитыми въ нихъ medio-paranjas (полуапельсинъ, полушаріе стальное или желѣзное, нарочно приготовляемое для этой цѣли). Это были жилища великановъ. Когда одни такія ворота открылись около, мнѣ показалось, что за ними въ пустынный сумракъ двора видна какая-то таинственная пещера, въ которой намѣчались гигантскія колонны. Старые гербы и щиты мрачно смотрѣли съ высокихъ стѣнъ, надъ воротами и окнами. Гдѣ теперь фамиліи, съ такою гордостью когда-то носившія эти гербы? Только имена ихъ остались въ лѣтописяхъ Испаніи. Потомки, смѣшавшись съ индійскими расами, живутъ въ южноамериканскихъ республикахъ, даже не вѣдая о томъ, какія блестящія дѣянія были совершены ихъ предками, какими кровавыми строгами они вписали ихъ въ хроники Старой и Новой Кастиліи. Именно, что называется, черезъ сотни лѣтъ прошли красною строкой. Какой-нибудь безграмотный, босногій гаучо, быть можетъ, является единственнымъ по родовому праву наследникомъ этихъ заколоченныхъ дворцовъ, этихъ грозныхъ башенъ. И какая толпа кишмя кишеть на здѣшнихъ улицахъ! Ее надо видѣть самому, чтобы понять, какъ физіономія города и характеръ его отражаются на лицахъ жителей. Можно подумать, что всѣ они принадлежатъ къ какому-нибудь чудовищному страшному заговору, что немедля пробьетъ часъ его и они

должны ринуться на смерть и уничтоженіе всего сущаго. А эти черныя улицы, гдѣ балконы противоположныхъ домовъ смыкаются надъ вашею головою, гдѣ всюду—и на балконахъ, и на окнахъ, и на стѣнахъ—жельзо, жельзо и жельзо, точно они вплоть закованы въ кандалы и томятся во мракѣ безвыходнаго плѣна? Ночью изъ нихъ не выберешься. Толедо живетъ еще въ періодѣ среднихъ вѣковъ. Здѣсь ложатся спать рано; я часа три до разсвѣта блуждалъ по его улицамъ изъ одной въ другую, щель за щелью, направо и налево, впередъ и назадъ—куда идти, спросить не у кого. Дома высоки. Улица такъ узка, что, прислонясь спиной къ одному дому, не видишь крыши противоположнаго. Я уже хотѣлъ было крикнуть, какъ, признаюсь, совершенно случайно (моя способность ориентироваться уже была не причесть) выбрался на Зокодаверъ. Въ этомъ городѣ готовъ даже пахнуть жельзомъ. Вы слышите его повсюду. Именно жельзное гнѣздо жельзныхъ людей, какъ называетъ его историкъ Мендоза. Художнику здѣсь за то пожива. Посмотрите, напримѣръ, на фасадъ этого громаднаго дворца: наружу только три окна—одно въ углу подъ крышей, другое чуть не вровень съ землей, а третье вросъ надъ воротами. Какъ вздумалось такъ пробить ихъ? А красиво, не говоря уже о рѣшоткахъ, которыми обвиты эти окна и ихъ балконы. А вотъ на фасадѣ дома рядомъ одно окно, громадное, съ хорошия крѣпостныя ворота. За то рѣзьба кругомъ—верхъ совершенства; у этого окна столько мраморныхъ цвѣтовъ, листьевъ, геральдическихъ звѣрей, такія символическія изображенія, что въ нихъ запутается самый свѣдущій археологъ.

А площадь «Зокодаверъ»? Ею недаромъ хвалятся «Imperial Ciudad» — императорскій городъ, какъ самъ себя называетъ Толедо. Какъ ее ни рекрецивали испанцы въ «plaza Mayor», въ «plaza Constitution», она, все-таки, хранитъ свое старое, данное маврами, имя—*Зоко*, по-арабски рынокъ. Подобныя «Зоко» я видѣлъ въ Танхерѣ, Тетуанѣ, Магадорѣ. Такой остался и здѣсь. Она васъ разомъ переноситъ за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе Филиппа II. Ее окружили пестрые дома; даже странно видѣть такіе въ мрачномъ Толедо. Красные, желтые, зеленые фасады подъ этимъ солнцемъ кажутся эмальированными. Особенно когда сюда входишь послѣ чернаго мрака узкихъ переулковъ. Вверху, надъ площадью виситъ громада перестроеннаго Карломъ V «алькасаръ». Впрочемъ, висѣла, когда я здѣсь былъ, и уже не виситъ теперь. Эта твердыня была уничтожена три года тому назадъ пожаромъ. Такое веселое впечатлѣніе шумный и пестрый «Зокодаверъ» производитъ послѣ святая по мрачнымъ щелямъ Толедо, что я невольно сталъ хохотать, кричать и смѣяться вмѣстѣ съ толпою, наполнявшею его. Казалось, весь городъ высыпалъ сюда на какой-то праздникъ,—не оттого ли такъ пусто было на его улицахъ? Впрочемъ, когда я здѣсь пожилъ, то убѣдился, что Зокодаверъ всегда кипитъ жизнью. Тѣмъ сильнѣе задумчивое Толедо, погруженное въ воспоминаніе о далекомъ прошломъ, о своихъ героическихъ былыхъ, поражаетъ васъ безмолвіемъ и неподвижностью... Пестрые дома обве-

денъ еще болѣ пестрыми галереями, цѣлыми паутинами причудливыхъ балконовъ. Въ этихъ паутинахъ запутались и бьются сотни дѣтей и женщинъ; они кричатъ, поютъ, смѣются, переговариваются съ тѣми, которые толпятся внизу. Прежде съ этихъ же галерей толпа смотрѣла на два зрѣлища: одно доставляло ей городское управленіе — это былъ бой быковъ; другимъ ее угощали соединенныя ревностныя усилія христіаннѣйшаго короля и «святаго судилища», т.-е. инквизиціи. Именно здѣсь на Зокодаверѣ, гдѣ сегодня такъ весело свѣтитъ солнце, такъ хорошо себя чувствуешь, жгла несчастныхъ, имѣвшихъ неосторожность усомниться въ католическомъ формализмѣ или родившихся арабами и евреями и желавшихъ умереть въ вѣрѣ отцовъ своихъ.

Да, именно здѣсь, на Зокодаверѣ, былъ сожженъ благородный Алонсо Фуэго, самое имя котораго (Фуэго — огонь) явилось для него зловѣщимъ пророчествомъ. Тутъ же земнымъ пламенемъ очищали грѣховную душу фра-Эстебаноса, имѣвшаго дерзость, несмотря на свое монашеское платье, усомниться въ правѣ однихъ людей подавать чорту на жаркое другихъ. Тутъ герцогъ Манрике д'Оссунъ крикнулъ Филиппу II, при видѣ прекрасной Элеоноры Ортисъ, которую вели на костеръ:

— Ты ли, король, далъ жизнь этому божественному созданію, чтобы отнимать ее?

Д'Оссуну нельзя было сжечь, — онъ самъ, если возможно, былъ болѣе католикъ, чѣмъ король. Но его можно было убить изъ-за угла, и герцога черезъ день нашли на одной изъ толедскихъ улицъ распростертымъ на ея плитахъ и бездыханнымъ, съ ножомъ между лопатками. Сюда же переносить мѣсто дѣйствія популярнѣйшая между испанскими цыганами легенда о легкомыслии того же Филиппа II. Положимъ, въ данномъ случаѣ цыгане взяли грѣхъ на душу. Я не могу себѣ представить этого рыжаго, веснушчатого испанскаго Ирода съ влажными руками и холодною душою — увлекшимся прелестью уличной пѣвицы... Но, говорятъ, гласъ народа — гласъ Божій... Предваряю читателей только, что подъ именемъ короля Санхесъ толедскіе гитаны подразумѣвали именно мрачнаго узника Эскориала Филиппа II.

Какъ извѣстно, желая доставить удовольствіе жителямъ благороднѣйшаго (*suu noble*) и вѣрнѣйшаго (*suu fedel*) императорскаго города Толедо, Филиппъ второй въ извѣстные дни приказывалъ привозить сюда самый отборный ассортиментъ живаго товара для костровъ. Вѣроятно, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ и случилось что-либо подавшее поводъ цыганамъ найти въ адской, злобной натурѣ вѣнценоснаго палача отблескъ человѣческой слабости:

Былъ и мраченъ, и суровъ
 День-Санхесъ во время оно.
 Онъ на казнь еретиковъ
 Цѣлый день смотрѣлъ съ балкона.

Будто рѣдкіе влоди,
 Вина тонкія, — зарази

Приписали жиди,
Колдуи и мусульмане.

И въ назначенные дни,
Взявъ попарно свѣчи въ руки,
Шли процессией они
На торжественныи муки.

Разодѣта и пестра,
Свита пыльная дымилась,
Глядя, какъ въ огнѣ костра
Жертвы связанная билась.

Сатанѣ на завтракъ разъ
Шла гитана молодая,
Красотою чудныхъ глазъ
Проповѣдниковъ смущая.

Не найдешь такихъ царницъ!
Съ нею рай бы не надо!
Передъ нею палъ бы ницъ
Инквизиторъ Торьемадо.

И король былъ изумленъ...
Сдѣлавъ крестное знаменье,
Проментавъ сквозь зубы оръ:
„Боже, что за новоженъ!“

— Какъ тебя, малютка, звать?—
— „Херомита“.—

— „Гдѣ родилась?“—
— „Я не знаю: рано мать
Умереть поторопилась“.—

— „Какъ росла ты, гдѣ жила?“—
И ему гитана смѣло:
— „Травкой въ полѣ я росла
И жила—гдѣ солнце грѣло!“

На устахъ гитаны смѣхъ,
Смотрить прямо безъ болзни...
— „За какой великій грѣхъ
Предана ты лютой казни?“

— „Говоришь про то монахъ,
Я его не понимала;
Я всю жизнь у насъ въ горахъ
Только вѣла да плясала.

„Въ зимній холодъ, въ лѣтній жаръ,
Незнакомая съ страданьемъ,
Я жила подъ звоиъ гитаръ
И питалась подаяньемъ“.

— „Ну, а въ ересяхъ какихъ
Ты замѣчена донынѣ?“

— „Ересь?... Право, словъ такихъ
Не слыхать у насъ въ пустыи“...

— „Но тебя сожгутъ живой,
Это, вѣдь, мученья ада!...“

— „Что-жъ такое, смѣхъ какой!
Умирать, вѣдь, тоже надо?...“

Въ изумленьи замерла
Свята, будто бы нѣмая.
А гитана весела,
Словно птичка въ утро, мая.

Поражонъ король:

— „Постой!

Ты Христа душою чтла?“

— „Я?... Христа?... Онъ кто такой?“—

У него она спросила“ *).

— „Снѣтъ Мадонни, Божій Снѣтъ“...

Головой она качаетъ:

— „Нѣтъ, спроси-ка Альбаснѣтъ **),

Тамъ нѣкто его не знаетъ.

„Можетъ быть, въ Севильѣ есть

Человѣкъ такой—дѣ Трианѣ ***)

Проживаютъ, ваша честь,

Тамъ мудренне цыгане.

„Промышляютъ ворожбой

И рассказываютъ сказки,

А у насъ народъ простой,

Наше дѣло—только власки“.

— „Въ церкви ты была-ль когда?“—

Отовсюду закричали.

— „Госпожи и господа

Насъ туда, вѣдь, не пускали!“

Ропотъ слышится кругомъ.

Говорить король:

— „Не стану

Я теперь казнить огнемъ

Эту бѣдную гитану.

„Дѣло въ томъ, что сатанѣ

(Онъ отецъ цыганъ, извѣстно)

Получить ее въ огнѣ,

Право, будетъ слишкомъ жестоко!

„Нѣтъ! Иначе поступить

Мы должны—Христу въ угоду,

Вѣдь, ее въ огонь пустить—

Все равно, что рыбу въ воду!

„Еретичку во дворецъ

Помѣстимъ мы очень строго.

Фра-Дунсъ, святой отецъ,

Съ ней потрудится для Бога!

*) По свидѣтельству даже такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Мендоза и Кальве, до сихъ поръ многіе изъ испанскихъ цыганъ не знаютъ Спасителя, считаются христіанами. Католическіе монахи умѣли ихъ жечь, но не только не учили ихъ истинамъ христіанской религіи, а даже не позволяли имъ ходить съ церковь.

**) Гора за Гренадою со множествомъ пещеръ, гдѣ живутъ гитано. О Богѣ они знали только потому, что милостива просить „рогъ Dios“...

***) Триана—севильскій кварталъ.

„Онъ ее научить пусть
 Всѣмъ молитвамъ безъ изъятій,
 Чтобы знала наизусть
 Какъ любой изъ нашихъ братій,

„И тогда мы возведемъ
 Ей костеръ, костровъ всѣхъ краше,
 И сождемъ ее на немъ
 Въ прославленіе чести нашей!

„Въ эти дни я повелю
 Всенародное моленіе“, —
 И гитану въ королю
 Повели на исправленіе.

Только странно, съ той поры
 Хоть святая Германдада
 На гарроту къ костры
 И гнала исчадія ада,

Хоть народъ со всѣхъ сторонъ
 Какъ на праздникъ собирался,
 Но король на свой балконъ
 Никогда не появлялся.

Во дворцѣ за то порой
 Пляска слышалась и пѣнье, —
 Тамъ свершалъ отецъ святой
 Херомиты исправленіе.

И, въ угоду, небесамъ,
 Донъ-Санхесъ, король жестокій,
 Пляшетъ, скакивали, самъ
 Съ Херомитой черноокой...

Толедо, какъ и Гренада, богаты легендами. Каждый старый домъ, всякая полуразрушенная башня являются мѣстомъ дѣйствія тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ, но, не ограничиваясь «дѣйствительностью», вымыселъ присвоилъ такимъ уголкамъ, какъ эта площадь, дому св. Братства, Альказару, Баньосъ де ла Кава, соборной колокольнѣ, бывшей синагогѣ, каждому и каждой, непременно свое привидѣніе. На площади Зокодавера, такимъ образомъ, въ минуты, когда Испанія грозитъ что-нибудь извнѣ, является грозный призракъ готскаго короля Вамба. Надо сказать правду, что легендарный герой, очевидно, обладаетъ романтическими вкусами. Для своихъ прогулокъ по Зокодаверу онъ выбираетъ непременно лунную ночь. Дома кругомъ безмолвно стоятъ, облитые серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца. Черный мракъ царитъ въ узкихъ трещинахъ, разбѣгающихся отсюда во всѣ стороны. Только кровли, башни и колокольни поднимаются точно кованные изъ серебра, да колоссальная твердыня Альказара виситъ въ небесахъ вся на свѣту... Готскій король почему-то не любитъ полночи. Вѣроятно, онъ не желаетъ, чтобы его смѣшивали съ нечистыми духами. Въ два часа въ какой-нибудь изъ черныхъ улицъ слышится стукъ оружія, будто толпа воиновъ идетъ къ Зокодаверу, стуча о каменные плиты дверями копей. Мечи сталкиваются и звонятъ, доносится топотъ тысячи ногъ. Наконецъ,

на ярко-освѣщенную площадь показывается призракъ короля Вамбы. Золотой обручъ горитъ на его головѣ, изумрудныя и рубиновыя подвѣски падаютъ съ этого обруча на уши, бѣлогурые волосы вьются на могучія плечи. На стальной кольчугѣ огнемъ горитъ золотой левъ, такой же сияетъ и на черномъ вороненомъ щитѣ. Вамба грозно смотритъ передъ собою. Рать его безмолвно слѣдуетъ за нимъ. Медленно подвигаются они до середины Зокодавера, и тамъ дружина окружаетъ своего короля. Нѣсколько минутъ они точно совѣщаются между собою, но, попрежнему, словъ не слышно, только бряцаніе мечей да стукъ копій наполняютъ мистическую тишину ночи. Потомъ воины на щитахъ поднимаютъ готскаго короля, и онъ, высоко держа свой мечъ, указываетъ имъ туда, откуда на Испанію идетъ опасность. Замѣчательно, что Вамбу изъ его могилы не поднимаютъ внутреннія смуты королевства, какой бы ужасный оборотъ онъ ни принимали. Онъ оставался даже спокойнымъ во время возстанія карлистовъ. Последний разъ Вамба являлся на этой площади, передъ нашествіемъ французовъ на Испанію. Съ тѣхъ поръ готскій король уже не страдаетъ бессонницей. Толедскіе политики, когда обострился вопросъ о Каролинскихъ островахъ съ Германіей, ожидали неминуемой войны и по ночамъ выходили на Зокодаверъ: не увидятъ ли короля Вамбу съ его дружиною. Но готскій король оказался гораздо дальновиднѣе и проницательнѣе ихъ, хотя за тысячелѣтіе, что онъ пролежалъ въ землѣ, и долженъ бы поотстать отъ разумѣнія текущихъ дѣлъ. Нѣмцы уступили, и толедскіе политики съ тѣхъ поръ опять спокойны. Имъ не зачѣмъ дежурить въ лунныя ночи на Зокодаверѣ.

Вас. Немровичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Глѣбъ Успенскій *).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Народъ въ произведеніяхъ Успенскаго.

I.

Прежде чѣмъ подойти къ ближайшему предмету этой статьи, необходимо остановиться на одномъ пунктѣ, имѣющемъ довольно важное значеніе для нашей общей темы. Въ тысячахъ страницъ, написанныхъ Успенскимъ, есть одна, преисполненная самаго горячаго негодованія и даже злости, вообще столь несвойственной дарованію Успенскаго. Понятно, нужны были очень серьезныя причины, чтобы вывести изъ терпѣнія этого вротяга и добродушнаго писателя, чтобы бытописца превратить въ обличителя, юмориста въ сатирика, спокойнаго, хотя и не равнодушнаго аналитика въ запальчиваго полемиста. Причины были дѣйствительно серьезны. Съ замѣчательною проницательностью, съ инстинктомъ и вдохновеніемъ истиннаго таланта, Успенскій предугадалъ тотъ переворотъ въ общественныхъ симпатіяхъ и стремленіяхъ, который въ настоящую минуту мы можемъ наблюдать въ его полномъ развитіи. «Довольно! довольно! довольно! Дайте и намъ, и намъ... не все же мужикъ, мужикъ, мужикъ...» — вотъ какъ десять лѣтъ тому назадъ формулировалъ Успенскій новое, въ то время еще только зарождавшееся настроеніе общества. Вотъ на встрѣчу этимъ-то претензіямъ Успенскій и послалъ слѣдующую страстную тираду:

„И такъ, во всѣ эти двадцать пять лѣтъ мужикъ и ложный взглядъ на мужика ищали вамъ что-нибудь дѣлать? Это вы, вслѣдствіе ложныхъ взглядовъ на мужика, господствовавшихъ въ литературѣ, начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россію ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ, пресадивъ на нихъ свѣчла выкупныя свидѣтельства, потомъ лѣса и земля? Должны взгляды на мужика не давали вамъ возможности пикнуть ни по части образованія вашихъ дѣтей, ни по части всевозможныхъ хищной, всевозможныхъ неправдъ и всевозможныхъ колотушекъ въ раны части собственнаго вашего тѣла? Мужикъ не давалъ проходу къ кассамъ расхищавшихся банковъ, въ миллиардныхъ грабежахъ войны, въ мутной водѣ подпольнаго взяточничества? Мужикъ не давалъ вамъ ходу, когда, даже въ качествѣ свѣдущихъ лю-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

дей, вы ровно ничего путного не могли сказать, хотя и не можете имѣть никакихъ дѣлей, кромѣ блага народа? Отъ должныхъ взглядовъ въ литературѣ, вы, въ теченіе двадцати лѣтъ, въ семи стахъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и въ восьми тысячахъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, могли только вотировать прибавки къ жалованью господина ставноваго пристава, а по всѣмъ прочимъ вопросамъ могли выражать какія-то неосомнѣнныя „безпредѣльныя“ чувства? Это все мужикъ обездоливалъ васъ, не давалъ вамъ проходу (проходу, проходу не давалъ!) въ настоящему дѣлу?... А, между тѣмъ, черезъ каждые три года, и по уѣзднымъ, и по губернскимъ городамъ, васъ собирали для того, чтобы напомнить о томъ, что вы въ самомъ дѣлѣ должны имѣть какія-нибудь благія дѣла. Черезъ каждые три года восемьсотъ уѣздныхъ и семьдесятъ губернскихъ каедеральныхъ протопоповъ увѣщевали васъ шествовать безобязанно по предначертанному пути, напоминая вамъ, что вы потомки предковъ, что предки были древле краеугольными камнями и что вы также должны быть краеугольными... А вы все въ буфетъ, да въ буфетъ!“ (*Напомнимъ, нашимъ отцоватаю!*)

Все это чрезвычайно зло и мѣтко и въ *общемъ* смыслѣ совершенно справедливо. Справедливо, что мужикъ нашъ ни въ жизни, ни въ литературѣ ровно никому не мѣшаетъ; справедливо, что забота о благѣ мужика должна быть главною заботой всякаго серьезнаго общественнаго дѣятеля; справедливо и то, что въ интересахъ мужика сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бѣлинскій писалъ: «Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ, такіе люди теперь не стѣятъ возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ». Пятьдесятъ лѣтъ прошли [не даромъ для нашего самосознанія и теперь уже какъ-то неловко слишкомъ настаивать на томъ, что народъ, хотя бы уже только въ силу своей подавляющей численности, является главнѣйшимъ факторомъ нашей жизни, котораго благосостояніе, развитіе, прогрессъ есть благосостояніе, развитіе, прогрессъ всей страны. Отрицать этотъ фактъ—не мысль, не вѣрованіе, не идеаль, а именно *фактъ*, ясный, какъ день, твердый и устойчивый, какъ скала, могутъ теперь только «глупцы или негодяи, или то и другое вмѣстѣ».

Но именно поэтому, т.-е. потому, что только «глупцы или негодяи» могутъ вопіять: «довольно! не [все же мужикъ, мужикъ, дайте и намъ!]— именно поэтому и нѣтъ возможности винять обществу въ вину его теперешнее относительное равнодушіе къ народу. Нѣтъ такого общества, въ которомъ не было бы глупцовъ и негодяевъ, но нѣтъ и общества, которое сплошь состояло бы изъ глупцовъ и негодяевъ. Запальчивость Успенскаго, защищающаго самую дорогую свою святыню, понятна и естественна, но несправедливость, все-таки, остается несправедливостью. Нѣтъ, не всѣ «начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россію ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ»: новая эра ознаменовалась также увеличеніемъ въ двадцать разъ числа народныхъ школъ. Относительно «пиганья» по части образованія, всевозможныхъ хищеній и неправдъ самъ Успенскій безъ труда-припомнить факты довольно выразительные, которые отнимутъ отъ этого его упрека почти всю силу. Далѣе, никакъ нельзя утверждать, что приснопамятные наши свѣдущіе люди «ровно

ничего путнаго не могли сказать». Такое утверждение недурно для памфлета, но не годится для исторiи. Были сужденiя и предложенiя очень «путныя», клонившiяся именно ко благу «мужика», и если они не получали осуществленiя, то не потому, конечно, что предлагавшiе ихъ люди имѣли пристрастiе къ опереточнымъ пѣвицамъ. Наконецъ, вотированья «прибавки къ жалованью господина становаго пристава» дѣйствительно бывали и ничего худого въ этомъ нѣтъ, потому что и господину становому приставу ѣсть-пить надо, но чтобы «въ теченiе двадцати лѣтъ» во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собранiяхъ *могли только* заниматься вопросомъ о жалованьи становому—это обвиненiе слишкомъ неправдоподобно, чтобы быть сколько-нибудь серьезнымъ.

Можно идти дальше. Можно спросить: точно ли «мужикъ» такъ-таки совсѣмъ, ни прямо, ни косвенно, неповиненъ въ томъ, что оптимистическiй взглядъ на него общества или извѣстной части общества мало-по-малу превратился въ скептическiй и даже иногда прямо въ пессимистическiй? Съ другой стороны, точно ли надо быть непременно глупцомъ или негодяемъ, чтобы по-пилатовски умыть руки въ вопросахъ и всей хаотической неурядицѣ деревенской жизни? Въ послѣднемъ романѣ г. Воборыкина *На ущербѣ* одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ персонажей говоритъ объ одномъ видномъ дѣятелѣ: «профессуру потерялъ и на своемъ народолюбii ничего не выиграетъ... До сихъ поръ ни онъ, ни другiе, подобные ему, не хотятъ понять, что простой народъ—противъ нихъ; а они-то его обсахариваютъ». *Не хотятъ понять...* Въ томъ-то и дѣло, что многiе слишкомъ хорошо поняли и пришли къ выводамъ, логическая несостоятельность которыхъ несомнѣнна, но психологическую почву которыхъ указать не трудно. Если, какъ насъ увѣряютъ наши авторитетнѣйшiе народоувѣды и народолюбцы и впереди всѣхъ и громче ихъ всѣхъ Глѣбъ Успенскiй,—если народъ питаетъ къ намъ глубочайшее, почти органическое недовѣрiе; если въ самыхъ доброжелательныхъ и искреннихъ чувствахъ нашихъ онъ подозрѣваетъ лицемерiе, въ самыхъ безкорыстныхъ, а иногда и самоотверженныхъ поступкахъ нашихъ усматриваетъ только подвохъ и обманъ; если, несмотря ни на что, онъ не хочетъ признать въ насъ людей и видитъ въ насъ только «господъ», т. е., по его понятiю, такихъ существъ, которыя неизвѣстно зачѣмъ прозябаютъ на бѣломъ свѣтѣ; если, наконецъ, вслѣдствiе такого взгляда, онъ ежеминутно готовъ утопить въ ложкѣ воды самаго пламеннаго народолюбца и считаетъ это не только нравственнымъ, но чуть ли и не богоугоднымъ дѣломъ,—если все это факты, если все это правда, то, скажите, неужели неестественно, что въ нашей душѣ поднимается, наконецъ, нѣкоторая горечь, что мы начинаемъ чувствовать себя оскорбленными, и оскорбленными неправо, что въ насъ возмущается, наконецъ, чувство личнаго достоинства, та законная гордость, которая запрещаетъ человѣку *навязывать* свою любовь, свои услуги, свое участiе? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, что-жъ?—насилно милъ не будешь и—ты самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ! Не хочешь читать Толстаго—продолжай читать

Бову; не хочешь учиться и знать—продолжай вѣрить въ чорта, въ бѣлую Арапію и въ людей съ песьими головами; не вѣришь мнѣ и отталкиваешь меня—наслаждайся жизнью въ удавовыхъ кольцахъ Колупаева и услаждайся краснорѣчіемъ Сладкопѣвцева. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Я не говорю, чтобы такое отношеніе къ дѣлу было разумно и справедливо. Но я говорю, что такое отношеніе психологически-естественно, извинительно, не безнравственно. Оно неразумно и несправедливо потому, что гдѣ безсознательность, тамъ нѣтъ ответственности, гдѣ непониманіе, незнаніе, тамъ нѣтъ грѣха и нѣтъ обиды: «отпусти имъ»... Но легко такъ рассуждать и не легко въ самомъ дѣлѣ такъ чувствовать. Легко «обсахаривать», т. е. идеализировать народъ какъ абстрактъ и мудрено «обсахаривать» его въ живыхъ, практическихъ сношеніяхъ съ нимъ. «Все это почтенные Несторы-лѣтописцы, Дафаны, Авироны, Авраамы и... Хамы, между прочимъ»,—сказалъ однажды Успенскій о деревенскихъ старикахъ, и въ этомъ, въ этой, кажущейся или дѣйствительной, двойственности народнаго духа и народной фізіономіи источникъ огромныхъ и разнообразныхъ недоразумѣній. На основаніи общихъ философскихъ, психологическихъ и историческихъ соображеній, народъ нашъ—добродѣтельнѣйшій и вслѣга уваженія заслуживающій Авраамъ; на основаніи практическихъ сношеній съ нимъ—онъ несомнѣннѣйшій Хамъ. Лестно и почетно принадлежать къ этому великому народу, который перенесъ столь тяжелыя испытанія и, тѣмъ не менѣе, по слову поэта, «широкую, ясную грудью дорогу проложить себѣ». Въ то же время, съ отдѣльными представителями этого народа, съ этимъ Петромъ, съ этимъ Сидоромъ, съ этою Дарьей нѣтъ пока никакой возможности жить и надо спасаться отъ нихъ въ городъ. Истинное торжество вслѣдственной бессмыслицы и всевозможнаго сумбура!

Кто виновать—у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?

Публицистъ Успенскій знаетъ, кто виновать: безпутная и бездѣльная русская интеллигенція. Но у художника Успенскаго мы находимъ, наприм., такой эпизодъ. Петербургскій дѣятель нѣкто Иванъ Ивановичъ Полушраковъ, утомясь Петербургомъ и вообще «паршивою цивилизаціей», какъ онъ выражался, отправился отдохнуть на лонѣ природы, среди «добрыхъ и простыхъ деревенскихъ нравовъ». Вмѣсто ожидаемаго Авраама, Иванъ Ивановичъ обрѣлъ именно Хама, о чемъ Успенскій такимъ образомъ повѣствуетъ:

„Главнѣйшею причиною неудачи Ивана Ивановича было то, что онъ никоимъ образомъ не могъ добиться отъ народа мало-мальски искреннихъ человѣческихъ отношеній, такихъ, при которыхъ, съ одной стороны, Иванъ Ивановичъ могъ бы открыть свою душу и чистосердечно сказать: „бери!“—а съ другой, чтобы и народъ деревенскій также бы распахнулъ свое нутро, также бы радушно сказалъ Ивану Ивановичу: „Получай, баринъ, тепло-то!“ Даже и тѣни такихъ отношеній онъ не могъ добиться отъ народа. И немудрено: у Ивана Ивановича—большой окладъ. Поэтому, едва Иванъ Ивановичъ поселился въ деревнѣ, какъ деревня новела, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью. Очевидно, баринъ живетъ на готовныя деньги,—очевидно, онъ долженъ потреблять, тратить деньги—и вотъ съ первыхъ же дней по приѣздѣ между

усадьбой, гдѣ жилъ Иванъ Ивановичъ, и деревней, гдѣ обитали мужики, установились самыя неискреннія отношенія: ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ „безъ своеобразныхъ цѣлей“. Вотъ идетъ мужичокъ, идетъ, повидимому, просто поговорить, побесѣдовать—что особенно было бы пріятно Ивану Ивановичу,—а, глядишь, на дѣлѣ окажется, что онъ, этотъ простосердечный-то человѣкъ, пришелъ только затѣмъ, чтобъ заставить Ивана Ивановича брать у него мясо. Случилось Ивану Ивановичу отказать,—этотъ человѣкъ, встрѣтившись на другой день, и не поклонился, точно въ глаза не видалъ онъ Ивана Ивановича“ (*Малые ребята*).

Разумѣется, Иванъ Ивановичъ вернулся изъ деревни глубоко разочарованный и, по всей вѣроятности, присоединилъ и свой голосъ къ хору голосовъ, восклицавшихъ: «довольно о мужикѣ!» Конечно, онъ неправъ: не довольно и никогда не будетъ «довольно о мужикѣ», но мы видимъ, всестаян, что переломъ въ воззрѣніяхъ Ивана Ивановича произошелъ не случайно, не безъ повода, не отъ легкомыслія. Какъ всѣ серьезные идейные и нравственные процессы, этотъ переломъ принесъ Ивану Ивановичу не мало огорченій и даже страданій, и эти страданія почтенны, какъ страданія сердца объ утраченномъ чувствѣ, какъ страданія духа объ исчезнувшей вѣрѣ. Въ этомъ кликѣ «довольно о мужикѣ!» Успенскій усматриваетъ только доказательство зачерствѣлаго эгоизма современнаго культурнаго человѣка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ кликъ во многихъ случаяхъ—именно выраженіе разочарованія или признаніе въ своемъ практическомъ безсиліи. «А мнѣ что за дѣло? Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь?»—этотъ некрасовскій стихъ имѣетъ тотъ же самый смыслъ, какъ и возмущающій Успенскаго кликъ: «довольно о мужикѣ!»

Иванъ Ивановичъ Полуфраковъ—типъ, т.-е. представитель цѣлой общественной группы, и именно той самой группы, по адресу которой Успенскій направилъ столько язвительныхъ упрековъ. Въ Иванѣ Ивановичѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», отражается цѣлое поколѣніе и цѣлая эпоха. Успенскій, повторяю, очень вѣрно предугадалъ то апатическое, хладнокровное, равнодушное отношеніе къ народу, которое характеризуетъ переживаемое нами время, но отнесся къ этому равнодушію безъ анализа. Разъ навсегда порѣшивъ, что изъ нашей Назаремъ ничего путнаго произойти не можетъ, онъ прискакалъ для объясненія поваго общественнаго настроенія причины фивольныя и ничтожныя и обрушился на насъ всею тяжестью своего негодованія. Конечно, его воля. Но вотъ что до крайности любопытно: негодуя на интеллигенцію за ея недостаточное вниманіе къ народу, за охлажденіе къ мужику, Успенскій, въ то же время, напрягаетъ всѣ силы своего таланта для доказательства, что мужикъ до тѣхъ только поръ хорошъ, нравственно чистъ и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ, пока огражденъ «властью земли» отъ всякихъ постороннихъ вліяній,—въ томъ числѣ, конечно, и отъ вліянія интеллигенціи! Распутать этотъ логическій или діалектический узелъ я не берусь, но разрѣзать его—попробую.

II.

Прежде всего, я попрошу у читателя позволенія сдѣлать одно указаніе довольно личнаго свойства. Писавши свои статьи о Толстомъ, я считъ себя вправѣ только мимоходомъ отмѣтить личность солдата Каратаева, не останавливаясь для подробнаго ея анализа. «Это пантеистическое любованье жизнью, отличающее Каратаева, едва ли составляетъ типическую черту *всего русскаго*» — вотъ почти все, что я сказалъ въ то время объ этомъ знаменитомъ типѣ. Хотя я выражался условно («едва ли»), тѣмъ не менѣе, мое убѣжденіе было совершенно твердо, то именно убѣжденіе, что въ личности Каратаева очень мало типическаго и ровно ничего серьезнаго, важнаго, глубокаго. Стучаться въ отворенную дверь—занятіе столько же скучное, сколько и бессмысленное, и я не считъ нужнымъ убѣждать читателя въ томъ, въ чемъ онъ, по моему предположенію, давно уже былъ убѣжденъ. Мнѣ казалось (и, сознаюсь, продолжаетъ казаться), что для человѣка, признающаго прогрессъ фактомъ, цивилизацію благомъ, развитое сознание и самосознание могучимъ и благодѣтельнымъ орудіемъ, — для такого человѣка не должно существовать никакихъ колебаній въ воззрѣніяхъ на препрославленную каратаевскую непосредственность. Я писалъ о Толстомъ для людей, «какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ», для людей, чтущихъ науку и разумъ, и вотъ почему я хладнокровно обошелъ «круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды», какъ величаетъ Толстой своего героя. Я не сомнѣвался въ *своемъ* читателѣ, былъ увѣренъ, что его не разбираетъ желаніе, обувшее нѣкогда Вольтера, когда онъ прочиталъ Руссо, — желаніе начать ходить на четверенькахъ, и мнѣ казалось неприличнымъ истощаться въ доказательствахъ, что человѣку подобаеъ ходить только на ногахъ, а не на ногахъ и рукахъ.

Оказывается, что я поступилъ опрометчиво и легкомысленно. Фактъ налицо: писатель, котораго мы по праву признавали въ значительной степени «своимъ», и, притомъ, писатель, глубже всѣхъ вдумывавшійся въ народную жизнь, — этотъ писатель торжественно признаетъ Платона Каратаева «типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ». Съ фактической стороны вопроса приходится помириться: Успенскій — специалистъ, ему и книга въ руки, и если онъ признаетъ, что въ личности Каратаева обрисована цѣлая *существенная группа характернѣйшихъ народныхъ свойствъ*, то, вѣроятно, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, тутъ мы безоружны противъ Успенскаго: онъ *своими* глазами видѣлъ, *своими* перстами осязалъ, тогда какъ мы если что и знаемъ о жизни, характерѣ, нравахъ нашего народа, то знаемъ лишь книжнымъ образомъ, черезъ посредство другихъ и, главнымъ образомъ, черезъ посредство того же Успенскаго. Но, признавая фактъ, какъ фактъ, право суда надъ этимъ фактомъ мы оставляемъ за собою. Фактическія показанія Успенскаго имѣютъ для насъ почти обязательную силу, и мы

принимаемъ ихъ цѣликомъ, но его сужденія объ этихъ фактахъ, его выводы изъ нихъ подлежатъ свободной критикѣ.

Припомнимъ, какія именно типичнѣйшія черты отмѣчаетъ Успенскій у Каратаева, въ формулахъ и характеристикахъ самого Толстаго: «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человекомъ... Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю ласковость къ нему нѣжность, ни на минуту бы не огорчился разлукой съ нимъ...» Эта выборка сдѣлана изъ романа Толстаго Успенскимъ. Она не полна и по мѣрѣ надобности мы будемъ приводить изъ того же романа другія черты, характеризующія Каратаева.

И такъ, вотъ первая и основная черта: Каратаевъ любилъ всѣхъ и вся въ совокупности и никого и ничего въ отдѣльности. Въ чисто-психологическомъ отношеніи, въ отвлеченномъ смыслѣ, эта черта въ высшей степени замѣчательна. Она знаменуетъ собою такую высоту умственного развитія или—что во многихъ отношеніяхъ одно и то же—такую нравственную чистоту и душевную красоту, какія встрѣчаются не часто. Боголюбилъ или къ чему имѣлъ пристрастіе напр., Фаустъ, этотъ мудрецъ, исчерпавшій всю науку, поглотившій все знаніе, достигшій послѣднихъ вершинъ разумѣнія? Или кого любилъ самъ творецъ Фауста—Гёте, который ничего не оставилъ «подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта», который съ природою одною жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанья,
И говоръ древесныхъ листьевъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье...

Любить истину, какъ выраженіе «абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи», какъ идею, которая «живетъ и дышетъ и въ бурныхъ отливахъ и приливахъ морей, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человека, и въ стройныхъ созданіяхъ генія» *), значить любить жизнь не въ частныхъ ея сторонахъ, а въ цѣломъ, и любить человека не въ личностяхъ, а въ человечествѣ. Tout comprendre—c'est tout pardonner—и не только простить, но и полюбить, потому что это естественно, потому что это нормальный процессъ развивающагося чувства. Когда Христу, углубившемуся въ бесѣду съ Его учениками, сказали, что Его мать беспокоится о Немъ и ищетъ Его, Онъ отвѣтилъ, указывая на тѣснившихся вокругъ слушателей: «Вотъ мать Моя и вотъ братья Мои». Не эллина и не іудея, не раба и не свободного, но *ближняго* училъ Онъ любить, т.-е. всякаго человека, носящаго образъ и подобіе Божіе, безъ различія національностей и сословій. Это

*) *Литературныя мечтанія* Бѣлинскаго, I, 24.

высоко, но, какъ и все высокое, очень просто. Человѣкъ-скоть любить только себя; человѣкъ толпы любить только непосредственно близкихъ ему людей—свою семью и своихъ интимныхъ друзей; человѣкъ идеи любить свою партію, свое общество, наконецъ, свою страну; но только Богочеловѣкъ или человѣкобогъ, возвысившійся до полного слиянія съ идеаломъ, можетъ охватить своею мыслію и согрѣть своимъ чувствомъ всю жизнь, во всемъ ея разнообразіи, и все человѣчество или даже все живущее во всей его совокупности.

Простодушный и невѣжественный солдатъ Каратаевъ оказывается какъ разъ на высотѣ этой всепрощающей и всеобъемлющей любви. «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь». Что это такое, какъ не полное отсутствіе эгоизма? Для чистокровнаго эгоиста «имѣетъ смыслъ» и значеніе именно только его личность и его жизнь. Люди, вещи, явленія хороши или дурны въ его глазахъ постольку, поскольку они способствуютъ или препятствуютъ его благосостоянію, его комфорту, его счастью. «Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Это формула самаго чистаго и высокаго альтруизма. Каратаевъ «постоянно чувствовалъ» то, что всѣ мы, люди обыкновенные, чувствуемъ только въ торжественные моменты своего бытія, въ рѣдкія минуты энтузіазма и страстнаго увлеченія, когда намъ становится очевидно вся ничтожность нашихъ обыденныхъ интересовъ и стремленій, кажущихся столь важными для насъ въ спокойномъ, не ваволнованномъ состояніи нашемъ. Каратаевъ «любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ»,—дальше въ этомъ направленіи едва ли можно идти. Понятна эта любовь къ шавкѣ, какъ понятна любовь тюремнаго узника къ пауку, къ мышкѣ, ко всякому живому существу, смягчающему ужасъ полного одиночества, еще понятнѣе любовь къ товарищамъ-солдатамъ,—на людяхъ и смерть красна,—но полюбить человѣка не только чуждаго, но и враждебнаго міра, и—еще болѣе—полюбить враговъ, ежедневно, ежеминутно оскорблявшихъ и религиозныя, и патріотическія чувства,—это уже не просто любовь, а подвигъ любви, не личная благодушная кротость только, а выраженіе и результатъ органической, стихійной резиньяціи. Успенскій — къ слову сказать—опустилъ въ своей выборкѣ это указаніе Толстаго на любовь Каратаева даже къ французамъ, но, конечно, не потому, что нашель эту черту неправдоподобной или не типичной. Въ другомъ мѣстѣ и по иному поводу онъ нарисовалъ даже цѣлую маленькую картинку именно въ этомъ самомъ духѣ: «Припоминается нашъ солдатикъ Кудиничъ, который, прослуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулѣ на огородѣ, пугая воробьевъ... Онъ весь израненъ, набитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите-ка съ нимъ, врагъ ли онъ имъ? А поляки какъ? Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый... Добрый? Поляки народъ, надо такъ сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни за что тебя, напимѣрь, не допустить въ

сапогахъ... напимѣръ заснуть ежели... А черкесы? Ты дрался съ черкесами? Эва! Мы черкеса перебили сибѣты нѣтъ! Довольно намъ черкесъ изъ-стеня, лучше этого народу, надо сказать прямо, не сыщешь. Всѣ его враги—добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтуютъ... Всѣхъ онъ усмирилъ, и вотъ теперь сидитъ въ караулѣ, тачаетъ что-то, разговариваетъ съ собаченной Бургузкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: охъ, грѣхи-грѣшн тяжкіе!» (*Большая Советъ*). Не, можетъ быть сомнѣнія, что Баратаевъ и Будиничъ—люди одного и того нравственнаго типа, а, стало быть, и по этому пункту (т.-е. по признанію за своими героями способности любить враговъ) между Толстымъ и Успенскимъ существуетъ полная солидарность.

«Привязанностей, дружбы, любви Баратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ...» Конечно, это только вспомогательный штрихъ, а не самостоятельная черта, только развитіе основнаго тезиса. Дружба и любовь въ нашемъ смыслѣ есть непременно личное предпочтеніе и личное пристрастіе на основаніи какъ нашихъ индивидуальныхъ свойствъ, такъ и свойствъ того, кого мы любимъ или съ кѣмъ мы дружимъ. Баратаевъ любилъ иначе,—не за то, что вы добры или злы, печальны или веселы, красивы или некрасивы, богаты или бѣдны, а за то, что вы *человѣкъ*, т.-е. за такое свойство, которое не составляетъ принадлежности извѣстной личности или извѣстнаго класса, типа, народа, а является достояніемъ всѣхъ и каждаго. «И полынь на своемъ корню растетъ»,—говорятъ они при встрѣчѣ съ новымъ явленіемъ, и все становится яснымъ, понятнымъ и даже любезнымъ и милымъ для нихъ. Это болѣе чѣмъ покорность передъ существующимъ фактомъ, это именно почти фаталистическая резиньяція и это болѣе чѣмъ простая терпимость—это именно пантеистическая любовь. Это вотъ что:

Смертный! Силъ насъ гнетущей
Покоряйся и терпи,
Спящій въ гробѣ—мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Наконецъ, «слова и дѣйствія Баратаева выливались изъ него такъ же равномерно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова». Эта черта дорисовываетъ портретъ, и она дѣйствительно необходима. Баратаевъ всегда вѣренъ себѣ, всегда въ мирѣ съ собою, совершенно въ той же степени (но и совершенно въ другомъ родѣ), въ какой вѣренъ себѣ человѣкъ, овладѣвшій идеєю настолько, чтобы не смущаться никакими противорѣчіями.

Баратаевъ часто говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо, т.-е., конечно, справедливо субъективно, согласно съ его личностью отвѣчало его чувствамъ и вытекало изъ его совѣсти. Эта всегдѣшняя вѣрность самому себѣ, въ одно и то же время, и высочайшее счастье, и величайшая нрав-

ственная заслуга: счастье потому, что для такого человека наслаждение и долгъ—одно и то же, заслуга потому, что осуществить въ себѣ самою идеалъ значить наилучшимъ образомъ защитить его, доказать его правду и жизненность.

Таковъ Каратаевъ. Яркій и удивительный нравственный образъ, не правда ли? Самъ того не зная и не подозревая, этотъ человекъ во всемъ объемѣ исполнилъ евангельскую заповѣдь—сталъ сердцемъ какъ дѣти и въ награду обрелъ на землѣ царствіе небесное. Представьте себѣ передъ такимъ чистымъ образомъ художника-психолога, вроде Толстаго или Успенскаго: заранѣе ясно, что онъ привлечетъ къ себѣ самыя живыя ихъ симпатіи, причемъ совершенно естественно въ глазахъ этихъ художниковъ приобретутъ особенное значеніе тѣ силы, которыя создали и сохранили эту идеальную душевную чистоту. Каратаевъ ничего не знаетъ и все имѣетъ: не ясно ли, что для счастья, для невинной и безгрѣшной жизни нѣтъ ни малѣйшей надобности въ умственномъ развитіи? Кто вкусилъ плода отъ древа познанія, тому нѣтъ мѣста въ раю; кто размышляетъ, изслѣдуетъ, испытываетъ, тотъ впадаетъ въ противорѣчія и въ разладъ съ собою, тотъ колеблется и сомнѣвается, а это душевное состояніе именно и есть тотъ адъ, который приготовленъ для дѣтей и адептовъ грѣхонной человѣческой цивилизаціи. Какъ извѣстно, именно путемъ этихъ заключеній пошла мысль Толстаго; что же касается собственно Успенскаго, то, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, онъ нерѣшительно приостановился на полпути: Каратаевъ и по его мнѣнію высокъ и прекрасенъ, но, въ то же время, «по совѣсти, цивилизація выдумала массу добра для человечества».

Подойдемъ еще поближе къ Каратаеву и посмотримъ на него не какъ на самостоятельный нравственный міръ, а въ связи съ другими нашими требованіями. Если Каратаевъ можетъ служить для насъ нравственнымъ идеаломъ, то совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ общественнымъ идеаломъ можетъ служить для насъ жизнь дикихъ племенъ. Развѣ члены этихъ племенъ не абсолютно свободны и не абсолютно равноправны? Развѣ затѣмъ каждый изъ этихъ членовъ не представляетъ собою образецъ всесторонняго развитія? Дикарь, въ одно и то же время, и воинъ, и мыслитель, и охотникъ, и жрецъ, и рыболовъ, и судья и т. д. Чѣмъ дальше мы будемъ отступать въ глубь исторіи, чѣмъ ниже будемъ спускаться по лѣстницѣ культуры, тѣмъ въ болѣе чистомъ и полномъ видѣ будемъ находить осуществленіе тѣхъ общественныхъ формъ и личныхъ отношеній, которыя стоятъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ далеко впереди, какъ цѣль, какъ идеалъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что нашъ прогрессъ—заблужденіе, что поступательное шествіе человечества совершается затылкомъ впередъ? Нѣтъ, рѣшительно не слѣдуетъ. Тѣ формы, но не то содержаніе; тѣ явленія, но не та среда; тѣ условія, но не тотъ процессъ. Стихійная, естественная правда жизни оплодотворяется сознательностью, въ которой и черпаетъ свою силу и находитъ себѣ гарантію. Пусть прав-

да, какъ воздухъ, дается людямъ даромъ; пусть надо только дышать, чтобы пользоваться воздухомъ, и надо только, не насилуя себя, жить, чтобы поступать праведно. Но съ первымъ построеннымъ шалашомъ является и испорченный воздухъ, который надо *умѣть* освѣжать, съ первыми начатками культуры является усложненіе отношеній, специализація способностей, раздѣленіе труда, неравномѣрность распределенія и проч., и проч., и все это нужно съумѣть регулировать, а для этого все это нужно съумѣть сознать, понять, опредѣлить. Даровая, *непосредственная* правда—правда неустойчивая.

Всѣ эти замѣчанія цѣликомъ относятся и къ Каратаеву. Крайности сходятся: кто все понимаетъ, тотъ все прощаетъ, все любитъ, все благословляетъ; но кто ничего не понимаетъ, тотъ точно также все въ состояніи возлюбить—отъ былинки до собаки и отъ собаки до врага собственного отечества. Для того, чтобы питать такую любовь, надо стать внѣ всѣхъ сложныхъ условій нашей жизни, съ ея разнородными элементами, съ ея борющимися силами. Но стать *онъ* условій практической жизни можно или ставши *выше* ихъ, какъ Христосъ, царство котораго было не отъ міра сего, или *ниже* ихъ, не подозрѣвая ихъ существованія или, по крайней мѣрѣ, даже приблизительно не уразумѣвая ихъ значенія, какъ тотъ герой Успенскаго, который такимъ образомъ судилъ объ этихъ условіяхъ: «огромность это все... По крайности, слава Богу, живъ, здоровъ и за то слава Тебѣ, Господи». *Огромность это все...* какъ ни наивно это сужденіе, оно, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно выше абсолютнаго невѣдѣнія Каратаева, потому что въ немъ, все-таки, заключается смутное сознаніе сложности, значительности, «огромности» культурной жизни. Что касается Каратаева, то ему все ясно, потому что онъ смотритъ только внутрь себя, все понятно, потому что онъ ни надъ чѣмъ не задумывается. Наполеонъ съегъ Москву—воля Божія! Добрый баринъ Пьеръ изстрадался въ плѣну—«ничего, миленькій, не подѣлаешь!» Французы разстрѣливаютъ плѣнныхъ русскихъ—«те... тц... грѣхи-то, грѣхи-то!» Это несознающее себя великое нравственное превосходство, прощающее врагамъ и мучителямъ, потому что они не понимаютъ, не вѣдаютъ, что творять,—это покорность фаталиста, это именно резиньяція слабости.

Что погибель? Что спасенье?

Будь что будетъ—все равно!

На святое Провидѣнье

Положился я давно!

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, запомнивши хорошенько, что дѣвственность души Каратаева происходитъ отъ дѣвственности его сознанія, мы увидимъ совершенно въ иномъ свѣтѣ всѣ его прекрасныя нравственныя свойства. «Жизнь Каратаева не имѣла для него смысла, какъ отдѣльная жизнь»,—еще бы иначе! *Не имѣла смысла*, во-первыхъ, потому, что въ растительномъ существованіи и нѣтъ никакого человѣческаго смысла; во-вторыхъ, потому, что Каратаевъ и не разглядѣлъ бы его, если бы онъ

дѣйствительно существовать. «Она имѣла смыслъ только какъ частица дѣлаго, которое Каратаевъ постоянно чувствовалъ». Да, если бы это подчиненіе личнаго общему происходило отъ убѣжденія, оно было бы подвигомъ. Но нѣтъ подвига, нѣтъ даже простой заслуги въ томъ случаѣ, если человѣкъ подчиняется не въ силу уваженія передъ общимъ, а вслѣдствіе недостатка уваженія къ самому себѣ. Каратаевъ не доросъ до сознанія своей человѣческой личности и своихъ человѣческихъ правъ, и въ этомъ источникъ его альтруизма. Онъ подчиняется *всякому* общему, не вдаваясь въ анализъ свойствъ этого общаго. Лишь было бы за кѣмъ идти, лишь было бы кому повиноваться, *лишь бы не по своей волѣ и не по своей мысли поступать*,—вотъ все, что нужно Каратаеву. Въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ни тѣни эгоизма, потому что нѣтъ воли, нѣтъ желаній, нѣтъ страстей,—не потому нѣтъ, что онъ ихъ подавилъ или обуздалъ, а потому, что онъ не человѣкъ, а, по сравненію Толстаго, «цвѣтокъ». Какія же у цвѣтка страсти? Онъ цвѣтетъ и благоухаетъ, если его мочить дождь и пригрѣваетъ солнышко, безотвѣтно и безропотно вянетъ отъ засухи и зноя, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ его личность, его воля, его свобода—рѣшительно не причемъ. Каратаевъ безгрѣшенъ и ни въ чемъ не виновенъ, потому что для совершенія грѣха нужна злая воля, а у Каратаева нѣтъ никакой—ни злой, ни благой. Онъ—безсознательное орудіе; его миссія—творить волю пославшаго; онъ именно «цвѣтокъ», который можетъ пахнуть и усладительно, и отвратительно. «Непосредственность» Каратаева не психологическое, а зоологическое свойство. Можетъ ли быть, наприм., корова въ разладѣ съ собою? Она можетъ быть сыта или голодна, больна или здорова, но сомнѣваться, колебаться, раздвояться, рефлексировать она, конечно, не можетъ. Каратаевъ не сомнѣвается не потому, что покончилъ съ сомнѣніями, разрѣшилъ ихъ, а потому, что не умѣетъ размышлять. «Не разсуждать», «молчать», «не пикнуть»—эти заповѣди для Каратаева созданы и никто лучше его не исполняетъ ихъ.

Все это Успенскій понимаетъ не хуже насъ. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая не о Каратаевѣ, а о нашемъ обществѣ, объ интеллигенціи, онъ предовито осмѣливаетъ всеславянскую неспособность къ инициативѣ и къ самостоятельности. Вотъ его подлинныя слова: «Такова наша участь вообще. То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе тяжелой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими. *Сами мы* привыкли, и насъ пріучила къ этому вся исторія наша, не считать себя ни во что, сами мы поэтому можемъ относительно *себя лично* допустить и пережить всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію; «намъ лично ничего не нужно». Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно. «*Уведи* меня въ станъ погибающихъ»,—вопиетъ герой поэмы Некрасова

Рыцарь на часъ. И въ самомъ дѣлѣ: лучше увести его туда, а не то оставьте-ка его съ самимъ собою, такъ, вѣдь, онъ отъ какого-нибудь незначительнаго толчка того и гляди шмыгнетъ въ станъ «обгадряющихъ руки въ крови...» Тургеневская Елена въ *Наканунѣ* говоритъ: «Кто отдался весь, весь, *тому горя мало...* тотъ ужъ ни за что не *отъчиститъ*. Не я хочу... *то хочеть!*...» Видите, какое для насъ удовольствіе не *отъчистать* за самихъ себя, какое спасеніе броситься въ большое справедливое дѣло, которое бы поглотило наше я, чтобъ это я не смѣло хотѣть, а иначе... оно окажется весьма мучительнымъ для собственнаго своего обладателя. Иначе оно—«горе». *Горя мало не отъчистать* за себя, имѣть возможность забыть себя, сказавъ: *не я хочу, то хочеть...* Да, «не отвѣчать!» «Лишь бы *мнѣ* не быть въ отвѣтъ», «мнѣ *самому* ничего не надо!» и т. д.—эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, т.-е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ» (*Волей—неволей*).

Все это очень остроумно. Есть, однако, существенная разница между каратаевскою покорностью року и преклоненіемъ передъ идеей, хотя бы, напр., тургеневской Елены, именно та разница, которая обуславливается умственнымъ развитіемъ, дающимъ возможность критики и выбора. «Не я хочу, *то хочеть*». Въ чемъ именно заключается это властительное «то»? Здѣсь и начинается настоящая роль ума, потому что здѣсь она вступаетъ въ область идей и идеаловъ. Инсаровское «то» состояло въ идеѣ освобожденія; «то» некрасовскаго героя заключалось въ идеѣ страданія и искупленія; «то» ученаго состоятъ въ его наукѣ; «то» писателя и всякаго вообще общественнаго дѣятеля—въ ихъ теоріяхъ, тенденціяхъ, идеалахъ. Не съ бухты-барахты, не случайно они избираютъ свое «то», свой идеалъ, а путемъ долгаго размышленія и упорнаго труда, въ результатѣ которыхъ они обрѣтаютъ, наконецъ, *убѣжденіе*, т.-е. твердую и сознательную увѣренность въ справедливости той или другой идеи. У Каратаева дѣло происходитъ попроще. Съ чѣмъ или съ кѣмъ сведетъ его судьба, тотъ ему и другъ; куда его направлятъ, тамъ ему и путь. Шмыгнетъ или не шмыгнетъ некрасовскій герой изъ стана погибающихъ въ станъ обгадряющихъ—это вопросъ нерѣшенный, и если точно шмыгнетъ, то это будетъ только лично измѣной, доказательствомъ его вѣчной непослѣдовательности и ничтожества. Но Каратаевъ... Каратаевъ съ одинаково легкимъ сердцемъ можетъ явиться и въ томъ, и въ другомъ станѣ и съ одинаково свѣтымъ лицомъ будетъ и обгадрать руки, и погибать, лишь бы приказъ былъ. «Миленькій,—скажетъ онъ своимъ лапидарнымъ языкомъ,—Божью власть не руками сжать». Нетерпѣливое, досадливое и, признаемся, даже злобное чувство возбуждаетъ въ насъ эта доброта, это своеобразное благодушіе, которое, сострадая, жалѣя, даже любя, тѣмъ не менѣе, сживаетъ васъ со свѣту. Съ одной стороны—«лучше этого народу, надо сказать прямо, не сыщешь»,—ну, а съ другой стороны—«эва! мы перебили этого народу—смѣты нѣтъ». Противенъ и гадокъ какой-нибудь нѣмецкій фальдфебель, преискренно убѣжденный, что каждый французъ—исчадіе ада, которое нужно

он должно всячески истреблять. Однако, этот фельдфебель, все-таки, человекъ, хотя и очень глухой и достаточно злой, тогда какъ Баратаевъ и Кудиничъ просто на просто машины или, если угодно, «цѣпки».

Стать сердцемъ, какъ дѣти... Да, это можетъ быть поставлено какъ нравственный идеалъ, какъ послѣдняя грань возможнаго для насъ совершенства. Но *стать* ребенкомъ и *никогда не переставать быть* ребенкомъ—это два совершенно разныхъ дѣла. Вспомните эти стихи Тургенева:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ,
И я смею все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ!

Это—характеристика нравственнаго перерожденія или возрожденія. Человѣкъ все испыталъ и вездѣ побывалъ, ему знакомы и страсти, и самыя отвлеченныя идеи, онъ жилъ и волновался всѣмъ, чѣмъ живутъ люди, и только послѣ этого, примиренный, просвѣтленный и успокоенный, онъ обрѣтаетъ прежнюю дѣтскую незлобивость души и кротость сердца. Да, это прекрасно; да, дѣтя — мудрецъ, все понявшій и потому все простившій; это вѣнецъ человѣческаго развитія. Дарвинъ былъ кротокъ, какъ Баратаевъ, а Гарибальди былъ безпритязателенъ и скромнень, какъ Кудиничъ, но ихъ имена записаны въ исторіи, какъ имена вождей, которые вели толпу и указывали ей пути, а не плелись куда приказано. Пусть, по-толстовски, они совершали не свою, а высшую, не земную волю, и мудрость ихъ была вдохновеніемъ: есть разница—исполнять ли *такую* волю, волю, управляющую міромъ, или волю перваго встрѣчнаго. Дарвинъ и Гарибальди, съ одной стороны, и Кудиничъ и Баратаевъ—съ другой—это противоположныя полюсы человѣческаго развитія, это антиподы, несмотря на общее сходство своихъ нравственныхъ обликовъ. А какъ разъ посредникъ этихъ крайнихъ степеней, самой низшей и самой высшей, мы находимъ мѣсто Некрасоваго героя, взывавшаго: «уведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». Онъ говорить «уведи», и вотъ почему онъ неизмѣримо ниже тѣхъ, кто идетъ по собственному почину или, еще болѣе, ведетъ за собой другихъ. Но онъ говорить «уведи меня» — не куда угодно, а «въ станъ погибающихъ», и вотъ почему онъ неизмѣримо выше тѣхъ, которые съ одинаковою безропотностью идутъ и въ храмъ, и въ кабакъ,—куда только прикажетъ его благородіе.

Чему же мы обязаны существованіемъ въ нашей жизни Баратаевыхъ и Кудиничей? Откуда берутся они? «Откуда,—отвѣчаетъ Успенскій,—какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго, непрестаннаго соприкосновенія съ ней, съ ея вѣчною лаской и вѣчною враждой? Мать-природа, воспитывающая миллионы нашего народа, вырабатываетъ миллионы такихъ типовъ, съ одними и тѣми же духовными свойствами». Можетъ быть, это и такъ, но мы хотѣли бы отмѣтить одно сомнѣніе, естественно возникающее въ насъ при этомъ объясненіи. Вѣдь, герой Некрасова и героиня Тургенева, также какъ большинство нашихъ интеллигентныхъ лю-

дей, всю свою жизнь прожили не только не въ «непрестанномъ соприсношеніи» съ природою, но и съ очень, вообще говоря, смутными понятіями о ея «вѣчной ласкѣ и вѣчной враждѣ». Происхожденіе нашей интеллигенціи не деревенское, а городское, и, однако, Успенскій прямо говоритъ, что черта «считать себя ни во что» свойственна не одному Каратаеву, что «эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, т.-е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ». Очевидно, дѣло не въ природѣ, не въ землѣ и ея власти,—по крайней мѣрѣ, не только въ нихъ однихъ.

III.

„Въ чемъ же тутъ тайна? А тайна эта, конечно, огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтскрокотва,—словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся,—народъ, который ни любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ,—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ *невозможность* ослушанія ея *волеи*, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе“ (*Власть земли*).

Для ббльшаго уразумѣнія «огромной тайны» просимъ читателя внимнуть еще въ этотъ небольшой отрывокъ:

„Земля забрала мужика въ руки безъ остатка, всего дѣлкомъ, но за то онъ и не *отвѣчаетъ* ни за что, ни за одиъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *ослѣпилъ* его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ человѣка, который увелъ у него лошадей, и—не виновенъ, потому что безъ лошадей нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти,—онъ олатъ не виноватъ: не родила земля, не тѣхъ кормить было; онъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену и—не виновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, дѣлва, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Словомъ, если только онъ слушаетъ того, что велитъ ему земля, онъ ни въ чемъ не виновенъ; а, главное, какое счастье не *индунивать* себя жизни, не разскаивать интересовъ и ощущеній, когда они сами прихотятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ—*долженъ* сидѣть дома, ведро—*долженъ* идти косить, жать и т. д. Ни за что не *отвѣчалъ*, ничего самъ не *продумывалъ*, человекъ живетъ только *слушался*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращаемое въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не *нѣвѣщую*, *новидному*, никакого результата (что *вработалъ*, то и *сздать*), но *нѣвѣщую* результатъ именно въ самой себѣ. Для чего *растетъ* вотъ этотъ дубъ? Какая ему польза стои́тъ *тануть* изъ земли соки? Чтò ему за интересъ каждый годъ *покрываться* листьями, потому *терять* ихъ и, въ концѣ-концовъ, *кормить* желудками свиней? Вся польза и интересъ жизни этого дуба *именно* въ томъ и заключается, что онъ *просто* *растетъ*, *просто* *зеленѣетъ*, такъ, самъ не зная зачѣмъ. То же самое и жизнь крестьянина-земледѣльца: *нѣвѣщный* трудъ—это и есть *жизнь* и интересъ жизни, а результатъ—*нуль*“ (ib.).

Разъ навсегда убѣдившись, что намъ, дѣйствующей русской интеллигенціи, напрасно было бы ожидать отъ Успенскаго хоть единого привѣтливаго слова, не будемъ останавливаться на той вопиющей несправедливости, съ какою онъ умудряется *одно и то же* свойство *винѣять* намъ—чуть не въ преступленіе, а народу чуть не въ великую заслугу. Мы, но

жизни Успенскаго, обнаруживаешь недостатокъ самоуваженія, когда, какъ тургеневская Елена, отдаемъ себя во власть и въ распоряженіе какой-нибудь идеи. «Не я хочу, *то* хочетъ»—для интеллигента это не оправданіе, но мужикъ—другое дѣло: «разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ велить его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ». Благодаря этому полнѣйшему подчиненію «власти земли», народъ «сохранилъ свой могучій и кроткій типъ» и всѣ вообще свои прекрасныя свойства. Мужикъ «живетъ только слушаясь», и какъ же это хорошо, какое это «счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній!» Но если *точь-въ-точь* такую же жизнь устроить себѣ интеллигентный человѣкъ, то это очень дурно, потому что свидѣтельствуетъ лишь о его желаніи набѣжать всякой нравственной отвѣтственности.

Вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли существовать такое дѣло или такая идея, беззавѣтное служеніе которымъ снимало бы съ человѣка всякую отвѣтственность и давало бы нравственную санкцію даже такимъ его дѣйствіямъ, которыя съ точки личной морали не могутъ быть оправданы? И жизнь, и исторія даютъ на этотъ вопросъ рѣшительно утвердительный отвѣтъ. Идея, напримѣръ, государства и его интересовъ сплошь да рядомъ приходитъ въ столкновение съ принципами личной морали и личного блага, и вотъ почему послѣдовательные индивидуалисты и мералисты, вроде Льва Толстаго, никакъ не могутъ найти *modus vivendi* для себя, не удаляясь въ пустыню и оставаясь среди условій культурной жизни. Это недоумѣніе и негодованіе моралиста передъ дѣйствительно тяжелою и мучительною коллизіей личного и общаго интереса отлично выразилось въ страстной тирадѣ одного изъ симпатичнѣйшихъ героевъ романа *Война и миръ*: «Военное сословіе самое почетное. А что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военного общества? Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для удовольствія арміи, обманъ и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И, несмотря на то, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ большую награду. Сойдутся на убійство другъ друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ), и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуги. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ!» Это говорилъ князь Андрей Болконскій, который, въ то же время, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ, храбрыхъ и самоотверженныхъ офицеровъ. Онъ и убивалъ, и мечталъ о еще большихъ убійствахъ (или, что то же—о «подвигахъ») и нисколько не терялъ отъ того ни своего собственнаго уваженія, ни уваженія другихъ. «Не я убиваю, *то* убиваетъ»,—могъ бы сказать онъ въ свою за-

щиту словами тургеневской героини. Идея, избранная человекомъ, задача, взятая имъ на себя, можетъ быть ошибочна, но это будетъ ошибка противъ разума, а не противъ законовъ нравственности. Въ войнѣ, какъ и въ огромномъ большинствѣ такихъ массовыхъ движеній и почти стихійныхъ явленій, есть нѣчто придающее участію въ нихъ личности совершенно особый характеръ. Князь Андрей Болконскій убивалъ людей, но не былъ убійцею. Его дѣйствія обуславливались не эгоистическими мотивами, а велѣніями долга, — все равно, правильно или неправильно понимаемаго. Юристы учатъ искать виновника преступленія между тѣми, кому могло быть оно выгодно — и это логично. Присутствіе или отсутствіе своекорыстія — вотъ тотъ элементъ, который болѣе всего придаетъ извѣстному дѣянію тотъ или другой нравственный характеръ. «Убійцы» вроде князя Андрея не карьеру себѣ устраиваютъ, а исполняютъ свою миссію, не личнымъ чувствамъ удовлетворяютъ, а дѣлаютъ общее дѣло.

Теперь обратимся, съ этимъ критеріемъ въ рукахъ, къ героямъ Успенскаго. Вѣроятно, они дѣлаютъ огромное дѣло, если имъ, по мнѣнію Успенскаго, не вѣняется и отпускается всякое дѣяніе, до позорнѣйшаго преступленія включительно, при условіи, что это дѣяніе совершено въ интересахъ главной цѣли. «Мужикъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену и не виновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, лѣнива, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ». Но, Боже мой, послѣ этого что же такое земледѣліе: есть ли это просто одинъ изъ видовъ добыванія себѣ хлѣба насущнаго, или это какое-то идольское служеніе? «Хозяйка-земля» — есть ли это просто объектъ обработки и разумной человѣческой эксплуатаціи, или это какой-то фетишъ, который требуетъ и которому не жаль принести даже человѣческія жертвы? Земля для человѣка или человѣкъ для земли? Хозяйка-земля или хозяйка-жена ближе и дороже земледѣльцу? Кажется намъ, въ воздѣлываніи земли нѣтъ ничего священнаго, ничего идеальнаго, даже ничего просто идейнаго, что это трудъ, быть можетъ, болѣе поэтический, но ни на одну миллионную долю іоты не болѣе почтенный, нежели всякій другой физическій трудъ, имѣющій конечную цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка. Что сказали бы мы о томъ мастеровомъ, который бы «въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену», на томъ единственномъ основаніи, что она «дура, лѣнива, черезъ нее стало дѣло»? Мы сказали бы, что это не человѣкъ, а вѣрь, единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ для котораго можетъ служить его неразуміе, его безпомощная «темнота». Какая цѣль земледѣлія, чего добывается земледѣлецъ? — быть сытымъ — не болѣе того. И вотъ ради этой сытости, ради простѣйшихъ, чисто-желудочныхъ интересовъ разрѣшается жертвовать всѣми человѣческими свойствами, любовью къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ, дружбой, человѣколюбіемъ и проч., и проч. «Результатъ вѣковѣчнаго труда крестьянина-земледѣльца — нуль», это собственныя слова Успенскаго. Тѣмъ не менѣе, принести въ жертву этому «нулю» всѣ

лучшія стороны своей природы, отдать въ рабство брюху и свое сердце, и. свой ужъ, и свою душу,—все это не только справедливо, но и свято...

Вопросъ, затронутый нами, до того серьезенъ, что я опять чувствую потребность прибѣгнуть къ защитѣ какого-нибудь авторитета. Призовемъ еще разъ на помощь Салтыкова, который говоритъ о «хозяйственномъ мужикѣ», между прочимъ, слѣдующее:

«Идеаль «полной чаши» достигнуть. Изба прочна и хорошо ухичена; запаса вдоволь, скотины въ избыткѣ, дѣли—въ порядкѣ. Въ домѣ царствуютъ миръ и согласіе; даже въ кубышкѣ деньга, на черный день, водится. Въ такомъ положеніи до мироѣдства—одинъ только шагъ. Но хозяйственный мужикъ отъ природы чуждъ кровопивства; его не соблазняетъ ни лавочка, ни кабакъ. Непрерывнымъ трудомъ и думою о будущемъ онъ достигъ извѣстной степени зажиточности—и будетъ съ него. Попржнему, онъ отпихивается отъ чайничества, попрежнему, ѣсть хлѣбъ черствый, а не мягкій, попрежнему, осторожно обращается съ свѣжею убойной. Если бы онъ поступилъ иначе, ему было бы не по себѣ, онъ пересталъ бы быть самимъ собой.

«Наконецъ, онъ умираетъ. Умираетъ тихо, честно, почти свято. За гробомъ слѣдуетъ жена съ толпою сыновей, дочерей, снохъ и внучатъ. Послѣ погребенья совершаютъ поминки, въ которыхъ участвуетъ вся деревня. Всѣ поминаютъ добромъ покойника. «Честный былъ, трудовой мужикъ—настоящій крестьянинъ!»

«Да, это былъ дѣйствительно честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но, спрашивается, съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?»

Вотъ изображеніе настоящаго художника-реалиста, и вотъ пронизательное сужденіе, достойное философа. Ни одного карриатурнаго, преувеличеннаго штриха нѣтъ въ этой картинѣ, но нѣтъ въ ней и идеализаціи. Благообразная жизнь, благообразная смерть, «полная чаша», согласная семья, честный, непрерывный трудъ, — словомъ, всѣ элементы идеалліи и всѣ данныя для восхищенія съ нашей стороны, но художникъ отрезвляетъ насъ. Онъ спрашиваетъ: съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? какъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ? Салтыковъ не сравниваетъ крестьянина ни съ «цвѣткомъ», какъ Толстой, ни съ «дубомъ», какъ Успенскій, онъ хотѣлъ бы видѣть въ немъ человѣка съ стремленіями и идеалами болѣе широкими, нежели идеаль «полной чаши». Его не только не восхищаетъ постоянное пребываніе крестьянина на лонѣ природы, его общеніе съ «хозяйкой-землей» и безотвѣтное исполненіе ея зачастую безжалостныхъ требованій, но онъ указываетъ на необходимость «подойти» къ мужику, подойти затѣмъ, конечно, чтобы сколько возможно освободить его отъ тираннической «власти земли». И Салтыковъ, какъ и Успенскій, какъ и всякій сколько-нибудь гуманнѣйшій человѣкъ, скажетъ, что «крестьянинъ ни въ чемъ не виновенъ»,

но не виновенъ не въ нравственномъ, а въ юридическомъ смыслѣ, — не *правъ*, а просто *несмыслимъ*. Не виновенъ въ нравственномъ смыслѣ лишь тотъ, кто, прежде чѣмъ жертвовать другимъ, рискуетъ и жертвуетъ собой и кто при этомъ добивается не личныхъ, а общихъ результатовъ, защищаетъ не свои, а партійные или общественные, или національные, или, наконецъ, общечеловѣческіе интересы. Ничего подобнаго нѣтъ въ жизни и въ дѣятельности «хозяйственнаго мужика». Онъ «вгонитъ въ гробъ жену», и рискуя навлечь на себя ни уголовного суда, ни суда деревенскаго общественаго мнѣнія: помиуйте, вѣдь, онъ, рыцарь и жрецъ хозяйственнаго благообразія, только «учить» глупую бабу уму-разуму. А въ общественномъ смыслѣ онъ, по справедливому сравненію Успенскаго, именно «дубъ», который «просто растетъ, просто зеленѣетъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ». Какъ дубу нѣтъ дѣла до лѣса, такъ хозяйственному мужику нѣтъ дѣла ю общества, не потому только *нѣтъ дѣла*, что онъ, по своей неразвитости, не понимаетъ связи между личными и общими интересами, но, главнымъ образомъ, потому, что его дѣятельность по самой своей сущности изоллирована, индивидуалистична и эгоистична. Общество не можетъ дать дождя на его полюсу; общество не можетъ обезпечить ему урожая; все это дѣла слѣпыхъ стихійныхъ силъ, которыя только и интересуютъ его. Солнце, земля, вода — вотъ что важно и нужно для дуба и для мужика, а люди, общество, людская жизнь, историческіе процессы и умственные теченія — все это «насъ не касяюще». Нѣтъ, мы отказываемся восхищаться этою растительною или зоологическою красотою, и «дубовыми» идеалами насъ нельзя увлечь. *Не о хлѣбъ единомъ живъ бываетъ человекъ* — этою заповѣдью нельзя изгладить изъ нашего сознанія, потому что это болѣе чѣмъ принципъ, это — привычка, это — сама наша жизнь.

Но, — утверждаетъ Успенскій, — только благодаря этому вѣковѣчному общенію мужика съ природою, благодаря «власти земли», онъ успѣлъ сохранить «свой могучій и кроткій типъ». «Огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка», она остается въ своей избѣ и на своей землѣ, въ сторонѣ отъ разныхъ цивилизацій, интеллигенціи и т. п. Въ этомъ, конечно, есть правда, но правда не полная, односторонняя, узкая. Безъ сомнѣнія, если человекъ живетъ внѣ сферы дѣйствія извѣстнаго явленія, онъ предохранитъ себя отъ его вредныхъ вліяній совершенно въ той же степени, въ какой останется чуждъ и его добрымъ, полезнымъ сторонамъ. Примитивныя психологическія добрыя свойства, указываемыя Успенскимъ, — молодость души, доброта, дѣтская кротость (впрочемъ, къ слову сказать, намъ, людямъ обыкновенной логики, довольно затруднительно ясно представить себѣ образъ «дѣтски-кроткаго» человека, хладнокровно и систематически «вгоняющаго въ гробъ» свою собственную жену), — составляютъ обычное достояніе не одного русскаго крестьянина, а вообще всякаго... какъ бы выразиться по-безобиднѣе? — всякаго *патріархально* человека. Противъ этого Успенскій спорить не станетъ. Онъ даже прямо говоритъ: «Возьмите нашего крестья-

янина изъ любой земледѣльческой деревни: онъ находится и сейчасъ *точь-въ-точь* въ такихъ же условіяхъ жизни и подъ тѣми же самыми вліяніями, какъ и тотъ снѣгъ, портретъ котораго вы можете видѣть въ книгѣ Вайца и который буквально *точь-въ-точь* похожъ на нашего «мужика»: тотъ же самый камень обходить сохой теперешній мужикъ, какой обходилъ сохой и снѣгъ, и, какъ древнѣйшій предокъ теперешняго мужика, обходя камень, говорилъ: «ишь, идолъ, разлегся на самой дорогѣ, возись тутъ около него», такъ и теперешній мужикъ, порѣвнявшись съ камнемъ, не преминетъ вымолвить: «и нелегкая же тебя повалила на это мѣсто, неладная дубина!» Рѣка, солнце, мѣсяць, весна, осень, трава, деревья, цвѣты,—все до послѣдней мелочи природы было *точь-въ-точь* то же самое, что и «въ безконечные вѣки». *Это* было неизмѣнное. *Отъ этого* зависѣла жизнь, въ *этомъ* тайна міросозерцанія. *Это* можно назвать и указать пальцемъ». Чудесно сказано. Успенскій тѣмъ и приятенъ для критики, что, несмотря на свои противорѣчія, всегда договариваетъ свою мысль до конца. Совершенно вѣрно: между скифомъ Вайца и современнымъ мужикомъ разница очень невелика, а Успенскій утверждаетъ даже, что и совсѣмъ нѣтъ разницы, что они «буквально *точь-въ-точь*» похожи другъ на друга. Вотъ истинное торжество консерватизма: тысячу лѣтъ точно подъ снѣгомъ или въ закодированномъ онѣ пролежалъ русскій народъ и, конечно, консервировалъ «всѣ свои лучшія свойства», потому что имъ и портиться было не отъ чего. Ни свѣтъ, ни свѣжій воздухъ не беспокоили спящаго богатыря и ему не грозила опасность «загнить», какъ загнили и, кажется, ужъ все сгнили его менѣе счастливые, не богоизбранные западные братья. Эти братья, говоря выраженіемъ Тургенева, самонадѣянно «дѣлали свою судьбу»; они открывали Америку; они выдумывали порохъ и изобрѣтали книгопечатаніе; они вырабатывали идеи и теории, которыя перевертывали вверхъ дномъ всѣ привычныя понятія и воззрѣнія; они тревожились, боролись, искали, волновались, чего-то добывались, къ чему-то и мыслью, и дѣломъ стремились. Мы поступали иначе: пороху не выдумывали, а жили «только *слушались*», подчиняясь факту, каковъ бы онъ ни былъ. *Тысячу лѣтъ* лежитъ на полѣ камень, сотня поколѣній земледѣльцевъ миллионъ разъ обругала его «идоломъ» и «неладною дубиной», а камень лежитъ себѣ да лежитъ, потому что онъ *фактъ*, потому что хотя его и «нелегкая положила на это мѣсто», но для того, чтобы сдвинуть его или вообще какъ-нибудь избавиться отъ него, нужно думать, предпринимать, хлопотать, т. е., прежде всего, проснуться и прочухаться. Я не о фактѣ спорю съ Успенскимъ, а о принципѣ. Могу ли я спорить о фактѣ, когда, наприм., современные переселенцы наши — люди, вообще говоря, болѣе другихъ энергичные и самостоятельные,—отправляясь въ путь, непремѣнно лѣзютъ сладостную надежду найти такую труппу, куда бы не только становой не заѣзжалъ, но и воронъ костей не заносилъ, гдѣ бы ихъ «никто не трогалъ» — ни урядникъ, ни азбука, ни плугъ, ни воинская повинность, ни керосиновая лампа. Все это новшества, безъ которыхъ «жили же наши

отцы» (т.-е. вайцевскіе субъекты), а они не глуше насъ были». Такимъ образомъ и упрочивается «сохраненіе всёхъ лучшихъ свойствъ» въ связи съ торжествомъ лучины, скиеской сохи и повального безграмотства.

Консерватизмъ — дѣло хорошее, идея вполне правильная. «Сохранить» все то благое, что передано намъ предшествующими поколѣніями, это первая задача какъ всего общества, такъ и всякаго отдѣльнаго дѣятеля. Но дѣло въ томъ, что *сохранять* можно только *развивая*. Рабъ лужный и лѣнливый, зарывшій въ землю данный ему господиномъ талантъ, «сохранилъ» его во всей неприкосновенности и цѣлости, но мы не признаемъ и признаемъ справедливость постигнутого его осужденія. Истинный консерватизмъ не враждебенъ жизни, иначе въ немъ и смысла не было бы никакого, а гдѣ жизнь, тамъ движеніе, дѣятельность, развитіе. Если «власть земли» своимъ давленіемъ сдѣлала то, что современный русскій мужикъ во всёхъ отношеніяхъ похожъ на своего предка-дикаря, это значитъ, что ея сила не благотворна, а пагубна. Прозваніе человѣка, которымъ онъ дѣйствительно можетъ гордиться, состоитъ въ томъ, чтобы быть властителемъ природы, а не рабомъ ея, жить повелѣвая ею, а не слѣпо «слушаясь» ея приказаній. Допустимъ, что въ природѣ нѣтъ не только прогресса, но и никакой эволюціи, что «рѣка, весна, осень, трава, деревья, цвѣты,—все до послѣдней мелочи природы было *точь-въ-точь* то же самое, что и въ безконечные вѣки», какъ утверждаетъ Успенскій, смѣло выбрасывая за бортъ всё великія теоріи и открытія нашего времени; почему, все-таки, намъ должна служить примѣромъ эта неизмѣнность и это постоянство природы, а не примѣръ историческихъ человѣческихъ обществъ, которые въ процессѣ своего развитія ушли такъ далеко отъ своихъ дикихъ родоначальниковъ, что о «буквальномъ» сходствѣ и помину не можетъ быть? Успенскій какъ будто предвидѣлъ этотъ пунктъ и заблаговременно принялъ иѣры относительно его. Именно, онъ говоритъ: «Рѣшительно вездѣ, *точно такъ, какъ и въ нашей деревнѣ*, мы не найдемъ никакихъ слѣдовъ воспоминаній о какихъ бы то ни было гнетахъ и бѣдствіяхъ. Нашъ крестьянинъ сохранилъ открытое лицо и живой умъ, несмотря на татарское иго, шпацирутену и крѣпостное право. А французскій настоящій, нормандскій или бретонскій, мужикъ сохранилъ развѣ воспоминаніе о нашествіи римлянъ, о нашествіи варваровъ, о безчисленныхъ войнахъ и дракахъ, въ которыхъ погибли милліоны его предковъ? Итальянскій король, навѣрное, не помнитъ всей римской исторіи, точно ея и не бывало. А сколько перерѣзано турокъ, и что же?—Лицо у нихъ улыбающееся и къ мордобитію расположенное во всякое время. Такое родство въ воззрѣніяхъ земледѣльцевъ всёхъ странъ вполне существуетъ». Здѣсь справедливо только то, что земледѣльческіе классы всёхъ странъ, вообще говоря, консервативнѣе, неподвижнѣе, инертнѣе, нежели другіе общественные слои. Но насчетъ «родства въ воззрѣніяхъ» позвольте усомниться. Воззрѣнія земледѣльца, предшественнаго первобытные фазисы развитія, опредѣляются не солнцемъ, не мѣсяцемъ, не землей и не водой, а также и историческими условіями,

тѣми формами общественности, среди которыхъ онъ живетъ. Турецкій крестьянинъ и французскій крестьянинъ одинаково консервативны, но консервируютъ они не одно и то же, и ихъ воззрѣнія не одинаковы. Если, наприм., правда, что турецкій крестьянинъ «расположенъ къ мордобитію во всякое время» и переноситъ его съ «улыбающимся лицомъ», то врядъ ли это можно сказать о современномъ французскомъ, или англійскомъ, или американскомъ земледѣльцѣ. Герои мордобитія, чувствующие себя совершенно à l'aise между турками, готовы будутъ спрятаться въ мышиную норку между американцами. Разница, какъ видите, не малая и существенная, и корень этой разницы—именно въ разницѣ воззрѣній.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ послѣдній, но чуть ли не самый важный пунктъ, послѣ чего читатель можетъ свободно рѣшить вопросъ о характерѣ и свойствахъ вліянія «власти земли» на крестьянина. Благодаря «власти земли», нашъ народъ, по Успенскому, такъ хорошъ и чистъ въ нравственномъ отношеніи, что мы даже «идемъ къ нему за исцѣленіемъ нашихъ душевныхъ мукъ». Въ общественномъ смыслѣ «власть земли», оказывается, производитъ еще болѣе изумительныя чудеса: она ставитъ крестьянина на такую высоту, которую нельзя назвать иначе, какъ идеальной. Успенскій и на этотъ разъ призываетъ на помощь Льва Толстаго, у котораго онъ съ живѣйшею радостью находитъ ту мысль, что крестьянинъ-земледѣлецъ—*человѣкъ независимый, удовлетворяющій всѣмъ своимъ потребностямъ*. Вотъ въ чемъ заключается его великое превосходство надъ людьми образованными. Въ цивилизованномъ обществѣ «недѣлимое не можетъ похвалиться цѣлостью своего существованія. Напротивъ, въ каждомъ человѣкѣ, каждой общественной группѣ нѣтъ гармоніи въ развитіи его личности, нѣтъ разнородности въ дѣятельности членовъ его организма; напротивъ, онъ, *цѣлый человѣкъ*, живетъ только *частью* себя, самъ сдѣлавшись членомъ общественного организма. Трудъ раздѣленъ между людьми, а не между членами организма человѣческаго. Рабочій только стоитъ у станка или у горна и стучитъ всю жизнь молотомъ, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Всѣ исполняютъ какую-нибудь спеціальность, не дающую возможности жить специалисту другими сторонами человѣческаго тѣла и духа, и всѣ не могутъ считать себя счастливыми. Рабочій, священникъ, инженеръ, балетная танцовщица, ученый и т. д.—никто изъ нихъ не можетъ *самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ*, а, напротивъ, удовлетворяя какую-нибудь общественную потребность, *самъ-то* въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ потребностей требуетъ постороннихъ услугъ такихъ же, какъ и онъ, микроскопическихкихъ спеціалитовъ» (*Трудами рукъ своихъ*).

На первыхъ порахъ эта аргументація производитъ впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вы, быть можетъ, очень хорошій специалистъ-работникъ, не можете обойтись безъ тысячи услугъ, доставляемыхъ вамъ обществомъ, т.-е. такими же узкими специалистами, какъ и вы. Вы обѣдаете—обѣдъ приготовленъ кухаркой; вы пишете—вашъ письменный столъ сдѣланъ сто-

ларомъ; вы читаете—надъ книгой, которая находится въ вашихъ рукахъ, трудились десятки специалистовъ, отъ автора до брошюровщика. Вы не только не въ силахъ дѣлать «все самъ», но васъ хватаетъ на добросовѣстное исполненіе вашего спеціального дѣла только при значительномъ напряженіи вашихъ способностей. Послѣ этого, что же такое вы, образованный и цивилизованный человѣкъ? Вы—крошечное колесико общественнаго механизма; вы не личность, вы—орудіе, вы не организмъ—вы органъ. Вы, со всѣмъ своимъ образованіемъ, только «палецъ отъ ноги», тогда какъ мужикъ—человѣкъ независимый, самъ удовлетворяющій всѣмъ своимъ потребностямъ».

Небольшаго размышленія, однако, достаточно, чтобы тотчасъ же найти нѣкоторое для себя утѣшеніе. Вѣдь, я, образованный человѣкъ, не хуже, не ниже же какого-нибудь медвѣдя, а между тѣмъ, этотъ почтенный звѣрь дѣлаетъ «все самъ» и «удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ». «Самъ» онъ овсяное поле или малинникъ находитъ, «самъ» берлогу устраиваетъ, «самъ» разыскиваетъ себѣ самку, «самъ» развлекаетъ себя чурбанами и т. д. «Независимость» медвѣдя отъ общества полная; «цѣлостность» его существованія всесовершенная; всесторонность его медвѣжьего развитія идеальная. Тѣмъ не менѣе, онъ—глупый звѣрь, а я—разумный человѣкъ, и мнѣ стыдно и унижительно хоть на одну секунду стать съ нимъ на одну доску. Ясно, что критерій «цѣлостности» существованія и «всесторонности» развитія нуждается по меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ.

Далѣе вотъ что. Есть потребности и потребности, какъ есть развитіе и развитіе. Какъ разъ, наприм., въ тотъ день, когда я пишу эти строки, въ одной странѣ Западной Европы кончается срокъ дѣйствія одного временнаго закона чрезвычайной важности, и я испытываю живѣйшую «потребность» узнать о результатахъ этого событія, потребность, по моему субъективному сознанію и ощущенію, не менѣе настоятельную, нежели любая чисто-физическая потребность. Удовлетвореніе этой потребности находится въ зависимости отъ труда десятковъ лицъ, совокупными усиліями которыхъ создается въ эту минуту газетный листъ, въ которомъ черезъ нѣсколько минутъ я найду все, что нужно для меня. А вотъ моей кухаркѣ, также какъ милліонамъ нашихъ Ивановъ и Матренъ, ничего подобнаго не требуется и они могутъ чувствовать себя совершенно «независимыми» отъ спеціалистовъ газетнаго дѣла. Завидовать ли мнѣ ихъ независимости? Не справедливѣ ли пожалѣть ихъ, не знающихъ, не разумѣющихъ, не понимающихъ, — ихъ, о единомъ хлѣбѣ живущихъ? Подобныхъ примѣровъ читатель можетъ подобрать по этому образику столько, сколько ему заблагоразсудится.

«Независимость» — слово очень громкое, но его надо понимать какъ слѣдуетъ. Философія Діогена была основана на идеѣ ложно понятой независимости и практическимъ выраженіемъ ея была знаменитая бочка, т. е. та же, конечно, медвѣжья берлога. Безъ сомнѣнія, чѣмъ меньше человѣкъ имѣетъ потребностей, тѣмъ меньше онъ нуждается въ услугахъ другихъ людей, тѣмъ онъ «независимѣе»; но можетъ ли тутъ быть рѣчь о познотѣ

и разносторонности жизни? Русскій крестьянинъ самъ удовлетворяетъ свои потребности,—это правда; но удовлетворяетъ не вслѣдствіе богатства своихъ знаній, а вслѣдствіе бѣдности и несложности своихъ потребностей. Чѣмъ ниже стоитъ человекъ на лѣстницѣ культуры, тѣмъ онъ, въ смыслѣ ученія Толстаго и Успенскаго, «независимѣе»; чѣмъ выше, тѣмъ онъ общественнѣе, тѣмъ болѣе нуждается въ помощи и въ знаніяхъ другихъ. Для того, чтобы построить курную избушку, не нужно учиться плотничеству, но мужикъ, почувствовавшій потребность въ бѣлой хатѣ, обращается къ специалисту-плотнику и къ специалисту-печнику. Пока мужикъ щеголяетъ въ лаптяхъ, онъ «самъ» удовлетворяетъ своей потребности въ обуви, и тотчасъ же попадаетъ въ «зависимость» къ специалисту — сапожнику, какъ только убѣдится, что сапоги удобнѣе лаптей, и т. д., и т. д. Вся наша культура и почти вся наша цивилизація есть дѣло специалистовъ, результатъ всесторонняго примѣненія принципа раздѣленія труда. Не принципъ пагубенъ, а его крайнія выраженія, его утрировка, въ силу которой человекъ дѣйствительно нерѣдко превращается въ орудіе чуть-чуть бѣльшаго значенія, нежели тотъ молотъ, которымъ онъ «стучитъ всю жизнь».

Замѣчанія эти наши, конечно, очень бѣглы и, въ виду обширности темъ, недостаточны, но, вѣдь, и выдвинуты они нами не противъ какой-нибудь теоретической твердыни. Мужикъ или, говоря общѣе, дикарь — «существо цѣлостное и независимое» — это правда, но у этой правды есть изнанка, на которую именно я и хотѣлъ указать. «Съ какой стороны,—спрашивалъ Сагтыковъ,—подойти къ нему» — къ этому цѣлостному и независимому существу? Зачѣмъ подойти? Не зачѣмъ, конечно, чтобы полюбоваться его воображаемымъ совершенствомъ, а зачѣмъ, чтобы напомнить, что, кромѣ «хлѣба», есть жизнь духа, есть способности ума, потребности любознательности. У нашего совершеннаго, всесторонняго существа, самолично удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ, оказывается почти атрофированною цѣлая и, притомъ, лучшая, высшая половина человѣческаго бытія. Правда, какъ доказываетъ Успенскій, потребность мыслить, наблюдать, понимать не заглохла въ крестьянинѣ, но удовлетворяется она доморощенными средствами даже еще хуже, нежели потребность въ обуви удовлетворяется допотопнымъ лаптемъ. Успенскій указываетъ на «земледѣльческій календарь», въ которомъ собрана масса разнаго рода «примѣты» — результатъ коллективной умственной работы нашего народа. «Примѣты» эти, по нашему мнѣнію, помимо антропологическаго и, пожалуй, этнографическаго интереса, имѣютъ значеніе лишь какъ обращикъ того, *какъ не надо мыслить*, но Успенскій относится къ нимъ серьезно и даже почтительно. Вотъ его подлинныя слова: «можете представить, что объ одномъ хлѣбѣ, объ урожаѣ или неурожаѣ начинаютъ примѣчать тотчасъ послѣ посѣва: ужъ въ сентябрьскихъ примѣтахъ значится: «коли листъ (оппадающій) ложится вверхъ изнанкой, будетъ урожай». Въ ноябрѣ «снѣгъ надуетъ—хлѣба прибудетъ», а «коли ледъ на рѣкѣ становится горами, будутъ и хлѣба груды». Въ декабрѣ «большой иней, груды снѣга—и хлѣба будетъ много». *«Колѣ стѣтъ при-*

валить влооть къ заборамъ, будетъ неурожай; коли не влооть — урожай». «Иней на деревьяхъ — урожай». «Каковъ иней на деревьяхъ, таковъ и цвѣтъ на хлѣбѣ». 25 декабря ясный день къ урожаю; небо звѣздисто — къ приплоду скота, ягодамъ, гороху. Коли тропинки черны, уродится гречиха». Чего стоитъ хоть бы примѣта: *коли снѣгъ привалитъ влооть къ забору и кода не влооть!* Едва ли банкиръ и капиталистъ въ такой же степени тщательно изучаетъ всё случайности, которыми могутъ подвергнуться его бумаги, какъ тщательно изучаетъ крестьянинъ мельчайшія подробности случайностей природы, обуславливающія успѣхъ его труда и всего благосостоянія. Каждый день въ году и почти каждый часъ въ теченіе дня запримѣченъ, объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ жизни».

Относительно «тщательности» этихъ такъ называемыхъ наблюдений никто спорить не будетъ, но относительно ихъ разумности, цѣлесообразности, осмысленности думать не мѣшаетъ. Уступая въ «тщательности», наблюденія банкира (не говоря уже о наблюденіяхъ ученаго) во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ столько же превосходятъ наблюденія народа, сколько вообще развитая и дисциплинированная мысль превосходитъ «темную» мысль. Банкиръ не скажетъ: у меня сегодня переносица чешется, значить завтра фонды упадутъ, но онъ скажетъ и имѣетъ логическое право сказать: если на завтрашнихъ выборахъ одержитъ верхъ такая-то партія, я продамъ свои бумаги. Между переносицей и состояніемъ денежнаго рынка нѣтъ никакой связи, но между торжествомъ или пораженіемъ извѣстныхъ общественныхъ группъ и силъ и положеніемъ государственнаго кредита связь очевидна. Ну, а что означаетъ такое наблюденіе: коли ледъ на рѣкѣ становится горами, будутъ и хлѣба груды? Только то и означаетъ, что авторъ этого наблюденія не вышелъ изъ періода младенческой непосредственности, способенъ ловить луну руками и умозаключать: «послѣ этого — стало быть, вследствие этого». «Каждый день въ году, — умиляется Успенскій, — и почти каждый часъ въ теченіе дня запримѣченъ, объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ жизни». Объяснены и осмыслены! Мы хотѣли бы освѣдожиться: много ли помогаютъ эти объясненія успѣхамъ сельскаго хозяйства? Благодаря своимъ наблюденіямъ, банкиры богатѣютъ и разживаются, но тотъ проникательный наблюдатель, который связалъ таинственною связью груды льда съ грудями хлѣба, не пострадалъ ли отъ своихъ расчетовъ? Не восхищеніе, а горечь и грусть возбуждаетъ въ насъ это зрѣлище умственной безпомощности великаго и даровитаго народа, неопытная и небооруженная мысль котораго истощается въ тенетахъ супранатуралистическихъ толкованій.

На этомъ можно остановиться. Читатель, надѣюсь, не затруднится понять, какою именно поправкою мнѣ хотѣлось бы внести въ теоретическія построенія Успенскаго. Скажу еще разъ: не фактъ я оспариваю, а противъ принципа выступаю. Фактъ состоитъ въ томъ, что нашъ народъ не вышелъ пока изъ состоянія непосредственности, сохранилъ всё добрыя свойства, присущія этому состоянію, и свободенъ отъ грѣховъ нашей культуры.

Восхищаясь, какъ психологъ, образомъ этого народа, «терпѣливаго и могучаго въ несчастіяхъ, молодого душою, мужественно-сильнаго и дѣтски-кроткаго», Успенскій, какъ публицистъ, хлопочетъ о сохраненіи тѣхъ условій жизни, которыя до сихъ поръ сберегли народъ во всей его дѣвственности. Раздѣляя восхищеніе художника-психолога, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — я съ глубокимъ убѣжденіемъ оспариваю ошибку мыслителя. Какова ни есть наша культура и наша цивилизація, но вѣѣ ихъ нѣтъ путей къ развитію и прогрессу, а вѣѣ прогресса нѣтъ жизни и нѣтъ счастья. Не въ томъ задача нашего времени, чтобы предохранить народъ отъ культуры, а въ томъ, чтобы приобщить его къ ней. Это очень просто и даже банально, но удобопонятно, вѣрно и жизненно, гораздо жизненнѣе, нежели диатрибы во вкусѣ Руссо и Толстаго.

IV.

Мнѣ остается досказать немногое, и это немногое вызывается не столько сущностью самаго предмета, сколько требованіями критической добросовѣстности. Не полагаете ли вы, что Успенскому новъ и незнакомъ тотъ строй идей, который мы выдвигали въ противовѣсъ воззрѣніямъ, развитымъ въ его главномъ произведеніи *Власть земли*? Пожалуйста не полагайте. Я уже въ первой статьѣ, характеризуя Успенскаго какъ писателя вообще, замѣтилъ, что онъ строго караетъ, но тутъ же готовъ и помиловать. И наоборотъ, конечно: сегодня онъ превознесетъ явленіе выше дѣса стоячаго, а завтра провалитъ его въ преисподнюю. *Рядомъ съ Властью земли*, въ одномъ и томъ же томѣ, помѣщены два разсказа: *Безъ своей воли* и *Изъ разговоровъ съ пріятелями*, которые самъ авторъ рекомендуетъ какъ развитіе тенденцій *Власти земли*, но которые являются талантливѣйшимъ опроверженіемъ этихъ тенденцій. Нѣкоторыя страницы этихъ двухъ разсказовъ, въ одно и то же время, и пріятно, и досадно читать: пріятно потому, что соглашаешься, досадно потому, что все эти истины говорить вамъ никто иной, какъ авторъ *Власти земли*, который только что взбудоражилъ васъ такъ, что вы готовы были видѣть въ немъ почти врага. Я не имѣю возможности останавливаться на разборѣ этихъ двухъ разсказовъ, но двухъ небольшихъ выписокъ будетъ достаточно, чтобы уяснить дѣло. Очень прошу читателя о вниманіи.

«Такъ вотъ и идетъ! Чистота души... шкура... Любовь къ ближнему и «забилъ на смерть»... высшая справедливость... жестокая несправедливость, и все это вмѣстѣ, все рядомъ и все иногда въ одномъ и томъ же лицѣ... Поди вотъ, разбирай, гдѣ они и когда сливаются, когда расходятся, чтѣ въ нихъ «въ самомъ дѣлѣ», а чтѣ нѣтъ?... Что *свое*, что чужое, наносное?... Поди вотъ, разбери, гдѣ граница благообразія и начало неблагообразія? Чистое сердце и благообразіе, чистое сердце и безобразіе, вотъ изъ непрерывнаго соединенія явленій того и другаго рода вмѣстѣ и выходитъ то положеніе вещей, взглянувъ въ которое, можешь только содрогаться».

Если бы герой *Власти земли*, «цѣлостный», «дѣтски-крѣпкій», «чу-

жественно-сильный» и пр. и пр., умѣлъ читать и понимать, что почувствовать бы онъ, прочитавши этотъ отрывокъ? «Изъ князи, да въ грязи», — сказалъ бы онъ, почесывая затылокъ. А вотъ еще тирада:

«Я смѣю думать, что благообразіе и оригинальность формъ человеческихъ отношеній—все сосредоточено у ржаного поля и колоса, т.-е. въ крестьянствѣ; но я говорю, что онѣ сдѣланы не волею и мыслью благообразно живущаго человѣка, а волею поля, колоса, и что поэтому прочность этихъ благообразныхъ формъ жизни точь-въ-точь такая же, какъ прочность узоровъ, которые морозъ дѣлаетъ на стеклѣ: по прихоти мороза они возникаютъ, по прихоти его они такъ удивительно хороши; но и исчезаютъ они тогда, когда этого требуетъ морозъ. Такъ происходитъ Мишанька чистосердечно-благообразнаго типа. Но какъ только вліяніе призраній ржаного поля ослабѣваетъ, какъ только ослабѣваетъ сила мороза, такъ начинаютъ таять великолѣпные узоры, такъ и оказывается, что «за душой» у Мишаньки «своего» очень мало, а часто и ничего нѣтъ».

Ахъ, какой репримандъ неожиданный!—воскликнулъ бы бѣдный Мишанька, если бы былъ знакомъ съ Гоголемъ. *Неожиданно* тутъ дѣйствительно много, но лишь съ формально-логической точки зрѣнія. Противорѣчія у Успенскаго сколько угодно и ихъ нельзя примирить логически, но въ личности автора онѣ сливаются въ одно стройное и неразрывное цѣлое. Всякое явленіе онъ умѣетъ разложить на его составныя части; ко всякому явленію онъ ухитряется отнестись съ совершенно оригинальной точки зрѣнія. Но этотъ аналитическій процессъ зачастую сбиваетъ съ истиннаго пути самого художника, который не хочетъ оставить читателя только съ горстью мусора—результатомъ его анализа, а хочетъ дать ему выводъ, обобщеніе, наконецъ, идеаль. Характеръ этого обобщенія будетъ находиться въ зависимости отъ... да право же, кажется, больше всего отъ расположенія дуза художника. Всякое явленіе безъ исключенія состоитъ изъ свѣта и тѣни, блага и зла, и художнику, съ такимъ совершенствомъ, какъ Успенскій, владеющему орудіемъ анализа, ничего не стѣдуетъ представить одно и то же явленіе и въ видѣ собранія золотыхъ крупинокъ, и въ видѣ именно никуда негоднаго мусора. Тутъ и сила, и слабость Успенскаго. Похвалитъ онъ васъ—не радуйтесь, будетъ порицать—не унывайте; но въ обоихъ случаяхъ внимательно прислушивайтесь, потому что Успенскій всегда говоритъ, во-первыхъ, искренно, во-вторыхъ—правдиво. Въ обоихъ случаяхъ вы услышите много новаго и полезнаго для себя, не спѣшите только идти за художникомъ въ его торопливыхъ экскурсіяхъ въ область общихъ выводовъ. Берите его данныя, но позаботьтесь сами о результатахъ; вѣрьте его анализу, но поостерегитесь его синтеза; постоянно спрашивайте у него о пути-дорогѣ, но въ путеводителѣ себя не приглашайте. Безъ этихъ предосторожностей вы рискуете внезапно очутиться или въ душеспасительномъ монастырѣ Льва Толстаго, или въ хозяйственно-дѣловитой усадьбѣ г. Энгельгардта, а Успенскій первый же и улыбнется добродушно надъ вами.

М. Протопоповъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ въ наукѣ гражданскаго права.

Современная юриспруденція учитъ, что частное право лица есть признанное правовымъ порядкомъ господство индивидуальной воли или дарованная индивиду власти проявлять свою волю. Въ силу своего частнаго права, индивидъ вправе дѣйствовать въ тѣхъ направленіяхъ, которыя регулированы объективнымъ порядкомъ, и требовать тѣхъ или иныхъ дѣйствій отъ другихъ лицъ. Частное право есть господство одной воли надъ другой. Такъ говорили юристы, начиная съ Гегеля, до тѣхъ поръ, пока Іерингъ не возсталъ противъ отождествленія понятія частнаго субъективнаго права съ понятіемъ воли. Предложенное Іерингомъ ученіе о юридически защищенныхъ интересахъ повліяло на измѣненіе господствовавшаго до тѣхъ поръ возрѣнія, и въ настоящее время юристы удерживаютъ старое опредѣленіе субъективнаго права, но дополняютъ его. Господство воли не должно быть чисто формальнымъ, господствомъ ради господства, но должно преслѣдовать разумную цѣль, именно удовлетвореніе человѣческаго интереса.

Собразно съ этимъ современная юриспруденція считаетъ ту систему частнаго права совершеннѣе, гдѣ наиболѣе полно проведенъ принципъ автономіи личности, гдѣ наиболѣе открыто признано усмотрѣніе индивида, его свободное и неограниченное распоряженіе своими частными интересами. Этимъ объясняется, между прочимъ, и тотъ престижъ, которымъ до сихъ поръ пользуется римское право: помимо логической послѣдовательности своей, законченности своихъ формъ и полноты въ отношеніи системы, оно представляетъ чрезвычайно полное развитіе индивидуализма и свободы личности. «Основною идеей римскаго права,—говоритъ, наприм., Баронъ въ своей недавней статьѣ въ экономическомъ журналѣ Конрада,—является идея свободы; благодаря этой идеѣ, оно во всѣ времена не только подчиняло себѣ умы, но и привлекало къ себѣ сердца».

Чѣмъ выше писатель ставитъ значеніе индивидуальной и общественной свободы, какъ сферы частнаго права, тѣмъ ревнивѣе охраняетъ онъ частное право отъ вторженія элементовъ публичнаго права и тѣмъ болѣе вы-

двигаетъ онъ напередъ вопросъ о разграниченіи этихъ двухъ областей. Чрезвычайно рельефнымъ въ этомъ отношеніи представляется намъ проф. Дювернуа, горячій послѣдователь Савиньи и Брунса. Чрезъ все введеніе въ изданный имъ въ прошломъ году *Курсъ гражданскаго права* пролить идеи, что освобожденіе частнаго права отъ публичнаго есть и результатъ, и условіе всякаго юридическаго прогресса; что въ этомъ освобожденіи частнаго права, параллельно съ ростомъ общности на счетъ партикуляризмовъ, лежитъ историческій законъ новоевропейскаго общества, какъ и стараго римскаго; что тѣмъ такъ поучительно римское право, что оно впервые и наиболѣе полно осуществило это освобожденіе того, что ad singulorum utilitatem spectat.

Съ точки зрѣнія цивилиста современный общественный строй характеризуется тѣмъ, что въ немъ дѣйствуетъ «освобожденное» частное право. Такъ, по Барону, «все развитіе XIX вѣка, выраженное въ двухъ словахъ, сводится къ приобрѣтенію общественной, индивидуальной и политической свободы. Всѣ мы безпрепятственно избираемъ себѣ профессію и можемъ въ любой моментъ переимѣнить ее; и это сознаніе, что изъ ремесленника я могу стать купцомъ, изъ купца ремесленникомъ, изъ профессора промышленникомъ, и наоборотъ, даетъ нашему положенію увѣренность и поднимаетъ нашъ духъ. Всѣ мы призваны къ участію въ общественныхъ благахъ и можемъ избирать осядлость тамъ, гдѣ, намъ кажется, всего удобнѣе осуществлять это участіе. По этому ни одна эпоха не можетъ соперничать съ нашей по числу людей, обязанныхъ всѣмъ самимъ себѣ; къ духовнымъ отъ природы даннымъ способностямъ присоединилась юридическая способность всесторонне проявлять ихъ или общественная свобода».

Основные идеи современной цивилистики и оцѣнку общественныхъ отношеній съ ея точки зрѣнія необходимо имѣть въ виду, чтобы уразумѣть значеніе того новаго направленія въ наукѣ гражданскаго права, которое нашло себѣ выразителя, главнымъ образомъ, въ проф. вѣнскаго университета Антонѣ Менгерѣ; въ *Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik Braun's* за прошлый годъ Менгеръ помѣстилъ обширную работу, озаглавленную *Гражданское право и немущіе классы*, которая, безъ сомнѣнія, даже какъ литературное произведеніе представляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ. Въ одно время съ Менгеромъ и въ одинаковомъ съ нимъ направленіи выступилъ и другой писатель съ несравненно болѣе громкимъ именемъ собственно въ «юриспруденціи» — Оттонъ Гирке — со статьями въ журналѣ Шмоллера и съ рефератомъ въ вѣнскомъ юридическомъ обществѣ «объ общественной задачѣ частнаго права»; но его идеи далеко не отличаются тою смѣлостью и отчетливостью, какъ идеи Менгера, и потому въ настоящей статьѣ, посвященной изученію новаго направленія, намъ придется преимущественно останавливаться на Менгерѣ.

Какъ показываютъ имена писателей, новое направленіе возникло въ Германіи, и, что довольно любопытно, оно также примыкаетъ къ вопросу

о кодификаціи, какъ нѣкогда извѣстная брошюра Савиньи о призваніи его времени къ кодификаціи была исходнымъ пунктомъ нѣмецкой исторической школы въ юриспруденціи. Дважды, такимъ образомъ, въ нашемъ столѣтіи съ вопросомъ о кодификаціи связывается новое научное направленіе; и объясняется это легко звучимъ характеромъ самаго вопроса, стоящаго предъ юристами въ теченіе всего столѣтія. Извѣстно, какъ разрѣшалъ этотъ вопросъ Савиньи. Но въ продолженіе 75 лѣтъ его обаяніе постепенно разсѣивалось, и одинъ за другимъ его же учения становились сторонниками кодификаціи. Въ связи съ политической исторіей Германіи въ текущемъ столѣтіи все выростала увѣренность въ возможности появленія общаго гражданскаго уложенія Германіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все усиливались голоса, требовавшія его изданія. Когда наступило политическое объединеніе Германіи, въ общемъ гражданскомъ уложеніи стали видѣть вѣнецъ всего зданія, воздвигнутаго Гогенцоллернами и Бисмаркомъ. Законъ 1874 г., признавшій компетенцію молодой имперіи въ сферѣ гражданскаго законодательства, укрѣпилъ юристовъ въ той мысли, что близокъ моментъ, когда можно будетъ упразднить реципированное чужое право. Съ нетерпѣніемъ ожидалась результаты работы законодательной комиссіи. Прошло, однако, цѣлыхъ 14 лѣтъ почти непрерывнаго, поистинѣ колоссальнаго труда. Проектъ гражданскаго уложенія былъ, наконецъ, обнародованъ въ 1888 г., и, казалось, ничто не препятствуетъ предложенію его на обсужденіе законодательныхъ органовъ имперіи. И вотъ, трудно представить себѣ что-либо сильнѣе того разочарованія, которое охватило лучшихъ людей Германіи. Проектъ подвергся со всѣхъ сторонъ жесточайшимъ нападкамъ. Если внѣ Германіи крушеніе законодательнаго предпріятія вызвало въ нѣкоторыхъ цивилистахъ даже своего рода удовлетвореніе, какъ оправданіе ихъ научныхъ идей, — укажемъ, наприм., на проф. Дювернуа, который думаетъ, что въ Германіи еще слишкомъ сильны партикуляризмы и время объединенія гражданскаго права еще не пришло, — то въ самой Германіи чувство досады тѣмъ сильнѣе, тѣмъ съ большею надеждой ожидалось появленіе проекта. Въ виду того осужденія, которому подвергся трудъ законодательной комиссіи, вѣроятно, много пройдетъ еще времени, прежде чѣмъ Германія увидитъ свое національное уложеніе.

Благодаря тѣсной связи новаго направленія съ критикой проекта, намъ придется не разъ возвращаться къ этому труду законодательной комиссіи.

Посмотримъ, прежде всего, какое положеніе новое направленіе занимаетъ относительно существующихъ школъ. Съ точки зрѣнія методологической, оно не самобытно, — оно идетъ уже по проторенному Іерингомъ пути торжества телеологіи надъ логикой и діалектикой. Гирке прямо на первой страницѣ объявляетъ, что *цель* есть безсознательный творецъ права и что прогрессъ въ правѣ выражается въ ростѣ сознательныхъ цѣлей. Телеологическое направленіе въ правѣ еще далеко не всеми усвоено; старый формально діалектическій методъ все еще сохраняетъ преобладающее положеніе, и если ему рано или поздно суждено исчезнуть, то въ новомъ направ-

ленія слѣдуетъ видѣть приближеніе его конца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новое направленіе является и строго догматическимъ или практическимъ въ противоположность историческому. Гирке отдаетъ еще должную дань традиціямъ школы, къ которой онъ принадлежитъ прежними своими трудами, когда то и дѣло подчеркиваетъ германское происхожденіе институтовъ, изъ которыхъ должно составиться частное право, реформированное съ его точки зрѣнія; но эти экскурсы въ область германизма представляютъ чисто-антикварный интересъ, не болѣе, потому что Гирке требуетъ признанія тѣхъ или другихъ нормъ не въ силу ихъ историческаго прошлаго, а потому только, что онѣ соответствуютъ реальнымъ потребностямъ даннаго времени. За то Менгеръ воодушевляетъ уже рѣшительная вражда противъ исторической школы. Онъ думаетъ, что продолжительное господство этой школы оказало пагубное вліяніе на дальнѣйшее развитіе науки о государствѣ и правѣ. Савиньи, Пути и прочіе представители историческаго направленія въ Германіи обязаны своими идеями англичанамъ Блекстону и Бёрку; эти идеи они развили не столько въ глубину, сколько въ ширь. Но уже у Бёрка съ историческимъ воззрѣніемъ на право и государство связана тенденція смотрѣть на всякое глубокое измѣненіе существующаго порядка, даже когда этого безусловно требуетъ происшедшее перемѣщеніе общественныхъ силъ, какъ на безуміе или преступленіе. Нѣмецкіе послѣдователи его съ большимъ рвеніемъ держались этого направленія. Въ особенности представители науки гражданскаго права, гдѣ прежде и болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ науки, былъ примѣненъ историческій методъ, заслуживаютъ этого упрека въ противорѣчащемъ ходу исторіи консерватизмъ, который старается удержать въ силѣ пережитыя состоянія права даже тогда, когда основы ихъ въ распредѣленіи общественныхъ силъ уже исчезли. Погруженные въ изученіе отдаленныхъ временъ и состояній, упорно и слѣпо придерживаясь традиціонныхъ юридическихъ идей, цивилисты не замѣтили тѣхъ колоссальныхъ измѣненій, которыя съ начала нынѣшняго столѣтія наступили въ Западной Европѣ: отъ нихъ вниманія ускользнуло обостреніе противоположности между богатствомъ и бѣдностью; они проспали періодъ, пока немущіе классы въ отдѣльныхъ странахъ сплочивались и выросли въ крупную силу, начинающую играть активную роль въ исторіи.

Но не только враждою къ господствующей школѣ характеризуется новое направленіе,—болше того, оба писателя не находятъ достаточно словъ для осужденія всѣхъ юристовъ, кто бы они ни были, безъ различія школъ. Повторяется то же отношеніе къ лицамъ извѣстной профессіи, какое было въ эпоху рецепціи римскаго права и крестьянскихъ войнъ, когда про нашихъ нѣмецкихъ предшественниковъ сложилась поговорка: *Juristen böse Christen*. И, конечно, наиболѣе острыя стрѣлы направляются въ тѣхъ юристовъ, которымъ пришлось поработать надъ созданіемъ новаго гражданскаго кодекса. Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ Менгеръ,—что гражданское законодательство нашего времени можетъ быть построено исключительно на тѣхъ трехъ принципахъ, на которыхъ зиждется все современ-

ное частное право,—на принципѣ частной собственности, способной обнищать всѣ вещи; на принципѣ свободы всѣхъ гражданъ обязываться другъ передъ другомъ исполненіемъ извѣстныхъ дѣйствій или принципѣ свободы договора; и, наконецъ, на принципѣ наследственного перехода имущества — по закону или завѣщанію. Но, оставаясь всецѣло, непоколебимо на почвѣ этихъ принциповъ, можно или тенденціозно заботиться объ интересахъ сильныхъ и богатыхъ, смотрѣть, при созиданіи нормъ, на всѣ жизненныя отношенія сквозь призму достаточныхъ и богатыхъ людей, или же, при этой творческой работѣ, не забывать и меньшаго брата, нормировать отношенія, важныя и для бѣдняка, а отношенія, гдѣ сталкиваются интересы богатаго и бѣднаго, нормировать безпристрастно, а не въ духѣ одного только класса. Насколько, въ этомъ смыслѣ, одностороненъ и тенденціозенъ проектъ, Менгеръ показываетъ на слѣдующихъ примѣрахъ. Проектъ германскаго уложенія знаетъ цѣлыхъ 5 формъ имущественныхъ отношеній между супругами. Изъ этихъ формъ одна считается нормальной, законной, т.-е. примѣняется всегда, когда супруги, вступая въ бракъ, не составили договора о замѣнѣ этой формы другою. Казалось бы, что нормальной слѣдуетъ считать ту форму, которая соответствуетъ отношеніямъ, чаще всего встрѣчающимся въ жизни. Что же показываетъ намъ жизнь? Въ богатыхъ классахъ жена, которую Менгеръ здѣсь съ точки зрѣнія матеріальнаго труда ея на пользу семьи называетъ *Dekorationstück*, приноситъ съ собою приданое, которое поступаетъ въ управление мужа на время брака; здѣсь чаще всего отношенія принимаютъ форму общности управленія, *Verwaltungsgemeinschaft*. Въ среднихъ классахъ жена чаще уже отдаетъ свой трудъ на содержаніе семьи; поэтому здѣсь наиболѣе соответствующею формою является сохраненіе раздѣльной собственности на все, принесенное при вступленіи въ бракъ, и установленіе общности правъ на приобретенное въ бракъ, *Ergungenschaftsgemeinschaft*. Наконецъ, у бѣдныхъ людей, все имущество которыхъ есть продуктъ ихъ труда, жена вноситъ въ семью почти столько же, сколько и мужъ,—свою рабочую силу, и здѣсь самою нормальной была бы полная общность всего имущества, какъ принесеннаго при вступленіи въ бракъ, такъ и приобретеннаго во время брака. Какая же форма имущественныхъ отношеній считается по проекту германскаго уложенія нормальной? *Verwaltungsgemeinschaft*, т.-е. форма, соответствующая жизненнымъ отношеніямъ богатыхъ и знатныхъ классовъ. Слѣдовательно, къ бѣднякамъ, которые, по незнанію закона, не заключили договора, должно примѣняться право миллионеровъ и тайныхъ совѣтниковъ! Односторонность точки зрѣнія еще рельефнѣе обнаруживается на количествѣ нормъ. Брачное имущественное право нормировано въ проектѣ въ 150 §§, тогда какъ договору о наймѣ рабочей силы посвящено только 8; о незаконныхъ дѣтяхъ, которыхъ современное законодательство какъ бы естественно обрекаетъ на бѣдность, въ проектѣ всего 11 §§, а о находивъ потерянныхъ вещей цѣлыхъ 19. Но съ этою односторонностью юристовъ можно было бы еще помириться, если бы краткость и малочи-

сленность нормъ сама по себѣ не была чрезвычайнымъ зломъ всякій разъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Ясный и категорическій законъ является для слабого могущественною опорой въ борьбѣ съ сильнымъ; бѣдняку легче и приобрести твердое убѣжденіе въ принадлежности ему извѣстнаго права, и заставить противника не спорить противъ очевидности, и, наконецъ, найти пособниковъ въ борьбѣ. Оттого написаніе законовъ не разъ въ исторіи является выраженіемъ торжества демократическаго духа; вспомнишь хотя бы исторію изданія въ Римѣ XII таблицъ. Въ современномъ же правѣ отсутствіе для какого-либо отношенія ясныхъ и категорическихъ законовъ пагубно въ томъ смыслѣ, что оно влечетъ за собою необходимость пополненія пробѣловъ путемъ толкованія по аналогіи. Въ этомъ приемѣ добыванія нормъ Менгеръ видитъ большую несправедливость. Обязанность судьи вновь возникающія отношенія регулировать по аналогіи съ тѣми, какъ нормированы сходныя, руководствоваться при этомъ законами или общимъ ихъ духомъ, основана на той фикціи, что нормы гражданскаго кодекса исчерпываютъ всю полноту жизненныхъ отношеній. Но современное гражданское право представляется не болѣе, какъ компромиссомъ между тѣми слоями общества, которые боролись изъ за преобладанія въ концѣ прошлаго вѣка и въ первую половину текущаго. Этотъ компромиссъ не соответствуетъ болѣе тому распредѣленію общественныхъ силъ и вліяній, которое совершилось въ послѣднія десятилѣтія, и потому распространять его далѣе дѣйствительнаго его содержанія значитъ игнорировать духъ времени. Такъ какъ почти вездѣ въ Западной Европѣ гражданское право, являющееся плодомъ компромисса, вылилось въ форму закона, то тѣ слои населенія, которыхъ жизненные интересы не были вовсе приняты въ расчетъ въ періодъ кодификаціи, вправѣ требовать, чтобы нормы гражданскаго права не примѣнялись далѣе истинной воли законодателя. Можно еще мириться съ расширительнымъ толкованіемъ закона, потому что оно есть не болѣе, какъ отысканіе той же воли законодателя въ узкой редакціи закона, но рѣшительно слѣдуетъ изгнать приемъ восполненія недостающихъ нормъ путемъ аналогіи. Не потому, конечно, что, какъ говорили еще въ прошломъ вѣкѣ, въ этомъ приемѣ лежитъ вторженіе науки и практики въ сферу законодательной власти; теперь это вторженіе никого не нугаетъ. Но такъ какъ частное право есть результатъ творчества въ интересахъ только господствующихъ слоевъ общества, то примѣненіе права по аналогіи въ спорахъ сильнаго со слабымъ должно болѣею частью служить къ невыгодѣ слабого. Мѣсто аналогіи долженъ, по мнѣнію Менгера, занять приемъ рѣшенія по соображеніямъ цѣлесообразности; судья имѣлъ бы тогда возможность въ безчисленныхъ процессахъ смягчать односторонности гражданскаго права и тѣмъ подготавливать постепенное преобразование его въ интересахъ слабыхъ и обездоленныхъ. Разумѣется, не наше поколѣніе юристовъ, почти сплошь выросшее въ суровой школѣ римскаго права, сумѣло бы правильно воспользоваться предоставленною ему свободой судебного творчества; но ближайшее по-

жолѣніе уже болѣе проникнется общественными идеями и получить способность работать надъ реформой частнаго права.

Суровая школа римскаго права, которую прошли современные юристы, служить въ глазахъ порицателей ихъ объясненіемъ односторонности, тенденціозности и вообще неспособности освоиться съ запросами времени, и вмѣстѣ обстоятельствомъ, смягчающимъ ихъ вину. Современная нѣмецкая юриспруденція,—говоритъ Гирке,—заимствуетъ всю свою духовную пищу изъ пандектнаго права, которое до глубины корней своихъ есть право римское, чуждое духа общественности. Изъ этого строго-индивидуалистическаго права теоретики черпаютъ свои понятія; въ этомъ правѣ суверенныхъ комовладыкъ нѣмецкая практика находитъ мѣрило для пестраго разнообразія жизненныхъ явленій; наконецъ, отъ этого права современное юношество получаетъ зерна юридическаго образованія, направленіе своего юридическаго мышленія. Заколдованная въ кругѣ отвлеченнаго индивидуализма, цивилистика утратила всякое чутье въ вопросахъ общественнаго права; нѣмецкая юриспруденція, гордая учительница другихъ народовъ, все тѣснѣе и тѣснѣе запутывается въ сѣтяхъ школьныхъ понятій; все больше и больше вопросовъ изъымается изъ компетенціи юристовъ; цивилистика остается совсѣмъ въ сторонѣ отъ быстро-бѣгущаго потока исторической жизни и чуждою всего, что волнуетъ современное общество.

Характеристика отношенія новаго направленія къ существующимъ была бы не полна, если бы мы здѣсь же не отмѣтили, что представителю телеологій въ юриспруденціи, Іерингу, Менгеръ обязанъ не только методомъ, но и идеей, что все право есть продуктъ борьбы интересовъ различныхъ слоевъ общества; что законодатель не теоретикъ, который при созданіи нормы можетъ задаваться вопросомъ, оправдывается ли она общими принципами; его дѣло взвѣшивать интересы различныхъ общественныхъ слоевъ и сообразно съ результатами этого взвѣшиванія создавать общія или частныя нормы. Рѣшающее значеніе имѣетъ лишь одна точка зрѣнія: обладаетъ ли группа населенія, интересъ которой долженъ найти себѣ законодательное выраженіе, достаточною мощью и вліяніемъ, чтобы побудить прочія группы населенія къ ея признанію. Оправданіе этой замѣчательной идеи на фактахъ мы увидимъ ниже.

Какими же положительными чертами характеризуется новое направленіе? Во-первыхъ, съ точки зрѣнія матеріальной, т.-е. содержанія частнаго права, оно стремится модифицировать его такъ, чтобы оно насковъ прониклось общественными или государственными элементами. Болѣе всего занять этимъ Гирке. Онъ совершенно игнорируетъ труды Іеринга и Тона по вопросу о различіи частнаго и публичнаго права. Для него это различіе не состоитъ вовсе въ чисто-формальномъ признакѣ, какъ для Тона и его послѣдователей, т.-е. въ томъ, что частныя права защищаются исками, публичныя же защищаются независимо отъ инициативы правообладателя. Онъ исходитъ изъ воззрѣнія, которое, слѣдовательно, въ настоящее время считается уже устарѣлымъ и которое выражается текстомъ опредѣленія

Ульпiana: частное право преслѣдуетъ пользу индивида, публичное—интересы дѣлаго. И, такимъ образомъ, онъ игнорируетъ вовсе ученіе Іеринга въ его *Zweck im Recht* о томъ, что и частное право нормируетъ отношенія съ точки зрѣнія общественнаго интереса. Для него частное право есть сфера эгоизма, ничѣмъ не сдерживаемаго и не умиримаго. Общественный организмъ представляется Гирке колеблющимся отъ внутреннихъ волненій, исходъ которыхъ можетъ отразиться на судьбѣ всей западной культуры; поэтому онъ считаетъ опаснымъ для судьбы всего частнаго права сохраненіе въ немъ того духа, какимъ оно проникнуто въ настоящее время. Духъ этотъ есть ничто иное, какъ чистое манчестерство, доведеніе индивидуалистическихъ тенденцій до тѣхъ предѣловъ, гдѣ свобода становится лишь средствомъ угнетенія слабого сильнымъ. Взоры Гирке съ чувствомъ удовлетворенія останавливаются на законодательствѣ имперіи со времени ея возстановленія, потому что въ этомъ законодательствѣ вѣетъ духъ общности, противный тенденціямъ частнаго права, вышедшаго изъ рукъ романистовъ. Но, вѣсть съ тѣмъ, взоры Гирке съ неменьшимъ удовлетвореніемъ обращаются и назадъ, къ прусской кодификаціи прошлаго вѣка, потому что она именно отличалась тѣми общественными стремленіями, которыхъ совершенно чуждъ, напр., проектъ герм. уложенія.

По той же причинѣ и Менгеръ не разъ отмѣчаетъ преимущества нѣмецкихъ кодификацій, которыми завершилась эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, прусскаго ландрехта и австрійскаго уложенія. Но, въ глазахъ Менгера, преимущества этихъ кодификацій заключаются еще и въ томъ, что онѣ болѣе приближаются къ воззрѣніямъ самого Менгера на частное право съ формальной точки зрѣнія. У Менгера мы не находимъ того забвенія ученій современной юриспруденціи о различіи между частнымъ и публичнымъ правами, въ которомъ можно упрекнуть Гирке. Это различіе Менгеръ помнитъ, но онъ желалъ бы его стереть, уничтожить. Частное право есть сфера усмотрѣнія, инициативы индивида; но оно рано или поздно будетъ поглощено публичнымъ правомъ, т.-е. принципами принужденія и отрицанія частной инициативы въ защитѣ своихъ интересовъ. Слѣдствіемъ этого поглощенія Менгеръ видитъ уже теперь и показываетъ намъ ихъ на современной конструціи права собственности. Принципъ свободы произвола и исключительности господства, который будто бы принадлежитъ собственнику, страдаетъ, по мнѣнію Менгера, внутренней неправдѣ. На иѣсто произвола, съ которымъ собственникъ прежде дѣйствительно распоряжался вещью, теперь стали контроль и соучастіе государства. Только наука частнаго права продолжаетъ, по свойственному ей консерватизму, удерживать старыя опредѣленія собственности, потому что частное и административное право рассматриваются различными дисциплинами.

Намъ говорятъ: собственникъ вправе распоряжаться вещью исключительно отъ всѣхъ по своему произволу, поскольку его право не встрѣчаетъ ограниченій со стороны закона или правъ третьихъ лицъ. Можно было бы думать, что произвольное господство собственника надъ вещью

понимать составляет правило, а внимательство государства и законодательства сравнительно рѣдкое исключеніе. На самомъ дѣлѣ это давно уже не такъ. Уже давно государство вслѣдствіе развитія публичнаго права сдѣлалось изъ друга и покровителя соучастникомъ въ господствѣ и пользованіи собственностью.

Обложение приняло характеръ участія въ пользованіи имуществомъ. Съ каждымъ годомъ также количество полицейскихъ мѣръ, ограничивающихъ господство собственника, увеличивается новыми нормами. Но эти ограниченія частной собственности излагаются не въ руководствахъ по цивильному праву, а въ другихъ. Но не пора ли разбить эту тонкую перегородку и смѣтять жалкое положеніе нынѣшняго собственника уже въ опредѣленіи гражданского кодекса? Это опредѣленіе гласило бы, что собственникъ вправѣ, *въ предѣлахъ закона*, распоряжаться вещь исключительно и по своему произволу, по скольку не встрѣчается ограниченій въ правахъ третьихъ лицъ. Тогда сразу было бы видно, что собственникъ можетъ осуществлять свое произвольное господство только въ узкихъ и ежедневно еще болѣе суживающихся предѣлахъ закона, подобно административному чиновнику, который также исполняетъ свою должность въ предѣлахъ закона по своему усмотрѣнію.

Въ будущемъ оскуднѣніе понятія собственности будетъ расти съ ускоренною быстротой, и конецъ этого историческаго процесса будетъ состоять въ томъ, что собственность и все частное право вполнѣ поглотится правомъ публичнымъ, подобно о. Гельголанду, отъ котораго ежегодно по куску отщивается, пока, въ концѣ - концовъ, его не поглотятъ волны океана. Исходя изъ той идеи, что частное право накануне того, чтобы перестать быть только сферой свободы, что оно было сферой свободы, пока не совершилось перемѣщеніе силъ въ обществѣ, что теперь этотъ періодъ, когда частныя права были исключительно *правами* и стояли въ полной зависимости отъ усмотрѣнія интересента, близится къ концу, и вполнѣ присоединяясь къ тому, что диктуется новымъ духомъ времени, Менгеръ подвергаетъ разбору основныя начала современнаго процессуальнаго и матеріальнаго права и всюду высказываетъ рядъ пожеланій, при осуществленіи которыхъ частное право только и можетъ оказаться на высотѣ своей задачи.

Извѣстно, — говоритъ онъ, — что доходы бѣдняка не только количественно меньше, но также въ его рукахъ имѣютъ и относительно меньшую цѣнность, потому что за свое жилище, пищу, одежду онъ долженъ сравнительно платить дороже богатыхъ. Но того не замѣчали, что тѣсный кругъ правъ, отведенныхъ бѣдняку, имѣетъ для него несравненно меньшее значеніе, чѣмъ права въ рукахъ состоятельныхъ людей. Точно также доказано, что меньшая продолжительность жизни бѣдняковъ въ значительной степени происходитъ отъ того, что они не имѣютъ возможности своевременно предупредить болѣзни, и государство приходитъ къ нимъ на помощь только въ случаѣ дѣйствительнаго заболѣванія. Но то же самое наблюдается и въ сферѣ юридической защиты. Права также нуждаются въ заботливомъ уходѣ.

Всякій наблюдательный судья удостовѣритъ, что юридическія отношенія бѣдняка являются въ судѣ обыкновенно въ такомъ же запущенномъ и безнадежномъ видѣ, въ какомъ тѣла бѣдняковъ поступаютъ въ общественыя больницы. Происходитъ это обездоленіе бѣдняка въ сферѣ юридической защиты далеко не только отъ его бѣдности и невѣжества, а большею частью отъ того, что законодательство, стоя на точкѣ зрѣнн формализма, создаетъ одинаковыя юридическія правила для богатаго и бѣднаго, тогда какъ различное общественное положеніе обихъ требуетъ и различнаго къ нимъ отношенія. Такъ, еще римляне выставили положеніе, что никто не вправѣ отговариваться незнаеміемъ закона; нормы частнаго права предполагаются всѣмъ извѣстными, незнаніе ихъ приравняется къ небрежности и послѣдствія незнанія непоправимы. Только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ незнаніе и ошибка въ правѣ встрѣчаютъ извиненіе. Въ дѣйствительности, однако, незнаніе права составляетъ не исключеніе, а преобладающее правило. Уже въ Римѣ справедливость правила *error juris semper posset* была сомнительна въ виду обширности законодательнаго матеріала. Теперь же, когда законы наполняютъ собою цѣлыя библіотеки и когда мало найдется людей, которые хотя бы поверхностно знали всю систему права своей страны, предположеніе, будто каждый гражданинъ знаетъ всѣ законы, есть смѣшная фикція, а вредныя послѣдствія отъ незнанія ихъ очевидная несправедливость. Страдаетъ отъ этого, конечно, прежде всего, бѣднякъ, который не только имѣетъ весьма скудныя представленія о правѣ, но и не имѣетъ обыкновенно возможности пополнить свой недостатокъ въ знаніи обращеніемъ къ свѣдущимъ лицамъ. Блуждая въ потемкахъ, бѣднякъ большею частью дѣлаетъ свою юридическую жизнь игровымъ случаемъ; и когда въ процессѣ судья приимѣняетъ къ нему законъ, предлагая, что онъ его знаетъ, въ его темномъ умѣ легко возникаетъ сомнѣніе въ правосудіи. Изъ всего этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что можно выставить противоположный принципъ, считать незнаніе права нормальнымъ, потому что это значило бы проповѣдывать очевидную нелѣпость: безъ презумпціи, что законы извѣстны, все общество неминуемо должно было бы распастись. И Менгеръ отнюдь такого нелѣпаго вывода не дѣлаетъ, не требуетъ созданія разныхъ нормъ для богатыхъ и бѣдныхъ, и, въ концѣ концовъ, признаетъ, что формализмъ законодательства есть вещь неустрашимая. Но, для устраненія послѣдствій этого формализма, Менгеръ предлагаетъ вполне цѣлесообразныя и удобоосуществимыя мѣры: именно, организацію легко доступныхъ и безмездныхъ путей для ознакомленія съ закономъ: такъ, прежде всего, на гражданскаго судью должна быть возложена обязанность знакомить каждаго гражданина, особенно же бѣдняка, съ дѣйствующимъ правомъ и вообще помогать ему при охранѣ его гражданскихъ правъ. На примѣрѣ сейчасъ же обнаружится осуществимость мѣры: извѣстно, что значительная часть потерпѣвшихъ отъ желѣзно-дорожныхъ несчастій остается вознагражденною вслѣдствіе пропуска по невѣдѣнію годичнаго давностнаго срока; о каждомъ несчастіи обыкновенно

производится полицейское дознание и протоколъ направляется къ слѣдственной власти; пусть о результатѣ слѣдствія потерпѣвшему объявляется *ex officio*, и пусть при этомъ же объявляется ему и о гражданскихъ послѣдствіяхъ, созданныхъ несчастнымъ случаемъ, и, сомнѣнія нѣтъ, уменьшится число лицъ, остающихся невознаграженными.

Въ связи съ этимъ предложеніемъ, мы находимъ у Менгера критику одного изъ основныхъ положеній гражданского процесса. Современный процессъ, говоритъ онъ, есть въ высшей степени сложный механизмъ, въ которомъ, кромѣ судьи, еще въ прошломъ столѣтіи соединявшаго въ себѣ всѣ функціи, участвуютъ адвокаты, нотариусы, судебные пристава; чтобы охранять и отстаивать свое право, нужно и умѣть воспользоваться этимъ механизмомъ и имѣть возможность оплатить его. Безспорно, что отъ раздѣленія труда правосудіе существенно улучшилось; но такъ какъ оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и усложнилось, и вздорожало, то въ выигрышѣ оказались только люди со средствами и образованіемъ. Правда, законъ почти всюду обязываетъ всѣхъ этихъ вспомогательныхъ дѣятелей процесса, наприм., адвокатовъ, оказывать свои услуги бѣднякамъ безвозмездно. Но именно въ этой привилегіи лежитъ для неимущихъ слоевъ населенія ощутительное униженіе, потому что въ обществѣ, гдѣ каждая услуга оплачивается и гдѣ названные пособники судьи сами должны оплачивать удовлетвореніе каждой своей потребности, они естественно должны исполнять свои безвозмездныя функціи и дурно, и неохотно. Несмотря на этотъ сложный аппаратъ, защита бѣдныхъ была бы поставлена въ болѣе благоприятныя условія, если бы судья было дозволено самостоятельно вмѣшиваться въ ходъ процесса. Разумѣется, судья никого не можетъ принудить къ осуществленію своихъ частныхъ правъ, потому что, по основной идеѣ современнаго гражданского права, они составляютъ частное дѣло правообладателя. Но разъ этотъ послѣдній предъявилъ у судьи искъ и этимъ ясно обнаружилъ намѣреніе осуществить свое право, можно было бы думать, что судья употребитъ всѣ законныя средства, чтобы довести осуществленіе нарушеннаго права до конца. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Во всѣхъ современныхъ системахъ гражданского судопроизводства судья и послѣ начала процесса предпринимаетъ каждый болѣе или менѣе важный шагъ въ силу лишь побужденія со стороны тяжущагося, точь-въ-точь, говоритъ Менгеръ, какъ испорченный часовой механизмъ, который нужно то и дѣло толкать и трясти, чтобы онъ на короткое время опять пришелъ въ движеніе. Отъ этой неестественной пассивности судьи страшно терпитъ только бѣднякъ, который и безъ того теряется предъ сложностью процессуальнаго механизма и пользуется неудовлетворительнымъ представительствомъ. Немудрено, если онъ, вслѣдствіе этого, недовѣрчиво относится къ гражданскому правосудію и склоненъ видѣть въ гражданскомъ процессѣ только систему юридическихъ крючковъ. По этимъ соображеніямъ Менгеръ думаетъ, что судья долженъ, разъ процессъ начатъ, проводить его *ex officio* до конца и, вообще, для возстановленія на судѣ дѣйствительнаго равенства сторонъ, руководить

тяжущимся бѣднякомъ. Но такъ какъ это предполагало бы реорганизацию всего процесса, то Менгеръ пока предлагаетъ учрежденіе специальныхъ адвокатовъ для бѣдныхъ, получающихъ вознагражденіе отъ государства и не имѣющихъ права вести другія дѣла. Совершенно послѣдовательно съ этой точки зрѣнія Менгеръ съ большою похвалою отзывается о прусскомъ процессѣ, созданномъ Фридрихомъ II, гдѣ, между прочимъ, признавъ былъ принципъ дѣятельности судьи *ex officio*.

Критику матеріальнаго права Менгеръ начинаетъ съ институтовъ семейственнаго права и здѣсь его вниманіе, прежде всего, привлекаетъ къ себѣ такое отношеніе, которое, съ точки зрѣнія современной юриспруденціи скорѣе должно быть отнесено къ области нравовъ, чѣмъ права, а именно алиментарная обязанность матерей. Проектъ германскаго уложенія опредѣляетъ, что отъ свободы усмотрѣнія родителей зависитъ родъ и способъ физическаго воспитанія ребенка. Въ этой свободѣ усмотрѣнія Менгеръ видитъ большую несправедливость по отношенію къ бѣднымъ классамъ населенія. Въ первый годъ его жизни главную часть воспитанія ребенка составляетъ его кормленіе; сама природа указала способъ этого кормленія: для здоровья ребенка и въ будущемъ чрезвычайно важно, чтобы онъ былъ вскормленъ молокомъ своей матери или вообще женщины, и чтобы отнюдь его пищу не составляли какіе-либо суррогаты женскаго молока. Свобода родителей въ выборѣ способа кормленія дѣлаетъ то, что достаточныя женщины переносятъ бремя кормленія за извѣстное вознагражденіе на недавно родившихъ женщинъ изъ немущихъ классовъ, и эти должны уже вслѣдствіе этого для кормленія своихъ собственныхъ дѣтей обращаться къ суррогатамъ. Ответственность же за то, что всегда находится достаточное число женщинъ, идущихъ въ кормилицы, падаетъ на законы о дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ брака. Только въ исключительныхъ случаяхъ замужняя женщина согласится поинуть своихъ дѣтей ради чужаго удобства. Но дѣвушка, которая родила внѣ брака, повергается, благодаря совершенно одностороннему законодательству, немедленно послѣ родовъ въ такую горькую нужду, что она должна принимать всякія условія, чтобы только прокормить себя и своего ребенка. Во имя прежде всего заботы о физическомъ здоровьѣ рабочаго населенія, государство и законодательство должны противоdѣйствовать свободѣ матерей относительно кормленія дѣтей. Пусть не возражаютъ ссылками на свободу договора и на неприкосновенность семейной жизни: въ сферѣ семейственнаго права и безъ того принципъ свободы договора стѣсненъ до послѣдней степени: ни законное содержаніе брака, ни отношеніе между родателями и законными дѣтьми не могутъ быть существенно измѣняемы договорами. А затѣмъ государство въ интересахъ здоровья рабочаго населенія не останавливается предъ вмѣшательствомъ въ свободу рабочаго договора, который, вѣдь, несравненно же болѣе носитъ частноправовой характеръ. Такимъ образомъ, Менгеръ требуетъ, чтобы матери были обязаны лично кормить грудью своихъ дѣ-

тѣй, законныхъ или незаконныхъ, все равно, и чтобы представительство дозволялось только тѣмъ женщинамъ, у которыхъ собственный ребенокъ умеръ. Въ видѣ уступки существующему распределенію общественныхъ силъ, Менгеръ соглашается дозволить матерямъ идти въ кормилицы только послѣ медицинскаго изслѣдованія ея незаконнаго ребенка и съ разрѣшенія его опекуна.

Мы легко поймемъ то удовлетвореніе, которое доставляетъ Менгеру прусскій ландрехтъ, если вспомнимъ, что въ этомъ кодексѣ прямо формулировано положеніе: «мать обязана кормить ребенка своею грудью».

Оставаясь всецѣло на почвѣ установленныхъ институтовъ брака и собственности, Менгеръ подвергаетъ разбору законы о дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ брака. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣ читающіе газеты были потрясены сообщеніями объ ужасныхъ преступленіяхъ, обнаруженныхъ въ Варшавѣ. Послѣ того, какъ нѣсколько улеглось возмущеніе нравственнаго чувства, уступивъ мѣсто спокойному размышленію о причинахъ, дѣлающихъ возможными злодѣянія Скублинскихъ, общественное мнѣніе открыло, повидимому, истиннаго виновника злодѣяній въ организациі домовъ для подкидышей. Такъ, варшавскій корреспондентъ одной газеты сообщалъ, что до 1878 года, когда была отмѣнена свобода въ приѣмѣ дѣтей въ мѣстный воспитательный домъ, ежегодно поступало туда «выше 3,000 дѣтей, а съ 1878 г. это число сразу понизилось на двѣ трети; очевидно, — заканчивалъ свое сообщеніе корреспондентъ, — неприятія ежегодно полторы тысячи дѣтей поступали съ 1878 г. къ разнымъ Скублинскимъ, а отъ нихъ — на тотъ свѣтъ. И такъ, лучшая организациа общественной помощи — вотъ то требованіе, которое формулируетъ общественное мнѣніе.

Съ совершенно иной точки зрѣнія подходитъ къ вопросу объ уврачеваніи общественной язвы такой цивилистъ, какъ Менгеръ. Онъ ищетъ способовъ приходить на помощь угнетеннымъ и нуждающимся средствами частнаго права, не отступая, впрочемъ, отъ основныхъ принциповъ частно-правоваго порядка. Его анализъ частноправовыхъ нормъ, регулирующихъ положеніе незамужнихъ матерей и незаконныхъ дѣтей, предпринять имъ съ односторонней и парадоксальной точки зрѣнія на тѣ общественныя условія, которыя вызываютъ къ жизни тѣхъ и другихъ; условія схематичнаго и чисто-абстрактнаго казуса Менгеръ возводитъ на степень постоянныхъ общественныхъ условій всѣхъ казусовъ. Все общество будто бы раздѣлено на два враждующихъ лагеря, подвергающихся ежечасно взаимнымъ нападеніямъ. Съ одной стороны, неимущіе классы искони имѣли стремленіе разбить преграды, создаваемыя собственностью, и вторгнуться въ юридическую сферу имущихъ. Менгеръ считаетъ сотнями тысячъ число воровъ и всякихъ иныхъ преступниковъ противъ чужой собственности, ежегодно подвергающихся карѣ уголовныхъ законовъ. Съ общественной точки зрѣнія, уголовныя законы служатъ для защиты существующаго порядка собственности отъ классовъ неимущихъ, тогда какъ гражданскіе законы имѣ-

ють своимъ назначеніемъ болѣе защиту противъ нарушеній, исходящихъ отъ лицъ того же лагеря имущихъ. Съ другой стороны, имущіе классы то и дѣло врываются въ юридическую сферу неимущихъ, а именно въ ихъ половую жизнь. Люди достаточные не находятъ препятствій при удовлетвореніи своихъ половыхъ прихотей, и этотъ развратъ мужчинъ совершается исключительно на счетъ чистоты и непорочности семейной жизни бѣднѣе; число незаконныхъ дѣтей не даетъ, конечно, и самаго отдаленнаго указанія на степень этого разврата. Нечего и говорить, въ какой мѣрѣ парадоксально это изображеніе лагеря развратныхъ, но непремѣнно достаточныхъ мужчинъ, то и дѣло вносящихъ разложение въ семейную жизнь бѣдныхъ классовъ путемъ развращенія ихъ женъ и дочерей, и отнесеніе исключительно на счетъ богатыхъ, но развратныхъ мужчинъ и бѣдныхъ, ими соблазненныхъ женщинъ всѣхъ случаевъ незаконныхъ рожденій. Эту односторонность нужно имѣть въ виду при дальнѣйшемъ анализѣ. Что дѣлаютъ,—спрашиваетъ Менгеръ, частнопровые законы, чтобы противодействовать злу? Въ сожалѣнію,—отвѣчаетъ онъ,—законодательство послѣдняго столѣтія устранило многія преграды, прежде существовавшія, а проектъ германскаго уложенія доводитъ невмѣстательство до крайнихъ его предѣловъ.

Обольщеніе дѣвушки или вдовы до первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія вызывало значительныя уголовныя кары; не говоря уже о чрезвычайно суровомъ въ этомъ отношеніи каноническомъ правѣ, даже общегерманскій судебный обычай облагалъ обольстителя штрафомъ и заключенію въ тюрьмѣ. Но, по германскому уголовному уложенію, обольщеніе, за малыми исключеніями, не наказуемо. Тотъ же ходъ развитія наблюдается и относительно гражданскихъ послѣдствій вѣнчаннаго сожитія. Каноническое право обязывало мужчину жениться на обольщенной дѣвушкѣ и дать ей приданое; общегерманскій судебный обычай предоставлялъ мужчине на выборъ жениться или откупиться деньгами. Эта точка зрѣнія удерживалась до послѣдняго времени въ нѣкоторыхъ партикулярныхъ законодательствахъ. Въ другихъ—женщина отказывается въ какомъ-либо притязаніи изъ простаго факта вѣнчаннаго сожитія. Проектъ гражданскаго уложенія также отвергаетъ такое притязаніе (такъ назыв. *Deflorations Klage*). Проектъ руководствуется при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что обольщенная дала свое согласіе, а потерпѣвшій ущербъ съ собственнаго своего согласія не можетъ претендовать на вознагражденіе. Но,—говоритъ Менгеръ,—авторы проекта забываютъ, что при обольщеніи дѣло большею частью идетъ о дѣвушкахъ моложе 21 года, которыя, поэтому, ограничены въ своей дѣеспособности; если такая дѣвушка считается неспособною отчуждить самое малое изъ своихъ правъ безъ согласія своего законнаго представителя, то какъ же можно говорить объ юридическомъ значеніи ея согласія при отчужденіи высшаго ея блага, женской чести? Такимъ образомъ,—заключаетъ Менгеръ,—если проектъ не желаетъ быть чисто-сословнымъ законодательствомъ, ни становиться

въ противорѣчіе съ самимъ собою, то, по крайней мѣрѣ, за несовершеннолѣтними дѣвушками должно быть признано право на вознагражденіе за лишеніе чести. Но воплѣть основательно признать такое право и за совершеннолѣтними неопороченными дѣвушками и вдовами, и Менгеръ, возражая составителямъ проекта, убѣдительно доказываетъ, что это право можетъ быть оправдано и общими принципами права и что дарованіе его все не поощритъ безразличности.

Но вотъ, какъ послѣдствіе обольщенія, на свѣтъ явился незаконный ребенокъ. Каково положеніе матери и ребенка? Всего проще дѣло разрѣшается французскимъ кодексомъ: ни мать, ни дитя не имѣютъ никакого притязанія къ отцу. За то мать имѣетъ полное право отдать своего ребенка въ воспитательный домъ, т.-е. государство и общественные союзы принимаютъ на себя отвѣтственность за послѣдствія разврата состоятельныхъ мужчинъ. Постановленіе французскаго кодекса, воспрещающее розысканіе незаконнаго отца, такъ поразительно несправедливо и односторонне, что его можно объяснить только какъ реакцію противъ законодательства временъ революціи. Конвентъ не только сохранилъ допущенное старымъ французскимъ правомъ притязаніе незаконнаго дитяти на алименты, но еще призналъ сперва въ принципѣ право незаконныхъ дѣтей на наследованіе послѣ отца и послѣ матери, а затѣмъ закономъ 12 брюмера II года постановилъ, что незаконныя дѣти имѣютъ равныя съ законными дѣтьми наследственные права послѣ отца и послѣ матери. Германскій судебный обычай и большинство партикулярныхъ законодательствъ и даже тѣ изъ нихъ, которыя въ общемъ усвоили французское право, признаютъ за незаконнымъ дитятей право требовать алиментовъ отъ своего отца. Особенно заслуживаетъ въ этомъ отношеніи похвалы прусскій ландрехтъ, «великіе творцы котораго,—говоритъ Менгеръ,—здѣсь, какъ и въ многочисленныхъ другихъ случаяхъ, показали сколь сочувственно они относились къ интересамъ бѣдныхъ и угнетенныхъ», и это несмотря на то, что въ ихъ время пролетаріатъ не имѣлъ еще никакого политическаго значенія. По прусскому ландрехту, только беременность создаетъ для незамужней и неопороченной женщины право на вознагражденіе; но мужчина обязанъ вознаградить ее соответственно ея общественному положенію и соразмѣрно своему состоянію; впрочемъ, размѣръ вознагражденія не можетъ быть выше $\frac{1}{4}$ его состоянія. Кромѣ того, женщина имѣетъ право на возмѣщеніе издержекъ, связанныхъ съ родами. Незаконное дитя вправѣ потребовать отъ своего отца содержанія и воспитанія и, притомъ, несмотря на то, имѣла ли мать его добрую репутацию, или нѣтъ; во всякомъ случаѣ, однако, незаконнорожденный не можетъ требовать больше того, что стоило бы воспитаніе законнаго дитяти крестьянскаго или простаго мѣщанскаго состоянія. Но не допускается возраженіе, что въ періодъ зачатія мать жила съ нѣсколькими мужчинами: опекунъ вправѣ обратиться съ искомъ послѣдовательно къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Еще благоприятѣе прусскій ландрехтъ для дитяти

и матери въ томъ случаѣ, когда послѣдняя отдалась вслѣдствіе обмана вступить въ бракъ. Здѣсь судья долженъ признать за обольщенной или, состояніе и званіе обольстителя и вообще всѣ права невѣнноразведенной жены; незаконнорожденный же имѣеть въ подобномъ случаѣ всѣ права законнаго дитяти, въ томъ числѣ и наслѣдованіе въ имущество своего отца.

Такимъ образомъ, прусскій ландрехтъ избѣгаетъ крайностей конвента, потому что нормально незаконныя дѣти отцу не наслѣдуютъ, но, съ другой стороны, онъ не даетъ матери становиться вслѣдствіе своей ошибки жертвою отчаянія, а ребенка не обрекаетъ напередъ на жизнь въ рабочемъ домѣ. Всѣ эти постановленія, — говоритъ Менгеръ, — съ самаго начала натолкнулись на противодѣйствіе со стороны теоріи и практики. «Когда же намъ абсолютная монархія въ Пруссіи и общественные интересы владѣтельныхъ классовъ получили свой органъ въ лицѣ ландтага, законъ 1854 г. измѣнили въ самомъ основаніи постановленія ландрехта»; были усвоены въ общихъ чертахъ принципы французскаго кодекса.

Этотъ законъ 1854 г., дѣйствующій и нынѣ, отвергаетъ право незаконнорожденнаго на полученіе алиментовъ отъ своего отца, если мать его порочная женщина. Если и само по себѣ уже странно, что нравственный недостатокъ матери ставится въ вину ребенку, то еще болѣе поражаетъ то, что полученіе женщиною денегъ или подарковъ законодатель считаетъ достаточнымъ, чтобы признать мать порочною. Но, по народнымъ воззрѣніямъ, бѣдная дѣвушка, отдающая себя достаточному мужчине, приноситъ значительную жертву, которая всегда въ той или другой формѣ оплачивается; къ тому же, она, конечно, и понятія не имѣеть о законахъ гражданскаго права и вовсе не въ состояніи взвѣсить все гибельное значеніе принятаго ею подарка. Противъ неимущихъ классовъ направляется тотъ же законъ, и тогда, когда порочною считаетъ также женщину, «объ образѣ жизни которой ходитъ дурная молва». Если хорошо охраняемая женщины высшихъ классовъ не могутъ всегда обезпечить себя отъ дурной молвы, то изъ числа бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя должны внѣ семьи снискивать себѣ пропитаніе и потому предоставлены тысячамъ соблазновъ, только немногія избѣгутъ дурной молвы. Понятно, насколько вслѣдствіе этого затрудняется матери и ея дитяти отысканіе вознагражденія: отвѣтчику никогда не трудно бываетъ собрать дурные отзывы объ истицѣ, — тѣмъ менѣе трудно, что собственно фактовъ законъ не требуетъ. Предъявляя къ бѣднымъ, необразованнымъ, предоставленнымъ всевозможнымъ соблазнамъ дѣвушкамъ такіе же требованія нравственности, какъ и къ дѣвушкамъ высшихъ классовъ, законъ только избавляетъ достаточныхъ мужчинъ отъ обнаруженія минимальной нравственности и челоуѣчности.

Проектъ германскаго уложенія не допускаетъ болѣе этого возраженія о порочности матери, но за то удерживаетъ другое возраженіе, установленное закономъ 1854 г., — что мать въ періодъ зачатія не была вѣрна отвѣтчику (*exsertio plurium constupratorum*). Повидимому, это возраженіе болѣе осно-

вательно, однако, и оно направлено противъ интересовъ немущихъ. Вся задача юридическихъ конструкцій и обоснованій состоитъ лишь въ томъ, чтобы придать видимость юридической послѣдовательности тѣмъ нормамъ, въ которыхъ находятъ себѣ выраженіе интересъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ; поэтому, оставляя пока въ сторонѣ юридическія конструкціи, посмотримъ, какова общественная подкладка возраженія о невѣрности. Отъ женщины требуютъ вѣрности мужчины въ періодъ зачатія. Этой вѣрности можно смѣло требовать отъ дѣвушекъ достаточныхъ классовъ, такъ какъ и ихъ общественное положеніе сдерживаетъ соблазнитель, и возможны у нихъ порочныя наклонности обезвреживаются тщательнымъ надзоромъ. Но обращаться съ тѣмъ же требованіемъ къ дѣвушкамъ изъ бѣднаго класса значить предполагать въ нихъ совсѣмъ необычайную силу воли и нравственности и закрывать глаза на тѣ условія, среди которыхъ онѣ живутъ. Несправедливость требованія станетъ еще очевиднѣе, если принять, какъ это обыкновенно бываетъ, что искъ объ алиментахъ предъявленъ дитятей бѣдной дѣвушки противъ достаточнаго мужчины. Извѣстно, что мужчины, въ большинствѣ случаевъ, въ своихъ вѣбрачныхъ отношеніяхъ видятъ только чувственную сторону и смотрятъ на нихъ не болѣе, какъ на временное удовольствіе. Съ другой стороны, и у женщины въ такихъ случаяхъ нѣтъ главнаго стимула къ вѣрности,—надежды выйти за своего любовника замужъ, потому что, въ большинствѣ случаевъ, браки заключаются только между лицами одинаковаго общественнаго и имущественнаго положенія. При такихъ условіяхъ односторонне и несправедливо требовать, чтобы только одна сторона и, притомъ, именно бѣдная и необразованная дѣвушка разсматривала отношеніе, какъ нравственное, и сохраняла вѣрность своему возлюбленному. Несправедливо требованіе вѣрности особенно еще потому и тѣмъ болѣе, что оно предъявляется только въ случаяхъ вѣбрачнаго сожитія и отнюдь не находитъ мѣста при законномъ бракѣ. Законный супругъ можетъ изобличить свою жену въ прелюбодѣяннн, но разъ только онъ въ теченіе періода зачатія раздѣлялъ ея ложе, онъ не вправе оспаривать законность рожденія своего ребенка. Но почему не то же самое для дѣтей незаконныхъ? Почему невѣрность ихъ матерей имѣетъ для нихъ такія послѣдствія, которыхъ не имѣетъ невѣрность законныхъ женъ? Нельзя же считать серьезными ссылами на достоинство брака, когда это достоинство, очевидно, поправно и законъ предоставляетъ право требовать развода; ни ссылки на необходимость сохраненія семейныхъ связей, потому что именно въ виду важности этихъ связей для отца и родственниковъ слѣдовало бы тѣмъ строже относиться къ презумпціямъ законности рожденія.

На самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и вездѣ, рѣшаетъ распределеніе силы и господства въ обществѣ. За дитя, рожденное въ законномъ бракѣ, всегда вступятся кровные родственники его матери, обыкновенно равные мужу по общественному положенію и потому способные оказать нужное воздѣйствіе, тогда какъ у дѣтей, рожденныхъ бѣдными женщинами, такихъ заступниковъ противъ достаточнаго мужчины нѣтъ. Такъ было искони, и отсюда

для законныхъ дѣтей явился принципъ: *pater est, quem nuptiae demonstrant*, а для незаконныхъ—*exsertio plurimum constupratorum*.

Эта социальная сторона вопроса несравненно важнѣе всѣхъ «юридическихъ» соображеній въ пользу возраженія о невѣрности. Всѣ эти соображенія сводятся къ тому, что такъ какъ требованіе алиментовъ можетъ быть предъявлено только къ отцу, то сожителство съ нѣсколькими мужчинами дѣлаеть неопредѣленнымъ вопросъ объ отцѣ. Такова, повидимому, юридическая логика. Но,—говорить Менгеръ,—та же юридическая логика никогда не препятствовала законодателю случаямъ совершенно сходные разрѣшать въ смыслѣ обратномъ. Такъ, проектъ гражд. улож. признаеть солидарную отвѣтственность всѣхъ виновниковъ имущественнаго ущерба, разъ каждый изъ нихъ, хотя и порознь, участвовалъ въ его причиненіи. Здѣсь, какъ и въ случаѣ сожителства нѣсколькихъ мужчинъ, истинный виновникъ не можетъ быть обнаруженъ, но юридическая логика дѣлаеть прямо противоположный выводъ. Дѣло не въ логикѣ, а въ поощреніи полового разврата состоятельныхъ мужчинъ.

Критику соответственныхъ статей проекта Менгеръ заканчиваетъ слѣдующими предложеніями: 1) Въ случаѣ изнасилованія и другихъ преступленій противъ нравовъ, женщина должна получать права невинно разведенной жены, а дѣтя—права законнорожденнаго. 2) Оболютившій неопроченную женщину обязанъ уплатить ей вознагражденіе за потерянную честь. 3) Всякій, кто въ періодъ зачатія раздѣлялъ ложе женщины, обязанъ возмѣщать ей расходы на роды, ребенку же долженъ дать содержаніе по мѣрѣ своихъ доходовъ. 4) Если незаконный отецъ холостъ и при рожденіи ребенка достигъ 40 лѣтняго возраста, т.-е. когда уже мало вѣроятно, чтобы онъ основалъ законную семью, слѣдуетъ принимать, что интимное сожителство замѣняетъ для него бракъ, и поэтому онъ долженъ давать своему незаконному дѣтяти содержаніе соответственно со своимъ общественнымъ положеніемъ. 5) Подобно тому, какъ законныя дѣтя, супруга и прочие родственники не могутъ отречься на будущее время отъ своихъ правъ на алименты, должна считаться ничтожною мировая сдѣлка между незаконнорожденнымъ и его отцомъ.

Улучшеніе быта незаконныхъ матерей и ихъ дѣтей отнюдь не можетъ, какъ опасаются составители проекта, пагубно повліять на нравственность и вызвать приростъ числа незаконныхъ рожденій. Частно-правовые законы могутъ оказывать вліяніе на образъ дѣйствій достаточныхъ и образованныхъ классовъ, а не на темную массу, имѣющую въ лучшемъ случаѣ только смутное о нихъ представленіе. Притомъ, статистика показываетъ, что тамъ, гдѣ законы противъ женщинъ строже, число незаконныхъ рожденій нисколько не уступаетъ числу ихъ тамъ, гдѣ эти законы человѣчнѣе; въ Пруссіи, послѣ 1854 г., число это значительно возвысилось, несмотря на отиѣну мягкаго закона; очевидно, причина лежала въ болѣеи разнузданности, которая доволена была мужчинамъ. При регулированіи правъ

незаконныхъ дѣтей вопросъ идетъ не о нравственности, а объ интересахъ имущихъ и немущихъ.

Большимъ несовершенствомъ отличается, по мнѣнію Менгера, также институтъ опеки въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствующемъ правѣ и остается въ проектѣ гражданскаго уложенія. Забота государства чрезъ посредство опекунскихъ судовъ о малолѣтнихъ дѣтяхъ одностороння, ибо она служитъ только на пользу имущихъ; зачетъ и практика почти всецѣло исключаютъ изъ этой государственной защиты тѣхъ дѣтей, которыя болѣе всего въ ней нуждаются. Единственное имущество этихъ дѣтей—ихъ рабочая сила; правильная затрата ея имѣетъ рѣшающее значеніе не только для ихъ хозяйственнаго будущаго, но и для ихъ физическаго и нравственнаго развитія. Справедливо было бы ожидать въ проектѣ постановленій, которыя подчинили бы строжайшему контролю опекуновъ и особенно опекунскихъ судовъ рабочіе договоры малолѣтнихъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ обратное. По проекту, малолѣтній, получившій отъ родителя или опекуна разрѣшеніе наняться въ услуженіе или на работы, не нуждается болѣе въ ихъ согласіи ни на заключеніе, ни на расторгненіе каждаго договора въ отдѣльности, и дозволеніе, данное для одного случая, считается достаточнымъ для вступленія и въ новыя отношенія того же рода. Даже когда отношеніе, въ которое малолѣтній вступилъ на основаніи этихъ законовъ, вредитъ его здоровью, нравственности или доброму имени, опекунъ не вправе потребовать немедленнаго прекращенія договора, если работодатель на то не согласенъ. Такимъ образомъ, опекунскимъ судамъ нѣтъ никакого дѣла до рабочихъ договоровъ несовершеннолѣтнихъ, т.-е. лицъ отъ 7-ми лѣтнаго возраста до 21 года, иначе говоря—заботы опекунскихъ судовъ о бѣднѣйшихъ дѣтяхъ не существуетъ. Но и отвѣтственность родителей и опекуновъ при обыкновенномъ ходѣ вещей сведена здѣсь проектомъ до минимума, такъ какъ, давши разъ свое согласіе на вступленіе малолѣтняго въ услуженіе, они могутъ спокойно, не нарушая этимъ своихъ обязанностей, предоставить его своей судьбѣ. Короче, по проекту, какъ и по дѣйствующему праву, никто не отвѣтствуетъ за физическое и нравственное благосостояніе малолѣтнихъ немущаго класса.

Въ этомъ положеніи дѣла слѣдуетъ искать ключъ къ разгадкѣ многихъ важныхъ явленій, которыя безъ этого не могутъ быть поняты. Когда въ европейскихъ культурныхъ государствахъ развилась фабричная промышленность, безсовѣстные родители и опекуны стали всюду посылать сотни тысячъ дѣтей и юношей на фабрики, гдѣ, вслѣдствіе переутомленія, недостатка въ свѣтѣ и воздухѣ и т. п., они были обречены на физическую гибель. Эти факты, составляющіе, во всякомъ случаѣ, одну изъ самыхъ темныхъ страницъ въ исторіи человѣческаго эгоизма, не были единичными исключеніями, но массовыми явленіями, которыя никакъ не могли ускользнуть отъ вниманія государственной власти. И дѣйствительно, въ концѣ-концовъ, государство всюду приняло мѣры къ тому, чтобы положить прекъ злоупотребленію трудомъ малолѣтнихъ, по крайней мѣрѣ, на фабрикахъ.

Обыкновенно эти печальные явления рассматриваются только съ экономической и социальной точек зрѣнія. Но у юриста невольно навертывается вопросъ: гдѣ были опекунскіе суды, когда цѣлыя поколѣнія молодыхъ людей, стоявшихъ подъ ихъ особымъ покровительствомъ, уведены на фабрики на свою погибель? И что дѣлаютъ эти суды и теперь, когда эта молодежь подвергается такой же опасности въ нефабричныхъ промыслахъ? Конечно, теперь государственные органы въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ призваны охранять молодыхъ рабочихъ. Но при той свободѣ въ заключеніи договоровъ, которая дается имъ проектомъ, такой охраны недостаточно. Для дѣйствительной помощи дѣтямъ бѣдняковъ нуженъ индивидуальный контроль, личная отвѣтственность. Для этого необходимо важнѣйшій экономическій интересъ бѣдняковъ такъ же поставить подъ непосредственную защиту опекунскихъ судовъ, какъ это искони было для дѣтей, обладающихъ имуществомъ.

Безспорно, наибольшій интересъ для цивилистовъ представляютъ ученія Менгера въ области обязательственного права; интересъ этотъ заключается въ томъ, что, не ограничиваясь простымъ требованіемъ новыхъ нормъ, онъ дѣлаетъ попытки новой конструкціи юридическихъ отношеній. Въ частности, договоры личного и вещнаго найма получаютъ въ рукахъ Менгера совершенно новое содержаніе. Въ виду интереса, который представляетъ этотъ отдѣлъ, мы сейчасъ же и перейдемъ къ нему, не останавливаясь на ученіи о вещныхъ правахъ, представляющемъ, въ сущности, рядъ блестящихъ парадоксовъ, имѣющихъ, къ тому же, мало общаго съ идеей вѣщательства.

Само собою разумѣется, что вѣрный своей основной точкѣ зрѣнія, Менгеръ вооружается противъ лежащаго въ основѣ обязательственного права принципа свободы сторонъ въ опредѣленіи содержанія договора. Онъ обращаетъ, прежде всего, вниманіе на то, что этотъ принципъ отсутствуетъ въ другихъ областяхъ частнаго права. Такъ, въ области вещнаго права мы видимъ точное опредѣленіе числа и содержанія отдѣльныхъ правъ; мы не можемъ по своему произволу каждому изъ своихъ правъ на вещь придавать вещный характеръ; напротивъ, устанавливать можно только такіа права, которыя опредѣлены въ законѣ. Точно также и въ области семейственнаго права, содержаніе брака, отношенія между родителями и законными дѣтьми и опеки опредѣляются не усмотрѣніемъ сторонъ, а закономъ. Бракъ устанавливается путемъ договора; но разъ онъ установленъ, личные права супруговъ опредѣляются закономъ же. Даже имущественныя притязанія, непосредственно вытекающія изъ семейственныхъ отношеній, именно право жены и законныхъ дѣтей на алименты, регулируются только закономъ; известно, наприм., что соглашеніе объ отказѣ отъ права на алименты не имѣетъ юридической силы.

Въ защиту принципа свободы, дѣйствующаго въ сферѣ обязательствъ, обыкновенно приводятъ тотъ аргументъ, что потребности оборота столь индивидуальнаго свойства, что надлежащее удовлетвореніе онѣ могутъ на-

ходить только при полной свободѣ договора. Но, —возражаетъ противъ этого Менгеръ, —въ наше время массоваго производства и нивелированія всѣхъ жизненныхъ отношеній, потребности оборота отличаются болѣе наблюднымъ характеромъ, чѣмъ тѣ индивидуальныя цѣли, которыми служатъ семейственное и вещное права, и уже по этому одному для свободы договора въ сферѣ обязательствъ нѣтъ достаточнаго основанія. Истиннымъ, но рѣдко высказываемымъ мотивомъ, по которому допускается этотъ принципъ, является потребность частноправоваго порядка въ обезпеченіи возможности получения ренты и прибыли и наличности въ достаточномъ количествѣ рабочихъ рукъ; наоборотъ, этотъ принципъ отсутствуетъ какъ разъ въ тѣхъ областяхъ права, которыя не стоятъ въ непосредственной связи съ организаціей труда. Поэтому ограниченіе принципа договорной свободы лежитъ прямо въ интересъ трудящихся классовъ. Если при частноправовой организаціи труда обязательства и должны по необходимости устанавливаться договоромъ сторонъ, то, по крайней мѣрѣ, задачей законодательства должно служить установленіе для важнѣйшихъ договорныхъ отношеній такого типичнаго содержанія, которое было бы обязательно для сторонъ. Установленіе такого прочнаго и неприкосновеннаго ядра, который былъ бы, такъ сказать, минимумомъ благожелательства и челоуѣчности въ договорныхъ отношеніяхъ, необходимъ особенно тамъ, гдѣ контрагентами являются лица совершенно противоположныя другъ другу въ экономическомъ отношеніи. Промышленное и фабричное законодательство европейскихъ культурныхъ государствъ сдѣлало шаги въ этомъ направленіи; настала пора и частному праву пересилить свой инертный консерватизмъ и послѣдовать примѣру публичнаго права.

Впрочемъ, современное законодательство далеко не безусловно даже въ области обязательствъ оставляетъ безъ вниманія проявленія договорной свободы или творческой воли сторонъ. Извѣстно, что закономъ 1880 г. въ Германіи внесено ограниченіе въ свободу ростовщичества; взиманіе процентовъ свободно, но оно можетъ при извѣстныхъ условіяхъ приводить кредитора къ тюрьмѣ. Но общественное значеніе закона о ростовщичествѣ при займѣ денегъ не такъ велико, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Законъ этотъ защищаетъ противъ послѣдствій собственнаго легкомыслія извѣстныя общественныя группы. —помѣщиковъ, домовладѣльцевъ, чиновниковъ и офицеровъ, —тѣ группы населенія, гдѣ болѣе распространено образованіе, гдѣ трудъ болѣе высоко вознаграждается и гдѣ обычно полученіе ренты отъ имущества; поэтому, если члены этихъ группъ заключаютъ разорительные займы по легкомыслію, неопытности или нуждѣ, то почти всегда здѣсь налицо собственная ихъ вина. Наоборотъ, законы о ростовщичествѣ въ [весьма рѣдкихъ случаяхъ оказываютъ услугу бѣднѣйшему населенію, у котораго неопытность, нужда и легкомысліе составляютъ обычное явленіе, потому что эта часть населенія, именно вълѣдствіе своей бѣдности, обыкновенно не внушаетъ того довѣрія, которое необходимо для заключенія кредитныхъ сдѣлокъ. Для этихъ лицъ суще-

ствують закладъ движимости; но при этой сдѣлкѣ, благодаря расхожд., связаннымъ съ принятіемъ, храненіемъ и возвратомъ залога, процентъ по необходимости долженъ быть такъ высокъ, что сюда на практикѣ все непрямѣнно понятіе о ростовщичествѣ.

Бѣдному населенію услуга была бы оказана распространеніемъ вредныхъ постановленій противъ ростовщичества на договоры купли-продажи, отдачи своего труда въ наемъ, снятіе въ аренду земель и наемъ квартиры. Вѣрно не только то, что низшіе классы населенія весьма часто заключаютъ перечисленные договоры при наличности нужды, легкомыслия и неопытности, но также и то, что въ многочисленныхъ случаяхъ это положеніе ихъ эксплуатируется не менѣе, чѣмъ въ самыхъ дурныхъ случаяхъ ростовщическаго займа. Вспомнимъ только ту нужду, которую испытываютъ массы городского населенія отъ недостатка въ квартирахъ; эксплуатацию маленькихъ людей, снимающихъ мелкіе участки земли подъ обработку; наконецъ, насколько дороже обходятся маленькимъ людямъ ихъ продукты, благодаря мелочной торговлѣ, не сдерживаемой никакими нравственными соображеніями; всего же рѣзче, естественно, случаи эксплуатации при договорѣ объ отдачѣ своего труда въ наемъ.

Этому послѣднему договору Менгеръ посвящаетъ наибольшее вниманіе и конструируетъ его заново. Въ противоположность установившейся терминологіи, Менгеръ называетъ договоръ не наймомъ труда или услугъ, а личнымъ наймомъ, а договоромъ объ отдачѣ своего труда въ наемъ. Изъ этой терминологіи видно, что исходною точкой для своихъ конструкцій Менгеръ долженъ брать тѣ разновидности отношенія, гдѣ трудъ болѣе всего приближается къ понятію вещи или товара, составляющаго предметъ сдѣлки. Оттого Менгеръ выдѣляетъ въ особую категорію отношенія болѣе образованныхъ работниковъ, частныхъ секретарей, домашнихъ учителей, гувернантокъ, гдѣ контрагенты по своему образованію и общественному положенію стоятъ ближе другъ къ другу, и для этого отношенія составляетъ ту конструкцію, какая принята и теперь. Его взоры обращены на отношеніе промышленныхъ рабочихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ, и домашней прислуги.

Юридическое представленіе современнаго права о договорѣ отдачи труда въ наемъ ничѣмъ не отличаетъ его отъ найма вещей или купли-продажи. Продавецъ обязанъ передать пару сапогъ; покупатель обязанъ передать условленную цѣну; точно также наниматель обязанъ только уплатить условленное вознагражденіе, а работникъ обязанъ исполнить условленную работу. Между тѣмъ, отношеніе, въ которомъ стоятъ городская и сельская прислуга и промышленные рабочіе, обнимаетъ не только опредѣленные единичныя услуги, но охватываетъ всю личность работника. Промышленнаго рабочаго, обязаннаго работать 12—13 час. въ день, нельзя, конечно, рассматривать какъ свободнаго, самоопредѣляющагося гражданина. Что касается домашней прислуги, то мѣра требуемыхъ отъ нея услугъ обыкновенно ничѣмъ не опредѣляется, и о ней справедливо сказать, что она в

душю, и тѣломъ подчинена своимъ господамъ. Это-то и показываетъ, сколь неправа современная юриспруденція, когда усматриваетъ главное развитіе между отношеніями семейственнаго и обязательственнаго нравъ въ томъ, что тамъ вся личность индивида подчинена другому лицу, здѣсь же только въ опредѣленныхъ направленіяхъ. На самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что господство работодателя надъ наемнымъ работникомъ по содержанію и объему много строже, чѣмъ то, которое въ наше время принадлежитъ главѣ семейства надъ женою и дѣтьми и опекуну надъ малолѣтнимъ.

Эта полнота господства, создаваемая частнопрововымъ договоромъ, послужила самостоятельнымъ основаніемъ для вмѣшательства государства въ отношенія господъ и рабочихъ. По мѣрѣ уничтоженія остатковъ прежняго вотчиннаго государства, современная правительственная власть все менѣе могла спокойно смотрѣть на то, какъ одинъ гражданинъ остается въ продолжительномъ подчиненіи у другаго безъ надзора и руководства со стороны государства.

Вполнѣ сочувствуя государственному вмѣшательству, Менгеръ осуждаетъ то направленіе, которое оно приняло въ Германіи. Государство не терпитъ безконтрольнаго господства нанимателя надъ работникомъ, но оно не отступило само отъ той точки зрѣнія, что рабочаго слѣдуетъ держать въ повиновеніи и зависимости. Поэтому оно вовсе не вмѣшивается въ порядокъ установленія договора: работникъ долженъ самъ отыскивать себѣ нанимателя и вступать съ нимъ въ договоръ безъ участія со стороны государства. Полицейскій аппаратъ государства выступаетъ наружу только когда договоръ уже заключенъ, и для того только, чтобы удерживать работника въ подчиненіи. Менгеръ припоминаетъ существующія въ Германіи и Австріи книжки для прислуги и рабочихъ, полицейскія взысканія съ прислуги за неисполненіе договора, безнаказанность мелкихъ обидъ, нанесенныхъ работнику господиномъ. Изъ всѣхъ этихъ полицейскихъ мѣръ важнѣйшими являются книжки для прислуги и рабочихъ; это единственный случай, гдѣ подъ надзоромъ публичной власти ведутся записи объ исполненіи частнопрововыхъ договоровъ и гдѣ простое нарушеніе договорной обязанности связано для дальнѣйшаго существованія работника съ неменьшими послѣдствіями, чѣмъ уголовное наказаніе въ другихъ слояхъ населенія. Къ тому же, записи въ книжки дѣлаются хотя и подъ контролемъ полиціи, но на основаніи показаній другой стороны. Врядъ ли,—замѣчаетъ Менгеръ—дѣловой человекъ изъ достаточныхъ слоевъ общества долго просуществовалъ бы, если бы всѣ лица, съ которыми ему когда-либо приходилось вступать въ договоры, вносили бы въ подобныя книжки свои мнѣнія о его честности и аккуратности въ исполненіи договора. Такія книжки могутъ быть терпимы только, если отрицать равноправность рабочихъ со всѣми другими сословіями. Противъ такого направленія государственнаго вмѣшательства Менгеръ и возстаетъ, указывая ему совѣтную арену дѣятельности. Самое установленіе договора объ отдачѣ труда въ наемъ должно быть взято изъ сферы частнаго права и замѣнено пуб-

лично-правовую организацию. Государство должно взять на себя посредничество въ присланиі рабочихъ для однихъ и труда для другихъ. Не останавливаясь на частностяхъ, Менгеръ рекомендуетъ учрежденіе съ цѣлью посредничества или самостоятельныхъ органовъ рабочаго сословія, по образцу французскихъ рабочихъ биржъ, или правительственныхъ чиновниковъ, независимыхъ отъ нанимателей.

Разъ отношеніе установлено тѣмъ или инымъ способомъ, оно должно подлежать дѣйствию ряда такихъ нормъ, которыя сами собою напрашиваются, разъ отвергнута современная конструкция договора, ставящая его на одну доску съ договорами вещнаго найма и купли-продажи. Мы уже упоминали, что Менгеръ на нашѣмъ договорѣ показываетъ несостоятельность современнаго принципа раздѣленія семейственнаго права отъ обязательственнаго. Гирке же прямо находитъ, что такого рода дѣлящаяся отношенія между лицами, какъ договоръ личнаго найма, разъ дѣло идетъ не объ оказаніи случайныхъ услугъ, относятся къ сферѣ семейственнаго права. Оба писателя въ одинъ голосъ говорятъ, что договоръ личнаго найма только тогда утратитъ послѣднія черты рабства и приобрететъ истинно-гуманный характеръ, когда права нанимателя будутъ ограничены относительно высшихъ личныхъ благъ работника, и тѣмъ положена будетъ пронасть между этимъ договоромъ и наймомъ или арендой вещи, относительно которой дозволено всякое, согласное съ правообразующею волею сторонъ употребленіе. Слѣдующія положенія должны быть введены въ отношенія нанимателя и работника: 1) Наниматель долженъ употреблять рабочую силу, предоставленную договоромъ въ его распоряженіе, такъ, чтобы этия не нарушались личныя блага работника—его жизнь, здоровье, рабочая способность, честь и нравственность. На встрѣчу этому положенію въ современныхъ законодательствахъ идутъ: установленіе нормальнаго рабочаго дня и ограниченіе труда женщинъ и дѣтей; тѣмъ очевиднѣе становится несостоятельность современной частноправовой конструкции. 2) Наниматель обязанъ принимать всѣ внѣшнія мѣры для предупрежденія опасностей, которымъ подвержены личныя блага работника; это положеніе не должно ограничиваться одною промышленностью, или только жизнью и здоровьемъ. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда наниматель обязанъ давать работнику жилище, пищу и одежду, все это должно быть таково, чтобы не подвергались риску здоровье, рабочая сила и нравственность работника. Чтобы обезпечить практическое осуществленіе этихъ положеній, означающихъ побѣду челоѣка надъ вещью, торжество нравственныхъ интересовъ надъ экономическими, необходимо, во-первыхъ, объявить ничтожными соглашенія между нанимателемъ и работникомъ, отбѣняющія или уменьшающія ответственность перваго за неприкосновенность личныхъ благъ работника. Послѣдній не вправе отречься отъ гарантіи личныхъ благъ, которую даетъ ему законъ. Во-вторыхъ, въ случаѣ нарушенія какого-либо личнаго блага работника, наниматель обязанъ вознаградить его за вредъ.

Особенно справедливо, чтобы законодательство приняло на помощь

тѣмъ изъ рабочихъ, кто вслѣдствіе своей приниженности и зависимости не въ силахъ сами о себѣ позаботиться. Во всемъ гражданскомъ обществѣ ничто такъ не напоминаетъ рабство и крѣпостничество, — говоритъ Менгеръ, — какъ положеніе прислуги, въ особенности женской. По традиціонному взгляду, договоръ объ услуженіи ставитъ всю рабочую силу прислуги въ распоряженіе господина; обыкновенно считается признакомъ гуманности, когда господа по временамъ отпускаютъ свою прислугу погулять или предоставляютъ ей короткій промежутокъ времени для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Съ какою ужасомъ современные писатели по общественнымъ и политическимъ вопросамъ говорятъ о барщинѣ въ прежнее время, не замѣчая, что ихъ собственное отношеніе къ прислугѣ ничѣмъ не лучше. Если видѣть существо договора объ услуженіи въ томъ, что работникъ отдаетъ свою рабочую силу въ распоряженіе нанимателя на определенное время или для определенной цѣли, то въ дѣйствительности окажется, что нормальный рабочий день прислуги равенъ 24 часамъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если такое неестественное отношеніе не удовлетворяетъ не только прислугу, но и господъ. Всякій человѣкъ вправѣ требовать, чтобы ему было предоставлено свободное время для личныхъ его нуждъ и независимо отъ добраго расположенія другаго лица.

У кого такого права нѣтъ, тотъ фактически несвободенъ, хотя бы онъ и вправѣ былъ во всякое время прекратить отношеніе. Менгеръ предлагаетъ внести въ проектъ германскаго уложенія особую статью о томъ, что каждому слугѣ должно быть предоставляемо определенное время для сна, ѣды и исполненія своихъ личныхъ дѣлъ; отъ права на такое свободное время прислуга не вправѣ отказать. Такъ какъ ежедневный короткій перерывъ въ работѣ для исполненія личныхъ дѣлъ былъ бы бесполезенъ для прислуги и неудобенъ для господъ, то цѣлесообразнѣе объявить свободными одинъ или два послѣобѣденныхъ буднихъ дней. Менгеръ убѣжденъ, что послѣдовательное проведеніе этихъ началъ въ жизнь улучшить вообще отношенія между господами и прислугой, — отношенія, которыя становятся тѣмъ хуже, тѣмъ больше оживляется самосознаніе массъ и чувство свободы.

Та же идея, которая руководила Менгеромъ при анализѣ только что разсмотрѣннаго договора, идея, что необходимо ограничить свободу правообразующей воли сторонъ путемъ установленія типичнаго содержанія договора, лежитъ также въ основѣ критики другаго, не менѣе важнаго договора о наймѣ жилищъ. По проекту германскаго уложенія, какъ и вообще по дѣйствующему праву, на хозяинѣ дома лежитъ только обязанность дѣйствительно предоставить съемщику квартиру для пользованія; но годится ли эта квартира вообще для цѣлей человѣческаго жилья, это для него безразлично. Не рискуя какою-либо гражданскою отвѣтственностью, онъ можетъ открыто сдавать въ наемъ помѣщенія, вредныя для здоровья и опасныя для жизни. И послѣ того хозяинъ обязанъ заботиться только о томъ, чтобы квартира годилась для пользованія ею согласно договору, хотя бы такое пользованіе подвергалось опасности высшихъ личныхъ благъ съемщи-

ка. Это положение, дающее хозяину право сдавать въ наемъ для жилья и помѣщенія совершенно для того непригодныя, всею своею тяжестью лежатъ на бѣдняковъ, которые при наймѣ квартиръ, подъ вліяніемъ нужды, обыкновенно съ полнымъ сознаніемъ нанимаютъ и квартиры очевидно опасныя для здоровья. Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что отвратительныя условія жилья бѣднѣйшихъ классовъ вызваны, главнымъ образомъ, недостаткомъ въ гражданскихъ нормахъ. А, между тѣмъ, и съ юридической точки зрѣнія казалось бы, что только такія помѣщенія могутъ составлять предметъ договора аренды, которыя и объективно пригодны для жилья. Въ виду этого, Менгеръ полагаетъ, что хозяинъ долженъ подлежать ответственности, если онъ умышленно, по небрежности или отъ своекорыстія сдаетъ помѣщеніе, которое своими свойствами при обыкновенномъ теченіи вещей угрожаетъ жизни, здоровью и рабочей способности жильцовъ и когда, вслѣдствіе этихъ свойствъ квартиры, такой вредъ дѣйствительно наступилъ. Размѣръ вознагражденія, которое хозяинъ обязанъ уплатить потерпѣвшему жильцу, долженъ опредѣляться свободнымъ усмотрѣніемъ судьи, причемъ доказательства имущественнаго ущерба требовать не слѣдуетъ. Соглашеніе, направленное къ отиѣнѣ такой обязанности хозяина къ вознагражденію, должно считаться ничтожнымъ. Менгеръ убѣжденъ, что внесеніемъ такихъ нормъ въ гражданскій кодексъ больше будетъ сдѣлано для улучшенія условій жилья бѣднѣйшаго населенія, чѣмъ съ помощью всѣхъ мѣръ строительной и санитарной полиціи.

Въ заключеніе настоящей статьи уместно спросить: въ чемъ же состоитъ значеніе новаго направленія въ науку частнаго права? Мы показали, что оно не ново въ отношеніи метода, что не оригинальны его идеи о процессѣ образованія права, что даже не оригинальны подчасъ тѣ нормы, которыя предлагаются его представителями, потому что онѣ повторяютъ содержаніе старыхъ нѣмецкихъ кодификацій. При всей важности новыхъ конструкций тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній, эти конструкции сами по себѣ могутъ быть только отраженіемъ извѣстнаго направленія, но не ими можетъ опредѣляться значеніе направленія. Бъ тому же, изъ того, что приведено было выше, наприм., о конструкціи права собственности, дѣлаемой Менгеромъ, видно, что, въ дѣйствительности, въ этомъ пунктѣ Менгеръ воюетъ съ призраками, потому что теперь нѣтъ того романтиста и представителя индивидуализма въ правѣ, который опредѣлялъ бы право собственности иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Менгеръ, т.-е. какъ господство въ предѣлахъ закона. Въ чемъ же, все-таки, значеніе направленія? По нашему мнѣнію, его значеніе чисто - этическое, потому что это направленіе вноситъ нравственные, т.-е. диктуемые общественною совѣстью, принципы въ частное право и стремится сдѣлать его порядкомъ жизни возможно бѣльшаго числа людей.

М. Брукъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 октября прекратилось въ Германіи дѣйствіе исключительнаго закона противъ социалистовъ. На возобновленіе его парламентомъ, въ которомъ такъ усилилось представительство свободомыслящихъ и социаль-демократической партіи, было очень мало надежды. Въ тому же, императоръ Вильгельмъ II и его нынѣшніе министры сами пришли къ убѣжденію, что насильственными мѣрами нельзя остановить развитія социаль-демократіи и что эти мѣры только подрываютъ довѣріе къ нравственной силѣ пускающаго ихъ въ ходъ правительства. Сторонники князя Бисмарка и вообще политики *властной руки* пророчили сильныя волненія, даже опасные уличныя беспорядки, когда пробьетъ послѣдній часъ закона, отнимавшаго почти у милліона нѣмецкихъ гражданъ право свободнаго обнаруженія ихъ убѣжденій путемъ печати, сходовъ, ассоціацій. Въ статьѣ, озаглавленной *Страхъ передъ первымъ октября*, извѣстный демократическій органъ, *Frankfurter Zeitung*, указывалъ на неосновательность такихъ опасеній и на необходимость для политическихъ партій, ставящихъ на своемъ знамени развитіе свободныхъ учреждений, выдвинуть на первое мѣсто въ своихъ программахъ разрѣшеніе социальнаго вопроса.

Опасенія и предсказанія противниковъ отиѣны закона противъ социалистовъ, какъ извѣстно, не оправдались. День этотъ повсемѣстно въ Германіи прошелъ совершенно спокойно. Социалисты отпраздновали его многочисленными собраніями, на которыхъ социалистическіе депутаты парламента и другіе выдающіеся дѣятели партіи произносили торжествующія рѣчи.

Порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, но несомнѣнно, что до умротовренія нѣмецкаго общества, попрежнему, далеко. Свободомыслишіе совершаютъ ошибку за ошибкой, востаяя противъ развитія социальнаго законодательства, настаивая даже на прекращеніи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ законовъ, которые были изданы въ интересахъ обезпеченія труда. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* указываетъ на упорное нежеланіе представителей крупнаго капитала признать законность многихъ изъ справедливейшихъ требованій рабочаго класса. На конгрессѣ членовъ общества социальной политики, происходившемъ недавно во Франкфуртѣ-на-Майнѣ,

неуступчивость предпринимателей обнаружилась съ особенною яркостью. Среди нѣмецкихъ ученыхъ, такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ, обнаружилось также коренное разногласіе. Шмоллеръ продолжаетъ возлагать всѣ надежды на пруссифицированную Германскую имперію, а Brentano ждетъ разрѣшенія вопроса отъ свободныхъ общественныхъ союзовъ. Если прибавить къ этому, что католическая церковь съ своей стороны стремится къ тому, чтобы играть роль защитницы слабыхъ и угнетенныхъ, что существуетъ, кромѣ того, и протестантскій *христіанскій социализмъ*, то положеніе Германіи представится въ довольно запутанномъ видѣ. *Московскіе Вѣдомости* не безъ основанія замѣтили, что императоръ Вильгельмъ II похожъ на человѣка, узнаваго, какъ вызвать духа, но не знающаго, какъ уйти отъ этого грознаго духа. Побѣдить его, устранить опасный для общества кризисъ могутъ только настойчивыя усилія самодѣятельнаго общества, и Германія, конечно, не бѣдна такими силами, почему мы и не смотримъ мрачно на ея внутреннее состояніе. Германія спасена отъ борьбы національностей, отъ которой такъ страдаетъ ея вѣрная союзница Австро-Венгрія. Чешско-нѣмецкое соглашеніе можно считать окончательно неудавшимся, и партія старо-чеховъ утратила свое господствующее въ Богеміи положеніе. Министерству графа Таафе предстоитъ трудная задача удержаться при такихъ условіяхъ на своемъ мѣстѣ. Оппозиція нѣмецкой централистической партіи все усиливается, усиливаются и младо-чехи, на сторону которыхъ переходятъ многіе депутаты старо-чешской парламентской группы. Несмотря на существенные недостатки избирательной системы, славянское представительство возрастаетъ, на историческую сцену выступаютъ племена, которыя считались уже похороненными, уже растворившимися въ германскомъ элементѣ, — такъ, словенцы требуютъ для себя автономіи. Въ этомъ заключается поучительный урокъ и для другихъ государствъ. Национальная вражда ослѣпляетъ и ведетъ къ глубокимъ противорѣчіямъ. Старо-чехи, напримѣръ, благородной и настойчивой борьбѣ которыхъ за самоуправленіе Богеміи мы всегда отдавали полную справедливость, вооружаются противъ *ирреденты*, а между тѣмъ, итальянцы австрійской монархіи, стремясь къ соединенію съ Италіей, повинуются тѣмъ же чувствамъ, какими руководятся чехи въ своей національной борьбѣ. И это неизбежно тамъ, гдѣ національное противопоставляется общечеловѣческому, ставится выше послѣдняго. Истинныя народныя особенности, подлинный народный гений сказывается только въ творческой дѣятельности, вполне согласной съ основами разумной свободы и самостоятельности всѣхъ другихъ народовъ, съ общими пріобрѣтеніями міровой цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи исторія отмѣчаетъ благотворную дѣятельность такихъ государственныхъ людей, какъ Гладстонъ. Его поддержка освободительныхъ движеній въ Италіи, Болгаріи, Греціи и другихъ странахъ является свидѣтельствомъ высокой гуманности и политическаго пониманія, и съ этою политикою не могутъ расходиться даже непосредственные интересы англійскаго народа, взвѣтаго въ цѣломъ. Гладстону многими обязана Черногорія, намъ единовѣрная

и единоплеменная. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Ровинскій въ своемъ превосходномъ трудѣ: *Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ* *):

«Въ 1879 году, когда не только вся Европа, но и всѣ части Балканскаго полуострова послѣ берлинскаго конгресса исполнѣь предались мирнымъ занятіямъ, пользуясь вслѣдствіемъ своимъ, что кому досталось, одна Черногорія не получила своего и должна была добиваться своихъ правъ кровью. Плавско-Гусинскій округъ, присужденный ей европейскимъ конгрессомъ, Турція отказалась передать, причемъ, однако, не столько дѣйствовала сама Турція, сколько Австрія. Но, не смѣя сдѣлать этого явно передъ лицомъ Европы, Черногорія говорила: приди и возьми! а, въ то же время, арнаутамъ было сказано: не давай! Черногоринъ позднюю осенью привелось снарядить цѣлую военную экспедицію, которая окончилась двумя сраженіями, стоившими ей до полутораста человѣкъ убитыми и около двухсотъ ранеными, не говоря о другихъ громадныхъ матеріальныхъ тратахъ. И все это окончилось полнѣйшею неудачей и нравственнымъ пораженіемъ Черногоринъ. Ей точно такимъ же образомъ предложили занять Хоты и Груды, и также не дали, а потомъ такую же исторію хотѣли сыграть и съ Ульциномъ. Но Ульцину Турція принуждена была дать, благодаря настойчивости Гладстона, который устроилъ европейскую флотскую демонстрацію въ Боккѣ, слѣдовательно, сдѣлалъ давленіе и на Австрію вишетъ съ Турціей».

Естественно, что славянскіе народы Балканскаго полуострова относятся съ недоверіемъ къ мадыаро-нѣмецкой Австріи. Въ то время, какъ многіе надѣются видѣть это государство монархическою Швейцаріей и полагаютъ, что въ интересахъ самостоятельнаго развитія славянскихъ племенъ Австрію слѣдовало бы выдумать, еслибъ она не существовала, другіе видятъ въ ней самаго опаснаго и непримиримаго врага славянскаго міра. Г. Филиповъ приводитъ любезнѣе въ этомъ отношеніи мнѣніе хорватскаго публициста Билайградскаго: «Вѣримъ и надѣемся,—пишетъ этотъ послѣдній,—что русскій народъ устроитъ свое собственное будущее на разумныхъ началахъ и окажетъ содѣйствіе своимъ меньшимъ братьямъ въ достиженіи ихъ цѣлей и стремленій; вѣримъ и знаемъ, что совокупныя усилія русскаго и другихъ народовъ создадутъ культуру, которая распространится отъ Сѣвернаго моря до Средиземнаго, и что Россія станетъ неисчерпаемымъ источникомъ народнаго очастія и прогресса,—очагомъ, у котораго будутъ согрѣваться многочисленныя народности, желающія и способныя приминуть къ великому и обширному русскому отечеству» **). Иными словами, почтенный хорватскій публицистъ вѣритъ въ то, что роль монархической Швейцаріи по отношенію къ славянскому міру возьметъ на себя наше отечество, создавши свое будущее на разумныхъ началахъ. На тѣс-

*) Изданіе академіи наукъ, томъ первый. Къ этому тому приложена отличная, очень подробная карта.

**) Письмо М. Д. Билайградскаго напечатано въ началѣ книги г. Филипова: *Хорваты и борьба ихъ съ Австріей*. Спб., 1890 г. Въ книгѣ этой много интересныхъ свѣдѣній.

ную связь внутренней и внешней политики давно уже указывалось въ русской публицистикѣ. Необходимость согласовать стремленія, направленные къ освобожденію славянскихъ народностей отъ стѣсняющаго ихъ турецкаго, мадырскаго или нѣмецкаго ига, съ внутреннимъ государственнымъ строемъ разъяснял, наприѣръ, извѣстный славистъ профессоръ Ламанскій. Говоря объ *ит*, мы не думаемъ, конечно, сравнивать турецкое владычество съ господствомъ мадыръ и въ особенности нѣмцевъ; но иго все же остается игомъ, а болѣе культурныя славянскія племена естественно отличаются въ этомъ отношеніи и болѣею чувствительностью. Разуmѣется, нельзя не сожалѣть о существованіи національной вражды. Она очень много вредитъ правильному ходу просвѣщенія, экономическаго благосостоянія и государственныхъ учреждений; но съ этимъ фактомъ приходится считаться. Национальный вопросъ имѣетъ важное значеніе и для Италіи, гдѣ въ послѣднее время оживилось упомянутое нами ирредентское движеніе. Во многихъ случаяхъ обнаруживается ненависть итальянскаго народа къ Австріи и его завѣтное желаніе присоединить къ королевству Трентино и Триестъ. Громко восхваляются имена ирредентистовъ, казенныхъ австрійскимъ правительствомъ. Менотти Гарibaldi на официальномъ торжествѣ ясно намекаетъ на Оберданка, и многолюдное собраніе разражается восторженными рукоплесканіями. На обѣдѣ въ честь министра приносятся ирредентскіе тосты, которые встрѣчаютъ шумное одобреніе. Правда, министръ, и не подумавшій протестовать противъ этихъ заявленій, Сенсимъ-Дода, уволенъ министромъ - президентомъ, но положеніе самого Крипи становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Нельзя стѣснить свободу печати,—этого не потерпитъ итальянское общественное мнѣніе, а газеты говорятъ крайне непріятныя вещи и министру-президенту, и по адресу тройственнаго союза, въ особенности же по отношенію къ Австріи. *La Capitale* въ статьѣ *Morte a Oberdan* рѣзко нападаетъ на правительство за то, что оно привлекло къ судебной отвѣтственности участниковъ на банкетѣ въ Синигалли за возгласы въ честь Оберданка. Внутреннюю и внешнюю политику Крипи осуждаютъ многія вліятельныя газеты, о чемъ уже приходилось намъ упомянуть въ прошломъ обзорѣ. И дѣйствительно, манія государственнаго величія и манія собственнаго величія увлекаютъ этого бесспорно замѣчательно даровитаго и энергическаго человѣка. Бывшій гарibaldiецъ, игравшій весьма выдающуюся роль въ знаменитой экспедиціи въ Сицилію, Крипи стремится стѣснить общественную свободу и обнаруживаетъ помѣстивъ диктаторскія наклонности. Раздувая шовинизмъ у своихъ соотечественниковъ, министръ-президентъ искусно заставляя парламентское большинство идти за собою. Безтактность значительной части французской печати, которая долгое время глумилась надъ Италіей, была на руку бывшему заговорщику, испытанному революционеру, а теперь не менѣе испытанному парламентскому борцу. Крипи, несмотря на преклонный возрастъ (онъ родился въ 1819 году), обнаруживаетъ необыкновенную силу воли и положительно неутомимъ: онъ

не только министр-президентъ, но и министръ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ,—однимъ словомъ, итальянскій Бисмаркъ. Примѣръ Бисмарка германскаго показываетъ, однако, что такія роли долго разыгрывать въ Западной Европѣ становится все труднѣе и труднѣе. Противъ шовинизма борются многіе выдающіеся парламентскіе дѣятели; на борьбу съ нимъ выступаютъ такія вліятельныя газеты, какъ римская *Tribuna*, миланскій *Secolo* и многія другія.

Возражая на нападки французскихъ газетъ, неаполитанскій *Il Piccolo* напечаталъ злую статью, въ которой указываетъ на недавній культъ Буланже во Франціи. Въ Италіи,—говоритъ *Piccolo*,—нѣтъ популярности болѣе справедливой, болѣе прочной, чѣмъ популярность Гарибальди. Ему въ высокой степени обязана страна своимъ освобожденіемъ и объединеніемъ. Джузеппе Гарибальди преслѣдовали, заключали въ тюрьму; его приговаривали къ смертной казни. Такому герою Франція уподобляла на нашихъ глазахъ авантюриста, продававшаго свои услуги, вступавшаго въ союзъ съ отъявленными врагами республики, къ обновленію которой будто бы стремился этотъ честолюбецъ и его единомышленники. Сравненіе, конечно, печальное для Франціи. Немногого не доставало, чтобы генералъ Буланже явился во главѣ великаго народа. Разоблаченія тайныхъ интригъ буланжистовъ, монархистовъ и бонапартистовъ изъ французскихъ газетъ перешли и въ наши. Надо надѣяться, что этими разоблаченіями буланжизму нанесенъ, наконецъ, смертельный ударъ. Въ томъ, что въ этой призорной исторіи бонапартисты играли ловкую и предательскую роль, нѣтъ ничего удивительнаго: такія качества они обнаруживали всегда и ими приобрѣтали успѣхи. Но разоблаченія сильно поразили и монархическую партію. Оказалось, что вожди этой партіи вступали въ интимныя соглашенія съ вождями буланжизма, пускали въ ихъ пользу свое вліяніе, доставляли деньги для избирательной борьбы. Честнѣйшіе изъ французскихъ монархистовъ съ презрѣніемъ отшатнулись отъ такихъ единомышленниковъ и рѣшительно отрицали возможность участія въ этомъ грязномъ заговорѣ противъ республики претендента на унизанный французскій престолъ. Графъ Парижскій разрушилъ, однако, эту иллюзію. Въ письмѣ къ одному изъ главныхъ оловъ сторонниковъ, Боше, онъ призналъ, что старался воспользоваться генераломъ Буланже, какъ орудіемъ противъ республики. Графъ Парижскій не только не стыдится своего союза съ людьми больше чѣмъ сомнительнаго нравственнаго достоинства, но торжественно заявляетъ, что онъ и впредь намѣренъ прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы достигнуть своей цѣли, т. е. восстановленія монархіи во Франціи.

Никто не можетъ отрицать,—говоритъ послѣ письма графа Парижскаго талантливый монархическій публицистъ Гранль въ *Figaro*,—что отнынѣ въ монархической партіи двѣ группы. Одна изъ этихъ группъ не признаетъ, чтобы цѣль оправдывала средства, она не желаетъ облагодѣтельствовать Францію королевъ посредствомъ подкупа, насилія, обмана и пре-

дательства. Другая группа—гораздо болѣе многочисленная, съ самыми претензюми во главѣ.—устава ждать и готова прибѣгнуть къ какому угодно способу реставраціи. Шансы на мирное водвореніе монархіи во Франціи дѣйствительно все понижаются. Уже двадцать лѣтъ существуетъ республика. Она входитъ въ права населенія и только какая-нибудь катастрофа можетъ теперь навѣнчить существующій во Франціи порядокъ вещей, предоставляющій полный просторъ движенію общественнаго мнѣнія. Умѣренная *Temps* выражаетъ надежду, что династическая и плебисцитарныя партіи потеряютъ своихъ сторонниковъ, что лучшая и болѣе многочисленная часть этихъ послѣднихъ перейдетъ подъ знамя республиканской Франціи.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что разоблаченія буланжистско-монархическихъ прожектовъ, нанесъ ударъ реакціонерамъ и клерикаламъ, вызвали нѣкоторый раздоръ и среди республиканскихъ группъ. Радикалы высказываются за привлеченіе къ суду участниковъ въ заговоръ противъ республики. На это возражаютъ, что главные заговорщики: Буланже, Ротшоръ, Диллонъ—уже осуждены. Если и допустить, что они были только орудіями въ рукахъ вождей бонапартизма и монархизма, то, все-таки, нѣтъ надобности въ настоящее время поднимать шумный процессъ и раздражать общественное мнѣніе. Республика миновала опасности и должна лишь принять мѣры предосторожности относительно будущаго. Послѣднее мнѣніе представляется намъ болѣе основательнымъ, но въ парламентъ, поминимому, будетъ внесено предложеніе въ пользу судебнаго преслѣдованія монархическихъ и другихъ героевъ буланжистской траги-комедіи. Нѣкоторые изъ возможныхъ при этомъ разоблаченій могутъ кинуть неблагопріятный свѣтъ на республиканцевъ,—правда, на не многихъ. Между тѣмъ, на государствѣ лежитъ много очень трудныхъ и неотложныхъ задачъ. Оно должно законодательными мѣрами поднять и обезпечить благосостояніе рабочихъ массъ, чтобы создать дѣйствительно просвѣщенную, умственно и нравственно сильную демократію. Въ этомъ отношеніи Франціи приходится еще догонять законодательство Англіи и Германіи. Успѣхи первой изъ нихъ были бы, конечно, несравненно значительнѣе, если бы не ирландскій вопросъ, не то жалѣзное упорство, съ которымъ англійскіе консерваторы противятся ирландскому самоуправленію. Несчастной Ирландіи въ настоящее время грозитъ голодъ, и это бѣдствіе только усиливаетъ ненависть ирландцевъ противъ лендлордовъ и англійской администраціи. Знаменитый Джонъ Морлей недавно посѣтилъ Ирландію, чтобы собрать точныя и непосредственныя свѣдѣнія о положеніи Зеленаго острова и о дѣйствіяхъ тамъ полицейской власти. То, что увидѣлъ этотъ государственный человѣкъ, свидѣтельствуетъ о вопиющихъ стѣсненіяхъ свободы, съ одной стороны, и о бессилии этихъ мѣръ—съ другой стороны, потому что броженіе среди ирландскаго народа не улеглось, а усилилось. Въ Типперари, на глазахъ вѣроятнаго преемника Гладстона въ качествѣ вождя либеральной партіи, безъ всякаго повода со стороны нѣсколькихъ ирландскихъ депутатовъ парламен-

та, который населеніе устроило сочувственную, но безусловно мирную демонстрацію, полиція пустила въ ходъ оружіе, и въ результатѣ оказа- лось ранеными нѣсколько ни въ чемъ неповинныхъ людей. *Temps* замѣ- чаетъ по поводу разсказа Джона Морлея, что дѣйствующее въ Ирландіи осадное положеніе нуждается въ молчаніи и темнотѣ, и слово такого прав- диваго и вліятельнаго человѣка, какъ знаменитый авторъ біографій вели- кихъ французскихъ энциклопедистовъ, раскроетъ глаза той части англій- скаго общества, которая поддерживаетъ политику Салисбюри и Бальфура. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасовъ и безобразій ни покрывала живая за- бота о могуществѣ государства, сколько наивныхъ людей не въ состояніи было разглядѣть за такую заботой вопіющаго произвола! Но воспитаніе народныхъ массъ, на темные инстинкты и на апатію которыхъ опиралось много корыстныхъ расчетовъ и застарѣлыхъ предрасудковъ, идетъ на Западѣ Европы быстрыми шагами впередъ. Католическая церковь продол- жаетъ настойчиво бороться со свѣтскою школою, но просвѣщеніе, тѣмъ не менѣе, распространяется широкою волною. Столкновения государства съ папскимъ престоломъ не прекращаются, и послѣдній настолько еще могу- щественъ, что въ состояніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ торжествовать по- бѣду. Мы не встрѣтили въ нашей печати указаній на пререканія католи- ческаго духовенства съ венгерскимъ правительствомъ, а пререканія эти заслуживаютъ упоминанія. Распоряженіемъ отъ 26 февраля нынѣшняго года министръ народнаго образованія и культовъ опредѣлилъ порядокъ за- писи новорожденныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестить младенца свя- щенникъ не того вѣроисповѣданія, къ которому долженъ принадлежать ребен- окъ. Законъ постановляетъ, что при смѣшанныхъ бракахъ мальчики слѣ- дуютъ религіи отца, дѣвочки—вѣроисповѣданію матери. Этимъ закономъ (1868 г.) предполагалось оградить свободу вѣроисповѣданія и возможность раз- нообразныхъ столкновеній. Не было, однако, установлено никакихъ взысканій за его несоблюденіе и поэтому на практикѣ онъ очень часто нарушался. Въ 1879 году было введено наказаніе за такое нарушеніе (арестъ до двухъ мѣсяцевъ и денежное взысканіе до трехсотъ гульденовъ). Но въ законѣ ока- залась недомолвка: принадлежность къ тому или иному вѣроисповѣданію опре- дѣлялась въ немъ не актомъ крещенія опредѣленнымъ обрядомъ, а зане- сеніемъ въ вѣроисповѣдные списки. Это противорѣчитъ религіознымъ пред- ставленіямъ, и по суду священники, нарушавшіе законъ 1868 года, полу- чали поэтому оправданіе. Упомянутое распоряженіе 26 февраля пытается устранить недоразумѣніе, но католическое духовенство отказывается по- виноваться и обратилось за разрѣшеніемъ въ Римъ, въ полной увѣренно- сти, что папа одобритъ его образъ дѣйствій.

Впрочемъ, въ Венгріи поводовъ для столкновенія католической церкви съ государственною властью меньше, чѣмъ въ большей части европей- скихъ государствъ, и дѣло кончится, по всей вѣроятности, обоюдными уступками. Гораздо болѣе грозное положеніе занимаетъ католическая цер- ковь въ Германіи. Опасности для нѣмецкой школы съ этой стороны, одна-

ко, не предвидится, потому что государство и общество не уступитъ къ столь жизненномъ для нихъ вопросъ. Школѣ въ Германіи грозятъ иная опасность,—со стороны самого государства, стремящагося подвергнуть ее строгой регламентаціи и стѣснить частную школу. На это указываетъ интересная статья въ *Freisinnige Zeitung* (18 сентября). Конституція предоставляетъ каждому гражданину, получившему известное образованіе, свободно открывать учебное заведеніе. Но существуетъ распоряженіе, не отмененное закономъ, по которому учебное вѣдомство разрѣшаетъ открытіе школы (частной) въ такомъ случаѣ, если на это является общественная потребность. Само собою разумѣется, что опредѣленіе такой потребности администраціей можетъ даже въ Пруссіи подать поводъ къ произволу, къ тому же, по вѣрному замѣчанію *Freisinnige Zeitung*, что же можетъ быть бѣльшимъ доказательствомъ потребности въ школѣ, какъ не желаніе родителей посылать туда своихъ дѣтей? Чѣмъ менѣе имѣютъ родители вліянія на правительственныя школы, тѣмъ больше свободы должно быть предоставлено въ устройствѣ и пользованіи школами частными, на которыя государство ничего не тратитъ. Противъ чрезмѣрной государственной опеки въ дѣлѣ народнаго образованія въ Германіи начинаютъ раздаваться голоса все сильнѣе и сильнѣе. Недавно вышла брошюра приватъ-доцента филологіи въ Билѣ и, въ то же время, старшаго учителя мѣстной гимназіи, Кауера, *Государство и воспитаніе*, въ которой указываются на опасности такой опеки, на ослабленіе индивидуализма, безъ котораго замираетъ высокая, умственная и нравственная жизнь и цѣлаго общества.

В. Г.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Узнавъ, о чемъ трактуютъ изданія харьковскихъ учительницъ — *Что читатъ народу*, — представленныя на парижскую выставку, французскій рабочій изумился и на вопросъ, что должно быть содержаніемъ такихъ изданій, онъ отвѣтилъ: «Какъ что?!—все!» И во Франціи не только каждый блузиникъ и каждый интеллигентъ, но и каждый ребенокъ знаетъ, что народу можно читать «все» и что тутъ не скрывается ровно никакого вопроса, который бы слѣдовало разрѣшать. Конечно, это «все» не значитъ, что народу слѣдуетъ читать безъ выбора; «все» — это только право народа самому знать, что ему читать нужно, это право каждого знать все, что создаетъ печать.

Но какъ бы былъ изумленъ тотъ же рабочій, когда бы онъ узналъ, что «что читать народу» — совсѣмъ не политическій вопросъ, а описаніе путешествія группы интеллигентныхъ русскихъ людей въ невѣдомую и таинственную для нихъ область интеллекта русскаго народа, попытка приподнять завѣсу, скрывающую народную душу — умъ и чувство — и установить управляющій ими законъ. Что вослигнулъ бы французъ-рабочій, узнавъ объ этомъ путешествіи, я не знаю, но несомнѣнно, что онъ развелъ бы руками отъ удивленія и сказалъ бы: «не понимаю». Не понималъ бы этого ни англичанинъ, ни нѣмецъ, ни итальянецъ, ни испанецъ; не понималъ бы ни одинъ европейскій человекъ, ни рабочій, ни интеллигентъ, а мы такъ что-то въ этомъ понимаемъ, и не только понимаемъ, но и создаемъ для себя очень важный вопросъ. И вопросъ тутъ, дѣйствительно, есть, вопросъ очень важный, только не въ томъ, въ чемъ мы его видимъ.

Когда въ 1884 г. вышелъ первый томъ *Что читатъ народу* (увѣсистая книга въ 50 листовъ), то въ умахъ нашихъ интеллигентныхъ людей какъ бы почувствовалось маленькое землетрясеніе. Вся печать и даже нѣкоторые изъ нашихъ почтенныхъ и уважаемыхъ ученыхъ отнеслись къ изданію харьковскихъ учительницъ чуть ли не съ восторгомъ. Для всѣхъ было очевидно, что изъ увѣсистаго тома распространяются какіе-то новые, до сихъ поръ невѣдомые лучи и освѣщаютъ новый невѣдомый міръ, о су-

ществованіи котораго интеллигенція ничего не знала. Когда въ 1889 году вышелъ такой же увѣсистой второй томъ, землетрясенія въ умахъ уже не замѣчалось. Второй томъ былъ продолженіемъ перваго, новыхъ лучей отъ него не шло и новаго невѣдомаго міра не освѣщалось. Но и первый, и второй томы были несомнѣнно работою весьма почтенной, въ которую было положено много искренности, доброжелательства, любви къ народу и труда, а, самое главное, настойчиваго желанія раскрыть и изслѣдовать то, что казалось никому неизвѣстнымъ и что и въ дѣйствительности было очень многимъ неизвѣстно. Все это давало харьковскимъ учительницамъ несомнѣнное право послать свои изданія на парижскую выставку и такое же право предполагать, что это изслѣдованіе будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ и настолько же новымъ для Европы, сколько и для насъ. Харьковскія издательницы въ этомъ, конечно, и не ошиблись.

Два такіе почтенные тома должны были произвести на французовъ внушительное впечатлѣніе. Не зная еще ихъ содержанія, они по одному ихъ объему должны были заключать, что трудъ, имѣющій такіе большіе размѣры, не можетъ не быть серьезнымъ, не можетъ не касаться одного изъ важныхъ вопросовъ страны, не можетъ не отвѣчать ея нуждамъ и быть настолько же полезнымъ. Вѣдь, если бы составительницы не были сами убѣждены въ этомъ, онѣ не рѣшились бы свое изслѣдованіе представить на международное обсужденіе. Такъ должны были разсуждать французы до знакомства съ содержаніемъ *Что читаетъ народу*. Ознакомившись же съ нимъ, они едва ли поняли, о чемъ собственно идетъ дѣло. Между *Что читаетъ народу* и сибирскимъ механикомъ-самоучкой, сидѣвшимъ на той же выставкѣ на-показъ въ особой клеткѣ, они, несомнѣнно, нашли нѣчто общее. И повѣяло на нихъ стариной, чѣмъ-то давно отжившимъ, о чемъ никакихъ живыхъ воспоминаній не сохранилось,—не то рассказы Вобана, не то царствованіемъ Людовика XIV, когда и во Франціи между народомъ и интеллигенціей лежала непроходимая пропасть, когда земледѣльцы считались особою породой людей, когда, какъ говоритъ Вобанъ, у нихъ даже и образа человѣческаго не было и когда французамъ нужно было растолковывать, что и земледѣльцы—люди, что и у нихъ человѣческая душа, что и они думаютъ по-человѣчески и чувствуютъ по-человѣчески, и имѣютъ человѣческія радости и печали, надежды и желанія.

Не ваявъ живымъ, дѣятельнымъ чувствомъ ни содержанія *Что читаетъ народу*, ни мировоззрѣнія харьковскихъ учительницъ, французы, все-таки, наградили ихъ трудъ золотомъ медалью за его несомнѣнную почтенность, хотя этой почтенности они постигнуть и не могли. И все это тоже понятно, и все это въ порядкѣ вещей. Въ такомъ же порядкѣ вещей, какъ и то, что на международныхъ состязанія въ умѣ, знаніяхъ и развитіи мы являемся не во всеоружіи зрѣлыхъ силъ, какими являются французы, американцы, англичане, нѣмцы, а выступаемъ всегда съ начинаніями, съ зародышами чего-то, не имѣющими законченнаго настоящаго.

Зная это хорошо и сами, мы на международных состязаніях держимъ себя скромно, съ видомъ учениковъ приготовительнаго класса. Мы понимаемъ, что намъ далеко еще до выпуска, и потому не корчимъ изъ себя выпускныхъ. Но, въ то же время, мы знаемъ, что Богъ и насъ создалъ изъ той же глины, какъ французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, и если мы въ такомъ же, какъ они, всеоружіи не можемъ еще явиться на международный пиръ, за то мы сознаемъ и понимаемъ, что и передъ нами лежитъ открытый путь развитія, по которому идутъ уже давно европейцы. Такъ какъ мы все это понимаемъ, а идти въ хвостъ намъ, все-таки, обидно, то чувство своего международного достоинства мы уравниваемъ тѣмъ, что при всякомъ подходящемъ случаѣ стараемся напомнить европейцамъ, что мы хотя и молодой, но за то способный и даровитый народъ, въ подтвержденіе чего представляемъ всегда и доказательства. На послѣдней парижской выставкѣ такое доказательство и изображалъ собою Алмазовъ, сибирскій механикъ самоучка, и частью *Что читать народу*, выставленное харьковскими учительницами. Доказательства эти были хотя и не всѣмъ удачны, потому что они, прежде всего, доказывали не то, что мы хотѣли доказать, но несомнѣнно, что они доказывали немного и то, что мы доказать хотѣли.

Читатель, однако, можетъ спросить, почему я говорю о *Что читать народу*, когда первый томъ его вышелъ въ 1884 году, второй въ 1889, въ этомъ же году была и парижская выставка, а нынче 1890 годъ? Въ русской жизни есть одна особенность, читатель, которая очень помогаетъ каждому публицисту быть современнымъ и свѣжимъ. Особенность эта въ томъ, что у насъ нѣтъ текущихъ вопросовъ или, пожалуй, вѣрнѣе, всѣ наши вопросы текутъ постоянно какъ рѣки и ручьи и постоянно журчатъ, напоминая о себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ журчать столѣтіе, два столѣтія, даже больше (вѣдь, петровскіе вопросы мы и до сихъ поръ еще не всѣ разрѣшили), другіе полстолѣтія и нѣтъ у насъ ни одного такого вопроса, который, народившись съ извѣстнымъ поколѣніемъ, былъ бы этимъ поколѣніемъ и разрѣшенъ. Поэтому - то у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, работа поколѣній должна быть преемственной и поколѣнія должны идти одно за другимъ шагъ въ шагъ. Такъ какъ этого нѣтъ и преемственность общественнаго мышленія очень слаба, то каждое поколѣніе живетъ обыкновенно своими собственными чувствами, желаніями, стремленіями, подчасъ ничтожными и не отвѣчающими главнымъ интересамъ и нуждамъ отечества, а вопросы, народившіеся ранѣе, сползаютъ въ плюшкинскую кучу, въ ней ветшаютъ и, въ то же время, постоянно напоминаютъ о своей очереди. Поэтому - то наши вопросы всегда стары и всегда новы, а плюшкинская куча служитъ нестоющимъ матеріаломъ для публицистики и никогда не нарушаетъ ея современности.

Въ подтвержденіе этого я расскажу читателю кое-что изъ своего личного писательскаго опыта. Сдѣлаю я это не потому, что это былъ мой личный опытъ, а потому, что въ этомъ личномъ есть общее, и общаго

больше, чѣмъ личнаго. Когда *Русская Мысль* предложила мнѣ писать *Очерки русской жизни*, работа эта представлялась мнѣ до того новой и незнакомою, что я почувствовалъ себя въ непроходимомъ лѣсу. Конечно, вообще, я былъ для нея немного подготовленъ, но, вѣдь, требовалось писать не вообще, а въ частности, требовалось писать о текущемъ, современномъ, фактическомъ, о жизни въ ея движеніи и главныхъ ея теченіяхъ. Гдѣ же найти эту жизнь и ея теченія, какъ отличить главные теченія отъ неглавныхъ, первое отъ втораго, какъ опредѣлить, что интересуетъ читателя и что его не интересуетъ, что можетъ составлять интересъ большинства, къ которому и нужно обращаться, и интересъ меньшинства, который можно и обойти? Очевидно, что мое невѣдѣніе не могло быть разрѣшено никакими апіорностями и вопросъ о русской жизни могъ быть выясненъ лишь наблюденіями надъ этою самою жизнью и только индуктивнымъ методомъ. Въ нему-то я и прибѣгнулъ. Иніа больше двадцати столѣтнихъ и провинціальныхъ газетъ, я усердно принялся за ихъ чтеніе. Каждый новый фактъ, каждый новый вопросъ, каждое новое сообщеніе я отмѣчалъ подъ особою рубрикой, перечиталъ этииъ способомъ газеты за три мѣсяца и получилъ цѣлый калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Тутъ были и уголовныя преступленія, и тюрьмы, и Сибирь, и судъ, и общественныя и личные нравы, и воспитаніе, и школы, и переселенія, и голодухи, урожай и неурожай, хлѣбныя цѣны, торговля, даже театръ и музыка. Затѣмъ я сосчиталъ въ каждой рубрикѣ число фактовъ и установилъ очередь рубрикъ. Первое мѣсто заняли уголовныя преступленія. Но, очевидно, что не уголовныя преступленія составляютъ основной фонъ русской жизни и первое мѣсто должно принадлежать не имъ.

Во всѣхъ этихъ тщательно собранныхъ фактахъ чувствовался какой-то важный пропускъ, чувствовалось, что есть еще какіе-то факты, не отмѣченные газетами, но въ которыхъ именно и заключается русская жизнь. Конечно, и голодухи, и переселенія, и школы тоже факты изъ русской жизни, но писать о нихъ—значило уйти въ неподлежащую мнѣ область «внутреннихъ обозрѣній». И если бы я ушелъ въ эту неподлежащую область, для бытописанія которой инілся въ *Русской Мысли* особенный отдѣлъ и специальный лѣтописецъ, то могли бы оказаться излишними или *Внутреннія обозрѣнія*, или мои *Очерки*.

Поле наблюденій, очевидно, нужно было расширить и за вѣншіи фактами поискать еще и факты внутренніе, найти какой-то большой всеобщій фактъ, который надъ всѣми этими сборными фактами носится какъ «духъ надъ бездною», какъ творческая сила, ихъ создающая, какъ ихъ причина.

Какой же это такой всеобщій фактъ и гдѣ его искать? Прямо на него газеты не указывали, но всѣмъ, что читалось между строкъ, они говорили объ его существованіи. И, въ самомъ дѣлѣ, отчего у насъ часты голодухи, отчего наши школы и наше образованіе находятся въ такомъ, а не въ другомъ видѣ, отчего мужикъ нашъ и до сихъ поръ чув-

Есть, мы же это кочеванье зовемъ совсѣмъ неподходящимъ словомъ «переселеніе» и ничего для правильной организаціи народнаго стремленія къ удовлетворяющему его укладу жизни не дѣлаемъ, отчего у насъ такъ много личныхъ и общественныхъ безобразій и взаимнаго насилія, отчего «черная сотня» беретъ перевѣсъ надъ интеллигенціей въ общественныхъ дѣлахъ, отчего у насъ въ загонѣ всякое свободное стремленіе къ личной самостоятельности, отчего въ загонѣ женскій трудъ, да, пожалуй, и сама женщина?... Эти «отчего» тянутся нескончаемою вереницей и каждый фактъ, который даютъ газеты, возбуждаетъ непременно свое «отчего». Отчего?!—очевидно, оттого, что надъ бездною носится не духъ той творческой силы, который долженъ бы надъ нею носиться. Вѣдь, не факты и статистическія цифры управляютъ жизнью, а управляютъ ею идеи, понятія, сознаніе, руководящіе всѣми дѣлами людей и всѣми ихъ поступками. Эти-то идеи и понятія и связываютъ всѣ отдѣльные факты въ одно цѣлое, всѣмъ имъ даютъ одинъ всеобщій цвѣтъ и окраску и, конечно, только въ нихъ однихъ заключается истинное и всеобщее существо русской, да и всякой жизни.

Поднявшись въ область этихъ высшихъ и болѣе сложныхъ фактовъ, пришлось опять раскладываться. Объ этомъ раскладываніи я пока говорить подробно не буду, замѣчу только вотъ что. Теперь не время творческихъ идей, а время подчистокъ и подметанья, т.-е. такой работы, которую успешно (конечно, лишь, повидимому) могутъ производить и люди вторыхъ и третьихъ величинъ. Оттого-то они такъ и выдвинулись. Особенность этой работы заключается въ томъ, что она нагромождаетъ такую массу практическихъ мелочей, что изъ-за щепокъ не видно лѣса и утрачивается умственная перспектива. Ужъ не съ сегодня однимъ стало и совсѣмъ не видно лѣса, а другимъ онъ видится лишь въ недосыгаемой синей дали. Творческая идея, отодвинутая въ такую туманную даль, разумѣется, не могла казаться особенно нужной, а вниманіе, поглощенное щепками, помутило настолько сознаніе, что создало весьма своеобразный оптимизмъ, который гораздо хуже всякаго оппортунизма. Я приведу только одинъ фактъ изъ области этого оптимизма, настолько уже распространившагося или, во крайней мѣрѣ, пытающагося распространиться, что куриная слѣпота, которую онъ зараженъ, можетъ сдѣлаться, пожалуй, и общественною болѣзью.

Сущность теперешняго нашего умственнаго момента заключается въ томъ, что жизнь сверху внизъ призастыла, не закончивъ начатаго было ею движенія, и покрылась ледяною корою, какъ покрываются ею рѣки отъ мороза. Теченіе продолжается болѣе свободно только внизу, да и тамъ оно зимнее, холодное, сочащееся. Казалось бы, этотъ фактъ вполне установленъ и всѣмъ очевиденъ и ясенъ. А, между тѣмъ, наши оптимисты, идеалы которыхъ не идетъ дальше ибѣанскаго счастья и которыхъ восьмидесятыя годы удовлетворяютъ вполне и умственно, и нравственно, и экономически, усмотрѣли въ этомъ сочащемся движеніи (да усмотрѣли еще и

не просто, а съ благодушнымъ самодовольствомъ, что Богъ только ихъ наградила историческою проницательностью, а другимъ ея не дасть)... ну, угадайте, что они усмотрѣли? Нѣтъ, не угадать вамъ, читатель, потому что для такой исторической проницательности нужно не видѣть ничего вперед и сидѣть въ щепкахъ, заслоняющихъ всю синюю даль. Это, вѣдь, тоже не всѣмъ дается! Право, и говорить-то серьезно не хочется, но и смѣяться тутъ не надъ чѣмъ, потому что атошь мѣщанскій оптимизмъ есть, въ сущности, упадокъ общественной мысли до очень низкаго уровня, когда она, уже совсѣмъ безкрылая, начинаетъ перелетать, какъ курица, съ кучи на кучу и находить себѣ въ этомъ не только полное удовлетвореніе, но и всякую другую мысль, пытающуюся подняться выше и охватить большій кругозоръ, хочетъ низвести до собственнаго уровня. Чему же тутъ радоваться, надъ чѣмъ тутъ смѣяться? Изъ той исторической проницательности, которую обнаружилъ нашъ мѣщанскій оптимизмъ, читатель и самъ убѣдится, насколько все это вѣрно. Въ сочащемся движеніи низовъ, движеніи вполне общественно-бессознательномъ и не заключающемъ въ себѣ ничего политическаго, мѣщанскій оптимизмъ усмотрѣлъ *начинающееся народное четвертое сословіе*. Это у насъ-то четвертое сословіе! И какіе же признаки его народнаго? Народъ, видите ли, или, точнѣе, городскіе мѣщане начали заводить школы грамотности... Нѣтъ, четвертое сословіе создается не школами грамотности, въ которыхъ учатъ чернички, да оставные пономари и солдаты, а кое-чѣмъ другимъ. И вотъ если бы это самое другое поддѣлалъ мѣщанскій оптимизмъ въ начинающемся стремленіи народа къ грамотности, онъ былъ бы вполне правъ. Вѣдь, и при Людовикѣ XIV, когда Кольберъ далъ экономическій толчокъ Франціи, обездоленный и голодный французскій мѣщанинъ и крестьянинъ тоже стали учиться грамотѣ, но какому бы французскому публицисту вбредло на мысль пророчески усматривать въ этомъ возникновеніе четвертаго сословія? И у насъ при Киселевѣ народъ начиналъ учиться грамотѣ, школы грамотности у насъ существовали съ незапамятныхъ временъ и придуманы онѣ были не министерствомъ просвѣщенія, а самимъ народомъ (школы для народа завелись у насъ еще при Владимірѣ святомъ). И все это было началомъ возникновенія въ Россіи четвертаго сословія?! Нѣтъ, ужъ если приходится искать въ этомъ всеобщее возникновеніе чего-то, то скорѣе всего возникновеніе въ народившейся въ восьмидесятыхъ годахъ публицистикѣ общественной бессознательности и кругозора короче воробьиного носа.

Привелъ я этотъ фактъ не только потому, что онъ наиболѣе свѣдѣній (нашелъ я его въ сентябрьскомъ № нынѣшняго года одной провинціальной газеты), а еще и потому, что въ немъ весьма послѣдовательно отражается одно изъ движеній мысли, начавшееся въ восьмидесятыхъ годахъ, когда явилась реакція противъ предъидущаго времени, а еще болѣе потому, что онъ очень рѣзко выдвинулся впередъ при раскладываніи въ фактахъ высшаго порядка, о которомъ я сказалъ.

Раскладываніе показало, что, кромѣ настоящей, чистокровной реакціи

разных цвѣтовъ, оттѣнковъ и направленій, совершенно открытой и искренней, ничего не стыдящейся и ни отъ чего не красящейся, какъ реакція *Гражданина*, есть еще реакція тайная, бессознательная, — реакція, считающая себя даже новою прогрессивною силою, открывающею новые прогрессивные пути, это — тотъ оптимизмъ, о которомъ я сейчасъ говорю.

Оба эти реакціонныя движенія настолько занимаютъ въ нашей печати чередовое мѣсто и по числу органовъ, и по энергій, съ какою они дѣйствуютъ, что туманъ, который они вносятъ въ понятія, совершенно сбиваетъ съ толку общественное сознание и получается невообразимая путаница. Читатель уподобляется «человѣку между добродѣтелью и порокомъ» и стоитъ, растопыривъ руки и ноги, не зная, куда ему идти и кого слушать. Получается то, о чемъ мнѣ писалъ толстовецъ. Недоумѣлый читатель, особенно изъ молодыхъ, теряясь въ царщій разногласицѣ, не знаетъ, какъ ему отличить бѣлое отъ чернаго, истину отъ лжи, правду отъ неправды. Тутъ ужъ приходится толковать не объ идейныхъ принципахъ и творческихъ задачахъ, которые держать мысль на верхахъ, а приходится толковать и спорить, напримѣръ, о такихъ вздорахъ, четвертое или не четвертое сословіе образуютъ наши мѣщане, заводящіе школы грамотности, идемъ ли управляють жизнью, или неосмысленные факты и мелкая мѣщанская практичность, тогда ли выше общественная жизнь, когда во главѣ ея стоятъ даровитые люди, когда эта жизнь бьетъ ключомъ, выражается въ художественномъ творествѣ, въ богатой и блестящей литературѣ, въ оживляющей мысль печати, или когда она сидитъ, какъ сандрильонка, за печкой, въ хорошихъ ли политическихъ учрежденіяхъ и порядкахъ заключается основная возможность общественнаго развитія, или въ моральномъ воспитаніи совершеннаго человѣка, который затѣмъ своимъ добродѣтельнымъ житіемъ сдѣлаетъ ненужными политическія учрежденія и все пойдетъ само собою, какъ по маслу?

Вотъ о какой азбукѣ общественности, забытой публицистами восьмидесятихъ годовъ, приходится теперь толковать и спорить, чтобы спасти общественное сознание отъ гипнотическаго состоянія, въ которое его приводитъ одна часть печати. А толстовецъ упрекаетъ меня въ полемикѣ, которою я будто бы слишкомъ занимаюсь. Да развѣ это полемика? Надо трубить въ трубы и бить въ барабаны, надо бревномъ толкать, подъ боги засыпающихъ людей, чтобы они очнулись и были похожи на живыхъ. На крики и вопли надо отвѣчать такими же криками и воплями, а не жужжать весенними кроткими мухами, которыя и жалить-то не умѣютъ. Это ужъ слишкомъ добродѣтельно. А, вѣдь, другая часть нашей печати именно и играетъ въ подобную добродѣтель. Ей какъ будто не хочется пачкать ругъ, не хочется надрываться крикомъ въ спорѣ съ людьми, на которыхъ она смотритъ сверху внизъ; она боится уронить свое достоинство и пугается съ безразличнымъ чувствомъ непорядочности, до которой ее можетъ принизить полемика. Но если вашъ уместный аристократизмъ не позволяетъ вамъ приниматься до полемики, — ну, и оставьте ее, а, все-таки, трубите въ

трубы и бейте въ барабаны, чтобы вашъ голосъ былъ слышимъ, чтобы васъ читали, чтобы общество думало съ вами и знало бы, съ кѣмъ ему думать не слѣдуетъ. Если жизнь опустилась настолько, что снова приходится толковать объ азбукѣ,—ну, и нечего дѣлать, надо толковать объ азбукѣ. Конечно, обидно и досадно обращаться десятки разъ все къ тѣмъ же б-а—ба, больно за печать, что ей приходится быть школкой грамотности: но если ей больше ничего не остается дѣлать, какъ спасать общественное сознание и поднимать общественную мысль, то и приходится заниматься только этими дѣлами, помня о томъ муравьѣ, который дованосто дѣлать разъ лѣзь на стѣну и всякій разъ обрывался, полѣзь въ сотый—и вѣдь.

Когда, раскладываясь между газетными фактами всѣхъ сортовъ и величинъ, пришлось придти къ этимъ мыслямъ и составить соответственную имъ программу требованій современной публицистики, то, вѣсть съ тѣмъ, выяснилась и еще одна особенность нашего общественного мышления: законъ повторности. А законъ этотъ заключается въ томъ, что то, что мы еще вчера знали хорошо, мы забываемъ сегодня, но завтра опять возвращаемся къ тому же, какъ къ чему-то новому и нами самими придуманному, потому опять забываемъ, опять припоминаемъ и такъ бесконечно, ставя и не разрѣшая вопросовъ и накопляя ихъ въ кучу, передаваемую изъ года въ годъ отъ поколѣнія поколѣнью.

Недавно, совсѣмъ по особенному случаю, мнѣ пришлось просматривать статьи, которыя я писалъ лѣтъ 20—30 назадъ. Оказалось, что почти всѣ онѣ могутъ быть напечатаны и нынче, даже безъ освѣженія, и будутъ имѣть текущій интересъ. Да, вѣдь, это же бѣдствие! Ну, какъ тутъ публицисту не повторяться и не дописаться до банальности? Одно только и можетъ спасти публициста отъ подобной бѣды — отсутствіе памяти. И каждый публицистъ долженъ молить объ этомъ Бога, если онъ хочетъ сохраниться. Только забывая все, что публицистъ переживалъ и писалъ раньше, онъ каждый повторяющійся фактъ, каждое повторяющееся явленіе общественной жизни снова приметъ живымъ чувствомъ и свѣжею мыслью, какъ бы нѣчто совсѣмъ новое, и напишетъ о нихъ свѣжо. Въ этой способности переживать старое, какъ новое, и заключается весь секретъ живучести писателя.

Но та же повторность, грозящая публицисту бѣдой, очень помогаетъ ему въ его механической работѣ. Раскладывая газетные факты по кучкамъ за нѣсколько мѣсяцевъ, я на каждомъ шагѣ встрѣчалъ старыхъ знакомыхъ. Найдешь новый, повидимому, фактъ въ какой-нибудь провинціальной газетѣ, глядишь—тотъ же фактъ повторяется или въ столичной, или въ другой провинціальной газетѣ. И это совсѣмъ не въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—нѣтъ, а въ теченіе недѣль, двухъ недѣль или уже много мѣсяца. Очевидно, что въ египетской работѣ выслѣживанія фактовъ за большое время, распределенія ихъ по рубрикамъ и т. д., работѣ скучной и утомительной, не было никакой нужды. Всегда тамъ или здѣсь обмывался торчащій изъ илюминированной кучи какой-нибудь хвостикъ и стояло

только его потянуть, чтобы потащилось и все его продолженіе, иногда до самаго корня.

Такъ это случилось и теперь. Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* я нашелъ статью, озаглавленную: *Что читать народу*. Въ ней сообщалось о грамотности въ селѣ Алешины. Свѣдѣнія весьма любопытныя и статья хорошая, но она, все-таки, только одинокій хвостикъ, который оказывалось нужнымъ потянуть, чтобы добраться до корешковъ. Ближайшими корешками и оказалось *Что читать народу*. харьковскихъ учительницъ. Это уже не газетная статья, а цѣлыхъ сто печатныхъ листовъ. Матеріалъ богатый, сулящій много. Что же даетъ этотъ богатый матеріалъ?

Въ нашихъ отношеніяхъ къ народу много еще невѣрнаго (точнѣе фальшиваго). Невѣрность (фальшь) заключается въ томъ, что эти отношенія тоже хвостикъ, за который нужно потянуть, чтобы обнаружились его корешки. А корешки—это все тѣ же продолжающіяся, хотя и въ значительно слабѣйшей степени, крѣпостныя чувства и крѣпостныя привычки мысли. Наши образованные и правящіе классы и до сихъ поръ чувствуютъ себя бѣлою костью. И они, дѣйствительно, бѣлая кость. Точно оазисы въ пустынѣ они образуютъ болѣе или менѣе цвѣтушіе особняки и каждый такой цвѣтушій особнякъ знаетъ свои сословныя выгоды, права, границы. Несмотря на сословную обособленность, оазисы связаны взаимными нитями и образуютъ извѣстную цѣльность. Она заключается въ исключительности ихъ общественнаго положенія, въ томъ, что они общественныя органы, съ опредѣленною общественною властью. Это — та властность и постоянныя взаимныя соотношенія, какъ органовъ общественности, сливаются дворянство, духовенство, военное и гражданское служивое сословіе въ одну группу, стоящую на авансценѣ. Бунецъ и разночинецъ хотя и не составляютъ сословія, но тяготеютъ тоже къ авансценѣ и стоятъ во второй линіи. Затѣмъ лежитъ промежутокъ и вдали его стоитъ народъ. Народъ для тѣхъ, кто на авансценѣ, не есть сословіе, онъ—просто народъ, масса, мускульная сила, которою нужно управлять и руководить, сохраняя всегда по отношенію къ ней главенство и верховенство. Этотъ порядокъ отношеній установился самъ собою существующимъ строемъ общественности и не можетъ быть другимъ безъ нарушенія этого строя.

Невѣрность или фальшь отношеній кроется не здѣсь, не въ области общественной официальнойности, а тамъ, гдѣ мы выступаемъ въ качествѣ идейной силы и свободнаго независимаго общества, имѣющаго тоже своей опредѣленный кругъ дѣятельности, свои права и власть. Наши права и наша власть, какъ общества, не юридическія, а умственные и нравственныя, и только въ нашей умственности и въ нашемъ развитіи и заключается вся наша сила. Областью нашего поведенія служитъ исключительно общественная нравственность и общественные принципы, и чѣмъ они выше, чище, человѣчнѣе, тѣмъ чище, выше, человѣчнѣе и святѣе наше общественное поведеніе.

Для этого нужно быть не только умственно-развитымъ человѣкомъ, но

имѣть еще и сердце, глубоко охваченное и потрясенное чувствомъ любви и уваженія къ человѣческому достоинству. А этимъ чувствомъ нужно за-
пасться въ молодости, когда живетъ всѣми ощущеніями жизни, когда ду-
ша раскрывается для любви къ человѣку и человечеству и когда сердце
поддается легко пульсу жизни.

Когда мы говоримъ объ общественной нравственности, мы говоримъ
только о тѣхъ лучшихъ людяхъ общества, которые рядомъ съ офици-
альной Россіей, дѣлающею официальное дѣло, тоже дѣлаютъ свое обще-
ственное неофициальное дѣло. Преобладающую особенность этихъ луч-
шихъ людей составляетъ ихъ доброжелательство. Въ немъ только ихъ сила
и оно только является двигателемъ всего ихъ общественно-доброжелатель-
наго поведенія. Но эта сила, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ единствен-
нымъ ресурсомъ, съ которымъ люди выступаютъ на свое общественное
дѣло. Приступая къ нему, они подчасъ ничѣмъ инымъ, кромѣ доброже-
лательства, и не располагаютъ. Принявшись за свое хорошее дѣло, они
только на немъ ему учатся и силы ихъ уходятъ не прямо на это дѣло,
а на подготовленіе себя къ нему. Такимъ образомъ, практика современного
доброжелательства есть, въ большинствѣ случаевъ, только школа, въ кото-
рой лучшая часть интеллигенціи готовится для будущаго настоящаго дѣла.

И, принявшись разрѣшать вопросъ, «что читать народу», мы центромъ
тяжести сдѣлали не народъ, которому хотимъ помочь, а самихъ себя. Не
въ народъ мы и ушли, чтобы слиться съ нимъ и составить однородное
общечеловѣческое цѣлое. Народъ стоитъ внѣ насъ, вдали, и мы только на
него смотримъ и изучаемъ его, какъ что-то, если намъ и не чужое, то
чуждое, невѣдомое и незнакомое. Невѣрность (фальшь) здѣсь въ томъ,
что, думая, что мы находимся къ народу въ субъективныхъ отношеніяхъ,
мы занимаемъ положеніе объективное, наблюдательное, верховое, что на-
родъ для насъ все тотъ же отрѣзанный ломотъ, что мы чувствуемъ себя
выше его и не съ нимъ переживаемъ его ощущенія, чувства и думы,
а только ихъ выглядываемъ и записываемъ, точно передъ нами не такіе
же люди, созданные съ нами по одному нравственному и умственному
типу, а что-то совсѣмъ иное и живущее по иному, чѣмъ мы, закону. Во
всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда той христіанской идеи, которая
гласитъ: люби ближняго, какъ самого себя. Вотъ этой-то идеи и создающихъ
ее чувствъ въ насъ и нѣтъ, потому что никогда и ни на чемъ мы ихъ
въ себѣ не воспитывали. Условія нашей общественности воспитывать ихъ
въ насъ не могли, а въ томъ самовоспитаніи и саморазвитіи, которое мы
сами себѣ создавали, мы именно и не находили истинной христіанской
(общечеловѣческой) нравственности, которую хотя мы и искали, но найти
не могли, потому что никогда не подходили къ ея источнику. Не ощутивъ
въ себѣ ни разу его животворной влаги, мы и въ себѣ не могли создать
ключа живой воды, — того ключа, который одинъ только служитъ родникомъ
всѣхъ человѣческихъ чувствъ и всѣхъ нашихъ отношеній къ ближнему и
всей нашей общественной нравственности.

Для большей наглядности и пользуясь, как поводомъ, проповѣдническою дѣятельностью гр. Л. Н. Толстаго, я скажу объ этой дѣятельности нѣсколько словъ. Гр. Толстой несомнѣнно крупный человѣкъ, и это всѣмъ извѣстно; гр. Толстой несомнѣнно крупный талантъ—и это тоже всѣмъ извѣстно; наконецъ, гр. Толстой есть крупный моральный вѣроучитель нашего времени—и это не только извѣстно, но есть и такіе алчущіе и жаждущіе правды, которые прибѣгаютъ къ Толстому, какъ къ ея источнику. И, странное дѣло, что этотъ источникъ находитъ очень небольшое число истинныхъ послѣдователей, а все остальное или совершенно равнодушно къ тому, что гр. Толстой говоритъ, или враждуетъ ему. Еще, повидимому, странно, что и равнодушные, и враждующіе, все-таки, читаютъ все, что напишетъ гр. Толстой, и списки его сочиненій расходятся повсюду въ тысячахъ экземплярахъ и проникаютъ даже въ самыя глухіе деревенскіе углы. Причина этого не только въ томъ, что гр. Толстой самый крупный изъ современныхъ писателей и всякій интересуется тѣмъ, что онъ пишетъ, но и просто въ любопытствѣ.

Но почему же такой популярный писатель, котораго читаютъ, можетъ быть, сотни тысячъ людей, увлекаетъ только единицы, почему, ставъ вѣроучителемъ и проповѣдникомъ, онъ не сдѣлался вождемъ и сотни тысячъ его читателей только издали смотрятъ на проповѣдническое шествіе вѣроучителя, за которымъ, сравнительно съ его проповѣдническою энергіей, тянется только очень небольшая хвостъ? Да только потому, что во всемъ, что пишетъ гр. Толстой, недостаетъ именно того, что могло бы сдѣлать его всеобщимъ вождемъ.

Многое, напримѣръ, что гр. Толстой находитъ нехорошаго въ бракѣ, находятъ и другіе тоже нехорошимъ. Но это учрежденіе первоначально было очень хорошимъ. Цѣлыя тысячелѣтія думало человѣчество, пока оно придумало эту форму жизни. И бракъ, какъ результатъ этихъ тысячелѣтнихъ думъ, явился великимъ учрежденіемъ, не только глубоко нравственнымъ, но и страховымъ, доставившимъ людямъ успокоеніе и личное счастье и спасшимъ женщину отъ насилія, ибо въ мужѣ онъ ей создалъ покровителя и защитника. Тамъ это и тянулось тысячелѣтія. Если съ большимъ развитіемъ понятій о правахъ человѣка и женщина стала исать въ мужѣ не одного покровителя и защитника и въ прежнія понятія о брачныхъ отношеніяхъ стали вводиться поправки, если женщина потребовала и себѣ ту же долю самостоятельности, которой пользуется мужъ, то, вѣдь, это значитъ только одно, что идея равноправности (или, точнѣе, равнаго достоинства) сдѣлала такіе успѣхи, что проникла уже и въ семейную сферу и вынуждаетъ въ ней поправки, которыя, конечно, и явятся.

Но не въ томъ дѣло, а дѣло въ томъ, почему за гр. Толстымъ идутъ только единицы, хотя его читаютъ всѣ? Вѣдь, не *смыслъ* же въ этомъ слѣдуетъ внимать. И виноваты дѣйствительно не всѣ, потому что не для *смысла* гр. Толстой говоритъ. Ни въ одномъ изъ вопросовъ, которые гр. Толстой такъ энергично поднимаетъ, и ни въ одномъ изъ воле, которыя онъ

также энергично старается побить, онъ никогда не доходитъ до корней, не проникаетъ въ ихъ глубь. Гр. Толстой всегда стоитъ на поверхности, вы видите его сильную фигуру, слышите его убѣжденное и сильное слово, но это слово всегда обращается къ внѣшнему факту. Мало этого, слушатель всегда недоумѣваетъ, почему гр. Толстой обрушивается именно на тотъ или на другой фактъ. Почему, наприм., гр. Толстой обрушился нынче на бракъ и на половое чувство, а въ прошломъ году выступилъ съ обвинительнымъ словомъ, по поводу Татьянина дня, противъ пьянства? Почему онъ проповѣдывалъ противъ противленія злу или противъ жизни не своимъ трудомъ? Вѣдь, все это вопросы, о которыхъ нисколько не хуже говорилось въ нашей печати лѣтъ двадцать пять назадъ и гр. Толстой тогда молчалъ. И печать говорила тогда объ этихъ вопросахъ не только какъ о внѣшнихъ фактахъ, но и углублялась внутрь ихъ.

Въ мирѣ царитъ еще столько зла, лжи, насилія, неустройства, столько разныхъ формъ общественной безнравственности, что совсѣмъ непонятно, почему гр. Толстой выберетъ вдругъ какую-нибудь одну частность, — ну, хотя бы Татьянинъ день, — и наляжетъ на нее со всею силой своей страстной энергій. Да, вѣдь, и проституція, и пьянство, съ его послѣдствіями, и оскорбленіе женщины животнымъ на нее возрѣніемъ, и эксплуатація чужихъ силъ и чужаго труда, — все это лишь частныя слѣдствія одной общей, создающей ихъ причины. Это лишь извѣстныя формы и насилія, и лжи, и всякаго другаго зла, господствующаго еще въ отношеніяхъ людей и живущаго однимъ общимъ и глубокимъ корнемъ. И до этого-то корня, до обобщенія частныхъ золъ и частныхъ формъ всяческаго насилія, до указанія одного общаго начала и основной нравственной идеи, изъ которой уже и исходитъ вся нравственность, графъ Толстой никогда не доходилъ. Дѣйствуя какъ моралистъ, безъ увлекающей силы общей основной идеи, восходящей къ одному неострашимому и всеполюбующему принципу, который, наприимѣръ, покорялъ сердца и умы въ первыхъ проповѣдяхъ христіанства, гр. Толстой всегда оставался болѣе понятнымъ только растеряннымъ единицамъ.

Общій же, простой, но основной принципъ, тотъ основной принципъ личной и общественной нравственности, который именно и отсутствуетъ въ нашей жизни, въ видѣ общесознанной идеи, есть принципъ, создавшій и христіанство. Онъ зовется принципомъ «равнаго достоинства». Впрочемъ, всегда будутъ люди и умные и глухие, и сильные и слабые, и добрые и злые, но человѣческое достоинство ихъ какъ было, такъ и будетъ всегда одинаковымъ. И вы, пророкъ и проповѣдникъ нравственности, передъ которыми стоятъ толпы покоренныхъ вами слушателей, и вы, учитель и просвѣтитель народа, внимающаго жадно каждому вашему слову, также равны каждому послѣднему изъ этой толпы, какъ человѣческое достоинство семидесятилѣтняго старца равно такому же человѣческому достоинству семилѣтняго ребенка. Только это чувство достоинства и создаетъ уваженіе къ человѣку, только оно одно и выѣщаетъ въ себѣ любовь, — ту самую любовь, которая въ самомъ корнѣ убиваетъ всякое верховенство надъ ближ-

нимъ и, слѣдовательно, всякую форму насилія—физическаго, нравственнаго и умственнаго.

Чувство равнаго достоинства составляетъ у насъ принадлежность лишь высоко-развитыхъ отдѣльныхъ единицъ и истинно-гуманныхъ людей. И дѣйствительно, только вполне гуманный и развитой человекъ можетъ цѣнить и уважать такую же нравственную свободу въ другомъ, не ставя ни себя въ зависимость отъ него, ни требуя и отъ него зависимости. Это же чувство вырабатывается только полнымъ нравственнымъ обновленіемъ, полнымъ освобожденіемъ себя отъ узъ тѣхъ понятій, поведеній и привычекъ, которыя создаются условіями жизни, построенной на зависимости. Вѣдь, всего тридцать лѣтъ, какъ мы разстались съ крѣпостнымъ правомъ, которое одинаково развращало и тѣхъ, кто стоялъ выше, и тѣхъ, кто стоялъ ниже. Перемена свершилась покуда внѣшняя, формальная. Ни въ семью, ни въ школу, ни въ воспитаніе нашихъ собственныхъ дѣтей, ни въ воспитаніе народа покуда не проникъ еще этотъ высшій и единственно справедливый воспитательный принципъ, нигдѣ, ни отъ кого и никогда вы не слышали ни слова о человѣческомъ достоинствѣ вашего ближняго. Припомните свое воспитаніе, слышали ли вы хоть одно слово объ уваженіи къ человеку, или же весь строй воспитательной системы училъ васъ только неуваженію и приподыманію себя надъ другими? И затѣмъ мы же удивляемся, а моралисты, не сказавшіе намъ ни разу, ни одного слова объ истинной человѣческой нравственности, даже и негодуютъ, что вся наша жизнь спуталась въ какой-то громадный комъ взаимныхъ неуваженій и глубочайшаго всеобщаго нравственнаго невѣжества!

Этотъ замѣчаніе было бы слишкомъ жестко, если бы примѣнить его вполне къ *Что читаетъ народу*, но насколько, въ цѣляхъ настоящаго очерка, мнѣ казалось нужнымъ уяснить, почему пользующійся несомнѣннымъ всеобщимъ уваженіемъ и составляющій нашу гордость гр. Толстой, несмотря на всю авторитетность своего имени, обнаруживаетъ очень слабое нравственное вліяніе на общество, такъ въ тѣхъ же цѣляхъ мнѣ хотѣлось воспользоваться и несомнѣнно почтеннымъ трудомъ харьковскихъ учительницъ, чтобы выяснить его истинную морально-общественную сущность.

Что читаетъ народу есть собственно сказаніе харьковскихъ учительницъ о томъ невѣдѣніи, съ какимъ онѣ вступили въ незнакомый имъ міръ, называемый народомъ. Это невѣдѣніе не замѣчается, пока учительницы разбираютъ книги духовно-нравственнаго содержанія, по естественнаго, исторіи, біографіи, путешествіямъ (этого рода книгъ въ 1-мъ томѣ разобрано 694 и во второмъ 905, всего 1,599); тутъ интеллигенція чувствуетъ себя въ своей области и дѣлаетъ свое дѣло. Міръ невѣдѣнія начинается для воспитательной интеллигенціи съ той минуты, когда она вступаетъ въ область психологіи и начинаетъ взвѣшивать народную душу и жѣрять ее вдоль и поперекъ произвольнымъ аршиномъ такъ называемой народной литературы, болѣею частью тенденціозной и на-

зидательной, пытающейся выправлять народную дуну по тому или другому шаблону. Литературных произведений, на которых, какъ на пробирномъ камнѣ, производилось опредѣленіе доброты народнаго духа, было разобрано и прочитано харьковскими учительницами 885. И нужно отдать справедливость народной разсудительности, выдержавшей не только блистательно пробу, но еще и открывшей нашей воспитательной интеллигенціи свѣтъ невѣдомаго для нея отравленія. Въ сущности, получился урокъ не для народа, а для насъ, народныхъ учителей и учительницъ, для насъ, народныхъ писателей, для насъ, интеллигенціи вообще.

Еще Декартъ установилъ, что нѣтъ способности, распредѣленной богѣ равномерно между людьми, какъ разсудокъ. Интеллигенція отличается отъ народа не тѣмъ, что ея разсудокъ (умъ) больше или сильнѣе, а только тѣмъ, что онъ имѣетъ возможность работать надъ большими числомъ фактовъ, представляемыхъ ему болѣе развитою и разнообразною жизнью, и создавать поэтому большее число понятій. Но въ этомъ же многообразіи матеріала кроется и опасность для вѣрности выводовъ разсудка. Ему все равно, надъ какимъ матеріаломъ ни работать. Какъ честный счетчикъ, онъ только подводитъ свой итогъ, а будетъ ли итогъ такой или другой, зависитъ уже отъ матеріала, надъ которымъ честный счетчикъ работаетъ. Поэтому-то для интеллигентнаго разсудка гораздо больше опасности сдѣлать невѣрный выводъ, чѣмъ для разсудка человѣка не интеллигентнаго. Народъ живетъ почти исключительно реальными, практическими фактами, работать надъ которыми приходится разсудку не особенно много, потому что эти факты и не многочисленны, и не особенно разнообразны и сложны. Интеллигентному разсудку работы больше. Кромѣ практическихъ, реальныхъ фактовъ, ему приходится имѣть еще дѣло и съ умственными фактами. Но умственные факты заключаютъ въ себѣ подчасъ такіа кривыя и косма-понятія или апіорности, столько бываетъ въ нихъ напѣшано и правды и лжи, и истинъ и заблужденій, что, честно проработавъ надъ всѣмъ этимъ ибѣнаннымъ матеріаломъ, интеллигентный разсудокъ создаетъ лишь выводъ, полный лжи и пустяковъ. Только потому, что у интеллигенціи слишкомъ много всякихъ и всяческихъ умственныхъ фактовъ,—фактовъ не только самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, но самыхъ разнообразныхъ временъ, столѣтій и происхожденій,—и оказывается такое разнообразіе выводовъ разсудка, что люди, живущіе не только въ одномъ городѣ, но въ одномъ домѣ, на одной лѣстницѣ, даже въ одной квартирѣ, могутъ совсѣмъ не понимать другъ друга. Въ народѣ вы этого не найдете. У него фактовъ гораздо меньше, но всѣ они точнѣе, опредѣленнѣе и болѣе обусловлены житейскою необходимостью. Апіорныхъ фактовъ вы у него не встрѣтите. Понятій у него меньше, оттого и словъ у него меньше. Но именно отъ этого архангельскій мужикъ гораздо лучше понимаетъ мужика не только орловскаго, но и минскаго, и полтавскаго, чѣмъ живущіе на одной улицѣ сотрудники двухъ разныхъ петербургскихъ газетъ.

Такимъ образомъ, не народную разсудительность требовалось провѣ-

рять,—требовалось проверить отношение народной разсудительности къ представлениямъ о ней интеллигентной среды. Учительницамъ пришлось занять положеніе статистика, производящаго опросы для того, чтобы самому научиться.

Три дѣвочки, лѣтъ 10, 11 и 12, подаютъ учительницѣ *Чѣмъ люди живы* Толстаго.

«Вотъ вы отгадайте мнѣ каждая по одной загадкѣ, я и отпущу васъ»,—говоритъ учительница, а затѣмъ предлагаетъ вопросы, какое первое, какое второе, какое третье слово узналъ ангель. Отвѣты всё были неулыблы, а третья дѣвочка сказала что-то и совсѣмъ несообразное. Учительница наивно вноситъ въ свой дневникъ: «Для меня было ясно, кто понялъ и кто не понялъ *Чѣмъ люди живы*».

Бъ той же учительницѣ подходятъ еще три ученицы, приблизительно такого же возраста.

«Разсказывайте по очереди,—говоритъ учительница. Дѣвочки разсказываютъ и дѣло идетъ хорошо, но на не подходятъ вопросы.

«Что прежде всего узналъ ангель?»—спрашиваетъ учительница.

— «Онъ узналъ, что если бы жена сапожника не подала ужинать, такъ померла бы»,—отвѣчаетъ первая.

«Ну, а чѣмъ люди живы?»—спрашиваетъ учительница третью.

— «Своею работой»,—отвѣчаетъ она, и только средняя замѣчаетъ: «душою!»

И учительница съ тою же наивностью заноситъ въ свой дневникъ: «Очевидно, что, усвоивъ внѣшнюю сторону разсказа, дѣти остались глухи и нѣмы къ его руководящей идее».

Или стоитъ передъ учительницей маленькая дѣвочка съ тупымъ и сонливымъ выраженіемъ.

«Чѣмъ люди живы?»—спрашиваетъ учительница.

— «Сапожною работой»,—отвѣчаетъ флегматически дѣвочка. Остальные дѣти смѣются.

Еще маленькая дѣвочка очень хорошо разсказала *Чѣмъ люди живы*. Но когда учительница спросила: «чѣмъ же люди живы?»—дѣвочка замолчала. Молчала она и на всѣ три остальные вопроса, недоумѣвая, повидному, чего еще отъ нея добиваются, и, наконецъ, сказала тономъ убѣжденія: «Я все, какъ есть, разсказала».

Подходить къ учительницѣ маленькая, очень плаксивая дѣвочка съ инъеккой въ рукахъ.

«О чемъ ты, Соня?»

— «Не могу отвѣтить»,—отвѣчаетъ Соня, всхлипывая.—И старшія дѣвочки учли, не пойму!»

Одна учительница заноситъ въ свою записную тетрадь: «Меня занимаетъ вотъ какое обстоятельство: десятки дѣтей пересказываютъ мнѣ *Чѣмъ люди живы* и отвѣчаютъ на одни и тѣ же вопросы, предложенные мною, и каждая въ свой пересказъ вноситъ свою собственную индивидуальность,

варьирова на свой ладъ отвѣты, которые, казалось, должны были бы являться одними и тѣми же».

Или же еще учительница (а, можетъ быть, и та же) записываетъ въ дневникъ: *Чѣмъ люди живутъ* приобретаетъ всё болѣе и болѣе популярности въ школѣ... Приходится спрашивать по 6, по 7 ученицъ разомъ. Записывать нѣтъ никакой возможности. Такъ и сегодня въ моей записной тетради стоятъ только отрывочныя фразы, записанныя наскоро карандашомъ... Ничего невозможно разобрать, съ такою поспѣшностью дѣлались замѣтки. Кому принадлежать эти отвѣты, положительно не могу припомнить, мелькаютъ передо мною дѣтскія лица, дѣтскіе глаза, и только. Одно общее впечатлѣніе или, лучше сказать, выводъ остался отъ этого переспроса. Онъ состоитъ въ томъ, что дѣтямъ не свойственна отвлеченность. При вопросѣ, въ воображеніи ихъ, повидимому, возникаетъ цѣлая сцена, и они дадутъ выводъ, но не иначе, какъ воспроизведя эту сцену, связавши реальное происшествіе съ его основною идеей».

Подобныя замѣтки по поводу *Чѣмъ люди живутъ* занимаютъ въ 1-мъ томѣ почти 13 двойныхъ страницъ, а редація или харьковскія издательницы дѣлаютъ такой общій выводъ: «Подводя итоги всему сказанному, очевидно, что художественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитывающій рассказъ *Чѣмъ люди живутъ* можно давать различнымъ возрастамъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, требуя отъ однихъ фактической передачи рассказа, а отъ другихъ болѣе глубокаго пониманія и толкованія его».

Да простятъ меня харьковскія издательницы и учительницы: очень искренно, любовно и доброжелательно отнеслись онѣ къ своему дѣлу, это чувствуется въ каждомъ ихъ словѣ, но въ самой постановкѣ ими дѣла заключается нѣкоторая неопытность.

Одна учительница говоритъ, что хотя Гоголь, какъ и Пушкинъ, писалъ чистымъ литературнымъ, а не простонароднымъ языкомъ, онъ, т. е. Гоголь, и понимается, и читается простолюдиномъ съ большимъ наслажденіемъ. Почему же учительница думаетъ, что для наслажденія простолюдина нуженъ простонародный языкъ? Съ народомъ нужно говорить не простонароднымъ или литературнымъ языкомъ, а обыкновеннымъ человѣческимъ, просто, толково, ясно, не употребляя словъ и выраженій, въ лексиконѣ народа не существующихъ. Въ простотѣ, толковости и ясности весь секретъ и хорошаго литературнаго языка. Пушкинъ не тѣмъ замѣчательнъ, что писалъ «чистымъ» (и что значитъ «чистый»?) литературнымъ языкомъ, а тѣмъ, что ввелъ въ литературный языкъ простоту, ясность, безхитростность рѣчи и покончилъ съ прежнею напыщенностью и съ дѣленіемъ слога на возвышенный и благородный, низкій или неблагородный. Языкъ всегда долженъ быть одинаково благородный и одинаково для всѣхъ простой и ясный. Другаго секрета у хорошаго литературнаго языка и нѣтъ. Пишите, какъ вы говорите, и это будетъ самый лучший языкъ.

Харьковскія учительницы, при всемъ ихъ литературномъ образованіи,

пишутъ не такъ, какъ говорятъ, а говорятъ, вѣроятно, не такъ, какъ онѣ пишутъ. Учительница, о которой рѣчь, предлагаетъ ученицамъ, наприм., такіе вопросы: «какая отличительная черта характера малоросса?» Эта «отличительная черта» была бы неудобопонятна даже въ гимназiи, а въ народной школѣ она уже и совсѣмъ выходитъ изъ школьнаго порядка. Ну, и весь вопросъ тоже очень мудренъ, такъ что, пожалуй, не только каждая изъ деревенскихъ ученицъ, но и не всякая изъ сельскихъ учительницъ отвѣтила бы на него сразу.

Вообще вопросы, предлагавшіеся учительницами (и, вѣроятно, предлагаемые и теперь), отличались мудреностью: «много ли привязанностей было у Герасима?» «Побѣдилъ ли онъ въ себѣ желаніе отомстить врагу?» «Что вынудило мужика бѣжать въ лѣсъ и рубить дерево?» Всѣ эти «вынудило», «приобрѣлъ» да «побѣдилъ», въ особенности «побѣдилъ» — совсѣмъ ужъ не на своемъ мѣстѣ, да не вѣрны они и въ психологическомъ смыслѣ.

Система вопросовъ очень стара. Начала она практиковаться у насъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Когда я учился, у насъ этимъ дѣломъ занимался, въ свободное отъ классныхъ занятій время, инспекторъ. «Что такое окно?» — спрашиваетъ инспекторъ. — «Окно есть дыра», — отвѣчаемъ мы. — «Окно есть отверстіе», — поправляетъ инспекторъ. — «Окно есть отверстіе», — повторяемъ мы. — «Что такое чернильница?» — спрашиваетъ инспекторъ. — «Чернильница есть стеклянка», — отвѣчаемъ мы. — «Чернильница есть сосудъ», — поправляетъ инспекторъ. — «Чернильница есть сосудъ», — повторяемъ мы хоромъ... Вопросами и отвѣтами хотѣли насъ приучить къ точнымъ понятіямъ и опредѣленіямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ нѣмцы-педагоги уже спрашивали: «у лошади четыре ноги, а у собаки?» — «У козла маленькій хвостъ, а у человѣка?» — «Птица покрыта перьями, а баранъ?»... Это были уже вопросы, развивающіе наблюдательность и способность находить сходства и различія. Теперь задача стала гораздо шире, игра въ вопросы и отвѣты ведется для общаго развитія ума, и приняла форму инвизиціоннаго допроса, труднаго для учителей и очень томительнаго для учениковъ, приводящаго ихъ нерѣдко въ ошалѣлое состояніе. Пора бы, кажется, покончить съ этою инвизиціей и замѣнить ее собесѣдованіями и простыми безхитростными разговорами, не доводящими учениковъ до гипнотическаго отупѣнія.

Испытаніе, которое мы задумали сдѣлать народу, чтобы узнать, умѣетъ ли онъ думать, чувствовать и судить по-человѣчески, превратилось какъ-то само собою въ испытаніе насъ, учителей и учительницъ, въ пробу нашихъ педагогическихъ силъ. Испытаніе это показало, что то, что мы еще недавно знали, мы уже успѣли забыть. Читая трогательный рассказъ, вызывающій у крестьянскихъ дѣтей слезы, мы записываемъ это въ наши тетрадки, точно удивляемся, что крестьянскія дѣти могутъ плакать, какъ и наши. Встрѣчаясь съ народнымъ суевѣріемъ или вѣрою въ сны, мы и это записываемъ въ тетрадки.

Нѣтъ, не это требовалось намъ дѣлать. За правдой мы пошли въ школу, — за тою правдой, которая должна была провѣрить насъ, а не народъ, — за

правдой, ради которой мы завели народные школы и ради которой стали народными учителями. Харьковскія учительницы не простые учительницы грамоты и письма, онѣ воспитательницы и наставницы, и потому съ нихъ приходится требовать больше, чѣмъ съ обыкновенныхъ сельскихъ учителей изъ учительскихъ семинарій. Взявшись за воспитаніе народа (а не одно обученіе) и ради него задумавши свершить тотъ громадный трудъ, который онѣ свершили, учительницы должны были встать на соотвѣтственную ему идейную высоту и, прежде всего, выяснить себѣ точно свои психологическія и общественныя задачи. Но этого-то именно и не было сдѣлано. Неясность мысли отразилась даже и на заглавіи. Вопросъ учительницъ; въ дѣйствительности, какъ онѣ его объяснили, заключался не въ томъ, «что читать», а какъ «писать» для народа, какъ съ нимъ «говорить», какъ создать живую и нравственную связь съ нимъ, какъ установить непосредственныя отношенія.

Въ народѣ пока еще много непосредственнаго, библейскаго, чего у насъ, интеллигентныхъ людей, уже не замѣчается. Отношенія народа между собою проще и пряжѣе, жизнь менѣе сложна, и многихъ формъ, выработанныхъ у насъ культурою, у народа еще не явилось. Народу, напримѣръ, невѣстна наша вѣжливость, да едва ли ему невѣстна и наша гуманность. Она замѣняется у него непосредственною жалостливостью, которой, опять, недостаетъ у насъ. А оттого, что у народа недостаетъ еще культурности (или, по крайней мѣрѣ, очень ея мало), что вся жизнь его проще, его и сужденія о жизни проще, и ему дается легче правда, чѣмъ намъ, интеллигентамъ, спутаннымъ подчасъ массою условныхъ требованій, искусственныхъ понятій и неясныхъ или даже просто ложныхъ представленій. Отъ этого же народъ легче видитъ и понимаетъ художественную правду, чѣмъ мы, воспитанные въ идеяхъ искусства. Одною формою, которая какъ бы и была художественна, народу не отвѣдешь глаза.

Интересный опытъ этого рода сдѣлали харьковскія учительницы. «Посредникъ» устроилъ складъ, чтобы удовлетворить спросу на хорошія и дешевыя книги. Но что значитъ «хорошія»? «Хорошіе мы считаемъ содержаніе, возможно ближе выражающее ученіе Христа и, въ крайнемъ случаѣ, ни въ чемъ не противорѣчающее этому ученію, и, притомъ, изложенное въ формѣ, доступной массѣ и удовлетворяющей его потребностямъ», — говоритъ «Посредникъ» въ объявленіи объ открытіи склада. Что же можетъ быть лучше подобной задачи, и что можетъ быть выше христіанскаго ученія о братствѣ и любви? Но странное дѣло, что изданія «Посредника» уже съ самаго начала встрѣтили недобѣріе. И оно явилось, конечно, не оттого, что «Посредникъ» желалъ проповѣдывать христіанскую нравственность, а отъ другихъ, постороннихъ ей прихвѣсей. Вотъ эти-то прихвѣси и заставляли бояться «возбужденія въ народѣ суевѣрія, привітій идеаловъ рабства и искаженія ученія Христа». Харьковскія издательницы не раздѣляли, однако, этихъ сомнѣній. «Намъ казалось, — говорятъ онѣ, — что народъ нашъ совсѣмъ не такъ легковѣренъ, чтобы повѣрить въ ре-

альное существованіе какого-либо «перваго винокура», не такъ просто, чтобы къ нему можно было привить идеалъ рабства, не такъ неустойчивъ, чтобы промѣнять истинное ученіе Христа на первую попавшуюся книжку». И эта вѣра въ народный здравый смыслъ оправдалась. Не обошлось, конечно, безъ того, чтобы тенденціозныя книжки не обнаружили вліянія на существующее и въ народѣ, какъ и въ нашихъ дѣтяхъ, влеченіе къ сверхъестественному, чудесному и неравгаданному. Такъ, на второй годъ чтенія изданій «Посредника» оказалось, что какъ бы ни было жизненно и реально содержаніе, слушатели ждали покаянія и чуда. «Они ждали его даже тамъ, гдѣ оно явилось бы почти невѣроятнымъ, какъ, на примѣръ, во *Власти тьмы* покаяніе злодѣйки Матрены, въ рассказѣ Пейверинта *Попутчики*—раскаянія сытаго эгоиста пробста. Они допускали возможность воскресенія повѣсившагося «Полигушки» и усматривали присутствіе сверхъестественнаго въ томъ, что объяснялось весьма просто». Но и въ этомъ видна здравая логика народа, въ которой тенденціозныя проповѣдники могли бы усмотрѣть злую на свой счетъ иронию. «Еще въ прошломъ году,—замѣчаютъ учительницы,—на вопросъ одного изъ крестьянъ, чѣмъ все это кончится, другой отвѣчалъ: «Покается,—здѣсь всѣ каются». Еще тогда крестьяне, не посѣщавшіе чтеній, подсмѣивались надъ организовавшеюся аудиторіей и говорили съ ироніей: «Имъ тамъ такія книжки читаютъ, такія книжки, что они вотъ-вотъ живыми къ Богу дойдутъ». Чтеніе же въ отдѣльности изданій «Посредника» и всѣ толки, разговоры, споры и мнѣнія слушателей даютъ возможность заключить, что народный смыслъ, выросшій на реальномъ сужденіи, совѣтъ не такъ легко затуманить. Чортъ не принимается на вѣру, какъ что-то существующее въ дѣйствительности, слащавость и сентиментализмъ, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ народныхъ писателей, чтобы размягчить воображаемое или безчувственное и каменное сердце народа, ровно ничего не размягчаютъ, а встрѣчаютъ и возраженіе, если они не кстати и не оправдываются реальнымъ мнѣніемъ народа. Напримѣръ, на вопросъ, почему люди не поступаютъ по заповѣдямъ Христа и не раздаютъ своего имѣнія нищимъ, одна изъ ученицъ отвѣчала: «потому что люди—простые, это святой только можетъ все раздать». Или по поводу птицъ небесныхъ одна изъ ученицъ объяснила: «это вотъ какъ надо понимать: птицы летаютъ, никакого вреда не дѣлаютъ, и Господь питаетъ ихъ, а людямъ такъ нельзя,—люди должны работать». Относительно чтенія житія святыхъ оказывалось, что «народъ слушаетъ чтеніе съ должнымъ благоговѣніемъ, какъ и слѣдуетъ слушать житіе святаго, но ни вопросовъ, ни разговоровъ, ни споровъ, которые бывають при чтеніи книгъ общаго содержанія, не бываетъ». И это опять потому, что реальный смыслъ подсказывалъ слушателямъ, что тутъ не о чемъ ни спорить, ни толковать, а нужно брать фактъ, какъ онъ есть. *Ильясъ* Толстаго тоже не убѣдилъ никого, что работникомъ быть лучше, чѣмъ хозяиномъ. Молодые слушатели это и вы-

сказали прямо, старики сказали: «ну, какъ же: то хозяинъ, то батракъ!» и только двѣ древнія старухи, присутствовавшія при чтеніи, «начали вздыхать о крѣпостномъ правѣ, о добрыхъ покойныхъ господахъ и о томъ беззаботномъ времени, которое было тогда». Прочли сказку *Зерно съ куриное яйцо*. Содержаніе сказки въ томъ, что ребята нашли зерно съ куриное яйцо, и позвалъ царь старика-мужика, не видавъ ли онъ на своемъ вѣку такого чудовищнаго зерна. Старикъ сказалъ, что не видавъ, совѣтовалъ спросить его отца. Пришелъ отецъ. Онъ смотрѣлъ моложе сына, но отвѣчалъ тоже, что не видавъ. Позвали дѣда. Онъ вошелъ легко, глаза свѣтлые, говорить внятно. И сказалъ дѣдъ царю, что хлѣбъ такой на его вѣку родился вездѣ, что другаго и хлѣба не было, и что хлѣба тогда не покупали и не продавали,—у всѣхъ своего волю было,—и про деньги тогда не знали. «Скажи же мнѣ,—говоритъ царь,—еще два дѣла. Одно дѣло, отчего прежде такое зерно рождалось, а нынче не рождается? А другое дѣло—отчего твой внукъ шелъ на двухъ костыляхъ, сынъ на одномъ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко?»—«Оттого эти два дѣла сталися,—отвѣтилъ дѣдъ,—что перестали люди своими трудами жить, начали на чужіе зариться. Въ старину жили по-Божьи—своими владали, чужимъ не корыстовались» (сказка Толстаго). Послѣ прочтенія сказки слушатели призадумались, точно они думали крѣпкую думу; наконецъ, одинъ изъ нихъ произнесъ отчетливо и увѣренно: «Было когда-то, да ужъ не вернется!...»

Нашу общественную бѣду составляетъ относительная слабость культурныхъ традицій. Русскій образованный человѣкъ часто выступаетъ на проповѣдь съ тѣмъ, что лично ему кажется новою истиной. Эти личныя истины нерѣдко бываютъ односторонни, и хотя онѣ иной разъ и выдаются, наприм., за христіанскую нравственность, но ужъ въ самомъ способѣ ихъ личнаго возниженія и въ тенденціозной ихъ односторонности нѣтъ ничего истинно-христіанскаго. Народъ, конечно, чувствуетъ всю эту фальшь непосредственно, а если его вынуждаютъ сказать о ней, что онъ думаетъ, то здравый, реальный смыслъ подсказываетъ ему отвѣты вродѣ: «было когда-то, да ужъ не вернется». Въ массѣ миѣній и отрывочныхъ замѣчаній, въ санихъ спорахъ и толкахъ слушателей по поводу прочитаннаго, мы имѣемъ въ трудѣ харьковскихъ учительницъ богатое указаніе, какъ слѣдуетъ разработать матеріалъ, ими собранный.

Прежде чѣмъ закончить эту мысль, я приведу мнѣніе гр. Толстаго, высказанное имъ много лѣтъ назадъ, о народныхъ книжкахъ: «Мы убѣждены,—писалъ гр. Толстой,—что всѣ потребности народа законны, что добро присуще человѣческой природѣ, и что народъ точно также нельзя поучать, какъ и нельзя испортить книжками... Мужикъ платитъ гривенникъ за книжку и потому требуетъ, чтобы ему дали то, что ему хочется, а не то, что хочется воспитателю народа... Почему же для этого сфинкса-народа не должно предложеніемъ отвѣчать на требованіе? Почему мы для себя считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ нравится, а для народа считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ, а не народу нравится?»

Теперь гр. Толстой думает уже иначе, только народъ остался при своемъ прежнемъ здоровомъ смыслѣ. Его дѣйствительно нельзя испортить книжками.

Да, материалъ, собранный въ *Что читаетъ народу*, просить разработки. Теперь въ немъ растеряется не только сельскій учитель, но, пожалуй, и опытный писатель. Конечно, не въ томъ, «что читать народу», долженъ заключаться вопросъ, а въ томъ, «какъ писать для него», удовлетворяя его нравственной правдѣ и относясь къ нему съ тѣмъ уваженіемъ, какого требуемъ для себя мы, интеллигенты и народные проповѣдники. Нужно думать, что между харьковскими издательницами нашлись бы для этого и пригодныя силы. Можно между ними указать на Х. А. Забѣтки и рецензіи, подписанныя этими буквами, отличаются всегда дѣльностью, серьезностью и вѣрностью взгляда.

Н. Ш.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сельское хозяйство и протекционизмъ. — Министерство земледѣлія. — Переселенческое дѣло. — Первые извѣстія о земскихъ начальникахъ. — Признаніе правъ женщинъ-врачей. — Аптекарскій вопросъ. — Электро-техническій институтъ. — Почтовые сберегательныя кассы. — О денежных переводахъ черезъ почту и нѣкоторыхъ порядкахъ. — Сибирскія дорожа.

Надежды на блестящій урожай, уже въ половинѣ лѣта поколебленны засухой, окончательно разсѣялись умолотомъ. Въ большей части Европейской Россіи урожай хлѣбовъ оказался среднимъ и даже ниже средняго, и въ южныхъ губерніяхъ хозяева поставлены въ необходимость продавать скотъ, котораго недѣмъ кормить. Вообще положеніе сельскаго хозяйства становится все болѣе затруднительнымъ. Спросъ на нашъ хлѣбъ за границу доселѣ очень слабъ, что приписывается возвышенію курса. Положимъ, оба эти обстоятельства: неудовлетворительность урожая и слабость спроса за границу—временныя. Но дѣло въ томъ, что уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, несмотря на бывшіе обильные урожаи и сильный отпускъ хлѣба, наше сельское хозяйство положительно клонилось къ упадку. Хорошіе урожаи нейтрализовались такимъ паденіемъ цѣнъ въ отпускной торговлѣ, что хозяевамъ едва только возвращались издержки производства; при такомъ условіи и самыя высокія цифры хлѣбнаго отпуска наводятъ лишь на неутѣшительную мысль, какія потери несетъ Россія, вывозя громадныя количества хлѣба по цѣнамъ, которыя и въ урожайные годы только оплачиваютъ производство, не давая хозяйству возможности собраться съ силами, хотя бы настолько, чтобы переносить безъ разстройства годы неурожайныя.

Повторяемъ, дѣло не въ случайныхъ явленіяхъ, каковы неурожай или возвышеніе курса, которое, съ одной стороны, уменьшаетъ спросъ за границу, а съ другой—даетъ хозяевамъ, при равной цѣнѣ въ металлической валютѣ, меньшую сумму въ кредитныхъ рубляхъ, то-есть меньше средствъ на оплату издержекъ. Приходится поставить вопросъ гораздо шире: какая будущность предстоитъ въ Россіи сельскому хозяйству, которое составляетъ главную отрасль нашей производительности? Обремененіе земли долгами, съ одной стороны, и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ—съ другой, положительно вы-

зываютъ необходимость перехода къ болѣе интенсивной и рациональной системѣ обработки. Но такой переходъ требуетъ, прежде всего, затратъ, то-есть наличности оборотныхъ средствъ, представляемыхъ или сбереженіями, или кредитомъ. Сбереженій нѣтъ, а кредитъ становится тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что падаетъ самая доходность земли. Въ только что вышедшемъ трудѣ г. Блюха (*Мелиорационный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ*), упадокъ цѣнъ на хлѣбъ за періодъ 1872—1889 гг. въ Россіи опредѣляется въ 42% для пшеницы, въ 46% для ржи и въ 34% для овса. «Явленіе это,—говоритъ авторъ,—было бы въ обыденной жизни еще гораздо болѣе замѣтно, если бы оно не маскировалось отчасти одновременнымъ пониженіемъ курса кредитнаго рубля, составляющаго шрило цѣнностей во внутреннихъ оборотахъ; но съ улучшеніемъ курса, положеніе производителей хлѣба будетъ становиться болѣе и болѣе тяжкимъ».

Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ — явленіе всеобщее; но почему же сельское хозяйство за границей оказывается устойчивѣе, чѣмъ въ Россіи? На этотъ вопросъ авторъ упомянутаго труда даетъ отвѣтъ въ цифрахъ чрезвычайно поучительныхъ, которыя прямо показываютъ, что сельское хозяйство у насъ нисколько не приняло въ расчетъ огромныхъ экономическихъ перемѣнъ, происшедшихъ на всемірномъ рынкѣ, и, оставаясь далѣе въ нынѣшнемъ положеніи, роковымъ образомъ должно пойти къ окончательному упадку. Изъ статистическихъ данныхъ относительно потребленія въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ всякаго рода обнаруживается, что въ общей совокупности сумма, за нихъ выручаемая, не только не понизилась въ періодъ 1882—1885 гг. сравнительно съ періодомъ 1861—1870 гг., но, наоборотъ, значительно возросла. Частныя цифры оборотовъ по тому или другому сельско-хозяйственному продукту—однѣ сильно упали, другія еще сильнѣе возвысились и, затѣмъ, упадокъ или преуспѣяніе сельскаго хозяйства въ каждой отдѣльной странѣ прямо зависѣли и будутъ зависѣть отъ того, какіе продукты продолжаютъ господствовать въ ея сельской производительности.

При сравненіи упомянутыхъ періодовъ оказывается, что частныя суммы, выручаемыя за отдѣльные продукты, упали въ такихъ размѣрахъ: по пшеницѣ на 18%, по ржи на 13%, по шерсти на 34%, по льну на 13%, по пенькѣ на 11%, по сахару на 25%, по спирту на 10% и т. д. Но за то повышеніе цѣнъ произошло съ другими продуктами, какъ-то: на мясо бычье въ 29%, мясо баранье въ 46%, на молоко въ 41%, на масло въ 23%, на яйца въ 19%, на виноградное вино въ 44%. «Стало быть,—замѣчаетъ г. Блюхъ,—тѣ хозяйства, которыя усилили производство животныхъ продуктовъ и вина, никакъ не потерпѣли отъ измѣненій въ цѣнахъ, происшедшихъ въ послѣднее время. Но Россія не воспользовалась этимъ передвиженіемъ цѣнъ и не можетъ имъ воспользоваться, по причинамъ, на которыя мы укажемъ; она остается при преобладающемъ производствѣ зерна, шерсти, сахара и спирта, то-есть тѣхъ именно продуктовъ, на ко-

торые цѣны упали наиболѣе; въ общемъ же скотоводство у насъ падаетъ и вывозъ животныхъ продуктовъ, за исключеніемъ яицъ, скорѣе уменьшается». Скотоводство падаетъ, а, между тѣмъ, и доселѣ-то у насъ (по одной изъ таблицъ того же сочиненія) приходилось въ среднемъ на 100 десятинъ пашни рогатаго скота всего 16 штукъ, а овецъ 29 шт., между тѣмъ какъ соотвѣтственные имъ составляютъ въ Англіи 88 и 251, въ Германіи 49 и 59 и во Франціи 40 и 75 штукъ.

Устройство меліораціоннаго кредита, государственнаго или частнаго, — вотъ то средство къ постановкѣ сельскаго хозяйства въ лучшія условія, которымъ специально занимается цитированный авторъ, разрабатывая этотъ вопросъ всесторонне, съ приведеніемъ множества данныхъ и описаніемъ органовъ меліораціоннаго кредита, существующихъ за границею. Мы же воспользовались приведенными цифрами съ тою цѣлью, чтобы ярче освѣтить слѣдующія два положенія: во-первыхъ, что наше сельское хозяйство находится не въ остромъ временномъ кризисѣ, но въ хроническомъ процессѣ паденія, и, во-вторыхъ, что первостепеннымъ экономическимъ вопросомъ въ Россіи, болѣе важнымъ, несомнѣнно, чѣмъ даже уравновѣшеніе государственнаго бюджета, долженъ быть вопросъ о превращеніи упомянутаго процесса и о мѣрахъ къ подъему нашего сельскаго хозяйства.

Серьезность этого вопроса, хотя еще далеко не въ достаточной степени, сознается всѣми; дѣло лишь въ томъ, что его все еще думаютъ рѣшить разными палліативами, каковы, наприм., переработка желѣзно дорожныхъ тарифовъ, учрежденіе агрономическихъ смотрителей, поощреніе сельско-хозяйственныхъ выставокъ и постройка элеваторовъ. Палліативы, конечно, имѣютъ каждый свое значеніе, но они не могутъ измѣнить того основнаго факта, что мы продаемъ въ убытокъ, а продавать мы должны возможно болѣе — для покрытія государственныхъ расходовъ, — стало быть, мы идемъ прямо къ экономическому разстройству.

Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ и вздорожаніе труда вели къ потребности удешевленія земледѣльческаго производства. Нужны были усовершенствованныя орудія, нуженъ былъ кредитъ на улучшеніе, наконецъ, нужна была нѣкоторая постепенность въ регулированіи курса. Что же оказалось? Одно стороннее покровительство фабрикантамъ въ ущербъ земледѣлію поддерживало высокія цѣны на земледѣльческія машины и повело къ тому, что земледѣлецъ не можетъ даже покупать порядочныхъ косъ, которыми внутренняя фабрикація доселѣ не сумѣла снабдить сельское хозяйство. Курсъ кредитнаго рубля внезапно поднялся на цѣлую четверть и соотвѣтственно тому упала выручка землевладѣльцевъ въ кредитныхъ рубляхъ за продаваемый за границу хлѣбъ.

Что такое быстрое измѣненіе курса не было естественнымъ, въ томъ убѣждаютъ очевидныя аномаліи сравнительныхъ цѣнъ. Такъ, напримѣръ, рубль въ разнѣнной серебряной монетѣ, заключающій въ себѣ 48 процентовъ чистаго серебра, стоитъ 48 мет. копѣекъ, между тѣмъ какъ рубль бумажный, на который нѣтъ никакого размѣна, никакого обѣщанія

умлаты, стоить 77 коп. мет. Не очевидно ли, что послѣдняя цѣна чисто-фигурная? Долго ли она продержится, пойдет ли она еще къ повышенію или упадетъ внезапно, нельзя предвидѣть. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, именно, что возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля совершенно нечувствительно для землевладѣльцевъ, а уменьшеніе числа кредитныхъ рублей, выручаемыхъ за отпускъ хлѣба на металлы, отзывается весьма существенно на интересахъ землевладѣнія, и безъ того подкопаннаго задолженностью и упадкомъ цѣнъ.

Едва ли не наиболѣе характеристическимъ явленіемъ, какое замѣчается нынѣ въ нашей повседневной, сѣрой и довольно унылой жизни, безъ какихъ-либо увлеченій нравственныхъ, безъ особенныхъ надеждъ, представляется тотъ повсемѣстный триумфальный банкетъ фабрикантовъ, который сопровождалъ поѣздку г. министра финансовъ по восточнымъ окраинамъ Россіи. Извѣстіе о новомъ возвышеніи пошлинъ на 20% былъ принятъ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ неумолкавшими криками «ура». А, между тѣмъ, эти 20 процентовъ означали, въ сущности, новое обложеніе огромнаго большинства населенія въ пользу производителей желѣза и бумажныхъ тканей, весьма усовершенствовавшихся за послѣднія 10 лѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, стоящихъ въ полтора раза дороже продуктовъ иностранныхъ безъ пошлины.

Говоря о триумфальномъ банкетѣ россійской мануфактурной промышленности, мы должны отвести хоть нѣсколько строкъ и для нѣкоторой записки въ этомъ дѣлѣ. Таковая представилась въ Баку, при обѣдѣ, которымъ чествовали начальника финансоваго управленія нефтепромышленники. Какъ извѣстно, эта отрасль производительности въ настоящее время внушаетъ уже весьма серьезныя опасенія. Тѣмъ не менѣе, обѣдъ былъ блестящій. Только одинъ эпизодъ составилъ нѣкоторый диссонансъ въ общемъ настроеніи, и хотя не имѣетъ значенія, но любопытенъ. Приводимъ его со словъ *Новаго Обозрѣнія* и *Недели*. Одинъ изъ ораторовъ, В. И. Рагозинъ, возымѣлъ намѣреніе преподнести И. А. Вышнеградскому цѣлую гирлянду сугубыхъ комплиментовъ, облеченныхъ въ нарочито-грубую, такъ сказать, погодинскую (?) форму. Но какъ только онъ началъ съ фразы, что «всѣ несчастія нефтепромышленниковъ начались съ перваго же дня министерства Ивана Алексѣевича, слушатели, не уловя «сугубой ироніи» и не вѣдая, что къ концу рѣчи ораторъ заключить: «на тебѣ покоятся всѣ наши надежды, ты намъ прибѣжище и сила», — встревожились, заволновались, зашумѣли и настроеніе, за минуту еще жизнерадостное, радужное, сразу перешло въ нервное, нетерпѣливое. Самъ министръ, первый, «оборвалъ» В. И. Рагозина, когда тотъ сказалъ, что «вы общались со братъ и выслушать насъ». «Я никому не давалъ подобныхъ обѣщаній», — рѣзко замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ. Понятно, что, при неудачѣ восхваленія, городской голова Деспотъ-Зеновичъ, употребилъ всѣ средства салоннаго умѣнья, чтобы стущевать это дѣло, и провозгласилъ тотчасъ тостъ за здоровье И. А. Вышнеградскаго. Продолжаемъ выписку: «Тостъ, раз-

умѣется, былъ принятъ съ огромнымъ воодушевленіемъ. Когда стихъ шумъ, министръ финансовъ всталъ и замѣтилъ сначала въ юмористическомъ тонѣ: «Мы выходимъ изъ программы меню; до каре еще далеко, слѣдовательно, о кризисѣ говорить рано» (въ меню стояли слова: «Кар нефтянаго кризиса»). Но скоро волненіе овладѣло министромъ и онъ говорилъ уже вполне задушевнымъ тономъ, переходившимъ въ лиризмъ: «Такіе важные вопросы, господа, разрѣшаются не въ четверть часа, и за завтракомъ, а послѣ цѣлыхъ десятковъ бессонныхъ ночей вашего министра финансовъ».

Все это очень хорошо, хотя поучительность для самого должностнаго лица обзорѣнія Баку, Самарканда и т. д. намъ болѣе ясна, чѣмъ помы отъ лиризма рѣчей. Во всякомъ случаѣ, русскіе сельскіе хозяева, читая, что интересы бакинскихъ нефтепромышленниковъ стоятъ должностнымъ лицамъ цѣлыхъ десятковъ бессонныхъ ночей, и догадываясь, что интересы фабрикантовъ центрального района, какъ болѣе важные, требуютъ, вѣроятно, еще болѣе сильнаго напряженія мысли, могли не безъ нѣкотораго сиротскаго унынія сказать себѣ: а кто же бдитъ о нашихъ интересахъ, кому стѣбитъ бессонныхъ ночей соображеніе о томъ, что и помѣщики, и мужики въ Россіи самою международною статистикою обречены на окончательное разореніе? Московскій бархатъ, довольно близкій къ среднимъ пѣонскимъ фабрикатамъ, но стоящій въ полтора раза дороже, едва ли спасетъ насъ отъ кризиса, выражающагося въ томъ, что мы весь хлѣбъ продаемъ за границу, по нуждѣ, хотя имѣемъ своихъ голодныхъ, и продаемъ его по совершенно безвыгоднымъ цѣнамъ, а для сокращенія расходовъ на производство, для примѣненія машинъ, для добытія оборотныхъ средствъ никакого покровительства у насъ нѣтъ.

Въ печати за послѣднее время заявлялась мысль о необходимости учрежденія особаго министерства земледѣлія, а затѣмъ появились уже и свѣдѣнія, что оно будетъ образовано. Конечно, можно бы возразить, что созданіе новаго вѣдомства и возвышеніе производительныхъ силъ — не одно и то же, что новые штаты, прежде всего, лягутъ на тѣ же оскудѣвшія производительныя силы, наконецъ, что послѣднія, быть можетъ, вѣрнѣе развиваются свободнымъ самодѣйствіемъ, чѣмъ правилами съ предписаніями. Но жизнь каждой страны имѣетъ свой особый складъ, съ которымъ необходимо сообразоваться при розыскѣ средствъ для улучшеній. *Новое Время*, поддерживая мысль о министерствѣ земледѣлія, указывало, какъ на одну изъ главныхъ задачъ проектируемаго вѣдомства, на устройство у насъ кредита, предназначеннаго для сельско-хозяйственныхъ улучшеній, то-есть на ту же задачу, которую выставляетъ на первый планъ и г. Блюхъ.

Оставляя теперъ въ сторонѣ вопросъ о меліорационномъ кредитѣ, мы не можемъ не признать, что безъ сколько-нибудь серьезнаго почва къ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ наша экономическая будущность представляется нѣсколько сомнительною. Между тѣмъ, если и допустить,

что для развитія экономическихъ силъ лучше предоставлять имъ полный просторъ, тѣмъ примѣнять къ нимъ регламентацію и мѣры искусственно-го возбужденія, то спрашивается, развѣ возможенъ такой просторъ для земледѣлія, когда на его же счетъ производится усиленное покровительство промышленности мануфактурной?

Поставимъ нѣсколько частныхъ вопросовъ для выясненія этой зависимости, не принимаясь за ихъ рѣшеніе. Полезна ли для сельскаго хозяйства система крайняго покровительства мануфактурной промышленности, возвышающая для земледѣльца цѣны на всѣ покупные предметы и ведущая въ результатъ къ уменьшенію отпуска, вслѣдствіе сокращенія размѣровъ мѣноваго оборота съ другими странами? Полезно ли для сельскаго хозяйства, находящагося въ кризисѣ, внезапное возвышеніе вексельнаго курса при помощи искусственныхъ мѣръ? Естественно ли, чтобы тѣ кредитныя учрежденія, которыя вмѣщаютъ въ себѣ все попеченіе о землевладѣніи, объ исправленіи операціи земельнаго надѣла—покупкою крестьянами новыхъ земель и объ оказаніи предпочтенія разнымъ видамъ владѣнія землею, сосредоточивались въ вѣдомствѣ финансовомъ, прямымъ назначеніемъ котораго есть соблюденіе интереса фискальнаго, соединеннаго съ обложеніемъ земли податями? Правильно ли, чтобы та забота о лучшей эксплуатаціи земель въ Россіи, которая представляется въ регулированіи переселенія и воспособленія ему, сосредоточивалось въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, котораго главное назначеніе заключается въ извлеченіи возможно-большаго дохода изъ казенныхъ рудниковъ, горныхъ заводовъ, лѣсовъ и оброчныхъ статей?

Если простора для самодѣйствія экономическихъ силъ все равно нѣтъ, то почему же только сельское хозяйство, главная производительная сила Россіи, должно оставаться безъ особаго покровительства и защиты при выработкѣ разныхъ законоположеній? Повторяемъ, что виды на возможность улучшеній въ каждой странѣ должны сообразоваться съ даннымъ строемъ ея государственнаго и общественнаго быта. Что-нибудь изъ двухъ: или просторъ для экономического самодѣйствія, или, если уже существуетъ система сильнаго покровительства нѣкоторымъ родамъ производительности, то пусть же такое покровительство не игнорируетъ и главной производительной силы страны—земледѣлія. Положимъ, вполнѣ мыслимо такое возраженіе, что экономическое благосостояніе не обезпечивается увеличеніемъ числа чиновниковъ. Но дѣло въ томъ, что при строѣ бюрократическомъ необходимо соблюдать нѣкоторое равновѣсіе въ представительствѣ разныхъ, а тѣмъ болѣе самыхъ важныхъ интересовъ.

И дѣйствительно, учрежденіе такого министерства уже предположено. По свѣдѣніямъ *Новаго Времени*, необходимость этого учрежденія была признана комитетомъ министровъ еще въ началѣ истекшаго лѣта, и соответствующій проектъ закона будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ наступившую сессію. Для образованія министерства земледѣлія, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, будетъ выдѣленъ изъ министерства государственныхъ иму-

щество департаментъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, а къ нему будутъ присоединены различныя учрежденія, состоящія при нѣкоторыхъ другихъ министерствахъ и вѣдающія такія дѣла, которыя имѣютъ отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности, а также тѣ отдѣлы министерствъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, которыя вѣдаютъ сельско-хозяйственную статистику.

Нѣсколько удивительнымъ представляется при этомъ свѣдѣніе, что министерство земледѣлія получить сразу пять департаментовъ. Не слишкомъ ли быстръ переходъ отъ одного департамента земледѣлія къ цѣлымъ пяти? Соображеніе, что для учрежденія особаго министерства нужна нѣкоторая полнота, едва ли можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ мы имѣемъ министерства юстиціи и народнаго просвѣщенія, въ которыхъ состоятъ только по одному департаменту. Но если пять департаментовъ войдутъ въ составъ новаго министерства, то, казалось бы, на такое же число департаментовъ долженъ бы сократиться составъ другихъ вѣдомствъ. Однако, высказывая такое предположеніе, мы, въ виду бывшихъ примѣровъ, сами считаемъ его мало вѣроятнымъ.

Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что всѣ соображенія указываютъ на необходимость учрежденія министерства земледѣлія, одною изъ цѣлей котораго и поставляется прямо «отстаиваніе нуждъ сельскаго хозяйства передъ другими правительственными учрежденіями».

Хорошо говорить о самодѣйствіи экономическихъ силъ, но на этомъ полѣ мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ дѣйствіями желѣзно-дорожно-тарифныхъ учреждений министерства финансовъ, которыхъ есть цѣлыхъ три: желѣзно-дорожный департаментъ этого министерства (независимо отъ управленія желѣзныхъ дорогъ въ министерствѣ путей сообщенія), тарифный совѣтъ и тарифный комитетъ. Главою всѣхъ этихъ учреждений состоитъ С. Ю. Витте, сопровождавшій министра финансовъ въ его поѣздки и постоянно при этомъ упоминаемый въ газетахъ. Эти желѣзно-дорожно-тарифныя учрежденія, при отсутствіи министерства земледѣлія, берутъ на себя задачу не только возвышенія казеннаго дохода, но и регулированія самой производительности хлѣбовъ въ Россіи. Они разсуждаютъ, что не стоить покровительствовать производству ржи, потому что это—хлѣбъ невыгодный, они понижаютъ тарифы на перевозку хлѣба къ западу изъ восточныхъ губерній, вслѣдствіе чего происходитъ внезапное пониженіе цѣнъ отпускаемаго хлѣба. Быть можетъ, все это и очень хорошо. Но только, казалось бы, такія мѣропріятія слѣдовало сообразовать съ общимъ положеніемъ земледѣлія, а не рѣшать ихъ, въ видѣ второстепенныхъ вопросовъ, въ комитетѣ желѣзно-дорожно-тарифномъ. Правда, въ комитетѣ могутъ быть приглашаемы представители интересовъ земледѣлія.

Но комитетъ этотъ нельзя упрекнуть въ обычномъ недостаткѣ казенныхъ учреждений—въ медлительности. Напротивъ, въ немъ дѣла рѣшаются весьма быстро. При этомъ созывъ экспертовъ, правда, практикуется, но, по слышанному нами отзывамъ, всѣ вопросы обыкновенно оказываются рѣ-

шенными впередъ и промышленникамъ, участвовавшимъ на създѣ, приходилось только удивляться, зачѣмъ они были созданы. Были даже случаи протеста въ видѣ оставленія залы засѣданій по этому поводу.

Возвращаясь къ мысли объ учрежденіи министерства земледѣлія, замѣтимъ по этому поводу, что несомнѣнно будетъ полезно особое вѣдомство для защиты земледѣльческихъ интересовъ, въ виду весьма энергичныхъ распоряженій министерства финансовъ, которое, какъ бы то ни было, имѣетъ въ виду, прежде всего, интересъ казенный. Интересы министерства финансовъ въ Россіи наиболѣе связаны не съ усовершенствованіемъ выработки дорогихъ шелковыхъ матерій, но съ состояніемъ русскаго земледѣлія, составляющаго промыселъ болѣе 80 процентовъ всего населенія Россіи, которое оплачиваетъ три четверти государственнаго бюджета.

Дополнительными соображеніями въ томъ же смыслѣ могутъ послужить слѣдующіе факты: переселенческое дѣло, принявшее весьма обширныя размѣры и имѣющее прямое значеніе корректива по распредѣленію земель и импульса къ расширенію площади земледѣльской обработки, остается доселѣ безъ достаточнаго руководительства; успѣхамъ же для введенія болѣе раціональной системы сельскаго хозяйства едва ли можетъ благоприятствовать одновременное закрытіе приѣма во всѣ высшія земледѣльческія учебныя заведенія, вслѣдствіе проектируемаго ихъ преобразованія.

Судьба московской петровской академіи, по отзывамъ *Гражданина* и *Новаго Времени*, окончательно рѣшена: это высшее агрономическое училище будетъ закрыто, съ предоставленіемъ нынѣшнимъ слушателямъ окончить курсъ. Вопросъ о высшемъ агрономическомъ образованіи въ Россіи и объ учрежденіи среднихъ школъ сельскаго хозяйства тѣсно связанъ съ интересами земледѣлія. Газеты передаютъ, что образована коммиссія для разработки этого вопроса. Но коммиссія коммиссіей, а почему же, еще до начала собранія ея надлежащихъ свѣдѣній, уже прекращается приѣмъ въ существовавшія высшія агрономическія заведенія?

И вотъ, по предположенію о министерствѣ земледѣлія, въ этомъ вѣдомствѣ должно сосредоточиться и управленіе сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, имѣющее составить особый департаментъ. Намъ кажется, однако, что недостаточно передать въ вѣдѣніе министерства земледѣлія изъ финансоваго вѣдомства отпускную торговлю, а слѣдовало бы включить въ министерство земледѣлія и государственные органы—кредитъ землевладѣнію и земледѣлію, т. е. банки дворянскій и крестьянскій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ тѣ сообщенія, какія относятся къ нѣкоторому взаимному согласованію дѣятельности этихъ двухъ учреждений, а затѣмъ и вопросы, какииъ видамъ пользованія землею слѣдуетъ отдавать предпочтеніе въ предоставленія государственнаго кредита, должны входить въ область систематически установленной сельско-хозяйственной политики, для финансоваго же вѣдомства это—соображенія и вопросы посторонніе. Уставы банковъ могутъ быть измѣнены, но министерство финансовъ удержало бы въ своихъ рукахъ та-

кой надзоръ надъ ними, какой оно сохраняетъ по отношенію ко всѣмъ земельнымъ банкамъ.

Высказываемое нами предположеніе тѣмъ естественнѣе, что банкъ или банки кредита меліорационнаго, если они возникнутъ въ Россіи, должны же будутъ находиться въ вѣдомствѣ земледѣлія. Почему же бы рядомъ съ ними не стояли и банки ипотечнаго кредита, основанные государствомъ съ цѣлью поддержанія дворянскаго землевладѣнія и, вѣсть, расширенія землевладѣнія крестьянскаго? Вѣдь, завѣдываніе выкупнымъ дѣломъ не входило же въ вѣдомствѣ финансовъ. Въ настоящее время возможно было бы и окончаніе этой операціи передать министерству земледѣлія. Добавимъ, что только при такихъ дополненіяхъ и могло бы найтись достаточно дѣла для пяти департаментовъ.

За то министерство государственныхъ имуществъ, по выдѣленіи изъ него департамента земледѣлія и завѣдыванія сельско-хозяйственною статистикой, могло бы уже слиться вновь съ министерствомъ финансовъ, отъ котораго оно было отдѣлено при Банкринѣ. Въ самомъ дѣлѣ, завѣдываніе казенными лѣсами, какъ связанное съ общимъ надзоромъ надъ охраненіемъ частныхъ лѣсовъ, покровительствомъ лѣсоразведенію и управленіемъ лѣсною образовательною частью должно бы было по праву перейти къ министерству земледѣлія и сельскаго хозяйства; то же самое можно сказать и о казенныхъ земляхъ. А затѣмъ горный департаментъ правильнѣе было бы возвратитъ въ министерство финансовъ.

Въ числѣ предметовъ вѣдомства предполагаемаго министерства земледѣлія, какъ они извѣстны доселѣ, не упомянуто, впрочемъ, завѣдываніе дѣломъ переселенческаго. А, между тѣмъ, какое же вѣдомство могло бы основательнѣе руководить этимъ дѣломъ, принимающимъ все болѣе обширныя размѣры, какъ не то министерство, которое бы занималось изученіемъ сельско-хозяйственныхъ условій въ Россіи и ближе другихъ могло бы отыскать условія однихъ мѣстностей, дѣлающая выселеніе изъ нихъ необходимымъ, и условія другихъ мѣстностей, представляющія наиболѣе удобствъ для постепеннаго заселенія.

Регламентация переселенческаго движенія идетъ доселѣ своимъ порядкомъ, но идетъ въ видѣ второстепеннаго дѣла въ министерствахъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ. Покамѣстъ суть выработанныя правила о переселеніи заключается въ томъ, что переселенцы должны испрашивать предварительнаго разрѣшенія. Теперь сообщаютъ, что особая коммиссія, состоящая изъ представителей обоихъ названныхъ вѣдомствъ и подробно излѣдовавшая вопросъ объ улучшеніи и усиленіи переселенческаго движенія на дальній востокъ, получила отъ мѣстной администраціи подробныя свѣдѣнія о качествѣ земли въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, куда и предположено поселить въ будущемъ году 500 крестьянъ и козачковъ. Но для того, чтобы воспользоваться такимъ поселеніемъ, желающіе должны имѣть: по 100 рублей на душу, безъ различія возраста, на переездъ въ

Одессы до Владивостока, по 600 рублей на семью для первоначальнаго обзаведенія на мѣстѣ и по 1 р. 8 к. на каждый пудъ багажа. Предполагая семью въ 5 душъ (съ дѣтьми), дабы воспользоваться предложеніемъ комиссіи, семья эта должна имѣть денежную наличность свыше 1,100 р., послѣ уплаты мѣстныхъ сборовъ и обязательствъ, конечно. Но на 1,100 рублей, семья изъ мужа и жены съ тремя дѣтьми, могла бы открыть торговлю не только въ селѣ, а хотя бы въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы отправляться во Владивостокъ и приниматься за корчеваніе, навѣрное, потерявъ по дорогѣ дѣтей отъ болѣзней.

Но это—лишь примѣръ отдѣльныхъ, мелкихъ распоряженій по переселенію. Главная задача заключается въ томъ, чтобы облегчить самое полученіе разрѣшеній на переселеніе, наблюсти за одинаковымъ повсемѣстнымъ исполненіемъ закона 13 іюля 1889 года о переселеніи, или самый этотъ пересмотрѣть; а затѣмъ—устроить болѣе широкую и дѣйствительную помощь переселенцамъ. Переселеніе въ Сибирь замѣтно возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а проведеніе сибирской дороги подниметъ переселеніе до 100 тысячъ душъ въ годъ, если не болѣе, такъ какъ и теперь черезъ одинъ только Томскъ проходитъ ежегодно болѣе 25 тысячъ душъ.

Между тѣмъ, законъ 1889 года, черезъ годъ послѣ его изданія, еще не дѣйствовалъ одинаково во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, такъ что нынѣшнимъ лѣтомъ множество крестьянъ, получившихъ увольнительныя свидѣтельства и паспорта на родинѣ и пропущенные черезъ нѣсколько губерній, были затѣмъ возвращены на родину этапнымъ порядкомъ, ночуя при прохожденіи городовъ въ тюрьмахъ. Послѣдствіемъ явилось, конечно, полное разореніе этихъ неуспѣшныхъ переселенцевъ.

Законъ 1889 года положительно требуетъ пересмотра, такъ какъ, обуславливая право на переселеніе каждой семьи согласіемъ министерствъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, онъ устанавливаетъ формальности, которыя требуютъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и исполненіе которыхъ превосходитъ понятіе простыхъ людей объ учрежденіяхъ Россійской имперіи. Но, независимо отъ этого, какже было не озаботиться, чтобы законъ былъ принятъ въ повсемѣстное руководство одновременно? Тысячи людей пошли нынѣшнимъ лѣтомъ съ юга на переселеніе и мѣстныя начальства выдавали имъ разрѣшенія по прежнему порядку, не разбирая, кто идетъ селиться на земли дворцовыя, казенныя или частныя. Между тѣмъ какъ только они дошли до великорусскихъ губерній, ихъ задержали и стали возвращать назадъ. Подробности этого дѣла поистинѣ плачевны. «Въ началѣ мая,—разсказываетъ г. Л. Д. въ *Нов. Вр.*,—партія черниговскихъ переселенцевъ въ 100 чел. была задержана и проживала на одной изъ площадей города Тамбова... Всѣ переселенцы, отпущенные мѣстными властями и прошедшіе безпрепятственно нѣсколько губерній, были возвращены изъ великорусскихъ степей въ Малороссію... Послѣдствія такой разнообразной политики мѣстныхъ властей—полное разореніе крестьянъ, такъ какъ, отправляясь въ путь, они предварительно уничтожаютъ все свое хозяйство

на прежних мѣстахъ пребыванія. Кромѣ того, самое возвращеніе этапнымъ порядкомъ длится цѣлые мѣсяцы».

Непонятенъ и несогласенъ съ нашею бытовою исторіей законъ, требующій испрошенія департаментскихъ разрѣшеній для переселенія на казенныя земли. Съ XVI вѣка русскій народъ идетъ въ Сибирь положительно безъ разрѣшенія. Уже и то много, въ смыслѣ требованій государственности, что идетъ онъ нынѣ заручившись хоть паспортомъ. Идетъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, самъ не зная, на какія земли попадетъ: на казенныя или частныя; ему кажется, по историческому инстинкту, что въ Сибири много мѣстъ порожнихъ, а чьи они — Господь вѣдаетъ. Нужно было ирривенское простодушіе, чтобы черниговскіе крестьяне объявили тамбовскимъ чиновникамъ свое желаніе селиться на земляхъ именно казенныхъ, за что, по немнѣнію предварительнаго разрѣшенія, ихъ и вернули домой. Они могли сказать, что идутъ на земли частныя, что намѣрены покупать землю; тогда бы ихъ не обратили въ пересылочныхъ арестантовъ. Но, наконецъ, представимъ себѣ, что крестьяне дошли до Тюмени, Томска и далѣе, до казенныхъ дачъ въ Сибири, о которыхъ прослышали на родинѣ. Тутъ расчетъ ихъ по необходимости уже долженъ объявиться. И что же? Изъ Томска ихъ возвращать этапнымъ же порядкомъ въ Черниговъ? Да однѣ деньги, положенныя за это препровожденіе и имѣющія быть взысканными съ крестьянъ, сдѣлаютъ ихъ нищими не на сегодня только, а навсегда.

Положительно переселенческое дѣло требуетъ спеціальнаго и внимательнаго присмотра. Но у насъ есть не одно переселеніе съ юга и запада Россіи на востокъ: есть еще крестьянское выселеніе изъ Россіи, о которомъ также не мѣшало бы собрать свѣдѣнія и поразсудить спеціальному вѣдомству. Исторія даетъ поучительное указаніе, свидѣтельствуя, что главнымъ мотивомъ, приведшимъ къ заселенію пустыхъ въ то время юга и Поволжья, было бѣгство отъ слишкомъ суровыхъ условій нашей государственности. Люди бѣжали отъ государства, отъ созданнаго имъ крѣпостнаго права, отъ тягости налоговъ, а особенно воеводскихъ поборовъ, отъ гоненія на чувство религіозное.

Но, вѣдь, это явленіе выражалось отчасти и въ выселеніи за границы государства. Въ Добруджѣ, въ Литвѣ, въ Подоліи, даже въ Пруссіи есть многочисленныя поселенія раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ чрезмѣрнаго вмѣшательства государственности. Любопытно, что затѣмъ потомки этихъ людей превращались въ орудія государственныхъ видовъ обрусѣнія окраинъ. Но явленіе продолжалось и въ позднѣйшія времена: отъ государственности эмигрировало въ Турцію черкесское населеніе съ Кавказа и татарское изъ Крыма. Въ настоящее время печать обратила вниманіе на выселеніе крестьянъ изъ Царства Польскаго въ Америку. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что нѣкоторый контингентъ выселенію даютъ бывшіе узники.

Въ прошломъ мѣсяцѣ положеніе о земскихъ начальникахъ вошло въ дѣйствіе еще въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Въ печати уже начинаютъ го-

являться нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности земскихъ начальниковъ. Читатели припомнятъ, что при созданіи этого учрежденія мы отнеслись къ нему нѣсколько иначе, чѣмъ большинство тѣхъ органовъ печати, которые, вмѣстѣ съ нами, дорожатъ пресбразованіями 60-хъ годовъ. Эта печать вообще безусловно отстаивала самобытность сословно-крестьянскаго управленія и суда, а также ту цѣльность земско-судебнаго устройства, въ которой проложена была брешь для учрежденія, представляемаго административными лицами, облеченными судебнымъ правомъ. Въ силу такого возрѣнія, та часть печати, о которой мы говоримъ, считала долгомъ вполне отрицать самый основной мотивъ, поведшій къ учрежденію земскихъ начальниковъ, а именно необходимость скородѣйствующей и единоличной власти «на мѣстахъ». Тактика нашихъ собратьевъ была вполнѣ согласна съ западно-европейскимъ примѣромъ отношенія партій къ дѣламъ общественнымъ: каждая партія твердитъ только свое, освѣщаетъ вопросы только съ своей точки зрѣнія, предоставляя другимъ партіямъ указывать на остальные, такъ что въ результатѣ такого партійнаго обсужденія вопросовъ, при рѣшающемъ, фактическомъ вліяніи общественнаго мнѣнія на Западѣ на самый ходъ дѣлъ, положительное законодательство и направляется по линіи равнодѣйствующей между нѣсколькими общественными стремленіями.

Въ Россіи условія въ значительной степени несходны съ указанными. «Партій» въ смыслѣ прямаго вліянія на ходъ дѣлъ вовсе не существуетъ, а есть только разные голоса, могущіе показаться болѣе или менѣе убѣдительными. Съ этой точки зрѣнія мы считали обязанностью никакъ не замалчивать недостатковъ сословнаго крестьянскаго управленія, а, стало быть, должны были допускать и желательность внесенія нѣкотораго корректива въ эту область самоуправленія, весьма незрѣлаго и не совсѣмъ рационально устроеннаго уже потому, что оно получило образованіе исключительно сословное въ противность всѣмъ другимъ реформамъ 60-хъ годовъ, основаннымъ на принципѣ всесословности.

Къ учрежденію земскихъ начальниковъ мы отнеслись очень опредѣленно: мы признали необходимость упрощенія нашихъ мѣстныхъ властей и созданія болѣе дѣйствительной единоличной власти «на мѣстахъ», но выразили открыто сожалѣніе, что для этой власти не нашлось мѣста въ неприкосновенномъ составѣ самоуправленія всесословнаго земскаго. Короче, на нашъ взглядъ, учрежденіе земскихъ начальниковъ могло быть полезно, если бы только начальники эти были въ дѣйствительности земскіе, то-есть выборные, самостоятельные и, притомъ, облеченные только административными правами, съ сохраненіемъ въ полной смѣ мировыхъ судебныхъ установленій 1864 года. Но вопросъ былъ рѣшенъ иначе: «земскіе» начальники явились какъ чиновники-надсмотрщики за крестьянскимъ управленіемъ и, вмѣстѣ, какъ мировые судьи въ уѣздѣ, назначаемые администраціей по рекомендаціи предводителей дворянства. Это послѣднее условіе ровно никакой добавочной гарантіи не составило, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вовсе не существуетъ какой-либо дворянской солидарности и отзывъ

или рекомендація уѣзднаго предводителя не имѣть много значенія, какъ личная рекомендація одного изъ мѣстныхъ значительныхъ помѣщиковъ.

И вотъ, первыя же свѣдѣнія о дѣятельности участковыхъ (земскихъ) начальниковъ указываютъ на то, что въ этой дѣятельности преобладаютъ, во-первыхъ, личное усмотрѣніе, личное пониманіе призванія, а, во-вторыхъ, преокупация отнюдь не общественно-мѣстная, но бюрократически-общая,—мысль не о томъ, какъ бы устроить порядокъ сообразно условіямъ мѣстнымъ, но о томъ, что вообще слѣдуетъ «подтянуть» крестьянъ,—мысль уже вовсе не земская, но обще-бюрократическая.

Въ газетѣ *Гражданинъ*, которая спеціально интересовалась новымъ учрежденіемъ и предрекала въ немъ спасеніе для Россіи, мы теперь находимъ неподлежащія подозрѣнію, любопытныя отклики о томъ, какъ это учрежденіе было понято въ обществѣ и чего отъ него вообще ожидаютъ, и едва ли не наибольшія нареканія на учрежденіе земскихъ начальниковъ,—говоритъ *Гражданинъ*,—возбуждаютъ вращающіеся въ министерствѣ слухи о томъ, что земскіе начальники часто и много съкутъ народъ... Рассказываютъ о новой машинѣ для сѣченія, которая будто бы введена земскими начальниками на этотъ предметъ (!). Машина состоитъ изъ ящика, въ который кладутъ самоуправляющагося крестьянина, съ отверстіями для рукъ съ колодкой и т. д., причеиъ удобному сѣченію нѣтъ уже никакого препятствія.

Гражданинъ весьма недоволенъ подобными слухами и опровергаетъ ихъ ссылкой на текстъ закона, который постановляетъ, что каждый волостной приговоръ о тѣлесномъ наказаніи долженъ идти на утвержденіе земскаго начальника, что, тѣмъ самымъ, направленъ къ уменьшенію случаевъ тѣлеснаго наказанія, а вовсе не къ увеличенію числа таковыхъ внушеній. Замѣтимъ, однако: тѣмъ самымъ, что сѣченіе идетъ на утвержденіе начальника, оно и происходитъ отъ него и ему приписывается. Но возвратимся къ разсужденію *Гражданина*. Что же дѣлать земскому начальнику, если онъ застаеиъ въ волости массу неисполненныхъ приговоровъ о сѣченіи? Очевидно, распорядиться о возможно неотлагательномъ исполненіи таковыхъ. И вотъ что выходитъ въ результатъ этого вполне законнаго бюрократическаго распоряженія: «Сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ приговоры волостныхъ судовъ, вошедшіе въ законную силу»,—еще бы они не вошли въ силу, когда состоялись годъ или болѣе тому назадъ!—«были немедленно приведены къ исполненію и чтобы къ слѣдующему посѣщенію начальника все было исполнено».

И вотъ,—говоритъ самъ *Гражданинъ*,—не успѣлъ онъ отъѣхать, какъ начались тотчасъ же взысканія и по гражданскимъ дѣламъ, и наказанія за уголовныя проступки... Относительно первыхъ могли еще встрѣтиться кое-какія затрудненія, но вторыя приводились неукоснительно къ исполненію. И такъ, начались порки по волостямъ и правленіямъ. Люди мало понимающіе стали говорить: ну, вотъ, только что вступили въ должность земскіе начальники—и уже сколько народу перепороли по ихъ приказанію.

Что же будетъ далѣе? Газета утверждаетъ, что далѣе ничего особеннаго не будетъ.

Мимоходомъ отмѣтимъ не лишенный значенія отзывъ *Гражданина*, что новыя волостныя выборы, произведенныя подъ надзоромъ новыхъ начальниковъ, имѣли самый прекрасный результатъ: «крестьяне отнеслись съ должнымъ вниманіемъ» и т. д., короче, выборы оказались, по словамъ той же газеты, «въ лучшемъ видѣ». И такъ, все обстоитъ благополучно.

Между тѣмъ, изъ другихъ источниковъ имѣются и свѣдѣнія нѣсколько иные. «Массы мужиковъ»,—пишутъ въ *Недѣлю* изъ Богородскаго уѣзда,—перевывали подъ арестомъ за одно только несвоевременное, по оплошности, неснятіе шапокъ. На сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ присутствіи г. Софронова (земскаго начальника), крестьяне и сельскія власти стояли по три-четыре часа съ открытыми головами въ какую бы то ни было погоду. Но это еще куда ни шло. Худшее заключается въ томъ, что участковый начальникъ, будучи земскимъ только по названію, можетъ стремиться преимущественно только къ осуществленію извѣстной бюрократической идеи, а вовсе не къ созданію вождедѣльнаго «порядка на мѣстахъ», который прямо немислимъ въ области дѣятельности земской.

Земскій начальникъ перваго участка Богородскаго уѣзда, по словамъ *Недѣли*, назначилъ въ предсѣдатели волостнаго суда извѣстнаго по всему околотку кулака, выгнаннаго изъ должности старосты по распоряженію губернатора еще въ 1879 году, за укрывательство прославленнаго разбойника Чуркина.

Понятно, что противъ «взгляшка ревности» или какихъ-либо иныхъ недостатковъ, проявленныхъ лицомъ административнымъ, является гарантіею возможность смѣны его по представленію губернскаго присутствія. Но эта административная гарантія едва ли можетъ замѣнить ту, какую составляло бы общественное избраніе.

Видѣть съ тѣмъ, приходится допустить, что дѣйствительное назначеніе земскихъ начальниковъ понимается разными мѣстными администраціями, отъ которыхъ зависятъ самый выборъ лицъ, а также и устраненіе выбранныхъ, до нѣкоторой степени произвольно, не въ точномъ согласіи съ буквою указа 12 іюля 1889 года, опредѣлившаго назначеніе земскихъ начальниковъ. Такъ, въ истекшемъ мѣсяцѣ, при распространеніи «Положенія» земскихъ начальниковъ на Симбирскую губернію, начальникъ губерніи произнесъ рѣчь, въ которой толкованіе обязанностей земскихъ начальниковъ заключало въ себѣ весьма замѣтное «собственное» добавленіе къ тексту указа. Симбирскій губернаторъ выставилъ главное назначеніе этого органа государственнаго управленія болѣе согласно со статьями въ *Гражданинѣ*, чѣмъ съ точнымъ текстомъ учредительнаго указа. Въ рѣчи, имѣвшей значеніе напутственнаго наставленія, г. начальникъ губерніи сказалъ, между прочимъ: «дворянинъ-помѣщикъ ожидаетъ, что ему будетъ, наконецъ, обезпечена возможность жить въ своей усадьбѣ спокойно, что имущественныя и личныя права какъ его самого, такъ и его семь

будут охраняемы от нарушеній благочинія, общественнаго порядка и безопасности». Спрашивается, почему же всёхъ этихъ благихъ послѣдствій вправѣ ожидать только помѣщикъ-дворянинъ и его семья?

Неужели же въ область обязанностей земскаго начальника не входитъ забота о томъ, чтобы и недворяне жили спокойно, чтобы сами крестьяне не страдали отъ нарушеній порядка и безопасности? Ничего подобнаго столь тѣсному толкованію нѣтъ въ текстѣ закона 12 іюля 1889 года. Въ указѣ было сказано слѣдующее: «Мы обратили вниманіе на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія среди сельскихъ жителей имперіи; одна изъ главныхъ причинъ этого неблагоприятнаго явленія заключается въ отсутствіи, близкой къ народу, твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ». Въ этомъ законодательномъ опредѣленіи нѣтъ ни одного слова о преимущественномъ охраненіи интересовъ однихъ землевладѣльцевъ и дворянъ. Вообще начальникъ мѣстной администраціи придавъ учрежденію земскихъ начальниковъ узкое толкованіе, которое вовсе не основано на законѣ. У него выходитъ отчасти даже такъ, какъ будто учрежденіе земскихъ начальниковъ должно быть понимаемо въ смыслѣ возстановленія «хорошей» стороны крѣпостнаго права. Нельзя принять въ иномъ смыслѣ такихъ напутственныхъ словъ начальника Сибирской губерніи, какъ слѣдующія: «Если вы достигнете того, что крестьяне будутъ смотрѣть на васъ не только какъ на начальника и судью, но и какъ на своего защитника и покровителя, къ которому онъ въ каждомъ трудномъ дѣлѣ можетъ обратиться и получить совѣтъ и наставленіе, какъ это бывало въ старое время, когда крестьянинъ обращался къ своему доброму помѣщику, то вы достигнете идеала вашего служебнаго назначенія и авторитета».

Мы считаемъ необходимымъ возразить противъ такого толкованія указа 1889 года губернаторомъ, котораго слова послужать для земскихъ начальниковъ инструкціею. Въ законѣ 1889 г. нѣтъ ровно ничего, что бы приравнивало дѣятельность новаго учрежденія къ возстановленію «старого времени» съ «добрымъ помѣщикомъ». Положимъ, помѣщикъ добраго стараго времени, по извѣстному, историческому выраженію, былъ даровымъ полицеймейстеромъ въ государствѣ. Но, обладая полнотою всякихъ правъ и содѣйствіемъ полиціи по отношенію къ рабочимъ, которыхъ онъ употреблялъ для извлеченія дохода изъ имѣнія, «добрый помѣщикъ» стараго времени былъ плантаторомъ, а законъ 12 іюля 1889 г. ничѣмъ не проявляетъ ни сочувствія къ этому отиѣненному учрежденію, ни намѣренія возстановить его, хотя бы косвенно.

Мы остановились на рѣчи сибирскаго губернатора для того, чтобы въ связи съ предшествующими примѣрами, указать, какъ широко можетъ трактоваться та чисто-административная гарантія, которая осуществлена вмѣсто общественнаго земскаго избранія участковыхъ начальниковъ. Но,

дѣлая такія замѣчанія, мы, все-таки, нисколько не отрицаемъ необходимости законодательнаго почина для упорядоченія волостнаго и сельскаго управленія. Вся растяжимость инструкцій, направленныхъ къ этой цѣли, показываетъ только, что правильной и согласной съ дѣйствительными потребностями формы постановки новаго учрежденія трудно ожидать отъ одного административнаго надзора. Надзоръ этотъ подвергается вліяніямъ постороннимъ и самъ по себѣ слишкомъ видоизмѣняется, сообразно личнымъ представленіямъ. Избраніе «земскихъ» начальниковъ земствомъ въ значительной степени устранило бы это разнообразіе въ пониманіи цѣли учрежденія, и если оно, все-таки, на самомъ дѣлѣ привьется къ жизни и принесетъ пользу, то это совершится не столько по указаніямъ надзора, сколько по сознанію мѣстныхъ нуждъ и подѣ вліяніемъ мѣстнаго же общества.

Бываютъ у насъ такія законоположенія, которые представляются совершенно неожиданностью не оттого, что являются слишкомъ рано, но оттого, что запаздываютъ. Таково опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ «положеніе» о правахъ лицъ женскаго пола, кончившихъ образованіе на *упраздненныхъ* женскихъ врачебныхъ курсахъ при петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Нѣсколько странно слышать о признаніи новыхъ правъ за слушательницами курсовъ упраздненныхъ. Если лица эти полезны, какъ можно заключать изъ признанія за ними правъ на общую врачебную практику, то нельзя не задаться вопросомъ, почему же «упразднено» образованіе впредь полезныхъ дѣятелей?

Новыми правилами, утвержденными 2 августа текущаго года и только въ минувшемъ мѣсяцѣ опубликованными, предоставляется имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи упомянутыхъ врачебныхъ курсовъ право повсемѣстной врачебной практики, на основаніи постановленій о вольнопрактикующихъ врачахъ, а также ношеніе знака, занятіе должностей врачей, безъ правъ государственной службы, при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ и при учрежденіяхъ по надзору за проституціей. Дозволяется женщинамъ-врачамъ, по желанію земства, завѣдывать медицинскими участками и сельскими больницами. При этомъ женщины-врачи не допускаются къ исполненію обязанностей врачей въ военныхъ присутствіяхъ, что вполне понятно.

Но какже, однако, признавъ равноправность женщинъ въ врачебной практикѣ, въ виду крайней потребности уѣздовъ во врачахъ, примириться съ закрытіемъ для женщинъ доступа впредь къ медицинскому образованію?

Признаніе правъ за женщинами - врачами, вышедшими изъ прежнихъ курсовъ, показываетъ, что въ административныхъ сферахъ въ настоящее время могло бы быть принято благоприятно ходатайство о восстановленіи врачебныхъ курсовъ для женщинъ. Но для осуществленія этого дѣла было бы необходимо, во-первыхъ, чтобы мысль о немъ была формально заяв-

лена, наприм., московскимъ земствомъ и московскимъ городскимъ обществомъ или хотя бы обществомъ врачей и, во-вторыхъ, чтобы найдены были денежные средства, нужныя для того, чтобы поставить дѣло. Городскія больницы доставили бы мѣсто и матеріалъ для клиническихъ занятій, а средства, навѣрное, нашлись бы. Послѣдніе годы ознаменовались у насъ столь крупными частными пожертвованіями на дѣла призрѣнія и образованія, что нельзя сомнѣваться въ нахожденіи средствъ, если бы только испрошено было предварительное разрѣшеніе на устройство врачебныхъ курсовъ, съ соблюденіемъ, положимъ, тѣхъ правилъ, какими было обусловлено преобразование высшихъ женскихъ филологическо-математическихъ курсовъ въ Петербургѣ. Предстоящій съѣздъ врачей далъ бы хорошій примѣръ, возбуждивъ этотъ вопросъ и обсудивъ способы къ практическому его осуществленію. Женщины - врачи принимаютъ участіе въ этихъ съѣздахъ, и собраты ихъ, конечно, отнеслись бы къ этому дѣлу вполне сочувственно.

При женскихъ врачебныхъ курсахъ необходимо было бы отдѣленіе фармацевтическое. Аптекарское дѣло у насъ нуждается въ полномъ преобразованіи и женскій трудъ могъ бы найти широкое примѣненіе въ аптекахъ. Въ газетахъ уже сообщалось, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработывается проектъ по упорядоченію аптекарской таксы. Что цѣны, взимаемыя аптеками, совершенно несообразны со стоимостью матеріаловъ — это извѣстно всѣмъ и каждому. Нѣкоторое облегченіе для приобрѣтенія простыхъ и безвредныхъ лѣкарственныхъ средствъ представляли такъ называемыя магазины аптекарскихъ товаровъ. Но аптекари добились воспрещенія отпуска изъ этихъ магазиновъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ. Въ настоящее же время, по извѣстію *Новостей*, въ медицинскомъ департаментѣ составляются новыя правила для торговли аптекарскими товарами и въ правилахъ этихъ содержатся новыя ограниченія вродѣ разрѣшенія такой торговли только купцамъ первой гильдіи и отдѣленіе продажи москательныхъ товаровъ отъ продажи врачебныхъ средствъ, съ высокими штрафами за нарушеніе правилъ. Основанія проекта передаются слишкомъ неясно и остается лишь выразить ожиданіе, чтобы правила эти не были направлены прямо къ уничтоженію конкуренціи аптекарскихъ складовъ съ аптеками, что шло бы совершенно въ разрѣзъ съ предпринятымъ въ томъ же министерствѣ упорядоченіемъ аптекарской таксы.

Въ разсужденіяхъ, какія слышатся о дороговизнѣ лѣкарствъ въ аптекахъ, правда, упускается изъ вида одно обстоятельство. Часто приводятся такіе примѣры, что цѣна матеріаловъ, заключающихся въ лѣкарствѣ, составляетъ нѣсколько копѣекъ, а аптека беретъ за лѣкарство нѣсколько десятковъ копѣекъ. Упускается изъ вида, что трудъ по приготовленію лѣкарства согласно рецепту не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ цѣнностью матеріаловъ, входящихъ въ лѣкарство. Если, наприм., положить 20 коп. за приготовленіе лѣкарства, котораго матеріалъ стодитъ 5 коп., то

это хотя и составит барышъ въ 500 процентовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудъ образованнаго фармацевта будетъ оплаченъ не выше, чѣмъ трудъ цирюльника, остригшаго волосы за тѣ же 20 коп. Но дѣло въ томъ, что аптекарская такса допускаетъ барыши вовсе не соответствующіе труду: при стоимости матеріаловъ въ 25 коп. аптека возьметъ за лѣкарство уже не 45 коп., какъ то бы слѣдовало за вознагражденіе труда, но, быть можетъ, 1 р. 25 к., а это дастъ уже 500%, прямаго торговаго барыша, изъ котораго трудъ провизора и его помощниковъ оплачивается не въ процентахъ, а годовымъ жалованьемъ.

Аптекари въ свою защиту ссылаются на такіе факты, что самая покупка аптекъ обошлась имъ въ десятки тысячъ рублей, что за одно помѣщеніе они платятъ нѣсколько тысячъ, а, сверхъ того, содержатъ большой личный составъ (въ Москвѣ есть аптеки, гдѣ работаютъ до 20 помощниковъ провизора); необходимость монополіи они защищаютъ тѣмъ, что конкуренція понизила бы не только цѣны, но и достоинство лѣкарствъ и т. п. Чтобы разбраться во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, надо поставить впереди два главныхъ условія: прежде всего, лѣкарства должны быть доброкачественны, что можетъ достигаться строгимъ надзоромъ, при барышѣ достаточномъ, но не преувеличенномъ; во-вторыхъ, лѣкарства должны быть удешевлены вообще. Возьмемъ въ примѣръ сѣрно-кислый хининъ, несомнѣнное средство при простудной лихорадкѣ. Если простому человѣку оно извѣстно, рѣшится ли онъ, однако, издержать 60 коп. на лѣкарство? А, между тѣмъ, то же количество хинина могло бы быть продаваемо за половинную цѣну съ весьма большимъ еще барышомъ (въ нѣсколько сотъ процентовъ сравнительно со стоимостью матеріала).

Не отмѣняя пока аптечной монополіи въ пользу частныхъ предпринимателей, полезно было бы ограничить ее въ такомъ смыслѣ, чтобы предоставить городамъ и земствамъ открывать свои аптеки, безъ ограниченія числа и независимо отъ общественныхъ больницъ. Аптечное дѣло столь прибыльно, что, несмотря на сильно пониженную таксу, оно давало бы городамъ и земствамъ доходъ не только достаточный для содержанія аптекъ, но и для вполне бесплатнаго отпуска лѣкарствъ по отмѣткамъ врачей на рецептахъ для бѣдныхъ. А конкуренція общественныхъ аптекъ заставила бы и частныя аптеки понизить цѣны. При этомъ желательно было бы, чтобы общественные фармацевты и ихъ помощники набирались преимущественно изъ женщинъ, получившихъ соответственное образованіе. При меньшемъ вознагражденіи легче будетъ найти среди женщинъ фармацевтовъ съ равнымъ умѣньемъ и съ трезвостью.

Наступленіе учебнаго года сопровождается обычными жалобами на недостатокъ мѣстъ въ высшихъ специальныхъ и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ для тѣхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые вступаютъ съ намѣреніемъ пройти весь курсъ, заведенія эти служатъ не для завершенія образованія, но для продолженія его въ учили-

щахъ высшихъ, то недостатокъ вакансій въ высшихъ и среднихъ школахъ сводится на одно: на неудовлетвореніе государствомъ огромнаго спроса въ обществѣ на высшее образованіе. Наприм., въ нынѣшнемъ году особенно сильнѣ былъ притокъ кандидатовъ въ академію генеральнаго штаба, изъ 200 экзаменовавшихся едва третья часть могли быть приняты. Въ другихъ спеціальныхъ институтахъ процентъ принимаемыхъ оказывается еще меньше. Обязано ли государство, въ виду столь сильнаго спроса на высшее образованіе, расширить высшія училища? Дѣйствительно, неудача, по недостатку мѣста, для лицъ, удовлетворительно сдавшихъ экзаменъ, равняется году или двумъ усиленнымъ занятіямъ, совершенно потеряннымъ, а эти приготовительныя занятія велись иногда на послѣднія средства.

Покойный Маковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, посѣтивъ однажды строительное училище министерства (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ) и узнавъ о множествѣ послѣдовавшихъ отказовъ по приему, сказалъ: «Для столь законныхъ требованій, какъ стремленіе къ высшему образованію, должно раздвинуть стѣны училища». Стѣны эти раздвинулись въ дѣйствительности. Зданіе строительнаго училища было перестроено, расширено, но въ результатѣ оказывается и нынѣ, что институтъ гражданскихъ инженеровъ не можетъ помѣстить всѣхъ желающихъ, успѣшно выдержавшихъ экзаменъ. То же самое съ институтомъ путей сообщенія, горнымъ и т. д.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникло у насъ еще одно высшее спеціальное училище, непризнанное доселѣ въ этомъ положеніи уставомъ, который предоставляетъ ему лишь положеніе «посредственное» между учебными заведеніями средними и высшими. Мы говоримъ о техническомъ училищѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства. Въ государственномъ совѣтѣ уставъ проектированнаго высшаго училища ученыхъ электротехниковъ былъ вѣнченъ вслѣдствіе отказа министерства финансовъ въ снабженіи училища достаточными средствами. Училище поэтому сошло на степень не то средняго, не то средняго между высшимъ и среднимъ. Съ ограниченными средствами создано въ дѣйствительности высшее, несмотря на сокращенные штаты, приложены были всѣ усилія къ тому, чтобы избавить Россію отъ необходимости выписывать для этого новаго, гигантски прогрессирующаго дѣла англичанъ и датчанъ съ высокимъ окладомъ и замѣнить ихъ русскими учеными техниками. Сколько намъ извѣстно, министръ народнаго просвѣщенія, присутствуя на выпускныхъ экзаменахъ въ этомъ училищѣ, заявилъ не только одобреніе, но удивленіе, что въ столь тѣсномъ помѣщеніи, съ такими малыми средствами, сдѣлано было такъ много: создано было въ Россіи высшее электротехническое образованіе.

Въ настоящую сессію государственнаго совѣта имѣетъ быть внесенъ проектъ о такомъ расширеніи штатовъ училища, которое должно поставить его на степень высшаго электротехническаго института. Нельзя не отнестись сочувственно къ этому предположенію. Электротехника есть та область знанія, которая наиболѣе быстро прогрессируетъ въ настоящее

время, и для Россіи, съ ея огромными пространствами, имѣть такое же значеніе, какъ для Америки, гдѣ надъ развитіемъ дѣла трудится гениальный Эдиссонъ. Уже одно распространеніе телефоннаго дѣла, получившаго примѣненіе во всѣхъ большихъ городахъ и имѣющее современемъ перейти изъ рукъ иностранной компаніи въ руки правительства, требуетъ самостоятельной постановки электротехническаго знанія въ Россіи.

Устройство подводныхъ кабелей, регулированіе телеграфныхъ сообщений по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и, притомъ, примѣненіе быстро слѣдующихъ одно за другимъ усовершенствованій,—все это прямо указываетъ на необходимость обезпеченія Россіи особыми инженерами электротехнической спеціальности. Училище въ дѣйствительности уже стоитъ на уровнѣ высшаго заведенія; можно только пожелать, чтобы прибавкой нѣсколькихъ тысячъ рублей оно было обезпечено въ будущемъ, не полагаясь на одни личныя, котя бы самыя энергичныя усилія. Въ настоящее время, несмотря на эти усилія, оказывается, что число желающихъ поступить въ заведеніе съ каждымъ годомъ падаетъ. Какъ извѣстно, большинство молодыхъ людей, рассчитывающихъ поступить въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній, держатъ экзаменъ одновременно въ два и даже три изъ этихъ училищъ, въ виду огромной конкуренціи. И вотъ, при этомъ оказывается, что при успѣхѣ экзаменовъ и полученіи одновременно вакансіи въ телеграфномъ и иномъ высшемъ спеціальномъ училищѣ, молодые люди предпочитаютъ вслѣдствіе иной институтъ, именно потому, что онъ сообщаетъ права высшаго образованія, а телеграфное училище ихъ не даетъ. Вслѣдствіе того, телеграфному вѣдомству приходится довольствоваться кандидатами менѣе успѣшными, а это несогласно съ государственными соображеніями о постановкѣ электротехническаго дѣла въ Россіи на полной высотѣ съ той, на какой оно находится даже въ такихъ маленькихъ государствахъ Запада, какъ Данія.

Почтово-телеграфное вѣдомство доставило обществу за послѣднее время важное удобство: приѣмъ сбереженій на храненіе въ особыхъ кассахъ при учрежденіяхъ этого вѣдомства. Такихъ кассъ открыто въ нынѣшнемъ году до трехсотъ и сбереженій въ нихъ поступило по 1 іюля на 450 тыс. рублей отъ 7,500 вкладчиковъ. Средняя высота одного вклада—60 руб.—показываетъ, что первыми кліентами почтовыхъ сберегательныхъ кассъ явились не лица, занимающіяся ручнымъ трудомъ, но классъ нѣсколько болѣе состоятельный, вѣроятно, мелкіе торговцы, чиновники и прикащики. По опубликованнымъ въ газетахъ свѣдѣніямъ, предполагается въ будущемъ году открыть тысячу такихъ кассъ, а затѣмъ въ ближайшіе годы завести при всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Не составитъ ли это шага къ приѣму и выдачѣ въ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ денежныхъ переводовъ, какъ то производится въ нѣкоторыхъ странахъ? Удобство такихъ переводовъ представлялось бы въ сокращеніи формальностей при посылкѣ и полученіи денежныхъ пакетовъ. Словомъ, почта могла бы на себя дѣлать для всей массы то, за чѣмъ те-

перь болѣе состоятельные люди обращаются къ банковскимъ конторамъ. Уплативъ въ Москвѣ на почтѣ деньги для такого-то лица въ Петербургѣ и вложивъ переводъ въ заказное письмо, можно было бы устранить: опечатаніе денежнаго пакета съ исчисленіемъ вѣсоваго и страховаго сборовъ, посылку петербургскою почтой повѣстки получателю и представленіе послѣднимъ удостовѣренія о личности отъ полиціи.

Переводная операція банковъ и банковскихъ конторъ весьма значительна, хотя, быть можетъ, она и не достигаетъ совокупности мелкихъ денежныхъ посылокъ, передаваемыхъ почтою. Во всякомъ случаѣ, если банковскій способъ переводовъ практикуется безъ всякихъ неудобствъ и деньги при этомъ перехватываются злоумышленниками вовсе не чаще, чѣмъ при пересылкѣ ихъ почтою, причемъ возможно и вскрытіе пакетовъ, и ограбленіе почтъ на пути, а скорѣе рѣже, то нѣтъ положительной причины, почему бы почта не могла взять на себя этой операціи. Немаловажнымъ преимуществомъ при этомъ представилась бы, сверхъ того, возможность дать какое-либо полезное назначеніе тому капиталу, который находится постоянно въ пути. Предположимъ, что ежедневно хоть 20 тысячъ рублей отправляются московскою почтою въ Петербургъ, въ то время, какъ такія же 20 тыс. рублей посылаются петербургскою почтою въ Москву, что составляетъ совершенно бесполезную пересылку, которую можно бы замѣнить переводами и ордерами по почтѣ и по телеграфу, благо эти учрежденія соединены въ одномъ вѣдомствѣ. Капиталъ, находящійся въ постоянномъ путешествіи по Россіи, при ея большихъ разстояніяхъ, опредѣляется нѣкоторыми, впрочемъ, гадательно, въ десятокъ милліоновъ рублей.

Очевидно, если бы предположить, что каждая почтовая контора будетъ получать ежедневно на равную сумму уплатъ по переводамъ и ордеровъ по выдачамъ, то упомянутый, навѣрное, весьма значительный, мертвый капиталъ можно было бы цѣликомъ обратить на какое нибудь полезное дѣло. Но, конечно, для каждой почтовой конторы потребуются, на всякій случай, нѣкоторый резервъ для сведенія ежедневнаго баланса, такъ какъ полученія и выдачи не могутъ быть математически равны. Однако, и за отчисленіемъ такого резерва, сумма котораго опредѣлилась бы опытомъ, осталась бы, навѣрное, еще весьма значительная часть мертваго капитала, нынѣ безплодно путешествующаго по губерніямъ.

Сверхъ того, самая опасность ограбленія почтъ, повторяемъ, стала бы меньше. Случаи, подобные тому, который былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Севастополѣ, стали бы болѣе рѣдки, если бы почта перевозила только посылки. При томъ же, и передача денегъ въ другіе города посредствомъ переводовъ могла бы идти сокращеннымъ путемъ—«простою» почтовою пересылкой, такъ какъ пересылались бы только именныя ордера, а не деньги. Нынѣ же, при дѣйствительной пересылкѣ наличныхъ денегъ «тяжелою» почтой, денежные отправленія въ меньшіе города и мѣстечки совершаются слишкомъ медленно. Такъ, на полученіе денегъ изъ Москвы въ Крымъ, напримеръ, требуется не менѣе 6 дней, а обыкновенно болѣе.

Наконецъ, взятіе на себя почто-телеграфными учрежденіями операціи уплатъ по телеграфнымъ приказамъ могло бы значительно поднять телеграфный доходъ. Переводъ по телеграфу чрезъ посредство банкировъ стоить дорого, такъ какъ банкиры, сверхъ комиссіи, рассчитываютъ цѣнность телеграммы. Между тѣмъ, почтово-телеграфныя учрежденія могли-бы взимать при этомъ лишь немного болѣе, чѣмъ за переводъ почтовый, такъ какъ самая телеграмма о переводѣ уже доставляетъ имъ доходъ. А какое облегченіе было бы для человѣка рабочаго въ столицѣ, если бы, въ случаѣ крайней необходимости въ какихъ-нибудь 25 рубляхъ долга въ деревнѣ, онъ могъ, издержавъ рубль, знать, что деньги эти будутъ выданы въ ближайшей къ деревнѣ конторѣ завтра же, вмѣсто того, чтобы рассчитывать полученіе денегъ на мѣстѣ черезъ 6 дней, съ уплатою вѣсоваго, страховаго сборовъ, сбора за засвидѣтельствованіе личности на мѣстѣ и приложеніе марки, что составитъ въ совокупности, все-таки, копѣекъ 20.

Такъ какъ, для примѣра, намъ пришлось упомянуть о почтовой пересылкѣ между столицами, то мы позволимъ себѣ высказать еще желаніе, чтобы почтовый вагонъ отправлялся между ними дважды ежедневно, подобно тому, какъ то дѣлается въ сообщеніи между Петербургомъ и Варшавой. Почтовые сношенія между Петербургомъ и Москвой достигли уже такихъ размѣровъ, что вполне оправдывалось бы включеніе почтоваго вагона въ курьерскій поѣздъ. Нынѣ же на этомъ поѣздѣ имѣется только ящикъ. Отъ этого происходятъ слѣдующія неудобства: 1) Всякія отправленія посылокъ и цѣнныхъ пакетовъ немислимы послѣ 12½ часовъ дня, между тѣмъ какъ почта остается открытою до 4 часовъ; 2) почтовый ящикъ при вагонѣ на курьерскомъ поѣздѣ иногда набивается такъ туго, что нѣтъ возможности втиснуть въ него письмо, и 3) сортировка писемъ производится не въ пути, но на станціи отправленія, вслѣдствіе чего, за 20 минутъ до отхода поѣзда, ящикъ при почтовомъ отдѣленіи закрывается, такъ какъ для приготовленія постъ-пакетовъ, которые сдаются багажнымъ кондукторамъ, нужно время. Между тѣмъ, люди, не знающіе почтовыхъ порядковъ, идутъ съ письмами на промежуточныя станціи—къ поѣзду и опускаютъ такія письма въ почтовый ящикъ при вагонѣ, вслѣдствіе чего письмо, адресованное изъ Москвы въ Химки, идетъ въ Петербургъ, тамъ сортируется и возвращается въ Химки, въ утро втораго дня за отправленіемъ. Не мѣшало бы также замѣнить чѣмъ-либо болѣе удобнымъ тѣ первобытныя корзинки, въ которыхъ собираются письма, бросаемыя въ отверстіе при почтовыхъ отдѣленіяхъ на станціяхъ. Въ этихъ корзинкахъ конверты нерѣдко прислоняются къ бокамъ, выбираютъ ихъ ошущю, и хотя въ заключеніе смотрятъ со свѣчею, но этотъ осмотръ совершается тогда, когда постъ-пакеты для промежуточныхъ городовъ могутъ быть уже задѣланы. А, между тѣмъ, промежуточные города между Москвой и Петербургомъ—Блинъ, Тверь, Новгородъ. Нельзя не подумать объ интересахъ правильной доставки въ нихъ корреспонденціи. Если бы намъ возразили, что для этого существуетъ почтовый поѣздъ, то мы опять-

таки скажемъ, почему же ограничивать правильное сообщеніе—полудни, и почему же между Петербургомъ и Варшавой ходятъ два почтовые поезда?

Отъ пересылокъ писемъ по первой изъ большихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, наиболѣе доходной и самой «солидной», мы перейдемъ къ вопросу о дорогѣ, которой постройка еще недавно представлялась нѣсколько фантастической, къ дорогѣ сибирской. Въ интересной «запискѣ-картѣ» составленной полковникомъ Волошиновымъ, изложены кратко, но съ большою ясностью, основные пункты вопроса о порядкѣ постройки сибирской дороги. Необходимость ея, въ смыслѣ стратегическомъ, для сухопутнаго соединенія Владивостока съ центромъ государства уже признана правительствомъ: «Войска Приамурскаго округа и крѣпость Владивостокъ, — говоритъ г. Волошиновъ, — совершенно отрѣзаны отъ Россіи, въ военное время тамъ нельзя подвести ни одного пуда, ни одного человѣка». Авторъ опасается, чтобы предположеніе о постройкѣ сплошной желѣзной дороги черезъ всю Сибирь, отъ Златоуста до Владивостока, не затянуло дѣла обезпеченія Владивостока лѣтъ на 14, въ продолженіе каковаго періода могутъ произойти событія, которыя сдѣлали бы ненужною и самую постройку желѣзныхъ дорогъ въ Сибири. Онъ напоминаетъ о томъ, какъ въ 50-хъ годахъ отдали предпочтеніе постройкѣ варшавской дороги передъ соединеніемъ Севастополя съ Москвою, результатомъ чего была гибель Севастопольскаго и черноморскаго флота.

Для обезпеченія же обороны Владивостока достаточно было бы теперь же, «не теряя ни одного дня», приступить къ постройкѣ въ Сибири желѣзной дороги «перерывчатой», то-есть такой, которая состояла бы изъ трехъ участковъ, проложенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ воднаго сообщенія и перевозка идетъ гужомъ. Участки эти—отъ Токи до Иркутска, отъ Байкала до Срѣтенска и отъ р. Уссури до Владивостока. Это и была бы дорога, прежде всего, стратегическая, длиною всего 2,453 версты, съ предполагаемою стоимостью постройки въ 122 милл. р. кр., съ включеніемъ подвижнаго состава. Между тѣмъ, постройка сплошной желѣзной дороги отъ Златоуста до Хабаровки обошлась бы, по тому же исчисленію, въ колоссальную сумму 341 милліонъ рублей.

Въ настоящее время всѣ изысканія на участкахъ предполагаемой перерывчатой, стратегической дороги уже окончены. Но главный аргументъ въ пользу того, чтобы начать постройку сибирской дороги со средних, т. е. съ упомянутыхъ участковъ, а не отъ Златоуста сплошь на Хабаровку, приводится такой: «многочисленные развѣдки и варианты изысканій документально подтвердили, что будетъ ли вся линія сплошной, или перерывчатая, она обязательно должна пройти по одному и тому же пути, какъ въ предѣлахъ Забайкалья, такъ и въ предѣлахъ Южно-Уссурийскаго края. Если это доказано, тогда надо признать несомнѣннымъ, что слѣдуетъ начинать съ меньшаго, съ болѣе легкаго и построить сперва названные участки, которые впоследствии войдутъ въ составъ сплошной линіи.

Возраженія, какія можно сдѣлать г. Волошинову, на основаніи его же «записки», заключались бы въ слѣдующемъ: начиная за Красноярскомъ—въ сѣверномъ направленіи и отъ Иркутска—въ южномъ, существуютъ въ разныхъ проектахъ начертанія сплошнаго пути значительно, отдаляющіяся отъ упомянутыхъ трехъ участковъ перерывчатой линіи, затѣмъ «перерывчатость» предполааетъ перегрузку, которая представляетъ неудобства и возвышаетъ расходъ доставки. И такъ, для того, чтобы признать, что будущая сплошная линія непременно совпадетъ съ предполагаемыми для начала постройки тремя участками, надо было бы сперва вполне согласиться съ указаніями г. Волошинова на неудобства какъ сѣвернаго обхода Байкала, такъ и проложенія пути съ юга Байкала къ Владивостоку, частью черезъ китайскую территорію. Что же касается перегрузки, то авторъ устраняетъ этотъ вопросъ, говоря, что участки сами по себѣ длинны и что въ Европѣ нѣтъ непрерывной дороги, которая имѣла бы такое протяженіе. Но это, все-таки, не есть возраженіе противъ сплошной дороги.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Сестры Саморуковы*, драматическій этюдъ въ 3-хъ картинахъ; *Старая сказка*, ком. въ 4-хъ дѣйствіяхъ П. П. Грѣдича; *Симфонія*, ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ Модеста Чайковскаго.

Свѣтозарный Фебъ внялъ нашимъ мольбамъ и укротилъ жестокость драматурговъ. Ножи и пистолеты покоятся въ бутафорскомъ шкафу; на сценѣ никто смертоубійствъ не совершаетъ, никто отъ яда не корчится, и публика выходитъ изъ театра въ самомъ мирномъ настроеніи. Мы говоримъ, разумѣется, о новыхъ пьесахъ, и насъ это тѣмъ болѣе радуетъ, что въ трехъ новыхъ пьесахъ совершенно отъ авторовъ зависѣло, по ихъ личному усмотрѣнію, разстрѣлять или инымъ образомъ прикончить героинь и героевъ. Господа драматурги ихъ пощадили, и прекрасно сдѣлали. Сколько намъ извѣстно, такъ же благодушно намѣреваются поступить и наши присяжные драматурги: гг. Боборыкинъ, Фодотовъ, Невѣжинъ, Немировичъ-Данченко, Ладыженскій; не знаемъ только, какъ распорядится г. Шпажинскій. Одинъ г. Буренинъ убьетъ до смерти *Агриппину*; этой, впрочемъ, туда и дорога, ее намъ не жалко. Князь Сумбатовъ представитъ намъ даже самого царя Ивана Грознаго безъ кровопролитія; а въ томъ, что царица Анастасія скончалась преждевременно, кн. Сумбатовъ не виноватъ,—на то была воля Божія. Мы не беремъ рѣшить, въ чемъ кроется причина столь общаго благодушія авторовъ, и склонны думать, что сердца ихъ умягчились подъ влияніемъ необыкновеннаго благорастворенія воздуха нынѣшнимъ чудеснымъ лѣтомъ, оказавшимся не «карикатурой южныхъ зимъ», а нѣкоторымъ подобіемъ южной весны. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, будто столь опытные драматурги сразу и теперь только сообразили, что ихъ «убійственныя» драмы въ огромномъ большинствѣ случаевъ воспроизводили не настоящую жизнь, а лишь уголовщину или неистовства умопомѣшанныхъ. Конечно, изображать на сценѣ дѣйствительную жизнь во всей точности, съ такъ называемою документальною правдивостью, есть тоже дѣло неподходящее и всегда очень рискованное. Нагляднымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служатъ двѣ новыя комедіи: *Сестры Саморуковы* и *Старая сказка*. Мало ли что

бываетъ въ жизни и какъ происходитъ въ дѣйствительности, никогда, однако же, не слѣдуетъ вытаскивать на сцену всякую житейскую дрянъ и передѣлывать въ комедію всякіе «скверные анекдоты». «Ужь сколько разъ твердили міру», «да только все не впрокъ», что всякое литературное и сценическое произведеніе должно въ основѣ своей содержать идею, мысль, ясную, опредѣленную, честную, ведущую къ сознанию, что добро превосходитъ зла. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы добродѣтель непременно торжествовала и была награждаема, а порокъ былъ бы наказанъ такъ же наглядно, какъ наказываютъ неблаговоспитанныхъ кошекъ. Объ этомъ мы уже не разъ говорили и не перестанемъ повторять, что задача всякаго художественнаго произведенія въ томъ заключается, чтобы авторъ удержалъ всѣ симпатіи публики на сторонѣ добра и правды и возбудилъ бы негодованіе противъ зла и несправедливости. Добрые могутъ страдать и хорошіе гибнуть, дурные могутъ торжествовать; въ дѣйствительной жизни нерѣдко бываетъ такъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы ни къ чему непригодною фальшью представлять дѣло въ извращенномъ видѣ, ради какихъ бы то ни было цѣлей. Да это ни къ чему бы и не привело, ибо фальшь и натяжки всегда скажутся и въ сознаниі публики отзовутся впечатлѣніями, неблагоприятными для предположенной цѣли. Но безусловно необходимо обратить все сочувствіе читателей или зрителей къ страдающимъ или гибнущимъ и сдѣлать самое видимое торжество зла непривлекательнымъ, возмутительнымъ, гадкимъ. Вся задача въ томъ, чтобы зритель, выходя изъ театра, сказалъ бы себѣ: «такъ страдать и даже гибнуть—хорошо, а такого дряннаго благополучія я никому не пожелаю». За то никуда не годится произведеніе, могущее въ комъ-нибудь вызвать обратныя чувства или оставить зрителя совершенно равнодушнымъ къ добру и злу, къ хорошимъ людямъ и къ дурнымъ.

Авторъ «драматическаго этюда» *Сестры Саморуковы* задался, несомнѣнно, доброю мыслью—показать дурныя послѣдствія развода и вторичнаго брака, по расторженіи перваго супружества. Для этого онъ взялъ слѣдующую фабулу: старшая изъ двухъ сестеръ Саморуковыхъ, Елизавета Николаевна (г-жа Ермолова), была замужемъ за какимъ-то «колоссальнымъ чиновникомъ», очень скучнымъ господиномъ. На сценѣ онъ не появляется; рассказы же о немъ напомнили намъ почему-то мужа Анны Карениной. Подобно этой героинѣ романа, Елизавета Николаевна увлеклась офицеромъ Водоленскимъ (г. Южинъ), бросила мужа и единственнаго сына и произвела настоящій скандалъ въ «большомъ свѣтѣ». Товарищи по полку «заставили» Водоленскаго выхлопотать разводъ и жениться на опозоренной имъ женщинѣ. И она не только согласилась стать женою господина, котораго «заставляютъ» жениться, но, по его требованію, обѣщала ему никогда не видаться съ единственнымъ сыномъ, совсѣмъ «забытъ» объ его существованіи. Это сразу, съ начала перваго дѣйствія, отворачиваетъ наши симпатіи отъ героини пьесы. Была она дурною женою, потомъ оказалась дрянною женщиною и негодною матерью, способною отречься отъ роднаго сына

изъ-за любви къ дрянному гвардейцу или изъ желанія пообъявить сколько можно свою репутацію,—намъ это, въ сущности, безразлично. Въ нашихъ глазахъ она и Водоленскій стоятъ другъ друга; мы знаемъ, что такой братъ не можетъ быть счастливымъ; для насъ драма, если была таковая, покончена до начала пьесы, и авторъ показываетъ намъ лишь практическія послѣдствія той внутренней борьбы героини, въ которой дурныя побужденія одержали верхъ надъ добрыми. Все вышеназванное рассказываетъ гостящій въ деревнѣ у Водоленскихъ Бирючевъ (г. Горевъ) родственницѣ Саморуковыхъ, вдовѣ Надменцевой (г-жа Яблочкина), и, вообще, все, составляющее сущность пьесы, намъ рассказываютъ. Изъ такихъ повѣствованій мы узнаемъ, что жена Водоленскаго сдержала только половину обѣщанія, т. е. не видится съ сыномъ, живущимъ у отца въ близкомъ отъ нихъ сосѣдствѣ, но «забыть» сына не можетъ и уградкой отъ мужа смотритъ на его портретъ. Намъ рассказываютъ, что ея незамужняя сестра Мисси (г-жа Лешковская), тоже потихоньку отъ всѣхъ, выдается съ первымъ мужемъ Елизаветы Николаевны, переписывается съ нимъ и узнаетъ, что ребенокъ опасно болѣнъ. Все это она скрываетъ даже отъ замужней сестры, и та, лишь благодаря случайности, узнаетъ о болѣзни сына. Сестры собираются ночью, крадучись, ѣхать къ больному и видятъ, какъ Водоленскій пробирается въ комнату баронессы Гюло (г-жа Уманецъ-Райская), какой-то авантюристки, гостящей у Водоленскихъ. На утро получается извѣстіе, что ребенокъ умеръ. Водоленская выгоняетъ изъ дому баронессу Гюло. Водоленскій уѣзжаетъ съ этою баронессой за границу. Надменцева предлагаетъ покинутой женѣ искать утѣшенія въ какой-то особенной великосвѣтской религіи, очень похожей на сектантство, и куда-то увозитъ съ собою доведенную до отчаянія Елизавету Николаевну. Бирючевъ идетъ наверхъ по лѣстницѣ, останавливается на пятой или шестой ступенькѣ и оттуда дѣлаетъ предложеніе меньшей Саморуковой. Мисси соглашается выйти за него замужъ, и на этомъ заканчивается «драматическій этюдъ». Для чего намъ все это показывали и рассказывали? Намъ нисколько не интересуется ни рассказанное прошлое этихъ людей, ни то, что съ ними произойдетъ въ будущемъ. Мы, къ тому же, глубоко убеждены, что ничего ровно не произойдетъ. Водоленскій пожурируетъ въ чужихъ краяхъ съ баронессой; потомъ онъ ее броситъ или она его, и каждый отправится жуировать дальше,—она съ другимъ франтомъ, онъ—съ другою франтессой, и оба будутъ жить припѣваючи. Ничего лучшаго они и не желаютъ. Стало быть, за все ихъ негодѣйство они получаютъ исполненіе желаній, то-есть счастье въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно ихъ сознанію. Имъ можно позавидовать, и насъ нисколько не удивитъ, если кто-нибудь, прослушавши такую исторію, скажетъ самъ себя втихожолку: «И пречудное это дѣло. А то поди тутъ, бейся изъ за какихъ-то добродѣтелей. Только бока намнуть. То ли дѣло—фить! и—гуляй въ свое удовольствіе съ баронессами!» Несчастія Водоленской не возбуждаютъ въ насъ ни малѣйшаго сочувствія; мы остаемся непоколебимо равнодушными даже

жъ горю матери о смерти единственнаго ребенка. И происходитъ это отъ того, что ея горе на нашихъ глазахъ сжѣбывается и перепутывается съ огорченіемъ объ мамѣнѣ дряннѣйшаго изъ людей. Любовь къ такому чловѣку роняетъ въ нашѣмъ мнѣніи женщину; ея супружескія огорченія представляются намъ какими-то низменными и противными и настолько сливаются съ горемъ матери, что заслоняютъ его, такъ сказать, растворяютъ въ своей мелочности. Все это покрывается, съ одной стороны, заслуженностью несчастій, съ другой—увѣренностью въ томъ, что подъ влияніемъ шутовки Надменцевой эта дама очень скоро успокоится и возблагодарствуетъ на лонѣ грань-монднаго пьезизма. Къ тому же, выходитъ какъ-то такъ, что никто изъ зрителей не относится серьезно къ извѣстіямъ о болѣзни и о смерти ребенка; всѣмъ, кого мы ни спрашивали, представляется почему-то, что это «не вразправду, а нарочно». Безучастными остаемся мы и къ судьбѣ сосватавшихся на лѣстницѣ Бирючева и Мисси. Пусть себѣ женятся, намъ это все равно. Люди они, можетъ быть, недурные, только сѣрватые какіе-то, должно быть, деревянные, иначе не стали бы они такъ спокойно свататься въ то время, какъ здѣсь только что разрушилась семья,—какая она ни-на-есть,—а тамъ, за нѣсколько верстъ, еще не успѣли положить на столъ трудъ несчастнаго ребенка. Нечего сказать, нашли удобную минуту обниматься и цѣловаться! На нихъ смотрѣть противно...

Дирекція щегольнула постановкой, первоклассные артисты приложили всѣ свои силы; но изъ ничего даже и они не могли ничего сдѣлать, и растолковывать о томъ, кто игралъ «такъ» и кто «не такъ», мы считаемъ совершенно лишнимъ. Величайшій артистъ не въ состояніи сдѣлать пустаго мѣста содержательнымъ, взволновать и растрогать публику неинтересующими ее разговорами и дѣяніями несимпатичныхъ ей людей.

Комедія г. Гнѣдича, *Старая сказка*, шла года три назадъ въ Петербургѣ, на сценѣ Александринскаго театра. Если сдѣлать изъ этой пьесы логическій выводъ и формулировать его простыми словами, то выйдетъ нѣчто неправдоподобное и возмутительное. Несложная фабула комедіи состоитъ вотъ въ чемъ: Нина Алексѣевна (г-жа Лешковская), жена Рахманова (г. Горевъ), «редактора большаго повременнаго изданія», сдѣлалась любовницей пріятеля мужа, доктора Алымова (г. Южинъ). Мы не говоримъ: влюбилась въ Алымова или полюбила Алымова, потому что этого изъ дѣла не явствуетъ и со стороны этой барыньки ничѣмъ не выражается. Она, повидному, очень довольна своею судьбой и благодушнымъ мужемъ, не замѣчающимъ ничего въ теченіе цѣлаго полугода. Доктору Алымову—и тому, наконецъ, стали противными такія отношенія къ чужой женѣ, и онъ сообразилъ, наконецъ, насколько гадовъ такой «тройственный» союзъ. Къ тому же, мужъ получилъ анонимное письмо, сообщающее ему объ измѣнѣ жены, и показалъ его пріятелю-доктору. Алымовъ постарался успокоить Рахманова, а, оставшись наединѣ съ его женой, предложилъ ей открыть все мужу и уговорить его на разводъ. Рахмановой это не нравится; она

предпочитаетъ жить одновременно съ мужемъ и съ любовникомъ. Алымовъ настоялъ, однако, на своемъ и сказалъ мужу правду. Мужъ понемногу въ некоторое время, потомъ согласился на просьбу жены «пожить съ нею» еще до осени, а тогда уже передать ее въ исключительное владѣніе доктора. Объясненіе это происходитъ въ супружеской спальнѣ, передъ отходомъ ко сну. Согласившись жить еще нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ домѣ, Рахмановъ направляется къ двери. «Куда же ты?»—удивленно спрашиваетъ эта милая дама.—«Туда, къ себѣ въ кабинетъ. Усну на диванѣ...»—жалобно ностъ Рахмановъ и уходитъ. Супружескій вопросъ Нины Александровны просто ошеломилъ насъ своею невѣроятностью. Въ первую минуту мы подумали, что ослышались. Но нѣтъ, авторъ на самомъ дѣлѣ и безъ всякой надобности заставилъ свою героиню сказать и эту мерзость. Въ третьемъ дѣйствіи Рахманова, продолжая жить въ домѣ мужа и, быть можетъ, удивляясь, что онъ предпочитаетъ неудобный диванъ покойному супружескому ложу, усердно посѣщаетъ Алымова на его дачѣ, обсуждаетъ съ адвокатомъ подробности дѣла о разводѣ, поругивается съ любовникомъ, потомъ цѣлуется, потомъ... потомъ ложится съ нимъ на кушетку при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, въ которыя только что входили посторонніе люди прямо съ улицы. Что потомъ произошло—мы не видали. Режиссеръ распорядился опустить занавѣсъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи Рахмановъ собирается уѣзжать за границу, предоставляя женѣ свободу выходить замужъ за Алымова. Она, какъ подобаетъ доброй супругѣ, заботливо снаряжаетъ мужа въ путь, укладываетъ его вещи въ чемоданъ. Ей жалко отпускать такого мужа въ чужезадальную сторону; къ тому же, докторъ ей разонравился за лѣто, надоѣлъ, и она убѣдилась, очевидно, что докторъ Алымовъ будетъ менѣе покладистымъ сожителемъ, чѣмъ «редакторъ большаго повременнаго изданія». Поэтому доктора она прогоняетъ, редактора оставляетъ и въ его объятіяхъ вкушаетъ на диванѣ возвратъ семейнаго счастья, слегка нарушеннаго ея маленькою невѣрностью. *Старая сказка* на этомъ кончилась и, «какъ съ гуся вода», ни на комъ слѣдовъ не оставила. Преувидительная «сказка»! Что же, однако, хотѣлъ ею сказать и доказать авторъ? Одно изъ двухъ: либо онъ сказалъ не то, что хотѣлъ,—тогда это очень плохо, надо было сначала подумать и потомъ говорить; либо онъ сказалъ свою «сказку» обдумавши,—тогда это еще хуже, вышла гадость. Такъ или иначе, это все равно—«скверный анекдотъ», грязная исторія, возможная въ дѣйствительности, но непригодная для повѣствованія, а тѣмъ болѣе для сцены. Имъ понимаемъ осмѣяннаго и опозореннаго Жоржа Дандена; только, вѣдь, Жоржъ Данденъ наказанъ за то, что залѣзъ «не въ свои сани» и жестоко чувствуетъ постигшую его кару, и никому «неповадно» лѣзть въ знатъ по слѣдамъ Жоржа Дандена. А тутъ что же такое? «Редакторъ», нависаѣ, впрочемъ, виновный изъ троицхъ, потерпѣлъ нѣкоторыя непріятности и неудобства; но онъ, по всей видимости, зла не помнитъ, за всякою малостью не гоняется и вполне утѣшится, перебравшись съ дивана кабинета обратно въ показанное ему закономъ покойное мѣсто. Не брезгливъ этотъ «ре-

докторъ», какъ разъ подѣ пару своей супругѣ. Докторъ — тоже не изъ привередливыхъ—не замедлитъ утѣшиться, такъ какъ утѣшительница уже являлась къ нему на дачу въ лицѣ богатой дамы Брамской (г-жа Верещагина). Жена редактора и огорченій никакихъ не претерпѣла, кромя развѣ надоедливыхъ разговоровъ изъ-за такого пустяка, который изъ игривой «сказки» чуть не раздули въ семейную исторію, совершенно помимо ея желанія. Она такъ восхитительно провела полгода, что лучшаго и не желаетъ, и уже, конечно, впредь будетъ умнѣе, приметъ свои мѣры къ тому, чтобъ ея экскурсія «на островъ Любви» не отрывали «редактора» ни отъ его литературныхъ занятій, ни отъ его супружескихъ обязанностей. Вотъ какую поучительную «сказку» написалъ г. Гнѣдичъ.

Кромѣ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ комедіи занимаютъ видныя мѣста Багряницына, мать Рахмановой (г-жа Медвѣдева), полковникъ Штейнъ (г. Правдинъ), его жена (г-жа Никулина) и присяжный повѣренный Веретенниковъ (г. Ленскій). Всѣ эти лица ни капельки не возмущены поведеніемъ Рахмановой и съ замѣчательнымъ единомысліемъ находятъ, что для разлуки супруговъ нѣтъ достаточныхъ поводовъ, разъ жена прогнала любовника и ничего не имѣетъ противъ возстановленія полевѣвшаго «кувыркома» «семейнаго очага». Мамаша особенно неодобрительно отзывается о такихъ «легкомысленныхъ» и «негодныхъ» женахъ, которыя покидаютъ свои «очаги» и ѣдутъ учиться «какимъ-то» наукамъ, весьма презираемымъ всѣмъ этимъ обществомъ. То ли дѣло «очагъ»! Великое это дѣло—«очагъ»! А что около него погрѣется одинъ-другой пріятель мужа, такъ, вѣдь, отъ того «очага» не убудетъ... Намъ сдается, что это не «старая», а какая-то «новая сказка», сложенная ради охраненія «очаговъ», хотя бы и загаженныхъ, и ради демонстраціи того, какъ благополучно можно устроиться у подобнаго «очага». Всѣ симпатіи автора на сторонѣ Багряницыной; она—Стародумъ пьесы, ея устами сама житейская мудрость глаголетъ, а глаголетъ она вотъ то самое, что мы только что передали,—своими словами, разумѣется. Поучительно, нечего сказать!

За то пятиактная комедія г. Чайковскаго *Симфонія* проникнута самою чистою моралью. Меня лично она растрогала до глубины души, воскресивши передо мною съ необычайною яркостью воспоминанія счастливаго, наивнаго дѣтства съ нравственными сентенціями въ прописяхъ, съ книжками Армана Бергена, съ дѣтскими театрами и комедійками, которыя для насъ сочиняла гувернантка-швейцарка. Какъ хороши онѣ были, эти комедійки, какъ увлекательны! Въ одной изъ нихъ порочная дѣвочка Эленъ позвала добраго мальчика, сидѣвшаго за книжкой и прилежно учившаго урокъ, Базилья, потихоньку отъ старшихъ пробраться въ садъ и нарвать яблокъ. Хорошая дѣвочка, Милли, уговаривала Базилья не дѣлать этого. Но Базилья увлекся и, съ помощью Эленъ, полѣзъ черезъ заборъ. Милли огорчилась и ушла съ книжкой домой. Базилья уже былъ на заборѣ, какъ вдругъ залаяла собака садовника. Базилья испугался, свалился и разорвалъ курточку. Съ Эленъ онъ тотчасъ же поссорился; она упрекала его въ трусости

и неловкости, онъ укорялъ ее въ томъ, что она чуть не слѣлала его верою, и объявилъ, что никогда не станетъ съ ней играть за это. Эленъ рассердилась и сказала, что сама не хочетъ играть съ трусихой, который ходитъ воровать яблоки и не умѣетъ черезъ заборы лазить безъ чужой помощи. Они чуть не подрались; но пришла Милли и помѣшала имъ. Эленъ ушла, назвавши ихъ глупыми. А добрая Милли посадила Базиля за книжку, стала чинить его курточку и утѣшила его, сказавши, что «*mademoiselle*» приготовила уже яблокъ и пастилы и дастъ имъ, какъ только они хорошо отвѣтятъ уроки. «Будемъ же скорѣй учить»,—сказалъ обрадованный Базиль.—«Да,—отвѣтила добрая Милли,—будемъ всегда прилежными и честными. *Mademoiselle* дастъ намъ за это еще и варенья». Увлеченныя воспоминаніями дѣтства, мы рассказали сущность длинной комедіи г. Чайковскаго. Въ ней Вася Ладогинъ (г. Южинъ), молодой музыкантъ, пишетъ какую-то оперу. Онъ талантливый и скромный молодой человѣкъ, «подающій большія надежды» и уже выдвинувшійся впередъ своею симфоніей. Имъ увлекается знаменитая пѣвица Елена Протичъ (г-жа Ермолова). Она много старше Ладогина, что не мѣшаетъ молодому композитору влюбиться въ нее безъ ума. Она открываетъ передъ робкимъ юношей блестящія перспективы славы и богатства. Ладогинъ слѣпо идетъ за нею, но съ первыхъ же шаговъ начинаетъ чувствовать, что попалъ въ очень неудобное положеніе молодого человѣка, состоящаго при знаменитой артисткѣ. Елена Протичъ, умудренная опытомъ и потрепанная жизнью, не вѣритъ въ возможность успѣха безъ громкой рекламы и пускается на всякія штуки для того, чтобы искусственно создать извѣстность наивному автору симфоніи. Ладогинъ, влюбленный и отуманенный надеждами, которыми она обольщаетъ его, покинулъ мать и искренно любящую его молоденькую дѣвушку, Людмилу Соголову (г-жа Панова). Полтора года, проведенные имъ съ Еленой Протичъ въ погонѣ за успѣхами и славой, привели ихъ обоихъ къ горькимъ разочарованіямъ. Еленѣ надобно возиться «съ младенцемъ Васей»; она убѣдилась, что изъ этого «дикаря» никогда ничего не выйдетъ, и не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. И она совершенно правыми способами, которые ей казались такими вѣрными и дѣйствительными, она только губила молодой талантъ. Уразумѣвъ это и «младенецъ» и рѣзко порвалъ свою связь съ женщиной, опротивѣвшей ему своимъ артистическимъ интригантствомъ. Разбитый нравственно и большой физически, онъ вернулся домой къ матери и Людмилѣ. Въ прежней тихой обстановкѣ онъ оплакалъ свои заблужденія, потомъ сѣлъ къ старенькому роялю и принимается дописывать оперу. Поученіе ясно, хотя не ново и дѣтски-наивно. Но это бы не бѣда: въ наше время погони за дешевыми успѣхами безъ разбора средствъ не лишнее, пожалуй, повторить нѣкоторыя истины изъ забытыхъ прописей. Слишкомъ уже много разводится у насъ не по лѣтамъ практическихъ «младенцевъ», готовыхъ вцѣпиться въ какую угодно грязную тряпку, лишь бы она вывезла ихъ хотя на одну ступеньку повыше на общественной лѣстницѣ съ наименьшею затратой труда съ ихъ сторо-

ны. Идеализм слабѣетъ или,—что немногимъ лучше,—отодвигается къ сторонѣ, то укрываясь за «непротивленіе злу», то уходя въ дебри самосовершенствованія или мелочной копотни надъ идиллическою пустаковиной. А всякое пройдохство тѣмъ временемъ забираетъ силу, поднимаетъ голову, побѣдно гогочетъ и осмѣиваетъ идеалы. Поневолѣ приходится повторять азбучныя правоученія и необходимымъ становится повторять и долбить старое хорошее, дабы не стерло его совсѣмъ съ лица земли новое дрянное. Но для того, чтобы подобныя повторенія оказывали желаемое дѣйствіе, нужно, прежде всего, дѣлать ихъ въ художественной формѣ, обновляющей ихъ, и отнюдь не въ видѣ произведеній, способныхъ нагонять скуку и возбуждать улыбку своею наивностью. При всей симпатичности намѣреній г. Чайковского, его комедія грѣшитъ именно этою стороною: она скучна, какъ научно-сочиненная симфонія, длинна, какъ трактатъ нѣмецкаго ученаго филистера, и наивна, какъ дѣтская комедія швейцарской гувернантки. Въ ней слишкомъ много мѣста дано разсужденіямъ о музыкѣ, которыя немусыкантовъ интересовать не могутъ потому, что немусыкантамъ до нихъ дѣла нѣтъ, и не занимательны для музыкантовъ потому, что все это имъ давно извѣстно не хуже г. Чайковского. Въ его комедіи есть нѣсколько сценъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ ходу событій и только безъ нужды затягивающихъ дѣйствіе. Введенныя, комизма ради, фигуры старика Григорьева (г. Правдинъ), помощника присяжнаго повѣреннаго Розенфельда (г. Садовскій) и болтающаго по-французски франта Ходыкова (г. Лошивскій)—шаблонны и каррикатурны, немного даже надоедливы тѣмъ, что повторяютъ постоянно одно и то же. Добрый меценатъ Ядринцевъ (г. Рыбаковъ), менторъ Телемака - Васи, безличенъ, какъ сама Минерва, переодѣтая въ сюртукъ богатаго купца. Къ тому же, г. Рыбаковъ сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы провалить эту унылую роль. Сама Елена Протичъ представляется фигурою очень блѣдной и неопредѣленной, несмотря на превосходную и художественно отдѣланную въ деталяхъ игру г-жи Ершоловой. Герой комедіи—Ладогинъ—слишкомъ «мальчикъ», и волненія его такія ребячьи, что сочувствовать имъ можно лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы сочувствуемъ юношѣ, потратившему время на удовольствія и осужденному за то на переэкзаменовку послѣ канікулъ. И постигнѣ нужны были героическія усилія такого талантливаго артиста, какъ г. Южинъ, для того, чтобы страданія «бѣднаго Васи» ни у кого не вызвали улыбки полусожалѣнія, полуснисхожденія. Удивительная искренность и задушевность даровитаго исполнителя сглаживаютъ нѣкоторыя натяжки въ четвертомъ актѣ и положительно спасаютъ убійственно скучный пятый актъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ успѣхи молодой артистки г-жи Пановой, очень хорошо исполнившей роль Людмилы Соколовой, юной подруги дѣтства Ладогина, родственная привязанность которой переходитъ, незамѣтно для нея самой, въ нѣжное чувство любви.

Въ первыхъ числахъ октября на театральныхъ афишахъ появилось нижеслѣдующее объявленіе отъ дирекціи Императорскихъ театровъ:

„Для сохраненія цѣльности впечатлѣнія драматическаго дѣйствія и для оставленія иллюзіи сцени невзрушенной, дирекція Императорскихъ театровъ покорнѣйше проситъ публику, во время хода сценическаго дѣйствія, при драматическихъ спектакляхъ, не аплодировать и до опущенія завѣса артистовъ не вставать. Вмѣстѣ съ этимъ дирекція объявляетъ, что артистамъ безусловно воспрещены выходы на извозы и поклоны на аплодисменты во время хода дѣйствія на сценѣ“.

Нельзя не поблагодарить г. директора театровъ за это, давно желательное, распоряженіе. Помимо сохраненія цѣльности впечатлѣнія и иллюзіи, оно можетъ, по нашему мнѣнію, принести еще и другіе, не менѣе важные плоды. До сихъ поръ артисты, а ради нихъ и авторы очень дорожили «вызывными» мѣстечками, усиленно о нихъ хлопотали, одни при исполненіи ролей, другіе—при сочиненіи пьесъ. И нерѣдко случалось, что дѣлали они это въ ущербъ цѣльности роли, ровности игры и естественности въ послѣдовательномъ развитіи дѣйствія. Съ отиѣною выходовъ во время хода дѣйствія прекратится погоня за разными актерскими и авторскими «штучками», рассчитанными исключительно на усердіе хлональщикова. Распоряженіе дирекціи можетъ имѣть нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія для исполнителей вторыхъ ролей, для молодыхъ артистовъ, о которыхъ публика, пожалуй, и забудетъ по окончаніи дѣйствія. Въ такихъ случаяхъ, въ обязанности «первенствующихъ» и «старшихъ»—раздѣлять успѣхъ съ «меньшими» товарищами и выходить на вызовы вмѣстѣ съ ними. Мы думаемъ, впрочемъ, что въ залѣ всегда найдутся люди, которые съумѣютъ оцѣнить игру «меньшихъ» и не забудутъ выразить имъ одобренія. Хорошо бы сдѣлали частные театры, если бы послѣдовали доброму примѣру казенныхъ сценъ.

Ал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь.

1890 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Критика и публицистика. — Философія и психологія. — Исторія и мемуары. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Языковзваніе. — Естествознаніе. — Учебники и дѣтскія книги. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, сентябрь.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ Кн. Д. П. Горчакова. — „Не убій!“ Кн. Дм. Голыцина (Муравлева). — „На гнѣ!“ И. Волгина.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва, 1890 г. Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, единственный сынъ небогатаго дворянина Костромской губ., кн. Петра Ивановича Горчакова, родился 1 января 1758 года; получивъ домашнее образованіе, служилъ въ военной, потомъ въ гражданской службѣ, въ большіе чины не вышелъ, окончилъ свое служебное поприще коллежскимъ совѣтникомъ и умеръ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1824 года. Лежащая передъ нами книжка его сочиненій издана въ свѣтъ его родною внучкой, княжной Еленой Сергѣевной Горчаковой. Изъ приложеннаго къ книгѣ короткаго биографическаго очерка видно, что кн. Д. П. Горчаковъ, какъ и многіе состоятельные дворяне того времени, занимался литературой „урывками, отъ оперы переходилъ къ сатирамъ, писалъ повѣсти, сатиры, поэмы, но весьма мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, большая часть которыхъ осталась неизданною, отчасти по его безпечности и равнодушію къ литературной славѣ, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей“. Многія его рукописи остались въ деревнѣ и тамъ сгорѣли. Такимъ образомъ, погибли весьма цѣнные матеріалы для исторіи литературы и для характеристика тогдашняго времени и людей. Въ числѣ этихъ рукописей уничтожено, вѣроятно, одно очень извѣстное современникамъ шуточное стихотвореніе, въ которомъ выведенъ былъ фонъ-Визинъ. Стихотвореніе это нигдѣ не было напечатано, но читалось многими въ рукописи и, быть можетъ, еще найдется у кого-нибудь въ копіи. Оно не вошло въ теперешнее изданіе *Сочиненій* кн. Горчакова. Въ немъ помѣщены три комическихъ оперы: *Калифъ на часъ*, *Щастливая Толя* и *Баба-Яга*, пять сатиръ въ стихахъ, двѣ стихотворныя „Весѣды“: *о суетности и о удивленіи*; отрывокъ изъ комедіи и повѣсть въ прозѣ: *Пламень и Рауда*. Всѣ эти произведенія представляютъ большой историческій интересъ. Могущія казаться теперь не особенно важными и мѣстами, пожалуй, даже наивными, сатиры кн. Горчакова, рѣзко затрогивали тогдашнее общество, нѣ-

которые стихи изъ нихъ, подобно Грибоѣдовскимъ впоследствии, „переходили въ поговорки“, какъ, напримѣръ:

И, наконецъ, я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги не одной“.

Стихи эти взяты изъ *Сатиры: Посланіе къ князю С. Н. Долгорукову*, наиболее характерной изъ всѣхъ. Авторъ, признанный „вольтеріанецъ“ за то, впрочемъ, что считалъ Вольтера первымъ трагическимъ писателемъ, былъ яркимъ приверженцемъ ложно-классицизма и противникомъ всякихъ новшествъ въ литературѣ. Вотъ что мы читаемъ въ той же *Сатирѣ*:

„Какія, общаго достойны удивленія,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинныя явленія?
И скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобъ смѣшить, впусти на сцену дураковъ!...
... „Гусситы, Попугай“ предпочтены *Сорену*
И Коцебитина *) одна теперь на сценѣ.
О, сколько-бъ былъ благословенъ сей часъ,
Когдабъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась,
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священную власть,
Когда-бъ учителя, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи“...

Произведенія кн. Д. П. Горчакова не избѣгли цензурныхъ стѣсненій и его стихотвореніе *Русскій у подошвы Чатырдага*, какъ недозволенное, было представлено министромъ Балашовымъ Императору Александру Павловичу. Государь разрѣшилъ напечатать эти стихи, въ которыхъ авторъ печалуется о слабости русской политики передъ „Корсомъ“, Наполеономъ I (въ 1811 г.), и восклицаетъ:

Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ,—
Довольно есть своихъ искусныхъ согражданъ“...

И заканчиваетъ обращеніемъ къ „владыкамъ царствъ земныхъ“, чтобы слугѣ отечеству они избирали „межъ милліонами подвластна нѣт народа“,—

„И мудростью водими,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдѣній взоръ:
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслить зрѣть одну древу простолюдинъ“.

Въ высшей степени интересна написанная въ 1796 г. прозой *Россійская повесть: Пламизъ и Раида*. Она представляетъ собою любопытнѣйшій образецъ сочинительства того времени и даетъ ясное понятіе о томъ, что заставляло „лить слезы чувствительности“ нашихъ напудренныхъ праѣдковъ и прабабушекъ. Въ письмѣ съ своему другу Н. П. Николеву авторъ говорить: „Начертаніе Раиды обворожило тебя. Признайся, что естли существуетъ подлинникъ, онъ долженъ быть тысячу разъ любезнѣе въ естествѣ, нежели въ описаніи“. Доброе старое время!

Не убій! Кн. Дм. Голицына (Муравлина). Спб., 1890 г. Цѣна 75 коп. Князь Дм. Голицынъ, подъ псевдонимомъ Муравлинъ, написалъ нѣсколько романовъ, о которыхъ мы въ свое время дали отзывъ въ

*) *Гусситы, Попугай и Сынъ любви*—драмы Коцебу, „коцебитинъ“ которыхъ авторъ противопоставляетъ *Сорену*, трагедію Н. П. Николаева, написанную въ рамкахъ „издревне чтимыхъ узъ“ ложнаго классицизма.

нашемъ журналѣ. Появленіе его перваго произведенія, озаглавленнаго *Теноръ*, если намъ не измѣняетъ память, было встрѣчено съ восторгомъ нѣкоторыми критиками и съ выраженіями очень большихъ ожиданій отъ таланта неизвѣстнаго автора. Восторги оказались преждевременными и стихли такъ же быстро, какъ быстро возгорѣлись; большія ожиданія совсѣмъ не оправдались, и съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго романа Муравлина все яснѣе становилось, что кн. Голицынь-Муравлинъ не займетъ виднаго мѣста въ рядахъ современныхъ писателей и всегда будетъ находиться въ числѣ сотенъ тѣхъ посредственностей, которымъ суждено всю жизнь подавать надежды и никогда ихъ не осуществлять. Громкое названіе *Не убій!* звучитъ очень заманчиво, вызываетъ опять ожиданія, что авторъ коснется живаго вопроса и если не разрѣшитъ его,—что бываетъ, вообще, рѣдко,—то дастъ ему, по крайней мѣрѣ, новое освѣщеніе, укажетъ на возможность удовлетворительнаго разрѣшенія, хотя бы при извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ. Раскрывши книжку кн. Голицына, мы уже не сомнѣвались, что дѣло идетъ о вопросѣ, затронувшемъ общество за-живое. Въ концѣ первой и въ началѣ второй страницъ, составляющихъ какъ бы предисловіе, мы прочли: „Ты спрашиваешь, читалъ ли я *Крейцерову сонату*, и прибавляешь: „вѣдь, ее читали всѣ, хотя она не была напечатана. Такъ же, какъ и инфлуэнца, она почти никого не обошла. Что ты о ней думаешь?“ Вотъ, прочитавъ прилагаемую рукопись, ты узнаешь, что я могу думать о *Крейцеровой сонатѣ*“. Далѣе слѣдуетъ воспроизведеніе „прилагаемой рукописи“, и изъ нея мы узнаемъ, что авторъ ровно ничего не думалъ о *Крейцеровой сонатѣ*, хотя въ планѣ и манерѣ повѣствованія и даже въ языкѣ силится подражать *Крейцеровой сонатѣ*. Усилія не приводятъ, разумѣется, ни къ чему хорошему, и передъ нами оказывается та же исторія, что въ знаменитой *Сонатѣ*, только вывернутая на другую сторону—„перелицованная“—съ нѣкоторыми измѣненіями для того, чтобы сказать мужьямъ: „не извольте убивать вашихъ женъ ни при какихъ обстоятельствахъ“. При чемъ же, однако, тутъ *Крейцорова соната*? Неужели кн. Голицынь думаетъ, что авторъ *Сонаты* рекомендуетъ оскорбленнымъ мужьямъ убивать женъ, заподозрѣнныхъ или уличенныхъ въ невѣрности? Гр. Л. Н. Толстой ясно говоритъ: „не женитесь“—и только. Вотъ на это и можно возражать и, если хватаетъ силъ, можно написать повѣсть „Женитесь!“ Что же касается убійствъ, то они, слава Богу, и безъ восклиданія кн. Голицына случаются крайне рѣдко, да и то лишь подъ вліяніемъ аффекта,—порусски говоря: въ умоизступленіи. Въ коротенькой повѣсти кн. Голицына (44 стр.) герой рассказываетъ, что женился на прекраснѣйшей, чуть не идеальной дѣвушкѣ, по любви самой высшей пробы, никогда ее не ревновалъ, вѣрилъ ей безусловно до тѣхъ поръ, когда засталъ ее обнимающеюся и цѣлующеюся съ гостемъ въ саду при лунномъ свѣтѣ. Оскорбленный мужъ держалъ въ рукахъ заряженное ружье,—онъ возвращался съ охоты,—и не застрѣлялъ ни жену, ни ея любовника. И очень хорошо сдѣлалъ, разумѣется: пальбой и убійствомъ ничего не поправишь и потеряннаго не вернешь. Объ этомъ и растолковывать нечего, это всякій знаетъ. Но въ извѣстный казусный моментъ оскорбленный теряетъ самообладаніе и даже всякое сознаніе—и палитъ, и рѣжетъ, и прикладомъ бьетъ и потомъ расплачивается за это всю жизнь тучайшими нравственными мученіями. Герой кн. Голицына не выстрѣлялъ, а сѣлъ на скамейку, и повѣсть правильнѣе было бы озаглавить: „не пали, а сперва посиди“. Если бы герой посидѣлъ подольше, вышло бы,

можетъ быть, еще лучше. А то онъ, еще не овладѣвши собой вполнѣ, пошелъ къ дому, встрѣтилъ любовника жены, прибилъ его и кншвырнулъ за ворота. Любовникъ убѣжалъ безъ оглядки. Хорошо, что мужъ оказался сильнѣе любовника; а будь это наоборотъ, что въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не рѣдкость, тогда любовникъ поколотилъ бы мужа. Любопытно знать, сказалъ ли бы тогда кн. Голицынъ: „не убій!“ Удачно расправившись съ любовникомъ, мужъ пошелъ къ женѣ, обозвалъ ее бранными словами, „винулся къ ней, въ дикомъ порывѣ схватилъ ея руку“, потомъ „отпустилъ, замѣтивъ, что не находить удовольствія въ томъ, что причиняеть ей боль“, и выгналъ ее изъ кабинета. „Надѣясь, что она отравится или утопится“. Надежда или, что то же самое, желаніе очень скверныя и, на нашъ взглядъ, болѣе гадкія, чѣмъ даже случайное убійство въ умозвущленіи. Къ общему благополучію, побитый любовникъ исчезъ безслѣдно, обруганная и побитая жена не отравилась и не ушла отъ мужа. „Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ“, — говоритъ рассказчикъ, но не поясняетъ, какъ онъ эти пять лѣтъ жилъ съ своей супругой. „Я простилъ жену“, — продолжаетъ онъ, умалчивая о томъ, когда простилъ: на другой день послѣ побитія или черезъ пять лѣтъ, и заканчиваетъ такъ: „А теперь... я спокоенъ“. Вотъ какъ просто разрѣшаются, по мнѣнію кн. Голицына, самые сложные вопросы жизни незатѣйливыми домашними средствами: отдулъ, простилъ и спокоенъ. Авторъ ничего не говоритъ про побитую жену, — спокойна ли она. Вѣроятно, спокойна: за всякимъ тычкомъ, вѣдь, не утопаешься. Между солдатами, возвращающимися со службы домой, и ихъ женами супружескіе конфликты издавна разрѣшаются этимъ способомъ. Но, по правдѣ сказать, такого солдатски-наивнаго отвѣта на *Крейцерову сонату* мы не ожидали отъ кн. Голицына-Муравлина.

На югъ! Соч. И. Волгина. 1881 — 1890. Спб., 1890 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 рубль. Книжка г. Волгина написана стихами довольно гладкими, но очень плохими, не имѣющими ни самаго отдаленнаго отношенія къ поэзіи, къ художественному творчеству. Мы были въ большомъ затрудненіи, задавшись вопросомъ: къ какаго рода литературныхъ произведеній причислить эти 90 страницъ стиховъ? Найти отвѣтъ помочь намъ авторъ своими „объясненіями и дополненіями“, приложенными въ концѣ книжки. Вотъ что мы прочли подъ № 5: „Начиная съ этой строки, почти все послѣдующее въ 38-ой статьѣ взято авторомъ изъ его рѣчи, сказанной въ мартѣ 1881 года въ вологодскомъ дворянскомъ собраніи“. Стало быть, „статья 38“ есть переложеніе въ стихи рѣчи одного изъ членовъ почтеннѣйшаго дворянства Вологодской губерніи. Изъ этого мы заключаемъ, что всѣ остальные „статьи“ этого сочиненія суть тоже „рѣчи“, говоренныя авторомъ при менѣ торжественной обстановкѣ. Такимъ образомъ, г. Волгинъ вводитъ въ нашу литературу новый родъ произведеній — „дворянскихъ рѣчей въ стихахъ“. Этого, кажется, еще не бывало. Посмотримъ, что же г. Волгинъ поеть въ „статьѣ 38“. Авторъ недоволенъ Петербургомъ; онъ говоритъ:

„Столица намъ даетъ начала
И лучшихъ благъ, и горькихъ бѣдъ.
Отсюда къ намъ на много лѣтъ
Идутъ примѣры, идеалы“...
„А такъ ли все въ столицѣ нашей
У тонкихъ Финскихъ береговъ?
Нѣтъ развѣ мѣсть теплѣй и краше
И поцентральнѣй городовъ?“

Затѣмъ на вопросъ: „Гдѣ-жъ лучший пунктъ для управленья?“— онъ отвѣчаетъ:

„Невольно къ Волжскимъ берегамъ
Влекутъ сердечныя стремленья“...

и рекомендуетъ перенести столицу въ Нижній - Новгородъ, но, впрочемъ, не настаиваетъ на этомъ, такъ какъ

„Есть дальше пунктъ, гдѣ наша сила
Былое царство разгромила...“

Это, стало быть, Казань.

„Еще есть мѣсто. Возведенъ
Надъ самой Волгой мостъ высокій,
Тамъ путь желѣзный проведенъ
Къ предѣламъ Азии далекой...
И есть у Волги поворотъ
Отъ Дона къ Каспюу нагнѣво“... и т. д.

И такъ, русскую столицу слѣдуетъ перенести „отъ топкихъ Финскихъ береговъ“ либо на нижегородскую армарку, либо въ центръ производства казанскаго мыла, а не то просто къ высокому мосту близъ Сызрани или на пустопорожное мѣсто за Царицынымъ... куда вамъ угодно, только бы на Волгу. Жаль, авторъ забылъ Жигули,—вотъ бы чудесно! Ему это, впрочемъ, все равно: въ Жигули, такъ въ Жигули:

„Съ какой бы гордою душой
Какъ былъ бы счастливъ каждый житель
Великой Руси коренной,
Когда-бъ надъ матерью рѣкой
Царь основалъ свою обитель,—
Пунктъ управленія страной...“

Воспѣвъ всю прелесть и выгоду перенесенія столицы Россійской имперіи на какой-нибудь желѣзно-дорожный полустанокъ или на пароходную пристань въ излучинѣ Волги, г. Волгинъ восклицаетъ въ „статѣ“ 41:

„И что намъ нужно?—Путь прямой,
Ученые вѣри православной,
Порядокъ братскій и простой,
Семейной жизни всюду равной
Подъ твердой царскою рукой,
Единой и самодержавной;
Трудъ—не безплодный рядъ работъ—
Въ латини мертвой упражненье,
А тотъ, что къ дѣлу подойдетъ
И дастъ барышъ въ землевладѣньи.
Прогрессъ—не только на словахъ
И въ формахъ вѣщности приличной,
А въ производствахъ, въ ремеслахъ,
Въ торговлѣ бойкой, заграничной.
Устазъ—не частный, единичный,—
Прямой въ общественныхъ дѣлахъ“.

Больше г. Волгину ничего не нужно, и возликуетъ его сердце, при взглядѣ на высокій мостъ у Сызрани, превращенной въ столицу. Это будетъ почище Маниловскаго моста съ лавочками.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Критико - биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“. В. А. Венгеровъ.—„Несчастіе“. В. Н. Никитина.—„Услѣхи и радости жизни“. Дас. Лейббока.

Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. Венгеровъ. Спб., 1890 г. Выпускъ 25. Г. Венгеровъ заявляетъ, что теперь выпуски его *Словаря* будутъ выходить болѣе правильно и

часто. Это въ высшей степени желательно въ виду громадности той работы, которую принялъ на себя г. Венгеровъ. Двадцать пятый выпускъ начинается замѣткою о Бардовскомъ, достойно забытымъ писателемъ первой половины нынѣшняго столѣтія, и останавливается на Барсуковѣ, Николаѣ Платоновичѣ, извѣстномъ своими историческими трудами. Статьи, по обыкновенію, составлены толково и интересно. Попасть въ *Словарь* г. Венгерова и прискорбно знаменитый Барковъ.

Несчастные (по поводу бывшаго тюремнаго конгресса). В. Н. Никитина. Спб., 1890 г. Эта небольшая (54 странички) брошюра производитъ отрадные впечатлѣнія какъ благодаря важности для русскаго общества тѣхъ вопросовъ, которые въ ней затрогиваются, такъ и благодаря тому, что вопросы эти разрѣшаются знаткомъ тюремной практики на основаніи многолѣтняго опыта въ качествѣ директора с.-петербургскаго тюремнаго комитета. Во всей книгѣ замѣчается искреннее, сердечное и доброе отношеніе къ „несчастливымъ“ (арестантамъ), какъ ихъ называетъ русскій народъ. Разбирая постановленія тюремнаго конгресса, бывшаго въ С.-Петербургѣ 3—12 іюня этого года, авторъ указываетъ, что многие вопросы, подвергшіеся обсужденію, давно уже рѣшены нашими законами. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ дурнаго состоянія у насъ тюремнаго дѣла, авторъ указываетъ на отсутствіе у теоретиковъ практическихъ свѣдѣній о тюремной жизни. Лица, посвятившія себя изученію тюремной части, не находятъ нужнымъ сами знакомиться съ полицейскими, подслѣдственными и другими тюрьмами, а потому и не могутъ учить другихъ. Съ другой стороны, лица, близко стоящія къ тюрьмѣ: инспекторы, доктора, священники и учителя въ тюрьмахъ—„не знакомятъ общество съ своею тюремною дѣятельностью, потому что это, вообще, не принято, а критиковать что-либо они просто изъ самосохраненія не смѣютъ, какъ подчиненные, обязанные безпрекословно исполнять лишь то, что установлено начальствомъ“. И такъ, отсутствіе опытныхъ тюремовѣдцовъ и назначеніе на мѣста тюремныхъ инспекторовъ лицъ, мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, по словамъ автора, одна изъ главныхъ причинъ дурнаго состоянія у насъ тюремъ. Не останавливаясь на вопросѣ о малолѣтнихъ преступникахъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, которые удачно разбираются авторомъ, перейдемъ къ вопросу объ одиночномъ заключеніи. Приведенные въ брошюрѣ факты относительно одиночныхъ заключенныхъ единогласно свидѣтельствуютъ, что такое заключеніе, въ большинствѣ случаевъ, страшно озлобляетъ людей и особенно простолюдиновъ, которые одиночныя камеры зовутъ „золочеными клѣтками“. Приводится много случаевъ преднамѣреннаго оскорбленія начальства съ цѣлью подвергнуться ссылке или каторжнымъ работамъ, только бы избѣгнуть одиночнаго заключенія. Нѣкоторые заключенные увѣряли даже автора, что они готовы пойти „лучше къ расстрѣлу, чѣмъ сидѣть въ клѣткѣ“. По его словамъ, „одни впадали въ озлобленіе, другіе—въ ожесточеніе, третьи—въ звѣрское состояніе, четвертые—въ кретинизмъ, меланхолію и даже въ сумасшествіе, но нравственно едва ли многіе исправлялись. Такъ что, судя по практикѣ, одиночное заключеніе, за рѣдкими исключеніями, даетъ совершенно противоположные своей цѣли плоды, на которые, къ прискорбію, не обращаютъ должнаго вниманія: непосредственное начальство не успѣваетъ вникать во внутренній міръ заключенныхъ, а до вышшаго начальства истинѣ, вѣдь, долго приходится добираться!...“ Изъ этого видно, что самъ авторъ не одобряетъ системы одиночнаго заключенія для исправленія преступниковъ и не совѣтуетъ ссылку на посе-

леніе замѣнять одиночнымъ заключеніемъ, какъ это существуетъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, и говорить, что такое заключеніе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ русскимъ правамъ. Въ заключеніе, повторяемъ, что всѣ вопросы, разобранные авторомъ въ брошюрѣ, доказываютъ его опытность, знаніе дѣла и гуманность. Недостаткомъ книги является тяжелый слогъ.

Успѣхи и радости жизни. Сэра Джона Лѣббока. Переводъ съ четырнадцатаго англійскаго изданія. Спб., 1890 г. Цѣна 90 к. Книга знаменитаго англійскаго ученаго прочтется съ пользою и удовольствіемъ многими русскими читателями. Лѣббокъ доказываетъ, что стремиться къ счастью есть долгъ человѣка, и въ этомъ отношеніи онъ возлагаетъ великія надежды на успѣхи научнаго знанія и на развитіе правильныхъ нравственно - философскихъ воззрѣній на жизнь и главнѣйшія ея задачи. Въ число радостей жизни Лѣббокъ включаетъ школьное образованіе. Само собою разумѣется, что онъ имѣетъ въ виду не современную школу, которая даже въ Англійи далеко не всегда удовлетворяетъ требованіямъ педагогів. Англійскіе воспитатели, — пишетъ Лѣббокъ, — часто преподають ученикамъ науки въ такой скучной и непривлекательной формѣ, что заглушаютъ въ дѣтяхъ охоту къ дальнѣйшему развитію. Дѣтей необходимо приучать къ наблюдательности и къ мысленію, потому что этимъ самымъ мы указываемъ имъ путь къ источнику наивысшихъ наслажденій въ часы досуга и приучаемъ ихъ къ правильному сужденію о жизни.

Такими симпатичными мыслями пронизана вся книга Лѣббока. „Всѣ усилія въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей, — говоритъ англійскій мыслитель, — должны быть направлены къ тому, чтобы каждая прогулка среди природы доставляла имъ удовольствіе, чтобы открытія науки возбуждали въ нихъ живой интересъ; чтобы наша отечественная исторія и поэзія могли служить для нихъ источниками истинной гордости и разумнаго наслажденія“. Какъ далека наша школа отъ выполненія этихъ простыхъ и здравыхъ требованій!

Въ наши дни, когда особенно усилилось невѣжественное глумленіе надъ наукою, многимъ будетъ полезно прочесть краснорѣчивое указаніе на тѣ благодѣянія, которыми человѣчество уже теперь обязано научному знанію. Что касается совѣтовъ и разсужденій Лѣббока, доказывающихъ необходимость мужественно переносить жизненные невзгоды и т. п., то взрослымъ людямъ многіе изъ нихъ покажутся наивными, за то всѣ они внушены добрымъ сердцемъ и высокимъ идеаломъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы философіи и психологій“. — „La civilisation et les grands fleuves historiques“ par Léon Metschnikoff. — „Генезисъ науки, ея принципы и методы“. И. С. Андреевскаго.

Вопросы философіи и психологій. Книга IV. 1890 г. Редактируемый профессоромъ Гротомъ философскій журналъ вступаетъ во второй годъ существованія. Успѣхъ изданія превзошелъ ожиданія и доказалъ, что въ русскомъ обществѣ растетъ интересъ къ вопросамъ философіи и психологій. Попржнему, въ московскомъ журналѣ печатаются статьи писателей разнообразныхъ и даже противоположныхъ направленій. Съ нашей точки зрѣнія, это не вредитъ *Вопросамъ философіи и психологій*: разсужденія, замѣтки и рецензіи, которыя появля-

ются на страницах этого журнала, обращены къ специалистамъ и къ такимъ читателямъ, которые ищутъ истины и способны отнестись критически къ идеямъ и аргументамъ писателя. Представители разныхъ теченій философской мысли, встрѣчаясь на страницахъ журнала, поневолю должны проникаться убѣжденіемъ въ необходимости полной свободы этой мысли, а въ наше время это особенно полезно.

Въ четвертой книгѣ *Вопросы философіи и психологіи* мы находимъ интересную статью князя Трубецкаго: *Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи*. Авторъ старается доказать, что эти идеалы двухъ величайшихъ мыслителей древности имѣли пророческое значеніе по отношенію къ средневѣковому и современному европейскому міросозерцанію. Идеальное государство Платона есть союзъ людей для достиженія совокупными силами загробной цѣли человеческой жизни. По Аристотелю, государство есть союзъ людей, преслѣдующій земную цѣль, стремящійся къ осуществленію культурнаго идеала въ земныхъ человеческихъ отношеніяхъ. Средневѣковая и новая теократія является воплощеніемъ платоновскаго государственнаго идеала. Аристотель является пророкомъ новаго культурнаго государства. Идеаль участія всего народа въ правахъ верховенства осуществился въ современномъ конституціонномъ государствѣ, въ народномъ представительствѣ, въ институтѣ всеобщаго голосованія. Кн. Трубецкой говоритъ, что *споръ неба и земли*, оставшійся безъ разрѣшенія въ Греціи, продолжается въ христіанскомъ мірѣ, „и вѣковая работа человеческой мысли изыскиваетъ пути къ его разрѣшенію“. Намъ представляется, что формула этого разрѣшенія найдена: свободная церковь въ свободномъ государствѣ.

Въ статьѣ *Нравственное ученіе Канта* г. Лопатинъ даетъ популярную характеристику кантовской морали. Авторъ—метафизикъ и полагаетъ, что безъ метафизическаго утвержденія или гипотезы нельзя создать прочной нравственной теоріи. Мы держимся, какъ знаютъ читатели, иного взгляда и признаемъ возможность *научнаго* построенія этики.

Метафизическимъ духомъ проникнута и статья редактора журнала: *Жизненные задачи психологіи*. Необходимо замѣтить, что ни г. Гротъ, ни г. Лопатинъ отнюдь не отрицаютъ большаго значенія за опытною психологіей (или психо-физиологіей). Они считаютъ только послѣднюю неспособной разрѣшить основныя психологическія проблемы. Г. Гротъ указываетъ на печальный фактъ, что между наукою о душѣ и дѣйствительною духовною жизнью человѣка нѣтъ ничего общаго, что теоріи психологовъ не имѣютъ никакого реальнаго, всѣми признаннаго значенія въ вопросахъ объ усовершенствованіи духовнаго существованія людей и что самая важная по идеѣ наука не входитъ даже въ общую систему образованія человеческихъ личностей. По нашему мнѣнію, именно этотъ чрезвычайно важный пробѣлъ и должна заполнить психо-физиологія въ соединеніи съ наблюдательною психологіей.

Инымъ направленіемъ, чѣмъ статьи гг. Грота и Лопатина, проникнута работа г. Товарскаго: *Гипнотизмъ въ педагогіи*. Объ этомъ вопросѣ говорилось въ *Русской Мысли* *). Авторъ обнаруживаетъ, въ сожалѣнію, нѣкоторое пристрастіе къ гипнотизму, утверждая, на примѣръ, что „въ настоящее время нѣтъ не только доказательствъ, но даже опредѣленныхъ указаній на вредное вліяніе гипноза“. Мы повто-

*) Статья г. П. Н. „Наслѣдственность и внушеніе, какъ факторы воспитанія“; ср. *Научный обзоръ* (В. А. Гольцева), 1886 г., кн. VII.

ряемъ свое прежнее мнѣніе: пользоваться гипнозомъ съ педагогическими цѣлями слѣдуетъ съ величайшею осторожностью, вредъ отъ него *возможенъ* и, быть можетъ, непоправимъ, по крайней мѣрѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ. Самъ же г. Токарскій говоритъ далѣе: „Пока вопросъ *еще недостаточно изученъ*, пока фактовъ еще недостаточно для того, чтобы они стали извѣстны (?) и *неспоримы*, будутъ еще не одинъ разъ высказываться опасенія, подобныя приведеннымъ“, etc.

Въ спеціальному отдѣлѣ четвертой книги *Вопросовъ философіи и психологіи* помѣщено, по обыкновенію, много интересныхъ статей, свѣдѣній и рецензій. Журналъ, попрежнему, внимательно слѣдитъ за иностранною и русскою философскою и психологическою литературой. Мы можемъ выразить только одно желаніе, чтобы это почтенное изданіе продолжало крѣпнуть и развиваться. Было бы хорошо, если бы въ немъ было посильнѣе представлено не метафизическое направленіе философской мысли.

La civilisation et les grands fleuves historiques par Léon Metchnikoff. Посмертное сочиненіе нашего даровитаго соотечественника издано его другомъ, Елизе Реклю. Знаменитый географъ даетъ въ предисловіи краткій очеркъ бурной жизни и неустанной научной дѣятельности Мечникова и очень высоко ставитъ его посмертный трудъ. Книга, дѣйствительно, написана съ большимъ знаніемъ дѣла. Если во многомъ и нельзя согласиться съ авторомъ, то, во всякомъ случаѣ, знакомство съ его идеями представляетъ значительный интересъ.

Безъ идеи прогресса,—говоритъ Мечниковъ,—исторія представляется безпорядочнымъ приливомъ и отливомъ странныхъ фактовъ. Авторъ смотритъ довольно пессимистически на историческое развитіе человѣчества. Въ памяти людей, по его мнѣнію, переживаетъ только то, что ослѣпляетъ, что поражаетъ воображеніе, тогда какъ истинные благодѣтели человѣчества, изобрѣтатели огня или приручители домашнихъ животныхъ остались неизвѣстными. На это можно возразить, что эти изобрѣтенія совершались въ глубокой древности и, быть можетъ, очень медленнымъ процессомъ, такъ что роль отдѣльнаго лица была мало замѣтна. И, несмотря на это, благодарная память великаго народа свѣдала полученіе людьми огня съ именемъ Прометея.

Часто,—продолжаетъ Мечниковъ,—ошибки и заблужденія лучше служили исторіи, чѣмъ знаніе и величіе души. Такъ, открытіе Америки Колумбомъ произошло отъ того, что онъ не зналъ истинной формы земли и упорно стоялъ на своемъ заблужденіи. Но пускаться въ невѣдомый путь и преодолѣть всѣ его трудности и опасности значило обнаружить именно величіе души.

Не будемъ останавливаться на пунктахъ несогласія съ покойнымъ, несомнѣнно весьма даровитымъ ученымъ, и отмѣтимъ, въ немногихъ чертахъ, содержаніе его интереснаго сочиненія.

Биологія,—говоритъ Мечниковъ,—изучаетъ въ мірѣ растительномъ и животномъ явленія борьбы за существованіе; соціологія интересуется только явленіями соединенія силъ, коопераціей въ природѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя провести точной границы между индивидуальными организмами и обществами, потому что съ биологической точки зрѣнія истинный индивидуумъ—кѣлочка, пластиды. Именно степеней и достоинствами коопераціи измѣряются успѣхи различныхъ обществъ, и существенный признакъ биологическаго прогресса, указанный Беромъ и Дарвиномъ,—дифференціація,—подчиняется въ области соціологіи началу сочетанія силъ. Первоначально стихійный и принудительный

характеръ коопераціи переходитъ все болѣе и болѣе въ сознательный свободный договоръ во имя общей цѣли. Такимъ образомъ, съ научной точки зрѣнія, свобода есть единственный существенный признакъ цивилизаціи, но нельзя упускать изъ вида, что въ исторіи социологическая эволюція часто подчинялась органической необходимости. Началомъ новой и высшей фазы развитія человечества Мечниковъ признаетъ знаменитую *Декларацию правъ человека*.

Въ слѣдующихъ главахъ Мечниковъ рассматриваетъ землю въ ея соотношеніяхъ съ человѣкомъ, вопросъ о расахъ *), о средѣ, въ которой приходилось и приходится жить тому или другому племени. Первоначальныя цивилизаціи возникли въ области великихъ расъ. Изъ смѣнили цивилизаціи по Средиземному морю, а за этими послѣдними возникла океаническая или всеобщая, мировая цивилизація. Вторая половина книги и посвящена изученію перваго типа цивилизаціи, по Нилу, Тигру и Эфрату, по Инду и Гангу, по Гоанго и Яндекангу. Въ этихъ главахъ приведено много важныхъ данныхъ и высказано не мало замѣчательныхъ и плодотворныхъ мыслей; но передавать ихъ въ библиографической замѣткѣ невозможно и мы отсылаемъ интересующихся предметомъ читателей къ прекрасной книгѣ Льва Мечникова, переводъ которой на русскій языкъ былъ бы очень желателенъ.

Генезисъ науки, ея принципы и методы. И. С. Андреевскаго. М., 1890 г. Часть I. Цѣна 1 р. 50 к. Авторъ этого сочиненія, повидимому, молодой человѣкъ, начинающій писатель. Этимъ объясняется, быть можетъ, поверхностность и стремительность его историческаго очерка развитія философской мысли и науки. „Не буду наставлять, — говоритъ г. Андреевскій, — на новизнѣ и оригинальности своихъ взглядовъ. Но смѣю думать, что они не лишены достаточно прочной обосновки и послѣдовательно развиты“. Къ сожалѣнію, именно этихъ свойствъ мы и не находимъ въ книгѣ г. Андреевскаго. Въ ней не видно пристального и глубокаго изученія философіи. Авторъ часто просто-на-просто бѣгло излагаетъ религиозныя и философскія системы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, слѣдуя, напримѣръ, *Всеобщей исторіи* Вебера. А взгляды г. Андреевскаго таковы. Народъ китайскій можетъ во многихъ отношеніяхъ быть европейскимъ народомъ и въ особенности намъ, русскимъ, примѣромъ того, что крѣпость каждаго народа зависитъ отъ его религиозно-философской солидарности, осуществляемой потомъ въ практической сферѣ жизни (стр. 8). Идея развитія или эволюціи чужда романскому механическому мировоззрѣнію (стр. 103). На страницѣ 136 сказано, однако, что механическое мировоззрѣніе, исключющее изъ исторіи идею цѣли, а, слѣдовательно, и идею прогресса, не утвердилось на греко-романской почвѣ. Дѣйствительно, странно слышать, что *романское мировоззрѣніе* исключаетъ идею прогресса, когда именно въра въ прогрессъ составляетъ существенную особенность длиннаго ряда мыслителей, какъ Кондорсе, Сентъ-Симонъ, Луи Вланъ и др. „Наша поэзія, — пишетъ г. Андреевскій, — народная и отчасти художественная, выражаетъ собою національныя особенности нашего мировоззрѣнія; она хранитъ наши народные идеалы. Освободимъ нашу поэзію отъ ея поэтической оболочки, замѣнимъ ея образный языкъ логическимъ — и намъ, можетъ быть, удастся формулировать основныя начала русской національной философіи“ (стр. 192—193). Это фантастическое предположеніе автора на-

*) Раса, по его мнѣнію, результатъ, а не причина: среда имѣетъ преобладающее значеніе.

ходится въ соответствіи съ другимъ его утвержденіемъ, будто религіозный и поэтический свѣтезь предшествуетъ философскому, какъ послѣдній предшествуетъ научному, причеъ наука развилась будто бы „изъ данныхъ и готовыхъ уже прициповъ, при содѣйствіи и подѣ руководствомъ опыта“.

Любопытно было бы, однако, знать, какъ это *принципы*, заключающіяся въ блинахъ о Садеѣ или объ Алешѣ-Поповичѣ, по освобожденіи ихъ отъ поэтической оболочки составлять *національную русскую философію*?

Авторъ имѣетъ въ виду продолжать свое сочиненіе. Нельзя не пожелать, чтобъ его работа приобрѣла болѣе отчетливости и серьезности, чтобъ модная, — *par le temps qui court*, — идея создать своимъ умомъ, какъ Тяпкинь-Ляпкинь, собственную философію, не лишила труда г. Андреевскаго всякаго плодотворнаго значенія.

ИСТОРИЯ И МЕМУАРЫ.

„Историческій обзоръ Туркестана. А. И. Макшеева.“ — „Русскіе писатели и артисты“. А. Я. Головачевой-Панаевой.

Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Составилъ А. И. Макшеевъ. Спб., 1890 г. Ц. 3 рубля. Нелишенная нѣкотораго интереса, книга г. Макшеева обнимаетъ собою, главнымъ образомъ, внѣшнюю исторію Туркестана и нашихъ военныхъ дѣйствій въ немъ. Имѣя въ виду преимущественно спеціальныя цѣли военной исторіи, всего остальнаго авторъ касается только мимоходомъ, не обнаруживая при этомъ ни новизны сообщаемыхъ свѣдѣній, ни особенной широты своихъ историческихъ взглядовъ. Особенно кратка и даже нѣсколько наивна вся первая глава, посвященная исторіи Туркестана до XVI вѣка. Впрочемъ, даже въ предѣлахъ своей спеціальной задачи, книга г. Макшеева не можетъ быть названа вполне удовлетворительной. Такъ, исторія нашихъ экспедицій и военныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ изложена далеко не вездѣ съ одинаковою полнотою и обстоятельностью. Последнее, однако, происходитъ вовсе не отъ того, чтобы авторъ желалъ съ наибольшею подробностью остановиться на изложеніи событій, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе, а только отъ того, что событія эти представляютъ для него нѣкоторый личный интересъ. Вообще, личность автора, вопреки требованіямъ научнаго безпристрастія, довольно часто даетъ себя чувствовать какъ въ описаніяхъ фактическаго характера, такъ и въ оцѣнкѣ дѣйствій того или другаго лица. Помимо содержанія и изложенія, *Историческій обзоръ Туркестана* г. Макшеева страдаетъ еще и другимъ недостаткомъ, — при немъ не приложено не только подробной, но хотя бы даже просто схематической карты описываемаго края, что крайне затрудняетъ чтеніе книги.

Русскіе писатели и артисты. Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 35 к. *Русская Мысль* давала отзвѣтъ о воспоминаніяхъ г-жи Головачевой-Панаевой, когда они появлялись въ *Историческомъ Вѣстникѣ*. Въ общемъ это интересная книга, въ которой разсказывается про большую часть нашихъ знаменитыхъ писателей съ 1824 по 1870 годъ. *Воспоминанія* не обоглились безъ ошибокъ, въ нихъ замѣтны и слѣды пристрастія, такъ что пользоваться книгою надо съ нѣкоторою осторожностью. Г-жа Головачева-Панаева

мало говорить о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ, но оба эти писателя выступаютъ въ ея воспоминаніяхъ рельефно, въ весьма симпатичномъ облакѣ, на этотъ разъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Не лишены интереса и рассказы автора про Мартынова, Щепкина, Шумскаго и другихъ артистовъ (г-жа Головачева-Панаева говоритъ про себя, что она родилась и выросла въ театральномъ мірѣ). Мѣстами въ воспоминаніяхъ проскальзываютъ факты, свидѣтельствующіе о тяжелыхъ особенностяхъ *добраго стараго времени*, которое теперь превозносится въ нѣкоторой части нашей публичности. Печально читать, напримѣръ, горькія признанія знаменитаго Мартынова: „Не трудъ разстроилъ мое здоровье, а попираніе моего человѣческаго достоинства. Вѣдь, эти теперешніе чиновники при театрѣ просто—нашествіе татар“.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Основные начала финансовой науки“. Янжула.—„Мелиорационный кредитъ и состояние сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ“. И. С. Блюза.—„Статистическій сборникъ Саратовской губ.“. Ф. С. Шиманскаго.—„Статистика болѣзненности населенія Московской губ.“. Е. Л. Осипова.—„Красноарскій округъ Енисейской губ.“. Н. В. Латкина.—„Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.“.—„Die Verstaatlichung der Eisenbahnen in Ungarn“ von Nemesy.—„L'assistance publique en Allemagne“ par Le Roy.

Основные начала финансовой науки. Янжула. Вып. второй. 1890 г. Въ этомъ выпускѣ авторъ закончилъ отдѣлъ опрачныхъ налоговъ (личный, общеподоходный и налоги на роскошь) и изложилъ учене о косвенныхъ налогахъ и пошлинахъ. Косвенныя подати онъ разбиваетъ на два класса: таможенныя пошлины и акцизы. А акцизы раздѣляются на слѣдующіе виды: питейный, табачный, сахарный, нефтяной, спичечный, соляной. Пошлины г. Янжулъ раздѣляетъ на три вида: крѣпостныя, явочныя и пошлины съ наследства. Весь второй выпускъ, излагающій преимущественно современное законодательство о налогахъ и пошлинахъ съ указаніемъ на историческое развитіе различныхъ государственныхъ доходовъ, отличается ясностью и простотою и представляетъ, поэтому, весьма пригодное пособие для изученія началъ науки о финансахъ. Но мы замѣтили въ немъ нѣкоторые недостатки. Пошлины, подобно многимъ нѣмецкимъ писателямъ, и г. Янжулъ выдѣляетъ въ особый классъ государственныхъ доходовъ. Въ основаніе же классификаціи кладется не одинъ и тотъ же признакъ: гербовыя и крѣпостныя образуютъ особые классы, по формамъ, въ которыхъ онѣ уплачиваются; пошлины же съ наследства поставлены рядомъ съ двумя первыми классами на основаніи совершенно иного признака — характера государственныхъ услугъ, за которыя вносить ихъ плательщикъ. Не можемъ мы согласиться съ авторомъ и относительно различій, которыя будто бы существуютъ между пошлинами и налогами: „вытекая изъ общей податной обязанности, налоги сообразуются съ податною способностью каждаго; напротивъ, пошлины, платимыя лишь въ случаѣ нужды въ услугахъ государства, несутся не всѣми гражданами по одинаковому масштабу, а соразмѣряются со степенью пользованія государственными учрежденіями“ (стр. 495). Первая половина этого положенія представляется намъ тѣмъ болѣе удовлетворительною, что самъ авторъ, въ ученіи о косвенныхъ налогахъ, указываетъ на несоотвѣтствіе большинства изъ нихъ съ податными силами плательщиковъ и даже на полную невозможность установить соотвѣтствіе. Вторая же половина вызываетъ

такой вопросъ: неужели я, получая 10,000 рублей въ наследство отъ троюроднаго брата и уплачивая 800 рублей пошлины, въ 8 разъ больше пользуюсь государственными учрежденіями, нежели при полученіи наследства отъ отца и уплатѣ только 100-рублевой пошлины? Пошлинный очеркъ, посвященный разсмотрѣнію сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ повровительственной таможенной политики и свободной внѣшней торговли (стр. 398—429), не отличается опредѣленностью отвѣта на поставленный вопросъ: авторъ, повидимому, противникъ протекціонизма, а, между тѣмъ, допускаетъ его во многихъ случаяхъ, какъ одно изъ воспитательныхъ средствъ для туземной промышленности. Укажемъ также, что иногда, дабы выяснить какое-либо явленіе современности, г. Янжуль пользуется довольно старыми данными: росписью русскихъ государственныхъ расходовъ на 1887 годъ (стр. 412), данными за 1879—80 г. для опредѣленія бремени, которое причиняютъ косвенные налоги населенію разныхъ европейскихъ государствъ (стр. 391). Скажемъ въ заключеніе, что мы считаемъ сильно преувеличенною важность отмены подушной подати. По мнѣнію автора, „погашеніе подушной подати и соединенное съ нимъ пониженіе выкупныхъ платежей несомнѣнно не могло не измѣнить взгляда крестьянъ на землю, какъ на бремя... въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не составляетъ главнаго источника пропитанія крестьянъ“ (стр. 358). Это было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы за послѣдніе годы не обнаружилось цѣлаго ряда условий, уменьшившихъ доходность крестьянскихъ хозяйствъ сравнительно съ 70-ми годами.

Меліорационный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. Исслѣдованія И. С. Блюха. Спб., 1890 г. Книга г. Блюха появилась въ свѣтъ вслѣдствіе предложенія предсѣдателя сельско-хозяйственной комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Книга состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей. Первая часть разсматриваетъ кредитъ для сельско-хозяйственныхъ улучшеній въ Польшѣ, въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Турціи и въ Соединенныхъ Штатахъ и заканчивается краткимъ обзоромъ тѣхъ мѣропріятій, которыя предпринимались въ Россіи какъ бы для замѣны меліорационнаго кредита. Вторая часть представляетъ собою статистическій обзоръ русскаго сельскаго хозяйства, преимущественно въ послѣднее десятилѣтіе.

Первая часть работы г. Блюха является положительно цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы, давно нуждавшейся хотя бы въ краткомъ сводѣ свѣдѣній о меліорационномъ кредитѣ. Для нечерноземной Россіи особенно поучительнымъ долженъ быть примѣръ Англіи, гдѣ, благодаря специальному кредиту, распространился дренажъ, который явится магическимъ средствомъ для повышенія урожая въ сѣверной Россіи. Обзорѣніе русскаго сельскаго кредита составлено чрезвычайно кратко, и авторъ не воспользовался нѣкоторыми крупными работами послѣдняго времени, наприм., статью г. Черненкова въ московскомъ *Земскомъ Ежегодникѣ* за 1889 годъ. Вторая часть книги можетъ оказаться полезнымъ справочнымъ пособіемъ только для тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ надлежащею подготовкой для самостоятельной критики хозяйственно-статистическихъ матеріаловъ. Многія цифры могли бы быть замѣнены болѣе свѣжими; факты, относящіеся къ отдѣльнымъ селеніямъ, выставлены на ряду съ итогами по большимъ районамъ по цѣлой Россіи; источники свѣдѣній мѣстами не указаны. Нѣкоторые общіе выводы г. Блюха едва ли основаны на статистическомъ

материалъ: таково мнѣніе о томъ, будто бы во всѣхъ мѣстахъ, имѣющихъ обить зерна, скоть держится только для навоза (стр. 173). Интересными параграфами второй части являются свѣдѣнія о немногочисленныхъ работахъ по осушенію болотъ и по обводненію степей въ Россіи.

Полагаемъ, что работа г. Влюха обратитъ на себя вниманіе русскихъ земскихъ дѣятелей и членовъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Давно пора Россіи приняться за устройство кредита для коренныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Статистическій сборникъ Саратовской губерніи, съ отчетомъ губ. стат. комитета за 1889 годъ. Составилъ Ф. С. Шиманскій Саратовъ, 1890 г. Небольшая книжка эта, на половину наполненная обычнымъ матеріаломъ официальной статистики, оставляетъ въ чителѣ пріятное впечатлѣніе: далеко не часто изъ устъ высшихъ представителей губернской администраціи слышатся такіа рѣчи, каковы произнесенныя предсѣдателемъ саратовскаго губ. комитета, губернаторомъ А. И. Косичемъ, и помѣщенныя какъ въ протоколѣ собранія комитета, такъ и въ запискѣ г. Хованскаго. Для всѣхъ лицъ, имѣющихъ надобность въ матеріалѣ по Саратовской губерніи, окажется полезнымъ особый перечень работъ губернскаго комитета за 35 лѣтъ. По многимъ вопросамъ въ *Сборникѣ* приведены статистическія данныя за 10 лѣтъ; кромѣ того, отдѣльно собраны важнѣйшіе итоги, относящіеся къ положенію губерніи въ 1889 году. Интересна остановка въ возрастаніи процента городского населенія, замѣчаемая по губерніи въ послѣдніе десятилѣтіе.

Обратимъ вниманіе лицъ, не тяготящихся сличеніемъ цифръ, и любопытное разногласіе между данными центрального статистическаго комитета и подчиненнаго ему мѣстнаго комитета. Для урожая ржи в 1889 годъ центральный комитетъ даетъ цифру на 47% большую, чѣмъ мѣстный и, вѣроятно, цифра центрального комитета (полученная инымъ путемъ) ближе къ истинѣ. За то въ численности скота цифры губернскаго комитета для овецъ даютъ избытокъ въ 15%, для рогатаго скота въ 30%, для свиней даже въ 38% противъ послѣднихъ данныхъ центрального комитета, и здѣсь, кажется, слѣдуетъ признать, что цифры саратовскаго комитета ближе къ дѣйствительнымъ спискамъ.

Статистика болѣзненности населенія Московской губерніи за 1878—82 гг. Е. Л. Осипова. М., 1890 г. Съ приложеніемъ особой книги табличныхъ матеріаловъ. Лица, не чуждыя интереса къ медицинской статистикѣ, давно уже ждали появленія въ свѣтъ разработки земско-медицинскихъ матеріаловъ по Московской губерніи, которая явилась въ Россіи пионеромъ мѣстной медицинской статистики; некоторые результаты разработки печатались въ *Трудахъ Губернскихъ Врачебныхъ Съездовъ*. Къ сожалѣнію, напечатанная, наконецъ, большая работа доводитъ обзоръ болѣзненности только до 1883 года и лишь въ общемъ очеркъ развитія амбулаторной помощи заканчивается 1885 годомъ.

Громадный матеріалъ подвергнуть умѣлой разработкѣ въ разнообразныхъ направленіяхъ и иллюстрированъ не только подробнѣйшими таблицами, но также и многочисленными графическими изображеніями. На диаграммахъ особаго вниманія заслуживаетъ поразительная связь смертности съ температурою лѣта (прямое вліяніе) и влажностью лѣта (обратное вліяніе). На картограммахъ совершенно правильную картину даетъ только распредѣленіе болотной лихорадки, которая сосредоточилась по преимуществу въ юго-восточной части Московской губерніи;

почти правильнымъ представляется еще процентъ остро-заразныхъ заболѣваній, который выше всего въ средней части губерніи (по долготѣ).

Мы увѣрены, что какъ медицинская публика, такъ и земскіе дѣятели не пройдутъ мимо почтеннаго труда, который потребовать отъ г. Осипова и его помощниковъ много времени, напряженія и терпѣнія.

Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена Императорскаго русскаго географическаго общества. Спб., 1890 г. Очеркъ г. Латкина знакомитъ насъ съ одной изъ отдаленныхъ окраинъ нашего обширнаго отечества и является небезынтереснымъ въ виду относительнаго недостатка литературы о Сибири. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ 74 страницы, авторъ кратко, но всесторонне знакомитъ насъ съ Красноярскимъ округомъ. Очеркъ дѣлится на три главы. Въ первой главѣ авторъ говоритъ о географическомъ положеніи округа, объ устройствѣ поверхности его, минеральныхъ богатствахъ, почвенныхъ, метеорологическихъ, экономическихъ и другихъ условіяхъ; во 2-й—объ администраціи, народномъ образованіи, санитарныхъ условіяхъ и особенно о сельскомъ населеніи; въ 3-й главѣ заключается историческій обзоръ края и перечисляются наиболѣ замѣчательныя мѣстности. Не входя въ подробное разсмотрѣніе очерка, мы остановимся на 2-й главѣ, въ которой находимъ много любопытныхъ данныхъ. Населеніе округа, состоящее изъ козаковъ, переселенцевъ, обрусѣвшихъ инородцевъ и ссыльныхъ, довольно зажиточно и даже бѣднота, по словамъ автора, живеть „не въ примѣръ русской, куда лучше ея“. Но, несмотря на то, состояніе народнаго образованія самое печальное: въ Енисейской губерніи одна школа приходится на 9,645 душъ и одинъ учащійся на 365 человѣкъ жителей, и, кромѣ того, число школъ не возрастаетъ, а уменьшается: такъ, въ 1864 году во всей губерніи было 44 школы, а въ 1882 году всего 39, теперь же не болѣе 42-хъ, хотя самъ Красноярскъ за тотъ же періодъ времени въ образовательномъ дѣлѣ сдѣлалъ „гигантскіе шаги“. Въ 1864 году въ немъ находилось духовное и уѣздное училища, 2 приходскихъ и 1 дѣтскій пріютъ, а въ 1883 году мы уже находимъ: классическую гимназію, учительскую семинарію, уѣздное и духовное училища, 4 приходскихъ школы, ремесленное училище, дѣтскій пріютъ и женскую гимназію.

Санитарная и ветеринарная часть, по словамъ автора, почти отсутствуютъ, такъ какъ имѣется всего только 1 окружный врачъ, 1 сельскій и 1 ветеринаръ на 75,000 разбросаннаго въ 130 мѣстахъ сельскаго населенія.

Книжка издана хорошо; недостатокъ—отсутствіе карты, безъ которой трудно себѣ представить положеніе отдѣльныхъ мѣстностей округа и направленіе рѣкъ и трактовъ. Цѣна книги (75 коп.) довольно высока.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Макарьевскій уѣздъ. Нижній-Новгородъ, 1889 г. Лѣтомъ 1889 г. исполнилось уже 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начались мѣстныя изслѣдованія хозяйственной жизни на средства земскихъ учреждений. Не считая публикацій по текущей земской статистикѣ, мы имѣемъ уже до 300 выпусковъ основной статистики, и, однако, земская статистика еще не застыла въ шаблонныя формы, продолжаетъ быть живымъ дѣломъ и прогрессируетъ какъ со стороны пріемовъ работы, такъ и со стороны обіяія матеріаловъ. Доказательствомъ служить, на примѣръ, выпущенная въ маѣ (хотя помѣченная прошлымъ годомъ) ра-

нижегородских земских статистиков, исполненная подъ руководствомъ Н. О. Анненскаго. Мы не задумываемся отнестись къ ней по Макарьевскому и Книгининскому уѣздамъ къ лучшимъ образцамъ хозяйственно-статистической литературы. Конечно, это не книги для легкаго чтенія, это образцы серьезной, продуманной и кропотливой работы, съ одной стороны, опирающейся на научные методы, с другой стороны—имѣющей громадное *практическое* значеніе для виду общественнаго хозяйства. Здѣсь заключается, между прочимъ, богатѣйшій матеріалъ для детальной уѣздной земской раскладки. Мы слышали, что макарьевское уѣздное земство уже воспользовалось своимъ методомъ для раскладки, княгининское же земство, къ сожалѣнію, остается только при благомъ пожеланіи утилизировать колоссальную работу земскихъ статистиковъ. Помимо мѣстныхъ практическихъ цѣлей (конечно, не исключительно оцѣночныхъ), изданія нижегородскаго статистическаго отдѣленія представляются важными по разработкѣ метода исового наблюденія и съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ внимательнаго изученія со стороны всѣхъ интересующихся прогрессомъ статистическаго метода въ наукѣ.

Крупными особенностями работъ нижегородскаго земства по хозяйственной статистикѣ служатъ: 1) детальный учетъ земель по мелкимъ территоріальнымъ единицамъ*); 2) тѣсная связь объективнаго почвеннаго изслѣдованія съ тѣми данными, которыя получаютъ путемъ респиратора; 3) утилизация подворной переписи для оцѣночныхъ цѣлей и тщательная разработка одного немаловажнаго вопроса русской сельско-хозяйственной статистики,—вопроса о навозномъ удобреніи. Въ макарьевскомъ сборникѣ мы находимъ еще попытку воспользоваться свѣдѣніями о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ средствомъ для вѣрнѣе оцѣночныхъ выводовъ. Сборникъ изобилуетъ матеріалами для статистики лѣснаго хозяйства. Сообщены любопытныя свѣдѣнія о крестьянскомъ садоводствѣ и выборки изъ крестьянскихъ записныхъ книгъ объ урожаяхъ и цѣнахъ. Результаты подворной переписи, какъ и въ княгининскомъ сборникѣ, даны не по селеніямъ, а по волостямъ и большимъ районамъ. Хотя перепись ведется нижегородскими статистиками по „краткой“ программѣ, однако, мы имѣемъ 126 графъ абсолютныхъ цифръ и 51 графу относительныхъ**). Будемъ надѣяться, что въ погубернскомъ сборникѣ перепись подвергнется надлежащей разработкѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ тѣ недостатки и пробѣлы, которые, по нашему мнѣнію, замѣчаются въ макарьевскомъ сборникѣ. На стр. 87 принято опредѣленіе „переверстокъ“, совершенно необычное въ земско-статистической литературѣ (кажется, заимствованное изъ программъ ученыхъ обществъ). На стр. 120 высказывается неразъясненное предположеніе о томъ, что должна существовать зависимость между процентомъ запускаемой земли и урожайностью. На стр. 132 даются слишкомъ огульныя нормы для густоты посѣва; вѣроятно, на этотъ вопросъ было обращено мало вниманія при мѣстномъ изслѣдованіи. На стр. 139 неправильно употребляется выраженіе „расходы по обработкѣ“, ибо въ этихъ расходахъ считается и уборка. На стр. 170 теоретическая лѣсная таксація поставлена слишкомъ низко.

*) Въ этомъ отношеніи имѣются еще нѣсколько иначе построенныя работы въ Тверской и Новгородской губерніяхъ.

**) Въ рязанбургскомъ сборникѣ, который для своего времени (1882 г.) считался подробнѣе, было 110 графъ съ абсолютными цифрами и 19 съ относительными.

Въ приложенияхъ отсутствуетъ напечатанная по Книгининск. уѣзду таблица общаго учета земель по дачамъ, имѣющая немаловажное справочное значеніе. На стр. 118 табличныхъ приложений употреблены слишкомъ сильные заголовки для экономическихъ факторовъ, которые вліяютъ на степень урожайности „положительнымъ“ и „отрицательнымъ“ образомъ (къ послѣднимъ отнесены процентъ безплодныхъ дворовъ), отнюдь не понижающій урожая въ единицы площади.

Отсутствие хотя бы самой грубой схематической карты весьма затрудняетъ чтеніе книги, изобилующей топографическими данными. Наконецъ, замѣтимъ, что текстъ снабженъ слишкомъ краткимъ оглавленіемъ, такъ что наводить всякія справки очень трудно.

Въ сборникѣ мало матеріаловъ по владѣльческому хозяйству, но это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что 93,4% пахотныхъ земель уѣзда находятся въ пользованіи крестьянъ. Интересно, что при такомъ сильномъ преобладаніи крестьянской культуры Магарьевскій уѣздъ можетъ прокармливать себя своимъ хлѣбомъ.

Die Verstaatlichung der Eisenbahnen in Ungarn, von Nemenyi. 1890.

За послѣднее десятилѣтіе въ экономической литературѣ получило все большее господство убѣжденіе, что желѣзныя дороги и другіе пути составляютъ естественный видъ государственныхъ имуществъ. То же сознаніе упорно обозначилось и въ законодательствѣ многихъ странъ Европы. Вотъ почему представляютъ большой интересъ факты, являющіеся послѣдствіемъ перехода частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства. Съ такими данными относительно Венгріи и знакомить насъ Немений. Процессъ перехода желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства начался въ Венгріи съ 1867 года; онъ былъ вызванъ очень дурнымъ хозяйствомъ желѣзно-дорожныхъ компаній, крупными казенными приплатами по гарантіямъ и большими пробѣлами въ желѣзно-дорожной сѣти. До начала 70-хъ гг. въ развитіи венгерскаго желѣзно-дорожнаго дѣла не замѣчалось большихъ успѣховъ. Но, переживъ кризисъ 1873 года, правительство энергически приступило къ сооруженію новыхъ вѣтвей и къ упорядоченію всего дѣла. Въ началѣ 1888 года въ странѣ было 4,978 километровъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и 5,143 государственныхъ. Въ ближайшіе годы перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ обнаружился еще гораздо рѣзче. Преобладаніе государственныхъ дорогъ позволило ввести въ прошломъ году пассажирскій тарифъ по поясамъ съ значительнымъ пониженіемъ тарифныхъ ставокъ за проѣздъ на большія разстоянія. Эта льгота расширила районы, доставляющіе желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ. Авторъ приводитъ также интересныя цифры о развитіи движенія по венгерскимъ желѣзнымъ дорогамъ и о возрастаніи торговыхъ оборотовъ нѣкоторыхъ городовъ. Такъ, за 10-лѣтіе съ 1876 до 1886 г. сѣтъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ увеличилась на 43%, а доходы ея—на 403%. Въ 1876 г. одна тонна проходила, среднимъ числомъ, 104 километра, а въ 1886—180. На станціяхъ Буда-Пешта было сдано въ 1868 г. 59,728 тоннъ, а въ 1886—466,679, на 781% больше. Торговые обороты многихъ городовъ развились въ чрезвычайной пропорціи, особенно вслѣдствіе льготъ, оказанныхъ казенными желѣзными дорогами пониженіемъ тарифныхъ ставокъ: весь вывозъ города Фиуме, напримѣръ, составлялъ въ 1866 году только 5,43 милліона флорин., а въ 1887—54,16 милліон., въ 10 разъ больше.

L'assistance publique en Allemagne, par Le Roy. 1890. Книжка Леруа съ большою полнотой сообщаетъ данныя объ общественномъ при-

зрѣнія въ Германіи. Согласно съ переписью 1885 года, общее число призрѣваемыхъ въ Германіи составляло крупную цифру въ 1.592,386 душъ, 3,11% всего населенія. Но относительное число бѣдныхъ въ отдѣльныхъ государствахъ далеко не одно и то же. Оно не достигаетъ и 2% въ нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ—Шваумбургъ-Линне, Саксенъ-Альтенбургъ, обонхъ княжествахъ Шварцбурга. Въ Пруссіи, Вюртембергѣ, Баденѣ, Гессенѣ она немного отклоняется отъ средняго числа для всей имперіи ($2\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ %). Всего болѣе велико число призрѣваемыхъ въ Мекленбургъ-Стрелицѣ (8,12%) и Гамбургѣ — 9,2%. Особая таблица знакомитъ съ условіями жизни призрѣваемыхъ, служащими причиною ихъ нищеты. Большую массу образуютъ тѣ, которые нуждаются въ поддержкѣ вслѣдствіе собственныхъ немощей или же болѣзни или смерти старшихъ въ семьѣ, которые служили для нея главною опорой: такихъ насчитывается болѣе 1.200,000, т.-е. до 80%. Бѣдняки, пользующіеся пособиями по неимѣнію работы, составляютъ довольно большую цифру — въ 95,000. Интересно то, что число призрѣваемыхъ пьяницъ очень невелико: всего 32,424, т.-е. 2% общаго числа получающихъ пособия. Эта скромная цифра представляется потому особенно поучительною, что многіе писатели склонны усматривать въ порокахъ людей, всего чаще въ склонности къ пьянству, одну изъ видныхъ причинъ пауперизма. Общая сумма пособій бѣднымъ составила за 1885 г. около $92\frac{1}{2}$ миллион. мар., около 2 мар. на душу населенія и около 55 мар. на каждаго призрѣваемого. Самая организація общественнаго призрѣнія въ Германіи не представляетъ чего-либо однороднаго: 1) Баварское законодательство, которое не приурочиваетъ къ осѣлости лица права на общественное призрѣніе. Община, которая уже давно служить для даннаго призрѣваемого мѣстомъ жительства, можетъ требовать покрытія расходовъ отъ той общины, къ которой призрѣваемый принадлежит по рожденію (ursprüngliche Heimath). Если община слишкомъ обременена содержаніемъ бѣдныхъ, то вправѣ требовать пособія отъ казны уѣзда или округа. А сами общины уполномочены взимать сборы не выше 3 крейц. въ недѣлю со всѣхъ рабочихъ, подмастерій, домашней прислуги, родившихся въ общинѣ, которая служитъ для нихъ мѣстожителемъ. Всѣ эти лица, при наступленіи болѣзни, имѣютъ право на вспомошествованіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. 2) Въ Эльзасъ-Лотарингіи дѣйствуетъ по отношенію къ бѣднымъ французское законодательство. 3) Въ остальныхъ частяхъ имперіи бѣдные имѣютъ право на призрѣніе со стороны общины, которая служитъ имъ постояннымъ мѣстожителемъ, съ правомъ на призрѣніе. Въ городахъ и селеніяхъ дѣйствуютъ созданныя законами союзы о бѣдныхъ (Armenverbände). Во всѣхъ частяхъ Германіи, кромѣ Баваріи и Эльзасъ-Лотарингіи, организовано обязательное общественное призрѣніе. Мы видимъ, однако, что расходы на эту статью всего выше въ Эльзасъ-Лотарингіи: въ Баваріи на 100 жителей приходится 189 марокъ, затрачиваемыхъ на общественное призрѣніе, въ остальныхъ германскихъ странахъ по 195, а въ Эльзасъ-Лотарингіи—276. Крупныя переизмѣненія въ дѣло общественнаго призрѣнія были внесены городомъ Эльберфельдомъ. Съ этими переизмѣненіями Леруа и знакомитъ своихъ читателей. Въ основу преобразованія, начавшагося еще съ 1852 г., было положено убѣжденіе, что каждый призрѣваемый долженъ быть изучаемъ во всѣхъ своихъ индивидуальныхъ особенностяхъ. Управление призрѣніями бѣдныхъ въ Эльберфельдѣ сосредоточено въ рукахъ особой депутаціи изъ городского головы, 4 членовъ городского совѣта и 4 членовъ, выбранныхъ изъ

гражданъ. Весь городъ разбитъ на 31 округъ, а въ каждомъ округѣ есть нѣсколько попечителей о бѣдныхъ (всего 434). Каждому попечителю приходится имѣть дѣло не болѣе, чѣмъ съ 5—6 бѣдными семьями, которыя онъ можетъ изучить во всей подробности ихъ быта. Администрація и обязана изслѣдовать причины нужды тѣхъ, кто обращается за пособіемъ, расходовать городскія суммы, давать отчеты по этимъ расходамъ, составлять смѣты и т. д. Всѣ нуждающіеся раздѣляются на два основные класса: способныхъ и неспособныхъ работать. Вторые всегда имѣютъ право на призрѣніе, если нѣтъ лицъ (родныхъ), которыя обязаны ихъ содержать. Первые же получаютъ пособія въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаружится, что они, при всемъ стараніи, не могли найти себѣ работу. До принсканія занятія они получаютъ отъ администраціи работу, соразмѣрно съ своими силами. Нормальное пособіе на семью изъ мужа, жены и 4 дѣтей опредѣляется цифрой въ 12 марокъ въ недѣлю. За послѣднее время (1886—88 гг.) общая сумма расходовъ по общественному призрѣнію достигала 536,000 марокъ въ годъ. Около 300,000 получилось отъ разныхъ источниковъ, отъ пожертвованій, капиталовъ и т. д., а остальное покрывалось налогами, по 2,11 марки на 1 жителя. Въ концѣ 50-хъ гг. налогъ въ пользу бѣдныхъ превышалъ 3 марки на каждого жителя. Общее число призрѣваемыхъ составляетъ 6,18% всего населенія, со среднимъ расходомъ въ 64½ марки на каждого призрѣваемого. Призрѣу Эльберфельда послѣдовали Бременъ, Любекъ, Дюссельдорфъ, Мюнхенъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и нѣкоторые другіе города, и вездѣ многочисленность попечителей и забота каждого лишь о немногихъ семьяхъ дала превосходные результаты. Скажемъ въ заключеніе, что трудъ Леруа заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія людей, которые интересуются вопросомъ объ организаціи благотворительности.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Лекціи по русскому уголовному праву“ Н. С. Таганцева.—„Сочиненія“ В. Д. Спасовича.

Лекціи по русскому уголовному праву Н. С. Таганцева. Часть общая. Выпускъ III. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. О нервыхъ двухъ выпускахъ настоящаго труда почтеннаго петербургскаго профессора нами былъ уже данъ своевременно отзывъ (см. *Русская Мысль* 1887 г., кн. IV, и 1888 г., кн. IX). Теперь напомнимъ только, что предшествующіе выпуски были отведены ученію о преступленіи. Третій же, лежащій предъ нами, посвященъ уже ученію о наказаніи, именно — сущности карательной дѣятельности государства, т.-е. ея принципа и цѣлей.

Прежде всего, авторъ останавливается на опредѣленіи объема и границъ карательной дѣятельности. Указавши, что наказанія составляютъ послѣдствія преступленія, измѣняющія права и юридическіе интересы наказываемаго, и что наказаніе есть мѣра, предпринимаемая государствомъ въ интересахъ публичныхъ, проф. Таганцевъ касается весьма любопытнаго и важнаго вопроса объ отличіи наказанія отъ другихъ мѣръ, имѣющихъ съ нимъ немалое сходство: вознагражденія за вредъ и убытки, процессуальныхъ взысканій, полицейскихъ принудительныхъ мѣръ и, наконецъ, административныхъ и дисциплинарныхъ взысканій. Особенно подробно изложенъ въ этомъ отдѣлѣ вопросъ о вознагражденіи (гражданскій искъ) и о дисциплинарной власти (церкви, родителей,

начальства и т. п.); а такъ какъ въ трудахъ другихъ авторовъ эти вопросы по большей части совсѣмъ почти не разсматриваются, найтъ же почетный ученый разбираетъ ихъ весьма обстоятельно, то настоящій отдѣлъ его книги приобретаетъ очень большое значеніе.

Далѣе, установивши, кто осуществляетъ карательное право прежде и кто является его субъектомъ въ современномъ государствѣ (верховная власть), авторъ переходитъ къ выясненію основанія карательнаго права. Здѣсь мы находимъ изложеніе и критику какъ теорій, отрицающихъ право государства наказывать, такъ и признающихъ таковое, и, кромѣ того, знакомимся съ воззрѣніемъ самого проф. Таганцева на сей предметъ. Въ этомъ вопросѣ онъ примыкаетъ къ тѣмъ криминалистамъ, которые видятъ основаніе *ius puniendi* въ задачахъ и цѣляхъ общезжитія, этого неизбежнаго, изъ природы человѣческой вытекающаго условія нашего существованія.

Слѣдующій отдѣлъ говоритъ о цѣляхъ наказанія. Познакомивши читателя съ различными теоріями возмездія, полезности и смѣшанными, авторъ выставляетъ такое положеніе: возможная борьба съ преступленіемъ, какъ съ зарождающимся въ преступникѣ, такъ уже и возникшимъ,—въ его послѣдствіяхъ,—съ цѣлью обезпеченія правоваго порядка,—вотъ задача, которую преслѣдуетъ государство въ своей карательной дѣятельности, причѣмъ орудія борьбы разнообразны, начиная съ перваго момента угрозы закона и кончая послѣднимъ актомъ, дѣйствительнымъ выполненіемъ наказанія. Противъ такого положенія едва ли можно спорить, какъ и противъ того, что государство должно постоянно имѣть въ виду всю совокупность послѣдствій преступнаго дѣянія, а не одну какую-нибудь сторону его, чѣмъ и грѣшатъ многія теоріи полезности, наприм., теорія исправленія (стр. 1192).

Въ V отдѣлѣ (отношеніе карательной власти къ объекту наказанія) устанавливается, что непосредственнымъ объектомъ карательной дѣятельности государства является лицо, при этомъ лицо, признанное виновнымъ въ учиненіи запрещеннаго закономъ дѣянія, и что примѣненіе наказанія есть только право (а не обязанность) государства, которымъ оно должно пользоваться лишь тогда, когда это представляется необходимымъ и цѣлесообразнымъ для охраны правоваго порядка.

Въ этой части книги обращаютъ также на себя вниманіе критическія замѣчанія по поводу ученія итальянской школы (прирожденный преступникъ, какъ объектъ карательнаго права) и по поводу теоріи проф. Фойницкаго о личномъ состояніи преступности. Заканчивается настоящій выпускъ указаніемъ общихъ условій наказанія.

Отмѣтимъ слѣдующія черты разбираемаго сочиненія. Будучи трудомъ теоретическимъ, научнымъ, оно, въ то же время, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ знаніи авторомъ нашихъ многотомныхъ законовъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить взглянуть на 993, 1049, 1069 или 1084 стр. Это богатство практическихъ свѣдѣній не идетъ въ ущербъ богатству литературныхъ указаній и становится еще дороже потому, что сопровождается вѣрною оценкой жизненныхъ явленій,—однѣнкой, какую можно дать только высокопросвѣщенный умъ. Вотъ примѣры.

Касаясь административной ссылки и тому подобнаго взысканія, проф. Таганцевъ восклицаетъ (стр. 1027): „почему административный чиновникъ можетъ прозрѣть и увѣриться тамъ, гдѣ судья встрѣчаетъ только сомнѣнія и слабыя вѣроятности? Не угрожаетъ ли эта теорія административной непогрѣшимости замѣнить законъ простымъ усмотрѣніемъ?“ Съ такимъ же полнымъ осужденіемъ относится авторъ и къ

исключенію изъ учебныхъ заведеній навсегда, констатируя при этомъ тотъ фактъ, что у насъ за 72—80 гг. (въ министерство гр. Толстаго) было, такимъ образомъ, исключено изъ однихъ *среднихъ* учебныхъ заведеній 400 человекъ (стр. 1060). Равно характерно замѣчаніе и по поводу замѣны мировыхъ судей земскими участковыми начальниками, являющимися, какъ извѣстно, преимущественно административными органами. „Практическое значеніе этой замѣны, — говоритъ отзывчивый на все ученый, — покажетъ, конечно, ближайшее будущее, но нельзя, однако, не вспомнить, что принципъ умѣренія дѣйствій власти административной спокойнымъ, законѣрнымъ контролемъ власти судебной, положенный въ основу судебной реформы 20 ноября 1864 г., былъ вызванъ всѣмъ намъ памятнымъ неурядицамъ смѣшенія властей въ доуставномъ устройствѣ“ (стр. 1093).

Въ слѣдующій выпускъ должны, между прочимъ, войти обзоръ и оцѣнка карательной системы нашего права. Лыстимъ себя надеждой скоро ознакомиться и съ этимъ, а пока привѣтствуемъ отъ всей души появленіе столь содержательнаго III выпуска лекцій.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III. Спб., 1890 г. Цѣна 2 р. Въ третій томъ *Сочиненій* В. Д. Спасовича вошла его магистерская диссертация *О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза*, рядъ статей по уголовному и гражданскому праву и процессу, рефератъ *О мнимыхъ и мнимыхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго*, читанный въ прошломъ году въ московскомъ юридическомъ обществѣ, и статья: *Черноморія и имущественный законникъ Бошшича*. Многія изъ этихъ произведеній знаменитаго юриста съ интересомъ и большою пользою прорубаются многочисленнымъ кругомъ читателей, не одними юристами по образованію и по профессіи. Любопытно теперь читать публичныя лекціи В. Д. Спасовича *О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ*. Лекціи эти происходили въ 1860 году, и авторъ заявляетъ теперь въ предисловіи, что онъ тогда не предчувствовалъ возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. Съ тѣхъ поръ судъ этотъ вполнѣ оправдалъ самыя смѣлыя надежды, высокіе и разумные принципы гласности судопроизводства и отдѣленія суда отъ администраціи принесли неисчислимое благо, развили въ русскомъ обществѣ въ довольно значительной уже степени чувство законности. Позднѣйшія надстройки и урѣзки уменьшили, разумѣется, воспитательное значеніе новыхъ судебныхъ установленій, но мы вѣримъ, что недалеко время, когда наша юридическая жизнь снова пойдетъ по пути, проложенному судебными уставами 1864 года.

„Судъ, — говорилъ въ одной изъ своихъ лекцій г. Спасовичъ, — долженъ быть независимъ отъ администраціи потому, что онъ долженъ блюсти каждаго, а, слѣдовательно, и органы той же администраціи въ границахъ ихъ права. Судъ долженъ быть независимъ отъ администраціи потому, что только тогда онъ можетъ выполнить свое назначеніе, а назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы удерживать всѣ элементы общественныя въ устойчивомъ равновѣсіи, предупреждать всякія насильственныя между ними столкновенія, быть опорой для слабыхъ, угнетаемыхъ, преслѣдуемыхъ; чтобы, стоя превыше всѣхъ партій, служить регуляторомъ народной жизни, народнаго развитія“. Кромѣ независимости (несмѣняемости) судей, для достиженія этой высокой и трудной задачи необходимо участіе представителей общества, присяжныхъ засѣдателей, которые должны вносить живое пониманіе правды и народнаго блага. Дѣйствительность превзошла ожиданія г. Спасовича въ 1860

году, она же принесла потомъ разочарованіе многимъ юристамъ, полагавшимъ, что наше юридическое развитіе пойдетъ впередъ непрерывно и правильно. Но великія идеи, въ концѣ-концовъ, побѣждаютъ всѣ препятствія.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Полибій“. Перев. *Θ. Г. Мищенко*.— „Федеративная Еллада и Полибій“. *Θ. Г. Мищенко*.— „Оды и эподы“ *Горация*.— „Избранныя оды“ *Горация*.— Произведенія „*Эврипида*“.— „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. *Штраммера*.— „Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба ея въ Нибелунгахъ“. *И. Созоновича*.— „Каллаха и Дмиахъ“.— „Dvě povídky v zetkové literaturze XV stol.“. *D-r Jirsi Polivka*.— „Zbiór wiadomości do antropologii krajo-wej“.— „Опытъ объясненія звуковыхъ названій рѣчи“. *А. Камскаго*.

Полибій. Переводъ съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*. Томъ I. Москва, 1890 г. Цѣна 6 руб.—Федеративная Еллада и Полибій. *Θ. Г. Мищенко*. Москва, 1890 г. Цѣна 1 руб. Профессоръ Мищенко, такъ усердно работавшій надъ переводомъ древнихъ греческихъ историковъ, выпустилъ теперь въ свѣтъ первый томъ перевода всеобщей исторіи Полибія, содержащей въ себѣ книги I—V. Этотъ трудъ его отличается тѣмъ же характеромъ, какъ и предшествовавшіе—Геродотъ и Фукидидъ: переводъ не буквальный, но близкій къ подлиннику и вѣрный; сдѣланъ онъ если не изящнымъ, то, во всякомъ случаѣ, вполне правильнымъ русскимъ языкомъ; онъ снабженъ объяснительными примѣчаніями и двумя картами (Ахейской и Этолійской федераціи). Переводу предпослано обширное введеніе, носящее заглавіе *Федеративная Еллада и Полибій*, которое вышло и отдѣльною книжкой. Оно заключаетъ въ себѣ историческое изслѣдованіе объ умонастроеніи Полибія, о политической раздробленности Еллады и иноземныхъ вліяніяхъ на нее, о федеративномъ движеніи въ Елладѣ и, наконецъ, федераціи этолянъ и ахейянъ. Трудъ г. Мищенко можетъ быть очень полезенъ и интересенъ для всѣхъ занимающихся древнею исторіей.

Оды и эподы Горация. Съ примѣчаніями *Лукіана Миллера*. Изд. второе, дополненное и исправленное. Спб., 1889 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.—Избранныя оды Горация, объясненныя преимущественно для гимназій профессоромъ *В. И. Модестовымъ* Спб., 1889 г. Цѣна 80 к. Книга Л. Миллера удостоена преміи Петра Великаго. При составленіи примѣчаній, авторъ, повидимому, заботился о томъ, чтобы въ возможно краткой формѣ давать какъ можно болѣе матеріала; во многихъ случаяхъ онъ довольствуется однимъ намекомъ. Примѣчанія эти весьма разнообразны: они касаются и критики, и грамматики, и реалій, и вообще экзегезы; съ ними переводъ Горация значительно облегчается для ученика, но ему приходится, однако, еще не мало подумать и самому. Съ нѣкоторыми объясненіями автора, конечно, не всегда можно согласиться и потому лучше было бы ихъ вовсе опустить: наприм., строфа I, 2, 9—12 названа „недостойною Горация вставкой“, тогда какъ проф. Модестову, напротивъ, ст. 9 и 10 кажутся „прекрасными“. Нѣкоторыя примѣчанія излишни и помѣщены, быть можетъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства автора съ русскимъ языкомъ, наприм., въ II, 5, 13 слово *currat* (*ferox aetas*) рекомендуется перевести „мчитса (строптивая юность“): отчего не перевести буквально „бѣжить“? Въ I, 15, 18 *streptum* передано „шумъ битвы“. Непонятны намъ и нѣкоторые грамматическія примѣчанія: такъ, въ I, 2, 15 при словѣ (*ire*)*dejectum* замѣче-

но: „въ прозѣ слѣдовало бы сказать *ad deſicienda*“; точно также въ II, 7, 19 сказано: „поэты нерѣдко ставятъ *pes, peque, im. peve*, когда предшествуетъ *impreſcativ.* или *conjunctiv.*“, а, между тѣмъ, и *supin.* и *peque, im. peve*, употребляются даже у Цицерона, какъ извѣстно ученикамъ и въ школьной грамматикѣ. Второе изданіе книжки г. Миллера отличается отъ перваго нѣкоторыми измѣненіями въ примѣчаніяхъ, а также тѣмъ, что теперь включены всѣ пропущенныя въ первомъ изданіи стихотворенія. Книгѣ предпослано краткое введеніе, гдѣ говорится о жизни и сочиненіяхъ Горация, и списокъ разкѣровъ.

Въ книгѣ проф. Модестова находятся слѣдующія оды: I, 1, 2, 3, 4, 9, 11, 21, 22, 24, 28; II, 3, 6, 7, 10, 12, 14, 16, 17, 20; III, 1, 2, 3, 9, 26, 30; IV, 3, 5. Каждой одѣ предшествуетъ краткое изложеніе ея содержанія, и затѣмъ слѣдуетъ подробный комментарий. Примѣчанія г. Модестова очень хороши и вполне удовлетворяютъ своей цѣли—служить пособіемъ для гимназистовъ и студентовъ-филологовъ; но если сравнить ихъ съ примѣчаніями г. Миллера, то преимущество окажется на сторонѣ послѣдняго. Главный недостатокъ объясненій г. Модестова—это ихъ пространность. Затѣмъ г. Модестовъ включаетъ въ свой комментарий вещи, не имѣющія иногда вовсе важнаго значенія: наприм., г. Миллеръ говоритъ о словѣ *Soracte* (I, 9, 2): „гора въ странѣ Фалисковъ, видная въ Римѣ“, и этого вполне достаточно для читателя; а проф. Модестовъ прибавляетъ еще, что на ней находится теперь старинный монастырь св. Сильвестра, и сообщаетъ о ней другія подробности, которыя Горация нисколько не касаются. Для курьеза мы высчитали, сколько словъ употребилъ г. Миллеръ для объясненія 9 оды I книги и сколько г. Модестовъ: оказывается, что у перваго 296 словъ, а у послѣдняго 801, а, между тѣмъ, у г. Модестова нѣтъ ни одного такого важнаго и нужнаго примѣчанія, котораго бы не было и у г. Миллера. Но у г. Модестова есть одно важное преимущество: онъ обращаетъ большое вниманіе на ходъ мысли, что у г. Миллера почти вовсе отсутствуетъ. Книгѣ своей г. Модестовъ предпослалъ „замѣчанія объ одахъ Горация“, а въ концѣ помѣстилъ списокъ разкѣровъ.

1) Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. Ѳ. Шнейдера. Выпускъ I. Ипполитъ. Москва, 1889 г. Цѣна 50 коп. 2) То же. Выпускъ II. Альцеста. Москва, 1890 г. Цѣна 50 к. 3) Гераклиды. Трагедія Эврипида. Перевелъ В. Г. Аппельротъ. Москва, 1890 г. 4) Эврипидъ Гипполитъ. Перевелъ В. Алексѣевъ (Дешевая Библ., № 99). Спб., 1889 г. Цѣна 10 коп. 5) То же. Ифигенія въ Авлидѣ (№ 101). Спб., 1889 г. Цѣна 10 к. 6) То же. Ифигенія въ Тавридѣ (№ 102). Спб., 1890 г. Цѣна 10 коп. Обѣ книжки г. Шнейдера составлены въ высшей степени тщательно: каждая изъ нихъ снабжена довольно пространномъ и ученымъ введеніемъ историко-литературнаго содержанія, каждая заключаетъ въ себѣ стихотворный переводъ драмы съ краткими, но многочисленными объяснительными примѣчаніями. Переводъ съ филологической стороны отличается большими достоинствами: сдѣланъ онъ весьма близко къ подлиннику; авторъ пользовался лучшими изданіями Эврипида и, какъ видно, старательно проштудировалъ ихъ; мысль подлинника онъ понималъ правильно и во многихъ случаяхъ умѣлъ удачно передать отдѣльныя греческія выраженія. Вслѣдствіе этого, переводъ его не страдаетъ грубыми, по крайней мѣрѣ, ошибками, которыхъ такъ много встрѣчается въ другихъ произведеніяхъ этого рода. Такъ, въ *Ипполитѣ* мы замѣтили только три сколько-нибудь значительныя ошибки: въ ст. 654 Ипполитъ, негодуя на позор-

ное предложіе кормилицы Феды, говорить ей: „какъ могу я быть порочнымъ (т.-е. какъ могу я рѣшиться на такой гнусный поступокъ), когда я, уже отъ того, что услышалъ такое предложіе, считалъ себя оскверненнымъ?“ Въмѣсто этого, у г. Шнейдера (стр. 52) читаемъ: „какъ могу я *столь* порочнымъ быть, чтобъ, ихъ услышавъ, себя мнѣ оскверненнымъ не считать?“ Въ ст. 808 Тезей, стоя передъ своимъ запертымъ дворцомъ и услышавъ о смерти Федры, приказываетъ слугамъ, находящимся внутри дворца (см. примѣч. Баргольда), отпереть двери. Г. Шнейдеръ, ошибочно думая, что приказаніе было отдано слугамъ, стоящимъ вмѣстѣ съ Тезеемъ снаружи передъ дворцомъ, переводитъ (стр. 60): „*отверните* прочь съ дверей запоры, слуги, *срывайте* связи“ и т. д., забывая при этомъ: „двери поддаются подъ ударами слугъ“. Въ третьемъ мѣстѣ (ст. 1188, стр. 76) мы читаемъ: „и вожжи быстро *взаль* съ перилъ *задка*“ (т.-е. колесницы). Такъ переведено слово *антух*; но г. Шнейдеръ забылъ, что греческія боевыя колесницы *задка* вовсе не имѣли и что вожжи привязывались къ скобкѣ, находившейся спереди колесницы (см., напр., *Велишская*: „Быть грековъ и римлянъ“, стр. 541). Какъ всякій видитъ, ошибки эти нельзя назвать важными. Но г. Шнейдеръ имѣлъ несчастную мысль переводить стихами, и это, можно сказать, вполне погубило его трудъ: стихи его крайне неуклюжи, а русскій языкъ, который онъ принужденъ былъ насиловать, стараясь держаться ближе къ подлиннику и втискивать свой переводъ въ стихъ, вынужденъ чрезвычайно тяжель, а иногда даже и неправиленъ. Особенно неприятно дѣйствуетъ на читателя во множествѣ мѣстъ пропускъ подлежащаго личнаго мѣстоименія при глаголѣ въ прошл. времени, что даже иногда затемняетъ мысль, напр. на вопросъ хора: „не знаешь, отчего страданья (т.-е. Федры) начались?“—кормилица отвѣчаетъ: „попала въ ту же цѣль: про все она молчитъ“ (*Иппол.*, ст. 273, стр. 33). Здѣсь при словѣ „попала“ не сразу поймешь, въ какомъ лицѣ надо подразумевать подлежащее.

Гораздо легче читается, но нѣсколько дальше отъ подлинника, стихотворный переводъ г. Апелльбота. Онъ также снабженъ введеніемъ, гдѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ Эврипидѣ и дѣлается краткій разборъ трагедіи *Гераклики* вмѣстѣ съ изложеніемъ ея. Но въ филологическомъ отношеніи переводъ этотъ ниже переводовъ г. Шнейдера, и намъ не разъ пришлось отмѣтить, что переводчикъ не поналъ текста. Ограничимся тремя примѣрами. Видя, что Иодай хочетъ идти въ сраженіе, Алкмена отговариваетъ его отъ этого, потому что, въ случаѣ его смерти, она останется беззащитной. Иодай ее утѣшаетъ и говоритъ: „увѣренъ я, и Зевсъ тебѣ поможетъ“. Но Алкмена нѣсколько сомнѣвается въ этомъ и возражаетъ, что хотя она и не позволяетъ себѣ отзываться дурно о Зевсѣ, но Зевсъ знаетъ самъ, правъ ли онъ по отношенію къ ней (она хочетъ сказать, что Зевсъ по любви къ ней долженъ бы былъ дать ей болѣе счастливую судьбу). Въмѣсто этого, у г. Апелльбота читаемъ (ст. 718—719, стр. 46): „Нѣтъ, Зевса слухъ *мольбой* не омрачу я: коль любить онъ меня, то знаетъ самъ“. Далѣе, Иодай приказываетъ слугѣ: „неси за мной мои доспѣхи, а мнѣ въ (правую) руку вложи копье, а лѣвый локоть мой поддерживай“. Г. Апелльботъ все это относитъ къ слугѣ: „такъ неси-жь за мной доспѣхи, и правой рукой возьми копье, а лѣвою идти мнѣ помогай“ (ст. 727, стр. 46), какъ будто у слуги было три руки (см. прим. Бауэра). Совершенно искажена мысль также въ слѣдующемъ мѣстѣ. Алкмена въ переводѣ говоритъ лѣвному Еврисею: „Теперь умрешь ты смертію позорной и *нельзя*

толмачи созданы: ты не одной заслуживаешь смерти за много бѣдъ, устроенныхъ для насъ" (ст. 959, стр. 55). Въ текстѣ совсѣмъ иначе: „ты умрешь позорно, и это будетъ для тебя очень выгодно, потому что ты заслуживаешь не одной смерти“ (а нѣсколькихъ) и т. д.

Что касается трехъ переводовъ (прозой) г. Алексѣева, то слогъ переводчика не отличается выдержанностью: переводчикъ то старается донести обрусить слогъ Еврипида, то безъ нужды поднимаетъ слогъ до темноты и малопонятности. Особенно неприятно поражаетъ читателя употребленіе г. Алексѣевымъ такихъ вульгарныхъ и неприличныхъ (по крайней мѣрѣ, въ трагедіяхъ Еврипида) выраженій, какъ „подлѣй“, „подлявка“ и т. п. Ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ ошибокъ изъ *Ифигеніи въ Тавриду*, бросающихся въ глаза даже при бѣгломъ чтеніи. Кто, наприм., пойметъ такую фразу: „Темныя, темныя морскія скалы, соединяющія воды двухъ морей,—скалы, чрезъ которыя плыла когда-то изъ Аргоса, прѣдя изъ Европы въ Азію, въ негостепріимныя воды мучимая оводомъ Іо“? (ст. 392 сл., стр. 14). Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о морскомъ проливѣ (Боспорѣ), гдѣ Іо переправилась по негостепріимной пучинѣ. Въ ст. 682 (стр. 25) Пиладъ называетъ себя у г. Алексѣева женихомъ сестры Ореста Электры, тогда какъ у Еврипида въ ст. 922 онъ прямо названъ ея мужемъ. Стихи 784—5 переведены: „Вонзая въ мое тѣло острый ножъ,—говоритъ Ифигенія,—мой отецъ думалъ, что принесъ меня въ жертву.“ Въ текстѣ: „которую (т.-е. лань) мой отецъ принесъ въ жертву, думая, что онъ вонзалъ ножъ въ меня“. Нѣсколько ниже (ст. 862, стр. 31) Орестъ, слушая рассказъ Ифигеніи о принесеніи ея въ жертву, говоритъ въ переводѣ: „плакалъ и я, видя, на какое ужасное дѣло рѣшился отецъ“. Но Орестъ, какъ видно изъ *Ифигеніи въ Авлиду* (ст. 466 и 1241—5), былъ еще во время принесенія ея въ жертву младенцемъ и не сознавалъ еще, что тогда происходило; здѣсь надо перевести: „плачу и я, слыня твой рассказъ объ ужасномъ поступкѣ отца“. Интересно также и слѣд. мѣсто (ст. 1109, стр. 39): „разрушенъ былъ нашъ городъ, и мы всходили на корабли враговъ по милости ихъ весель и коній“. Въ исто этого, въ оригиналѣ читаемъ: „мы пошли на корабляхъ благодаря весламъ и коньямъ враговъ“, т.-е. коньями мы были взяты въ плѣнъ, а съ помощью весель увезены.

Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Съ латинскаго текста Штриттера перевелъ К. Ганъ, учитель 1-й тифлисской гимназіи. Часть II. Византійскіе писатели. А. Лазика и Иберія. Тифлисъ, 1890 г. (Перепечатано изъ 9-го выпуска „Сбор. матеріаловъ для описанія личностей и племенъ Кавказа“, изд. кавказ. учебн. округа). Извѣстія какъ бы раздѣляются на два самостоятельныхъ отдѣла: въ первомъ сообщаются историческія данныя объ Иберіи, а во второмъ—о Лазикѣ. Передачѣ извѣстій въ хронологическомъ порядкѣ предшествуютъ, какъ объ Иберіи, такъ и о Лазикѣ, краткія извѣстія, по византійскимъ писателямъ, объ имени, происхожденіи и мѣстожителствѣ, объ исторіи, о царяхъ и знаменитыхъ мужахъ, о генеалогіи царей и объ авторахъ, писавшихъ объ этихъ народахъ и странахъ.

Ни у одного писателя нельзя найти указаній о происхожденіи иберовъ. Впервые объ иберахъ упоминается у писателей Зонары и Синцелла: они сообщаютъ, между прочимъ, что въ 65 г. до Р. Х. Помпей Великій, побѣдивъ армянскаго царя Тиграна и заключивъ съ нимъ миръ, проходилъ черезъ земли иберовъ, гдѣ и одержалъ большую побѣду надъ

... причемъ захватилъ съ собою въ Римъ 20 иберскихъ
 ... (Р. X.). Въ то время царство иберійское простиралось
 ... до Мексійскихъ горъ и до Понта Эвксинскаго. До 297 г.
 ... римлянъ въ Иберіи сказывается довольно ясно: такъ,
 ... Р. X. Тиберій написалъ иберскому царю Митридату, что
 ... въ Армению; въ 54 г. по Р. X. Митридатъ пытался
 ... противъ римлянъ, но былъ Кландіемъ свергнутъ съ престола.
 ... въ 321 г. въ Иберіи хозяйничаютъ персы. За этотъ же периодъ,
 ... византийскіе писатели, иберы приняли христіанскую вѣру;
 ... навістие объ этомъ относится къ 323 г. Съ 521 по 627 г. Иберія,
 ... отъ Персіи и присоединившись къ Риму, является то союзникомъ
 ... персовъ, то римлянъ. Затѣмъ, съ 685 по 959 г. Иберія переходитъ
 ... изъ рукъ въ руки: сарацаны, римляне и турки попеременно и
 ... сообща владѣютъ иберами. Нѣчто подобное совершается въ Иберіи и
 ... въ послѣдующіе годы вплоть до 1306 г.,—годъ, когда иберы подни-
 ... маются татарамъ. 1306 г. заканчиваются извѣстія объ Иберіи въ
 ... Въ V главѣ объ иберахъ помѣщены „смѣшанныя извѣстія
 (miscelanea) о мѣстоположеніи Иберіи“; извѣстія эти относятся къ 506,
 541 и 1222 г. по Р. X.

Относительно лазовъ древніе писатели болѣе свѣдущи и едино-
 гласны, чѣмъ относительно иберовъ. Оказывается, что лазы прежде
 назывались колхами и суть „остатки“ того египетскаго войска, которое,
 подъ предводительствомъ Сестоприса, покорило всю Азію. Лазія ле-
 жала „по обѣимъ берегамъ рѣки Фазисъ“ и, главнымъ образомъ, по
 правой сторонѣ рѣки до границъ Иберіи. Первые извѣстія о Лазіи
 относятся къ 65 г. до Р. X., когда Помпей Великій побѣдилъ лазовъ.
 Дальнѣйшая судьба Лазіи сходна съ судьбой Иберіи: римляне и персы,
 а затѣмъ турки являются то въ видѣ побѣдителей и владѣльцевъ
 Лазіи, то въ видѣ союзниковъ. Данные о лазяхъ проводятся въ
Извѣстіяхъ нѣсколько далѣе по времени, чѣмъ объ иберахъ; а имен-
 но: извѣстія оканчиваются 1461 г., когда вся Колхида, или Лазія,
 попала подъ власть турецкаго султана Магомета II. Двѣ главы въ исто-
 ріи о лазяхъ занимаютъ убійство царя лазовъ Губаца римскими предво-
 дителями, слѣдствіе объ этомъ убійствѣ и наказаніе царубійцы.

Каждое извѣстіе (или лѣтопись) заключено въ параграфы и сопро-
 вождается указаніемъ года, къ которому относится.

Извѣстія представляютъ изъ себя все же—*сборникъ* матеріаловъ, а не компедативный историческій трудъ.

Много теряютъ *Извѣстія* отъ отсутствія пояснительнаго очерка или введения, въ которомъ объяснялись бы историческія и топографическія данныя о Лазіи и Иберіи примѣнительно къ современной топографіи Кавказа.

Въ концѣ книги помѣщенъ *Указателъ* собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ *Извѣстіяхъ*.

Всего въ *Извѣстіяхъ* XIV+215+10 стр. in 8°. Цѣна 1 р. 25 к.—нѣсколько высокая.

Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. И. Созоновича. Варшава, 1889 г. Общему *Очерку средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи* по-счастливилось въ книгѣ г. Созоновича гораздо менѣе, чѣмъ *Литературной судьбѣ пѣсни о Нибелунгахъ*: средневѣковая нѣмецкая эпическая повѣсть очерчена здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ, и на нее отведена только третья часть всей книги. Конечно, этотъ предметъ и-

интересенъ ничуть не менѣе, чѣмъ литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ, но, вѣроятно, г. Созоновичъ имѣлъ цѣлью своей книги именно литературную судьбу означенной пѣсни, и самый очеркъ предислать для ясности все той же литературной судьбы. Если мы не ошибаемся, то въ такомъ случаѣ авторъ выполнилъ свою задачу, и хотя такая задача менѣе широка, но за то любитель и специалистъ найдетъ въ книгѣ и эрудицію, и осторожность, доходящую подчасъ до кропотливости. Тѣми или иными выводами книга не изобилуетъ, но въ вопросѣ, подобномъ поставленному, едва ли и возможны такіе выводы: автору нужно только изложить литературную судьбу пѣсни о Нибелунгахъ. Въ заключеніе прибавляемъ, что г. Созоновичъ обѣщаетъ вторую часть *Очерка*.

Книга Калилаа и Димнаа (сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая). Переводъ съ арабскаго М. О. Аттая, преподавателя арабскаго языка, и М. В. Рябинина, студента III курса специальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, съ введеніемъ М. В. Рябинина о происхожденіи и исторіи этого сборника, съ приложеніемъ синоптической карты пространства его въ литературахъ Европы и Азіи, съ примѣчаніями и прибавленіями къ тексту, собранными и переведенными М. О. Аттая. Москва, 1889 г. Цѣна 3 руб. Какъ видно изъ статьи г. Рябинина, приложенной къ русскому переводу арабскихъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая, въ свое время Бенфей высказывалъ взглядъ, по которому книга *Калилаа и Димнаа* прежде называлась „книгой поведенія“ (стр. XXXV). Подобное названіе, вполнѣ объясняя намъ слова гг. переводчиковъ, что *Калилаа и Димнаа* прежде „представляла полный кодексъ, правила котораго сейчасъ же примѣнялись на дѣлѣ многочисленными его читателями“, заставляетъ насъ согласиться и съ тѣмъ ихъ заявленіемъ, что „важность и необходимость близкаго знакомства со сборникомъ басенъ, обобщеннымъ весь Старый свѣтъ (и, между прочимъ, въ нашу литературу проникшимъ подъ именемъ Стефанита и Ихнилата), не можетъ быть оспариваема“ (см. предисловіе). Но басни и повѣсти, входящія въ сборникъ, кромѣ всего отличаются по временамъ и занимательною фабулой. Такимъ образомъ, фактъ появленія русскаго перевода сборника арабскихъ басенъ долженъ быть отмѣченъ, какъ явленіе очень пріятное.

Каковы же достоинства перевода? Гг. переводчики сознаются, что они „имѣли въ виду соединить наиболѣе точную передачу текста съ возможнымъ соблюденіемъ условій русскаго литературнаго языка“ (см. предисловіе). Какъ ни почтенна подобная задача, однако, она исполнима весьма трудно, и „русскій литературный языкъ“ по временамъ страдаетъ отъ „точной передачи текста“. Мы не будемъ останавливаться, однако, на примѣрахъ: переводчики какъ бы сами сознаютъ несовмѣстимость означенныхъ цѣлей, когда прибавляютъ слово „возможнымъ“ къ выраженію „соблюденіемъ условій русскаго литературнаго языка“. Что касается статьи г. Рябинина о происхожденіи исторіи Калилаа и Димнаа, замѣняющей введеніе, то она отличается слишкомъ ученымъ характеромъ, и для просто образованныхъ читателей, для которыхъ предназначается книга (см. предисловіе), можетъ показаться черезъ-чуръ специальной.

Dvě povídky v. české literaturze XV stol. Podává D-r Jirži Polívka. V Praze, 1889. Любопытная монографія г. Поливки посвящена литературной исторіи двухъ средневѣковыхъ „странствующихъ повѣ-

стей“ — о вѣрной и невѣрной женахъ или о Гризельдѣ и Бризелдѣ. Въ наиболѣе полномъ и обработанномъ видѣ первая повѣсть была приведена Боккачю въ его *Декамеронѣ* (10-й день, 10-я новелла). Марки Gualtieri женится на простодушнѣйшѣй Гризельдѣ и начинаетъ испытывать ея вѣрность цѣлымъ рядомъ очень жестокихъ испытаній: онъ отнимаетъ у нея дѣтей и тайкомъ отсылаетъ ихъ къ своей теткѣ, объявивши, что онъ убилъ ихъ; прогоняетъ ее отъ себя и объявляетъ потомъ, что женится на другой. Невѣста ѣдетъ и Gualtieri заставляетъ Гризельду принять участіе въ свадебной церемоніи. Она переноситъ все терпѣливо, продолжаетъ любить своего мужа, несмотря на всѣ ея эксперименты, — и, въ концѣ-концовъ, добродѣтель торжествуетъ; кѣ-ста Gualtieri оказывается его дочерью, которая выросла у тетки; онъ признается, что не переставалъ любить Гризельду и хотѣлъ только испытать ее. Эта повѣсть пришлась по душѣ средневѣковымъ писателямъ. Петрарка позаимствовалъ ее изъ *Декамерона* и издалъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *De obedientia ac fide uxoria*. Съ легкой руки Боккачю и Петрарки, эта повѣсть разошлась по всей Европѣ въ различныхъ переводахъ и передѣлкахъ, искусственныхъ и народныхъ. Въ числѣ писателей, занимавшихся передѣлками этой повѣсти, можно назвать такіа знаменитыя имена, какъ Леонардо Бруни, Чосеръ, Niclas von Wyle, Heinrich Steinhöwel, Albrecht von Eyb и т. д. Въ концѣ XIV в. во Франціи представлялась даже мистерія подъ названіемъ *Mystere de Griseldis*; какою популярностью пользовалась эта повѣсть, можно видѣть изъ того, что Petruscius въ *Укрощеніи своеюравной* Шекспира съ ироніей называетъ свою негѣсту „терпѣливою, какъ Гризельда“. Источники повѣсти о Гризельдѣ до сихъ поръ не ясны. Нѣкоторые изслѣдователи указывали на *Lai de la fraisine Marie de France*, какъ на вѣроятный первоисточникъ Боккачю, но на этомъ предположеніи можно остановиться только за неимѣніемъ другаго, лучшаго. Г. Поливка принимаетъ за исходную точку своего изслѣдованія рассказъ Боккачю и передаетъ довольно полно послѣдующую литературную исторію этой повѣсти; наиболѣе слабо представлены устныя, народные ея передѣлки: такъ, мы не нашли у г. Поливки цѣлаго ряда указаній на русскія сказки типа *Семилетка*, которыя очень часто повторяютъ остова повѣсти о Гризельдѣ, — конечно, съ своеобразными наростами. Особенную цѣнность изданію г. Поливки придаетъ то, что онъ въ качествѣ приложения къ своей книгѣ напечаталъ невѣстную до сихъ поръ чешскую повѣсть о Wolterus и Grizeldis во списку, принадлежащему Чешскому музею, *Historia infidelis mulieris* во вѣнскому списку и *O Bryzeldé rvesc zlá o slé* по пражскому списку. Другая повѣсть, исторіей которой занимается г. Поливка, принадлежитъ къ очень распространенному типу „странствующихъ повѣстей“ о невѣрной женѣ, которая убѣгаетъ къ врагу мужа, выдаетъ его, когда тотъ является передѣтымъ, и которую убиваетъ освободившійся случайно мужъ (повѣсть о Соломонѣ, его женѣ и Порѣ и т. д.). Г. Поливка очень удачно и искусно подобралъ матеріалъ и освѣтилъ судьбу этой бродячей повѣсти. Замѣчательное знаніе европейскихъ языковъ, прекрасное знакомство со всѣмъ, что было сдѣлано по сравнительной исторіи такъ называем. „Wandernde Dichtungen“, сдѣлало его изслѣдованіе въ высшей степени цѣннымъ.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. Tom 13. Kraków, 1889. Съ 1877 года Краковская академія кажда

годъ издаетъ свои богатые сборники матеріаловъ по археологiи, антропологiи и этнографiи въ особенности. Въ своихъ изданiяхъ она даетъ мѣсто не только польскимъ матеріаламъ, но и южно-русскимъ, бѣлорусскимъ, литовскимъ. Этнографу, занимающемуся изученiемъ быта этихъ племенъ, немислимо обойтись безъ этихъ сборниковъ, съ которыми, по обилiю данныхъ, могутъ поспорить развѣ *Труды* Чубинскаго, *Lud* Кольберга или *Usi e costumi* Питрэ. Археологическiй отдѣлъ настоящаго выпуска содержитъ въ себѣ *Материалы для палеонтологiи украинскихъ кургановъ* г. Оссовскаго (курганы Станиславца, Лозятина, Антоновки, Васильк. уѣзда, и Кирилловки, Звенигородск. уѣзда), описанiе раскопокъ, сдѣланныхъ г. Довгирдомъ въ Трипольѣ (Кіевск. губ.), и т. д., замѣтки относительно подольскихъ древностей г. Неймана и т. д. Въ отдѣлѣ антропологiи (въ узкомъ смыслѣ этого термина) помѣщено изслѣдованiе г. Коперницкаго *Физическая характеристика карпатскихъ горцевъ*. Этнографическiй отдѣлъ, по обыкновенiю, чрезвычайно богатъ. Кромѣ статьи о карпатскихъ горцахъ г. Коперницкаго, объ отдѣльномъ изданiи которой намъ уже приходилось говорить въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли*, въ немъ помѣщены *Преданiя о Таирахъ*, собранныя г. Матуяс'омъ, этнографическіе матеріалы, собранныя въ разныхъ мѣстахъ Галиціи, Бѣлоруссiи, Южной Руси гг. Wanke, Cisek, Weguha, Gralewski'мъ, Koleza, Magierowski'мъ, г-жею Ровоссовскою и неутомимымъ собирателемъ, мѣстнымъ этнографомъ, праздновавшимъ недавно свой 50-ти лѣтній юбилей, — Оскаромъ Кольбергомъ. Настоящiй выпускъ отличается обычнымъ изяществомъ всѣхъ изданiй Краковской академiи.

Опытъ объясненiя звуковыхъ измѣненiй рѣчи измѣненiемъ работъ органовъ. А. Камскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ, 1890 г. Г. Камскiй называетъ свою книгу *Опытомъ* и поступаетъ совершенно основательно: дѣло въ томъ, что, какъ кажется и самому ему, въ его книгѣ „многое придется измѣнить, дополнить или разъяснить“ (стр. 119). Тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся сейчасъ дѣлать какихъ-нибудь замѣчанiй или требовать разъясненiй, потому что попытка всегда и остается попыткой, а вопросъ объ отношенiи звуковыхъ измѣненiй рѣчи къ измѣненiю работъ органовъ — вопросъ сравнительно очень новый. Гораздо интереснѣе остановиться на самой точкѣ зрѣнiя автора. По нашему мнѣнiю, эта точка зрѣнiя достойна полнаго вниманiя. Пробовать объяснить звуковыя измѣненiя рѣчи тѣми или иными измѣненiями работъ органовъ — значитъ пробовать ясно освѣтить предметъ. Если у членораздѣльнаго звука должна быть своя исторiя, то, чтобы разобратся въ ней, нужно идти именно такимъ путемъ, какимъ идетъ г. Камскiй, такъ какъ связь между органами рѣчи и самою рѣчью — очевидна. Между тѣмъ, сколько приобрѣтенiй дѣлаетъ наука, когда она останавливается на исторiи того или иного предмета! Но и помимо науки, точка зрѣнiя г. Камскаго вызываетъ тѣмъ болѣе сочувствiе, что отъ нея во многомъ можетъ выиграть школа: если разработка фонетики двинется настолько впередъ на основанiи вышеупомянутой точки зрѣнiя, что проникнетъ въ школьную грамматику, то послѣдняя перестанетъ являться въ глазахъ учащихся тѣмъ-то томительно-скучнымъ. Учащiеся поймутъ, — что такъ трудно усваивается ими въ настоящее время, — что слово и рѣчь жили и живутъ такъ же, какъ жили и живутъ живые органы.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

„VIII съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ“. — „Въ чемъ смъ жизни?“ Э. Ломе. — „Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ“. Э. Рессл. — „Естественная исторія насѣкомыхъ“. Н. А. Холодковского.

VIII съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ отъ 28 декабря 1889 года до 7 января 1890 года. Съ рисунками и двумя гипсометрическими картами Европейской Россіи. Спб., 1890 г. Цѣна 5 рублей. Отчетъ о дѣятельности VIII съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, прежде всего, быстротою своего появленія, а затѣмъ и полнотою своего содержанія. Дѣйствительно, съездъ окончился 7 января 1890 года, а отчетъ о немъ, заключающій въ себѣ до 1,000 страницъ текста, благодаря энергіи его составителей, появляется уже въ июнѣ. По содержанію же своему онъ даетъ возможность составить довольно полную картину не только дѣятельности VIII съезда, но и вообще современныхъ успѣховъ естествознанія въ Россіи. Съ этой стороны VIII съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей представляетъ очень много интереснаго. Прежде всего, онъ поражаетъ своимъ чрезвычайнымъ многолюдствомъ. Число лицъ, записавшихся въ его члены, достигаетъ небывалой величины въ 2,224 человека, изъ которыхъ иногороднихъ было 935. Ученыхъ собраній (секціонныхъ, соединенныхъ и общихъ) на немъ было 77, а число сдѣланныхъ на нихъ сообщеній достигло 392. Помимо девяти обычныхъ секцій: 1) математики и астрономіи, 2) физики, 3) химіи, 4) минералогіи и геологіи, 5) ботаники, 6) зоологіи, 7) анатоміи и физиологіи, 8) научной медицины и 9) гигіены, на VIII съездѣ были организованы еще двѣ новыя секціи: 10) географіи, этнографіи и антропологіи и 11) агрономіи. Обѣ послѣднія секціи уже сразу заявили себя довольно энергичною дѣятельностью. Вообще, съ внѣшней стороны, при поддержкѣ публики, различныхъ обществъ и учреждений и при высочайшемъ вниманіи къ нему, VIII съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣе удавшихся.

Для характеристики же его научной дѣятельности обратимся къ содержанію сдѣланныхъ на немъ сообщеній и постановленій. Что касается рѣчей, произнесенныхъ на общихъ собраніяхъ, то однѣ изъ нихъ не представляютъ почти никакого интереса, какъ, наприм., сообщеніе проф. А. А. Иностранцева: *Измѣненія земли, какъ слѣдствіе ея происхожденія*, не лишенное ошибокъ и неточностей, а другія возбуждаютъ невольное недоумѣніе, таково, наприм., рѣчь нашего уважаемаго проф. Д. И. Менделѣева: *Пріемы естествознанія въ изученіи цвѣт.* Наиболѣе интересныя рѣчи московскихъ профессоровъ: А. Г. Столѣтова: *Эфиръ и электричество*, Г. Г. Густавсона: *О микробиологическихъ основаніяхъ агрономіи* и К. А. Тимирязева: *Факторы органической эволюціи*, а также рѣчь одесскаго проф. А. В. Клоссовскаго: *О малыхъ моментахъ въ исторіи развитія физическаго земледѣлія въ связи съ вопросомъ объ организациіи физико-географическихъ изслѣдованій*. Изъ рѣчей, произнесенныхъ на соединенныхъ засѣданіяхъ членовъ VIII съезда и различныхъ петербургскихъ ученыхъ обществъ, наибольшую научную важность имѣетъ рѣчь А. А. Тилло: *Орографія Европейской Россіи на основаніи гипсометрической карты*, произнесенная имъ на соединенномъ засѣданіи Императорскаго русскаго гео-

графическаго общества и членовъ съѣзда. Работы А. А. Тилло, какъ извѣстно, радикально измѣняютъ наше представленіе объ орографіи Европейской Россіи и на мѣсто фантастическихъ возвышенностей рисуютъ совершенно иную орографическую картину. Вообще, сообщеніе А. А. Тилло составляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ вкладовъ въ научное изученіе Россіи. По отдѣльнымъ секціямъ дѣлались сообщенія, касавшіяся, по большей части, специальныхъ вопросовъ, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ докладчикъ сообщалъ результаты своихъ самостоятельныхъ и оригинальныхъ изслѣдованій, представляющихъ большой или меньшій научный интересъ. Изъ постановленій съѣзда особенное вниманіе обращаетъ на себя сочувственное отношеніе его къ предложенію московскаго проф. А. П. Богданова „объ организаціи русской ассоціаціи для развитія наукъ“, и къ предложенію петербургскаго проф. В. В. Докучаева „о всестороннемъ естественно-историческомъ, физико-географическомъ и сельско-хозяйственномъ изслѣдованіи Петербурга и его ближайшихъ окрестностей“, на что ассигновано даже 1,000 рублей изъ специальныхъ средствъ съѣзда.

Если ко всему этому прибавить рядъ демонстративныхъ опытовъ, выставокъ и экскурсій, привлекавшихъ множество членовъ съѣзда, то мы должны будемъ признать, что и по внутреннему своему содержанию дѣятельность его можетъ быть названа довольно успѣшной. Нужно думать, что при такомъ успѣхѣ будущность съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и врачей можетъ считаться вполне обезпеченной и что въ очередномъ порядкѣ ихъ созыва не произойдетъ уже никакихъ пропусковъ вродѣ того, какъ это было въ Харьковѣ, гдѣ по какимъ-то страннымъ причинамъ VIII съѣздъ не могъ состояться въ свое время и, благодаря этому, былъ созванъ уже въ Петербургѣ. Будущій съѣздъ назначенъ въ Москвѣ на 1892 годъ.

Въ чемъ сила жизни? Эльпе. Второе, значительно дополненное изданіе „Популярныхъ очерковъ по естествознанію“. Спб., 1890 г. Цѣна 2 рубля. Книга г. Эльпе (Л. К. Попова) принадлежитъ къ числу несовсѣмъ обыкновенныхъ книгъ. Начать съ того, что самъ авторъ рекомендуетъ читать ее не съ начала, а съ конца, гдѣ помѣщено „Заключеніе“, которое г. Эльпе проситъ просмотрѣть прежде, чѣмъ удѣлять вниманіе его „очеркамъ“. По его словамъ, въ немъ „рѣзко подчеркнута то именно основное положеніе, которое проводится и поясняется въ очеркахъ на отдѣльныхъ примѣрахъ“. Впрочемъ, такой авторскій капризъ, въ силу котораго г. Эльпе помѣстилъ свои руководящія разъясненія не въ „предисловіи“, и въ „Заключеніи“, не представляетъ еще особенной важности. Гораздо интереснѣе самая сущность его теоретическихъ воззрѣній или то „основное положеніе“, на подчеркиваніи котораго онъ такъ настаиваетъ. Положеніе это сводится къ тому, что ученіе о приспособленіи къ окружающему или *себяприспособленію* (?) , установленное дарвинистами, крайне недостаточно для надлежащей оцѣнки жизненныхъ явленій, что жизнь не только приспособляется, но и приспособляетъ къ себѣ, и что этимъ именно *себяприспособленіемъ* (?) выражается дѣятельная сторона жизни, ея активная, созидаящая сила. На первый взглядъ можно подумать, что здѣсь рѣчь идетъ о весьма существенной поправкѣ къ гениальнымъ обобщеніямъ Дарвина, предлагаемой если не антидарвинистомъ, то, во всякомъ случаѣ, не-дарвинистомъ. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти рогагыя „себяприспособленія“ и „себяприспособленія“ представляютъ собою не больше, какъ выворачиваніе одной и той же мысли съ лица и

на изнанку, обусловливаемое крайне неточною постановкой вопроса. Действительно, когда дарвинисты говорят о приспособленіи къ окружающему, то они обыкновенно имѣютъ въ виду не жизнь, какъ нечто отвлеченное, а вполне опредѣленныя проявленія жизни въ видѣ организмовъ, и, опираясь на множество фактовъ, чего безусловно недостаетъ въ разсужденіяхъ г. Эльпе, они утверждаютъ, что приспособленіе къ окружающему составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ успѣха въ борьбѣ за существованіе, изъ которой побѣдителями выходятъ всегда наиболѣе приспособленные организмы. Здѣсь все ясно и безспорно, даже и для г. Эльпе, если бы онъ только пожелалъ остаться на почвѣ биологическихъ фактовъ, но онъ не сдѣлалъ этого и перевелъ вопросъ на почву этики, гдѣ и запутался въ дебряхъ своей софистики. Произошло это, прежде всего, благодаря тому, что онъ не обладаетъ достаточнымъ спокойствіемъ для обсужденія научныхъ вопросовъ, а затѣмъ вслѣдствіе его крайне недостаточнаго знакомства какъ съ основами биологическихъ наукъ, такъ и съ литературою обсуждаемыхъ имъ предметовъ. Отсутствие необходимаго спокойствія заставило его изобразить дарвинистовъ въ видѣ отрицателей прогресса, а его незнакомство съ биологическими науками въ ихъ современномъ состояніи было причиною того, что онъ не понималъ сущности ученія Клодъ-Бернара и все свое „ксебъприспособленіе“ построилъ на чисто-физиологическихъ явленіяхъ органическаго синтеза. Отсюда неправильное толкованіе фактовъ и искусственность общихъ построеній. Что же касается специальныхъ литературныхъ данныхъ, то въ противоположность Дарвину и его добросовѣстнымъ послѣдователямъ, каковы, наприм., Уоллѣсъ и др., всегда обращающимъ на нихъ особенное вниманіе, г. Эльпе ограничивается ссылками на популярныя книжки и устарѣвшіе учебники. Нельзя не отмѣтить также чрезвычайнаго обилія опечатокъ въ книгѣ г. Эльпе, нерѣдко очень грубыхъ и неряшливыхъ, хотя въ общемъ она издана довольно удовлетворительно.

Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Сочиненіе д-ра Э. Регеля. Часть II. Описаніе и культура растений, годныхъ для комнатъ и домашнихъ оранжерей. Выпускъ I, съ 351 политипажемъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб., 1890 г. Ц. 3 руб. Мы имѣли уже случай дать отзывъ о первой части труда д-ра Э. Регеля. Настоящій выпускъ отличается тѣмъ же общими характеристиками содержанія и изложенія, представляя интересъ не столько съ научно-теоретической, сколько съ практической стороны. Въ немъ, въ алфавитномъ порядкѣ, начиная съ слова *Abutilon* и кончая словомъ *Furcraea*, описано множество растительныхъ формъ, съ успѣхомъ разводимыхъ при условіяхъ комнатной культуры или въ домашнихъ оранжереяхъ. При этомъ для каждаго вида указываются наиболѣе характерныя отличительныя признаки, степень его пригодности и главнѣйшія условія его успѣшнаго разведенія. Особенное вниманіе обращено на пальмы, какъ на растения, наиболѣе годныя и красивыя для комнатной культуры, и на орхидеи, которыя, какъ растения модныя, особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе любителей. Рисунки и печать исполнены вполне удовлетворительно.

Естественная исторія насѣкомыхъ. Краткій курсъ энтомологіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на насѣкомыхъ, имѣющихъ значеніе въ лѣсномъ хозяйствѣ. Съ 335 рисунками, рѣзанными на деревѣ. Составилъ Н. А. Холодковскій, магистръ зоологіи, доцентъ С.-Петербургскаго лѣснаго института. Спб., 1890 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Основнымъ матеріаломъ при составленіи *Краткаго курса энтомологіи* г. Холодковскому послужили лекціи, читаемыя имъ студентамъ Лѣснаго института. Дополнивъ нѣкоторые отдѣлы, авторъ, однако, значительно расширилъ свою работу и тѣмъ самымъ замѣтно пополнилъ русскую зоологическую литературу, предложивъ публикѣ довольно полное систематическое руководство по естественной исторіи насѣкомыхъ, какъ известно, имѣющихъ немаловажное значеніе для человѣка. Правда, г. Холодковский имѣетъ въ виду, прежде всего, спеціальныя цѣли лѣснаго хозяйства, но это вовсе не лишаетъ его книгу общей пригодности, особенно для самообученія. Тщательно усвоивъ ея разнообразное и обширное содержаніе, лица, интересующіяся познаніемъ насѣкомыхъ, могутъ вполне удовлетвориться этимъ; желающіе же расширить кругъ своихъ свѣдѣній по этому предмету найдутъ въ руководствѣ г. Холодковского довольно тщательно подобранныя литературныя указанія. Сверхъ всего этого, въ книгѣ имѣются опредѣлители наиболѣе важныхъ насѣкомыхъ, имѣющихъ значеніе въ лѣсномъ хозяйствѣ, каковы, напримѣръ, короѣды, пилильщики и др. Печать, бумага и рисунки вполне удовлетворительны, что дѣлаетъ книгу г. Холодковского еще болѣе удобною для пользованія.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Краткіе очерки классической міеологіи для учащихся обоого пола“. *Брамсона*. — „Учебный атласъ всеобщей географіи“. *А. Ламберта*. — „Учебникъ географіи Россіи“. *Ело асс*. — „Для школы и грамотнаго народа“. *Изд. И. О. Жиркова*. — „Зрительный диктантъ“. *В. Зеллинскаго*. — „Актеа“. *Е. Сысоевой*. — „Давидъ Копперфильдъ“. *Ч. Диккенса*.

Краткіе очерки классической міеологіи для учащихся обоого пола. *Брамсона*. Изданіе третье. Кіевъ, 1889 г. Цѣна 80 к. Книжка эта заключаетъ въ себѣ довольно легко и понятно изложенное ученіе о богахъ грековъ и римлянъ. Въ общемъ, книжку можно назвать порядочной и соотвѣтствующей своей цѣли: при всей своей краткости, она, все-таки, достаточно знакомитъ читателей съ главнѣйшими чертами міеологіи. Но въ частностяхъ много ошибокъ, которыя портятъ общее впечатлѣніе. Прежде всего, авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточно передаетъ мнен. Такъ, рассказывая мненъ о Пандорѣ (стр. 8), онъ говоритъ: „Самъ Зевсъ вручилъ ей въ даръ чудесный дарчикъ, открытъ который ей разрѣшилось лишь по выходѣ замужъ... Эпиметей женился на ней и открылъ ящикъ“. Гезіодъ, у котораго сохранился этотъ рассказъ, говоритъ только о томъ, что она (Пандора, а не Эп.) сняла крышку съ сосуда (который обозначенъ словомъ *πίθος*—нѣчто вродѣ нашей корчаги), а откуда вылся этотъ сосудъ, Гезіодъ не упоминаетъ.

Въ концѣ жизни своей Эдипъ, по разсказу г. Брамсона, „поселился въ Атикѣ, въ мѣстечкѣ Колонахъ, гдѣ онъ и умеръ“ (стр. 43), но изъ драмы Софокла ясно видно, что Эдипъ вовсе не жилъ въ Колонѣ, но умеръ тамъ въ тотъ же день, какъ пришелъ туда. Далѣе, авторъ говоритъ, что Орестъ по возвращеніи изъ Тавриды въ Грецію былъ примиренъ аѳинскимъ ареопагомъ съ евридами (стр. 45), по Эврипиду, напротивъ, Орестъ отправился въ Тавриду для избавленія отъ Эриній, которыя и послѣ оправданія его ареопагомъ не перестали его преслѣдовать (см. статью Шварца *О нѣкоторыхъ греческ. васахъ*, стр. 5, въ XIV томѣ *Древностей*). Странное примѣчаніе находимъ мы на стр.

50: „этого Миноса (при которомъ Тезей убилъ Минотавра) не слѣдуетъ смѣшивать съ его дѣдомъ Миносомъ, съ сыномъ Зевса отъ Европы“. Откуда авторъ взялъ это, мы рѣшительно не знаемъ, такъ какъ ни о какомъ другомъ Миносѣ, кромѣ сына Зевса и Европы, ни у одного древняго писателя нигдѣ не упоминается. Греческое войско подъ Троею, какъ думаетъ г. Брамсонъ, называлось ахейскимъ „потому что большая часть собравшихся грековъ была изъ Ахайи (южной Греции)“ (стр. 55), не говоря уже о томъ, что во время Гомера такого названія и такой области вовсе не существовало, но и позднѣе этимъ именемъ обозначалась лишь небольшая часть Пелопоннеса, а не вся южная Греція (о названіяхъ „Ахеяне, Аргивяне и Данайцы“ см. *Gladstone*: „*Juventus mundi*“, pp. 32—70). „Аполлонъ у римлянъ сталъ чествоваться не ранѣе IV в. до Р. X.“,— говоритъ г. Брамсонъ, стр. 83,— известно, что храмъ Аполлону былъ воздвигнутъ въ Римѣ въ 429 г., а о посольствѣ въ Дельфы упоминается еще въ эпоху царей (Брутъ).

Особенно неприятно поражаетъ читателя полное, повидимому, незнакомство автора съ древними языками; не говоря уже о томъ, что большая часть греческихъ словъ напечатана въ искаженномъ видѣ, мы находимъ такіа вещи: *dii Coelesti* 72, *lateo*—скрываю 75, *spolia optima* (вмѣсто *optima*) 79, *Nerienne, is* или *Nerio*, из 81, *Idi* 125; „всѣ именъ о превращеніяхъ собраны въ *Metamorphoseon*’в Овидія“ 65 и т. п. Подземное царство Плутона, по словамъ автора, называлось у грековъ *Ais*; помимо того, что такого именительнаго не существуетъ, но и косвенные падежи этого слова, по крайней мѣрѣ, у Гомера, всегда обозначаютъ самого Плутона, а не его царство (см. *Doederlein*: „*Nom. Glossarium*“, № 407).

Несмотря на такіа познанія въ древнихъ языкахъ, авторъ пускается въ сравнительное языковѣдѣніе, но въ этой области онъ стоитъ совершенно на первобытной точкѣ: такъ, слово *theos* (богъ) онъ производитъ, какъ Сократъ въ Платоновомъ *Кратилѣ*, отъ глагола *theo* (бѣгу), такъ какъ-де первоначальные боги были солнце и луна, а они находятъ въ движеніи (стр. VII); слово *Elusion* онъ производитъ отъ аориста *elython* (пришелъ) 114, *Apollon* отъ *apollumi* 116, *Aphrodite* отъ *arphros* и *dyuo* 118; *Vakx*—Діонисъ означаетъ у него „веселый богъ изъ Нисы“ 119; *Neptunus* и *Salacia* онъ признаетъ за греческія названія и т. д. Арійское племя онъ отождествляетъ съ семитическимъ и греко-италійскія поколѣнія онъ считаетъ пришедшими изъ Индіи и затѣмъ разошедшимися на Балканскій, а съ него на Аппенинскій полуострова. (стр. XIV).

Учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ А. Линбергъ. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к. Атласъ г. Линберга давно уже пользуется доброй и вполне заслуженною извѣстностью. Новое (третье) изданіе значительно дополнено и исправлено. Въ атласѣ двадцать семь картъ, изъ которыхъ десять отведено Россіи (почвенная карта, климатическая, промышленная и т. п.). Карты или таблицы, какъ называетъ ихъ г. Линбергъ, составлены тщательно, но свѣжимъ источникамъ, что особенно замѣтно, конечно, на изображеніи Африки. Такъ какъ нанесены только такіа данныя, которыя необходимы для среднеучебнаго курса, то карты отличаются ясностью и удобопонятностью. Стоитъ атласъ (напечатанъ у Брокгауза въ Лейпцигѣ) очень дешево.

Учебникъ географіи Россіи. Курсъ IV класса гимназій. Составилъ А. Линбергъ. М., 1890 г. Цѣна 50 к. Учебникъ этотъ написанъ живымъ и толковымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ много хорошо вы-

бранаго матеріала и стоить очень дешево (въ книжкѣ болѣе 160 страницъ; бумага и печать вполне удовлетворительны). Авторъ ввелъ въ свой курсъ немало статистическихъ данныхъ о нашей экономической жизни и сопоставляетъ ихъ съ соответствующими свѣдѣніями о западно-европейской промышленности и торговлѣ. Просто и точно разъясняетъ г. Линбергъ многія ховайственныя явленія, напримѣръ, нашу кустарную промышленность. Встрѣчаются, по нашему мнѣнію, кое-какіе пропуски. Въ Крыму, напримѣръ, не упомянуть Гурзуфъ, что слѣдовало бы сдѣлать и потому, что это одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ южнаго берега, и потому, что оно связано съ именемъ Пушкина. Но въ общемъ и цѣломъ учебникъ г. Линберга—отличная книга.

Для школъ и грамотнаго народа. Изданіе И. Ѡ. Жиркова. Москва, 1889—90 г. №№ 1—8. Отъ 3 до 5 коп. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ г. Жирковъ издалъ восемь брошюръ: *Испытанія доктора Исаака* г. Рубакина, *Пастухъ* г. Ламскаго, *Нить худа безъ добра* г. Жиркова, *На берегу моря* г. Б—скаго, *Спасибо отцу* г. Жиркова, *Эпитимія* г-жи Бажиной, *Отомстилъ* г. Тютчева и *Сопосанникъ и музыкантъ* его же. По вышнему своему виду брошюры эти нисколько не напоминаютъ тѣхъ листовокъ, которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ „народныхъ“ книжекъ и продаются офенями по деревнямъ и селамъ. Очевидно, г. Жирковъ намѣревается распространять свои изданія другимъ путемъ, не чрезъ офеней, на что, между прочимъ, указываетъ общее ихъ заглавіе *Для школъ и грамотнаго народа*. Но врядъ ли такимъ образомъ, т.-е. только черезъ школу, изданія его будутъ достигать дѣли такъ же непосредственно, какъ проникаютъ въ народъ книжки, продаваемыя офенями: деревенскій читатель преимущественно держится старинны, заведеннаго порядка, ему подавай книжку въ томъ видѣ, въ какомъ онъ привыкъ видѣть ее, въ силу чего эти новыя брошюры, изданныя безъ рисунка, въ простой обложкѣ, не будутъ имѣть успѣха у офеней. Это можно предсказать смѣло и безошибочно. Въ школахъ же, по существующимъ правиламъ, могутъ быть распространяемы книги, заслужившія одобреніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ чемъ мы видимъ только задержку для распространенія книгъ, ибо легко ли заручиться такимъ одобреніемъ? Въ виду этого, мы совѣтовали бы г. Жиркову не гнущаться офенями и брошюрамъ своимъ на будущее время придать тотъ видъ, къ какому деревенскій читатель привыкъ; отъ этого брошюры хуже не станутъ, а дѣло выиграетъ, ибо книжки пойдутъ въ народъ и найдутъ себѣ читателей. Тѣмъ болѣе это желательно, что изданіе г. Жиркова заслуживаетъ распространенія. Въ числѣ этихъ восьми книжекъ есть прекрасные рассказы. Какъ наилучшіе, отмѣтимъ *Отомстилъ* г. Тютчева и *Нить худа безъ добра* г. Жиркова. Какъ тотъ, такъ и другой заключаютъ въ себѣ гуманныя идеи, облеченныя въ изящную форму. Первый рассказъ—изъ военнаго быта, который автору, повидимому, извѣстенъ очень хорошо; въ солдатской читальнѣ онъ произведетъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ трактуемый сюжетъ близокъ военнымъ людямъ, а изложеніе доступно малограмотнымъ читателямъ; второй рассказъ—изъ охотничьей жизни; онъ очень мѣтко и остроумно указываетъ на дурныя стороны охоты, предпринимаемой ради одной только забавы, а не ради пропитанія. Наиболѣе слабыя (хотя еще и не совсѣмъ дурныя) рассказы—*Эпитимія* и *На берегу моря*. Въ общемъ, изданіе недурное, въ выборѣ замѣтенъ вкусъ; отпечатаны книжечки тщательно; цѣна имъ назначена очень невысокая. Нужно только, чтобы издатель принялъ мѣры къ ихъ.

распространенію—избралъ бы путь болѣе вѣрный, чѣмъ тотъ, ко-
 ому онъ идетъ теперь.

Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе)
Новая система для практическаго самоизученія русскаго
писанія. Знаки препинанія. Часть вторая. Составилъ по ру-
косту академіи наукъ В. Зелинскій. Москва, 1890 г. Цѣна 40 к.
 Во второй части своего *Зрительнаго диктанта* г. Зелинскій ос-
 вѣренъ принятому имъ способу, какъ и въ первой части: въ ней
 система, тотъ же планъ, тѣ же приемы и то же желаніе заставить
 учащаго совершенно *самодѣтельно* и *самостоятельно* изучить и
 ити правильную расстановку знаковь препинанія. Можно сказать
 болѣе: во второй части система проведена съ большою выдер-
 жкой, такъ что рѣшительно нечего возразить противъ распреде-
 ленія матеріала по тѣмъ тремъ отдѣламъ, которые находимъ здѣсь. Пре-
 имущественно на нѣкоторыя правила нѣсколько мало: укажемъ для
 случая примѣры на запятую между главнымъ предложеніемъ и от-
 личившимся къ нему какъ полнымъ, такъ и сокращеннымъ придаточ-
 нымъ предложеніемъ (стр. 7, отд. I); но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ
 что не всегда легко подыскать примѣры изъ произведеній лучшихъ
 образцовыхъ писателей и поэтовъ. Между тѣмъ, г. Зелинскій во
 второй части своего *Зрительнаго диктанта* уже не прибѣгаетъ болѣе
 какъ онъ дѣлалъ въ первой, къ сочиненію собственныхъ примѣровъ,
 и это слѣдуетъ поставить ему въ заслугу: подобные собственные
 примѣры, какъ уже сказано нами при разборѣ первой части („Библиотечка
Русской Мысли 1888 г., кн. V), рѣдко вразумительны и часто предстали-
 ютъ изъ себя наборъ словъ. Не сомнѣваемся, что вторая часть ра-
 бочаго учебнаго пособия получить такое же широкое распростране-
 ніе, какое получила первая.

Актон. Повѣсть изъ древней римской и греческой жизни. Е.
 Сысоевой. Изданіе второе, исправленное. Съ 2 рисунками. Изданіе
 книжнаго магазина П. В. Луновникова. Спб., 1890 г. Цѣна 50 к.
 Г-жа Сысоева составила свою повѣсть по Светонію, Кудрявцеву, За-
 гарпу, Лафону и Шмидту и, нельзя не отдать ей справедливости, соста-
 вила весьма добросовѣстно и умѣло. Картины изъ временъ ужаснѣйшаго
 царствованія Нерона проходятъ предъ читателями пестрымъ, живымъ
 рядомъ и даютъ имъ возможность прочитать повѣсть съ захватываю-
 щимъ интересомъ. Этому не мало помогаетъ и хорошій, чистый слогъ,
 которымъ написана повѣсть. Педагогичность такого рода книгъ (а изъ
 въ педагогической литературѣ не мало, напримѣръ: *Катакомбы* г-жи
 Евгеніи Туръ, *Два міра* г-жи Екатерины Бекетовой, *Фабиола* и др.),—
 педагогичность такихъ книгъ не подлежитъ сомнѣнію: юные читатели
 переносятся воображеніемъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда
 жили и дѣйствовали люди, которые, подъ вліяніемъ новыхъ для нихъ
 высшихъ христіанскихъ идей, совершали геройскіе подвиги, полные
 самоотверженія, убѣжденности и высоты духа; читая такія повѣсти,
 дѣти видятъ предъ собою достойные уваженія образы героевъ, готовыхъ
 ради своихъ неизмѣнныхъ убѣжденій на долгую и непосильную борьбу
 и выдерживающихъ эту борьбу безропотно, съ наслажденіемъ, которымъ
 награждаетъ ихъ сознаніе исполненнаго долга, какъ послѣднимъ утѣ-
 шеніемъ въ ихъ горькой мученической жизни. Читая такія книги и уве-
 рившись въ ихъ героями, дѣти не могутъ не испытывать сами того подъема
 духа, который такъ воспитательно дѣйствуетъ на развитіе благородныхъ
 стремленій въ юношескихъ сердцахъ. Вотъ, помимо многихъ достоинствъ

этой книги, соображеніе, которое заставляетъ насъ отнестись къ ней съ особеннымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣтской литературѣ нашей такъ мало книгъ, способныхъ служить къ подъему духа въ подроставшихъ поколѣніяхъ. Добавимъ еще, что цѣна второму изданію *Атлеса* значительно понижена противъ перваго и что книжка эта въ первомъ изданіи одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ что ничто не мѣшаетъ ей получить широкое распространеніе и дожидаться новыхъ, весьма для нея желательныхъ, изданій.

Давидъ Копперфильдъ младшій, его жизнь, приключенія, испытанія и наблюденія. Ч. Диккенса. Изданіе „Народной бібліотеки“ В. Н. Маракуева. Москва, 1890 г. Цѣна 1 руб. Не разбирать мы эту книгу хотимъ. Кому изъ образованныхъ читателей не извѣстенъ *Давидъ Копперфильдъ*, одинъ изъ лучшихъ романовъ Диккенса? И врядъ ли нашелся бы кто-нибудь, кто усомнился бы въ его серьезномъ педагогическомъ значеніи. Поэтому мы можемъ ограничиться тѣмъ, что укажемъ на новое изданіе, которымъ г. Маракуевъ не мало содѣйствуетъ популяризаціи этого замѣчательнаго произведенія: переводъ, сдѣланный съ нѣкоторыми сокращеніями текста, очень хорошъ, рисунки взяты изъ англійскаго изданія, бумага отличная, шрифтъ крупный и цѣна этого объемистаго тома въ 500 страницъ только рубль. Можно быть увѣреннымъ, что бібліотеки даже бѣднѣйшихъ школъ въ состояніи тратить на такую книгу, потому что она, даже при своей рублевой цѣнѣ, по при сравнительно большомъ объемѣ, оказывается дешевою книгой.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Педагогическій календарь на 1890—91 г. для учителей и воспитателей“. В. А. Воскресенскаго.—„Сельскій календарь на 1891 г.“. Я. Абрамова.

Педагогическій календарь на 1890—91 г. для учителей и воспитателей. Составилъ В. А. Воскресенскій. Изданіе „книжнаго склада“ А. М. Калмыковой (Литейный пр., д. № 60). Москва, 1890 г. Цѣна 20 коп. Въ справочной литературѣ нашей давно уже чувствуется потребность въ дешевомъ календарѣ для учителей. Достатки нашего сельскаго учителя слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы сомнѣваться въ томъ, что ему нуженъ календарь именно самый дешевый. Такой календарь и составленъ г. Воскресенскимъ: за 171 стр. большого формата и убористаго шрифта назначено только 20 коп. Относительно содержанія календаря можно сказать слѣдующее: кромѣ обще-календарныхъ свѣдѣній, находимъ въ немъ обширный бібліографическій отдѣлъ (журналы педагогическіе и дѣтскіе съ 1783 по 1889 г., указатель педагогическихъ статей за 1889 г., педагогическія книги за 1889 г., справочныя книги), затѣмъ двѣ статьи извѣстныхъ педагоговъ К. К. Сентъ-Илера (о школьныхъ музеяхъ) и К. Ю. Цируля (о ручномъ трудѣ) и программы. Такимъ образомъ, составитель блеснулъ двумя отдѣлами: бібліографическимъ и педагогическимъ; какъ бібліографія, такъ и статьи гг. Сентъ-Илера и Цируля придаютъ немалую цѣну содержанію календаря. Но страдаетъ въ немъ чисто-справочный отдѣлъ: официальныхъ свѣдѣній, касающихся педагогическаго дѣла и школьной жизни, въ календарѣ мало. Такъ, вовсе нѣтъ списка книгъ, одобренныхъ учеными комитетами за послѣдній годъ, тогда какъ таковой списокъ постоянно нуженъ учителямъ при выпискѣ книгъ для учебническихъ бібліотекъ;

нѣтъ адресовъ редакцій дѣтскихъ и педагогическихъ журналовъ; не приведено адресовъ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазиновъ, торгующихъ учебными пособиями (какъ Фену, Тяпкинь, Начальная школа, Сотрудникъ школы, Дѣтскій миръ, Мастерская учебныхъ пособій и др.); программъ помѣщено очень мало, а именно только программы низшихъ и среднихъ профессиональныхъ училищъ, а нѣтъ программъ учительскихъ институтовъ и семинарій, тогда какъ, кажется, гдѣ же, какъ не въ педагогическомъ календарѣ, искать справку о специально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ? Не будемъ, впрочемъ, строги къ этимъ проблѣмамъ, такъ какъ *Педагогическій календарь* г. Воскресенскаго издается еще только первый годъ, между тѣмъ какъ составитель обѣщаетъ ввести современемъ новые отдѣлы согласно потребностямъ своихъ читателей. За точное исполненіе этого обѣщанія достаточно ругается имя В. А. Воскресенскаго, по сіе время составившаго уже не мало прекрасныхъ педагогическихъ книгъ.

Сельскій календарь на 1891 годъ. Составилъ Яковъ Абрамовъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., Цѣна 20 коп. Четвертый годъ г. Павленковъ издаетъ *Сельскій календарь*, и съ каждымъ разомъ изданіе это совершенствуется, даетъ именно тотъ матеріалъ, который нуженъ деревнѣ, и въ такой формѣ, которая простотою своею дѣлаетъ сообщаемыя свѣдѣнія доступными каждому грамотному крестьянину. На этотъ разъ въ *Календарь* помѣщена біографія съ портретомъ нашего народнаго поэта А. В. Кольцова; къ ней приложено восемь его стихотвореній. Далѣе составитель *Календаря* взятими прямо изъ жизни примѣрами указываетъ на большую пользу „общественной закупки хлѣба“ какъ для прокормленія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не хватаетъ своихъ урожаевъ, такъ, въ особенности, на сѣмена. При арендованіи обществами помѣщичьихъ или казенныхъ земель, онъ совѣтуетъ устраивать обработку земли сообща, дабы предупредить неисправность платежа отдѣльныхъ хозяевъ, что нерѣдко губитъ все дѣло и вынуждаетъ владѣльцевъ предпочитать сдачу земли въ руки состоятельныхъ кулаковъ. Затѣмъ рѣчь идетъ объ устройствѣ артелей кустарей, о заведеніи въ селахъ общественныхъ быковъ, жеребцовъ, барановъ и крольчатъ. Этихъ послѣднихъ авторъ статьи называетъ „боровами“; это ошибка, могущая вызвать улыбку деревенскаго обывателя, такъ какъ „боровами“ называютъ производителей, назначаемыхъ на выкорки и на убой. За сѣмъ приложенъ списокъ полезныхъ для хозяевъ книгъ, съ указаніемъ, какъ ихъ приобрѣтать, что весьма важно для жителей деревни. Очень интересна статья: *Полынь—трава хотя и сорная, да полезна*. Въ ней понятно рассказано, какъ добывать изъ полыни, изъ мяты и изъ другихъ душистыхъ травъ ароматное масло и указанъ путь для сбыта этихъ продуктовъ. Еще важнѣе статьи о разведеніи глѣса, объ укрѣпленіи сыпучихъ песковъ и ихъ облѣсеніи, объ уборкѣ хлѣба въ ненастную погоду, объ истребленіи сусликовъ, о пчеловодствѣ, объ устройствѣ печей въ избахъ, о самодѣльныхъ молотилкахъ и вѣялахъ, о болѣзняхъ рогатаго скота. Хорошо составлены и какъ нельзя болѣе умістны въ *Сельскомъ календарѣ* статьи: *О томъ, какъ выкармливать грудныхъ дѣтей* и *Объ остоприиваніи*. Заканчивается календарь *Сводными о законахъ*, относящихся непосредственно къ деревенскому быту. Мы далеко не перечислили всѣхъ статей, вошедшихъ въ этотъ выпускъ *Сельскаго календаря*, составленный съ большимъ знаніемъ деревенскихъ нуждъ и, въ особенности, съ большою любовью къ дѣлу. Весьма желательно возможно широкое распространеніе этого полезнаго изданія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, сентябрь.

Вѣстникъ Европы, сентябрь. Въ прошлый разъ намъ приходилось отмѣчать въ *Вѣстникѣ Европы* повѣсть г. Потапенка *На дѣйствительной службѣ*; нынѣ приходится омять имѣть дѣло съ тѣмъ же авторомъ по поводу новаго очерка его въ *Вѣстникѣ Европы*—*Секретарь его превосходительства*. Молодой писатель вдругъ какъ-то сразу наполнилъ собою беллетристическій отдѣлъ нѣсколькихъ книжекъ *Вѣстника Европы* и *Севернаго Вѣстника*. И хорошее, и знаменательное явленіе. Хорошее потому, что въ послѣднее время уже начало казаться, будто беллетристическая нива окончательно зачахла, заглохла и густо заросла произведеніями какихъ-то Смирновыхъ, Шиловыхъ, поэмами Лядовыхъ и т. п., казалось, вотъ-вотъ угаснетъ здѣсь всякое дыханіе таланта; но нѣтъ, откуда ни возьмись, проявился г. Потапенко и хотя немного скрасилъ безнадежную унылость и скуку современнаго беллетристическаго пейзажа. Но, съ другой стороны, это же обстоятельство, т. е. что г. Потапенко явился чѣмъ-то вроде манны небесной для читателей двухъ толстыхъ журналовъ, печатающихъ его очерки, это само по себѣ свидѣтельствуеетъ о крайнемъ творческомъ затиханіи нашихъ дней. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы молодой авторъ былъ только Фомой на безлюдьи, —нѣтъ, онъ имѣетъ цѣну и самъ по себѣ, ибо г. Потапенко несомнѣнно писатель талантливый. Послѣдніе очерки его были бы замѣтны не только нынѣ, но и во всякое другое время, вслѣдствіе отличающаго ихъ оригинальнаго идейнаго замысла, вслѣдствіе свѣжести и непосредственности чувства. Мы хотимъ, однако, отмѣтить, что произведенія молодого автора, о которыхъ идетъ рѣчь, являются нынѣ въ нарочито выгодномъ для себя освѣщеніи, вслѣдствіе крайне сѣрыхъ тоновъ общebelлетристическаго фона названныхъ журналовъ, — фона, на которомъ они выступаютъ свѣтлыми пятнами. Ибо, съ другой стороны, если произведенія эти отмѣчены талантомъ, то пока еще такимъ, про который говорится, что онъ „весь въ будущемъ“. Ни размѣры художественнаго дарованія г. Потапенка, ни сущность его до сихъ поръ не опредѣлились съ достаточною ясностью, и ни одно изъ послѣднихъ произведеній его, несмотря на симпатичность общаго впечатлѣнія, не настолько цѣльно и значительно въ художественномъ отношеніи, чтобы создать автору ихъ прочную выдающуюся писательскую индивидуальность. Г. Потапенко стремится, очевидно, найти для выраженія своего таланта наиболѣе полную всестороннюю формулу, пробуя свои силы то въ томъ, то въ другомъ направленіи. По крайней мѣрѣ, три послѣднія повѣсти его, напечатанныя въ означенныхъ журналахъ, производятъ впечатлѣніе такихъ пробъ въ идеалистическомъ, юмористическомъ и психологическомъ родѣ, причемъ почти въ каждомъ случаѣ чувствуется крайняя сдержанность автора въ употребленіи данныхъ приемовъ, какъ бы собственная неувѣренность въ качества и вліяніи своихъ средствъ на читателя. И выходитъ, точно въ нихъ чего-то не хватаетъ. По всей вѣроятности, это умѣнье сдерживаться сослужитъ г. Потапенку въ будущемъ хорошую службу, когда талантъ его окрѣвнеть и выльется полнѣе въ одномъ какомъ-либо направленіи; но пока мы имѣемъ передъ собою разнообразныя начинанія, образцы хорошо задуманныхъ, но не уравновѣженныхъ внутренно вещей.

Такъ, въ идеалистической повѣсти г. Потапенка *На дѣйствительной*

службы, какъ мы уже говорили, лучшими страницами являются иногда реальныя, простыя картины изъ жизни мелкаго сельскаго духовенства. Этой повѣсти не хватаетъ силы лиризма, составляющаго неотъемлемую, необходимую принадлежность идеалистическихъ произведеній; съ другой же стороны, фантастичность условій и обстановки, въ которыхъ дѣйствуетъ герой повѣсти, лишаютъ ее того краснорѣчія жизненныхъ фактовъ, которое составляетъ силу реалистическаго изображенія. Впрочемъ, въ цѣломъ вся повѣсть такъ дышетъ одною возвышенною живою идеей, написана съ такою искренностью чувства, что оставляетъ цѣльное замѣтное впечатлѣнiе.

Новое произведенiе г. Потапенка *Секретарь его превосходительства* является по впечатлѣнiю болѣе блѣднымъ, нежели повѣсть о подвигахъ пона Кирилла, да и сюжетъ его далеко не представляетъ такого же интереса. Это сцены интеллигентнаго петербургскаго чиновника, умирающаго и въ конецъ пропадающаго со всею своею головою и способностями въ уродливой безтолковой хлопотѣ о чужихъ дѣлахъ, о чужихъ удобствахъ, т.-е. о дѣлахъ и удобствахъ своего превосходительнаго начальника и патрона. И изъ-за чего? Разныя бывають причины того, что люди зарываются въ неинтересную бумажную работу. Сообразно съ этимъ вырабатываются и существуютъ различные типы петербургской бюрократической армii. У иныхъ это дѣло призванiя, административныхъ способностей и вѣры въ историческую роль бюрократii въ Россii, внѣ рядовъ которой они не видятъ возможности прямого непосредственнаго воздѣйствiя на жизнь; у другихъ это дѣло простой привычки, рутиннаго идеала дѣятельности, всосаннаго чуть ли не съ молокомъ матери; для третьихъ чиновная служба — карьера, бюрократическое честолюбие; для четвертыхъ, наконецъ, она тяжелый, но единственно обезпечивающii ихъ способъ заработка. Какими же изъ этихъ побужденiй главнымъ образомъ руководствуются, поступаая въ чиновники, люди „съ высшими интересами, съ тонкими нервами, съ идеально-благородными стремленiями“, какъ рекомендуетъ своего героя-секретаря г. Потапенко? Едва ли кто будетъ оспаривать, что ими двигаютъ въ данномъ случаѣ первая и послѣдняя изъ указанныхъ нами причинъ. И въ настоящую минуту особенно послѣдняя, согласно нѣкоторому опредѣленному общественному закону. Всѣмъ извѣстно, что для работы интеллигентныхъ силъ, тѣмъ паче „идеально-благороднаго“ отгѣнка, существуетъ теперь поприще весьма ограниченное. Собственно говоря, спросъ на интеллигенцию у насъ, въ одно и то же время, и огромный, и ничтожный. Сколько разъ уже доказывалось, что, по размѣрамъ истинныхъ потребностей обширной страны, у насъ сравнительно съ Западомъ затрачивается чрезвычайно малое количество интеллигентнаго труда, и если бы пришлось употребить умственные и культурныя силы въ мiру такихъ дѣйствительныхъ потребностей, то силъ этихъ понадобилось бы во много разъ болѣе, нежели ихъ существуетъ въ данное время. А, между тѣмъ, вслѣдствiе крайней неавантажности даннаго товара и паденiя спроса на него. Лѣтъ 25—30 тому назадъ, при подъемѣ общественнаго и культурнаго роста, явился и болѣшii спросъ на интеллигентныя силы, отхлынувшiя тогда отъ административной среды на другiя поприща; но въ настоящую эпоху, застывшую на одномъ уровнѣ умственныхъ и культурныхъ потребностей, жизнь наша не требуетъ значительнаго приложенiя такого труда и способностей, и

приливъ послѣднихъ въ административную среду естественно увеличился. Поэтому у насъ давно перестали удивляться тому обстоятельству, что люди specialнаго образованія и specialныхъ дарованій, какъ врачи, писатели, инженеры и пр., идутъ или въ чиновники, или на иной трудъ того же характера, дѣлаютъ собственно чужое для нихъ дѣло: они дѣлаютъ его лишь бы имѣть честный трудъ и болѣе или менѣе сносный заработокъ.

Но этимъ ли приливомъ занесло въ указанную среду героя г. Потаненка, чиновника Погонкина? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, что этотъ способный, съ высшими стремленіями молодой человекъ движется, повидимому, самымъ заправскимъ мелкимъ чиновнымъ честолюбиемъ, стремленіемъ поскорѣе вылѣзти на верхъ административной лѣстницы, сдѣлаться въ свою очередь „превосходительнымъ“, для того, чтобы быть самостоятельнымъ и затѣмъ ужъ книжки читать и хорошую музыку слушать. Для достиженія этой цѣли Погонкинъ и ухватился за полу „его превосходительства“, поэтому онъ и не довольствуется своимъ мѣстомъ, а дѣлается specialнымъ личнымъ секретаремъ своего начальника и исполняетъ для него и за него массу разнообразныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Онъ управляетъ его домами, рассчитываетъ дворниковъ и рабочихъ, пишетъ за него бумаги и доклады въ комиссіи, сочиняетъ ученые рефераты, которыми „его превосходительство“ бластаетъ въ ученыхъ обществахъ и, наконецъ, прямо-таки дѣлаетъ, въ услугу начальнику, разныя некрасивыя дѣлишки, къ которымъ самъ же относится съ омерзѣніемъ. А какова цѣна всего этого холопскаго усердія?— „Его превосходительство очень, очень доволенъ!...“—сіяетъ секретарь по возвращеніи съ неблаговиднаго предпріятія. „Представьте себѣ, не успѣлъ я войти къ нему, какъ онъ: „Поздравляю васъ съ производствомъ!“ Понимаете? Въ слѣдующій чинъ! Такъ быстро! Въдѣ, а въ прошломъ году только произведенъ... Вотъ что значитъ секретарство!... Да-съ“...

Благодаря этой двойственности, вовсе не представляющагося органической для выведеннаго лица, образъ „секретаря“ г. Потаненка производитъ смутное впечатлѣніе и вовсе не является типическимъ, какимъ кажется сначала. Интеллигентность этого бьющагося какъ рыба объ ледъ въ тѣнѣтахъ безмысленной дѣятельности человека обрисована довольно натаануто и растануто. Слишкомъ много повторно говорится въ очеркѣ о мученичествѣ умнаго, прекраснаго и порядочнаго человека, слишкомъ часто жалѣютъ и соболѣзнуютъ о немъ всѣ хорошіе люди въ рассказѣ. Между тѣмъ, все это не производитъ желаемаго впечатлѣнія, и читатель нисколько не страдаетъ ни „мученичеству“ этого ловкаго, готоваго на всѣ руки господина, ни его трагическому исчезновенію съ секретарскаго поприща по случаю внезапной кончины, заганчивающей очеркъ.

Но если фигура главнаго дѣйствующаго лица представляется не совсемъ удачною, неясной, въ очеркѣ все же есть много мѣткихъ штриховъ и тонкихъ наблюденій, вполне характерныхъ для выведенной среды. Къ нимъ относятся одна важная черта изображаемаго быта, правда, не вполне рельефно, но, все-таки, затронутая очеркомъ. Не бумажная работа, не составленіе докладовъ, отчетовъ и рефератовъ, или, по крайней мѣрѣ, не только это, какъ принято говорить, высасываютъ мозгъ изъ интеллигентнаго рабочаго департаментской среды, ломаютъ его самостоятельность и вѣрность взгляда, но и нравы ея среды, самый духъ сложившихся отношеній. Они-то и дѣлаютъ даже изъ чело-

вѣка высшихъ стремленій и образованія обыкновеннаго зауряднаго Погонкина, т.-е. человѣка, котораго ежечасно погоняють, которымъ распоряжаются, какъ пѣшкой. Главная заповѣдь данной среды—исполнительность, и Погонкинъ именно беретъ этимъ драгоценнымъ качествомъ въ тысячу разъ болѣе, нежели своими способностями и умомъ. Въ него съ годами вѣлось это холопское чувство постоянной зависимости и униженности, и, несмотря на всю свою интеллигентность, онъ не лишенъ нѣкоторой дозы трепетнаго подобострастія. Секретарь презираетъ „дѣла“ и ненужные рефераты, заказываемые патрономъ, но это не мешаетъ ему исполнять механически заданную работу безъ малѣйшихъ возраженій, ибо онъ не смѣетъ свое сужденіе подать. Онъ заочно смѣется надъ честолюбивымъ, скучнымъ и требовательнымъ сановникомъ, но лицо его сразу принимаетъ самое почтительное выраженіе, даже когда онъ слышитъ голосъ этого сановника, отдающій ему по телефону разные приказанія. „Среди закусокъ у секретара важную роль игралъ лосина—результатъ недавней охоты его превосходительства,—которую мы ѣли уже три недѣли и которая намъ смертельно надоѣла. Но Погонкинъ вскій разъ торжественно рекомендовалъ намъ ее, какъ замѣчательное блюдо, и прибавлялъ:

„— Это мнѣ преподнесъ его превосходительство въ знакъ своего расположенія!

„Эту фразу онъ произносилъ съ ироніей, но видно было, что онъ очень цѣнилъ этотъ знакъ расположенія его превосходительства“... Мелкій, но очень характерный штрихъ...

Второстепенные силуэты очерка, принадлежащіе къ числу тоже петербургской интеллигенціи, но уже совсѣмъ „безъ опредѣленныхъ занятій“, являютъ собою много типичнаго. Обрисовка условій, благодаря которымъ еще какъ-никакъ кормится, иногда въ столицѣ, эта интеллигентная голытьба, тайны пружины иныхъ громкихъ дѣловыхъ „отчетовъ“, ихъ родословная, ихъ судьбы въ чиновномъ вертоградѣ, — все описано г. Потапенко не безъ таланта и живаго юмора.

Во время дню „его превосходительства“ привезъ изъ ревизіи три вагона матеріаловъ, изъ которыхъ долженъ быть составленъ докладъ нарочито для сего назначенной комиссіи. Въ концѣ-концовъ, комиссія упраздняется, докладъ не читается, „его превосходительство“ выходитъ въ отставку и единственная польза отъ трехъ вагоновъ матеріаловъ оказалась въ томъ, что они въ теченіе нѣкотораго времени прокормили группу интеллигентныхъ пролетаріевъ: ветеринаровъ, студентовъ, которымъ нечего было ѣсть. Эти новые варяги были призваны разработать матеріалъ. Они раздѣлывали его статистически, изображали графически, проникали ролью государственныхъ дѣателей, чтобы представить „подавляющій, потрясающій“ отчетъ, который, какъ того желало „его превосходительство“, затмилъ бы отчеты всѣхъ его соперниковъ и положилъ въ лоскъ отъ удивленія членовъ комиссіи. Методъ этихъ новыхъ статистиковъ, которые должны умѣть приспособляться ко всякой работѣ, былъ довольно простъ. „Мы забирались въ городъ Неплюйскъ и смотрѣли, сколько въ немъ гласныхъ. Въ Неплюйскѣ ихъ было 30. Тогда мы начинали раздѣлывать эту цифру на всѣ корни. Мы дѣлили ихъ на мѣщанъ, дворянъ, кунцовъ и прочія сословія, и вычисляли процентныя отношенія ихъ между собою. Главное тутъ было, чтобы вышло сто, въ этомъ была вся работа, и мой пріятель и помощникъ Рашидовъ сначала никакъ не могъ приспособиться къ этому условію.

„— Вольдемаръ, тутъ, братъ, не выходитъ ста, а только 97!—тревожно сообщалъ онъ мнѣ.

„Я просматривалъ его выкладки и убѣждался, что *сто* не выходитъ по весьма законной причинѣ: не хватаетъ одного гласнаго. Всѣхъ-то ихъ тридцать, а по сословіямъ набирается всего 29. Другой на моемъ мѣстѣ почувствовалъ бы себя въ затруднительномъ положеніи, но я, въ качествѣ гения приспособляемости, сейчасъ же нашелся.

„— Всади куда-нибудь еще одного гласнаго!—рекомендовалъ я.

„— Куда же? Въ мѣщане, дворяне, купцы или прочія сословія?—спрашивалъ Рапидовъ, который очень былъ еще далекъ отъ постиженія моей системы.

„— А ты погадай на пальцахъ!

„— Какъ на пальцахъ?

„— А такъ, какъ обыкновенно гадаютъ. Указательный перстъ правой руки поверти вокругъ такового же лѣвой, потомъ разведи ихъ, закрой глаза и сомни.

„— Что же это будетъ за статистика?—недоумѣвалъ Рапидовъ, который вообще смотрѣлъ на вещи ужасно серьезно.

„— Что дѣлать? Тамъ, гдѣ Иванъ Ивановичъ не далъ точныхъ свѣдѣній, надо прибѣгать къ услугамъ судьбы. Вотъ погадай и увидишь, что непременно что-нибудь выйдетъ.

„Рапидовъ гадалъ. Сначала на дворянъ пальцы разошлись, потомъ на мѣщанъ—тоже, на купцовъ пальцы благополучно встрѣтились.

„Ну, слѣдовательно, сей недостающій гласный былъ купецъ!

„Рапидовъ записывалъ его въ купцы и такимъ образомъ добивался желанныхъ *ста* процентовъ“.

Подобный добродушный, чисто-малороссійскій юморъ сопровождаетъ многія страницы очерка; онъ-то, этотъ юморъ, скрашиваетъ мѣстами скучный рассказъ и придаетъ всему очерку своеобразный отпечатокъ. Жаль только, что порою юморъ переходитъ здѣсь въ нѣкоторый шаржъ, неоправдываемый замысломъ очерка. Тѣмъ не менѣе, судя по настоящему и по нѣкоторымъ раннимъ произведеніямъ г. Потапенка, можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что именно въ развитіи юмористическаго таланта автора, если онъ дастъ ему волю, заключается тотъ настоящій путь, который выработаетъ г. Потапенка опредѣленную выдающуюся литературную физиономію.

Если *Секретарь* г. Потапенка теряетъ отъ излишней своей растянутости, то все же онъ является перломъ интереса художественной мѣры и оригинальности въ сравненіи съ *Добановицкой*, необъятнымъ романцемъ г. Шилова. Намѣренія г. Шилова весьма почтенныя: онъ стремится добросовѣстно и отчетливо представить жизнь-маюту одной крестьянки, отъ колыбели и (повидимому) до могилы, со всею подробною обстановкой этого существованія. Формула жизни героини г. Шилова,— это общая формула жизни большинства женщинъ деревни, именно: вѣчный трудъ, вѣчное терпѣніе, вѣчное униженіе. Но, чтобы какъ слѣдуетъ освѣтить безконечно-однообразную по фактамъ жизнь крестьянки, для того, чтобы вызвать интересъ къ извѣстному быту, миллионъ разъ описанному въ такомъ видѣ, какъ его изображаетъ авторъ, для того, чтобы, наконецъ, разобраться въ однородномъ сыромъ матеріалѣ, трудолюбиво собранномъ г. Шиловымъ, необходимо нѣчто болѣе, чѣмъ одна добросовѣстность и благія намѣренія. Именно для изображенія повседнежнаго, мелочнаго и несложнаго нужны болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, недюжинныя творческія силы и большое художественное чутье,— иначе получит-

ся скучная, тягучая хроника всёю знакомой деревенской повседневности, какою является *Добановщина* г. Шилова, еще далеко не конченная, но уже преподнесенная читателю въ трехъ книгахъ *Вѣстника Еероты* въ количествѣ 26 обширныхъ главъ. Въ такомъ увѣсистомъ видѣ, разумѣется, врядъ ли многие даже изъ интересующихся жизнью деревни одолѣютъ романъ г. Шилова. И это будетъ отчасти жаль, потому что мѣстами описательное повѣствованіе добросовѣстнаго автора вызываетъ на размышленіе, на сопоставленіе ходячихъ мнѣній съ нѣкоторыми фактами деревенской жизни.

По самому характеру темы г. Шилова, въ романѣ очень подробно рисуется картина семейныхъ отношеній. Она не нова и, тѣмъ не менѣе, опять и опять производитъ тяжелое впечатлѣніе: эта картина взаимнаго недовѣрія, меркантильныхъ расчетовъ и попрековъ, мелочной тирании стариковъ. Самое то, что авторъ медленно и подробно пересказываетъ всю ругань, попреки и старческое безпутное брѣзжаніе патриарховъ крестьянской семьи, вызываетъ въ читателѣ жуткое чувство,—до какой степени могутъ тупымъ ножомъ испилить живую человѣческую душу семейные нравы деревни. Немудрено, что они-то часто гонятъ измученную личность вонъ изъ деревни на просторъ „своей волюшки“, которую даетъ ей городъ. Между тѣмъ, обыкновенно причиною подобныхъ побѣговъ и засасыванья городомъ деревенской души принято считать исключительно приманка городской „цивилизаци“, которая кружитъ слабыя головы деревенскихъ обитателей и этихъ отрываетъ ихъ отъ деревни. Въ романѣ г. Шилова бредитъ городомъ и бѣжать въ него, само собою разумѣется, ядащій безпутный парень, который, вкусивъ однажды гнилыхъ плодовъ городской „цивилизаци“, не могъ уже послѣ этого жить въ деревнѣ у семейнаго очага. Съ легкой руки извѣстнаго чуранья „цивилизаци“, разсадникомъ которой служить городъ, это—обычный, вполне заѣзженный приемъ множества беллетристическихъ произведеній и хроникъ деревенской жизни. Постоянно изображаются здѣсь ядащіе, слабохарактерные мужики и бабы, падкіе до „легкой жизни“ и ядовитыхъ приманокъ города и продающіе за нихъ свою душу. Пусть такъ. Но сколько же и сильныхъ, здоровыхъ нравственно, стойкихъ членовъ деревни покидаютъ ее, гонимые деспотизмомъ семейныхъ отношеній и деревенскаго общественнаго мнѣнія, исполненнаго во многомъ отжившихъ взглядовъ и предрассудковъ! Сама героиня романа г. Шилова, представляющая во всѣхъ отношеніяхъ идеальную деревенскую личность, едва-едва выдерживаетъ ничѣмъ незаслуженную семейную ваторгу. Это положеніе вещей напоминаетъ извѣстный разладъ „отцовъ и дѣтей“, не такъ давно еще волновавшій наше общество, когда „дѣти“ тоже бѣжали изъ патриархальныхъ гнѣздъ въ города и окунались съ головой въ „цивилизацию“; когда „отцы“ тоже объясняли это законное общественное явленіе ничѣмъ инымъ, какъ идейнымъ развратомъ, идейною заразой городовъ. И виновата ли цивилизаци въ томъ, что несчастныя деревенскія „дѣти“, ищущія въ городѣ воли и самостоятельности, встрѣчаютъ въ немъ не лекціи, аудиторіи, нравственную и всякую поддержку, какъ „дѣти“ бывшихъ дворянскихъ гнѣздъ, а лишь мишурные отбросы культуры и всякія западни, измышленныя для ихъ эксплуатаціи? Жаль, что хроника, подобная роману г. Шилова, почти никогда не отражаетъ этихъ вопросовъ современной деревенской жизни, а пробавляются одними готовыми шаблонами.

Г. Окольскій продолжаетъ знакомить читателей *Вѣстн. Еер.* съ

положеніемъ вопроса о среднемъ образованіи въ западныхъ странахъ Европы.

Защитники ультра-классицизма, полагающіе идеалъ средняго образованія въ наибольшемъ количествѣ занятій древними языками, начиная съ самаго ранняго школьнаго возраста, указываютъ постоянно на примѣръ Германіи, гдѣ пока еще тратится на древніе языки большое количество учебныхъ часовъ; согласно ихъ взглядамъ, „реформа“ гимназическаго образованія должна была бы состоять въ еще болѣе усиленномъ грамматическомъ изученіи древнихъ языковъ со всѣмъ сопровождающимъ подобную систему глубокимъ обособленіемъ классической гимназіи отъ всѣхъ другихъ школъ низшаго и средняго разряда. Между тѣмъ, въ самой Германіи односторонность классическаго образованія и то обстоятельство, что гимназія обратилась въ какое-то спеціальное заведеніе, не состоящее ни въ какой связи, съ одной стороны, со школою народной, съ другой—со школами реального типа, такое положеніе вещей разсматривается уже какъ нѣчто устарѣлое, несогласное съ требованіями современной науки и культуры. Для многихъ представителей передовой нѣмецкой педагогикі образцомъ является не свое, нѣмецкое, устройство среднеучебныхъ заведеній, а шведское: шведскія гимназіи, шведскіе порядки, значительно расходящіеся съ системою образованія въ остальной Европѣ.

Въ настоящей своей статьѣ г. Окольскій, со свойственными ему обстоятельностью и знаніемъ дѣла, рассказываетъ именно объ устройствѣ гимназій въ Швеціи. Эта страна, достигшая въ устройствѣ своего средняго образованія того, что считается въ этомъ отношеніи передовою и является идеаломъ для Германіи, въ свою очередь не почтеть на лаврахъ; она стремится къ усовершенствованію своей системы, и тоже поэтому находится наканунѣ реформы, подготовленной правительствомъ въ томъ направленіи, чтобы придать всему образованію еще болѣе стройности и практической пользы.

Съ самаго начала XIX в. и во все продолженіе его Швеція не переставала улучшать свою среднюю школу, стремясь привести ее въ уровень съ духомъ новаго времени. Въ иныхъ отсталыхъ странахъ подобная школьная политика не преминула бы вызвать со стороны школьныхъ рутинеровъ нареканія и воли, ибо во всякомъ усовершенствованіи они способны видѣть ничто иное, какъ вредную ломку, и поэтому умышленно закрываютъ глаза на всѣ ошибки и темныя стороны односторонне сложившихся школьныхъ порядковъ, лишь бы все осталось по-старому, согласно съ ихъ узкими педагогическими воззрѣніями. Не то въ Швеціи. Здѣсь не проходило почти ни одного десятилѣтія, чтобы не производились какія-либо измѣненія въ существующей системѣ въ смыслѣ развитія началъ, положенныхъ тамъ издавна въ основу средняго образованія,—началъ, которыя именно служатъ теперь desiderata для просвѣщенныхъ германцевъ. Начала эти заключаются въ однородности шведскихъ гимназій, которыя общи для всей учащейся молодежи, въ отсутствіи исключительной гегемоніи обонхъ древнихъ языковъ, изученію которыхъ, къ тому же, обязательно предшествуетъ обученіе одному новому языку, и, наконецъ, въ отсутствіи обособленности гимназіи отъ народныхъ училищъ, съ которыми она по программѣ низшихъ классовъ сохраняетъ тѣсную связь.

Въ Швеціи существуетъ одно общеобразовательное училище—гимназія, въ которой учатся одинаково всѣ, готовящіеся къ высшему образованію, какъ на всѣхъ университетскіе факультеты, такъ и въ высшіи

реальныя заведенія. Все отличіе тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ только, что одни обучаются отдѣльно въ извѣстные часы древнихъ языкамъ, другіе же особымъ наукамъ, ибо въ шведской гимназій существуетъ классическая и реальная „линіи“. Нижшіе три класса шведскихъ гимназій, составляя общую основу образованія, общи для учениковъ какъ реальной, такъ и классической линіи. Кромѣ того, въ нихъ, вмѣсто чуждаго и труднаго обученія древнимъ языкамъ, введено болѣе легкое обученіе живому и родственному шведамъ языку нѣмецкому, въ котораго, притомъ, ученики могутъ извлечь практическую пользу. За исключеніемъ нѣмецкаго языка, который служить удобною переходною ступенію для изученія древнихъ языковъ въ слѣдующихъ классахъ, вся остальная программа первыхъ классовъ шведскихъ гимназій та же, что и шведскихъ народныхъ училищъ. Вслѣдствіе этого, въ Швеціи нѣтъ громадной пропасти между низшимъ и среднимъ образованіемъ, которая въ другихъ странахъ закрываетъ даровитымъ личностямъ изъ народа всякую возможность получить когда-либо среднее и высшее образованіе. Затѣмъ, въ двухъ среднихъ классахъ шведскихъ гимназій начинается раздѣленіе на латинскую и реальную линіи, ибо одни учатся здѣсь латинскому, а другіе англійскому языку, но за то всѣ остальные предметы, въ томъ числѣ и естественныя науки, продолжаютъ быть общими. Такимъ образомъ, шведская гимназія составляетъ въ пяти нижнихъ классахъ однородное училище и полное раздѣленіе на классическій и реальный курсъ проведено въ ней только въ четырехъ высшихъ. Здѣсь на линіи классической, кромѣ латинскаго, изучается еще греческій, а на линіи реальной усилены математика и естественныя науки. Но и на классической линіи греческій языкъ не является обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. Оба древніе языка требуются лишь для будущихъ богослововъ и философовъ. Поступающіе же на три остальные факультета, т. е. будущіе медики, юристы, чиновники и учителя, обучаются въ гимназій на линіи классической *B*, гдѣ проходитъ только латинскій, безъ греческаго. Ученики же реальной линіи поступаютъ въ высшія техническія и военныя училища.

Таково въ общихъ чертахъ устройство однородной шведской гимназій. Однородность эта имѣетъ то огромное преимущество, что учащіеся и родители могутъ сдѣлать выборъ будущихъ занятій только тогда, когда послѣ пребыванія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ школѣ обнаружилось съ большою достовѣрностью, къ чему у ученика есть способность или наклонность. Удобства этого, какъ извѣстно, не существуетъ тамъ, гдѣ есть отдѣльныя классическія и реальныя училища, гдѣ, вслѣдствіе того, выборъ этотъ надо сдѣлать слишкомъ рано, въ ущербъ умственному развитію и во вредъ для матеріальныхъ интересовъ родителей и учениковъ. Нечего распространяться о выгодахъ значительнаго ограниченія преподаванія древнихъ языковъ, а то обстоятельство, что лингвистическою основой образованія сдѣланъ живой языкъ (въ данной странѣ нѣмецкій), дало прекрасные результаты, побудившіе Норвегію ввести у себя такую же систему.

Новѣйшее движеніе въ школьномъ вопросѣ въ Швеціи направлено къ еще болѣшему уравниванію правъ новыхъ языковъ съ древними къ ограниченію роли послѣднихъ и въ отношеніи прохожденія университетскаго курса. Г. Окольскій приводитъ рядъ мнѣній выдающихся людей разныхъ профессій, — мнѣній, которыя сводятся къ развѣнчанію роли латинскаго языка въ классическомъ образованіи, ибо послѣднее нивонимъ образомъ не должно быть смѣшиваемо съ наукой древнихъ языковъ.

Постоянными стремленіями шведскаго правительства улучшать систему средняго образованія сообразно съ требованіями времени привело въ послѣдніе годы къ учрежденію комиссіи и къ составленію новыхъ проектовъ, которые представлены будутъ на разсмотрѣніе ближайшей сессіи шведскаго парламента. Мы не станемъ приводить главныя черты предполагаемой реформы въ Швеціи, ибо реформа эта является цѣлесообразнымъ развитіемъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу шведскаго средняго образованія, а начала эти сами по себѣ представляютъ еще далекій идеалъ для тѣхъ, кого знакомить съ ними статья г. Окольскаго.

П О П Р А В К А.

Въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ августовской книжки *Русской Мысли* въ отзывѣ о книгѣ г. Пономарева вкрались двѣ опечатки: на стр. 382, строки 6 и 7 снизу, напечатано: „(что обѣщается въ предисловіи *Песочныя земли* стр. 4) и принадлежать съ совершенно неудачнымъ выраженіемъ“; должно быть: „(что обѣщается въ предисловіи). *Песочныя земли* (стр. 4) принадлежать къ совершенно неудачнымъ выраженіямъ“. На стр. 388, строка 4 сверху, вмѣсто „понимающимъ читателямъ“, должно быть: „начинающимъ читателямъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. Книги.

	Стр.
Веллетристика: „Сочиненія“ <i>кн. Д. П. Горчакова</i> .—„Не убій!“ <i>Кн. Дн. Голыцина (Муравлина)</i> .—„На юг!“ <i>И. Волгина</i>	455
Критика и публицистика: „Критико-біографическій словарь русских писателей и ученых“. <i>С. А. Венерова</i> .—„Несчастіе“. <i>В. Н. Никитина</i> .—„Успѣхи и радости жизни“. <i>Дж. Лѣббока</i>	459
Философія и психологія: „Вопросы философии и психологии“.—„La civilisation et le grandes fleuves historiques“ <i>par Léon Metchnikoff</i> .—„Гемезисъ науки, ея принципы и методы“. <i>И. С. Андреевскаго</i>	461
Исторія и мемуары: „Историческій обзоръ Туркестана“. <i>А. И. Макишевскаго</i> .—„Русскіе писатели и артисты“. <i>А. Я. Головачевой-Панаевой</i>	465
Политическая экономія и статистика: „Основныя начала финансовой науки. <i>Янжула</i> .—„Меліорационный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ“. <i>И. С. Блюза</i> .—„Статистическій сборникъ Саратовской губ.“. <i>Ф. С. Шиманскаго</i> .—„Статистика близости населенія Московской губ.“. <i>Е. Л. Осипова</i> .—„Красноярскій округъ Енисейской губ.“. <i>Н. В. Латкина</i> .—„Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.“. — „Die Verstaatlichung der Eisenbahnen in Ungarn von Noményi“. — „L'assistance publique en Allemagne“ <i>par Le Roy</i>	466
Юридическія книги: „Лекціи по русскому уголовному праву“. <i>Н. С. Такачскаго</i> .—„Сочиненія“ <i>В. Д. Спасовича</i>	473
Языковѣдѣніе: „Полибіи“. <i>Перев. Ф. Г. Мещенка</i> .—„Федеративная Еллада и Полибіи“. <i>Ф. Г. Мещенка</i> .—„Оды и эподы“. <i>Гораций</i> .—„Избранныя оды“ <i>Горация</i> .—„Пронзведенія“ <i>Зеритида</i> .—„Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. <i>Штриммера</i> .—„Очеркъ средневѣковой гѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба гѣсни о Нибелунгахъ“. <i>И. Созоновича</i> .—„Каллиахъ и Димнахъ“. — „Dvě povídky v české literaturze XV stol.“. <i>D-r Jirší Poliška</i> .—„Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“.—„Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи“. <i>А. Камскаго</i>	476
Естествознаніе: „VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ“.—„Въ чемъ сила жизни?“ <i>Эльме</i> .—„Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ“. <i>Э. Регеля</i> .—„Естественная исторія насѣкомыхъ“. <i>Н. А. Холодковскаго</i>	484
Учебники и дѣтскія книги: „Краткіе очерки классической миеологии для учащихся обоюго пола“. <i>Брамсона</i> .—„Учебный атласъ всеобщей географіи“. <i>А. Линберга</i> .—„Учебникъ географіи Россіи“. <i>Его же</i> .—„Для школъ и грамотнаго народа“. <i>Изд. И. Ф. Жиркова</i> .—„Зрительный диктантъ“. <i>В. Землинскаго</i> .—„Алгеа“. <i>Е. Сосоговой</i> .—„Давидъ Копперфильдъ“. <i>Ч. Диккенса</i>	487
Справочныя книги: „Педагогическій календарь на 1890—91 г. для учителей и воспитателей“. <i>В. А. Воскресенскаго</i> .—„Сельскій календарь на 1891 г.“. <i>Я. Абрамова</i>	491

ІІ. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, сентябрь.	493
--------------------------------------	-----

	<i>Стр.</i>
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	203
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. В. Шелгунова	211
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Сельское хозяйство и протекціонизмъ.— Министерство земледѣлія.— Переселенческое дѣло.— Первые извѣстія о земскихъ начальникахъ.— Признаніе правъ женщинъ-врачей.— Аптекарскій вопросъ.— Электротехническій институтъ.— Почтовые сберегательныя кассы.— О денежныхъ переводахъ черезъ почту и нѣкоторыхъ порядкахъ.— Сибирская дорога	232
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Сестры Саморукоты</i> , драматическій этюдъ въ 3 картинахъ; <i>Старая сказка</i> , ком. въ 4 дѣйствіяхъ П. П. Гябдича; <i>Симфонія</i> , ком. въ 5 дѣйствіяхъ Модеста Чайковского. — Ам.	256
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Критика и публицистика.— Философія и психологія.— Исторія и мемуары.— Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Языкознаніе.— Естествознаніе.— Учебники и дѣтскія книги.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь.	455

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1891 годъ

(двѣнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 »	7 »	3 » 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.**

NOV 23 1951

TCLF (N)

LIBRARY USE MAR 20 '86

LD 21-95m-7,'37